ПК
50
С-89
т.2

Судебная
реформа
М., 1915

Государственная публичная историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №
ПК50 С-89	632079 № тома 2
Количество страниц или листов текста	311 стр.
Количество иллюстраций таблиц, карт и т. п.	5 портр.: П.Д. Киселева, О.И. Квист, Н.А. Некрасова, В.В. Давыдова, П.Н. Грекова
Дефекты	
Примечания	
Дата составления паспорта	8 декабря 1992

Зак. 42 - ГПИБ.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

подъ редакціей

Н. В. ДАВЫДОВА и Н. Н. ПОЛЯНСКАГО

при ближайшемъ участіи: М. Н. ГЕРНЕТА, А. Э. ВОРМСА,
Н. К. МУРАВЬЕВА и А. Н. ПАРЕНАГО.

Книгоиздательство „ОБЪЕДИНЕНІЕ".
Москва, Моховая, 20.
1915.

ПК
50
С89

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

подъ редакціей

Н. В. ДАВЫДОВА и Н. Н. ПОЛЯНСКАГО

При ближайшемъ участіи: М. Н. ГЕРНЕТА, А. Э. ВОРМСА,
Н. К. МУРАВЬЕВА и А. Н. ПАРЕНАГО.

Томъ II.

Книгоиздательство „ОБЪЕДИНЕНІЕ".
Москва, Моховая, 20.
1915.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
632079

Въ изданіи приняли участіе слѣдующія лица:

Б. Н. Базилевъ, В. Н. Бочкаревъ, Л. А. Виноградовъ, А. Э. Вормсъ, проф. *М. Н. Гернетъ,* проф. *В. М. Гессенъ, І. В. Гессенъ,* проф. *С. К. Гогель,* доц. *Д. М. Генкинъ,* проф. *Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ,* проф. *А. А. Жижиленко,* проф. *А. В. Завадскій,* проф. *Н. А. Заозерскій,* доц. *М. Д. Загряцковъ,* акад. *А. Ѳ. Кони, А. Р. Ледницкій,* проф. *П. И. Люблинскій, В. С. Малченко, А. М. Мелкихъ, Н. К. Муравьевъ, В. Д. Набоковъ, С. П. Ордынскій, А. Н. Паренаго,* прив.-доц. *В. Д. Плетневъ, Н. Н. Полянскій,* сенаторъ *В. К. Случевскій,* доц. *Б. И. Сыромятниковъ, Н. В. Тесленко,* проф. *Г. Г. Тельбергъ, А. Н. Трайнинъ, И. С. Урысонъ, В. Н. Челищевъ,* проф. *М. П. Чубинскій,* проф. *В. Н. Ширяевъ.*

Поставщикъ двора Его Величества
т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
Типографный пр. собственн. домъ

Судъ и права личности.

I

Государственное и личное начала въ судѣ. Государственная опека надъ правами личности и судебная защита ихъ. Усиленіе общественнаго начала. Личность и общество. Три вида личныхъ правъ. Постепенное распространеніе на нихъ судебной защиты.

Идея правосудія въ сознаніи народовъ всегда была окружена ореоломъ особаго величія. Въ то время какъ законодательство и администрація являлись проводниками опредѣленныхъ «интересовъ», поприщемъ для борьбы «политическихъ идей» и «орудіемъ подчиненія» для властвующихъ, судъ, какъ онъ рисуется въ своемъ идеальномъ построеніи, былъ храмомъ, гдѣ умолкалъ голосъ сильнаго и звучалъ лишь голосъ права и совѣсти. Въ основаніи законодательной и административной дѣятельности лежитъ преслѣдованіе опредѣленныхъ общихъ задачъ, мѣняющихся съ измѣненіемъ государственнаго строя, въ основѣ же дѣятельности суда всегда лежитъ одна задача—доставленіе населенію безпристрастнаго посредника при спорахъ о правѣ, достаточно авторитетнаго, чтобы противостоять домогательствамъ различныхъ заинтересованныхъ лицъ или группъ. Судъ, въ отличіе отъ другихъ органовъ, всегда имѣетъ дѣло съ конкретными интересами, съ отдѣльными людьми или группами. Если результатомъ господства права является установленіе извѣстнаго порядка соціальныхъ отношеній, то господство правильнаго суда даетъ этому порядку особую устойчивость и прочность и связываетъ это право со всевозможной дѣятельностью людей.

По существу идея суда стоитъ обособленно отъ государства. Судъ есть явленіе, связанное только съ правомъ. Онъ стоитъ внѣ государства, а порою и надъ нимъ. Лишь расширеніе области оффиціальнаго права влечетъ за собою постепенное вторженіе государственнаго начала въ отправленіе правосудія. Стремясь стать властнымъ, судъ ищетъ сближенія съ государственной принудительной властью и становится одною изъ функцій ея—властью судебною. Признаніе государства монополистомъ принужденія

приводитъ къ постепенному разрушенію неоффиціальныхъ формъ суда. Но все же, несмотря на это, и понынѣ государственное начало суда проникло не во всѣ области, и на ряду съ государственнымъ судомъ существуютъ суды третейскіе, товарищескіе, профессіональные, неорганизованный, но сильный судъ общественнаго мнѣнія и пр.

Воспринявъ судъ, какъ одну изъ функцій своей власти, государство, въ періоды энергичной борьбы за утвержденіе своей власти, часто стремилось сдѣлать его, какъ и всѣ другіе свои органы, орудіемъ закрѣпленія своихъ интересовъ. Судъ сталъ служить государству своимъ мечомъ, поддержка государственнаго начала стала исключительной его заботой, а интересы власти—критеріемъ справедливости. Въ жертву растущему могуществу этой власти должна была быть принесена личность съ ея правами и интересами. Требованія власти не находили себѣ противодѣйствія въ какихъ-либо этическихъ началахъ общественной жизни и непреклонно проводились въ дѣйствительность.

Но исключительное господство государственнаго начала не можетъ являться самоцѣлью. Государство есть только организаціонное начало. Оно объединяетъ и направляетъ дѣятельность массы людей, но содержаніе этой дѣятельности дается изъ иныхъ источниковъ. Однимъ изъ такихъ основныхъ источниковъ является личность съ ея разнообразными и сложными потребностями. Личное начало есть начало творческое. Поэтому, тамъ, гдѣ оно находится въ угнетеніи, тамъ государственная и общественная жизнь приходитъ къ застою. Содержаніе правовыхъ нормъ, предписываемыхъ государствомъ, представляетъ собою объективированный продуктъ развитія, содержаніе правовыхъ идей личности—творческіе побѣги новаго права. Только въ разумномъ согласованіи обоихъ началъ мыслимо правильное движеніе впередъ. Долговременное угнетеніе личнаго начала влечетъ за собою бурную вспышку индивидуализма; увлеченія послѣдняго—рѣзкій поворотъ въ сторону государственности. Общественная эволюція представляетъ постоянное чередованіе этихъ настроеній, подобное колебаніямъ маятника.

Судъ, подъ вліяніемъ идей индивидуализма, постепенно проникается задачами служенія не только государственнымъ началамъ, но и правамъ личности. Онъ становится на стражѣ этихъ правъ даже противъ самой государственной власти. Это измѣненіе роли суда породило новый строй, именуемый правовымъ, при которомъ судъ является какъ бы посредникомъ между властью и населеніемъ, будучи независимымъ и отъ того и отъ другого. Этотъ знаменательный поворотъ, навѣянный англійскими порядками, наступилъ съ эпохой французской революціи и сказался въ радикальномъ измѣненіи взглядовъ на судъ. Судъ, это—барьеръ, созданный въ интересахъ личной свободы и безопасности. Правосудіе должно отправляться не только должностными лицами, но и представителями населенія. Администрація подчинена контролю суда во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, могущихъ ограничивать личную свободу и безопасность. Законъ примѣняется въ жизни не иначе, какъ подъ контролемъ судейскаго толкованія.

Результатомъ укрѣпленія въ общественной жизни индивидуальнаго начала явился пышный расцвѣтъ въ XIX вѣкѣ личной иниціативы въ области промышленной, научной и просвѣтительной дѣятельности. На ряду съ государствомъ создалось множество свободныхъ общественныхъ союзовъ, и человѣчество въ теченіе одного вѣка выросло, какъ сказочный богатырь. Правда, еще не повсюду и не во всемъ индивидуальное начало нашло свое признаніе. Еще приходится бороться съ остатками стараго воззрѣнія и пролагать узкія тропинки тамъ, гдѣ долженъ былъ бы лежать широкій открытый путь. Но все же основные принципы ясны, и это обезпечиваетъ ихъ скорое торжество.

Признаніе за личностью особыхъ правъ утвердилось лишь съ того момента, когда образовался соотвѣтственный органъ для ихъ охраны,— я имѣю въ виду *независимый* судъ. До того эти права, быть можетъ, признавались теоретически: ихъ относили къ «естественному состоянію», ихъ вписывали въ миѳическіе «общественные договоры», ихъ торжественно провозглашали въ «декларацiяхъ» и «конституціонныхъ хартіяхъ», но въ жизни они не существовали. Забота объ этихъ правахъ была скорѣе дѣломъ гуманности, чѣмъ правовою обязанностью. Государственная власть порою, подъ вліяніемъ гуманности, заботилась о томъ, чтобы подданные не подвергались «притѣсненіямъ» властей, чтобы ихъ напрасно не лишали свободы, чтобы на нихъ не возлагались чрезмѣрныя «тяготы», чтобы невинность не подвергалась «угнетенію». Но эти заботы, носившія характеръ просвѣщенной опеки, конечно, не могли явиться надлежащимъ способомъ охраны правъ. Опека предполагаетъ недѣеспособность опекаемаго и личную близость между носителемъ опекунской власти и подчиненнымъ ей. Она до извѣстной степени была мыслима при патріархальномъ строѣ, когда глава рода поглощалъ своею личностью своихъ подвластныхъ, и когда личныя узы, связывавшія его съ членами рода, были сильны. Но она немыслима въ развитомъ государствѣ, гдѣ каждый гражданинъ становится активнымъ соціальнымъ центромъ, и гдѣ личная связь замѣняется опредѣленной правовою регламентаціей. Поэтому, періодъ опеки въ отношеніи къ охранѣ правъ личности явился кратковременнымъ. Тамъ же, гдѣ въ силу историческихъ причинъ онъ затянулся, господство его привело къ произволу и правовому разстройству. Подлиннымъ средствомъ охраны правъ личности явилась не государственная опека, а судебная защита. Споръ о правѣ, въ которомъ спорящій является достаточно вооруженнымъ, судебное состязаніе предъ независимымъ судомъ, при равныхъ шансахъ обвиненія и защиты, явились надежнымъ оплотомъ противъ возможныхъ нарушеній личныхъ правъ. И судъ,—въ частности, судъ уголовный сталъ рѣшителемъ спора, безстрастнымъ и независимымъ. Измѣненіе роли суда, ставшаго изъ органа государственнаго органомъ общественной справедливости, явилось результатомъ проведенія въ судебный строй новыхъ началъ организаціи и дѣятельности, какъ несмѣняемость, участіе народнаго элемента, гласность, состязательность и расширеніе свободной оцѣнки. Изученіе этихъ сторонъ не входитъ въ нашу задачу. Но здѣсь приходится указать на тѣсную связь ихъ съ охраною правъ личности. Не напрасно

ослабленіе какой-либо изъ этихъ гарантій вызываетъ тревогу въ обществѣ, и каждый изъ гражданъ чувствуетъ страхъ появленія произвола. У насъ, гдѣ средства охраны личныхъ правъ были особенно скудными, и гдѣ эти гарантіи установлены еще такъ недавно, такое реагированіе общественной психологіи является особенно рѣзкимъ, и каждая процессуальная реформа оцѣнивается, прежде всего, съ точки зрѣнія вліянія ея на защиту личныхъ правъ.

XIX вѣкъ, начавшись подъ знаменемъ либерализма, освободилъ многія стороны общественной жизни отъ государственной опеки, сузивъ административныя задачи и ограничивъ ихъ охраненіемъ порядка и внѣшней безопасности. Когда же новое развитіе общественной жизни во второй половинѣ XIX вѣка потребовало вновь широкаго развитія функцій государства, то это было достигнуто уже не путемъ простого увеличенія объема административныхъ полномочій, а путемъ введенія въ составъ государственной власти свободнаго общественнаго элемента. Народные представители въ парламентѣ, присяжные засѣдатели въ судѣ и гласные въ органахъ мѣстнаго самоуправленія взяли подъ свой активный контроль сложныя задачи государства и обратили государственную власть на служеніе общественнымъ интересамъ, устраняя по возможности тотъ вѣдомственный интересъ, который характеризовалъ старый бюрократическій порядокъ. Казалось бы, поэтому, что и при современномъ строѣ индивидуальное начало является поглощеннымъ и не можетъ быть рѣчи объ индивидуальной свободѣ: какъ прежде личность была поглощена государственно-полицейскимъ началомъ, такъ теперь она является поглощенной началомъ общественно-государственнымъ. На самомъ дѣлѣ происходитъ иначе.

Начало общественное не есть принудительное начало, ограничивающее или поглощающее личность. Оно возникаетъ, какъ результатъ свободнаго проявленія каждымъ своихъ стремленій, стоящихъ въ согласіи съ интересами цѣлаго. Общество, какъ свободное единеніе индивидовъ, не можетъ быть противопоставляемо каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Оно лишь суммируетъ индивидуальныя стремленія, но не подавляетъ ихъ. Поэтому, именно при господствѣ общественнаго начала права личности могутъ получить свое болѣе полное выраженіе, а сама личность—наиболѣе широкій просторъ для своего проявленія.

Права личности въ современномъ строѣ многочисленны и разнообразны. Но всѣ ихъ можно свести къ тремъ главнымъ видамъ: *правамъ политической свободы*, *правамъ гражданской свободы и правамъ личной свободы*.

Права политической свободы, или права конституціонныя, состоятъ въ свободѣ самоопредѣленія и активнаго участія гражданина въ сферѣ государственной жизни. Каждый, являясь участникомъ государственнаго общенія, получаетъ возможность опредѣлять свою политическую дѣятельность въ соотвѣтствіи со своими убѣжденіями и распространять свои идеи въ обществѣ. Политическая свобода включаетъ въ себя свободу слова, свободу печати, собраній, союзовъ, свободу избирательнаго голоса и т. д. Всѣ эти права мыслимы лишь въ предѣлахъ политическаго общенія.

Гражданская свобода имѣетъ нѣсколько болѣе элементарный характеръ. Она предполагаетъ устраненіе различныхъ государственныхъ стѣсненій въ области той или иной соціальной дѣятельности. Она не связана тѣсно съ участіемъ въ политической жизни, какъ свобода перваго вида, а представляетъ собою скорѣе отрицаніе устарѣлыхъ формъ государственной опеки или невызываемыхъ общественными интересами ограниченій правовой сферы индивида. Сюда относятся свобода передвиженія, свобода рабочихъ коалицій, свобода торговли, религіозная свобода и т. п.

Наконецъ, къ *правамъ личной свободы* относятся всѣ тѣ случаи, въ которыхъ затрогивается сфера чисто-индивидуальныхъ правовыхъ благъ гражданина—его личность, жилище и имущество. Сюда относятся: личная свобода, нарушаемая арестами, держаніемъ подъ стражей, высылками, полицейскимъ надзоромъ; охраненность жилища, нарушаемая обысками и осмотрами; охраненность собственности, нарушаемая административными штрафами, конфискаціями, выемками; неприкосновенность корреспонденціи и т. д.

Въ процессѣ развитія права личной свободы обыкновенно находятъ себѣ судебную защиту раньше другихъ. Только чувствуя себя свободной въ своихъ индивидуальныхъ правахъ, личность начинаетъ бороться за свое освобожденіе въ области гражданской и политической. Въ признаніи индивидуальныхъ правъ свободы правовой строй находитъ первое свое выраженіе. Онъ завершаетъ свое развитіе въ укрѣпленіи правъ гражданской и политической свободы. До тѣхъ поръ, пока судебная защита не распространится на всю область правъ свободы, правосудіе не будетъ полнымъ. Судъ будетъ защищать гражданина, какъ носителя частныхъ правъ, но будетъ закрывать передъ нимъ двери правосудія, когда онъ выступитъ въ качествѣ члена гражданскаго или политическаго общенія.

Усиленіе роли суда, какъ защитника правъ личности, влечетъ за собою и постепенное усиленіе авторитета судебной власти. Являясь въ старомъ строѣ одною изъ мало замѣтныхъ отраслей власти административной, судъ, въ правовомъ государствѣ, постепенно вырастаетъ въ силу первенствующую, предъ которою преклоняются остальныя власти. Правосудіе по прежнему остается въ рукахъ государства, но государство скорѣе служитъ правосудію, чѣмъ распоряжается имъ. Такое именно положеніе мы встрѣчаемъ въ Англіи, гдѣ идея судебной защиты правъ гражданъ достигла наибольшей полноты. Изслѣдователь англійскаго конституціоннаго права de Lolme, характеризуя англійское правосудіе, говоритъ, что оно находится in the hands of nobody—«въ ничьихъ рукахъ»[1]). Судьи здѣсь являются только «хранителями права», провозглашающими его волю. Ихъ рѣшенія представляютъ собою сложный синтезъ законовъ, обычаевъ и правовой совѣсти. Законы, лишенные одухотворяющаго ихъ правосознанія судьи, суть только нестройное множество сложныхъ и техни-

[1]) de Lolme, The rise and progress of English constitution, 1838, p. 785.

ческихъ опредѣленій. Совѣсть судьи ищетъ въ законѣ лишь опоры, но въ своемъ источникѣ она имѣетъ нравственный принципъ уваженія къ личности, передавшей свои права и интересы на рѣшеніе суда.

II.

Положеніе личности въ нашемъ законодательствѣ до Свода Законовъ. Признаніе Судебными Уставами правъ личности на судѣ.

Наша исторія представляла мало простора для прочнаго признанія правъ личности. Постоянныя войны и междуусобія, требовавшія укрѣпленія военной мощи государства, необходимость ассимилированія разнородныхъ племенъ и народовъ, вызывавшая усиленіе принудительнаго начала, наконецъ, отсутствіе у насъ въ прошломъ независимаго дворянства и средняго сословія, которыя были бы заинтересованы въ свободѣ, все весьма способствовало тому, что государственная власть не считалась съ необходимостью охраны индивидуальнаго и общественнаго начала. Въ болѣе позднюю эпоху, вслѣдствіе географической и соціальной обособленности Россіи отъ остальныхъ странъ, теченія западно-европейской освободительной мысли нашли у насъ только слабый откликъ, и старый строй у насъ продержался дольше, чѣмъ гдѣ-либо.

Изслѣдованіе положенія личности во всемъ государственномъ строѣ превышаетъ задачи настоящаго очерка. Насъ интересуетъ лишь положеніе личности на судѣ, который является лишь одною изъ отраслей государственной системы. Общія условія государственнаго развитія здѣсь отразились въ полной мѣрѣ. Чтобы понять значеніе Судебныхъ Уставовъ въ исторіи нашей государственности, необходимо подойти къ нимъ съ извѣстной исторической перспективы. Эта перспектива должна быть создана не изслѣдованіемъ дѣйствительности до и послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ. Дѣйствительность есть продуктъ не только одного законодательства, но и обычаевъ, нравовъ и правосознанія народа. Насъ же интересуетъ только изслѣдованіе Уставовъ, какъ законодательнаго памятника, отраженіе въ нихъ извѣстныхъ правовыхъ идей, несомнѣнно оказывавшихъ значительное вліяніе на жизнь народа, и потому въ нашемъ историческомъ очеркѣ мы будемъ слѣдить за отраженіемъ тѣхъ или иныхъ идей въ законодательствѣ, а не за фактическимъ проведеніемъ ихъ въ жизни, хотя, конечно, то и другое является тѣсно связаннымъ другъ съ другомъ.

Отраженіемъ исключительнаго господства у насъ государственнаго начала явилось *Соборное уложеніе царя Алексѣя*. Оно было составлено въ ту эпоху, когда крѣпнувшая у насъ государственность не знала себѣ препятствій въ чьихъ-либо правахъ. Историкъ этого уложенія Н. Д. Сергѣевскій[1]), характеризуя эту эпоху, говоритъ: «Государственные практиче-

[1]) Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, 1887.

скіе интересы все собою заслоняли, а тѣмъ паче должны были молчать передъ ними отвлеченныя начала нравственности и справедливости. Не до нихъ въ то время было: надо было строить государство, а все прочее представлялось несвоевременною роскошью» (стр. 69). Не только система наказаній, но и судъ былъ проникнутъ началами угнетенія личности. Задача Уложенія была высока: «Чтобы Московскаго государьства всякихъ чиновъ людемъ, отъ болшаго и до меншаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна», но средства, которыми достигалась эта цѣль, стояли въ противорѣчіи съ нашими современными понятіями о правосудіи. На первый планъ выдвигалась п ы т к а . Глава XXI «о татиныхъ и разбойныхъ дѣлахъ», посвященная порядку слѣдствія и суда, говоритъ о пыткѣ на каждомъ шагу. По нашему подсчету, изъ 104 статей этой главы 50 предусматриваютъ примѣненіе пытки. Пытали приведеннаго съ поличнымъ татя о другихъ татьбахъ, пытали татя оговореннаго и татя оболиховаинаго; особенно часто примѣняли пытку къ разбойникамъ: ихъ пытали не только въ ихъ собственныхъ винахъ, но и съ цѣлью узнать ихъ сообщниковъ, ихъ пытали не только до обыска, но и послѣ него. Оговоренныхъ людей въ разбоѣ предписывалось: «пытати въ первые и въ другіе и въ третіе накрѣпко»; накрѣпко предписывалось пытать и тѣхъ «языковъ», которые при очной ставкѣ съ разбойниками начнуть «съ нихъ вины съговаривать». Сознаніе не освобождало отъ пытки: сознавшагося слѣдовало все же пытать въ иныхъ разбояхъ и иныхъ татьбахъ. Словомъ, пытка была почти универсальнымъ средствомъ полученія истины. За пыткою слѣдовалъ наказъ «сыскивати всякими сыски накрѣпко» [1]); здѣсь слѣдственной власти давалась полная свобода примѣненія всѣхъ мѣръ для полученія нужныхъ свѣдѣній. Наконецъ, въ отличіе отъ прежняго времени, Уложеніе очень часто предписывало подозрѣваемаго «вкинути въ тюрьму», пока «не сыщется допряма», или «до указу», или «пока по немъ порука будетъ». Въ главѣ XXI въ 10 статьяхъ говорится о тюрьмѣ, какъ о мѣрѣ пресѣченія, при чемъ изъ нѣкоторыхъ статей видно, что примѣненіе тюрьмы было общимъ правиломъ (ст. 104, XXI). О правахъ обвиняемаго въ ту эпоху не было еще и рѣчи. Если ему дѣлались очныя ставки съ оговорившими или если его ссылки повѣрялись порою путемъ обыска, то это дѣлалось въ цѣляхъ возможнаго открытія новыхъ преступленій. Встрѣчнымъ обвиненіямъ приведеннаго татя или разбойника предписывалось не вѣрить «для того, чтобы всякимъ людемъ безстрашно было воровъ имая въ губу приводить» (ст. 8, XXI). Словомъ, нависшее надъ человѣкомъ подозрѣніе почти всегда приводило къ его гибели, и единственной его надеждой былъ голосъ общины, которая въ обыскѣ могла его «одобрить». Тогда предписывалось «его по обыскамъ дати на чистую поруку зъ записью за тѣхъ же обыскныхъ людей, которые его въ обыску добрили» (XXI, 36).

Система рѣзкаго государственнаго господства надъ личностью была крѣпка въ сильныхъ рукахъ царя Алексѣя и Петра Великаго. Быть можетъ, она сослужила извѣстную службу. Въ оправданіе ея слѣдуетъ замѣтить,

[1]) Онъ предписывался въ 7 статьяхъ—5, 15, 47, 51, 54, 56, 77.

что тяжелое принужденіе тяготѣло не только надъ обвиняемымъ, но и надъ самимъ судьею, который дѣйствовалъ, «страшася Великаго Государя гнѣву». Въ этомъ отношеніи характерна ст. 104, XXI Уложенія: «А будетъ въ городахъ кто воеводы и приказные люди или губные старосты воровъ исъ тюремъ выпустятъ безъ государева указу... и сыщется про то допряма: и тѣмъ воеводамъ и приказнымъ людемъ и губнымъ старостамъ за то чинити жестокое наказаніе, бити ихъ *кнутомъ* нещадно, да на нихъ же за тѣхъ воровъ правити выти». Самъ судья былъ подневольнымъ приказчикомъ сильнаго государя.

При слабыхъ преемникахъ Петра система государственнаго произвола вырождается въ произволъ чиновный, въ притѣсненія, пристрастье и безсудіе судей, освободившихся отъ гнета центральной власти и пользовавшихся деспотизмомъ законовъ ради собственныхъ выгодъ. Слабый голосъ угнетаемыхъ гражданъ въ началѣ каждаго царствованія еще слышенъ у трона, но затѣмъ онъ глохнетъ.

Объ обязанности скораго и праваго суда приходилось напоминать постоянно. Анна Іоанновна въ указѣ отъ 1 іюня 1730 г. предписываетъ Сенату слѣдить за тѣмъ, «чтобы всякія дѣла съ лучшимъ основаніемъ и благоугоднымъ правосудіемъ безволокитно и безостановки рѣшаемы были»[1]. Въ учрежденіи Кабинета 1731 г. говорится «Понеже правосудіе есть цѣлость и здравіе государства, а гдѣ онаго нѣтъ, тамо Божье благословеніе и милость отъемлется и въ праведный его гнѣвъ впадаютъ: того ради мы учрежденнымъ вышнимъ и нижнимъ судамъ во всей нашей Имперіи вышеозначеннымъ указомъ накрѣпко подтвердили, чтобъ въ судахъ поступали и дѣла рѣшали по самой чистой совѣсти и учиненной присягѣ, несмотря на лицъ сильныхъ»[2]. Правительница Анна Леопольдовна въ указѣ отъ 12 ноября 1740 г. указываетъ на то, что въ судахъ «черезъ долго прошедшія времена и годы рѣшенія не чинится» и напоминаетъ Сенату, «яко главному департаменту», «о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, не взирая на лица сильныхъ и никому не маня и не посягая, но усматривая единой Богу и Намъ пріятной справедливости»[3].

Идея обезпеченія справедливости и равнаго отношенія ко всѣмъ обвиняемымъ, такимъ образомъ, постепенно начинаетъ находить свое признаніе въ глазахъ законодателя. Съ особенною ясностью она находитъ свое признаніе въ заявленіяхъ Екатерины II, слѣдовавшей въ этомъ отношеніи ученіямъ гуманно настроенныхъ представителей конца XVIII вѣка—Беккаріи, Монтескье и Вольтера.

Въ Наказѣ императрицы (гл. X, ст. 160—174) отразился взглядъ на судебную власть, какъ на охранительницу гражданскихъ правъ, и здѣсь идея свободы личности впервые проникаетъ въ наше законодательство. «Власть судейская—читаемъ мы въ Наказѣ—состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ и для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопас-

---

[1]) П. С. З. № 5570.
[2]) П. С. З. № 5871.
[3]) П. С. З. № 8293.

ности гражданъ». «Отправленіе правосудія, отъ приговоровъ котораго не только жизнь и имѣніе, но и честь зависитъ, много трудныхъ требуетъ испытаній. Вотъ почему нельзя ставить въ образецъ, какъ это многіе дѣлаютъ, турецкое правосудіе, отличающееся своею скоростью. Напротивъ, во всякомъ государствѣ, въ которомъ уважаются честь, имѣніе, жизнь и свобода гражданъ, необходимо умноженіе судебныхъ обрядовъ, такъ какъ лишеніе всѣхъ этихъ благъ можетъ произойти не иначе, какъ послѣ долгаго и строгаго изысканія истины. Съ другой стороны, вышеназванные обряды должны быть такъ опредѣлены законами, чтобы никогда не могли служить къ пагубѣ невинности». «Тотъ погрѣшитъ противъ безопасности личной, кто приверженъ правительству, долженствующему исполнять по законамъ и имѣющему власть сажати въ тюрьму гражданина, отнимать у онаго свободу подъ видомъ какимъ маловажнымъ, а другого оставляти свободнымъ, несмотря на знаки преступленія самые важные». Наказъ провозглашалъ принципъ, что лишеніе свободы можетъ происходить лишь на основаніи опредѣленныхъ уликъ, что оно не должно являться наказаніемъ, что оно должно длиться возможно меньше, и что обвиняемые и осужденные не должны содержаться вмѣстѣ.

Идеи Наказа вошли въ послѣдующее законодательство, но онѣ лишились главнѣйшаго своего содержанія—представленія о правахъ гражданина; сохранился отъ нихъ лишь духъ опеки и заботливаго отношенія къ интересамъ обвиняемаго, явившійся отраженіемъ гуманныхъ вѣяній въ высшихъ сферахъ, но не проникшій внутрь въ дѣятельность бюрократіи.

Этотъ духъ гуманности выразился и въ смягченіи, а затѣмъ и въ законодательной отмѣнѣ пытки. Екатерина указомъ 1764 г. ограничила примѣненіе пытки, предписавъ губернскимъ мѣстамъ прибѣгать къ пыткѣ не иначе, какъ по докладу губернаторамъ, послѣдніе же должны были руководиться указаніями Наказа, которыя осуждали пытку, такъ какъ «пытаемый, вслѣдствіе боли, не властенъ въ томъ, что говоритъ». Въ указѣ Александра I объ отмѣнѣ пытки (1801 г.) мы читаемъ: «Правительствующій Сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія, и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ по всей Имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія... и чтобы, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народа».

Гуманное отношеніе къ положенію обвиняемаго сказалось въ екатерининскую и александровскую эпохи также въ рядѣ указовъ, касавшихся положенія обвиняемыхъ, содержащихся подъ стражей. Въ 1744 г. былъ изданъ указъ о раздѣльномъ содержаніи подъ стражей мужчинъ и женщинъ. Въ 1761 г. была заведена при Сенатѣ особая экспедиція для наблюденія надъ скорѣйшимъ рѣшеніемъ дѣлъ о колодникахъ, просуществовавшая, впрочемъ, всего три года.

Во всѣхъ судахъ были заведены особыя вѣдомости о дѣлахъ, по которымъ подсудимые содержатся подъ стражей, и Сенатъ неослабно слѣдилъ за «незамедлительнымъ теченіемъ» такихъ дѣлъ. Въ 1765 г. запрещено отдавать колодниковъ на тяжкія работы. Наконецъ, законами 1802, 1822 и 1827 гг. ограничено наложеніе цѣпей, оковъ и колодокъ на арестантовъ.

Но особенно интересной является попытка Екатерины, навѣянная примѣромъ Англіи, ввести у насъ надзоръ за задержаніемъ, напоминающій англійскій Habeas Corpus act. Екатерина была знакома съ книгою Блэкстона, и возможно, что самая организація этого надзора заимствована оттуда. Въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года предписывалось въ каждой губерніи учредить совѣстный судъ изъ предсѣдателя и двухъ засѣдателей. Каждый, содержавшійся подъ стражей, могъ прислать въ совѣстный судъ прошеніе о томъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней безъ допроса. Совѣстный судъ немедленно вызывалъ къ себѣ задержаннаго и, допросивъ, долженъ былъ освободить на поруки, если только обвиняемый не уличался въ оскорбленіи Величества, измѣнѣ, смертоубійствѣ, воровствѣ или разбоѣ. Освобожденнаго по такому дѣлу уже никто не смѣлъ въ другой разъ посадить въ тюрьму [1]). Впрочемъ, это либеральное постановленіе было вскорѣ ограничено. Изданный въ 1782 г. уставъ благочинія перечисляетъ уже 37 категорій преступленій, противъ которыхъ значится: «да отдастся подъ стражу и отошлется въ судъ». Да и самое значеніе совѣстнаго суда было невелико, указы его не исполнялись, и хотя эта гарантія просуществовала до самого изданія Судебныхъ Уставовъ, но фактически о ней забыли: ея характеръ мало согласовался со всѣмъ строемъ нашего стараго судопроизводства.

Наслѣдіемъ всѣхъ заботъ законодателя объ интересахъ обвиняемаго явилось появленіе въ Сводѣ законовъ (т. XV, ч. 2) множества статей, направленныхъ на огражденіе невинности и на защиту обвиняемаго отъ притѣсненій. Интересы личности еще не претворились въ права, но все же государственная власть считала необходимымъ пещись о нихъ.

Нашъ Сводъ Законовъ т. XV, ч. 2, далеко нельзя обвинять въ недостаточномъ вниманіи къ огражденію невинности. Забота объ этомъ встрѣчается на каждомъ шагу. Такъ, брать кого-либо для допроса и изслѣдованія можно было только при уликахъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе; эти улики надлежало разсматривать со всевозможной осмотрительностью, подъ опасеніемъ взысканія въ пользу обиженнаго безчестія и убытковъ, если онъ взятъ будетъ беззаконно и недѣльно; до взятія обвиняемаго полиція обязана была чрезъ развѣдываніе, безъ огласки или иными непредосудительными для обвиняемаго мѣрами, удостовѣриться, есть ли достаточная причина подвергнуть его уголовному слѣдствію (ст. 976—979) [2]). Посланный для производства ареста долженъ былъ исполнять возложенное на него порученіе «безъ понаровки и подлога, поступая при исполненіи

---

[1]) Подробнѣе см. мое изслѣдованіе «Свобода личности въ уголовномъ процессѣ». 1906, стр. 236—237.

[2]) Статьи цитируются по изд. 1842 г.

порядочно, и никому не дѣлая озлобленія и разоренія» (ст. 984). Приводъ долженъ былъ быть чинимъ «съ возможною осторожностью», и при провожденіи обвиняемыхъ «надлежитъ обходится съ ними, какъ съ людьми, кои еще не осуждены, и по слѣдствію и суду могутъ быть найдены невинными» (ст. 1004, 1005). Принимая мѣру пресѣченія, полиція должна была «соразмѣрять строгость ея съ дѣйствительной необходимостью» (ст. 1007). Во время производства формальнаго слѣдствія обвиняемый имѣлъ право предъявлять все, что могло служить къ его оправданію, и производившіе слѣдствіе не должны были «отрекаться» отъ разсмотрѣнія его показаній и отъ всѣхъ изслѣдованій, какія по онымъ нужными окажутся. На уѣздныхъ стряпчихъ возлагалась обязанность «для большаго огражденія обвиняемыхъ блюсти за ходомъ слѣдствій и пещись въ особенности о томъ, чтобы обвиняемый воспользовался всѣми способами, закономъ къ его защитѣ предоставленными» (ст. 1019, 1020). Чтобы воспрепятствовать наклонности къ отягощенію судьбы обвиняемаго при слѣдствіи должны были присутствовать депутаты или помѣщики за своихъ крестьянъ. Провѣрка слѣдствій была возложена на прокуроровъ и стряпчихъ, которые по званію своему «суть взыскатели наказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ защитники невинности». Они обязаны были смотрѣть, чтобы слѣдствія производились со всевозможною скоростью, чтобы не происходило «пристрастныхъ допросовъ, безчеловѣчныхъ истязаній и притѣсненій невинности, чтобы слѣдствіе было окончено съ совершеннымъ безпристрастіемъ» (ст. 1036, 1037). При производствѣ допросовъ надлежало «приводить обвиняемаго къ признанію болѣе кротостью и увѣщаніемъ, нежели строгостью» (ст. 1042); предписывалось «распрашивать обвиняемаго съ равнымъ вниманіемъ, какъ о томъ, что относится къ его обвиненію, такъ и о томъ, что служитъ къ его оправданію» (ст. 1046). При допросѣ свидѣтелей, если подсудимый станетъ уличать свидѣтеля въ несправедливомъ показаніи, то надлежало о томъ изслѣдовать (ст. 1118), оговоренному въ соучастіи всегда слѣдовало давать очную ставку съ оговорившимъ его преступникомъ (1139). Во время суда «подсудимому должны были быть доставлены всѣ возможныя средства къ его оправданію и, въ случаѣ жалобы на учиненныя при слѣдствіи упущенія, слѣдовало разсмотрѣть оныя съ точностью». Подсудимому задавался всегда вопросъ, не было ли чинимо ему во время производства слѣдствія пристрастныхъ допросовъ (ст. 1150, 1151). Никто не долженъ былъ быть присужденъ къ наказанію «безъ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи» (ст. 1169). Вся система доказательствъ была направлена къ защитѣ подсудимыхъ, и общее правило о томъ, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго, было занесено въ текстъ закона (ст. 1176). На всѣ судебныя мѣста возлагалось «попеченіе, чтобы участь подсудимыхъ отнюдь не была подвергаема проволочкѣ и стѣсненію и чтобы въ рѣшеніи сихъ дѣлъ, въ особенности же тѣхъ, по коимъ подсудимые содержатся подъ стражей или въ тюрьмѣ, соблюдаема была возможная скорость и не было допускаемо ни малѣйшей остановки» (ст. 1223). Ревизія уголовныхъ дѣлъ въ Палатѣ происходила, «сколь для оправданія невинности, столь и для приведенія въ ясность

преступленія и обличенія преступника»; она имѣла цѣлью «точное изысканіе истины, не лишая невинности всѣхъ удобовозможныхъ къ оправданію ея способовъ»; въ Палаты за подписью члена суда отправлялись подписки въ томъ, что подсудимымъ пристрастныхъ допросовъ чинимо не было (ст. 1231, 1234, 1235). Пересмотръ Сенатомъ дѣлъ, рѣшенныхъ Палатами, могъ имѣть мѣсто «лишь для облегченія участи осужденнаго, но отнюдь не для усугубленія мѣры наказанія» (ст. 1273). Оправданные подсудимые, если они находились подъ стражею, должны были быть немедленно освобождены по объявленіи имъ приговора. О невинности оправданныхъ подсудимыхъ публиковалось порою въ особо торжественномъ порядкѣ черезъ Сенатъ (ст. 1360, 1570).

Приведенныя выдержки изъ законовъ показываютъ, что было бы несправедливо обвинять законодателя въ невниманіи къ защитѣ невинности. Но защита эта носила не правовой характеръ, а характеръ опеки. Самъ обвиняемый не имѣлъ правъ, за него должны были наблюдать депутаты и стряпчіе съ прокурорами, судьи низшихъ и высшихъ инстанцій. Иногда законъ грозилъ виновнымъ въ притѣсненіяхъ и пристрастіяхъ штрафомъ, взысканіями и безчестьемъ въ пользу обвиняемаго (напр., за неправильный арестъ или обыскъ), но въ большинствѣ случаевъ обязанности соотвѣтственныхъ органовъ были лишены санкціи. Намѣренія законодателя были хорошими, но осуществленіе ихъ въ жизни почти отсутствовало. Не даромъ народъ сложилъ поговорку о томъ, что «законы святы, да исполнители—лихіе супостаты». Дѣла объ арестантахъ вмѣсто «производства безъ малѣйшаго промедленія» тянулись порою десятки лѣтъ. «Кроткія увѣщанія» въ полиціи не многимъ отличались порою отъ пытки, отмѣненной въ 1802 году. Наблюденіе депутатовъ фактически отсутствовало и ихъ рукоприкладство стало канцелярскою формальностью. Ревизія вмѣсто дѣйствительной провѣрки свелась къ бумажному пересмотру дѣла. И только прокурорскій надзоръ, по свидѣтельству бытописателей нашего дореформеннаго суда, являлся нѣкоторой гарантіей.

Иное воззрѣніе на роль личности въ судѣ внесли Судебные Уставы. Они въ основу своихъ построеній положили представленіе о *правовой* личности, а не о личности нуждающейся въ опекѣ. Обвиняемый, жалобщикъ, истецъ и отвѣтчикъ суть активные участники суда, надѣленные самостоятельными правами, уважать которыя судъ обязанъ. Это не значитъ, что законъ отказался отъ оказанія имъ помощи, необходимой въ силу ихъ слабости, но эта помощь есть помощь въ осуществленіи правъ, а не поглощающая дѣеспособную личность опека. Едва ли не самый глубокій знатокъ Судебныхъ Уставовъ у насъ, проф. И. Я. Фойницкій, въ своей рѣчи по поводу 35-лѣтія Уставовъ,[1]) какъ наиболѣе характерную черту ихъ, выдвинулъ воззрѣніе ихъ на роль личности. «Новое, составляющее наиболѣе характерную черту Уставовъ,—пишетъ онъ—родственную имъ съ памятникомъ 1861 года, и тѣмъ же освободительнымъ потокомъ вызван-

[1]) Идея личности въ Судебныхъ Уставахъ и кодификаціонное ихъ значеніе. «Право» 1899, стр. 2280.

ное, заключается въ идеѣ *личности*. Она самому началу законности не только сообщила опредѣленное содержаніе, глубоко отличающееся отъ стремленія къ законности, какъ оно понималось прежними памятниками, но и обезпечила ему жизненность и широкое и прочное распространеніе въ нашемъ отечествѣ». Эта идея личности не стояла въ противорѣчіи съ идеей государственности. «Въ рѣдкіе періоды нашей исторіи—говоритъ онъ нѣсколько далѣе—признаніе государственнаго начала было такъ глубоко и всеобще, какъ именно въ началѣ 60-хъ годовъ, когда отправною точкою было не одно лишь теоретическое стремленіе къ государственному единству, а убѣжденіе, что оно можетъ быть достигнуто съ заботою о практическихъ способахъ его осуществленія... Это государственное начало лучше всего достигается на почвѣ признанія начала личности, путемъ допущенія личной иниціативы и личной энергіи при условіи отвѣтственности за нихъ». Дѣйствительно, впервые въ нашей исторіи въ Судебныхъ Уставахъ личность получила извѣстныя права передъ лицомъ государственной власти и на стражѣ этихъ правъ былъ поставленъ независимый судъ. Правда, Судебные Уставы имѣли въ виду личность обвиняемаго, личность истца и отвѣтчика. Но тѣмъ важнѣе признаніе этихъ правъ тогда, когда безопасность и имущество гражданина подвергается тяжкому испытанію. Въ общемъ государственномъ строѣ личность была еще несвободна, она была подчинена еще опекѣ администраціи. Самоуправленіе, свобода печати, паденіе сословныхъ перегородокъ уже назрѣвали въ ту эпоху, и новый судебный строй долженъ былъ отразить на себѣ эти грядущія реформы. Для этого нужно было укрѣпить судебную власть, влить въ нее новыя силы и новое содержаніе, и дать ей новые способы дѣятельности. Въ высокомъ стремленіи ко всему этому и лежитъ величіе Судебной реформы.

III.

Личность и инквизиціонное начало въ Судебныхъ Уставахъ. Раскрѣщеніе личности судьи. Довѣріе къ общественнымъ силамъ и общественныя гарантіи. Начало непосредственности суда. Состязательность въ ея отношеніи къ личности. Признаніе этическаго начала въ уголовномъ процессѣ.

Главной причиной неудовлетворительнаго состоянія правосудія до Судебной Реформы было господство инквизиціоннаго процесса. Какъ справедливо замѣтилъ И. Я. Фойницкій,[1]) «инквизиціонный процессъ не хотѣлъ знать живыхъ людей со всѣми ихъ потребностями и способностями, стараясь сдѣлать изъ нихъ слѣпыхъ исполнителей закона». Судьи, опутанные со всѣхъ сторонъ мелочной регламентаціей закона, имѣли дѣло не съ живыми людьми, а съ бумагами. Иное отношеніе мы встрѣчаемъ

[1]) Идея личности въ Судебныхъ Уставахъ и кодификаціонное ихъ значеніе «Право» 1899, стр. 2281.

въ Судебныхъ Уставахъ. Они не только подняли уваженіе къ личности обвиняемаго, но и раскрѣпостили личность судьи, обезпечили судьямъ возможность слышать живое слово, оцѣнивать индивидуальныя особенности показаній и выносить рѣшенія по внутреннему убѣжденію.

Повышенное вниманіе Судебныхъ Уставовъ къ личности сказалось во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего они освободили *личность судьи* отъ чрезмѣрнаго гнета буквы и формы. Они раскрѣпостили судейскую совѣсть и дали ей возможность пытливо искать справедливаго рѣшенія.

Въ области рѣшенія *вопросовъ факта* они ввели начало свободной оцѣнки доказательствъ. Старые законы пытались руководить каждымъ шагомъ судьи въ этой области, и личному убѣжденію судьи не оставалось мѣста; онъ заносилъ въ протоколъ все происходившее и рѣшалъ дѣло скорѣе путемъ справки, чѣмъ путемъ разсужденія. Вмѣсто того Судебные уставы (ст. 8 осн. пол. къ уст. уг. суд.) постановили: «Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ *по внутреннему убѣжденію* судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда».

Въ области рѣшенія *вопросовъ права* въ старомъ правѣ господствовало требованіе буквальнаго толкованія законовъ. Оно было закрѣплено не только законами основными, ст. 65 которыхъ требовала отъ судовъ, чтобы они утверждали свои постановленія «на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій», но и неоднократно подчеркивалось въ уставѣ о судопроизводствѣ по преступленіямъ. Такъ, ст. 1220 (изд. 1842 г.) требовала, чтобы приговоры были основаны «на точномъ разумѣ законовъ, а не единомъ лишь судейскомъ разсужденіи», ст. 1216 требовала означенія точныхъ словъ закона, безъ сокращенія и малѣйшей перемѣны, измѣняющей часто самый смыслъ. На каждый пунктъ должны были быть означены «приличные законы», «ежели же на что приличныхъ законовъ нѣтъ, то о томъ требовалось означить именно» (ст. 1215). Вмѣсто того, Судебные Уставы ввели болѣе свободное толкованіе (ст. 12 и 13 уст. уг. суд. и ст. 9 и 10 уст. гр. суд.), предоставивъ суду «въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ»; за оставленіе дѣла безъ рѣшенія они грозили наказаніемъ, какъ за отказъ въ правосудіи. Судья, такимъ образомъ, пересталъ быть рабомъ закона, а сталъ его истолкователемъ.

Довѣріе къ личности судьи сказалось не только въ установленіи свободы рѣшенія. Оно проявилось въ устраненіи тягостнаго для судьи *ревизіоннаго контроля*.

Принципомъ дѣятельности новаго суда поставлена была не выработка удовлетворяющаго обѣ стороны компромисса, а рѣшеніе дѣла въ соотвѣтствіи съ требованіями права, или, какъ иначе называютъ это начало—*стремленіе къ матеріальной правдѣ*. Поэтому Судъ не былъ поставленъ въ зави-

симость отъ сторонъ, а надѣленъ самостоятельными правами собиранія доказательствъ, необходимыхъ для уясненія обстоятельствъ дѣла. Въ Судебныхъ Уставахъ это начало было признано лишь для дѣлъ публичнаго обвиненія, гдѣ судъ могъ, по собственной иниціативѣ, пополнять доказательства, вызывать свидѣтелей, производить осмотры, ставить вопросы. Проникновеніе въ судебный строй начала «внутренняго убѣжденія», «совѣсти», «справедливаго усмотрѣнія» слѣдуетъ разсматривать какъ нѣкоторое раскрѣпощеніе суда отъ служенія чисто государственному началу, какъ приближеніе его къ началу личному. Здѣсь освобождается нравственная личность самого судьи и обезпечивается возможность свободнѣе учитывать конкретныя обстоятельства, на которыя всегда реагируетъ чувство справедливости. Это справедливое усмотрѣніе судьи получило позднѣе признаніе не только въ процессуальной области, но и въ сферѣ матеріальнаго права. Для иллюстраціи этого достаточно сравнить между собою въ области уголовнаго права уложеніе о нак. 1885 г. съ уголовнымъ уложеніемъ 1903 г.

Проявленіемъ уваженія къ личности является и *довѣріе къ общественному началу*, которымъ проникнуты Судебные Уставы. Старые законы не знали общественнаго мнѣнія, общественной личности. Они мыслили человѣка не иначе какъ въ кругу сословныхъ, національныхъ и религіозныхъ отношеній. Общественныя гарантіи чаще всего замѣнялись сословными. Такъ, наше дореформенное судопроизводство знало сословныхъ депутатовъ, назначавшихся отъ военнаго и гражданскаго чиновничества, отъ духовенства, дворянства, купечества и мѣщанства, наконецъ, отъ государственныхъ крестьянъ; въ отношеніи же крѣпостныхъ крестьянъ обязанности депутата исполнялись помѣщиками. Депутатъ наблюдалъ за слѣдственной судебной властью. Онъ могъ присутствовать при обыскахъ (ст. 971), при взятіи подозрѣваемаго подъ стражу (ст. 1024), при производствѣ формальнаго слѣдствія и по окончаніи этого слѣдствія скрѣплялъ его рукоприкладствомъ, а при несогласіи вправѣ былъ предъявлять свое мнѣніе (ст. 1031). Если слѣдствіе было начато въ отсутствіе депутата, то онъ могъ знакомиться съ его матеріалами и, если замѣчалъ недостатки или наклонность къ отягощенію судьбы обвиняемаго, могъ просить стряпчаго о доставленіи обвиняемому законной защиты. Характеръ той же сословной гарантіи слѣдуетъ видѣть въ томъ правилѣ, по которому каждый долженъ былъ быть судимъ представителями своего сословія. Въ каждомъ судѣ были сословные засѣдатели. Въ эпоху сословной розни требованіе «суда равныхъ» имѣло большое значеніе, какъ гарантія справедливости[1]).

Въ сводѣ правовое положеніе обвиняемаго сильно разнилось въ зави-

---

[1]) У Посошкова, въ его книгѣ «О скудности и богатствѣ» мы находимъ сѣтованіе на то, что «вси правители дворянскаго чина своей братіи знатнымъ наровятъ, а власть имутъ и дерзновеніе надъ самыми маломочными людьми, а нарочитомъ дворянамъ не смѣютъ и слова воспретительнаго нарещи, но какъ кому угодно, такъ и творятъ». Ср. также «Наказъ»: «Надлежало бы нѣсколькимъ изъ судей быти чина по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, т.-е. ему равнымъ, чтобы онъ не могъ подумать, что попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ».

симости отъ сословія. Лучше всего было положеніе дворянъ. Отъ ихъ крѣпостныхъ доносы не принимались, показаніямъ ихъ придавалось больше вѣры, чѣмъ показаніямъ лицъ прочихъ сословій, въ случаѣ болѣзни они допрашивались на дому, за напрасное учиненіе обыска въ дворянскомъ домѣ платилось безчестье и пеня вдвое, приговоры о нихъ вносились всегда въ Сенатъ, а въ тягчайшихъ случаяхъ и на Высочайшее усмотрѣніе.

Судебные Уставы, если не уничтожили окончательно, то значительно ограничили сословныя особенности въ судѣ и вмѣсто сословныхъ гарантій ввели гарантіи общественныя. Остатокъ сословныхъ гарантій слѣдуетъ видѣть въ сохраненіи участія сословныхъ представителей. Этотъ судъ, сохраненный по первоначальному тексту Уставовъ только для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, затѣмъ сталъ распространяться и вытѣснилъ во многомъ болѣе совершенную гарантію суда присяжныхъ. Сохранились сословныя привилегіи дворянъ лишь въ видѣ подсудности окружнымъ судамъ дѣлъ о корыстныхъ преступленіяхъ, да въ видѣ утвержденія приговоровъ о лишеніи правъ Верховною властью. Почти нетронутымъ остался строй сословныхъ привилегій въ области должностныхъ преступленій въ отношеніи чиновниковъ и въ области мелкихъ проступковъ—въ отношеніи крестьянъ, подчиненныхъ своей волостной юстиціи. Въ остальномъ принципъ равенства предъ судомъ былъ проведенъ довольно послѣдовательно. Новыми общественными гарантіями явились гласность, независимая адвокатура и судъ присяжныхъ. Разсмотрѣнію ихъ будетъ удѣлено особое мѣсто, но здѣсь надлежитъ указать, что въ основѣ ихъ покоится довѣріе къ общественному мнѣнію и общественнымъ силамъ, уже вышедшимъ изъ круга сословныхъ понятій, имѣющимъ своимъ содержаніемъ идею гражданской личности. Совѣсть присяжныхъ, вербуемыхъ изъ различныхъ общественныхъ круговъ, пріобщеніе адвокатуры, отражавшей въ силу своей организаціи общественныя настроенія, къ непосредственной судебной работѣ, голосъ печати и общественнаго мнѣнія—являлись новыми силами, долженствовавшими освѣжить атмосферу суда и ограничить исключительное господство чистогосударственнаго начала въ немъ въ интересахъ справедливости въ отношеніи къ личности обвиняемаго. И дѣйствительно, не только духъ, но и форма новаго суда стали свидѣтельствовать о возросшемъ уваженіи къ личности. Ровное и корректное отношеніе судей ко всѣмъ обвиняемымъ, свидѣтелямъ и сторонамъ, устраненіе сословныхъ различій въ обращеніи съ отдѣльными лицами, воздержаніе отъ какихъ-либо домогательствъ, запугиваній и ухищреній при полученіи желательныхъ отвѣтовъ—все показывало, что въ новомъ судѣ нашло свое признаніе моральное достоинство гражданина и что на стражѣ этого достоинства стоятъ новыя силы, неизвѣстныя старому суду.

Общественныя гарантіи въ связи съ независимостью суда должны были укрѣпить въ населеніи уваженіе къ суду и сдѣлать судебную власть авторитетнымъ посредникомъ между населеніемъ и властью. На ряду съ этимъ должно поставить и начало *непосредственности* въ дѣятельности суда, въ силу котораго между судомъ, съ одной стороны, и сторонами, свидѣтелями, экспертами, съ другой, не должно было стоять какихъ-либо посредниковъ. Судъ путемъ живого слова знакомился съ заявленіями, ходатайствами,

показаніями участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, передъ нимъ были все время не мертвыя груды бумагъ, а живыя лица, борящіяся за свои права.

Особенно наглядное выраженіе личнаго начала мы видимъ въ *принципѣ состязательности*. Здѣсь стороны освобождаются отъ опеки со стороны судьи и признаются способными самостоятельно защищать свои права передъ лицомъ суда. Судья, которому при господствѣ инквизиціоннаго начала ввѣрена забота объ интересахъ обвиненія и защиты одновременно, не можетъ не поддаться искушенію потворствовать или тѣмъ, или другимъ, его судейская безпристрастность невольно ставится въ опасное положеніе. Напротивъ того, при состязаніи одинаково сильныхъ сторонъ онъ можетъ остаться безстрастнымъ рѣшителемъ спора. Необходимымъ условіемъ такого состязанія является равноправность обѣихъ спорящихъ сторонъ.

Судебные Уставы, принявъ состязательное начало, провели его однако, не повсюду. Наименѣе дѣйствіе его проявилось на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ усмотрѣніе слѣдователя еще не обособилось отъ обвинительныхъ тенденцій, и гдѣ все еще царитъ взглядъ, что обвиняемый нуждается въ слѣдовательской опекѣ. Часть Судебныхъ Уставовъ, касающаяся предварительнаго слѣдствія, почти безъ измѣненій перенесена сюда изъ вышедшаго незадолго до появленія Уставовъ Положенія о судебныхъ слѣдователяхъ 1860 г. и въ значительной степени проникнута началами нашего дореформеннаго законодательства. Отсутствуетъ состязательность и въ стадіи преданія суду, которая, впрочемъ, при современной ея организаціи лишена существеннаго для обвиняемаго значенія. Въ остальномъ слѣдуетъ признать начало состязательности проведеннымъ послѣдовательно (ст.630). Правда, не всегда соблюдено равноправіе сторонъ, и положеніе прокурора часто болѣе авторитетно, чѣмъ положеніе обвиняемаго или его защиты. Но съ другой стороны, слѣдуетъ указать, что и подсудимый пользуется въ состязаніи нѣкоторыми привилегіями. Таковы привилегіи послѣдняго слова (ст. 748, 632), напоминаніе предсѣдателя объ имѣющихся у подсудимаго правахъ (ст. 683), указаніе, что молчаніе подсудимаго не принимается за признаніе имъ своей вины (ст. 685).

Важной для интересовъ личности стороной Судебныхъ Уставовъ является также *признаніе этическаго начала* въ уголовномъ процессѣ. Подъ этическимъ началомъ мы понимаемъ требованіе, предъявляемое къ государственной власти и ея органамъ, о томъ, чтобы дѣятельность ихъ не стояла въ противорѣчіи съ нравственными основаніями общежитія и не ослабляла ихъ. Требованіе это имѣетъ не только моральное значеніе, но и государственно-политическое, такъ какъ въ настоящее время значительная часть правовой жизни покоится на свободномъ этическомъ сознаніи гражданъ, и основы государственнаго правопорядка только тогда будутъ прочными, когда онѣ будутъ находиться въ гармоніи съ господствующими въ данную эпоху началами общественной этики. Современный судъ долженъ дать торжество примѣняемому имъ закону не исключительно силой его фактическаго господства, но и силой моральной поддержки общежитія.

Забота о проведеніи этическаго начала налагаетъ на законодателя обязанности, какъ положительныя, такъ и отрицательныя. Первыя состоятъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

во внесеніи въ порядокъ процесса такихъ правилъ, которыя способствовали бы воспитанію этическаго сознанія, путемъ усиленнаго подчеркиванія важности его на судѣ; вторыя выражаются въ томъ, что государство избѣгаетъ ставить свои требованія въ противорѣчіе съ нравственными обязанностями и воспрещаетъ суду пользоваться такими средствами, которыя способны пошатнуть моральный авторитетъ закона и оттолкнуть отъ него общество.

Въ Судебныхъ Уставахъ этическому началу посвящено значительное вниманіе. Остановимся сначала на постановленіяхъ, имѣющихъ въ виду оградить извѣстныя соціальныя отношенія семейнаго и профессіональнаго довѣрительнаго характера отъ дискредитированія ихъ, хотя бы въ интересахъ правосудія; эти отношенія важны для общежитія, такъ какъ они питаютъ и поддерживаютъ общественную жизнь. Въ качествѣ примѣровъ можно указать на предоставленіе права членамъ семьи подсудимаго устранять себя отъ свидѣтельства (ст. 705), воспрещеніе разглашенія на судѣ тайны исповѣди или довѣрительнаго сообщенія, сдѣланнаго защитнику во время производства дѣла (ст. 704), охраненіе тайны совѣщанія присяжныхъ (ст. 677), привлеченіе родителей или опекуновъ къ производству дѣлъ о малолѣтнихъ (ст. 566[1], 581[1], 683[1], 749[1]), закрытіе дверей засѣданія по дѣламъ о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и противъ нравственности, а также по дѣламъ о малолѣтнихъ (ст. 89, 620 [2-4]).

Примѣрами такихъ правилъ, которыя имѣютъ въ виду устранить коллизію между закономъ и нравственными обязанностями участниковъ процесса или нравственными воззрѣніями общества, являются слѣдующіе случаи: право прокурора отказаться отъ обвиненія, если онъ находитъ оправданія подсудимаго уважительными, и обязанность заявить о томъ суду по совѣсти (ст. 740), воспрещеніе слѣдователю и суду домогаться сознанія обвиняемаго обѣщаніями, ухищреніями, угрозами или мѣрами вымогательства (ст. 405), право свидѣтеля не отвѣчать на вопросы, уличающіе его въ какомъ-либо преступленіи (ст. 722), отказъ отъ поощренія доносовъ и, наоборотъ, возложеніе усиленной отвѣтственности на доносителя (ст. 781), непризнаніе безыменныхъ пасквилей и подметныхъ писемъ законнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія (ст. 300), освобожденіе отъ присяги лицъ, принадлежащихъ къ исповѣданіямъ, не пріемлющимъ присяги или священнослужителей и монашествующихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (ст. 712), предоставленіе суду опредѣлять вину или невинность подсудимаго по внутреннему убѣжденію (ст. 766) и т. д.

Наконецъ, приведемъ нѣкоторые примѣры, въ которыхъ отражается забота законодателя о томъ, чтобы безопасность личности не подвергалась въ процессѣ излишнимъ испытаніямъ. Такъ, слѣдователь не долженъ приводить или даже призывать кого-либо къ допросу безъ достаточнаго основанія (ст. 396), слѣдствіе не можетъ быть начато безъ законнаго повода и достаточнаго основанія (ст. 262); обыски и выемки производятся вообще только въ случаяхъ основательнаго подозрѣнія (ст. 357), воспрещается въ показаніяхъ примѣшивать слухи, неизвѣстно отъ кого исходящіе (ст. 719).

Конечно, нельзя считать, что всѣ эти постановленія исчерпываютъ ту сумму необходимыхъ мѣръ, которыя надлежитъ принять для предот-

вращенія этическихъ конфликтовъ. Многое опредѣляется не предписаніемъ закона, а тактомъ слѣдователя, судьи, прокурора, защитника. Но кое въ чемъ наше законодательство еще недостаточно заботится объ огражденіи нравственныхъ интересовъ. Такъ, оно еще слишкомъ широко расточаетъ обязанность присяги и въ самомъ текстѣ присяги, особенно для лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, проникнуто извѣстнымъ недовѣріемъ къ личности. Оно ничего не говоритъ объ огражденіи врачебной тайны. Оно позволяетъ свидѣтелю не уличать себя въ преступленіи, но недостаточно ограждаетъ его отъ нападокъ на его нравственную личность. Только по отношенію къ защитнику указано, что онъ не долженъ употреблять выраженій, оскорбительныхъ для чьей-либо личности (ст. 745), въ отношеніи же прокурора и судей объ этой обязанности не упомянуто. При принятіи отдѣльныхъ принудительныхъ мѣръ (напр. взятія подъ стражу,) моментъ дѣйствительной необходимости этихъ мѣръ недостаточно подчеркнутъ и т. д. Но все же значеніе достигнутаго Судебными Уставами въ этой области прогресса очевидно даже при поверхностной попыткѣ сопоставленія уставовъ съ дореформеннымъ законодательствомъ. Послѣднее съ крайнимъ недовѣріемъ относилось къ судьямъ, сторонамъ и свидѣтелямъ, оно подчиняло этическія задачи судебно-слѣдственнымъ, не останавливаясь предъ домогательствомъ сознанія, предъ поощреніемъ доносовъ, злоупотребленіемъ очными ставками и допросами, оно придавало формальной правильности больше значенія, чѣмъ дѣйствительному убѣжденію. Мы вправѣ, поэтому, сказать, что только Уставы подняли судебную дѣятельность на надлежащую этическую высоту и сдѣлали судъ проводникомъ не одного государственнаго принужденія, но силой, стоящей въ солидарности съ моральными воззрѣніями общества.

Идея личности, такимъ образомъ, весьма разносторонне отразилась въ Уставахъ Императора Александра II. Она приблизила судъ къ общественному правосознанію, поставила руководящимъ для него началомъ не только законъ, но и совѣсть и внутреннее убѣжденіе, подчинила дѣятельность его этическому началу и, что главнѣе всего, замѣнила въ процессѣ опеку надъ личностью свободнымъ состязаніемъ. Однако, роль Уставовъ въ отношеніи къ личности должна быть разсмотрѣна еще съ другой точки зрѣнія—со стороны тѣхъ гарантій, которыя они представили для защиты личныхъ правъ населенія. Этому вопросу мы посвящаемъ самостоятельную главу.

IV.

Контроль суда надъ мѣрами принужденія. Предпосылки и границы принужденія, допустимаго въ интересахъ правосудія. Признаніе правъ личной свободы въ Судебныхъ Уставахъ. Надзоръ за задержаніемъ. Предварительный арестъ. Постановка мѣръ пресѣченія въ дореформенномъ законодательствѣ и въ уст. уг. суд.

Въ правовомъ государствѣ, какъ было уже указано, судебная власть призвана къ охранѣ правъ гражданъ противъ злоупотребленія широкими

полномочіями, имѣющимися въ распоряженіи власти административной. Въ области личной свободы эта охрана выражается въ томъ, что примѣненіе какихъ-либо принудительныхъ мѣръ къ личности ставится подъ контроль судебной власти. Иначе говоря, кромѣ крайнихъ случаевъ, осуществленіе принудительныхъ полномочій администраціи происходитъ въ порядкѣ состязанія предъ судомъ, въ которомъ гражданинъ можетъ отстаивать свои права. Полномочія принудительнаго характера могутъ быть предоставляемы административной власти, какъ въ интересахъ управленія, такъ и въ интересахъ правосудія.

Группа полномочій перваго рода проявляетъ, съ усовершенствованіемъ государственной жизни, тенденцію къ сокращенію. Признаніе виновности лица все болѣе и болѣе становится предпосылкою принужденія. Подчиненіе администраціи въ этомъ отношеніи суду полностью достигнуто въ одной только Англіи. Въ странахъ континента еще сильна самостоятельная власть администраціи въ этой области. Заинтересованнымъ лицамъ предоставляется лишь право жалобы или обращенія къ административной юстиціи.

Послѣдовательнѣе проведенъ контроль суда въ области принудительныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ интересахъ правосудія. Здѣсь судебной власти удалось утвердить свое господство и всецѣло подчинить себѣ дѣйствія полиціи и администраціи, кромѣ случаевъ провозглашенія исключительныхъ положеній, когда дѣйствіе нормальныхъ гарантій пріостанавливается.

Примѣненіе принужденія къ личности обвиняемаго въ современномъ уголовномъ процессѣ допускается исключительно ради двухъ цѣлей: 1) обезпеченія явки его къ правосудію и 2) полученія необходимыхъ доказательствъ. Въ то время, какъ мѣры перваго рода затрагиваютъ преимущественно свободу его личности, мѣры второго рода ограничиваютъ неприкосновенность его жилища, тайны корреспонденціи, а иногда и право распоряженія собственностью. Правовой предпосылкой примѣненія мѣръ того и другого рода является наличность судебнаго опредѣленія, основаннаго на соображеніи съ соотвѣтственными мотивами, указывающими на необходимость принятія этихъ мѣръ въ интересахъ правосудія.

Мѣры, обезпечивающія явку обвиняемаго къ правосудію, распадаются *на мѣры представленія его въ судъ*, имѣющія въ виду выполненіе отдѣльнаго акта явки, и *мѣры, обезпечивающія неуклоненіе обвиняемаго отъ слѣдствія и суда*, задачей которыхъ является поставленіе обвиняемаго на сравнительно продолжительный срокъ въ такое положеніе, при которомъ уклоненіе его отъ правосудія было бы значительно затруднено. Какъ тѣ, такъ и другія примѣняются правильно лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) онѣ имѣютъ въ виду интересы *правосудія*, а не какіе-либо иные (напр., интересъ полицейской безопасности, удобства); 2) онѣ допустимы лишь при *серьёзныхъ* доказательствахъ учиненія лицомъ преступленія извѣстной тяжести; 3) примѣненіе ихъ оправдывается лишь при *опасности уклоненія*; 4) лицо, прибѣгающее къ принятію этихъ мѣръ, должно нести серьёзную *отвѣтственность* за неправильное ихъ примѣненіе. Органомъ примѣненія этихъ

мѣръ является судъ. Лишь въ отношеніи мѣръ представленія допускается отступленіе отъ этого правила для случаевъ опасности промедленія.

Достоинство закона, опредѣляющаго примѣненіе указанныхъ принудительныхъ мѣръ, измѣряется не только послѣдовательнымъ проведеніемъ перечисленныхъ началъ, но и тѣми гарантіями соблюденія установленныхъ правилъ, которыя имъ припяты. Во многихъ государствахъ Запада эти начала провозглашены въ конституціонныхъ хартіяхъ, процессуальные же законы представляютъ собою лишь болѣе подробное ихъ развитіе. И у насъ въ основные законы 1906 г. была внесена ст. 73, опредѣляющая, что «никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ», хотя тождественное съ этимъ постановленіе уже содержалось въ ст. 8 уст. уг. суд. Этимъ придана ему какъ бы особая незыблемость. Злоупотребленіе правомъ задержанія настолько опасно не только для личной свободы, но и для свободы политической, являясь мощнымъ орудіемъ деспотизма, что границы его устанавливаются на первомъ мѣстѣ въ ряду конституціонныхъ правъ. Но конституціонныя права висятъ въ воздухѣ, если они не опираются на разработанное законодательство вторичнаго порядка, облекающее эти права въ кровь и плоть. Народъ, получившій даже весьма либеральную конституцію, немного выиграетъ въ своихъ правахъ, если въ неприкосновенности сохранятся старые вторичные законы.

Судебные Уставы еще при отсутствіи у насъ конституціи не только провозгласили права личной свободы, но и попытались послѣдовательно провести ихъ въ законодательство. Изъ круга гражданскихъ свободъ они выдѣлили свободу личности и постарались укрѣпить ее, какъ фундаментъ для будущаго правового строя. Правда, волны реакціи стали размывать устроенную плотину почти немедленно вслѣдъ за ея сооруженіемъ, и многое въ ней пострадало. Правила 19 мая 1871 г. о жандармскомъ дознаніи и особенно положеніе объ охранѣ 1 сентября 1881 г. нанесли тяжкій ударъ созданной системѣ огражденія личной свободы. За послѣдніе годы законъ 7 іюня 1904 г. и рядъ законовъ 1905 г. (особенно 14 декабря о мѣрахъ охраны на желѣзныхъ дорогахъ) еще болѣе расшатали ее. Но все же основная идея сохранилась. Однако, если и отметутся тѣ наслоенія, которыя создались на системѣ Уставовъ, все же останется главный вопросъ о томъ, насколько полно права личной свободы нашли себѣ защиту въ постановленіяхъ Уставовъ, и не показало ли истекшее полувѣковье въ нихъ такихъ пробѣловъ, которые нуждаются въ восполненіи.

На послѣдній вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Составители Уставовъ работали въ періодъ только пробужденія либеральной мысли. Въ новомъ, создаваемомъ строѣ суда имъ не все было ясно; они еще недостаточно сжились съ новыми понятіями и не вполнѣ отрѣшились отъ старыхъ представленій. Въ Уставы проскользнули изъ стараго процесса такія постановленія, которыя не мирятся съ надлежаще понимаемой свободой личности. Съ другой стороны, оказалось, что созданныхъ гарантій не достаточно, и требуется укрѣпленіе зданія во многихъ отношеніяхъ. На нѣкоторыхъ такихъ дефектахъ я считаю необходимымъ сейчасъ остановиться.

Неудачнымъ явилось въ уставѣ уг. суд. построеніе наиболѣе чувствительной для личной свободы формы принужденія—*полицейскаго ареста*. Неясность закона по этому вопросу и широта предоставленныхъ полиціи полномочій въ этой области характерны скорѣе для полицейскаго строя, чѣмъ для правового государства. И ни въ одной области недостатки Уставовъ не отразились такъ тяжко на правовой обезпеченности населенія, какъ въ этой.

Прежде всего составители Уставовъ совершенно прошли мимо случаевъ полицейскаго ареста, принимаемаго въ интересахъ полицейскихъ, фискальныхъ и общественной безопасности. Они оставили въ полной неприкосновенности всю пеструю, исторически наслоившуюся, груду постановленій нашего Свода по этому предмету, и лишь общимъ образомъ въ ст. 8—11 уст. уг. суд. установили надзоръ прокуроровъ и судей за законностью содержанія подъ стражей. Статьи эти, заимствованныя изъ французскаго кодекса, устанавливали лишь формальный контроль. Повѣрка ограничивалась лишь 1) удостовѣреніемъ въ существованіи закона, дозволяющаго взятіе подъ стражу въ подобномъ случаѣ, 2) провѣркою наличности постановленія о задержаніи, 3) наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы содержаніе подъ стражею происходило въ надлежащихъ помѣщеніяхъ. Провѣрка эта являлась не обязанностью судьи или прокурора, а лишь правомъ его, причемъ законъ не указалъ на способы осуществленія этого права. Не касаясь *основаній* задержанія и дѣйствительной необходимости его, провѣрка ограничивалась лишь оцѣнкой формальной его правильности. Наконецъ, она не предусматривала какихъ-либо санкцій въ случаѣ установленія неправильности задержанія. Даже предписаніе закона о немедленномъ освобожденіи неправильно задержаннаго на практикѣ не получило примѣненія, ибо начальство мѣстъ заключенія являлось подчиненнымъ не судебной, а административной власти, и требованія послѣдней были, поэтому, для него болѣе авторитетными. Такимъ образомъ, возможность существованія административнаго ареста на ряду съ судебнымъ у насъ создавалась весьма широкая. А скромное право надзора, стѣсненное къ тому же толкованіями практики [1]), оказалось почти безрезультатнымъ. Выработанный въ 1 и 2-ой Гос. Думѣ проектъ о неприкосновенности личности намѣчалъ подчиненіе случаевъ полицейскаго ареста болѣе активному контролю суда, предусматривая необходимость привода всѣхъ задерживаемыхъ къ судьѣ въ теченіе 24-хъ часового срока съ цѣлью провѣрки основаній задержанія, но комиссія 3-ей Гос. Думы отказалась отъ этого предположенія, оговоривъ просто, что во всѣхъ случаяхъ, когда задержаніе происходитъ не въ интересахъ правосудія, «полиція принимаетъ мѣры, указанныя въ подлежащихъ узаконеніяхъ» (ст. 5 проекта) [2]). Не ввелъ этого контроля и законъ 15 іюня 1912 г. Между тѣмъ, распоряженіе судьбою административно задерживаемыхъ лицъ, ввѣренное полиціи и губернской admini-

---

[1]) См. Систематическій комментарій подъ ред. М. Н. Гернета вып. I, ст. 8—11.

[2]) См. нашу статью: «Проектъ о неприкосновенности личности въ 3-ей Гос. Думѣ». Сб. «На смѣну стараго права», 1915, стр. 46—47.

страціи, является серьезнѣйшей угрозой законности, такъ какъ подъ покровомъ отдѣльныхъ административныхъ задачъ и общественной безопасности, могутъ совершаться акты самаго грубаго произвола. Предупрежденіе его одною возможностью привлеченія къ суду виновныхъ совершенно недостаточно даже при томъ условіи, что возможность судебнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ будетъ облегчена.

Но кромѣ полицейскаго ареста въ цѣляхъ административныхъ, допускается арестъ въ интересахъ представленія лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія, въ судъ, т. н. *арестъ предварительный*. Регламентація этого ареста во всѣхъ странахъ Запада, безъ исключенія, однородна. Онъ допускается лишь при наличности серьезныхъ уликъ (а иногда—лишь при застиженіи на мѣстѣ преступленія) по преступленіямъ опредѣленной тяжести, порою даже конкретно перечисляемымъ въ законодательствѣ, и притомъ продолжительность его не можетъ превышать 24 часовъ. Законодательства разнятся между собою лишь въ характерѣ тѣхъ гарантій, которыя устанавливаются для соблюденія этихъ правилъ. Такъ, одни предусматриваютъ для случаевъ незаконнаго продленія задержанія назначеніе легальныхъ штрафовъ (французское законодательство по закону 1897 г.), другія даютъ потерпѣвшему право отыскивать въ гражданскомъ порядкѣ справедливое удовлетвореніе съ виновнаго (англійское право), третьи устанавливаютъ общую уголовную отвѣтственность (германское законодательство). Различается и кругъ органовъ, которымъ предоставляется такое право. Обыкновенно имъ надѣляются, какъ органы судебной полиціи, такъ и органы полиціи общей и даже частныя лица.

Напрасно мы стали бы искать въ нашемъ уставѣ уг. суд. ясно выраженныхъ постановленій о такомъ предварительномъ арестѣ. Въ представленіи составителей Уставовъ онъ слился съ принадлежавшимъ въ дореформенномъ процессѣ полиціи правомъ принятія мѣръ пресѣченія, и потому въ новомъ законѣ не получилъ самостоятельнаго выраженія. При составленіи «Основныхъ Положеній 1862 г.» институтъ этотъ смутно еще намѣчался. Такъ, ст. 45 осн. пол. устанавливала, что «обвиняемый, подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ, непремѣнно, въ теченіе сутокъ». Ст. 33 тѣхъ же правилъ гласила: «полиція можетъ при производствѣ дознаній задерживать подозрѣваемыхъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, немедленно увѣдомляя судебнаго слѣдователя и прокурора при задержаніи». При развитіи этихъ правилъ въ проектѣ уст. уг. суд. правило ст. 45 о суточномъ срокѣ допроса было примѣнено только по отношенію къ тѣмъ задержаннымъ, которые приведены *по требованію слѣдователя* (ст. 398), относительно же задержанныхъ полиціей не имѣется никакихъ указаній. Такимъ образомъ, полиція получила возможность держать подъ стражей арестованныхъ продолжительное время безъ допроса ихъ судебною властью. Съ другой стороны, правило ст. 33 въ окончательномъ проектѣ превратилось въ право принятія полиціей *мѣръ пресѣченія* въ отсутствіе слѣдователя (ст. 257), и арестъ былъ смѣшанъ со слѣдственными дѣйствіями полиціи, предпринимаемыми въ отсутствіе судебной власти. Сохранена была лишь обязанность увѣдомленія о томъ прокурора и слѣдователя (ст. 250),

при чемъ здѣсь указанъ суточный срокъ. Для дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, въ ст. 51 говорилось не объ арестѣ, *а о приводѣ* обвиняемаго къ судьѣ, при чемъ этотъ приводъ скорѣе разсматривался какъ особая форма возбужденія обвиненія, чѣмъ какъ средство контроля за задержаніемъ. О правѣ задержанія, принадлежащемъ частнымъ лицамъ, сказано ничего не было, и лишь сохранили свою силу двѣ устарѣлыя статьи устава о предупр. и пресѣч. преступленій (ст. 242 и 310), касавшіяся совершенно спеціальныхъ случаевъ ловли драчуновъ и поджигателей.

Сохраняя за полиціей право примѣнять мѣры пресѣченія, т. е. порядокъ, принятый въ старомъ законодательствѣ, составители Суд. Уставовъ сочли необходимымъ сохранить для этого случая и частицу стараго процесса—формальную теорію доказательствъ. Такъ, ст. 257 разрѣшаетъ принимать эти мѣры лишь при опредѣленныхъ, перечисленныхъ въ законѣ, уликахъ. Перечень этотъ являлся простымъ сокращеніемъ перечня того, что должно почитать уликою, содержавшагося въ ст. 343 т. XV ч. 2 (изд. 1857 г.); безусловно исчерпывающаго значенія на практикѣ ему никогда не придавалось, и потому онъ лишенъ практическаго значенія.

Постепенно кругъ лицъ, уполномоченныхъ на принятіе мѣръ пресѣченія по ст. 257, расширялся. Уже уст. уг. суд. предоставилъ одинаковыя съ полиціей права волостнымъ и сельскимъ начальникамъ и другимъ лицамъ, исполняющимъ въ кругу ихъ вѣдомства полицейскія обязанности (ст. 261). Положеніе 19 мая 1871 г. распространило это право на чиновъ дополнительнаго штата жандармскихъ управленій (ст. 261 [2 и 3]). Законъ 7 іюня 1904 г. предоставилъ его лицамъ, производящимъ дознаніе по государственнымъ преступленіямъ (ст. 1035[11]) на основаніяхъ, еще большихъ, чѣмъ имѣющіяся у полиціи общей. Наконецъ, законъ 6 іюля 1908 г. предоставилъ это полномочіе всѣмъ чинамъ сыскныхъ отдѣленій, начиная отъ начальниковъ и кончая городовыми (ст. 261 прод. 1908 г.).

Все это построеніе слѣдуетъ признать крайне неудачнымъ. По современнымъ правовоззрѣніямъ въ области ограниченій личной свободы полиція никогда не можетъ *замѣнять* судебную власть. Если бы такая замѣна допускалась, то обособленіе судебной и административной властей стало бы пустымъ звукомъ. Она можетъ въ исключительныхъ случаяхъ *предварять* дѣйствіе судебной власти, отчего самый арестъ получаетъ названіе ареста предварительнаго. Такое предвареніе ограничивается лишь случаями, не терпящими отлагательства (какъ, напр., застиженіе на мѣстѣ преступленія и опасность побѣга), и можетъ длиться лишь самое краткое время. Далѣе полиція принимаетъ не «мѣры пресѣченія», которыя могутъ быть весьма разнообразны (подписка, залогъ, поручительство и пр.), но лишь «мѣры задержанія», обезпечивающія возможность представленія обвиняемаго къ судебной власти. Это задержаніе есть не слѣдственное дѣйствіе, а актъ, предшествующій возбужденію слѣдствія. Это право не есть монополія полиціи, а право каждаго гражданина, въ частности, потерпѣвшаго, полиція же осуществляетъ его и какъ обязанность въ силу лежащей на ней заботы о поддержаніи порядка. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ прійти къ заключенію, которое мы изложили подробнѣе въ другомъ

мѣстѣ[1]), что правила о принудительныхъ мѣрахъ полиціи въ отношеніи ареста вшиты бѣлыми нитками въ уставъ изъ дореформеннаго процесса, совершенно иначе представлявшаго себѣ отношенія между судомъ и полиціей.

Мысль о необходимости этого порядка была усвоена позднѣе составителями проектовъ о неприкосновенности личности, которые намѣчали уже разработанную систему предварительнаго ареста. Проекты всѣхъ трехъ Гос. Думъ вводили систему судебнаго контроля за предварительнымъ арестомъ по истеченіи сутокъ, различаясь между собою лишь по вопросу о томъ, къ какому судьѣ арестованный долженъ быть приводимъ, и какія мѣры можетъ принять судья послѣ допроса. Кромѣ того, гарантіи соблюденія суточнаго срока въ проектахъ 1-ой и 2-ой Думы были болѣе серьёзными, чѣмъ въ проектѣ, выработанномъ комиссіей 3-ей Думы [2]). Эти предположенія отчасти и нашли свое осуществленіе въ законѣ 15 іюня 1912 г.

Третьимъ видомъ принудительныхъ мѣръ являются *мѣры пресѣченія*. Степень уваженія къ правамъ личности рѣзче всего сказывается въ постановкѣ мѣръ этого рода. При низкой оцѣнкѣ личной свободы, государство легко, при малѣйшемъ подозрѣніи, ограничиваетъ свободу гражданъ, дѣлаетъ назначеніе мѣръ этихъ обязательнымъ, и устанавливаетъ мало гарантій противъ возможнаго въ этой области произвола. Напротивъ того, государство, высоко цѣнящее свободу своихъ гражданъ, жертвуетъ даже нѣкоторою обезпеченностью правосудія для того, чтобы подчеркнуть свое уваженіе къ неприкосновенности неосужденнаго за преступленіе гражданина. Оно въ опредѣленныхъ случаяхъ провозглашаетъ его право на свободу во время слѣдствія и суда, создаетъ надежныя гарантіи противъ произвола, требуетъ подробной мотивировки назначаемыхъ ограниченій и зорко слѣдитъ за правильностью примѣненія закона.

Въ нашемъ дореформенномъ законодательствѣ, несмотря на заботы верховной власти, положеніе обвиняемаго въ этомъ отношеніи было печально. Принятіе мѣръ пресѣченія находилось въ рукахъ полиціи. Во многихъ случаяхъ принятіе какой-либо изъ этихъ мѣръ предписывалось какъ обязательное въ соотвѣтствіи съ тяжестью угрожаемаго наказанія. Законодательству были извѣстны только мѣры полицейско-ограничительнаго характера, какъ содержаніе въ тюрьмѣ и при полиціи, домашній арестъ, полицейскій надзоръ и поручительство, носившее не имущественный, а скорѣе патронатскій характеръ.

Какихъ-либо гарантій правильности задержанія создано не было, и особенно неудовлетворительной стороной являлась необычайная продолжительность задержанія, доходившая до 10 лѣтъ и болѣе [3]). Несмотря на рядъ мѣръ, предпринятыхъ къ ея сокращенію (надзоръ Сената, особая

---

[1]) Свобода личности въ уголовномъ процессѣ, 1906 г., стр. 282—326.

[2]) Проектъ о неприкосновенности личности въ 3-ей Гос. Думѣ. «На смѣну стараго права», 1915 г., стр. 45 сл.

[3]) См. по этому вопросу свѣдѣнія у *Кистяковскаго*: «О мѣрахъ пресѣченія» 1868, а также *Блиновъ*. «Судебный строй и судебные порядки передъ реформой 1864 г., стр. 31 сл., въ изд. «Судебные Уставы за 50 лѣтъ», П., 1914 г.

очередь колодничьихъ дѣлъ, ежегодное представленіе списковъ о содержащихся подъ стражею свыше извѣстнаго срока), положеніе не улучшалось, такъ какъ весь процессъ съ его проволочками, ревизіями, восхожденіемъ дѣлъ вплоть до Государя поневолѣ приводилъ къ крайней медленности.

Судебные Уставы внесли много новаго въ постановку мѣръ обезпеченія неуклоненія. Система, принятая ими, для того времени представлялась передовою, и нѣкоторыя изъ началъ Судебныхъ Уставовъ въ этой области позднѣе были заимствованы другими европейскими законодательствами. Но на ряду съ значительными усовершенствованіями, въ системѣ уст. уг. суд. сохранились и нѣкоторыя отрицательныя черты, которыя не смогло, къ сожалѣнію, исправить и послѣдующее законодательство. Онѣ рѣзко выдѣляются на свѣтломъ фонѣ Судебныхъ Уставовъ.

Остановимся сначала на положительныхъ сторонахъ введенной Суд. Уставами системы. Цѣнными качествами этой системы прежде всего является отсутствіе въ уставѣ постановленій, безусловно требующихъ принятія въ опредѣленныхъ случаяхъ тягчайшихъ мѣръ пресѣченія. Законъ указываетъ лишь, при какихъ преступныхъ дѣяніяхъ тягчайшія мѣры (взятіе подъ стражу, залогъ и поручительство) *могутъ* быть примѣняемы. Нѣкоторымъ отступленіемъ являются лишь стт. 125 (до зак. 1912 г.) и 875, требующія непремѣнно, по крайней мѣрѣ, отобранія залога или поручительства отъ подсудимыхъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы, въ случаѣ подачи ими жалобы. Но и это правило закономъ 15 іюня 1912 г. смягчено для мировой юстиціи, ограничившимъ примѣненіе его только случаями опасенія побѣга. Въ довольно широкихъ предѣлахъ у насъ устанавливается начало подслѣдственной свободы (ст. 419). При принятіи мѣръ пресѣченія законодатель имѣлъ въ виду одну только цѣль—предупрежденіе побѣга; полицейскія цѣли—предупрежденія новыхъ преступленій, успокоеніе общественнаго возбужденія—ему чужды. Цѣль предупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія лишь «принимается во вниманіе», но не является руководящей. Вслѣдствіе этого, законъ не выработалъ у насъ особо строгихъ формъ подслѣдственнаго заключенія, могущихъ преградить обвиняемому всякое сношеніе со внѣшнимъ міромъ. Правда, практика допустила одну квалификацію режима въ цѣляхъ предупрежденія сокрытія слѣдовъ преступленія—воспрещеніе свиданій, но практика эта не покоится на строгомъ основаніи закона. Хотя уже въ Суд. Уставахъ въ числѣ условій, принимаемыхъ во вниманіе при назначеніи мѣръ пресѣченія, былъ поставленъ *возрастъ* обвиняемаго, однако Уставы очень мало вниманія обратили на необходимость примѣненія особыхъ обезпечительныхъ мѣръ къ малолѣтнимъ обвиняемымъ. Этотъ недостатокъ былъ исправленъ закономъ 2 іюня 1897 г., предписавшимъ для этой категоріи обвиняемыхъ вмѣсто взятія подъ стражу назначеніе отвѣтственнаго присмотра, помѣщенія въ воспитательно-исправительныя заведенія и монастыри. Эти мѣры не только способны обезпечить явку обвиняемаго, но и даютъ возможность осуществленія извѣстнаго надзора за поведеніемъ малолѣтняго и нѣкотораго воспитательнаго на него вліянія. Практика судовъ для малолѣтнихъ сдѣлала изъ нихъ богатое употребленіе. Постановка залога и поручительства

въ уст. уг. суд. оказалась весьма цѣлесообразной. Имущественная отвѣтственность вытѣснила чисто фиктивную личную отвѣтственность дореформеннаго поручителя и явилась, поэтому, надежнымъ суррогатомъ личнаго задержанія. Правда, остались неясными границы имущественной отвѣтственности поручителей. Случаи, когда залогъ конфискуется или поручительство взыскивается съ поручителя, явились весьма неразработанными, не указана возможность возврата залога въ случаѣ представленія къ суду уклонившагося. Но эти пробѣлы носятъ техническій характеръ и могутъ быть восполнены даже практикой.

Заслугой Уставовъ явилось то, что они внесли въ законъ рядъ гарантій противъ неправильнаго и не вызваннаго необходимостью заключенія подъ стражей. Такъ, прежде всего, они обязали всякую власть, будь то власть судебная или административная, составлять *мотивированное постановленіе* о взятіи подъ стражу; это постановленіе должно быть предъявлено задержанному въ теченіе сутокъ (ст. 430, 431). Требованіе такого постановленія, съ одной стороны, внушаетъ органу, постановляющему о задержаніи, извѣстную осторожность и ставитъ усмотрѣніе его подъ нѣкоторый контроль высшихъ органовъ, могущихъ провѣрять основанія принятія имъ этой мѣры; съ другой стороны, оно избавляетъ задерживаемаго отъ томительной неизвѣстности и облегчаетъ ему обжалованіе. Къ сожалѣнію, постановленія объ этой гарантіи недостаточно развиты. Такъ, копія съ постановленія о взятіи подъ стражу только *предъявляется*, но не вручается задерживаемому, который не въ состояніи большею частью усвоить его изъ одного просмотра, находясь при этомъ въ возбужденномъ состояніи духа. Затѣмъ не всегда излагаются въ немъ основанія задержанія. Ст. 84 для дѣлъ мировой юстиціи совершенно умалчиваетъ о нихъ, а требованіе ст. 430 понимается на практикѣ лишь, какъ указаніе доказательствъ, уличающихъ обвиняемаго въ преступленіи извѣстной тяжести, или даже какъ простая ссылка на статью, уполномочивающую данный органъ на принятіе такой мѣры.

Дальнѣйшей гарантіей является *обжалованіе*. Гарантія эта, допущенная для ряда стѣснительныхъ процессуальныхъ мѣръ, въ отношеніи мѣръ пресѣченія обставлена различными льготами. Такъ, жалобы на взятіе подъ стражу могутъ быть приносимы во все время производства (ст. 152, 895). Въ первоначальномъ текстѣ судебныхъ уставовъ по дѣламъ, подсуднымъ мировой юстиціи (ст. 153), принесеніе жалобъ ограничивалось лишь семидневнымъ срокомъ, но законъ 1912 г. справедливо отмѣнилъ это ничѣмъ не вызванное ограниченіе. Далѣе, заключенному подъ стражу, пожелавшему принести жалобу, должны быть предоставлены всѣ необходимые къ тому способы (ст. 496). Жалобамъ этимъ должно быть дано движеніе въ теченіе сутокъ, тогда какъ для остальныхъ жалобъ установленъ трехдневный срокъ (ст. 499).

На ряду съ жалобой устанавливается и *пересмотръ* самими судебными инстанціями основаній для примѣненія мѣръ пресѣченія всякій разъ, когда происходитъ оцѣнка доказательствъ по существу. Такъ, вопросъ о принятой мѣрѣ пресѣченія пересматривается ex officio въ обвинительной камерѣ, а если дѣло не требуетъ преданія суду, то въ періодъ приготовительныхъ

къ суду распоряженій, послѣ постановки приговора въ первой истанціи, и, наконецъ, въ инстанціи апелляціонной при постановкѣ новаго приговора. Такой пересмотръ облегчаетъ сообразованіе тяжести принятой мѣры съ дѣйствительной необходимостью.

О *надзорѣ за правильностью задержанія* мы уже говорили. Укажемъ лишь въ дополненіе, что этотъ надзоръ не ограничивается первоначальнымъ задержаніемъ, но распространяется и на все послѣдующее время. Система надзора, принятая у насъ въ ст. ст. 8—11, существенно отличается отъ системы, выработанной англійскимъ законодательствомъ и одно время провозглашенной у насъ для совѣстныхъ судовъ. Такъ, въ Англіи, если до суда дойдетъ, что кто-либо содержится неправильно, то судъ вызываетъ задержаннаго къ себѣ, допрашиваетъ его и провѣряетъ основанія задержанія, причемъ судъ этотъ совершенно не связанъ старымъ постановленіемъ. Онъ можетъ освободить задержаннаго даже въ томъ случаѣ, если тотъ содержался по постановленію компетентной власти, если только сочтетъ основанія для этой мѣры недостаточными. У насъ судья не въ правѣ требовать привода къ себѣ задержаннаго, онъ можетъ удостовѣриться въ томъ лишь путемъ посѣщенія мѣста заключенія. Неясно, даже, имѣетъ ли онъ право допрашивать задержаннаго съ цѣлью узнать причины задержанія. Наконецъ, повѣрка его, имѣя чисто формальный характеръ, ограничивается удостовѣреніемъ въ томъ, что имѣется соотвѣтственное постановленіе, и что оно исходитъ отъ компетентной власти. Надзоръ, осуществляемый въ такомъ объемѣ и лишенный достаточной авторитетности, отнюдь нельзя назвать достаточной гарантіей, и обрисовку его въ Суд. Уставахъ слѣдуетъ, поэтому, признать слабой.

Еще болѣе слабой гарантіей является постановка *отвѣтственности* за недосмотры и злоупотребленія при лишеніи свободы обвиняемыхъ. Въ этой области матеріальное уголовное право сохранило еще въ неприкосновенности дореформенное законодательство, кодифицированное въ улож. о нак. 1845 г. Глава XI этого уложенія говоритъ «о преступленіяхъ и проступкахъ чиновниковъ при слѣдствіи и судѣ» (ст. 426—434) и по своему содержанію пріурочена къ тому строю, при которомъ слѣдствіе находилось еще въ рукахъ полиціи, а судъ—въ рукахъ судей—чиновниковъ. Оно предусматриваетъ за нарушеніе правъ обвиняемаго по преимуществу дисциплинарныя взысканія. Послѣднія грозятъ за неисполненіе предписанныхъ для производства слѣдствія правилъ и формъ, за неснятіе первоначальнаго допроса въ теченіе сутокъ, за принужденіе къ сознанію, за медленность въ производствѣ слѣдствія, за представленіе виновному какихъ-либо недозволенныхъ закономъ средствъ къ оправданію и т. д. Дисциплинарная отвѣтственность, установленная въ интересахъ службы, менѣе всего способна гарантировать личную свободу. При ней полная власть надъ производствомъ и надъ назначеніемъ наказанія сохраняется въ рукахъ начальства обвиняемаго. Дисциплинарное взысканіе также менѣе всего способно дать удовлетвореніе потерпѣвшему. Наконецъ, эта система съ большимъ трудомъ примѣнима къ органамъ судебной власти. Эта система служитъ еще отраженіемъ той эпохи, когда власть опекала личность, не признавая за нею

самостоятельныхъ правъ: вся система отвѣтственности опредѣляется заботою власти, а для самостоятельной иниціативы потерпѣвшаго почти не оставлено мѣста. Еще слабѣе процессуальная постановка этой отвѣтственности. Право наложенія взысканій на органы полиціи судомъ и прокуратурою крайне ограничено (ст. 485, 486). Предусмотрѣнная Суд. Уставами власть наложенія на полицію легчайшихъ взысканій со стороны мировыхъ судей была впослѣдствіи, закономъ 18 декабря 1879 г., упразднена [1]). Порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ за служебныя преступленія явился однимъ изъ слабыхъ мѣстъ Суд. Уставовъ. Наконецъ, самый судъ надъ виновными должностными лицами закономъ 1889 г. былъ изъятъ изъ вѣдомства присяжныхъ и переданъ особому присутствію палаты или сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Такая постановка отвѣтственности совершенно не могла представить сколько-нибудь надежнаго оплота личной свободѣ, а при отсутствіи этой существеннѣйшей гарантіи, потерялось значеніе и ряда другихъ опирающихся на нее вторичныхъ гарантій. Въ области дѣйствій административной власти по принятію мѣръ пресѣченія царилъ, поэтому, произволъ. И даже слѣдователи, лишенные несмѣняемости и подчиненные прокуратурѣ, стали больше страшиться начальственной немилости, чѣмъ установленной закономъ отвѣтственности за нарушеніе личной свободы. Единственно возможнымъ выходомъ изъ такого печальнаго положенія является не только полная реформа процессуальной постановки отвѣтственности лицъ въ направленіи расширенія участія потерпѣвшаго, но и замѣна дисциплинарной отвѣтственности въ этой области системою легальныхъ штрафовъ или взысканій въ пользу потерпѣвшаго, а въ болѣе тяжкихъ случаяхъ установленіе отвѣтственности уголовной.

Надѣливъ обвиняемаго рядомъ процессуальныхъ правъ, обезпечивающихъ ему возможность активнаго участія въ процессѣ, Суд. Уставы не могли не учесть того, что содержаніе обвиняемаго подъ стражей повлечетъ для него фактическую невозможность пользованія многими изъ этихъ правъ. Лучшимъ средствомъ возмѣщенія этой несправедливости явилось бы, несомнѣнно, допущеніе защитника на предварительное слѣдствіе съ самаго начала теченія дѣла. Но, несмотря на предположенія редакціонной комиссіи, Гос. Совѣтъ не рѣшился допустить представителя обвиняемаго въ это святилище инквизиціоннаго процесса. Пришлось, поэтому, замѣнить участіе его созданіемъ ряда мѣръ, облегчающихъ самому обвиняемому пользованіе процессуальными правами, несмотря на взятіе подъ стражу. Однако, такія мѣры облегченія созданы далеко не для всѣхъ случаевъ, а только для тѣхъ, когда законодатель считалъ проявленіе активности самого обвиняемаго особенно важнымъ. Въ созданіи этихъ привилегій для заключеннаго подъ стражу слѣдуетъ видѣть отраженіе гуманнаго взгляда законодателя, желаніе его прійти на помощь обвиняемому въ его тяжеломъ положеніи. Постановленія этого рода довольно многочисленны въ уст. уг. суд. Такъ, въ случаѣ взятія подъ стражу обвиняемаго, ему предъявляется о томъ постановленіе (ст. 430), слѣдователь принимаетъ мѣры къ

[1]) См. подробно ниже въ гл. «Мировой Судъ».

охранѣ его имущества и къ попеченію о его малолѣтнихъ дѣтяхъ (ст. 431[1] по зак. 1912); ему предоставляются необходимые способы для принесенія жалобъ (ст. 496); при заключеніи слѣдствія ему предъявляется производство въ цѣляхъ пополненія слѣдствія (ст. 476), причемъ онъ можетъ быть отпускаемъ для этой цѣли изъ тюремнаго замка (ст. 256 уст. сод. стр.); наконецъ, по заключеніи слѣдствія онъ переводится въ уѣздный городъ, если содержался въ уѣздѣ, чтобы онъ могъ подготовиться къ судебному разбирательству (ст. 480). Перечисленныхъ мѣръ, однако, оказывается недостаточно. Такъ, онѣ совершенно не обезпечиваютъ для обвиняемаго пользованія правами, указанными въ ст. 316, 358, 446, 456 у. у. с. (право присутствованія при осмотрахъ, обыскахъ, освидѣтельствованіяхъ, допросахъ свидѣтелей, дознаніяхъ чрезъ окольныхъ людей), они не даютъ возможности обвиняемому приводить возраженія и замѣчанія на протоколы (ст. 468, 469). Число постановленій, облегчающихъ положеніе взятаго подъ стражу обвиняемаго послѣ преданія суду, больше. Ему предоставляется возможность знакомства съ дѣломъ въ канцеляріи суда (ст. 584, 570, 571), ему вручается обвинительный актъ и списокъ свидѣтелей и судей (ст.556), отбираются объясненія относительно назначенія защитника и дается право свиданія съ защитникомъ наединѣ (ст. 561, 562, 564, 569). Во время засѣданія онъ пользуется всѣми правами свободныхъ обвиняемыхъ (ст. 612, 637), онъ присутствуетъ при провозглашеніи приговора въ окончательной формѣ (ст. 828). Въ случаѣ обжалованія приговора ему сообщается о каждомъ поданномъ по его дѣлу протестѣ или отзывѣ (ст. 870), копія которыхъ ему дается безплатно и на которые онъ можетъ представить свои объясненія въ апелляціонную инстанцію (ст. 871, 872). Въ случаѣ желанія подать кассаціонную жалобу онъ освобождается отъ внесенія залога (ст. 910) и даже можетъ присутствовать при кассаціонномъ разбирательствѣ, если содержится въ мѣстѣ пребыванія Сената (ст. 917). Такимъ образомъ, законъ старается по возможности загладить невыгодное съ процессуальной точки зрѣнія положеніе обвиняемаго, находящагося подъ стражей.

Гораздо меньше стараній проявили составители Судебныхъ Уставовъ, чтобы загладить моральный и матеріальный вредъ, причиненный содержаніемъ подъ стражей. Уставъ уголов. судопр. установилъ зачетъ предварительнаго заключенія въ наказаніе только для времени, проведеннаго подъ стражею по вступленіи приговора въ законную силу и до обращенія его къ исполненію. Въ остальныхъ случаяхъ, когда преступленіе не влекло наказанія съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, долговременное содержаніе подъ стражей разсматривалось какъ обстоятельство, смягчающее наказаніе (ст. 157 улож. о нак.). Послѣдующее законодательство должно было расширять эти крайне узкія рамки зачета. Такъ, законъ 8 декабря 1886 г. установилъ для дѣлъ мировой юстиціи зачетъ времени, проведеннаго подъ стражей послѣ провозглашенія приговора, если приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ (хотя бы былъ обжалованъ, напр., гражданскимъ истцомъ или обвинителемъ). Закономъ 10 ноября 1887 г. эта же система зачета была принята для общихъ судебныхъ установленій. Тогда же такой зачетъ былъ распространенъ и на приговоры къ болѣе тяжкимъ наказані-

ямъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Далѣе, съ введеніемъ въ дѣйствіе отдѣльныхъ частей уголовнаго уложенія 1903 г. (законъ 7 іюня 1904 г. и слѣд.), зачетъ распространился и на періодъ времени содержанія подъ стражей и до постановленія приговора, при чемъ онъ можетъ производиться по усмотрѣнію суда полностью или отчасти (ст. 54). Наконецъ, такая же система зачета была принята закономъ 17 февраля 1910 г. для уложенія о наказаніяхъ. Благодаря всему этому постановленія нашего права о зачетѣ получили большую пестроту. Основанія зачета до постановленія и послѣ постановленія приговора различны. Усмотрѣніе суда при зачетѣ времени, проведеннаго подъ стражей до постановленія приговора, ничѣмъ не регулируется. Въ случаѣ присужденія къ каторгѣ или ссылкѣ засчитывается только время послѣ провозглашенія приговора, но не до него. Самыя постановленія о зачетѣ разбросаны частью въ процессуальномъ, частью въ матеріальномъ кодексѣ.

Еще рѣзче оказался пробѣлъ въ области *вознагражденія за безъ вины понесенное подсудственное заключеніе*. Въ отличіе отъ зачета, здѣсь послѣдующее законодательство не восполнило существеннаго пробѣла Судебныхъ Уставовъ. Въ редакціонной комиссіи меньшинство семи членовъ предполагало установить государственное вознагражденіе за вредъ и убытки лицу, неправильно привлеченному къ уголовной отвѣтственности. Это вознагражденіе должно было быть выдаваемо оправданнымъ обвиняемымъ въ порядкѣ монаршаго усмотрѣнія по ходатайству суда даже въ томъ случаѣ, если въ неправильномъ привлеченіи его никто не могъ быть признанъ виновнымъ, но если такой подсудимый содержался продолжительное время подъ стражей (Объясн. Зак. 1863 г. стр., 253). Большинство, однако, отклонило эту мысль, признавъ, что напрасное привлеченіе къ суду является «несчастьемъ, которымъ человѣкъ нерѣдко подвергается вслѣдствіе несовершенства его природы или вслѣдствіе неисповѣдимыхъ судебъ Верховнаго Промысла. Эти случаи требуютъ уврачеванія неизбѣжнаго въ мірѣ зла мѣрами благотворительности» (тамъ же). Въ законѣ, поэтому, нашли осуществленіе лишь постановленія, предусматривающія возможность отысканія вознагражденія съ частныхъ лицъ за неправильные доносы или жалобы (ст. 780—784). Такое отрицательное отношеніе къ государственному вознагражденію въ эпоху Уставовъ могло найти себѣ еще то объясненіе, что институтъ этотъ въ то время былъ почти неизвѣстенъ западному праву (подобныя вознагражденія практиковались лишь въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи). Но съ того времени рядъ странъ принялъ государственное вознагражденіе лицамъ, безъ вины задержаннымъ подъ стражей, предпосылки его были подробно разработаны русской литературой, весьма часто останавливавшейся на этой темѣ, общественное мнѣніе неоднократно высказывалось въ пользу его. Тѣмъ не менѣе, когда вопросъ сталъ на очередь въ комиссіи Н. В. Муравьева, послѣдняя, признавъ принципіальную его важность, ничего не сдѣлала для проведенія его въ законодательство, и вопросъ остается открытымъ до сихъ поръ. А между тѣмъ каждый случай ошибочнаго взятія подъ стражу тяжело отзывается на правосознаніи народа, какъ нарушеніе справедливости. Съ другой стороны, само государство,

не неся за это денежной отвѣтственности, привыкаетъ легко относиться къ такимъ случаямъ судебныхъ ошибокъ.

Немного мѣръ принято законодательствомъ для *сокращенія продолжительности* подслѣдственнаго заключенія. Россія по-прежнему продолжаетъ фигурировать на первомъ мѣстѣ по долговременности содержанія подъ стражей. Причины тому болѣе общаго, чѣмъ частнаго характера. Громоздкость предварительныхъ слѣдствій, излишняя процедура преданія суду, загроможденіе нашихъ окружныхъ судовъ дѣлами, отдаленность кассаціонной инстанціи—все это приводитъ къ печальному явленію долговременнаго содержанія подъ стражей. Но кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, несомнѣнно играютъ извѣстную роль и причины частныя: частое обращеніе дѣлъ къ дослѣдованію со стороны прокуратуры, недостаточная энергія веденія предварительныхъ слѣдствій и полицейскихъ дознаній, канцелярскія проволочки и пр. Одной жалобы обвиняемаго на медленность недостаточно, такъ какъ обвиняемый не знаетъ причинъ промедленія и жалоба его, поневолѣ, лишена надлежащей аргументаціи.

Не выработанъ у насъ *режимъ* содержанія подъ стражей до суда. Отдѣльныя постановленія по этому вопросу, разсѣянныя въ уставѣ о содержащихся подъ стражей, совершенно неудовлетворительны. Большинство западныхъ законодательствъ справедливо придерживаются той точки зрѣнія, что важнѣйшія права заключеннаго (право свободныхъ свиданій, право свободы отъ труда, право сохраненія льготъ и т. п.) должны быть оговорены въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

Въ заключеніе надлежитъ указать на нѣкоторыя общіе недостатки постановки у насъ мѣръ пресѣченія. Такъ, текстъ 416 ст. уст. уг. суд. по своей неопредѣленности допускаетъ толкованіе этой статьи въ томъ смыслѣ, что для дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ установленіямъ, обязательно примѣненіе какой-либо мѣры пресѣченія. Въ числѣ мѣръ пресѣченія фигурируютъ такія устарѣлыя мѣры, какъ полицейскій надзоръ и отобраніе вида на жительство, отъ которыхъ самъ законодатель счелъ полезнымъ отказаться для дѣлъ мировой юстиціи. Но печальнѣе всего обстоитъ дѣло въ области опредѣленія этихъ мѣръ. Здѣсь господствуетъ у насъ полное усмотрѣніе слѣдственной власти. Свобода обвиняемаго ввѣрена почти исключительно усмотрѣнію слѣдователя. Законъ дѣлаетъ лишь крайне слабую попытку оградить слѣдователя отъ рѣшительнаго вліянія прокурора въ этой области (ст. 285), которая фактически является мертвой буквой. Въ большинствѣ случаевъ за спиною слѣдователя раздается голосъ обвинительной власти, распоряжающейся свободой обвиняемаго. Прокурору по вопросу о мѣрахъ пресѣченія придается положеніе не стороны, а органа надзора, а дѣйствительный надзоръ, который долженъ былъ бы осуществляться судомъ, отодвигается далеко на второй планъ.

Я остановился нѣсколько подробнѣе на отношеніи Судебныхъ Уставовъ къ свободѣ обвиняемаго, такъ какъ эта сторона ихъ имѣетъ больше всего значенія для характеристики ихъ отношенія къ правамъ личности. Несмотря на рядъ усовершенствованій, мы видѣли, что въ этой области

еще много недостатковъ. Уваженіе къ Судебнымъ Уставамъ не должно закрывать отъ насъ того вывода, что постановленія ихъ о защитѣ личной свободы нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи. Полувѣковая жизнь Уставовъ мало дала намъ для этого развитія. Только законъ 15 іюня 1912 г. ввелъ нѣкоторыя скромныя поправки для дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ. Но все же эта сторона нуждается въ пересмотрѣ, и притомъ, пересмотрѣ тщательномъ и всестороннемъ.

Другая категорія процессуальныхъ принудительныхъ мѣръ, какъ было выше указано, направляется на полученіе доказательствъ. Важнѣйшими изъ нихъ являются право обыска и право осмотра корреспонденціи.

Право неприкосновенности жилища, какъ конституціонное право, было провозглашено у насъ только законами 23 апрѣля 1906 г. (ст. 75 осн. зак.). Но это еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что ранѣе это право не признавалось. Уже наше дореформенное законодательство разрѣшало производство обысковъ въ домахъ лишь при наличности «ясныхъ доказательствъ», и не иначе какъ по письменному приказу начальства. Обыскъ производился въ присутствіи понятыхъ изъ числа окольныхъ людей, а также, по возможности, въ присутствіи депутатовъ (ст. 92—96 изд. 1857 г.). При обыскѣ выемщики не должны были чинить никому убытковъ, обидъ и озлобленія. За обыскъ безъ основательнаго подозрѣнія виновный подвергался, сверхъ личнаго наказанія, предусмотрѣннаго ст. 391 (ст. 349 изд. 1885 г.) улож. о нак., взысканію всѣхъ происшедшихъ отъ того убытковъ и, кромѣ того, платежу особаго безчестья въ пользу домохозяина (ст. 98 т. XV изд. 1857 г.). По изданію 1842 г., въ случаѣ обыска въ дворянскомъ домѣ, безчестье платилось всѣми членами присутствія вдвое, а съ доносителя взыскивалась особая пеня (ст. 974 т. XV). Недостаткомъ дореформеннаго законодательства, такимъ образомъ, являлась не слабая отвѣтственность за неправильный обыскъ и не легкомысленное отношеніе къ этой мѣрѣ, а лишь то обстоятельство, что производство обысковъ было ввѣрено административной власти. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что и авторы Судебныхъ Уставовъ не вполнѣ устранили этотъ недостатокъ. Они повторили постановленія дореформеннаго законодательства о томъ, что обыски допускаются «въ случаѣ основательнаго подозрѣнія» (ст. 357), что при производствѣ его присутствуютъ понятые и хозяинъ дома или замѣняющее его лицо (ст. 358). Они ввели даже новыя правила въ интересахъ устраненія излишней стѣснительности обыска, указавъ, что обыски производятся, кромѣ крайней необходимости, днемъ (ст. 363), что передъ началомъ обыска объявляется, по какому дѣлу и съ какой цѣлью онъ предпринимается (ст. 364), что обыскъ въ бумагахъ долженъ быть производимъ съ крайней осторожностью безъ оглашенія обстоятельствъ, не относящихся къ слѣдствію (ст. 367), что слѣдователь долженъ избѣгать напраснаго поврежденія осматриваемыхъ помѣщеній (ст. 366). Но они допустили къ производству обысковъ не только судебную власть, какъ того требуютъ интересы личной свободы, а и власть полицейскую. Правда, ст. 258, разрѣшающая полиціи производство обысковъ, ограничиваетъ это право только случаями,

когда ею застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступленіе, а также, когда до прибытія слѣдователя слѣды преступленія могли бы изгладиться. Но это ограниченіе на практикѣ стало мертвою буквою, что легко было возможно, благодаря его неопредѣленности. Позднѣйшія узаконенія уже совершенно игнорируютъ его. Законъ 19 мая 1871 г. предоставилъ это право чинамъ жандармскихъ уѣздныхъ управленій (ст. 261[1]); законъ 7 іюня 1904 г. предоставилъ это право, уже внѣ всякаго контроля со стороны слѣдователя, лицамъ, производящимъ дознанія по государственнымъ преступленіямъ (1035[11]). Наконецъ, законъ 6 іюня 1908 г. далъ это право чинамъ сыскныхъ отдѣленій (ст. 261 прод. 1908 г.). Право административнаго обыска, предоставленнаго въ интересахъ казеннаго управленія, было расширено закономъ 27 марта 1906 г. въ районѣ пограничной черты (ст. 1151[1] прод. 1906 г.). Такимъ образомъ, право администраціи на производство обыска, составлявшее слабую сторону дореформеннаго законодательства, и послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ явилось весьма широкимъ. При этомъ я имѣю въ виду нормальное положеніе, а не исключительное, при которомъ административныя полномочія по производству обысковъ крайне возрастаютъ и самое производство ихъ не сопровождается тѣми гарантіями, которыя предусмотрѣны уставомъ угол. суд. Отвѣтственность же за неправильные обыски ослабѣла. Уголовные законы сохраняютъ въ этой области одну только дисциплинарную отвѣтственность (ст. 349 улож. о нак.), о недостаточности которой мы говорили. Весьма цѣлесообразное для такихъ случаевъ взысканіе безчестья отмѣнено; остается лишь трудный и сомнительный путь взысканія съ виновнаго должностного лица убытковъ.

Неприкосновенность частной корреспонденціи [1]) не обратила на себя вниманія составителей Судебныхъ Уставовъ. Предусматривая обыскъ въ домахъ, они говорили о выемкѣ отдѣльныхъ бумагъ, къ числу которыхъ, конечно, могли относиться и письма. Но жизнь выдвинула необходимость производить порою обыски и въ почтовыхъ учрежденіяхъ въ цѣляхъ перехвата писемъ. Пока слѣдствіе находилось въ рукахъ административной власти, послѣдняя, имѣя въ своемъ распоряженіи такъ наз. черные кабинеты, легко могла производить осмотры и выемки этого рода безъ всякихъ формальностей. Но когда органомъ предварительнаго слѣдствія стали представители судебной власти, потребовалось установленіе извѣстнаго порядка обращенія судебной власти къ административной. Этотъ порядокъ и былъ созданъ закономъ 30 октября 1878 г. Правила производства осмотра и выемки почтовой или телеграфной корреспонденціи являются довольно сложными (ст. 368[1]). Слѣдователь долженъ заручиться согласіемъ Окружного Суда. Судъ составляетъ особое постановленіе, въ которомъ должны быть съ точностью указаны основанія, вызывающія необходимость этой

---

[1]) О постановленіяхъ нашего права, относящихся къ вопросу о неприкосновенности корреспонденціи, см. обстоятельную статью Е. Черномордика въ «Вѣстн. Права», 1914 г., №№ 21 и 22.

мѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ о состоявшемся опредѣленіи соотвѣтственное почтовое и телеграфное начальство. Судебный слѣдователь можетъ производить осмотръ на мѣстѣ или потребовать доставленія ему соотвѣтственной корреспонденціи. Осмотръ происходитъ въ присутствіи должностного лица почтово-телеграфнаго вѣдомства, при чемъ письма, посылки и телеграммы, не подлежащія задержанію, безотлагательно направляются по назначенію. Изложенный порядокъ скорѣе гарантируетъ почтово-телеграфное вѣдомство отъ излишняго безпокойства, чѣмъ даетъ гарантію обвиняемому. Обвиняемый не получаетъ ни извѣщенія о принятіи этой мѣры, ни права представлять свои объясненія въ окружной судъ, ни, наконецъ, не можетъ присутствовать при вскрытіи корреспонденціи. Нельзя считать этотъ порядокъ достаточно гарантирующимъ интересы и другихъ корреспондирующихъ лицъ. Установить, какія именно письма посланы обвиняемымъ, можно лишь по вскрытіи ряда, быть можетъ, и не относящихся къ дѣлу писемъ. Неприкосновенность корреспонденціи имѣетъ значеніе, какъ нѣкоторая охрана свободы слова отъ сыска со стороны государственной власти. Поэтому, это право имѣетъ, по преимуществу, политическое значеніе. Между тѣмъ у насъ именно въ этой области всякое вмѣшательство суда устранено. При производствѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ осмотръ почтово-телеграфной корреспонденціи производится по простому соглашенію жандарма, производящаго дознаніе, съ представителемъ прокурорскаго надзора (ст. 1035[11]), причемъ это соглашеніе не находитъ себѣ выраженія въ какомъ-либо формальномъ актѣ, въ которомъ излагались бы основанія этой мѣры. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что за самовольное вскрытіе чужой корреспонденціи должностными лицами у насъ установлена только легкая дисциплинарная отвѣтственность (ст. 350 улож. о нак.), и что должностное лицо, вскрывающее чужую корреспонденцію въ соотвѣтствіи съ предписаніемъ начальства, фактически (да, пожалуй, по буквальному тексту ст. 350, и юридически) не рискуетъ подвергнуться наказанію.

Сказанное позволяетъ намъ прійти къ выводу, что, несмотря на нѣкоторыя старанія, составители Судебныхъ Уставовъ, при отсутствіи прочныхъ основъ правового строя—подчиненія администраціи контролю суда и надлежащей отвѣтственности должностныхъ лицъ, не смогли поставить надлежащимъ образомъ охрану неприкосновенности жилища и частной корреспонденціи. Эта задача, на ряду съ прочими, была поставлена при выработкѣ законопроекта о неприкосновенности личности. Но во всѣхъ трехъ Гос. Думахъ этому проекту не было суждено выйти изъ предѣловъ комиссіоннаго обсужденія. Право неприкосновенности личности и жилища у насъ оказалось вписаннымъ въ основные законы, а фактическое положеніе этихъ правъ явилось далеко худшимъ, чѣмъ оно было при изданіи Судебныхъ Уставовъ. Жизнь здѣсь двинулась не впередъ, а назадъ. И это разногласіе законодательства съ развитымъ правосознаніемъ народа является однимъ изъ самыхъ трагическихъ противорѣчій русской жизни.

V.

Судебная защита гражданской свободы. Отвѣтственность должностныхъ лицъ и постановка административной юстиціи. Защита судомъ политической свободы. Нашъ политическій процессъ.—Заключеніе.

Если въ рамкахъ абсолютнаго государственнаго строя не представлялось возможнымъ надлежащимъ образомъ охранить въ судебномъ порядкѣ права личной свободы и тѣсно связанныя съ ней права неприкосновенности жилища и тайны корреспонденціи, то тѣмъ менѣе возможнымъ оказалось дать судебную защиту правамъ гражданской и политической свободы, тогда еще почти не развитымъ. Препятствія со стороны администраціи здѣсь возрастали во много разъ. И слѣдуетъ прямо признать, что Судебные Уставы внесли очень немногое въ эту область. Не дальше ихъ, правда, пошла и наша современная жизнь.

Гражданская свобода, какъ мы говорили, состоитъ въ устраненіи устарѣлыхъ формъ опеки со стороны административной власти, въ раскрѣпощеніи гражданина отъ различныхъ путъ, стѣсняющихъ проявленіе его личности въ области передвиженія, борьбы за лучшія условія труда, его дѣятельности, общественныхъ связей, исповѣданія и т. п. Свобода эта достигается прежде всего отмѣною устарѣлыхъ законовъ полицейскаго характера. Но, кромѣ того, здѣсь и для суда открывается важная область дѣятельности. Суду ввѣряется контроль надъ законномѣрностью дѣятельности администраціи, осуществляемый двумя путями: 1) надлежащимъ проведеніемъ въ жизнь гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ и 2) административной юстиціей. Оба эти средства обезпеченія гражданской свободы почти совершенно не получили развитія въ Судебныхъ Уставахъ.

Постановка какъ гражданской, такъ и уголовной *отвѣтственности должностныхъ лицъ* явилась какъ бы отраженіемъ особаго правового иммунитета, присущаго чиновникамъ. Одинъ изъ авторовъ оффиціальной исторіи Судебныхъ Уставовъ пишетъ о нихъ [1]): «Въ цѣляхъ охраненія администраціи отъ суда, составители Уставовъ, хотя не устранили совсѣмъ слѣдственную власть и прокуратуру отъ привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, но присвоили при этомъ, какъ той, такъ и другой настолько пассивную роль, что на практикѣ административная гарантія легко могла превратиться у насъ для чиновъ того или иного вѣдомства въ полную недосягаемость ихъ для суда». Эта система, по свидѣтельству того же автора, «какъ нельзя лучше соотвѣтствовала соображеніямъ удобства отдѣльныхъ вѣдомствъ» [2]). При возбужденіи разногласій со стороны прокуратуры, побѣда, благодаря несовершенству нашего закона, чаще оставалась на сторонѣ администраціи и начальство прибѣгало или къ полному отрицанію грѣховъ

---

[1]) *А. Э. Нольде.* Отношеніе между судебной и административной властями. «Судебные Уставы за 50 лѣтъ», 1914 г., т. II, стр. 535.

[2]) Тамъ же, стр. 544.

своихъ подчиненныхъ, для избѣжанія огласки ихъ незаконныхъ дѣйствій, или, въ крайнихъ случаяхъ, сводило виновность ихъ къ дисциплинарнымъ нарушеніямъ, неподлежащимъ вѣдѣнію суда [1]). Такова характеристика этой системы, сдѣланная авторомъ, просмотрѣвшимъ практику сената по дѣламъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ за 50 лѣтъ и выносящимъ свое заключеніе на страницы оффиціальнаго изданія. Мнѣніе, составившееся въ общественныхъ и юридическихъ кругахъ, конечно, является еще болѣе рѣзкимъ. Надежда отстоять свои права путемъ жалобы на виновнаго чиновника вызываетъ улыбку у опытныхъ юристовъ-практиковъ. Количество возбуждаемыхъ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ противъ правъ гражданъ ничтожно, несмотря на постоянныя сѣтованія на администрацію. Нужно рѣдкое упорство, а порою и самопожертвованіе, чтобы довести до какого-либо удовлетворительнаго исхода дѣло подобнаго рода. Сама власть поняла, что подобная система не согласуется съ элементарной законностью. Высоч. указъ сенату отъ 12 декабря 1904 г. объ укрѣпленіи началъ законности предписывалъ «принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія». Составленные министромъ юстиціи проекты 1909 г. о порядкѣ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ должны были пойти навстрѣчу этому заявленію. Но, къ сожалѣнію, намѣчавшіяся ими реформы были весьма скромными, а условія разсмотрѣнія ихъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ сложились неблагопріятно. Ни тому, ни другому проекту не удалось стать закономъ [2]).

Другое средство охраны гражданской свободы—*административная юстиція*, получившая пышный расцвѣтъ на Западѣ, у насъ стала возникать лишь послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ. Но свое выраженіе она нашла въ рядѣ смѣшанныхъ присутствій полуадминистративнаго характера, образуемыхъ при сенатѣ, при центральныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ, которыя совершенно не могутъ представить необходимыхъ для учрежденій подобнаго рода общественныхъ гарантій независимости, гласности и состязательности.

Перехожу къ послѣднему вопросу, характеризующему роль суда въ охранѣ правъ гражданъ, къ охранѣ судомъ *политической свободы*. На эту сторону судебной дѣятельности было обращено особое вниманіе въ Англіи, и англійская исторія даетъ намъ высокій образецъ того покровительства, какое оказывалъ гражданамъ въ борьбѣ съ деспотизмомъ государственной власти судъ. Исторія суда присяжныхъ, особенно большого жюри, исторія преслѣдованій печати и дѣлъ о государственной измѣнѣ представляетъ со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 551.

[2]) См. нашу статью о проектѣ уголовной отвѣтственности въ сб. «На смѣну стараго права»; 1915 г., стр. 185—206.

бою постепенный процессъ проникновенія въ судъ началъ, предназначенныхъ къ тому, чтобы укрыть гражданина отъ пристрастныхъ политическихъ преслѣдованій. Такъ, именно на почвѣ пристрастныхъ преслѣдованій печати выработались теорія о разрѣшеніи присяжными вопроса о виновности по внутреннему убѣжденію, правила о свободѣ защиты, о недопустимости пристрастнаго подбора присяжныхъ административною властью. Процессы о государственной измѣнѣ выработали право немотивированнаго отвода присяжныхъ, требованіе о врученіи подсудимому обвинительнаго акта и списка свидѣтелей, необходимость двухъ свидѣтелей для осужденія, право защитительной рѣчи. До сихъ поръ процессы о государственной измѣнѣ являются образцами судебнаго производства, при которомъ права обвиняемаго являются защищенными наиболѣе прочно. Уничтоженіе исключительныхъ судовъ и чрезвычайныхъ полномочій административной власти произошло именно на почвѣ стремленія защитить политическую свободу. Здѣсь не мѣсто для подробнаго изложенія политическаго значенія англійскаго суда. Замѣчу только, въ качествѣ общаго вывода, что высокая авторитетность, которою пользуется судебная власть въ Англіи, несмотря на суровость англійскихъ уголовныхъ законовъ, трудную доступность и сложность права и значительныя издержки, съ которыми сопряжено обращеніе къ правосудію, объясняется тою ролью, которую она сыграла въ дѣлѣ защиты политической свободы гражданъ.

Иную картину представляетъ наше право. Я не останавливаюсь на болѣе отдаленной эпохѣ, когда самой идеѣ суда приходилось домогаться своего признанія на смѣну идеи административной расправы въ области политическихъ преступленій. Если взять только Судебные Уставы, то мы увидимъ, что мысль оградить личность отъ политическихъ преслѣдованій была еще чужда составителямъ ихъ. Гарантіи Запада въ этой области не были восприняты. Въ журналѣ Гос. Совѣта (23 сент. 1864 г. стр. 53) мы находимъ слѣдующее характерное замѣчаніе по поводу устройства Верховнаго Уголовнаго Суда для государственныхъ преступленій: «Замѣчали, что въ западныхъ государствахъ Европы учрежденіе для какихъ-либо дѣлъ чрезвычайныхъ судовъ воспрещается основными законами. Возраженіе это имѣло бы значеніе, если бы Государь Императоръ въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части заявилъ Свою Высочайшую волю слѣдовать въ учрежденіи у насъ судебныхъ установленій примѣру западныхъ государствъ. Но такого заявленія въ основныхъ положеніяхъ не было, да и не могло быть сдѣлано, потому что въ каждомъ государствѣ судебныя установленія должны быть приспособлены къ государственному устройству, степени цивилизаціи и быту народа». По тѣмъ же соображеніямъ былъ отброшенъ судъ присяжныхъ для преступленій государственныхъ. Впрочемъ, редакціонная комиссія, сознавая важность этого изъятія, подчеркнула временный характеръ его: «Желательно, чтобы учрежденіе присяжныхъ дѣйствовало у насъ сколь возможно успѣшнѣе и пріобрѣло то довѣріе и уваженіе, котораго оно заслуживаетъ, а для этого необходимо, *на первое время его введенія*, предоставить присяжнымъ засѣдателямъ только разборъ такихъ преступленій, по которымъ отъ нихъ можно ожидать приговоровъ безошибочныхъ»

(журн. 1862 г. стр. 233). Это же изъятіе было распространено и на политическія преступленія, учиненныя путемъ печати, а съ 1866 г. и на всѣ дѣла печати. Нарушеніе нормальной подсудности было въ Судебныхъ Уставахъ главнѣйшей особенностью судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ. Изъ менѣе важныхъ слѣдуетъ отмѣтить допущеніе въ сенатъ, при обсужденіи вопроса о прекращеніи такихъ дѣлъ, начальника третьяго отдѣленія и министра внутреннихъ или иностранныхъ дѣлъ съ правомъ рѣшающаго голоса (ст. 1047) и болѣе строгія правила о содержаніи подъ стражей (ст. 1040, 1043). Но на ряду съ этими отступленіями Судебные Уставы вносили въ этотъ порядокъ судопроизводства и постановленія, гарантирующія права обвиняемаго въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ общемъ процессѣ. Таково было устраненіе полиціи отъ производства дознанія и порученія его слѣдователю, возложеніе производства слѣдствія на члена судебной палаты, а наблюденія за производствомъ слѣдствія на прокурора палаты, допущеніе просьбъ о помилованіи, имѣющихъ суспенсивную силу и нѣк. др. При такихъ условіяхъ нашъ политическій процессъ для того времени не представлялся еще очень темнымъ пятномъ. Полное извращеніе правовыхъ началъ въ этотъ процессъ внесъ выработанный при участіи В. К. Плеве и Н. В. Муравьева законъ 7 іюня 1904 г. Этому процессу еще будетъ удѣлено особое мѣсто въ настоящемъ изданіи. Но и здѣсь приходится указать, что эта новелла, выработанная въ эпоху самой ожесточенной борьбы съ крамолою, лишаетъ обвиняемаго почти всѣхъ процессуальныхъ гарантій. Она не только ослабляетъ общественныя гарантіи независимости суда, гласности и народнаго участія въ судѣ, но и ставитъ обвиняемаго въ полную зависимость отъ жандармской полиціи въ стадіи предварительнаго производства. Послѣдней предоставляется право взятія подъ стражу, производства обысковъ, осмотра корреспонденціи, принятія мѣръ пресѣченія, воспрещенія сношеній съ внѣшнимъ міромъ, право, не стоящее подъ контролемъ судебной власти. Преданіе суду отмѣняется. Законъ 18 марта 1906 г. пошелъ еще далѣе, сокративъ сроки для осуществленія важнѣйшихъ процессуальныхъ правъ послѣ преданія суду. Въ такой обрисовкѣ нашъ политическій процессъ едва ли на много возвышается надъ порядкомъ старой московской расправы и менѣе всего соотвѣтствуетъ сколько-нибудь развитому политическому строю. Столь же неудовлетворителенъ у насъ и процессъ по дѣламъ печати [1]).

Мы видѣли, что, несмотря на поднятіе довѣрія къ судьѣ, къ общественнымъ силамъ, къ этическому началу и значенію личности, Судебные Уставы не могли сдѣлать судъ прочнымъ оплотомъ правъ личности. Если въ области огражденія личной свободы за ними можно признать даже крупныя заслуги, то въ области огражденія гражданской и политической свободы, они не создали почти ничего. Это въ значительной мѣрѣ понятно. Уставы создавались тогда, когда полицейское государство у насъ было во всей силѣ. Вѣя-

---

[1]) См. статью *Н. Н. Ровина*. Судъ по дѣламъ печати. Журн. Угол. Права и Процесса, 1912, кн. 2, а также *Г. Н. Штильманъ*. Печать и уголовный законъ, 1914.

нія, направленныя къ раскрѣпощенію личности, сумѣли проявиться только въ освободительной реформѣ 1861 г. и въ отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній въ 1863 г., но они еще не выразились въ укрѣпленіи у насъ правового строя. Судъ является оплотомъ гражданской и политической свободы только въ странахъ, гдѣ административная власть изъ всемогущей вершительницы всѣхъ государственныхъ дѣлъ превращена во власть, дѣйствующую въ подчиненіи отъ законодателя и подъ контролемъ суда. Такихъ условій не представлялъ нашъ государственный строй въ началѣ 60-хъ годовъ. Не представляетъ онъ ихъ и въ настоящее время. Но все же въ современномъ законодательствѣ и, особенно, въ правосознаніи заложены уже нѣкоторыя новыя начала, которыя позволяютъ пойти значительно дальше, чѣмъ то могли сдѣлать составители Уставовъ. И пока русская жизнь не двинется въ этомъ направленіи, до тѣхъ поръ безплодны будутъ частичныя поправки и исправленія судебнаго строя и процесса.

Празднуя 50-лѣтіе Судебныхъ Уставовъ, русское общество какъ-то отдѣляетъ Судебные Уставы отъ современнаго русскаго суда. Между тѣмъ юбилей законодательнаго судебнаго памятника именно долженъ былъ бы быть юбилеемъ суда. Это раздвоеніе объясняется не только тѣмъ, что первоначальный текстъ Уставовъ былъ значительно искаженъ послѣдующими новеллами, и что современный судъ не является, такимъ образомъ, подлиннымъ дѣтищемъ Судебныхъ Уставовъ, но и горькимъ сознаніемъ того, что судъ этотъ оказался безсильнымъ внести дѣйствительную законность въ нашу жизнь, что онъ не далъ надлежащихъ гарантій правамъ личной и политической свободы и не проявилъ достаточно самостоятельности въ отношеніи административной власти. Судъ, это—не только техническое орудіе для рѣшенія сложныхъ дѣлъ, но и крѣпкая ограда права. Подъ охраной ея каждый спокойно развиваетъ свою личную, общественную и политическую дѣятельность. Чтобы быть сильной, эта ограда должна быть сложена изъ людей устойчивыхъ, какъ скала, справедливыхъ и мудрыхъ, безстрашныхъ и гуманныхъ. Не природа, а воспитаніе надѣляетъ людей такими качествами. И въ этомъ воспитаніи главнѣйшую роль играютъ учрежденія. Каждое учрежденіе представляетъ собою благопріятную или неблагопріятную среду для развитія опредѣленныхъ качествъ. Нужно сдѣлать нашъ судъ такимъ, чтобы въ немъ находили успѣшное развитіе качества, необходимыя для настоящаго судьи, и глохли побѣги противоположнаго характера. Это можетъ быть достигнуто не только подборомъ надлежащихъ судей, но еще болѣе перестройкой нѣкоторыхъ частей нашего законодательства. Судебные Уставы сдѣлали многое для этого, но они не завершили работы. Время легко стало разрушать эту незаконченную постройку. Будущему законодателю предстоитъ, поэтому, не только возстановить разрушенныя части, но и довести зданіе до конца, укрѣпивъ гарантіи суда, развивъ административную юстицію и отвѣтственность должностныхъ лицъ и поставивъ судъ на стражѣ гражданской и политической свободы гражданъ.

Проф. *П. И. Люблинскій.*

Общій очеркъ движенія уголовно-процессуальнаго законодательства послѣ 1864 года.

Судебные Уставы 1864 г., открывшіе собой новый періодъ въ исторіи нашей общественности и начавшіе новую эру въ исторіи нашего процесса, въ теченіе своего полувѣкового существованія естественно не могли оставаться въ застывшемъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій. Какъ ни казались они совершенными своимъ составителямъ, видѣвшимъ въ нихъ послѣднее слово науки, какъ ни представляются они до сихъ поръ правильными въ своихъ основныхъ построеніяхъ, они нуждались въ измѣненіяхъ. Этого требовалъ нормальный ходъ развитія законодательства. Многія положенія Судебныхъ Уставовъ подлежали дальнѣйшему развитію и усовершенствованію, многіе ихъ пробѣлы нуждались въ восполненіи. Къ тому же многое, что представлялось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, дѣйствительно, послѣднимъ словомъ науки права и единственно правильнымъ, съ теченіемъ времени утратило это свое значеніе; съ другой стороны, многое, что признавалось въ свое время правильнымъ, но что не могло быть тогда же проведено въ жизнь въ силу внѣшнихъ условій, съ теченіемъ времени при измѣнившихся общихъ условіяхъ общественной и государственной жизни, казалось бы, могло быть осуществлено. Потребность въ измѣненіи отдѣльныхъ сторонъ нашего уголовно-процессуальнаго законодательства должна была постоянно чувствоваться, и пятьдесятъ лѣтъ не могли въ этомъ отношеніи пройти безслѣдно въ жизни Судебныхъ Уставовъ. И, дѣйствительно, за полувѣковое существованіе Судебныхъ Уставовъ появилась масса новеллъ, внесшихъ въ нихъ всевозможныя измѣненія, различныя по своему значенію и по своимъ послѣдствіямъ. Не проходило почти ни одного года безъ того, чтобы Судебные Уставы не подвергались какимъ-нибудь измѣненіямъ, хотя бы чисто редакціоннымъ, такъ что въ своемъ современномъ видѣ они сильно отличаются отъ того, что было создано полвѣка тому назадъ.

Многія изъ такихъ новеллъ несомнѣнно улучшали Судебные Уставы, устраняя ихъ пробѣлы и исправляя ихъ недостатки. Подобнаго рода нововведенія касаются самыхъ разнообразныхъ областей судоустройства и судопроизводства. Таковы, напр., законъ 30 окт. 1878 г., введшій неизвѣстныя до тѣхъ поръ гарантіи правъ личности при производствѣ осмотра и выемки

почтово-телеграфной корреспонденціи установленіемъ требованія особаго судебнаго разрѣшенія на осмотръ и выемку, законъ 26 мая 1881 г., отмѣнившій публичное исполненіе смертной казни, законъ 3 мая 1883 г. о порядкѣ прекращенія слѣдствія по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, расширившій права потерпѣвшаго предоставленіемъ ему права жалобы на прекращеніе дѣла окружнымъ судомъ, законъ 15 мая 1886 г. объ участіи присяжныхъ засѣдателей въ постановкѣ вопросовъ и объ исправленіи вердиктовъ, значительно улучшившій производство дѣлъ въ судѣ присяжныхъ, законъ 8 дек. 1886 г., отмѣнившій по дѣламъ мировой подсудности требованіе «изъявленія неудовольствія», какъ условія, безъ котораго раньше не допускалось обжалованіе приговора, законъ 15 февр. 1888 г., расширившій примѣненіе заочнаго производства и тѣмъ упростившій производство дѣлъ о менѣе важныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, законъ 24 дек. 1891 г., давшій новую организацію кандидатамъ на судебныя должности и улучшившій ихъ положеніе, законъ 28 янв. 1892 г., усовершенствовавшій производство дѣлъ въ апелляціонной инстанціи предоставленіемъ новыхъ гарантій подсудимому, въ частности, установленіемъ обязательнаго назначенія защитника при разсмотрѣніи дѣла въ судебной палатѣ, законъ 3 іюня 1894 г., упростившій механизмъ производства дѣлъ въ судѣ присяжныхъ установленіемъ особой процедуры открытія «періода засѣданій съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей», законъ 2 іюня 1897 г. и дополнившій его законъ 9 апр. 1909 г. о судопроизводствѣ по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ, установившій рядъ весьма цѣнныхъ нововведеній въ производствѣ дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ въ интересахъ послѣднихъ въ соотвѣтствіи съ особенностями ихъ возраста, законъ 22 іюня 1909 г., введшій условное досрочное освобожденіе и привлекшій окружные суды къ рѣшенію вопроса о примѣненіи этой мѣры, законъ 2 марта 1910 г., отмѣнившій столь нецѣлесообразный запретъ касаться на судѣ съ присяжными вопроса о грозящемъ подсудимому наказаніи, законъ 10 марта 1910 г., установившій институтъ зачета въ наказаніе предварительнаго заключенія, законъ 15 дек. 1911 г. о выдачѣ преступниковъ, давшій подробную, неизвѣстную до тѣхъ поръ нашему праву, регламентацію производства дѣлъ о выдачѣ, законъ 26 іюня 1913 г. о производствѣ по возстановленію въ правахъ, привлекшій судъ къ рѣшенію вопроса о реабилитаціи осужденнаго. Наконецъ, немало улучшеній въ процессуальномъ законодательствѣ введено закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда въ смыслѣ установленія гарантій личной свободы при задержаніи, расширенія апелляціоннаго производства, и большаго обезпеченія начала устности въ процессѣ.

Однако, если только что приведенные законодательные акты, дѣйствительно, улучшали и развивали отдѣльныя стороны нашего уголовно-процессуальнаго законодательства, при чемъ, какъ видно, это движеніе впередъ особенно замѣтно проявляется за послѣдніе годы въ связи съ общимъ измѣненіемъ условій нашей государственной жизни, то одновременно съ этимъ приходится констатировать, съ одной стороны, отсутствіе прогрессивнаго движенія нашего законодательства въ такихъ областяхъ, которыя не получили надлежащаго правильнаго разрѣшенія въ

Судебныхъ Уставахъ и гдѣ, казалось бы, необходимо должна была быть произведена реформа, съ другой же стороны, появленіе новеллъ, ухудшавшихъ Судебные Уставы и уничтожавшихъ ихъ основныя начала. Сравнивая же то, что въ Судебныхъ Уставахъ улучшено, съ тѣмъ, что въ нихъ нуждалось въ улучшеніи, но осталось не улучшеннымъ, а также и съ тѣмъ, что въ нихъ ухудшено, приходится сдѣлать тотъ выводъ, что частичныя улучшенія, внесенныя въ Судебные Уставы, далеко не имѣютъ того значенія, которое они могли бы имѣть, если бы они сопровождались общимъ прогрессивнымъ движеніемъ нашего процессуальнаго законодательства. Вмѣсто общаго прогресса приходится констатировать застой въ однѣхъ областяхъ и движеніе назадъ въ другихъ.

Такъ, въ теченіе 50 лѣтъ остается въ Судебныхъ Уставахъ въ неизмѣненномъ видѣ предварительное слѣдствіе, проникнутое инквизиціоннымъ началомъ, не достаточно гарантирующее права обвиняемаго, какъ стороны процесса, и не знающее защиты и гласности. Тѣ дефекты предварительнаго слѣдствія, на которые обращалось постоянно вниманіе и въ литературѣ и въ практикѣ въ теченіе всего времени существованія Судебныхъ Уставовъ, остались не устраненными. На нашемъ правѣ въ этой области не отразилось все то движеніе, которое мы наблюдаемъ въ другихъ законодательствахъ, и которое стремится сократить проявленіе инквизиціоннаго начала въ предварительномъ слѣдствіи. Съ другой стороны, въ нашемъ процессуальномъ законодательствѣ остались безъ измѣненія несомнѣнно нуждавшіяся въ улучшеніяхъ и въ коренномъ измѣненіи тѣ постановленія, которыя регулируютъ преданіе суду. Судебные Уставы до сихъ поръ не знаютъ состязательнаго начала въ процессѣ преданія суду, попрежнему онъ покоится на розыскномъ принципѣ; въ Суд. Уст. по прежнему остается безъ измѣненій порядокъ преданія суду по преступленіямъ по службѣ, въ отношеніи которыхъ установлено начало т. н. административной гарантіи, т. е. допущеніе возбужденія уголовнаго преслѣдованія по преступленіямъ этого рода только съ разрѣшенія начальства лица, учинившаго преступленіе. Всякому хорошо извѣстно, какая «неприкосновенность» устанавливается такимъ путемъ на практикѣ для лицъ, совершившихъ преступленіе по службѣ, и какъ мало подобныя предписанія закона могутъ способствовать развитію чувства законности въ странѣ. Единственная незначительная брешь, которая въ этой области пробита въ Судебныхъ Уставахъ, это—устраненіе административной гарантіи по закону 8 марта 1906 г. объ огражденіи свободы и правильности выборовъ въ законодательныя учрежденія, такъ какъ дѣла о преступленіяхъ, направленныхъ противъ избирательнаго права гражданъ и правильнаго функціонированія законодательныхъ учрежденій и учиненныхъ служащими, возбуждаются въ общемъ порядкѣ съ преданіемъ суду безъ участія ихъ начальства, но законъ этотъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ остается безъ примѣненія. Съ другой стороны административная гарантія получила въ нашемъ правѣ даже и расширеніе. Такъ, въ силу закона 26 мая 1897 г., преданіе суду губернаторовъ совершается по опредѣленію правительствующаго сената лишь съ испрошеніемъ Высочайшаго на это разрѣшенія; учрежденіе же

государственнаго совѣта 24 апр. 1906 года устанавливаетъ новый видъ административной гарантіи въ томъ отношеніи, что для высшихъ должностныхъ лицъ Имперіи, занимающихъ должности не ниже первыхъ трехъ классовъ, за нарушеніе долга службы, а также для членовъ государственнаго совѣта и государственной думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей ихъ званія, устанавливается особый порядокъ уголовнаго преслѣдованія, который выражается въ томъ, что даже донесенія и жалобы, содержащія обвиненія въ преступныхъ дѣяніяхъ этого рода, представляются на Высочайшее усмотрѣніе, не говоря уже о томъ, что постановленія I департамента государственнаго совѣта о преданіи суду этихъ лицъ должны получить также Высочайшее утвержденіе. Можно указать далѣе, что ничего не сдѣлано въ нашемъ процессуальномъ законодательствѣ для улучшенія положенія потерпѣвшаго въ процессѣ въ смыслѣ предоставленія ему права самостоятельнаго выступленія на судѣ по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію въ публичномъ порядкѣ, напр., въ качествѣ субсидіарнаго или дополнительнаго обвинителя, какъ это установлено въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ законодательствахъ. Наконецъ, ничего не сдѣлано за 50 лѣтъ существованія Судебныхъ Уставовъ въ смыслѣ сокращенія административнаго разбирательства, которому по Судебнымъ Уставамъ отводится извѣстное мѣсто по дѣламъ, предоставленнымъ непосредственному вѣдѣнію казенныхъ (прил. къ ст. 1124 у. у. с.) и административныхъ управленій (прил., къ ст. 1214 у. у. с.)—списокъ такого рода изъятій, напротивъ того, за это время даже увеличился въ объемѣ.

Если въ только что приведенныхъ областяхъ насущная потребность въ улучшеніи многихъ сторонъ нашего процесса оказалась неудовлетворенной, и мы видимъ здѣсь печальную картину застоя въ теченіе всего полувѣкового существованія Судебныхъ Уставовъ, то еще болѣе печальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе интересной представляется картина движенія назадъ, картина того, какъ постепенно уничтожались основные устои Судебныхъ Уставовъ, и какъ постепенно искоренялся изъ нихъ тотъ духъ, которымъ они были наполнены при своемъ возникновеніи. И въ этомъ отношеніи мы видимъ, что тѣ цѣлесообразныя и правильныя измѣненія отдѣльныхъ положеній Судебныхъ Уставовъ, о которыхъ выше говорилось, и которыя представляютъ шагъ впередъ въ ихъ развитіи, тонутъ въ цѣломъ рядѣ такихъ измѣненій Судебныхъ Уставовъ, которыя являются ихъ искаженіемъ, совершенно уничтожившимъ многое такое, что представлялось незыблемымъ, какъ итогъ того, къ чему пришло современное правосознаніе культурнаго человѣчества въ области отправленія уголовнаго правосудія.

Обзоръ уголовно-процессуальнаго законодательства за истекшіе полвѣка представляетъ особенный интересъ въ смыслѣ указанія того, какъ постепенно расшатывались устои Судебныхъ Уставовъ, и какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ ихъ появленія нашимъ идеаломъ въ области процесса является во многомъ возвратъ къ тому, что было сдѣлано полвѣка тому назадъ, очищеніе Судебныхъ Уставовъ отъ тѣхъ инородныхъ тѣлъ, которыя приросли къ нимъ и измѣнили первоначальный ихъ видъ.

Наше уголовно-процессуальное законодательство, касающееся основныхъ началъ процесса, за истекшіе полвѣка, можетъ быть охарактеризовано, какъ движеніе назадъ, къ дореформенному времени, а не движеніе впередъ. Идеалы обновителей Судебныхъ Уставовъ во многомъ были въ прошломъ, въ томъ, отъ чего современная наука и современное законодательство безусловно уже отказываются.

Давая такую общую оцѣнку этой тенденціи къ ухудшенію нашего уголовнаго процесса, мы прежде, чѣмъ перейти къ указанію того, какъ шелъ этотъ процессъ разрушенія Судебныхъ Уставовъ, должны выяснить причину того, почему оказалось возможнымъ сравнительно такъ легко и такъ скоро отказаться отъ того, что еще недавно представлялось не подлежащимъ ломкѣ и разрушенію. Общую причину этого явленія можно найти, конечно, въ реакціи, охватившей нашу государственную жизнь тогда, когда пришлось осуществлять судебную реформу, созданную въ эпоху подъема и общаго прогресса,—въ реакціи, постепенно все болѣе и болѣе усиливавшейся до послѣдняго времени. Царствованіе императора Александра II, когда ростъ реакціи не былъ еще такъ чувствителенъ, какъ впослѣдствіи, ознаменовалось сравнительно немногочисленными новеллами, разрушавшими устои судебной реформы. Напротивъ, въ царствованіе императора Александра III, когда реакція въ особенности усилилась во всѣхъ сферахъ нашей государственной жизни, начинается коренная ломка Судебныхъ Уставовъ, достигшая своего апогея въ законѣ 12 іюля 1889 года, создавшемъ институтъ земскихъ начальниковъ. Въ концѣ царствованія императора Александра III ставится даже на очередь вопросъ объ окончательномъ упраздненіи Судебныхъ Уставовъ подъ видомъ общаго ихъ пересмотра. Въ 1894 г. министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ о необходимости общаго пересмотра законоположеній по судебной части. Этотъ докладъ былъ одобренъ императоромъ Александромъ III, положившимъ свою резолюцію: «твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра нашихъ судебныхъ уставовъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительно правосудіе царило въ Россіи». Для исполненія этого пересмотра была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, работавшая въ теченіе 1894—1899 гг. надъ составленіемъ проекта новой редакціи Судебныхъ Уставовъ. Ея дѣятельность клонилась къ полной ломкѣ Судебныхъ Уставовъ: всѣ тѣ противныя духу «Судебныхъ Уставовъ» новеллы, которыя появились ранѣе, были закрѣплены въ проектѣ комиссіи; многимъ другимъ положеніямъ Судебныхъ Уставовъ, еще не затронутымъ этими новеллами, грозилъ ударъ: такъ, предполагалось предварительное слѣдствіе передать въ руки полиціи, апелляціонное производство упразднить, единство кассаціи совершенно разрушить, передавъ кассаціонныя функціи по дѣламъ, рѣшаемымъ единоличными судьями, судебнымъ палатамъ и т. п. Однако, проекту этой комиссіи не суждено было сдѣлаться закономъ, такъ какъ, хотя онъ и былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, но по Высочайшему повелѣнію 25 сент. 1905 г. онъ былъ возвращенъ въ министерство юстиціи для направленія въ государственную думу, куда онъ однако до сихъ поръ не представленъ.

При оцѣнкѣ законодательной дѣятельности, направленной на уничтоженіе важнѣйшихъ устоевъ Судебныхъ Уставовъ, не слѣдуетъ забывать того, что этотъ кодексъ являлся органической частью общей реформы нашей государственной жизни, задуманной въ началѣ царствованія императора Александра II. Пока сознавалась настоятельная необходимость этой реформы, до тѣхъ поръ культивировались начала Судебныхъ Уставовъ, но когда постепенно произошла ликвидація этой мысли, пришлось отказаться и отъ этихъ началъ. Взятыя сами по себѣ основныя начала Судебныхъ Уставовъ должны были рѣзать глазъ своей несогласованностью съ другими началами нашей государственной жизни и съ общимъ направленіемъ нашей внутренней политики. Независимый судъ сталъ разсматриваться, какъ нѣчто несогласное съ общимъ духомъ нашей государственной жизни, судъ присяжныхъ сталъ казаться проявленіемъ ультра-демократическихъ началъ, несовмѣстимыхъ съ самодержавнымъ образомъ правленія. Охранительная пресса въ лицѣ Каткова прямо говорила, что независимый судъ это—«судебная республика», и что судъ присяжныхъ это—«судъ улицы».

Нельзя не признать, что, дѣйствительно, Судебные Уставы клиномъ врѣзались въ общія условія нашей государственной и общественной жизни, построенныя на устояхъ дореформеннаго времени. Отсюда съ неизбѣжностью вытекала альтернатива: или оставить въ неприкосновенномъ видѣ Судебные Уставы, произведя вмѣстѣ съ тѣмъ коренное преобразованіе всей нашей государственной жизни, или же оставить въ неприкосновенномъ видѣ нашу государственную жизнь, отказавшись отъ всего того, что въ Судебныхъ Уставахъ было въ наиболѣе яркомъ съ ней противорѣчіи. Въ соотвѣтствіи съ духомъ времени выбрано было послѣднее: Судебные Уставы были приспособлены къ требованіямъ переживаемаго момента. Только съ общимъ измѣненіемъ нашего государственнаго механизма основныя начала Судебныхъ Уставовъ могутъ быть возстановлены и, какъ видно изъ нѣкоторыхъ законовъ и законопроектовъ послѣдняго времени, они возстановляются,—это отчасти сдѣлано закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Правда, возстановленіе этихъ началъ совершается неувѣренно, робко и неполно, но это соотвѣтствуетъ общему направленію нашей современной государственной дѣятельности, неспособной на рѣшительные шаги и склонной къ полумѣрамъ.

Общій характеръ и смыслъ всей реформаторской дѣятельности въ теченіе пятидесятилѣтняго существованія Судебныхъ Уставовъ, ея идеологія, особенно рельефно выдвинуты были въ упомянутомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи въ 1894 году, указавшемъ, какъ на важнѣйшую отрицательную сторону судебной реформы, на «несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ ея началъ особенностямъ нашего государственнаго и общественнаго быта». Въ этомъ докладѣ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалось, что «господствовавшее въ то время (въ эпоху составленія Судебныхъ Уставовъ) общее увлеченіе теоретическими построеніями и западно-европейскими образцами не осталось безъ вліянія и на составителей Судебныхъ Уставовъ. Благодаря этому Россія получила весьма стройный процессуальный кодексъ, вполнѣ пригодный для дѣйствія

въ любомъ государствѣ Западной Европы, но недостаточно приспособленный къ условіямъ нашего отечества... По мѣрѣ соприкосновенія реформы съ жизнью, разладъ между новымъ закономъ и требованіями дѣйствительности сталъ обнаруживаться все съ большей и большей очевидностью...»

Отсюда выводилась насущная потребность привести правосудіе «въ надлежащее соотвѣтствіе съ современными потребностями государственнаго управленія и нуждами населенія», и сообразно съ этимъ указывалось, что «въ основу предпринимаемой реформы должно быть положено начало незыблемаго утвержденія государственнаго характера и правительственнаго направленія суда и судебнаго вѣдомства», и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалось, что «судъ, какъ одинъ изъ органовъ правительства, долженъ быть солидаренъ съ другими его органами, онъ обязанъ обезпечить не только существующій законный порядокъ, но и достоинство государства и его правительственной власти всюду, гдѣ это достоинство можетъ быть затронуто въ дѣлахъ судебнаго вѣдомства». Стремленіемъ сдѣлать судъ орудіемъ проведенія опредѣленной правительственной политики, создать «правительственное направленіе суда» и были проникнуты всѣ важнѣйшія реформы, направленныя на измѣненіе основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ. Лозунгъ, который былъ провозглашенъ въ комиссіи 1894 г. въ качествѣ одного изъ главныхъ основаній предполагаемой реформы— «начало правительственнаго значенія суда», подъ чѣмъ разумѣлось, что «правительство должно имѣть возможность вліять на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность соотвѣтственно интересамъ цѣлаго государства»,—былъ общимъ лозунгомъ, которымъ правительство руководилось при изданіи новеллъ, искажавшихъ Судебные Уставы, и который явился на смѣну прежняго представленія о самостоятельности и независимости суда, положеннаго въ основаніе этого кодекса. Представленіе о томъ, что Судебные Уставы незыблемы въ своихъ основахъ, и что «дальше ихъ не зачѣмъ и некуда итти», какъ говорилъ тотъ же Н. В. Муравьевъ въ своей статьѣ «О предметѣ и изученіи уголовнаго судоустройства и судопроизводства», написанной въ 1875 г., было постепенно замѣнено представленіемъ о томъ, что Судебные Уставы покоятся на началахъ, не подходящихъ къ условіямъ нашего быта.

Недовѣріе къ независимому суду и ко всему тому, что заключаетъ въ себѣ проявленіе этой независимости, красной нитью проходитъ въ рядѣ новеллъ, измѣнившихъ Судебные Уставы. Правительство сразу же по введеніи судебной реформы испугалось самостоятельности новаго уголовнаго суда, и тѣ акты дѣятельности новыхъ судовъ, которые особенно выражали ихъ независимость, вызывали противъ себя соотвѣтствующую реакцію съ его стороны. Въ этомъ отношеніи любопытно отмѣтить, что уже на первыхъ порахъ дѣятельности новыхъ судовъ тѣ процессы, которые ясно показывали стремленіе ихъ быть самостоятельными, становились толчкомъ для появленія новеллъ, измѣнявшихъ основы только что произведенной судебной реформы. Такъ, литературное дѣло Ю. Жуковскаго и редактора «Современника» А. Пыпина, обвинявшихся въ оскорбленіи чести и достоинства всего дворянскаго землевладѣльческаго сословія (1866 г.), окончившееся оправданіемъ обоихъ

подсудимыхъ, было толчкомъ къ изданію закона 12 дек. 1866 г. объ измѣненіи судопроизводства по дѣламъ печати. Процессъ Нечаева (1871 г.), закончившійся обвинительнымъ приговоромъ, который показался, однако, правящимъ классамъ слишкомъ мягкимъ, послужилъ поводомъ къ пересмотру производства дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ, что и было сдѣлано закономъ 7 іюня 1872 г. Дѣло Протопопова (1867 г.), обвинявшагося въ нанесеніи оскорбленія должностному лицу, признаннаго дѣйствовавшимъ въ состояніи невмѣняемости и оправданнаго присяжными, послужило однимъ изъ первыхъ побужденій къ ограниченію компетенціи суда присяжныхъ. Наконецъ, процессъ В. Засуличъ (1878 г.), обвинявшейся въ покушеніи на убійство с.-петербургскаго градоначальника Трепова и оправданной присяжными, окончательно вызвалъ отрицательное отношеніе правительства къ суду присяжныхъ, нашедшее себѣ выраженіе въ законѣ 9 мая 1878 г., сильно сократившемъ компетенцію этого суда.

Основная черта всей реформаторской дѣятельности по отношенію къ Судебнымъ Уставамъ—общее недовѣріе къ тому, что было создано ихъ творцами и что носило на себѣ печать независимости и самостоятельности,—проявлялась и въ недовѣріи къ суду присяжныхъ, выразившемся въ суженіи его компетенціи, а также и въ рядѣ другихъ мѣръ, направленныхъ на измѣненіе состава присяжныхъ, и въ недовѣріи къ коронному элементу суда, особенно ярко проявившемся въ разрушеніи судейской несмѣняемости, въ ограниченіи гласности и въ созданіи особыхъ порядковъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ категорій уголовныхъ дѣлъ и, наконецъ, въ недовѣріи къ выборному мировому суду, выразившемся въ почти полномъ его упраздненіи. Это недовѣріе сквозитъ и въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя были приняты въ отношеніи къ адвокатурѣ, и которыя были направлены на ограниченіе ея сословной организаціи. Недовѣріе это можно, наконецъ, наблюдать и въ отношеніи организаціи суда на окраинахъ.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что измѣненіе основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ происходило не только путемъ изданія такихъ новеллъ, которыя находили себѣ мѣсто путемъ послѣдующей кодификаціи въ Судебныхъ Уставахъ, но и посредствомъ спеціальнаго исключительнаго законодательства, которое получаетъ развитіе въ концѣ семидесятыхъ годовъ и которое окончательно закрѣплено было изданіемъ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія 4 сент. 1881 года.

Не входя въ разсмотрѣніе сущности всѣхъ отдѣльныхъ уголовно-процессуальныхъ новеллъ, весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ по своему содержанію и значенію, мы въ настоящей статьѣ остановимся только на тѣхъ положеніяхъ, которыми особенно рѣзко были поколеблены устои Судебныхъ Уставовъ.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ и по своему значенію и по времени своего появленія стоитъ тотъ ударъ, который былъ нанесенъ принципу участія народнаго элемента въ отправленіи уголовнаго правосудія, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Составители Судебныхъ Уставовъ придавали такое важное значеніе этому принципу, что, коль скоро подсудимому грозило

наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, компетентнымъ въ этомъ случаѣ признавался судъ присяжныхъ, и присяжные засѣдатели приглашались для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ не только въ окружныхъ судахъ, но и въ судебныхъ палатахъ и даже въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената; только въ отношеніи преступленій государственныхъ дѣлалось въ данномъ отношеніи изъятіе. Однако постепенно отъ строгаго проведенія этого принципа наше законодательство отказывается, устанавливая все больше и больше отступленій отъ него.

Впервые законъ 9 мая 1878 г. вноситъ существенное измѣненіе въ опредѣленіе подсудности окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. По этому закону цѣлый рядъ дѣлъ изъемлется изъ компетенціи суда присяжныхъ и переносится въ компетенцію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, которымъ по первоначальной редакціи Судебныхъ Уставовъ были подчинены лишь нѣкоторыя преступленія государственныя. Это было сдѣлано въ отношеніи дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ въ главахъ I, II и V раздѣла IV улож. о нак., когда они влекутъ за собой наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія (сопротивленіе властямъ, оскорбленіе власти, взломъ тюремъ), и дѣлъ объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, нанесеніи имъ ранъ или увѣчій и о другихъ насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, а также объ угрозахъ имъ, когда преступленія эти совершены при исполненіи должностными лицами служебныхъ обязанностей или вслѣдствіе исполненія этихъ обязанностей и также влекутъ за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія. Это нововведеніе мотивировалось тѣмъ, что «установленный Судебными Уставами по дѣламъ этого рода общій порядокъ судопроизводства не могъ служить достаточной гарантіей строгой репрессіи упомянутыхъ преступленій». (Министерство юстиціи за сто лѣтъ. 1802—1902. Историческій очеркъ, стр. 130). Такимъ образомъ общее недовѣріе къ дѣятельности суда присяжныхъ побудило правительство принять данную мѣру и тѣмъ сильно сократить компетенцію этого суда. Правда, этой мѣрѣ въ самомъ законѣ придавался «временный» характеръ, но по общей тенденціи нашего законодательства всѣ временныя мѣропріятія постепенно превращаются въ постоянныя. Такъ это случилось и съ даннымъ закономъ.

Однако, и этого измѣненія общей подсудности уголовныхъ дѣлъ показалось недостаточнымъ, и параллельно, почти одновременно съ указаннымъ нововведеніемъ, проводится дальнѣйшее измѣненіе ея, правда, для исключительныхъ случаевъ. 9 августа 1878 г. состоялся Высочайшій указъ о передачѣ большей части упомянутыхъ выше дѣлъ военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени съ опредѣленіемъ наказанія (смертная казнь) по ст. 279 воин. уст. о нак., а именно: дѣлъ о вооруженномъ сопротивленіи властямъ, нападеніи на чиновъ полиціи и войска и на должностныхъ лицъ, коль скоро эти преступленія сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на него, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ. Мало того, указъ 5 апр. 1879 г. предоста-

вилъ временнымъ генералъ-губернаторамъ право предавать военному суду и за другія преступленія государственныя или противъ порядка управленія, а равно и за совершеніе иныхъ преступленій, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія. Эти исключительныя постановленія сохранены и въ Положеніи 4 сент. 1881 г., на основаніи котораго административныя власти имѣютъ право предавать военному суду лицъ, виновныхъ въ учиненіи опредѣленныхъ преступленій (при усиленной охранѣ), или выдѣлять въ компетенцію военныхъ судовъ цѣлыя категоріи преступныхъ дѣяній (при чрезвычайной охранѣ).

Но и помимо установленія изъятій изъ нормальной подсудности, путемъ исключительнаго законодательства, начатое закономъ 9 мая 1878 г. разрушеніе компетенціи суда присяжныхъ съ теченіемъ времени продолжалось и путемъ общаго законодательства. Правда, правительство скоро убѣдилось, что установленное этимъ закономъ изъятіе изъ нормальной подсудности для нѣкоторыхъ категорій дѣлъ представляется далеко не во всѣхъ случаяхъ желательнымъ, главнымъ образомъ, по соображеніямъ практическаго характера, такъ какъ «многія изъ дѣлъ этого рода не имѣютъ особой важности, и подчиненіе ихъ исключительному порядку производства... крайне замедляло лишь дѣлопроизводство въ судебныхъ палатахъ и сверхъ того влекло за собой значительные расходы казны на выѣзды присутствій палатъ и прокурорскаго надзора» (Очеркъ, стр. 156). Въ виду этого законъ 11 мая 1882 г. нѣсколько ослабилъ рѣшительный шагъ, сдѣланный только что указаннымъ закономъ, устанавливая, что къ компетенціи судебныхъ палатъ должны быть отнесены только наиболѣе важныя дѣла. Однако, вскорѣ эта попытка встать на прежній путь была оставлена, и законъ 7 іюля 1889 г. продолжаетъ дѣло, начатое закономъ 9 мая 1878 г. Въ этомъ случаѣ главнымъ мотивомъ для сокращенія компетенціи суда присяжныхъ выставлялось соображеніе «объ отсутствіи у насъ правильнаго соотношенія между кругомъ компетенціи суда присяжныхъ и свойствами, присущими той части общества, изъ коей главнымъ образомъ призываются присяжные засѣдатели» (Очеркъ, стр. 184). Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что «особенности посягательствъ, направленныхъ не противъ частныхъ лицъ, а противъ государства, затрудняющія присяжнымъ засѣдателямъ правильное сужденіе о свойствахъ дѣянія подсудимаго, принадлежатъ не исключительно однимъ только государственнымъ преступленіямъ», и что «присяжные засѣдатели, принадлежащіе въ большинствѣ къ наименѣе просвѣщенному классу общества, исполняютъ вполнѣ удовлетворительно возложенныя на нихъ обязанности лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшенію ихъ подлежатъ дѣла о простѣйшихъ по своей обстановкѣ преступныхъ дѣяніяхъ. Что же касается такихъ преступныхъ посягательствъ, значеніе которыхъ можетъ быть въ достаточной степени усвоено лишь при извѣстномъ знакомствѣ съ устройствомъ, назначеніемъ и условіями дѣятельности органовъ, вѣдающихъ непосредственные интересы государственные или общественные, или же при наличности познаній, хотя бы самыхъ элементарныхъ, но дающихъ возможность понимать объясненія экспертовъ и сторонъ по техническимъ вопросамъ, то въ большинствѣ случаевъ отнесеніе этого рода дѣлъ къ предметамъ вѣдѣнія

суда присяжныхъ не ограждаетъ въ достаточной мѣрѣ интересы правосудія». Въ виду всѣхъ этихъ соображеній изъ компетенціи окружного суда съ участіемъ присяжныхъ перенесены были въ компетенцію судебной палаты (съ участіемъ сословныхъ представителей, когда обвиняемому угрожаетъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ) дѣла о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной, о поврежденіи телеграфовъ (ст. 1143 и 1144 улож. о нак.), о желѣзно-дорожныхъ поврежденіяхъ (ст. 1083—1085), о нарушеніи нѣкоторыхъ обязанностей корабельщиковъ (ст. 1225, 1236, 1241, 1254, 1262), о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ общественныхъ и частныхъ банковъ и кредитныхъ установленій (ст. 1154—1156) и о многобрачіи. Такимъ образомъ, этимъ закономъ значительно расширялась компетенція судебныхъ палатъ съ сословными представителями по сравненію съ тѣмъ, что было сдѣлано закономъ 9 мая 1878 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ закономъ уничтожалось участіе присяжныхъ засѣдателей въ судебныхъ палатахъ и въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, вслѣдствіе чего нѣкоторыя дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, учиняемыхъ путемъ печати, оказались также отнесенными къ компетенціи судебныхъ палатъ съ сословными представителями. Въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ виду, что по первоначальной редакціи Судебныхъ Уставовъ преступленія, совершаемыя путемъ печати, за исключеніемъ государственныхъ, были подсудны окружнымъ судамъ съ присяжными засѣдателями. Однако, уже вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, выяснилась потребность въ измѣненіи процесса по дѣламъ этого рода, и прежде всего закономъ 12 дек. 1866 г. была измѣнена ихъ подсудность въ томъ отношеніи, что они были перенесены изъ компетенціи окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ, если они были подсудны ему на основаніи общихъ правилъ, въ компетенцію судебныхъ палатъ точно также съ участіемъ присяжныхъ. Это измѣненіе мотивировалось тѣмъ, что «назначеніе суда здѣсь уже не то, какъ въ общихъ дѣлахъ уголовныхъ, ибо онъ призывается къ трудной задачѣ, въ своихъ рѣшеніяхъ, съ одной стороны ограждать безопасность и спокойствіе государства умѣреніемъ всякихъ ложныхъ и преступныхъ порывовъ, а съ другой—охранять вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ просторъ мысли, безъ котораго невозможны дальнѣйшіе успѣхи умственнаго, въ видахъ общей пользы, развитія. Дѣло столь важное по своему вліянію должно быть ввѣряемо преимущественно судамъ, занимающимъ высшія ступени судебной іерархіи». (Судебные Уставы, изд. Госуд. Канц. 1867 г. ч. II, стр. 517). Данное измѣненіе подсудности коснулось тѣхъ преступленій печати, которыя были предусмотрѣны улож. о нак. въ ст. 181, 189 (религіозныя преступленія), 274 (распространеніе ложныхъ слуховъ съ намѣреніемъ возбудить къ сопротивленію властямъ), ст. 1035—1037 (оскорбительные отзывы о существующихъ законахъ, возбужденіе вражды между отдѣльными частями населенія, порицаніе началъ собственности и семейнаго союза, а также оскорбленія должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій), если, конечно, они влекли за собой наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія въ соотвѣтствіи съ общими опредѣленіями Судебныхъ Уставовъ. Впослѣдствіи

въ сферѣ этихъ преступленій произошелъ рядъ измѣненій въ отношеніи ихъ подсудности, такъ какъ для преступленій религіозныхъ по закону 14 марта 1906 г. установленъ общій порядокъ подсудности, оскорбленія же въ печати должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій отнесены закономъ 24 ноября 1905 г. къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ.

Только сравнительно недавно, съ измѣненіемъ нашего государственнаго строя происходитъ нѣкоторое сокращеніе компетенціи судебныхъ палатъ съ сословными представителями и нѣкоторое расширеніе компетенціи суда присяжныхъ. Такъ, законъ 4 марта 1906 г. объ огражденіи свободы выборовъ въ законодательныя учрежденія устанавливаетъ общій порядокъ подсудности по дѣламъ о преступленіяхъ, указанныхъ въ немъ,—подсудность окружному суду съ участіемъ присяжныхъ или безъ ихъ участія въ зависимости отъ тяжести наказанія, грозящаго подсудимому. Законъ 18 марта того же года возстановляетъ подсудность суду присяжныхъ нѣкоторыхъ дѣлъ, отнесенныхъ по законамъ 1878 и 1889 г.г. къ компетенціи судебныхъ палатъ съ сословными представителями, именно дѣлъ о желѣзнодорожныхъ поврежденіяхъ, о нарушеніяхъ обязанностей корабельщиковъ, а также о похищеніи опечатанныхъ вещей (ст. 304 улож. о нак.) и провозѣ скопищемъ незаконно добытой соли (ст. 633), относя въ то же время къ компетенціи окружного суда безъ присяжныхъ нѣкоторые виды сопротивленія властямъ (ст. 271 и 272 улож.). Далѣе, законы 14 марта того же года и 25 дек. 1909 г. устанавливаютъ подсудность присяжнымъ засѣдателямъ дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ введеннымъ въ дѣйствіе уголовнымъ уложеніемъ 1903 г. (за исключеніемъ государственныхъ преступленій), если они наказываются не ниже исправительнаго дома или тюрьмы, соединенной съ лишеніемъ правъ состоянія. Впрочемъ, нужно отмѣтить, что съ другой стороны законъ 9 февр. 1906 г. расширилъ компетенцію судебныхъ палатъ съ сословными представителями на дѣла объ изготовленіи, пріобрѣтеніи, храненіи и т. д. взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, а законъ 18 марта того же года отнесъ къ ихъ компетенціи посягательства на иностранныя державы (ст. 260 улож.). Такимъ образомъ, если за послѣднее время компетенція судебныхъ палатъ съ сословными представителями до извѣстной степени сокращается, то съ другой стороны она вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько усиливается.

Итакъ, мало по малу симпатіи правительства къ присяжнымъ засѣдателямъ смѣняются новыми симпатіями къ сословнымъ представителямъ, и судъ съ сословными представителями, бывшій въ первоначальной редакціи Судебныхъ Уставовъ судомъ чрезвычайнымъ, дѣлается такимъ же нормальнымъ судомъ для болѣе важныхъ преступленій, какъ и судъ присяжныхъ. Сословные представители кажутся правительству элементомъ болѣе надежнымъ для правильнаго отправленія правосудія по цѣлому ряду дѣлъ, чѣмъ присяжные засѣдатели. Въ соотвѣтствіи съ этой новой тенденціей, при обсужденіи въ 1887 г. въ государственномъ совѣтѣ законопроекта о сокращеніи компетенціи суда присяжныхъ, министръ юстиціи Н. А. Манасеинъ указывалъ на цѣлесообразность привлеченія сословныхъ представителей не только въ судебныя палаты, но и въ окружные суды,—мысль, которая въ то время была отброшена, но которая съ теченіемъ времени получила осу-

ществленіе въ законѣ 18 марта 1906 г.: для дѣлъ о погромахъ (ст. 269[1] улож. о нак.) и о сопротивленіи лѣсной стражѣ (ст. 824[1] и 830[1] улож.) было сдѣлано «временное» изъятіе изъ вѣдѣнія судебныхъ палатъ съ сословными представителями съ подчиненіемъ ихъ разсмотрѣнію окружныхъ судовъ съ сословными же представителями.

Сдѣлавшись нормальнымъ судомъ, судъ съ участіемъ сословныхъ представителей съ теченіемъ времени эволюціонируетъ въ томъ отношеніи, что его процедура упрощается въ ущербъ гарантіямъ правъ подсудимаго, а дѣятельность его, столь отличная по своей сущности отъ дѣятельности суда присяжныхъ (достаточно указать на то, что сословные представители вмѣстѣ съ коронными судьями образуютъ одну коллегію, а не противуполагаются имъ въ качествѣ самостоятельной коллегіи, какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи присяжныхъ засѣдателей), начинаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приравниваться этой послѣдней. Это совершаетъ неоднократно уже приводившійся законъ 18 марта 1906 г.—законъ «о мѣрахъ къ сокращенію времени производства наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ», который съ одной стороны отмѣняетъ требованіе мотивировать приговоръ, постановленный судебной палатой съ сословными представителями, равно какъ требованіе указывать въ протоколахъ показанія и объясненія, относящіяся къ существу дѣла, какъ это установлено и въ отношеніи дѣятельности окружныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями, а съ другой—вводитъ, вмѣсто нормальнаго семидневнаго, трехдневный срокъ для ряда процессуальныхъ дѣйствій сторонъ, устанавливая вмѣстѣ съ тѣмъ для изготовленія приговоровъ въ окончательной формѣ, вмѣсто обычнаго двухнедѣльнаго, семидневный срокъ со дня провозглашенія сущности ихъ.

Измѣненіе отношенія правительственныхъ сферъ къ присяжнымъ засѣдателямъ проявилось не только въ сокращеніи ихъ компетенціи, но кромѣ того и въ рядѣ новеллъ, касающихся порядка образованія народной коллегіи. Такъ, прежде всего были сдѣланы ограниченія относительно національности и вѣроисповѣданія тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ право быть присяжными засѣдателями. Законы 19 іюля 1877 г., 11 дек 1879 г. и 5 и 12 іюня 1884 г. установили, что въ девяти западныхъ губерніяхъ, а равно въ губерніяхъ бессарабской, екатеринославской, полтавской, таврической, херсонской и черниговской при составленіи очередного списка присяжныхъ засѣдателей число евреевъ должно соотвѣтствовать процентному отношенію общаго числа ихъ въ каждомъ уѣздѣ къ общей численности всего уѣзда, что старшина присяжныхъ долженъ быть избираемъ изъ лицъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и что, наконецъ, участіе евреевъ въ составѣ присяжныхъ засѣдателей не допускается по дѣламъ о преступленіяхъ противъ вѣры или соединенныхъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ. Наконецъ, кромѣ того законъ 10 января 1889 г. общимъ образомъ установилъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры и церковныхъ установленій присяжные засѣдатели должны быть избираемы изъ числа лицъ православнаго вѣроисповѣданія.

Съ другой стороны рядъ законодательныхъ опредѣленій изданъ былъ съ цѣлью измѣнить нѣсколько цензъ, установленный для присяжныхъ за-

сѣдателей по Судебнымъ Уставамъ. Законы 28 апр. 1887 г. и 3 дек. 1890 г. измѣнили этотъ цензъ, установивъ требованіе умѣнія читать по-русски, повысивъ подоходный цензъ и понизивъ размѣръ ценза для владѣнія недвижимостью, причемъ необходимость измѣненія имущественнаго ценза мотивировалась указаніемъ опыта на то, что «лица, не связанныя съ мѣстностью обладаніемъ недвижимостью и матеріально скудно обезпеченныя, представляютъ въ составѣ присяжныхъ засѣдателей элементъ мало надежный и недостаточно серіозно относящійся къ возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ» (Очеркъ, 182). Этимъ же закономъ вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливался новый порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, усиливший вліяніе въ этомъ дѣлѣ администраціи. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о законѣ 12 іюня 1884 г., измѣнившемъ право сторонъ отвода присяжныхъ въ смыслѣ стѣсненія права, принадлежавшаго въ этомъ отношеніи подсудимому. По Судебнымъ Уставамъ прокуроръ или частный обвинитель имѣлъ право отвести по каждому дѣлу не болѣе 6 присяжныхъ (изъ общаго числа 30 вызываемыхъ въ судъ), а подсудимый столько, чтобы изъ общаго числа ихъ оставалось не менѣе 18; по новому же закону каждой сторонѣ предоставлялось право отвода не болѣе 3 присяжныхъ. Необходимость измѣненія этого постановленія Судебныхъ Уставовъ объяснялась тѣмъ, что «лица прокурорскаго надзора пользовались правомъ отвода лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ далеко не въ полномъ объемѣ, тогда какъ защита по большинству дѣлъ широко пользовалась этимъ правомъ, дабы путемъ искусственнаго подбора состава присяжныхъ засѣдателей изъ тѣхъ элементовъ общества, отъ которыхъ возможно ожидать болѣе снисходительнаго отношенія къ совершенному преступленію, достигнуть благопріятнаго для подсудимаго приговора» (Очеркъ, 163).

Общее недовѣріе правительства къ дѣятельности суда присяжныхъ выразилось, наконецъ, въ пріостановкѣ введенія его въ дѣйствіе по мѣрѣ того, какъ вводились въ дѣйствіе Судебные Уставы. Такъ, въ теченіе времени отъ 1883 по 1898 г. судъ присяжныхъ нигдѣ вновь не былъ введенъ, хотя за это время судебная реформа осуществлялась весьма интенсивно. Только по закону 2 февр. 1898 г. вводится онъ въ астраханской, олонецкой, оренбурской и уфимской губерніяхъ, по закону 15 февр. 1899 г. въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ вологодской губерніи, по закону 13 февр. 1906 г. въ ставропольской и черноморской губерніяхъ и въ кубанской области, и, наконецъ, уже при дѣйствіи новыхъ законодательныхъ учрежденій, по закону 10 мая 1909 г., въ яренскомъ и усть-сысольскомъ уѣздахъ вологодской губерніи, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ архангельской и тобольской губерній, въ губерніи томской и областяхъ акмолинской, семипалатинской и уральской,

Дальнѣйшій ударъ былъ нанесенъ Судебнымъ Уставамъ тѣми нововведеніями, которыя направлены были на умаленіе престижа судебной власти и на колебаніе самостоятельности и независимости судейской власти и вытекавшей изъ нихъ несмѣняемости судей. Судейская самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высокое значеніе суда рисовались творцамъ судебной реформы, какъ важнѣйшіе устои новаго судоустройства. Въ соотвѣтствіи съ

этимъ въ Высочайшемъ указѣ 20 ноября 1864 г., которымъ сопровождалось обнародованіе Судебныхъ Уставовъ, было прямо сказано, что одной изъ задачъ сдѣланнаго преобразованія было—«возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность». Однако, эта самостоятельность суда скоро оказалась не соотвѣтствующей общему духу и укладу нашей жизни, стоявшей на дореформенныхъ взглядахъ и понятіяхъ.

Прежде всего небольшое по своему объему и значенію, но весьма характерное въ смыслѣ умаленія престижа власти суда измѣненіе Судебныхъ Уставовъ сдѣлано было очень скоро послѣ введенія ихъ въ дѣйствіе: законъ 29 мая 1869 г. (дополненный впослѣдствіи рядомъ другихъ законовъ—12 авг. 1881 г., 2 іюня 1883 г., 9 дек. 1891 г. и 1 янв. 1905 г.) установилъ правило, по которому высшія должностныя лица Имперіи (особы, имѣющія чины первыхъ двухъ классовъ, члены государственнаго совѣта, министры и т. д., включая архіереевъ, губернаторовъ и градоначальниковъ), вызванныя въ качествѣ свидѣтелей, могутъ просить о допросѣ ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства, а не въ засѣданіи суда и не въ камерѣ судебнаго слѣдователя. Этими новеллами какъ бы подчеркивалось, что для высшихъ должностныхъ лицъ унизительно являться къ судебному слѣдователю или въ судъ для допроса, а суду внушалось не забывать о томъ, что есть власти, выше него стоящія. Но, эта новелла, только измѣнявшая представленіе о высокой судебной власти, блѣднѣетъ въ сравненіи съ тѣми новеллами, которыя были прямо направлены на ограниченіе судейской несмѣняемости.

Впервые ограниченіе судейской несмѣняемости было проведено въ нашей жизни чисто фактически, безъ соотвѣтственныхъ измѣненій законодательныхъ опредѣленій, въ отношеніи одной категоріи лицъ судейскаго званія, пользовавшихся несмѣняемостью,—судебныхъ слѣдователей. Уже въ 1867 г. министръ юстиціи гр. Паленъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, которымъ пріостанавливалось назначеніе судебныхъ слѣдователей и разрѣшалось замѣнять ихъ особыми чиновниками, командируемыми министерствомъ юстиціи для производства слѣдствій,—«и. д. судебныхъ слѣдователей», при чемъ министръ юстиціи въ случаѣ неудачи выбора могъ во всякое время удалить ихъ отъ исполненія должности, какъ недостаточно опытныхъ и благонадежныхъ. Это мѣропріятіе мотивировалось тѣмъ, что «въ виду недостатка вполнѣ подготовленныхъ дѣятелей для замѣщенія огромнаго числа открывшихся должностей въ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, на должность судебнаго слѣдователя нерѣдко попадали лица, не удовлетворявшія необходимымъ для этого требованіямъ; тѣмъ не менѣе лица эти, въ виду предоставленнаго имъ права несмѣняемости, не могли быть замѣнены болѣе подготовленными дѣятелями даже въ тѣхъ случаяхъ, когда выяснялась полная ихъ неспособность къ отправленію возложенныхъ на нихъ обязанностей» (Очеркъ, 126). Съ теченіемъ времени, конечно, исчезли тѣ основанія, которыя вызвали необходимость прибѣгнуть къ созданію и. д. судебныхъ слѣдователей, но тѣмъ не менѣе послѣдніе продолжали назначаться, и настоящихъ судебныхъ слѣдователей наша судебная жизнь почти вовсе не знаетъ. Между тѣмъ эта фактическая отмѣна несмѣняемости судебныхъ слѣдователей несомнѣнно была одной изъ тѣхъ причинъ, которыя повлекли за собой по-

степенное ухудшеніе нашего предварительнаго слѣдствія, такъ какъ и. д. судебнаго слѣдователя оказались лишенными самостоятельности, интересы дѣла очень часто стали отступать у нихъ передъ весьма понятнымъ стремленіемъ угодить начальству, отъ котораго зависѣло ихъ движеніе впередъ.

Весьма характернымъ представляется то, что эта мѣра была проведена не въ законодательномъ порядкѣ, такъ какъ, очевидно, расчитывать на проведеніе ея такимъ путемъ едва ли было въ то время основаніе. Съ теченіемъ времени однако явилась возможность провести въ законодательномъ порядкѣ и болѣе серьёзное отступленіе отъ основныхъ требованій уголовнаго процесса, разрушить судейскую несмѣняемость. Законъ 20 мая 1885 г., сдѣлавшій это, навсегда останется въ исторіи нашего процессуальнаго законодательства актомъ, пробившимъ огромную брешь въ стройномъ зданіи Судебныхъ Уставовъ и немало способствовавшимъ паденію нравовъ въ нашемъ судейскомъ сословіи. Законъ этотъ во многомъ сравнялъ судей съ обыкновенными чиновниками, подчеркнувъ ихъ зависимость отъ начальства и вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ ихъ стороны ту угодливость, которая плохо вяжется съ представленіемъ о томъ, что судья въ своей дѣятельности долженъ руководиться только закономъ и велѣніемъ совѣсти.

Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что и до закона 1885 г. появлялись отдѣльные законодательные акты, которые въ извѣстныхъ случаяхъ отмѣняли требованіе судейской несмѣняемости, такъ какъ по мѣрѣ того, какъ судебная реформа распространялась на окраинахъ, вводился рядъ отступленій отъ общихъ правилъ. Къ числу такихъ отступленій относится и отмѣна несмѣняемости для лицъ судейскаго званія въ Кавказскомъ краѣ (законъ 22 ноября 1866 г.) и въ Царствѣ Польскомъ (законъ 19 февр. 1875 г.), возстановленной, однако (не въ полномъ объемѣ) закономъ 16 февр. 1898 г. Съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что даже по новому закону 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, въ западныхъ губерніяхъ, а также въ астраханской, оренбургской, ставропольской, и повсемѣстно, гдѣ мировые судьи назначены въ виду неизбранія ихъ земскими собраніями, они получаютъ гарантію несмѣняемости лишь по прослуженіи въ должности не менѣе 3 лѣтъ.

Судебные Уставы, придавая важное значеніе принципу судейской несмѣняемости, твердо установили то положеніе, что судья за служебные проступки могъ быть уволенъ отъ занимаемой имъ должности не иначе, какъ по приговору уголовнаго суда, а за дѣянія, не относящіяся къ службѣ, только въ случаѣ личнаго задержанія за долги, объявленія несостоятельнымъ должникомъ или осужденія за общее преступленіе, причемъ въ этихъ случаяхъ судья могъ быть уволенъ отъ должности по опредѣленію общаго собранія уголовныхъ кассаціонныхъ департаментовъ сената; послѣднему, кромѣ того, принадлежало право преданія уголовному суду судьи, подвергшагося въ теченіе одного года тремъ предостереженіямъ; дисциплинарная же отвѣтственность судьи устанавливалась только передъ общимъ собраніемъ того судебнаго мѣста, къ которому онъ принадлежалъ; дисциплинарный судъ производился гласно, съ допущеніемъ защиты и обжалованія, причемъ единственнымъ наказаніемъ, которое могло быть

наложено на судей въ дисциплинарномъ порядкѣ, было предостереженіе, такъ какъ составители Судебныхъ Уставовъ находили, что «дозволеніе подвергать..: не только предостереженію, но и замѣчанію и выговору безъ суда, было бы несогласно съ достоинствомъ званія судьи и могло бы поколебать то уваженіе, которое желательно и необходимо утвердить въ обществѣ къ званію судьи» (Судебные Уставы, ч. III, стр. 186). Высшей инстанціей, куда направлялось дисциплинарное дѣло, было общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената. Вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ надъ судьями принадлежалъ только судебнымъ учрежденіямъ; единоличная власть правомъ надзора въ этомъ отношеніи не обладала, и министръ юстиціи могъ только предлагать предсѣдателю судебнаго мѣста принять мѣры къ отвращенію накопленія дѣлъ, медленности или остановки въ дѣлахъ и представить объясненія о причинахъ непорядка.

Всѣми этими постановленіями устранялась возможность какого бы то ни было вмѣшательства административной власти въ дѣятельность судебной, и судъ былъ независимъ. Однако, эта независимость настолько не соотвѣтствовала всему тому, что существовало въ остальной нашей государственной жизни, что естественно рано или поздно должно было появиться стремленіе уничтожить ее. Какъ указывалъ впослѣдствіи въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1894 года министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ, начало судейской несмѣняемости было неудачно формулировано въ Судебныхъ Уставахъ. Это и было исправлено закономъ 20 мая 1885 г., общимъ мотивомъ котораго было соображеніе о томъ, что, «находясь во главѣ судебнаго вѣдомства и неся отвѣтственность передъ верховной властью за правильный ходъ правосудія въ Имперіи, министръ юстиціи, очевидно, долженъ располагать вполнѣ достаточными способами къ устраненію усматриваемыхъ имъ въ дѣятельности судебныхъ чиновъ уклоненій отъ законнаго порядка», въ то время, какъ «постановленія по этому предмету Судебныхъ Уставовъ страдали нѣкоторой неполнотой и неясностью, незамедлившими породить на практикѣ весьма существенныя неудобства» (Очеркъ, 159).

Законъ 20 мая 1885 г. сильно подорвалъ начало несмѣняемости судей, измѣнилъ основанія и порядокъ дисциплинарной ихъ отвѣтственности и создалъ подчиненность ихъ съ одной стороны министру юстиціи, съ другой—старшему предсѣдателю судебной палаты. По этому закону, кромѣ общей дисциплинарной отвѣтственности судей за упущенія по службѣ, которая оказалась, однако, расширенной по сравненію съ тѣмъ, что до сихъ поръ было, такъ какъ наряду съ предостереженіемъ въ качествѣ дисциплинарнаго наказанія указанъ былъ вычетъ изъ жалованія, устанавливается еще особая ихъ дисциплинарная отвѣтственность. Она имѣетъ мѣсто за такія служебныя упущенія, которыя, «хотя и не влекутъ за собой удаленія отъ должности, но по своему значенію и многократности свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи виновнаго въ нихъ судьи занимаемому имъ положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ, равно какъ и за такіе противные нравственности и предосудительные поступки внѣ службы, которые, хотя и не имѣли послѣдствіемъ

привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности, но, будучи несовмѣстимы съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимыхъ для сего званія довѣрія и уваженія»; наряду съ этимъ указанъ тотъ случай, когда судья, поставивъ себя образомъ своихъ дѣйствій въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, тѣмъ не менѣе уклоняется отъ предлагаемаго ему перевода въ другую мѣстность на равную должность. Въ этихъ случаяхъ министръ юстиціи передаетъ дѣло на обсужденіе вновь учрежденнаго высшаго дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената, которое можетъ постановить въ первыхъ двухъ случаяхъ объ увольненіи судьи отъ должности, а въ послѣднемъ—о перемѣщеніи его въ другую мѣстность на равную судейскую должность. Не говоря уже о томъ, что этимъ закономъ вводится увольненіе въ порядкѣ дисциплинарномъ за такія дѣянія, которыя не являются сами по себѣ преступными, нельзя не обратить вниманія на то, что высшее дисциплинарное присутствіе сената по своему составу представляется инымъ, чѣмъ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ. Оно образуется изъ первоприсутствующихъ кассаціонныхъ департаментовъ, всѣхъ сенаторовъ соединеннаго присутствія I и кассаціонныхъ департаментовъ, которое не было извѣстно Судебнымъ Уставамъ, и которое было создано закономъ 10 іюня 1877 г. для надзора въ порядкѣ управленія за судебнымъ вѣдомствомъ, и четырехъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ; такимъ образомъ, въ его составѣ оказываются сенаторы I департамента, непользующіеся несмѣняемостью. Нельзя, конечно, отрицать того, что Судебные Уставы по вопросу о дисциплинарной отвѣтственности судей заключали въ себѣ пробѣлы, не указывая въ частности на то, какъ слѣдуетъ реагировать на такіе проступки судей, которые не образуютъ состава преступленія, но въ то же время роняютъ званіе судьи. Этотъ пробѣлъ необходимо было устранить, но устраненіе его произошло такимъ путемъ, что вся судейская несмѣняемость была серьёзно поколеблена тѣми расплывчатыми формулами, которыя имѣлись въ законѣ, и тѣмъ порядкомъ дисциплинарной отвѣтственности, который былъ созданъ этимъ закономъ. Но этимъ не ограничились нововведенія закона 1885 г. Имъ предоставляется особый надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства министру юстиціи по званію генералъ-прокурора, которому предоставлено право требовать отъ чиновъ судебнаго вѣдомства доставленія ему нужныхъ свѣдѣній и объясненій письменно, а въ необходимыхъ случаяхъ также и личнаго представленія. Наконецъ, въ этомъ же законѣ былъ созданъ и особый надзоръ старшаго предсѣдателя судебной палаты, потребность въ которомъ мотивировалась тѣмъ, что «одна изъ главныхъ причинъ обнаружившейся недостаточности надзора за судебными установленіями заключалась въ чрезмѣрной централизаціи его въ вѣдѣніи министра юстиціи и правительствующаго сената, необходимъ болѣе близкій органъ надзора, который, постоянно слѣдя за ходомъ судебнаго дѣла въ опредѣленной мѣстности, быстро и безъ всякихъ излишнихъ формальностей пресѣкалъ бы усматри-

ваемыя неправильности». Старшій предсѣдатель судебной палаты наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ подвѣдомственныхъ палатѣ окружныхъ судахъ и за точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей должностными лицами, принадлежащими къ составу окружныхъ судовъ, при чемъ ему принадлежитъ право дѣлать лицамъ, допустившимъ какое-нибудь упущеніе по службѣ, «напоминаніе или указаніе» или предлагать усмотрѣнныя неправильности на обсужденіе судебной палаты. Такимъ образомъ, установлена была тѣсная зависимость всѣхъ судей отъ старшаго предсѣдателя, о чемъ составители Судебныхъ Уставовъ не могли и думать. Интересно вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить, что законъ 15 іюня 1912 г. еще болѣе увеличилъ власть старшаго предсѣдателя палаты, распространивъ ее на мировыхъ судей [1]).

Кромѣ принципа участія народнаго элемента въ отправленіи правосудія и судейской несмѣняемости былъ съ теченіемъ времени нарушенъ и третій основной принципъ Судебныхъ Уставовъ—гласность процесса. И въ этомъ случаѣ приходится констатировать явленіе, которое наблюдается въ отношеніи другихъ процессуальныхъ новеллъ. Наличность пробѣловъ въ рѣшеніи извѣстнаго вопроса въ Судебныхъ Уставахъ требовала ихъ пополненія; это пополненіе и совершалось, но одновременно появлялись положенія, существенно колебавшія тотъ принципъ, который самъ по себѣ долженъ былъ оставаться ненарушимымъ. Придавая большое значеніе принципу гласности, творцы судебной реформы боялись всякихъ излишнихъ его ограниченій и намѣтили ихъ черезчуръ узко. Вмѣстѣ съ тѣмъ они исходили изъ общаго предположенія о томъ, что всякія ограниченія гласности должны быть точно указаны въ законѣ и не должны находиться въ зависимости отъ усмотрѣнія суда. Изъ общаго начала публичнаго разбирательства дѣлъ устанавливались въ Судебныхъ Уставахъ изъятія лишь для опредѣленныхъ преступленій, упомянутыхъ въ законѣ (богохуленіе, оскорбленіе святыни и порицаніе вѣры, преступленія противъ правъ семейственныхъ, противъ чести и цѣломудрія женщинъ, развратное поведеніе, противоестественные пороки и сводничество, произнесеніе дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и Членовъ Императорскаго Дома, а также преступленія, преслѣдуемыя по жалобѣ потерпѣвшаго, въ случаѣ просьбы сторонъ).

Съ теченіемъ времени начинается гоненіе на гласный судъ, и въ результатѣ этого гоненія появляются законы, ограничивающіе гласность процесса. Впервые новый порядокъ устанавливается для государственныхъ преступленій: именно, законъ 7 іюня 1872 г. допустилъ закрытіе дверей засѣданія суда при разсмотрѣніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ особомъ присутствіи сената. Вслѣдъ затѣмъ закрытіе дверей разрѣшается въ силу исключительныхъ полномочій, предоставленныхъ органамъ администраціи по законамъ 9 авг. 1878 г. и 5 апр. 1879 г. и, наконецъ, по положенію 4 сент. 1881 г., на основаніи которыхъ генералъ-губернатору или министру внутреннихъ дѣлъ по принадлежности при-

[1]) См. ниже въ статьѣ «Мировой Судъ».

сваивается право требовать разбирательства при закрытыхъ дверяхъ всякаго дѣла, публичное разбирательство коего можетъ служить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка. Но данные законы имѣли въ виду исключительные случаи. Гораздо важнѣе ихъ законъ 12 февр. 1887 г., который вообще измѣнилъ всю постановку вопроса о гласности уголовнаго процесса по Судебнымъ Уставамъ. Въ этомъ законѣ, съ одной стороны, устанавливается запретъ доступа въ засѣданіе опредѣленнымъ лицамъ, относительно которыхъ не содержалось никакихъ указаній въ Судебныхъ Уставахъ,—малолѣтнимъ и всѣхъ учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ, а также несовершеннолѣтнимъ и женщинамъ, когда этого требуетъ свойство разсматриваемаго дѣла или отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій, съ другой стороны, суду предоставлено право вообще закрывать двери засѣданій, если онъ признаетъ, что публичное изслѣдованіе подлежащихъ судебному разсмотрѣнію обстоятельствъ оскорбляетъ религіозное чувство или нарушаетъ требованія нравственности, или же не можетъ быть допущено въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, этотъ законъ установилъ, на ряду съ *обязанностью* суда закрывать двери засѣданій въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, *и право* его дѣлать это по его усмотрѣнію, въ виду особыхъ обстоятельствъ, которыя сами по себѣ чужды соображеніямъ правосудія. Какъ указывалось въ мотивахъ этого закона, «иногда подлежащее судебному разсмотрѣнію преступное дѣяніе столь тѣсно связано съ обстоятельствами, касающимися государственныхъ преступленій или судебныхъ распоряженій высшихъ должностныхъ лицъ государства или предметовъ дѣятельности высшихъ правительственныхъ учрежденій, что изслѣдованіе на судѣ подобныхъ обстоятельствъ неизбѣжно, а между тѣмъ при публичномъ ихъ разсмотрѣніи можетъ послѣдовать разоблаченіе передъ публикой данныхъ, коихъ оглашеніе оказывается вреднымъ для успѣшнаго разслѣдованія государственныхъ преступленій» (Очеркъ, 190). Но законъ 1887 г., не довѣряя судьямъ и предполагая, что они не всегда окажутся на высотѣ положенія, внесъ ту особенность въ соотвѣтствующія постановленія Судебныхъ Уставовъ, что онъ предоставилъ рѣшеніе вопроса о закрытіи дверей засѣданія по приведеннымъ общимъ основаніямъ не только суду, но и министру юстиціи, причемъ установленіе этого экстраординарнаго порядка ограниченія гласности оправдывалось общимъ соображеніемъ о томъ, что «оцѣнка этихъ основаній и окончательное признаніе таковыхъ имѣющими существенное значеніе должно быть сохранено за властью правительственною и не можетъ быть предоставлено мѣстному суду». Интересно при этомъ отмѣтить, что съ соображеніями такого рода, высказанными въ свое время въ государственномъ совѣтѣ министромъ юстиціи Н. А. Манасеинымъ, согласилось лишь меньшинство членовъ совѣта, большинство же членовъ находило, что «предоставленіе единоличной власти министра юстиціи... шло бы въ разрѣзъ съ основными началами нашего судебнаго строя, не допускающими какого-либо вмѣшательства въ судебное производство со стороны высшей административной власти», и рѣшительно

выступило противъ такого расширенія власти министра (Очеркъ, 192); однако, мнѣніе меньшинства стало закономъ. Такимъ образомъ, появилось закрытіе дверей засѣданія суда по ордеру министра юстиціи. Этотъ ордеръ, конечно, обязателенъ для суда, и вмѣшательство административной власти въ дѣятельность судебной получило, слѣдовательно, полное признаніе въ нашемъ законодательствѣ. Тѣ расплывчатыя, широкія формулы, опредѣляющія допустимость закрытія дверей засѣданія, которыя содержатся въ законѣ 1887 г., даютъ возможность большого простора для проявленія усмотрѣнія министра юстиціи, и потому этотъ законъ оказывается весьма чувствительнымъ ударомъ для основныхъ устоевъ Судебныхъ Уставовъ. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что законъ 1887 г. вноситъ измѣненіе въ прежній порядокъ и ухудшеніе его еще въ томъ отношеніи, что онъ сокращаетъ объемъ тѣхъ судебныхъ дѣйствій, которыя во всякомъ случаѣ должны происходить публично: въ силу этого закона только объявленіе приговора должно происходить публично, а не всѣ дѣйствія суда, начиная съ объясненія предсѣдателя, какъ это было установлено раньше. Контроль общественнаго мнѣнія надъ отправленіемъ правосудія такимъ образомъ благодаря этому закону сильно сокращается.

Вмѣшательство органовъ административной власти въ дѣятельность судебной постепенно стало выражаться въ нашемъ уголовномъ процессѣ и въ рядѣ другихъ положеній, заключающихъ въ себѣ также проявленіе извѣстнаго недовѣрія правительства къ дѣятельности суда. Такъ, еще по закону 19 февр. 1875 г. министру юстиціи было предоставлено въ губерніяхъ Царства Польскаго право переносить дѣла изъ одного судебнаго округа или изъ одного окружнаго суда въ другой въ видахъ огражденія государственнаго или общественнаго интереса, однако съ испрошеніемъ каждый разъ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Эта мѣра, имѣвшая въ виду особыя условія общественной жизни на окраинахъ, получаетъ однако впослѣдствіи примѣненіе повсемѣстно, притомъ въ видѣ мѣры, не требующей Высочайшей санкціи. Именно, по закону 20 мая 1885 г. устанавливаются новыя правила о переносѣ уголовныхъ дѣлъ изъ одного суда въ другой, въ видахъ ихъ безпристрастнаго разрѣшенія, отмѣняющія соотвѣтственныя постановленія Судебныхъ Уставовъ. По первоначальной редакціи Судебныхъ Уставовъ этотъ переносъ могъ имѣть мѣсто только по распоряженію судебной коллегіи—уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, по новому же закону рѣшеніе даннаго вопроса предоставляется соединенному присутствію I и кассаціонныхъ департаментовъ сената, т.-е. органу, не чисто-судебному, при чемъ возбужденіе вопроса о переносѣ принадлежитъ министру юстиціи, а самый переносъ допускается не только въ видахъ безпристрастія судебнаго приговора, но и для огражденія общественнаго порядка и спокойствія.

Только что указанныя мѣропріятія насквозь проникнуты соображеніемъ о томъ, что судъ долженъ проводить общую правительственную политику,—идеей «правительственнаго направленія» дѣятельности суда, какъ говорилъ министръ юстиціи Н. В. Муравьевъ въ своемъ, упомянутомъ выше, всеподданнѣйшемъ докладѣ 1894 г. Для проведенія этого начала создается подхо-

дящая обстановка, въ которой должно осуществляться уголовное правосудіе, служащее не только интересамъ истины, но и видамъ правительства.

Это положеніе даетъ себя знать и въ цѣломъ рядѣ другихъ законодательныхъ опредѣленій, которыя имѣютъ въ виду создать особый порядокъ производства дѣлъ для извѣстныхъ группъ преступныхъ дѣяній, именно, преступленій государственныхъ и преступленій, совершаемыхъ путемъ печати.

Что касается прежде всего особенностей уголовнаго процесса по преступленіямъ государственнымъ, то слѣдуетъ отмѣтить, что въ этомъ отношеніи уже въ Судебныхъ Уставахъ были сдѣланы существенныя отступленія отъ нормальнаго порядка отправленія правосудія. Такъ, прежде всего судъ присяжныхъ, который являлся общимъ правиломъ для разбирательства всякаго болѣе крупнаго дѣла, для преступленій государственныхъ, какъ было уже выше указано, былъ исключенъ, и государственныя преступленія, предусмотрѣнныя раздѣломъ III улож. о нак., стали подсудны или судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей, или верховному уголовному суду въ силу особаго Высочайшаго указа. Это изъятіе изъ нормальной подсудности мотивировалось тѣмъ, что «судъ по государственнымъ преступленіямъ долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы высокое общественное положеніе судей служило ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи ими всякаго злоумышленія» (Судебные Уставы, ч. II стр. 392). Въ соотвѣтствіи съ этой особой подсудностью были установлены и нѣкоторыя другія особенности въ порядкѣ производства данныхъ дѣлъ (напр. предварительное слѣдствіе поручалось члену судебной палаты, а не судебному слѣдователю и т. п.). Однако вскорѣ установленныхъ Судебными Уставами отступленій оказалось недостаточнымъ, и уже закономъ 19 мая 1871 г., закрѣплявшимъ лишь то положеніе, которое уже существовало на практикѣ, вводится для государственныхъ преступленій особый порядокъ производства дознанія, обладающаго по своему процессуальному значенію всѣми свойствами предварительнаго слѣдствія и предоставленнаго жандармской полиціи, надѣленной весьма серьёзными полномочіями съ правомъ совершенія тѣхъ дѣйствій, которыя предоставляются органамъ предварительнаго слѣдствія. Значеніе этого дознанія особенно рельефно проявлялось въ томъ, что оно по своемъ окончаніи препровождалось прокуроромъ судебной палаты, у котораго сосредоточивался общій контроль за дѣятельностью по производству дознанія, министру юстиціи. Послѣдній же, по сношеніи съ шефомъ жандармовъ, или дѣлалъ распоряженіе о направленіи дѣла въ судебномъ порядкѣ, или испрашивалъ Высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла, или же разрѣшалъ все дѣло въ административномъ порядкѣ, при чемъ установленіе подобнаго исключительнаго порядка рѣшенія дѣла мотивировалось чрезмѣрной строгостью существующихъ наказаній за государственныя преступленія и трудностью во многихъ случаяхъ собрать достаточно уликъ для постановки обвинительнаго приговора.

Но и этимъ не ограничивались измѣненія постановленій Судебныхъ Уставовъ о государственныхъ преступленіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ измѣняется

ихъ подсудность путемъ созданія закономъ 7 іюня 1872 г. особаго присутствія правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Это особое присутствіе состоитъ изъ сенаторовъ, назначаемыхъ на каждый годъ особо Высочайшей властью, и занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди прочихъ судебныхъ учрежденій Имперіи: его рѣшенія могутъ быть обжалованы въ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената, но лишь по нарушенію закона и неправильному его толкованію при опредѣленіи преступленія и рода наказанія. Однако, этотъ порядокъ просуществовалъ въ такомъ видѣ недолго, такъ какъ въ виду обнаружившихся практическихъ неудобствъ сосредоточенія всѣхъ дѣлъ этого рода въ одномъ учрежденіи, а также, между прочимъ, и въ виду того, что «подчиненіе упомянутыхъ дѣлъ высшему судилищу въ государствѣ возвышало виновныхъ въ глазахъ тѣхъ людей, которые имѣли несчастіе подпасть подъ ихъ нравственное вліяніе» (Очеркъ, 129), закономъ 9 мая 1878 г. возстановляется опять подсудность государственныхъ преступленій судебнымъ палатамъ съ сословными представителями съ тѣмъ, чтобы въ особое присутствіе сената дѣла вносились, какъ и въ верховный уголовный судъ, только на основаніи Высочайшаго повелѣнія.

Нужно однако отмѣтить, что всѣ эти законодательные акты большого практическаго значенія не имѣли, такъ какъ мало-по-малу судъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ у насъ выходитъ изъ употребленія, въ виду того, что особыя полномочія, предоставленныя исключительными законами органамъ администраціи, давали имъ возможность оказывать репрессію на государственныхъ преступниковъ мѣрами административными — ссылкой и полицейскимъ надзоромъ. Только съ введеніемъ въ дѣйствіе уголовнаго уложенія 1903 г. въ отношеніи преступленій государственныхъ, въ силу закона 7 іюня 1904 г., возстановляется у насъ въ качествѣ нормальнаго процесса судебное разсмотрѣніе дѣлъ объ этихъ преступленіяхъ. Послѣдній законъ развиваетъ то, что было сдѣлано раньше въ нашемъ законодательствѣ въ отношеніи уголовнаго процесса по дѣламъ этого рода, и вмѣстѣ съ дополнившими его законами 16 іюня 1905 г. и 18 марта 1906 г. является основой современнаго нашего уголовнаго процесса по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Попрежнему въ немъ сохраняется особая подсудность для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, хотя и съ нѣкоторымъ измѣненіемъ по сравненію съ прежнимъ законодательствомъ въ томъ отношеніи, что, наряду съ подсудностью судебнымъ палатамъ съ сословными представителями и особому присутствію сената, установляется подсудность судебнымъ палатамъ безъ сословныхъ представителей дѣлъ о менѣе важныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, именно наказуемыхъ ниже исправительнаго дома, и даже окружнымъ судамъ—дѣлъ о менѣе тяжкихъ видахъ оскорбленія Величества (ст. 103 ч. 3, ст. 106 ч. 3 и ст. 107 ч. 2 угол. улож. 1903 г.); съ другой стороны вмѣстѣ съ преобразованіемъ верховнаго уголовнаго суда закономъ 22 апр. 1906 г. въ судъ исключительно по преступленіямъ по должности изъ его компетенціи изъяты преступленія государственныя. Далѣе, попрежнему сохраняется особый порядокъ производства дознанія черезъ чиновъ жан-

дармской полиціи; дознаніе это въ еще большей степени приравнивается предварительному слѣдствію, получая черты, противорѣчащія духу Суд. Уставовъ, причемъ органами наблюденія за его производствомъ сдѣланы прокуроръ окружнаго суда и прокуроръ судебной палаты; производство дознанія не прекращается и тогда, когда по тому же дѣлу производится предварительное слѣдствіе, прекращеніе же его зависитъ, при наличности формальныхъ причинъ (16 ст. у. у. с.) или при отсутствіи признаковъ преступленія въ изслѣдуемомъ дѣяніи, отъ прокурора окружнаго суда, а въ случаѣ необнаруженія и неразысканія виновнаго или въ виду недостаточности уликъ вопросъ о прекращеніи дознанія или о его дальнѣйшемъ продолженіи рѣшается особымъ губернскимъ совѣщаніемъ въ составѣ губернатора, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, прокурора окружнаго суда и начальника жандармскаго управленія.

Что же касается дѣлъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ печати, то кромѣ измѣненія подсудности, произведенномъ закономъ 12 дек. 1866 г. и закономъ 7 іюня 1889 г., о чемъ рѣчь была выше, устанавливается постепенно еще рядъ другихъ отступленій отъ общаго порядка производства уголовныхъ дѣлъ. Такъ, закономъ 12 дек. 1866 г. вводится по дѣламъ этого рода ограниченіе самостоятельной роли прокуратуры, такъ какъ устанавливается обязанность прокуратуры возбуждать уголовное преслѣдованіе, если этого требуютъ указанныя въ законѣ учрежденія по дѣламъ печати. Законы 24 ноября 1905 г., 18 марта и 26 апр. 1906 г. вводятъ рядъ нововведеній безусловно отрицательнаго значенія, предоставляя огромную власть администраціи въ дѣлѣ борьбы съ прессой—наложеніе ареста на отдѣльные номера повременнаго изданія по распоряженію установленія или должностного лица по дѣламъ печати съ одновременнымъ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія, когда въ содержаніи этихъ номеровъ заключаются признаки преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго уголовными законами, причемъ провѣрка этого принадлежитъ суду; суду принадлежитъ право постановлять приговоръ объ уничтоженіи произведенія печати и въ случаѣ отсутствія основаній къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, причемъ не существуетъ необходимыхъ гарантій въ смыслѣ установленія сроковъ и т. п. Въ отношеніи государственныхъ преступленій, совершенныхъ путемъ печати, отмѣнено предварительное слѣдствіе и особая процедура преданія суду, независимо отъ тяжести грозящаго виновному наказанія. Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ закона ясно проводится мысль о томъ, что интересы печати должны быть принесены въ жертву интересамъ борьбы съ началами, признаваемыми вредными для государства.

Наконецъ, рѣшительный и весьма тяжелый ударъ нанесенъ былъ Судебнымъ Уставамъ закономъ 12 іюля 1889 г., установившимъ институтъ земскихъ участковыхъ начальниковъ [1]).

Кромѣ указанныхъ важнѣйшихъ измѣненій, внесенныхъ въ Судеб

---

[1]) См. ниже, статью «Крестьянскій судъ и судебно-административныя учрежденія».

ные Уставы, есть еще не мало другихъ, которыя точно такъ же разрушали многое изъ того, что было создано судебной реформой 1864 г.

Таковы новеллы, въ которыхъ проводится недовѣріе къ адвокатскому сословію и проявляется умаленіе его корпоративныхъ правъ. Создавая новые суды, творцы судебной реформы придавали большое значеніе дѣятельности адвокатскаго сословія, которое было построено на корпоративныхъ началахъ. Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ въ каждомъ судебномъ округѣ должно было принадлежать значеніе высшаго корпоративнаго органа, блюдущаго интересы всей корпораціи и отправляющаго дисциплинарное правосудіе въ отношеніи ея членовъ. Однако, постепенно общая реакція, измѣнившая начала судебной реформы отразилась и на организаціи адвокатуры. На первыхъ порахъ, по мѣрѣ того, какъ вводились Судебные Уставы, вводилась и новая адвокатура, создавались и совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. Но уже 5 дек. 1874 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о временной пріостановкѣ учрежденія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ округахъ тѣхъ судебныхъ палатъ, гдѣ они до тѣхъ поръ не были открыты, и о передачѣ функцій совѣтовъ окружнымъ судамъ въ виду того, что «учрежденные уже совѣты присяжныхъ повѣренныхъ не оправдали возложенной на нихъ задачи надзора за охраненіемъ достоинства и нравственной чистоты въ дѣйствіяхъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому сословію» (Очеркъ, 134). Этотъ новый порядокъ продолжался до недавняго времени. Только въ 1904 г. (Высочайшія повелѣнія 21 іюля, 10 и 24 ноября) начинаютъ вновь открываться совѣты присяжныхъ повѣренныхъ при судебныхъ палатахъ (новочеркасской, казанской, одесской, саратовской, иркутской и омской). Съ другой стороны въ силу Высочайшаго повелѣнія 11 окт. 1889 г. было временно пріостановлено открытіе во всѣхъ судебныхъ округахъ, въ которыхъ учреждены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, отдѣленій этихъ совѣтовъ, и это положеніе сохраняется и по настоящее время. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ связи съ нашей общей политикой по еврейскому вопросу устанавливается ограниченіе доступа въ адвокатуру нехристіанъ; по закону 8 ноября 1889 г. принятіе ихъ въ сословіе поставлено въ зависимость отъ министра юстиціи, чѣмъ фактически былъ закрытъ почти совершенно доступъ евреевъ въ присяжные повѣренные. Изъ отдѣльныхъ мѣропріятій, касающихся адвокатуры, неизвѣстныхъ Судебнымъ Уставамъ, можно отмѣтить учрежденіе частныхъ повѣренныхъ закономъ 25 мая 1874 г. Частные повѣренные поставлены въ зависимость не только отъ судебныхъ учрежденій, но и отъ министра юстиціи, имѣющаго право устранять отъ ходатайства по судебнымъ дѣламъ такихъ лицъ, которыя по доходящимъ до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій, не соотвѣтствующій званію повѣреннаго [1]).

Другое отступленіе отъ началъ Судебныхъ Уставовъ, менѣе важное по сравненію съ ранѣе указанными, но тѣмъ не менѣе весьма существенное, сдѣлано было въ отношеніи примѣненія Судебныхъ Уставовъ на окраинахъ.

Судебные Уставы предположено было ввести въ дѣйствіе въ губерніяхъ,

[1]) Подробнѣе объ адвокатурѣ см. въ III т. «Суд. Реформы».

гдѣ существуютъ земскія учрежденія, и въ губерніи бессарабской въ теченіе ближайшихъ четырехъ лѣтъ послѣ ихъ утвержденія, но дѣйствительность показала иной ходъ ихъ постепеннаго распространенія, и процессъ введенія ихъ въ дѣйствіе растянулся на цѣлыя 35 лѣтъ, такъ какъ послѣднія судебныя мѣста стараго типа были упразднены только въ 1899 г., когда Судебные Уставы были распространены на нѣкоторые уѣзды вологодской губерніи, гдѣ еще до тѣхъ поръ судебная реформа не была осуществлена. Но при этомъ, если обратить вниманіе на то, въ какомъ видѣ вводились въ дѣйствіе во многихъ мѣстахъ Судебные Уставы, то можно сказать, что вводились не тѣ Судебные Уставы, которые были созданы въ 1864 г., а нѣкоторый ихъ суррогатъ. Не говоря о томъ, что они вводились, конечно, со всѣми тѣми новшествами, о которыхъ рѣчь была выше, и которыя искажали ихъ основныя начала, самый судебный строй многихъ изъ тѣхъ частей Имперіи, гдѣ они вводились, надѣлялся своеобразными особенностями, которыя не были извѣстны ихъ первоначальной редакціи 1864 г. Судебные Уставы не знали никакихъ изъятій для окраинъ, но по мѣрѣ того, какъ они вводились на окраинахъ, они измѣнялись въ соотвѣтствіи съ политическими и бытовыми условіями жизни этихъ окраинъ, такъ что многими благами, установленными новымъ судебнымъ строемъ, пользовались лишь жители коренныхъ частей Россіи. Такъ, уже законъ 22 ноября 1866 г., введшій Судебные Уставы въ Кавказскомъ краѣ, содержитъ рядъ серьёзныхъ отступленій отъ нормальнаго судебнаго строя: въ Закавказьѣ назначаемые правительствомъ мировые судьи выполняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и функціи судебныхъ слѣдователей; судъ присяжныхъ не существуетъ; апелляціонной инстанціей для дѣлъ, рѣшаемыхъ мировыми судьями, является окружный судъ, а кассаціонной—тифлисская судебная палата. Точно также закономъ 19 февр. 1875 г. вводятся Судебные Уставы въ Царствѣ Польскомъ въ значительно измѣненномъ видѣ. Политическія соображенія заставили правительство отказаться отъ введенія въ Царствѣ Польскомъ суда присяжныхъ и выборнаго мирового суда; съ другой стороны особенныя условія жизни въ этомъ краѣ вызвали вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость создать на совершенно особыхъ началахъ мѣстный судъ—выборныхъ гминныхъ судей, рѣшающихъ маловажныя дѣла совмѣстно съ особыми засѣдателями—лавниками, и входящихъ въ составъ коллегіи коронныхъ мировыхъ судей въ апелляціонной инстанціи—мировыхъ съѣздахъ. Самостоятельное устройство суда въ Царствѣ Польскомъ (впрочемъ, какъ и вездѣ на окраинахъ) спасло судебную систему этого края отъ того смѣшенія суда съ администраціей, которое было произведено созданіемъ земскихъ начальниковъ, такъ какъ этотъ институтъ былъ расчитанъ на тѣ части Россіи, гдѣ дѣйствовалъ нормальный судебный порядокъ, установленный Судебными Уставами. Съ бо́льшими или меньшими отступленіями отъ общихъ началъ вводятся Судебные Уставы въ Прибалтійскомъ краѣ (законъ 9 іюля 1889 г.), въ олонецкой, оренбургской и уфимской губерніяхъ (законъ 3 февр. 1892 г.), въ архангельской губерніи (законъ 29 янв. 1896 г.), въ Сибири (законъ 13 мая 1898 г.), въ Туркестанѣ и Степномъ краѣ (законъ 2 іюня 1898 г.) и въ пяти уѣздахъ вологодской губерніи (законъ 15 февр. 1899 г.). Лишь въ недавнее время въ

нѣкоторыхъ окраинахъ начинаютъ устраняться отступленія отъ общихъ началъ Судебныхъ Уставовъ, прежде всего въ видѣ созданія суда присяжныхъ, что нами уже было отмѣчено раньше.

Для полноты изложенія нововведеній въ Судебные Уставы, колебавшихъ ихъ прежній обликъ и искажавшихъ ихъ, слѣдуетъ особо отмѣтить постепенное нарушеніе начала единства кассаціи. Судебные Уставы, придавая важное значеніе кассаціонному производству, выдвинули начало единства кассаціи, сосредоточивъ кассацію по уголовнымъ дѣламъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената: единственное исключеніе, сдѣланное ими въ этой сферѣ, касалось окончательныхъ приговоровъ, постановленныхъ мировыми судьями, для которыхъ кассаціонной инстанціей долженъ былъ служить съѣздъ мировыхъ судей. Однако, постепенно, по мѣрѣ распространенія судебной реформы на окраины, нарушался принципъ единства кассаціи, и въ настоящее время, на ряду съ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената, въ качествѣ кассаціонной инстанціи дѣйствуетъ цѣлый рядъ судебныхъ палатъ. Такъ, какъ уже сказано выше, по закону 22 ноября 1866 г. о введеніи судебной реформы въ Кавказскомъ краѣ введена была въ качествѣ кассаціонной инстанціи для всѣхъ дѣлъ, рѣшаемыхъ мировыми судьями, тифлисская судебная палата; по закону 13 мая 1896 г. то же сдѣлано для Сибири въ лицѣ иркутской судебной палаты, по закону 2 іюня 1898 г. для степного и туркестанскаго края—въ лицѣ омской и ташкентской палаты и, кромѣ того, по закону 18 марта 1906 г. для черноморской губерніи—въ лицѣ новочеркасской палаты. Единство кассаціи еще больше должно было пострадать отъ закона 12 іюля 1889 г., когда введено было губернское присутствіе въ качествѣ кассаціонной инстанціи по дѣламъ, разрѣшаемымъ уѣзднымъ съѣздомъ. Наконецъ, единство кассаціи было нарушено и закономъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, въ смыслѣ предоставленія мировому съѣзду правъ кассаціонной инстанціи по дѣламъ, разрѣшеннымъ въ верхнемъ сельскомъ судѣ.

Въ связи съ упраздненіемъ принципа единства кассаціи слѣдуетъ указать еще на законъ 10 іюня 1877 г., вызванный потребностью бороться съ значительнымъ наплывомъ дѣлъ въ кассаціонные департаменты сената и установившій отдѣленія департаментовъ съ предоставленіемъ отдѣленіямъ кассаціонныхъ функцій: къ ихъ компетенціи отнесены дѣла, разрѣшаемыя простымъ примѣненіемъ существующихъ законовъ и послѣдовавшихъ уже въ кассаціонномъ порядкѣ разъясненій, — слѣдовательно, дѣла, которыя не требуютъ новаго истолкованія закона (послѣднія отошли къ присутствію департамента); этимъ опредѣленіемъ закона устанавливалось неодинаковое значеніе департаментскихъ и отдѣленскихъ рѣшеній, которыя не публикуются во всеобщее свѣдѣніе. Жизнь, однако, показала, что и отдѣленія департаментовъ даютъ такія же новыя разъясненія законовъ, какъ и сами департаменты, между тѣмъ какъ практика отдѣленій не вполнѣ единообразна, такъ что съ этой точки зрѣнія законъ 10 іюня 1877 г. способствовалъ дальнѣйшему разрушенію единства кассаціи.

Таковы тѣ многочисленныя новеллы, которыя во многомъ значительно измѣнили общую физіономію Судебныхъ Уставовъ.

Нужно, однако, отмѣтить, что въ недавнее время, вмѣстѣ съ измѣненіемъ нашего государственнаго строя, замѣчается извѣстный поворотъ къ устраненію наиболѣе вопіющихъ искаженій первоначальнаго облика судебной реформы 1864 г. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить важное значеніе неоднократно приводившагося уже выше новаго закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Законъ этотъ носитъ на себѣ черты взаимныхъ уступокъ отдѣльныхъ направленій въ нашей современной политической жизни и является плодомъ компромисса; въ немъ нѣтъ цѣльности и единства мысли, но тѣмъ не менѣе его нельзя не признать первымъ сознательнымъ шагомъ къ возвращенію Судебныхъ Уставовъ къ ихъ первоначальному виду. Законъ 15 іюня 1912 г. отмѣняетъ компетенцію земскихъ начальниковъ по судебнымъ дѣламъ и возстановляетъ выборный мировой судъ. Это—несомнѣнно весьма важная его заслуга. Но нужно замѣтить, что и въ немъ сохраняютъ силу нѣкоторыи изъ приведенныхъ уже раньше искаженій Судебныхъ Уставовъ; нѣкоторыя же изъ нихъ, какъ указывалось выше, получаютъ даже новый объемъ примѣненія. Такимъ образомъ даже и въ сферѣ дѣятельности обновленнаго мѣстнаго суда полнаго возврата къ тому, что было создано пятьдесятъ лѣтъ назадъ, все еще нѣтъ. Законъ 1885 г., поколебавшій принципъ несмѣняемости, остался попрежнему въ силѣ. Всѣ тѣ ограниченія, которыя были установлены для самостоятельности и независимости суда, въ частности, зависимость отъ министра юстиціи и старшаго предсѣдателя судебной палаты сохраняются. Ограниченія гласности, введенныя закономъ 1887 г., не отмѣнены. Словомъ, и этотъ новый законъ приспособляется къ тому, что было создано за періодъ реакціи и что, повидимому, считается окончательно вошедшимъ въ плоть и кровь Судебныхъ Уставовъ. Въ частности, что касается возстановляемыхъ этимъ закономъ выборныхъ мировыхъ судей, то въ организаціи этого института есть тоже рядъ отступленій отъ Судебныхъ Уставовъ. Такъ, условія занятія должности мирового судьи нѣсколько измѣнены по сравненію съ тѣмъ, что было раньше, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ духу времени: нравственный цензъ мировыхъ судей, напр., измѣненъ въ томъ отношеніи, что не могутъ быть избираемы въ судьи исключенные изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и частныхъ повѣренныхъ, уволенные отъ должности судьи въ дисциплинарномъ порядкѣ, въ теченіе 3 лѣтъ со дня постановленія о нихъ приговора; съ другой стороны, въ соотвѣтствіи съ требованіями современной внутренней политики вводится неизвѣстное до тѣхъ поръ Судебнымъ Уставамъ правило о томъ, что мировыми судьями не могутъ быть евреи; наконецъ, предсѣдатели мирового съѣзда не избираются, какъ это было установлено Судебными Уставами, а назначаются правительствомъ, и исключеніе изъ этого общаго правила сдѣлано только для столицъ и нѣкоторыхъ крупныхъ городовъ.

Заканчивая обзоръ движенія нашего уголовно-процессуальнаго законодательства со времени изданія Судебныхъ Уставовъ и констатируя въ общемъ печальную картину постепеннаго разрушенія за это время основныхъ устоевъ Судебныхъ Уставовъ, мы не можемъ не считаться съ тѣмъ, что представленіе о цѣнности этихъ устоевъ не умерло въ нашемъ обществѣ,

и что потребность возврата къ нимъ вполнѣ сознается, какъ это отчасти видно и изъ закона 15 іюня 1912 г., а это даетъ намъ основаніе надѣяться, что съ дѣйствительнымъ обновленіемъ нашей государственной жизни будутъ всецѣло возстановлены основныя положенія судебной реформы 1864 г., и что вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессивныя начала окажутся воспринятыми и въ тѣхъ областяхъ уголовнаго процесса, въ которыхъ они не могли себя еще проявить въ Судебныхъ Уставахъ.

Проф. *А. Жижиленко.*

Общій очеркъ движенія гражданско-процессуальнаго законодательства послѣ 1864 года.

Когда заходитъ рѣчь о Судебныхъ Уставахъ 1864 года, нерѣдко одни патетически отстаиваютъ ихъ полную неприкосновенность, другіе, наоборотъ, не менѣе рѣшительно высказываются за ихъ полную непригодность. Были моменты, когда вопросъ о судьбѣ Судебныхъ Уставовъ ставился особенно рѣшительно. Такъ было въ періодъ законодательнаго прохожденія проекта о земскихъ начальникахъ въ 1889 году; такъ было въ періодъ организаціи комиссіи подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи Муравьева пять лѣтъ позднѣе. Именно тогда было оффиціально формулировано: «Судебные Уставы имѣютъ ярыхъ фанатическихъ поклонниковъ и столь же фанатическихъ противниковъ. По мнѣнію первыхъ, всякое измѣненіе, хотя бы вызванное настоятельною практическою необходимостью, равносильно ухудшенію нашего судебнаго строя. Въ глазахъ вторыхъ, самое изданіе Судебныхъ Уставовъ считается крупною политическою ошибкою, исправить которую можно лишь путемъ полной ихъ отмѣны». (Журн. Мин. Юст. 1894, № 1).

Этими противоположными полюсами объясняется и опредѣляется вся цѣпь измѣненій текста Судебныхъ Уставовъ послѣ 1864 года. Сообразно тому, какой взглядъ получалъ преобладаніе, слѣдовали нововведенія, или укрѣплявшія основы ихъ, или обезсиливавшія, или устранявшія эти основы. Тѣ части судебной реформы, гдѣ «политическая ошибка» ея казалась болѣе замѣтною и вредною, естественно испытали болѣе радикальныя измѣненія. Таковы Учрежденіе Судебныхъ Уставовъ и Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. Въ противоположность имъ Положеніе о нотаріальной части и Уставъ Гражданскаго Судопроизводства претерпѣли въ своихъ принципіальныхъ основахъ съ 1864 года менѣе ущерба. Однако, хотя «гражданскій процессъ—одна изъ тѣхъ счастливыхъ областей законодательства, которыя стоятъ вдали отъ всякихъ политическихъ и соціальныхъ вѣяній, злобъ и вожделѣній» (проф. А. Х. Гольмстенъ), тѣмъ не менѣе и на немъ не могли не отразиться новообразованія, произведенныя въ сферѣ

судоустройства, во взглядахъ на государственное либо только правительственное значеніе судебной власти, въ области уголовнаго процесса и др.

Достаточно полно освѣщенъ въ предыдущемъ очеркѣ уголовнаго процесса проф. Жижиленко вопросъ о значеніи новеллъ, ограничившихъ вообще начало независимости и несмѣняемости судей. Это имѣло свои послѣдствія, разумѣется, и въ сферѣ гражданскаго суда. Но здѣсь, кромѣ того, сказалась еще тенденція, направленная противъ обезпеченія условій, благопріятныхъ для спеціализаціи судей—однихъ на гражданскомъ, другихъ на уголовномъ процессѣ,—тенденція, дающая почву для утвержденій, что судьи, не будучи ни криминалистами, ни цивилистами, а тѣмъ и другимъ сразу, caeteris paribus легче склоняются на безотчетное слѣдованіе циркулярамъ министерства юстиціи и менѣе устойчивы въ примѣненіи закона.

Нельзя не признать, что самой редакціей учр. суд. уст. было сдѣлано мало для подготовки цивилистовъ-судей, послѣдовавшая же судебная политика, а затѣмъ и законодательство умышленно стерли всю грань, раздѣляющую судью-цивилиста—отъ криминалиста. Почти вся служба большинства кандидатовъ на судебныя должности проходитъ, вѣдь, въ практикѣ уголовнаго процесса, ибо первою самостоятельною должностью по судебному вѣдомству нужно считать должность судебнаго слѣдователя и должность товарища прокурора окружнаго суда. Вслѣдствіе сего молодые кандидаты, какъ само собою понятно, и тяготѣютъ къ нимъ, готовятся, спеціализируются. Естественнымъ послѣдствіемъ этого является и постоянно чувствуется недостатокъ подготовленныхъ цивилистовъ для должности члена окружнаго суда. Гражданскій процессъ настолько разностороненъ и сложенъ, что спеціализироваться въ немъ не такъ-то просто, не скоро дается. И вотъ, когда получила силу закона новелла 1885 года (78[5] ст. учр. суд. уст.) о *желательности* переводовъ членовъ суда изъ отдѣленія уголовнаго въ отдѣленіе гражданское и обратно, тѣмъ самымъ провозглашенъ былъ какъ бы принципъ ненужности спеціализаціи въ судебной службѣ, а въ зависимости отъ сего, рядомъ со всегдашнимъ недостаткомъ надлежащихъ кандидатовъ въ члены гражданскаго отдѣленія суда, намѣтился и недостатокъ въ цивилистахъ для гражданскихъ департаментовъ судебныхъ палатъ, гдѣ все чаще въ гражданскіе департаменты стали назначаться, напр., прокуроры судовъ. Необходимо, далѣе, отмѣтить, что впослѣдствіи тотъ же взглядъ еще рѣзче сказался въ законѣ о земскихъ начальникахъ, передавшемъ огромное количество дѣлъ гражданскихъ въ вѣдѣніе лицъ, которыхъ служебный въ области гражданскаго процесса стажъ былъ еще болѣе пониженъ. Еще позднѣе законъ 6 іюля 1912 г. о порядкѣ назначенія членовъ окружнаго суда въ составъ землеустроительныхъ комиссій лишній разъ подчеркнулъ, будто гражданскій процессъ и гражданское право не нуждаются въ опытныхъ цивилистахъ, ибо передалъ разрѣшеніе сложныхъ и весьма важныхъ вопросовъ землевладѣнія и межевыхъ всецѣло въ коллегіи, цивилистами не обезпеченныя. А законъ 11 апрѣля 1905 г.

объ имущественной отвѣтственности сельскихъ обществъ, крестьяне коихъ принимали участіе въ происходившихъ тогда въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безпорядкахъ, и вовсе устранилъ цивилистовъ изъ состава комиссій, образованныхъ для опредѣленія убытковъ и взысканія ихъ со всякаго имущества участниковъ разгромовъ и грабежей.

Означенная законодательная тенденція проходила и мирно уживалась съ другою, въ силу которой въ область гражданскаго процесса, хотя и внѣ устава гражданскаго судопроизводства, введены предметы, мало соприкасающіеся съ нимъ. Напр., опубликованное 15 іюня 1882 г. положеніе о пошлинахъ съ имуществъ, перешедшихъ безмездными способами, и законъ 23 декабря 1882 г. о введеніи въ дѣйствіе узаконеній о наслѣдственныхъ пошлинахъ возложили на судебныя установленія чисто фискальныя функціи не только посредническаго или апелляціоннаго характера между казенными палатами и плательщиками, но и прямыя, притомъ въ извѣстной формѣ даже какъ бы подотчетныя. Можно подобныя же функціи усмотрѣть въ уставѣ Государственнаго Банка и нѣкоторыхъ другихъ. Но еще ранѣе компетенція гражданскаго суда была распространена 6 іюня 1866 г. на дѣла акціонерныхъ компаній, 27 іюня 1867 г. на ипотеку (нотаріальные архивы), 16 января 1868 г. на дѣла судебно-межевыя, 1 іюля 1868 г. на дѣла о несостоятельности, 19 апрѣля 1874 г. на дѣла брачныя у раскольниковъ, 12 марта 1891 г. на дѣла объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей и др.

Такимъ образомъ, въ движеніи гражданскаго процесса подмѣчается съ одной стороны введеніе въ его сферу новыхъ предметовъ, расширеніе компетенціи, а съ другой, изъ вѣдѣнія гражданскаго суда изъемлются нѣкоторыя категоріи дѣлъ, по общимъ правиламъ, ему подсудныхъ. И на ряду съ такимъ осложненіемъ и насыщеніемъ гражданскаго процесса распространяется тотъ взглядъ, что въ немъ не такъ ужъ важно, какъ представлялось авторамъ устава гражданскаго судопр. 1864 г., участіе коренныхъ цивилистовъ.

Эта послѣдняя тенденція вскрывается,—кстати здѣсь упомянуть,—еще и новеллой о частныхъ повѣренныхъ 25 мая 1874 г., въ силу которой рядомъ съ организованной присяжной адвокатурой къ веденію чужихъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ допущены на равныхъ съ нею правахъ лица, по своему образовательному или иному цензу не могущія получить званіе присяжнаго повѣреннаго. При этомъ авторы новеллы предугадывали и ихъ предположенія въ жизни оправдались, что институтъ частныхъ повѣренныхъ пріурочивается именно къ дѣламъ гражданскимъ.

Въ общемъ очеркѣ движенія гражданскаго процесса невозможно остановиться на отраженіяхъ изложенныхъ законодательныхъ взглядовъ и мѣръ въ дѣйствительной жизни. Отчасти это составитъ задачу очерка объ актахъ новаго времени, главнымъ же образомъ, этого коснется очеркъ о гражданскомъ судѣ.

По мѣрѣ развитія государственнаго правопорядка идетъ ростъ правоспособности личности и параллельно съ этимъ усиливается ея отвѣтственность за всякое правонарушеніе, за каждое посягательство на чужое право. Но отвѣтственность должна быть, естественно, одинаковымъ образомъ и устойчиво опредѣляема. Для дѣйствительнаго водворенія судебнаго равноправія гражданъ необходима гарантія единства въ юридическихъ отношеніяхъ между судомъ и обращающимися къ судопроизводству лицами. Пестрота судоустройства и судопроизводства всецѣло подтачиваетъ принципъ равноправія.

И вотъ если по нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ можно оправдать раздѣленіе судовъ на мировые и общіе, то едва ли допустимо дальнѣйшее ихъ подраздѣленіе и обособленіе. Въ виду этого существованіе на ряду съ мировыми и общими судебными установленіями еще судовъ крестьянскихъ—волостныхъ—встрѣчало рѣшительное возраженіе даже въ 1860-хъ годахъ, когда они были учреждены ради казавшихся тогда неодолимыми особенностей патріархальнаго быта и правоуклада въ средѣ крестьянства, только-что вышедшаго изъ-подъ крѣпостной зависимости. И, конечно, ничѣмъ не оправдываемымъ анахронизмомъ представляется наличность волостныхъ судовъ не только за предѣлами пятидесятилѣтія судебной реформы, но даже раньше, послѣ ломки ея въ 1889 г., когда, казалось бы, условія крестьянской жизни настолько уже приблизились къ общегражданскому быту, что для особыхъ судебно-процессуальныхъ порядковъ не могло быть серьёзнаго основанія. Между тѣмъ, не сгладивъ пестроты судоустройства въ этомъ отношеніи, законы 1889 года вбили собою огромный клинъ въ Судебные Уставы 1864 г. Теперь (изданіе мин. юстиціи «Судебные Уставы за 50 лѣтъ», II, 727) даже оффиціально утверждается, что законы 1889 года «въ существенныхъ чертахъ и принципіальныхъ построеніяхъ рѣзко противорѣчили кореннымъ началамъ судебной реформы 1864 года». Законы эти доживаютъ впрочемъ свой вѣкъ (съ распространеніемъ мѣстнаго суда, примѣненнаго уже въ 10 губерніяхъ, на прочія губерніи и области Россіи, судебная власть земскихъ начальниковъ прекратится).

На ряду съ лишеніемъ, такимъ образомъ, всей крестьянской массы населенія всего преимущества новаго гражданскаго судопроизводства и прикрѣпленіемъ ея къ болѣе патріархальной и сословной судебной структурѣ на пространствѣ 50-лѣтія «новаго» гражданскаго суда создалось нѣсколько новыхъ, по сравненію съ 1864 г., привилегированныхъ категорій тяжущихся. Уже основной (1864 г.) текстъ устава гражданскаго судопроизводства надѣлилъ многими процессуальными преимуществами казенныя управленія. Интересы государственный казны и защищаться, и опровергаться могли только въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и съ присвоеніемъ имъ многихъ преимуществъ и льготъ. Преимущества, льготы и подсудность казенныхъ дѣлъ присвоены были также дѣламъ придворнаго вѣдомства, правительственныхъ установленій и духовныхъ управленій. Впослѣдствіи рядъ ихъ увеличился включеніемъ дѣлъ земства, городовъ и дворянства. Не только въ сферѣ обезпеченія исковъ и взысканій съ этихъ

юридическихъ лицъ, въ видѣ освобожденія ихъ отъ предварительнаго исполненія рѣшеній, обезпеченія исковъ и т. п., дѣла этого рода ведутся вообще съ отступленіями отъ общихъ процессуальныхъ нормъ, но и самые сроки для нихъ опредѣлялись иначе, чѣмъ для прочихъ тяжущихся; напр., не со времени объявленія рѣшенія въ окончательной формѣ, а со дня доставленія судомъ копіи сего рѣшенія, хотя бы это было сдѣлано много спустя послѣ полученія копіи рѣшенія повѣреннымъ или уполномоченнымъ (1292, 1293 и др. ст. у. гр. суд.). Въ самое послѣднее время введены въ этомъ отдѣлѣ существенныя измѣненія, и потому весь вопросъ относится къ очерку законодательныхъ актовъ новаго времени.

Равнымъ образомъ, составители Судебныхъ Уставовъ допустили существенныя изъятія въ гражданскомъ процессѣ для дѣлъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго и судебнаго вѣдомства. Закономъ 8 декабря 1881 г., 24 мая 1899 г., 11 іюня 1892 г. и другими эти изъятія распространены и на иски подобнаго рода, обращенные къ должностнымъ лицамъ, служащимъ по выборамъ, а также и къ лицамъ женскаго пола вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Изъятія для дѣлъ означенной категоріи довольно существенно ограничиваютъ интересы лицъ, пострадавшихъ отъ распоряженій органовъ государственныхъ или общественныхъ учрежденій, какъ въ смыслѣ чрезвычайно малаго срока (3 и 6 мѣсяцевъ) на предъявленіе иска, такъ и въ отношеніи подсудности, опредѣляемой не по цѣнѣ иска, а по должности отвѣтчика. Кромѣ того, для дѣлъ этого рода введены въ составъ судебнаго присутствія, на правахъ членовъ его, лица административнаго вѣдомства. Правила этихъ процессуальныхъ изъятій нѣсколько разъ пересматривались, но не въ смыслѣ ихъ суженія или отмѣны, а въ цѣляхъ укрѣпленія и развитія, причемъ составъ судебнаго присутствія не освобождался отъ административнаго элемента, несмотря на лозунгъ «правительственнаго» значенія судебной власти.

Составители устава гражданскаго судопроизводства не сдѣлали никакого различія въ отношеніяхъ суда къ призываемымъ на судъ лицамъ. Впослѣдствіи законодательныя измѣненія внесли въ это единство существенныя отступленія. Правило объ обязанности для свидѣтеля, живущаго не дальше 25 верстъ отъ мѣста, куда онъ призывается (382 ст. уст. гр. с.), явиться въ судъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ измѣнено въ смыслѣ увеличенія разстоянія до 50 верстъ (законы 1869, 1877, 1892 гг.), даже до 200 верстъ (законъ 30 марта 1882) и отмѣнено относительно нѣкоторыхъ категорій лицъ, поименованныхъ въ 88 ст. уст. гр. суд., (законы 1869, 1881, 1883, 1891, 1892, 1912, 1913 гг.) съ предоставленіемъ имъ права требовать явки суда къ нимъ на квартиру. Повѣстки суда о призывѣ свидѣтелей въ засѣданіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны посылаться особымъ, иногда довольно сложнымъ путемъ; и это не только въ случаяхъ, обусловленныхъ родомъ ихъ занятій (армія), или въ интересахъ суда, дабы начальство успѣло устранить препятствія къ явкѣ (желѣзнодорожные агенты), но, напр., въ отношеніи прислуги дипломатическихъ пред-

ставителей иностранныхъ государствъ (зак. 19 февр. 1868 г.) Такимъ образомъ, эти изъятія и отступленія отъ началъ равенства всѣхъ предъ судомъ продиктованы не стремленіемъ облегчить судебную власть въ сношеніяхъ съ необходимыми для раскрытія истины лицами, а явнымъ намѣреніемъ дать привилегію нѣкоторымъ категоріямъ лицъ, преимущественно административнаго вѣдомства, какъ-будто явка въ судъ можетъ быть для кого либо и въ чемъ-либо унизительною.

Казалось бы, меньшимъ отступленіемъ отъ начала судебнаго равноправія было бы узаконеніе о допросѣ вышеупомянутыхъ лицъ при закрытыхъ дверяхъ, чѣмъ созданіе для нихъ чрезвычайной привилегіи отказа отъ явки въ мѣста судебныхъ засѣданій, т.-е. приниженіе судебной власти. Правда, такое постановленіе было бы ограниченіемъ начала гласности, но это ограниченіе было бы не болѣе значительно, чѣмъ тѣ, которыя уже внесены въ уставъ гражданскаго суда.

Въ начальномъ текстѣ 325 ст. устава гражданскаго суд. только «особое свойство дѣла», благодаря которому гласность процесса «можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности», давало суду право разсмотрѣть дѣло «при закрытыхъ дверяхъ». Кромѣ того, основаніемъ къ закрытію дверей суда могла быть совмѣстная о томъ просьба тяжущихся, если она признана судомъ уважительною (326 ст.). До сихъ поръ текстъ этихъ двухъ статей закона не измѣненъ и только въ 1912 году добавлена обязательность закрытыхъ засѣданій по дѣламъ о содержаніи внѣбрачныхъ дѣтей и о такихъ привилегіяхъ на изобрѣтенія или усовершенствованія, которыя не подлежатъ опубликованію (325[1] ст.). Но въ 1891 и 1914 годахъ гласность судопроизводства значительно сужена спеціальными постановленіями, какъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, такъ и въ другихъ кодексахъ. Въ уставѣ появились 1345[7], 1460[5] стт., предписывающія закрывать двери при разсмотрѣніи дѣлъ по искамъ: о возстановленіи совмѣстнаго жительства супруговъ; о содержаніи мужемъ отдѣльно живущей жены; объ обязанностяхъ родителей, живущихъ раздѣльно, относительно дѣтей; объ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей...

Судебные Уставы 1864 г. предоставили тяжущимся почти безграничную автономію. Устраняя господствовавшій предъ тѣмъ элементъ слѣдственный въ гражданскомъ процессѣ, авторы основныхъ положеній и затѣмъ текста устава гражданскаго судопроизводства пошли, можетъ быть, нѣсколько дальше, чѣмъ дозволяла тогдашняя дѣйствительность, въ утвержденіи началъ состязательности и непосредственности. По мысли составителей текста устава гражданскаго судопроизводства въ 1864 г., всѣ исковыя дѣла подраздѣлялись какъ бы на три категоріи по степени ихъ матеріальной сложности, цѣнности и трудности доказыванія. Сообразно этому дѣламъ мировой подсудности присвоена была устность, дѣламъ общей подсудности письменность въ большей или меньшей степени, смотря по роду ихъ и предмету

иска. Какъ правило, предполагалось, что истецъ, обращаясь въ судъ, уже подготовилъ всѣ свои доводы и доказательства и изложилъ ихъ въ исковомъ прошеніи съ исчерпывающею полнотой. Такая же подготовка дѣла требовалась отъ отвѣтчика. Онъ былъ «обязанъ представить въ судъ письменный отвѣтъ на исковое прошеніе» (313 ст. уст. гр. суд.) и въ отвѣтѣ выразить «положительно» отношеніе къ требованіямъ истца и обстоятельствамъ, на которыхъ тѣ требованія основаны (314 ст.), и привести основанія и доказательства, противопоставляемыя исковому требованію (315 ст.). Помимо буквальнаго указанія, содержащагося въ текстѣ этихъ статей, обязанность отвѣтчика дать письменное объясненіе на исковое прошеніе обусловливается текстомъ 317 и 318 стт., гдѣ говорится наоборотъ не объ обязанности, а о правѣ сторонъ дать *второе* письменное объясненіе. Эти коренныя начала взаимоотношеній истца и отвѣтчика оставались въ текстѣ закона неизмѣнными до послѣдняго времени. Принципъ обязательности письменнаго отвѣта сохранялся въ текстѣ закона, но атрофировался на практикѣ и не поддержанъ почти никѣмъ изъ комментаторовъ (исключеніе являетъ собою чуть ли не одинъ В. Л. Исаченко), а послѣдующія наслоенія и отчасти кассаціонныя разъясненія свели эту обязательность на нѣтъ. Уставъ 1864 г. не снималъ съ отвѣтчика обязанности дать письменное объясненіе по существу иска ни въ какомъ случаѣ; отвѣтчику предоставлено только не являться лично въ засѣданіе, и тогда судъ постановлялъ рѣшеніе «безъ словесныхъ объясненій, по означенному отвѣту» (719 ст., 1864 г.); отвѣтчику предоставлялось, далѣе, выбрать одно изъ двухъ: или просить о разсмотрѣніи дѣла безъ его явки и оставить за собою право апелляціи, или же допустить заочное рѣшеніе, подвергаясь во всякомъ случаѣ взысканію судебныхъ издержекъ (709, 723 ст. уст. гр. суд.). Новелла 1890 г., установившая право сторонъ при неявкѣ для словесныхъ объясненій требовать сообщенія копіи заочнаго рѣшенія по дѣйствительному адресу и право суда требовать тяжущихся къ личному или словесному объясненію на судѣ, не поколебала сама по себѣ силы 313—315 ст. уст. гр. суд., но въ 1912 г. редактировано дополнительное правило о заочныхъ рѣшеніяхъ (721[1] ст), неоставляющее сомнѣнія въ законодательномъ устраненіи элемента обязательности объясненій отвѣтчика, хотя текстъ приведенныхъ статей и не былъ еще измѣненъ. Дальнѣйшее измѣненіе текста 312, 313 стт. уст. гр. суд. и даже оглавленія Отдѣленія пятаго Раздѣла перваго также въ этомъ отношеніи нельзя признать удачными. Объ этомъ, какъ и о значеніи нынѣ отмѣненной 362 ст. уст. граж. суд., въ связи съ 313 ст. будетъ изложено въ очеркѣ законодательныхъ актовъ новаго времени.

До закона 1890 г. институтъ заочнаго рѣшенія покоился какъ бы на двухъ основаніяхъ. Во-первыхъ, стремясь всѣми мѣрами отнять у отвѣтчика всякую возможность уклоняться отъ принятія вызова суда, чѣмъ такъ виртуозно злоупотребляли недобросовѣстные крючкотворы дореформеннаго періода, и съ этого цѣлью введя въ Уставъ упрощенный способъ врученія судебныхъ повѣстокъ, составители Устава опасались, какъ бы повѣстка, врученная не лично отвѣтчику, не осталась ему не переданною по забывчивости, небрежности или даже умыслу принявшихъ ее лицъ;

этимъ опасеніемъ и продиктована льгота такимъ отвѣтчикамъ въ видѣ права требовать пересмотра заочнаго рѣшенія. Во-вторыхъ, имѣлись въ виду случаи невозможности для отвѣтчика, хотя бы и знавшаго о вызовѣ, явиться къ дѣлу въ судъ по какимъ-либо непредвидѣннымъ или важнымъ обстоятельствамъ. Этотъ второй мотивъ далъ основаніе къ установленію штрафа за неявку отвѣтчика въ формѣ возложенія на него судебныхъ издержекъ заочнаго разбирательства даже въ случаѣ благопріятнаго для него вторичнаго рѣшенія. Однако, такой штрафъ ложится и на отвѣтчиковъ, совершенно ни въ чемъ не повинныхъ въ своей неявкѣ ни предъ судомъ, ни предъ истцомъ.

Институтъ заочнаго рѣшенія первоначально означалъ бережное охраненіе интересовъ отвѣтной стороны, ибо въ немъ нельзя не усмотрѣть нѣкотораго ограниченія началъ состязательности и непосредственности, такъ ревниво проведенныхъ въ Уставѣ 1864 г. Отсутствіе отвѣтчика въ судебномъ засѣданіи лишаетъ вѣдь Судъ возможности (даже при наличности письменнаго отвѣта) детальнѣе выяснить сомнѣнія или недомолвки (335, 337 ст.), а истца—получить въ признаніи отвѣтчика доказанность нѣкоторыхъ обстоятельствъ (480 ст. у. гр. с.). Та же тенденція смягчить натискъ истца сказывается въ отсутствіи какихъ-либо вредныхъ для отвѣтчика послѣдствій отъ нарушенія 313 ст. Отсутствіе письменнаго отвѣта не даетъ истцу права не удовлетвореніе его требованій, кромѣ доказанныхъ (722 и 1 п. 718 ст.), неявка же истца создавала по тексту 1864 г. отвѣтчику возможность просить о прекращеніи иска съ возмѣщеніемъ судебныхъ издержекъ и убытковъ, и т. д.

Въ дальнѣйшемъ институтъ заочнаго рѣшенія дѣлъ до позднѣйшаго времени претерпѣлъ мало измѣненій. Законъ 12 іюня 1890 г. допустилъ право тяжущихся, какъ выше упомянуто, требовать разсмотрѣнія дѣлъ въ ихъ отсутствіи, чѣмъ облегчалась задача истца по дѣламъ съ простымъ основаніемъ и безспорными доказательствами, нетребующими словеснаго состязанія, и бремя отвѣтчика по искамъ явно ошибочнымъ или чисто формальнымъ.

Въ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1864 г. красною нитью проведено возложеніе на иниціатора процесса, на истца, обязанности тщательно подготовить искъ свой со стороны его основанія и формулировки, со стороны силы и полноты доказательствъ, со стороны отчетливости конструкціи. Здѣсь можно усмотрѣть тотъ же принципъ, которымъ руководились создатели уголовнаго процесса, устанавливая взаимоотношеніе обвиненія и защиты. Истецъ не долженъ смѣшивать основаній иска, обязанъ точно и полно формулировать свои требованія подъ угрозою потери права ихъ увеличивать или измѣнять, подъ опасеніемъ поплатиться частью судебныхъ издержекъ въ случаѣ, если исковое требованіе будетъ удовлетворено не вполнѣ; истецъ обязанъ, если онъ иностранецъ, обезпечить возможность уплаты отвѣтчику, опровергнувшему его искъ, судебныхъ издержекъ и убытка; истецъ долженъ былъ вызывать отвѣтчика по мѣсту жительства, исполненія договора и т. п., доказывать безвѣстное его отсутствіе и т. д.

Съ теченіемъ времени по мѣрѣ развитія начала государственнаго вмѣшательства въ опредѣленіе экономическихъ и правовыхъ отношеній между гражданами, стало отражаться и въ гражданскомъ процессѣ, между прочимъ, стремленіе облегчить положеніе маломощнаго истца. Новыя вѣянія пришли главнымъ образомъ изъ тѣхъ сферъ, гдѣ наиболѣе энергично организовывалось государственное воздѣйствіе,—изъ области желѣзнодорожнаго права и фабрично-заводскаго законодательства. Въ общемъ краткомъ очеркѣ движенія гражданскаго процесса немыслимо привести всѣ эти вѣянія и дать ихъ оцѣнку, тѣмъ болѣе, что по все болѣе прививающемуся обычаю новые законы матеріальнаго права у насъ переплетаются съ процессуальными правилами, безъ кодификаціоннаго выдѣленія послѣднихъ и безъ тщательнаго согласованія съ текстомъ устава гражданскаго судопроизводства, а вслѣдствіе сего иногда нормы гражданскаго процесса расходятся съ правилами устава желѣзнодорожнаго, о промышленномъ трудѣ, о землеустройствѣ, о сельскомъ хозяйствѣ и др. Многіе изъ законовъ этого рода составляютъ продуктъ законодательнаго творчества послѣднихъ лѣтъ, и рѣчь о нихъ будетъ, слѣдовательно, впереди.

Достаточно здѣсь указать, что законъ 27 ноября 1873 г. облегчилъ истцу обязанность отыскивать адресъ свидѣтелей изъ числа агентовъ желѣзной дороги, допустивъ вызовъ ихъ чрезъ ихъ начальство; желѣзнодорожный уставъ предоставилъ потерпѣвшимъ убытокъ вести непосредственные переговоры съ гарантіей получить категорическій отвѣтъ отъ собственника предпріятія и этимъ, во-первыхъ, достигается иногда ускоренное внѣ суда возмѣщеніе ущерба, во-вторыхъ, выясненіе пунктовъ спора и размѣра отвергаемой будущимъ отвѣтчикомъ претензіи; тотъ же законъ предоставилъ довольно широкій просторъ грузоотправителю въ выборѣ мѣста подсудности. Цѣлый рядъ законовъ предоставилъ рабочимъ и вообще всѣмъ, потерявшимъ здоровье и трудоспособность при эксплоатаціи желѣзной дороги, на территоріи фабрики или завода, въ мастерскихъ желѣзной дороги и казенныхъ вѣдомствъ доказывать лишь фактъ и размѣръ ущерба, отнеся къ обязанности отвѣтной стороны приводить доказательства къ ограниченію или устраненію предполагаемыхъ по закону правъ истца; иначе говоря этой категоріи законы ввели презумпцію вины предпринимателя.

Однако, на ряду съ установленіемъ льготъ въ пользу маломощныхъ истцовъ наблюдается и противоположная тенденція, а именно предоставленіе предпринимателямъ дѣлать отводы, мѣняющіе даже родовую подсудность, въ случаѣ стеченія у мирового судьи нѣсколькихъ однородныхъ исковъ (126 ст. уст. жел. дор.), чѣмъ нарушается 571 ст. уст. гр. суд., сокращеніе сроковъ на предъявленіе исковъ, кара за предъявленіе иска безъ предварительнаго обращенія пострадавшаго къ предпринимателю (въ видѣ лишенія судебныхъ издержекъ), сложность процедуры указанія отвѣтчикомъ иногда Правленія, въ другихъ случаяхъ Управленія и т. д. Всѣ эти новшества не только нарушаютъ стройность процесса, удобство оріентировки въ его нормахъ, но и заключаютъ въ себѣ принципы, чуждые судебной сферѣ въ собственномъ смыслѣ.

Одной изъ существенныхъ основъ гражданскаго процесса, дѣлающей правосудіе доступнымъ населенію, считается его дешевизна. Въ этомъ отношеніи нашъ процессъ претерпѣлъ всяческія измѣненія. *Во-первыхъ*, постепенно и непрерывно-періодически сборы, взимаемые съ тяжущихся, становились все выше и выше, и притомъ по всѣмъ разрядамъ дѣлъ. Нѣтъ большого интереса привести всѣ такого рода измѣненія, достаточно сказать, что гербовый сборъ въ 40 к. за листъ поднялся до 2 руб., судебная пошлина съ 50 к. съ каждой сотни руб. цѣны иска до 2 руб., канцелярская пошлина съ 20 коп. до 60 коп., сборъ за приложеніе печати удвоился съ 10 коп. до 20 к. *Во-вторыхъ*, на ряду съ этимъ все росла категорія тяжущихся, освобожденная отъ уплаты сборовъ или вовсе (казенныя управленія и правительственныя установленія), или временно, до полученія удовлетворенія по иску; раньше было уже отмѣчено, что съ 1864 г. льгота процессуальная, первоначально предоставленная лишь казнѣ, духовному вѣдомству и правительственнымъ мѣстамъ, была распространена впослѣдствіи на многихъ другихъ, а тѣмъ было увеличено и число свободныхъ отъ судебныхъ сборовъ тяжущихся; по 880 ст. уст. гр. суд. въ 1864 г. были освобождены отъ сборовъ только «лица, за коими судомъ признано право бѣдности» и предоставлять право бѣдности могли только окружные суды дискреціонною властью; затѣмъ была приближена къ заинтересованнымъ лицамъ инстанція, надѣляющая процессуальнымъ правомъ бѣдности, и такое право по своимъ дѣламъ стали давать мировые судьи, уѣздные члены окружныхъ судовъ, городскіе судьи, земскіе начальники; впослѣдствіи по цѣлымъ категоріямъ исковыхъ дѣлъ тяжущіеся стали силою самого закона, т.-е. безъ особой процедуры признанія бѣдности и независимо отъ степени зажиточности, свободны отъ взысканія сборовъ,—это дѣла по искамъ рабочихъ о возмѣщеніи убытковъ за увѣчье, поврежденіе здоровья и т. п. (законы 10 іюня 1900 г., 9 мая 1911 г., 19 апрѣля 1909 г. и болѣе поздніе). *Въ-третьихъ*, свобода отъ предварительной уплаты сборовъ дана, по 880 ст. уст. гр. суд., лишь по исковымъ дѣламъ (это явствуетъ изъ текста 888 и 889 ст. уст. гр. суд.) и, слѣдовательно, повышеніе сборовъ тяжело ложится на мало имущихъ просителей по частнымъ и охранительнымъ дѣламъ. *Въ-четвертыхъ*, въ 1864 г. было освобождено отъ какихъ-либо пошлинъ все производство у мировыхъ судей и въ мировыхъ съѣздахъ за исключеніемъ сбора съ листа (по 10 к.) при выдачѣ копій рѣшенія и протокола, но впослѣдствіи была введена судебная пошлина и сборъ съ бумаги (17 апрѣля 1874 г., 10 августа 1881 г. и др.); такимъ образомъ, было весьма существенно обременено судебными издержками обращеніе къ мировому процессу. *Въ-пятыхъ*, введенъ залогъ при подачѣ кассаціонныхъ жалобъ, какъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, такъ и на рѣшенія судебныхъ палатъ (1 іюля 1868 г.). *Въ-шестыхъ*, законъ 7 іюня 1909 г. установилъ давно назрѣвшую возможность сношенія суда съ тяжущимися посредствомъ почты. Благодаря этому значительно сократились издержки тяжущихся на прогоны судебнымъ приставамъ.

«Время безконечно, и потому мысль сковать значеніе закона и остановить его дальнѣйшее развитіе была бы столь же неосновательна, какъ и

намѣреніе остановить теченіе времени». Вотъ взглядъ творцовъ судебной реформы 1864 года на свое произведеніе. Но отзывчивость законодателя на запросы жизни должна строго и проницательно отдѣлять запросы случайные, временные, отъ потребностей общихъ и коренныхъ. Судебные Уставы 1864 г. зиждутся на столь прочномъ и цѣнномъ фундаментѣ, а общая архитектоника ихъ столь гармонична и цѣлесообразна, что достаточно ремонтировать и обновлять тѣ части и службы, которыя уступили давленію времени. Но ремонтъ допустимъ лишь съ щепетильнѣйшей внимательностью къ тому, чтобы новѣйшія приспособленія не измѣнили самому назначенію зданія, чтобы не было внесено чего-либо инороднаго. Нельзя утверждать, что движеніе гражданскаго процесса послѣ 1864 г. потрясло самый фундаментъ всего сооруженія, но нельзя также, къ сожалѣнію, утверждать, что не внесено ничего лишняго и чуждаго, или что своевременно усовершенствовано было то, что по обстоятельствамъ времени было оставлено не вполнѣ законченнымъ или не предусмотрѣннымъ въ 1864 году.

Одного нельзя не утверждать. Движеніе гражданскаго процесса послѣ 1864 г. не всегда и не строго исходило изъ завѣта Императора Александра II: «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

В. С. Малченко.

Князь Петръ Дмитріевичъ Кисѳлевъ.

Князь Петръ Дмитріевичъ Кисловскій.

Крестьянскій судъ и судебно-административныя учрежденія.

I.

Виды крестьянскихъ судовъ. Споръ о происхожденіи волостного суда. Отголоски древняго права. Законодательство XVIII в. Реформа гр. Киселева. Характеръ сельскихъ и волостныхъ расправъ; роль чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ. Подготовка реформы волостного суда по Положеніямъ 1861 г.

Понятіе «крестьянскаго суда» охватываетъ весьма разнообразные институты. Общею всѣмъ имъ чисто внѣшнею чертою признается обыкновенно сословный характеръ ихъ, хотя нѣкоторые виды этихъ судовъ встрѣчаются, напр., у инородцевъ, не перечисленныхъ въ крестьянское сословіе. Болѣе типичнымъ признакомъ является преобладающее значеніе для этихъ судовъ обычнаго права. Но и въ этомъ отношеніи положеніе ихъ неодинаково: частью весь ихъ строй, порядокъ производства и матеріально-правовыя нормы, примѣняемыя ими, опредѣляются обычаемъ; въ другихъ случаяхъ судоустройство и судопроизводство крестьянскихъ судовъ установлены закономъ, и они руководятся обычаемъ только при рѣшеніи вопросовъ матеріальнаго права. Наконецъ, есть формы такъ наз. крестьянскаго суда, которыя имѣютъ характеръ судебно-административныхъ или даже чисто-административныхъ учрежденій.

Изслѣдователи обычнаго права насчитываютъ до десяти видовъ крестьянскихъ судовъ[1]). Первую группу составляютъ такъ наз. «судъ стариковъ» и различнаго рода третейскіе суды. Нѣтъ сомнѣній, что эта наиболѣе древняя форма суда всего болѣе соотвѣтствуетъ основнымъ особенностямъ обычнаго права и наиболѣе полно и ясно отражаетъ характерныя особенности его. Однако, судъ стариковъ большею частью не постановляетъ рѣшеній, а стремится только примирить тяжущихся; во всякомъ случаѣ рѣшенія этихъ судовъ не подлежатъ принудительному исполненію и стоятъ,

[1]) См. *Е. Якушкинъ*. Обычное право. Матеріалы для біографіи. Вып. 1, изд. 2, М. 1910, и вып. 2, М. 1896. *Птицынъ*. Обычное судопроизводство крестьянъ Сарат. губ. Спб. 1886.

поэтому, совершенно особо отъ общаго строя государственныхъ судовъ: они не сталкиваются съ послѣдними и могутъ дѣйствовать наряду съ ними подобно третейскимъ судамъ общаго права.

Второй группой крестьянскихъ судовъ принято считать судъ сельскаго и волостного схода—судъ міра, громады. Тутъ дѣло идетъ, однако, не столько о судебномъ разсмотрѣніи, сколько объ отдѣльныхъ распорядительныхъ дѣйствіяхъ сельскаго и волостного схода. Всего чаще сельскому сходу приходилось разсматривать споры, связанные съ владѣніемъ участками общинной земли, отведенными по приговору схода, или съ семейными раздѣлами. Лишь иногда, въ силу сохранившихся старыхъ обычаевъ, сходъ брался за рѣшеніе чисто судебныхъ дѣлъ. Но такъ какъ всякая судебная дѣятельность по дѣйствующему праву выходитъ за предѣлы вѣдомства схода, то этотъ видъ суда въ настоящее время уже утратилъ всякое значеніе.

Затѣмъ, однимъ изъ видовъ крестьянскаго суда нерѣдко признаютъ судъ сельскаго старосты и волостного старшины. Но тутъ мы имѣемъ дѣло либо съ приглашеніемъ этихъ особо авторитетныхъ въ глазахъ крестьянъ лицъ въ качествѣ третейскихъ судей, либо съ осуществленіемъ ими своей административной и дисциплинарной власти.

Крестьянскимъ судомъ въ настоящее время можно считать, такимъ образомъ, только *волостной судъ* послѣ реформы 1861 г. Онъ одинъ представляетъ судебную инстанцію, включенную въ общій строй судовъ; онъ имѣетъ свою самостоятельную область вѣдѣнія и постановляетъ рѣшенія, которыя подлежатъ принудительному исполненію. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ сословный судъ крестьянъ руководствуется по многимъ вопросамъ матеріальнаго права мѣстными крестьянскими обычаями.

Происхожденіе этого типа суда до сихъ поръ весьма спорно въ нашей юридической литературѣ. Съ одной стороны, видные историки права, напр., А. Ѳ. Кистяковскій [1]), Н. В. Калачевъ [2]) и, вслѣдъ за послѣднимъ, Д. М. Мейчикъ [3]), усматриваютъ непосредственную связь волостного суда съ учрежденіями древняго русскаго права, въ частности съ различными формами участія населенія въ отправленіи правосудія по губнымъ и земскимъ уставнымъ грамотамъ въ лицѣ «добрыхъ людей», цѣловальниковъ и т. д.

Напротивъ, другіе авторы, напр., Леонтьевъ [4]), настаиваютъ на томъ, что сословный крестьянскій судъ не имѣлъ корней въ древнемъ правѣ и созданъ лишь въ XIX стол. при преобразованіи гр. Киселевымъ управленія государственными крестьянами.

---

[1]) *А. Ѳ. Кистяковскій*, Волостные суды, ихъ исторія и настоящая ихъ практика. (Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край, т. VI, СПБ., 1872, стр. 1 сл.).

[2]) *Н. В. Калачевъ*, О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи («Сборникъ государственныхъ знаній» подъ ред. Безобразова, т. VIII, Спб. 1880, стр. 128 сл.).

[3]) *Д. М. Мейчикъ*, Крестьянскіе суды въ старину (Историческій Вѣстникъ, 1880 г., декабрь, стр. 796 сл.).

[4]) *А. Леонтьевъ*, Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ, Спб., 1895. Ср. также *Леонтьевъ*, Крестьянское право, 2 изд., Спб., 1914.

Обѣ эти точки зрѣнія представляются намъ въ значительной мѣрѣ односторонними. Законодательство XVIII вѣка и, въ частности, реформа суда при Петрѣ Великомъ создали глубокую пропасть между судебными учрежденіями XVII и XIX стол., и мы не наблюдаемъ въ законахъ, подготовившихъ возникновеніе современнаго волостного суда, прямой связи съ обычаями Московской эпохи. Все-же мы располагаемъ теперь данными, удостовѣряющими, что въ народномъ сознаніи и въ XVIII столѣтіи еще были живы воспоминанія о древнихъ учрежденіяхъ, когда отправленіе правосудія въ значительной мѣрѣ поручалось мѣстному населенію. Воспоминанія эти нашли себѣ выраженіе въ многочисленныхъ наказахъ крестьянъ и отчасти инородцевъ, данныхъ депутатамъ въ Екатерининскую законодательную комиссію.

Такъ, въ наказѣ Каргопольскаго уѣзда отъ государственныхъ черносошныхъ волостей, въ п. 6, говорится, что «въ случающихся между крестьянами ссорахъ и завладѣніяхъ другъ у друга земли разбирательства бываютъ тѣхъ волостей выборными и сотскими». Въ случаяхъ же неудовольствія рѣшеніемъ выборныхъ крестьяне жаловались въ Каргопольскую канцелярію, которая разсматривала ихъ споры «по формѣ суда», согласно указамъ 1732 и 1725 гг. Разбирательство это представлялось крестьянамъ прямо разорительнымъ, какъ въ виду необходимости покупать гербовую бумагу для изложенія исковыхъ челобитныхъ, такъ и въ виду крайней медленности производства. Въ виду этого крестьяне просятъ учредить для нихъ особыя словесныя расправы для окончательнаго рѣшенія маловажныхъ дѣлъ.

Крайне тягостенъ былъ для крестьянъ также общій порядокъ уголовнаго суда. Въ наказѣ Свіяжскаго уѣзда отъ ясашныхъ татаръ говорится: «Въ нѣкоторыхъ нашихъ селеніяхъ являются приличные люди въ малыхъ кражахъ, яко то въ сорваніи изъ садовъ яблокъ, и протчаго овоща, въ ловленіи изъ прудовъ рыбы, въ выломаніи изъ бортей меда, и въ свозѣ съ поля хлѣба и сѣна, и со оными несостоятельными людьми, кои впредь оказываться будутъ, не повелѣно-ль будетъ, за тѣ ихъ безпокойства, не вводя ихъ въ присутственныя мѣста, при собраніи того жительства, въ коемъ такіе люди найдутся, мірскихъ людей наказывать, за тѣ ихъ непостоянства тѣлесно выборнымъ и старостамъ и обиженнымъ чинить удоволствіе» [1]).

Эти заявленія депутатовъ комиссіи были приняты во вниманіе Екатериною II подобно тому, какъ она считалась съ ними и по ряду другихъ вопросовъ. Такъ, въ указѣ 5 марта 1774 г. (П. С. З. 14133) объ устройствѣ дворцовой канцеляріи дворцовымъ крестьянамъ было разрѣшено выбирать особыхъ третейскихъ судей, которые бы въ присутствіи головы или старосты рѣшали маловажные споры между ними. Начало это было затѣмъ распространено на новые случаи. Болѣе точно было опредѣлено положеніе суда выборныхъ въ указѣ объ «установленіи сельскаго порядка въ казенныхъ

[1]) Приведенныя мѣста взяты изъ наказовъ, напечатанныхъ въ т. X Матерьяловъ Екатерининской законодательной комиссіи (Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общества, т. 115, Спб., 1903). Въ помѣщенныхъ тамъ наказахъ встрѣчаются еще многочисленныя другія указанія на желательность особаго крестьянскаго суда.

Екатеринославскаго намѣстничества селеніяхъ, Директору Домоводства подвѣдомственныхъ» 1787 г. (П. С. З. 16603). Затѣмъ указомъ 7 авг. 1797 г. (18082), которымъ было введено волостное управленіе у всѣхъ государственныхъ крестьянъ, обязанность разбирать маловажныя дѣла была возложена на волостного голову, причемъ въ 1812 г. было пояснено, что волостной голова долженъ разбирать дѣла на мірской сходкѣ.

Въ виду значенія, которое имѣли для этихъ реформъ депутатскіе наказы, несомнѣнно послужившіе отголоскомъ воспоминаній объ участіи сельскаго населенія въ судѣ по праву Московской эпохи, нельзя, на нашъ взглядъ, отрицать исторической преемственности между этимъ послѣднимъ и зародышами крестьянскаго суда, заложенными въ законодательствѣ Екатерины II.

Многочисленные указы конца XVIII и начала XIX в., большею частью собранные въ Сводѣ Законовъ 1832 г., послужили главнымъ источникомъ при составленіи гр. Киселевымъ «Сельскаго судебнаго устава для государственныхъ крестьянъ» 23 марта 1839 г. (П. С. З. 12166). Нѣкоторое вліяніе оказали, впрочемъ, и на гр. Киселева историческія, точнѣе-романтическія воспоминанія объ участіи въ древнее время населенія въ отправленіи суда. Самый законъ составилъ часть обширной реформы въ положеніи государственныхъ крестьянъ, которую провелъ гр. Киселевъ по учрежденіи особаго Министерства государственныхъ имуществъ.

Общее направленіе этой реформы и задачи, которыя она преслѣдовала, хорошо извѣстны. Государственными крестьянами до этого времени завѣдывало министерство финансовъ, которое стремилось исключительно къ возможно успѣшному взиманію съ нихъ податей. Теперь они получили въ извѣстныхъ границахъ право самоуправленія [1]). За дѣйствіями органовъ самоуправленія ихъ—за сельскимъ обществомъ и волостью наблюдалъ, однако, или—точнѣе,—ими руководилъ даже въ мелочахъ сложный штатъ чиновъ министерства государственныхъ имуществъ. Задачу, возложенную на послѣднихъ, самъ гр. Киселевъ характеризовалъ, какъ «защищеніе и надзоръ». Такимъ образомъ, здѣсь впервые была высказана, пустившая затѣмъ глубокіе корни въ нашемъ крестьянскомъ правѣ, мысль о необходимости особой «попечительной» власти надъ крестьянами, содѣйствующей при помощи административныхъ распоряженій хозяйственному преуспѣянію и нравственному усовершенствованію подвѣдомственныхъ имъ лицъ. Весь строй учрежденій, созданныхъ гр. Киселевымъ, представлялъ собою типичное выраженіе идей просвѣщеннаго абсолютизма.

По мысли гр. Киселева, преобразованіе устройства государственныхъ крестьянъ должно было коснуться всѣхъ сторонъ ихъ быта. Оно точнѣе опредѣлило, поэтому, также положеніе крестьянъ въ отношеніи суда. Въ

---

[1]) См. *К. Зайцевъ*, Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ, Спб., 1912. *М. Богословскій*, Государственные крестьяне при Николаѣ I (Исторія Россіи въ XIX в. изд. Граната т. I, стр. 250 сл.). *С. Князьковъ*, Графъ П. Д. Киселевъ и реформа государственныхъ крестьянъ («Великая реформа», т. II, 1911).

принципѣ было признано при этомъ, что «споры и тяжбы государственныхъ крестьянъ съ лицами другихъ состояній подлежатъ разбору общихъ судебныхъ мѣстъ» (ст. 52 Сельскаго Судебнаго Устава). Однако, крестьяне должны были первоначально и по дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судамъ, «разбираться въ сельской расправѣ» съ тѣмъ, чтобы послѣдняя по возможности склоняла ихъ къ примиренію. Это производство имѣло, такимъ образомъ, значеніе лишь предварительнаго обряда, предшествовавшаго судебному разсмотрѣнію дѣла.

Предѣлы самостоятельнаго вѣдомства крестьянскаго суда по Сельскому Судебному Уставу были крайне незначительны. Въ общихъ чертахъ они были опредѣлены по примѣру крестьянскихъ законовъ для Остзейскихъ губ. [1]). Первая инстанція—сельская расправа—окончательно рѣшала гражданскія дѣла, если цѣна спорнаго имущества не превышала пяти рублей. Рѣшенія относительно имущества цѣною отъ 5 до 15 рублей подлежали обжалованію во вторую инстанцію—волостную расправу и окончательно рѣшались послѣдней. Совсѣмъ не подлежали сельской и волостной расправамъ споры объ имуществѣ, право собственность на которое удостовѣрялось крѣпостными актами или другими письменными доказательствами. По дѣламъ уголовнымъ крестьянскій судъ могъ налагать денежное взысканіе отъ 25 коп. до 1 рубля, отдавать виновнаго въ общественныя работы срокомъ отъ 1 до 6 дней, заключать подъ стражу отъ 1 до 3 дней и подвергать наказанію розгами числомъ ударовъ отъ 10 до 60.

Въ Сельскомъ Судебномъ Уставѣ нѣтъ указаній на право крестьянскаго суда руководствоваться мѣстными обычаями. Напротивъ, онъ содержитъ весьма подробныя постановленія о проступкахъ государственныхъ крестьянъ, представляющія какъ бы особый уставъ о наказаніяхъ, пріуроченный къ сельскому быту. Въ немъ впервые былъ установленъ цѣлый рядъ особыхъ крестьянскихъ преступленій—дѣяній, подлежащихъ наказанію только въ случаѣ совершенія ихъ крестьяниномъ.

Къ ихъ числу относится, напр., получившая широкую извѣстность ст. 177 Сельск. Суд. Устава: «Кто злообыченъ въ пьянствѣ, или болѣе времени въ году бываетъ пьянъ, нежели трезвъ, того наказывать розгами».

Общій характеръ Сельскаго Судебнаго Устава ясно указываетъ, что его авторъ ставилъ себѣ цѣлью создать не столько судъ, примѣняющій мѣстные крестьянскіе обычаи, сколько органъ административно-полицейской расправы, особую форму «попечительства» о крестьянахъ. Какъ свидѣтельствуетъ Заблоцкій-Десятовскій въ біографіи гр. Киселева, обстоятельство это было отмѣчено уже его современниками; но его сторонники оправдывали эту черту закона ссылкой на шаткость обычаевъ у крестьянъ [2]). Если тѣмъ не менѣе сельскія и волостныя расправы впослѣдствіи получили значеніе суда, примѣнявшаго почти исключительно мѣстные обычаи и раз-

---

[1]) См. статью *А. З.* О домашнемъ судѣ между государственными крестьянами. (Журналъ министерства государственныхъ имуществъ, ч. XVIII, Спб., 1846).

[2]) *А. П. Заблоцкій-Десятовскій*, Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. II, Спб., 1882 г., стр. 172.

сматривавшаго почти всѣ споры между государственными крестьянами, то это произошло въ силу давленія жизненныхъ потребностей, а не въ силу прямого указанія закона.

Судебно-административный характеръ сельской и волостной расправъ еще болѣе подчеркивался зависимостью, въ которой онѣ находились отъ органовъ министерства государственныхъ имуществъ. Расправы состояли подъ предсѣдательствомъ сельскаго старшины или волостного головы, изъ двухъ «добросовѣстныхъ», которые всѣ утверждались въ должностяхъ и увольнялись отъ нихъ Управляющими Палатою государственныхъ имуществъ. Послѣдніе фактически осуществляли свой надзоръ черезъ такъ наз. окружныхъ начальниковъ, завѣдывавшихъ отдѣльными округами, на которые государственныя имущества дѣлились въ каждой губерніи. Обязанности и права послѣднихъ были необыкновенно широки и разнообразны; они охватывали не только вопросы управленія и взиманія податей, но и вопросы чисто-хозяйственные, какъ-то: способы возведенія крестьянами построекъ, пріемы веденія сельскаго хозяйства и лѣсоводства, наконецъ, вообще мѣры по «улучшенію нравственности» крестьянъ. Эти чиновники, несомнѣнно послужившіе прообразомъ позднѣйшихъ установленій, завѣдующихъ крестьянами, въ особенности земскихъ начальниковъ, имѣли право вмѣшиваться рѣшительно во всѣ стороны быта крестьянъ и нерѣдко на дѣлѣ подавляли ихъ самостоятельность не меньше, чѣмъ помѣщики. Въ частности, они постоянно вмѣшивались въ производство дѣлъ въ крестьянскихъ судахъ, напр., предписывали наказать того или иного крестьянина за пьянство и т. п. Впрочемъ, среди нихъ встрѣчались отдѣльные «окружные», которые вмѣстѣ съ тѣмъ оказывали подвѣдомственнымъ крестьянамъ цѣнныя услуги, защищая ихъ отъ притѣсненій со стороны представителей другихъ вѣдомствъ или сосѣднихъ крупныхъ помѣщиковъ, часто захватывавшихъ земли государственныхъ крестьянъ.

Въ общемъ итогѣ, однако, не только по буквѣ закона, но и фактически сельскія и волостныя расправы нельзя было признавать судами въ строгомъ смыслѣ этого термина. Поэтому, едва ли правы писатели, утверждающіе, будто авторы Положеній 1861 г. заимствовали постановку созданнаго ими «волостного суда» изъ законодательства гр. Киселева. Въ матеріалахъ Редакціонныхъ Комиссій мы находимъ прямыя указанія на то, что вопреки проектамъ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ они сознательно противополагали понятіе крестьянскаго «суда» прежнимъ «расправамъ», какъ учрежденіямъ судебно-полицейскаго характера. Прежде всего они признали необходимость послѣдовательнаго, а не только номинальнаго отдѣленія крестьянскаго суда отъ административныхъ учрежденій. Нѣкоторые члены Редакціонныхъ Комиссій, напр., Кошелевъ, шли еще дальше и требовали, чтобы предположенный волостной судъ былъ замѣненъ судомъ стариковъ, который не стоялъ бы ни въ какой связи съ органами крестьянскаго управленія. Затѣмъ Редакціонныя Комиссіи признали, что въ дѣлахъ гражданскихъ крестьянскому волостному суду необходимо предоставить значительно болѣе обширный кругъ дѣлъ, чѣмъ тотъ, который былъ указанъ Сельскимъ Судебнымъ Уставомъ. Предполагалось

поручить ему рѣшеніе дѣлъ цѣною до 300 рублей и только впослѣдствіи эта сумма была понижена до 100 руб. Наконецъ, Редакціонныя Комиссіи опредѣленно признавали «особенную важность сохраненія въ крестьянскомъ быту своего домашняго разбирательства, основаннаго на мѣстныхъ обычаяхъ, неизвѣстныхъ и недоступныхъ правильнымъ судебнымъ учрежденіямъ гражданскимъ». Указаніе на это они включили и въ текстъ закона (ст. 107 Общ. Пол.). При опредѣленіи состава волостного суда многіе члены Редакціонныхъ Комиссій исходили даже изъ стремленія создать какъ бы аналогію суду присяжныхъ. Словомъ, предположенія авторовъ реформы 1861 г. не только не воспроизводили основныхъ чертъ Сельскаго Судебнаго Устава, но во многомъ носили прямо противоположный характеръ [1]). Преемственная связь волостного суда съ учрежденіями гр. Киселева была до извѣстной степени возстановлена лишь благодаря послѣдующимъ измѣненіямъ, внесеннымъ въ предположенія Редакціонныхъ Комиссій при окончательномъ редактированіи текста Общаго Положенія.

Тѣмъ не менѣе волостной судъ, созданный реформою 1861 г., и въ окончательно приданной ему формѣ, явился первымъ учрежденіемъ, которое заслуживаетъ наименованіе «крестьянскаго суда».

А. Вормсъ.

II.

Волостные суды 19 февраля 1861 г. Законъ 4 февраля 1866 г. Территоріальное распространеніе дѣйствій волостного суда. Мировые посредники. Дѣятельность волостныхъ судовъ.

4 марта 1859 года при открытіи общаго присутствія Редакціонныхъ Комиссій, учрежденныхъ 17 февраля того же года для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ и для начертанія одного проекта общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, предсѣдатель комиссіи Я. И. Ростовцевъ заявилъ, что «главная цѣль Высочайше указаннаго преобразованія есть прекращеніе крѣпостного состоянія, соединенное съ прочнымъ устройствомъ крестьянскаго быта», а потому естественно, что работы названныхъ комиссій и въ отношеніи суда приняли нѣсколько боевой характеръ, вызываемый этой цѣлью. Вырабатывая основныя положенія для задуманной реформы, комиссіи краеугольнымъ камнемъ своей работы должны были положить и, дѣйствительно, положили эмансипацію крестьянъ отъ власти помѣщиковъ, дѣйствительное уничтоженіе всякаго

---

[1]) См. сводку матеріаловъ Редакціонныхъ Комиссій по данному вопросу: *А. Скребицкій*, Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II, т. I, Боннъ на Рейнѣ, 1862 г., стр. 528 сл.

подчиненія имъ отдѣльныхъ крестьянъ. Необходимо было однимъ ударомъ и однажды навсегда порвать ту цѣпь, которой они дотолѣ были неразрывно связаны; всякая уступка въ этомъ направленіи знаменовала бы собой лишеніе крестьянъ самостоятельности и допущеніе вмѣшательства помѣщиковъ во внутреннюю жизнь крестьянскаго сословія. Конечно, порвать сразу вѣковыя отношенія было невозможно, такъ какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости носило не только личный, но и имущественный характеръ, затрагивающій земельныя отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными крестьянами, а потому составители Положенія 19 февраля, стремясь къ совершенному уничтоженію ихъ взаимныхъ отношеній, признали необходимымъ во временно-обязательныя отношенія ввести посредничество сельскаго общества, «міра», исключавшее необходимость непосредственныхъ отношеній между помѣщиками и отдѣльными крестьянами. Съ той же цѣлью было проектировано и учрежденіе сословнаго волостного суда, состоящаго только изъ крестьянъ, безъ участія и наблюденія за его дѣятельностью со стороны помѣщиковъ или органовъ правительственной власти. По мысли Редакціонныхъ Комиссій, составлявшихъ Общее Положеніе о крестьянахъ, основными началами при устройствѣ волостного суда 1861 года должны быть механическая простота учрежденія, искренность и правдивость такого суда, относительная близость его къ другимъ совершеннѣйшимъ формамъ судопроизводства, совпаденіе его въ главныхъ чертахъ съ общепринятымъ народнымъ обычаемъ въ большей части оброчныхъ имѣній и, наконецъ, полная независимость его во всѣхъ возможныхъ случаяхъ отъ внѣшнихъ,—въ частности, административныхъ вліяній. Въ этихъ же видахъ Редакціонныя Комиссіи не признали возможнымъ допустить апелляціонныя или кассаціонныя жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ,—эти суды будутъ разбирать только маловажныя, вытекающія изъ крестьянскаго быта дѣла и руководствоваться при этомъ народными юридическими понятіями и мѣстными обычаями, неизвѣстными и недоступными судебнымъ учрежденіямъ гражданскимъ. Возникалъ вопросъ, какимъ способомъ и въ какомъ порядкѣ возможенъ пересмотръ подобныхъ рѣшеній? Казалось, что такой пересмотръ и ненуженъ, разъ каждое дѣло будетъ рѣшаться судомъ, состоящимъ изъ лучшихъ людей, самими же крестьянами, избранными изъ числа домохозяевъ, честныхъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, знающихъ въ совершенствѣ всѣ крестьянскіе обычаи и призванныхъ разбирать только повседневныя крестьянскія дѣла по привычнымъ имъ сдѣлкамъ и пользованію общественной землей? Спрашивалось, неужели необходимо вмѣшательство въ такой судъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію и чуждыхъ крестьянскому міровоззрѣнію и обычаямъ? Для дѣятелей реформы и для лучшей части общества, стремившихся вырвать съ корнемъ вѣками создавшіяся крѣпостныя отношенія и непрестанное вмѣшательство помѣщиковъ даже въ семейную жизнь крестьянъ, на всѣ эти вопросы получались отвѣты только отрицательные; забывалось, что независимость суда и безапелляціонность его рѣшеній—двѣ вещи разныя, и думалось, что крестьянство, пробудившееся

къ новой самостоятельной жизни, какъ сказочный богатырь, удивитъ всѣхъ расцвѣтомъ дремавшихъ въ немъ силъ. Прогрессивная печать и общество также отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ идеѣ чисто крестьянскаго независимаго суда, — сословность суда въ то время не обращала на себя большого вниманія, такъ какъ въ ту еще дореформенную эпоху параллельно существовало значительное количество различныхъ сословныхъ судовъ, напр.: сельскія расправы, магистраты, ратуши; на волостной же судъ, по существу вложенныхъ въ него идей, смотрѣли, какъ на первый въ Россіи самостоятельный судъ, какъ на одно изъ первыхъ проявленій общественнаго самоуправленія, и въ этомъ законодательномъ актѣ черпали надежды и упованія на подготовлявшіяся уже судебную и земскую реформы.

Попутно съ организаціей волостного суда, Редакціонныя Комиссіи по составленію Общ. Полож. о крестьянахъ, естественно должны были задаться мыслью о томъ, кому должны быть подвѣдомственны споры и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами, всегда возможные при ихъ вновь возникающихъ поземельныхъ отношеніяхъ. Законодательной власти было ясно, что разборъ подобныхъ споровъ нельзя предоставлять ни прежнимъ дореформеннымъ судамъ, ни полиціи, а потому необходимо было создать для этого особые органы. Въ этихъ видахъ Высочайше утвержденными 25 марта 1859 года правилами было проектировано учрежденіе мировыхъ судей и уѣздныхъ расправъ, причемъ мировые судьи (впослѣдствіи переименованные въ мировыхъ посредниковъ) должны были избираться изъ среды мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ-помѣщиковъ, владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній, выборщиками изъ крестьянъ. Приведенный проектъ не былъ однако осуществленъ, и Положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ 19 февраля 1861 года для разбора всякаго рода недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, были учреждены мировые посредники, уѣздные мировые съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

По этому положенію, въ должность мировыхъ посредниковъ избирались мѣстные потомственные дворяне-помѣщики, которые должны были удовлетворять одному изъ слѣдующихъ условій: или владѣть, хотя бы въ разныхъ губерніяхъ, землею въ количествѣ не менѣе пятисотъ десятинъ, или, владѣя меньшимъ количествомъ, но не менѣе ста пятидесяти десятинъ, окончить курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ правомъ на чинъ двѣнадцатаго класса, или, по существующимъ законамъ, имѣть право избирательнаго голоса въ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Должности мирового посредника придавъ почетный характеръ, равный съ должностью уѣзднаго предводителя дворянства. Жалованья посредники не получали, но на содержаніе канцеляріи, наемъ разсыльныхъ и другія издержки имъ ассигновывалось по 1500 рублей.

Предметы вѣдомства и предѣлы власти мировыхъ посредниковъ были весьма обширны. Главныя ихъ обязанности составляли такъ называемыя распорядительныя дѣйствія по приведенію въ дѣйствіе положеній о кре-

стьянахъ, по выкупу крестьянами усадебной осѣдлости и по пріобрѣтенію ими въ собственность полевыхъ угодій съ содѣйствіемъ правительства; но одновременно съ тѣмъ на мировыхъ посредниковъ возлагались и судебныя функціи—такъ называемыя спорныя дѣла по разрѣшенію исковъ, споровъ и жалобъ, возникающихъ изъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами или крестьянскими обществами, и дѣла судебно-полицейскаго разбирательства по найму землевладѣльцами людей въ разныя работы, въ услуженіе и въ хозяйственныя должности, по отдачѣ внаемъ земель, по потравамъ полей, луговъ и другихъ угодій, и по порубкамъ во владѣльческихъ лѣсахъ. Перечисленныя дѣла судебно-полицейскаго разбирательства, на сумму до тридцати рублей, разрѣшались мировыми посредниками окончательно безъ права обжалованія, и состоявшіяся рѣшенія немедленно приводились въ исполненіе; своими рѣшеніями посредники, соотвѣтственно роду дѣла или свойству проступка, имѣли право присуждать лицъ всѣхъ сословій либо къ имущественному вознагражденію, сообразно причиненному ущербу, либо къ денежному взысканію до пяти рублей, лицъ же податного сословія—также къ общественнымъ работамъ до шести дней, или къ аресту до семи дней и даже къ наказанію розгами до двадцати ударовъ. Судопроизводственныя правила для мировыхъ посредниковъ изложены были весьма кратко, всего въ одиннадцати статьяхъ (56—67), общихъ и для гражданскихъ, и для уголовныхъ дѣлъ, и, въ качествѣ основаній для рѣшенія, указывали собранныя посредникомъ доказательства, законоположенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и мѣстные обычаи, если они не противорѣчили существующимъ законамъ.

Вторую инстанцію для дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировому посреднику, образовали мировые съѣзды, состоявшіе изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена отъ правительства, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Въ мировомъ съѣздѣ всѣ дѣла, кромѣ разрѣшаемыхъ мировымъ посредникомъ окончательно, разсматривались по существу, т.-е. въ томъ порядкѣ, которому впослѣдствіи было присвоено названіе апелляціоннаго, съ соблюденіемъ судопроизводственныхъ правилъ, указанныхъ для мировыхъ посредниковъ. На рѣшенія мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ по всѣмъ родамъ дѣлъ, въ случаѣ превышенія власти или несоблюденія ими предписаннаго порядка и установленныхъ правилъ, т.-е., въ нынѣ называемомъ кассаціонномъ порядкѣ, допускались жалобы въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, состоявшія подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго государственными имуществами, губернскаго прокурора, двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, приглашаемыхъ, по сношенію съ начальникомъ губерніи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, избранныхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Жалобы на мировыя посредническія учрежденія разрѣшались утвержденіемъ или отмѣной рѣшенія, на которое принесена жалоба. Въ случаѣ отмѣны рѣшенія посредника или мирового съѣзда, дѣло возвра-

щалось для новаго разсмотрѣнія или тому же мировому посреднику, либо съѣзду, или сосѣднимъ мировому посреднику либо съѣзду.

Таковы были органы мѣстной юстиціи, вѣдавшіе, по Положенію 19 февраля 1861 года, крестьянскія дѣла, и на нихъ, при введеніи Положенія, сторонниками освободительной реформы первоначально возлагались огромныя надежды. Сѣтованія на присвоеніе мировымъ посредническимъ учрежденіямъ судебныхъ функцій иногда еще приходилось слышать,— указывалось на то, что такое присвоеніе является уступкой крѣпостническимъ домогательствамъ помѣщиковъ, которые всякими способами стремились удержать за собою власть надъ крестьянами, и, не имѣя возможности достигнуть этого прямымъ путемъ, хотѣли закрѣпить такую власть за мировыми посредниками, избираемыми изъ среды тѣхъ же помѣщиковъ; но въ оптимистическихъ взглядахъ на волостной судъ всѣ дѣятели эпохи освобожденія крестьянъ были совершенно единодушны.

Нескончаемые споры велись въ обществѣ по поводу волостныхъ судовъ, высмѣивали или негодовали на скептиковъ, которые рѣшались сомнѣваться въ ихъ приспособленности къ крестьянской жизни, извиняли первыя неосновательныя или нелѣпыя рѣшенія, которыя постановлялись судами, объясняя ихъ новизною дѣла, малой опытностью волостныхъ судей и т. д.; но никто изъ защитниковъ волостного суда сначала не хотѣлъ признать, что слабая сторона этого суда кроется въ его организаціи и вытекаетъ изъ нея, какъ необходимое и логическое слѣдствіе. Горькая дѣйствительность не преминула вскорѣ доказать это самымъ наглядным образомъ; но прежде, чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, во что выродился волостной судъ, образованный по положенію 19 февраля 1861 года, мы считаемъ необходимымъ остановиться на причинѣ этого вырожденія.

Наши гражданскіе законы, систематизированные Сперанскимъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, были собраны еще въ крѣпостную эпоху и извлечены изъ законодательныхъ актовъ, многіе изъ коихъ приравнивали крестьянъ къ личной собственности помѣщиковъ, которой можно свободно распоряжаться, до права продажи и покупки включительно. Никакой самостоятельности крѣпостные крестьяне не имѣли по закону ни въ общинной, ни даже въ семейной жизни. Оставляя даже въ сторонѣ помѣщиковъ, которые злоупотребляли своею властью, достаточно указать только на тѣ права, которыя были предоставлены закономъ всѣмъ помѣщикамъ вообще. Такъ, по 1045, 1050 и 1051 ст. IX т. Св. Зак. изд. 1857 года, помѣщикъ могъ налагать на крѣпостныхъ своихъ людей «всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали черезъ сіе разореніе, и чтобы положенное закономъ число дней оставляемо было на исправленіе собственныхъ ихъ работъ». «Взаимные споры и иски крѣпостныхъ крестьянъ между собою разбираются и судятся владѣльцемъ ихъ окончательно». По 1051 ст. владѣльцу вмѣнялось въ обязанность «воздерживать крѣпостныхъ людей своихъ отъ всякихъ пороковъ, ссоръ, дракъ и тому подобныхъ непорядковъ». «Для удержанія крѣпостныхъ людей

въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, онъ (помѣщикъ) имѣетъ право употреблять домашнія средства исправленія и наказанія, по его усмотрѣнію,—но безъ увѣчья, и тѣмъ менѣе еще съ опасностью ихъ жизни» (596 ст. IX т. Св. Зак., изд. 1832 г.), причемъ увѣчье опредѣлялось, какъ «лишеніе какого-нибудь члена или приведеніе онаго въ бездѣйствіе». «Ежели крѣпостной человѣкъ, отложась отъ должнаго помѣщику своему послушанія, подастъ на него недозволенную жалобу, и въ особенности, если отважится подать таковую непосредственно Императорскому Величеству, то, какъ челобитчикъ, такъ и сочинитель жалобы—предаются суду и наказываются по законамъ» (1033 ст. IX т. Св. Зак., изд. 1857 г.). Думается, что и приведенныхъ ссылокъ достаточно для доказательства полнѣйшаго безправія крестьянъ во время ихъ крѣпостной зависимости, полнѣйшаго подчиненія ихъ во всемъ, даже во внутреннемъ укладѣ жизни и въ области семейныхъ отношеній, усмотрѣнію и произволу помѣщиковъ. Такимъ образомъ, когда Редакціонныя Комиссіи приступили къ выработкѣ положеній, опредѣляющихъ права крестьянъ на судебную защиту, передъ ними очутились двѣ группы населенія,—съ одной стороны, дворяне, подвѣдомственные дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, изложенныхъ въ 1 ч. X т. Св. Зак., съ другой,—крестьяне, управлявшіеся усмотрѣніемъ своего помѣщика, а за предѣлами этого усмотрѣнія дѣйствовавшіе по какимъ-то своимъ обычаямъ, выработавшимся подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ же крѣпостныхъ отношеній, и при непремѣнномъ условіи, чтобы примѣнявшіеся обычаи ни въ коемъ случаѣ не противорѣчили пользѣ, либо требованіямъ того же помѣщика,—иначе говоря, это были обычаи безправія, обычаи крѣпостные [1]). Несомнѣнно, и при крѣпостномъ правѣ

---

[1]) По этому поводу приводимъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія убѣжденнѣйшаго защитника обычнаго права И. Г. Оршанскаго въ его сочиненіи «Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному» (изд. 1879 г., стр. 206): «Можно доказать, что принципъ круговой поруки и вообще солидарности получилъ такое огромное развитіе въ теперешней формѣ у крестьянъ не вслѣдствіе правовыхъ понятій самого народа, а былъ навязанъ ему извнѣ, въ интересахъ правительства, промышленниковъ-предпринимателей и помѣщиковъ. Какимъ образомъ круговая порука введена и поддерживается въ интересахъ казны (по отбыванію повинностей) и промышленниковъ (какъ нанимателей артелей), отчасти общеизвѣстно, отчасти указано выше. Очень вѣроятно, какъ замѣчаетъ г. Лугининъ, что общинное землевладѣніе получило свои настоящіе обширные размѣры подъ вліяніемъ помѣщиковъ и администраціи, дѣйствовавшихъ изъ финансовыхъ цѣлей. Крестьянинъ расчищалъ лѣсной участокъ, передавалъ его по наслѣдству, отчуждалъ. Земельное владѣніе съ теченіемъ времени сосредоточивалось въ немногихъ рукахъ вслѣдствіе разныхъ причинъ; одни имѣли много земли и скота, другіе мало. Но помѣщику выгодно было бы, чтобы всѣ крестьяне были исправны и со средствами, а не то, чтобъ одни были богаты, а другіе бѣдны; поэтому, онъ отбиралъ землю у зажиточныхъ и отдавалъ міру на передѣлъ. Такъ повсемѣстно укоренилась система передѣловъ. Въ личной жизни крестьянъ помѣщику тоже выгодно было отрицаніе всякой индивидуальности у нихъ. Такимъ образомъ, онъ устраивалъ браки между своими крестьянами въ видахъ поддержанія хозяйственной исправности ихъ. Бѣдный вдовецъ съ дѣтьми не находилъ женщины, которая добровольно вышла бы за него; онъ обращался къ помѣщику, и тотъ, соображая необходимость жены для исправности просителя въ отбываніи повинностей,

помѣщики въ извѣстныхъ случаяхъ перелагали свою распорядительную роль на сходъ стариковъ, т.-е. домохозяевъ, когда, напр., для отбыванія работъ помѣщику необходимо было назначить извѣстное количество рабочихъ, подводъ или произвести правильную разверстку какихъ-либо повинностей, такъ что здѣсь уже выработались извѣстныя правила, получившія, въ силу ихъ повторяемости, значеніе обычаевъ, но во всякомъ случаѣ эти обычаи имѣли самый разнообразный характеръ, зависѣвшій отъ личности каждаго помѣщика въ отдѣльности, и потому примѣнялись только въ отдѣльныхъ общинахъ (барщинахъ), но не выходили за ея предѣлы. При такой дилеммѣ приходилось выбирать одно изъ трехъ: или подчинить крестьянъ дѣйствію совершенно чуждыхъ имъ законоположеній X тома Св. Зак., не согласованнаго ни съ крестьянскимъ бытомъ, ни съ проектированными крестьянскими положеніями, основанными на понятіи о семейномъ трудовомъ началѣ и общей семейной собственности, что́ представлялось совершенно невозможнымъ, или выработать спеціальный крестьянскій кодексъ, или же, наконецъ, предоставить крестьянамъ въ дѣлѣ суда руководиться существующими у нихъ въ каждой данной мѣстности обычаями. Конечно, составленіе крестьянскаго кодекса было бы дѣломъ болѣе цѣлесообразнымъ, но созданіе такого кодекса, при установляемыхъ временно-обязательныхъ отношеніяхъ между крестьянами и ихъ бывшими помѣщиками, при полномъ незнакомствѣ съ внутреннимъ укладомъ деревенской жизни и ея обычаями, вывело бы работы Редакціонныхъ Комиссій далеко за предѣлы предположенной реформы, главная цѣль которой состояла въ уничтоженіи крѣпостныхъ отношеній. Только этимъ и можно объяснить то, что составители Положенія 19 февраля 1861 года, смотрѣвшіе притомъ на названное положеніе, какъ на временное, какъ на переходное, сочли за лучшее предоставить крестьянамъ, во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, руководиться ихъ обычными порядками, и въ правила о волостномъ судѣ ввели 107 статью, по силѣ коей волостной судъ обязанъ рѣшать тяжебныя дѣла либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и нравилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту. По поводу этой статьи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней совершенно неправильно указывается на сдѣлки и обязательства, заключенныя въ волостномъ правленіи, какъ на такую норму, которая можетъ сама по себѣ служить источникомъ права. Всякая сдѣлка есть выраженіе воли двухъ сторонъ, иногда даже противной, по своей цѣли, закону, и сама нуждается при ея истолкованіи въ примѣненіи закона или обычая,

---

устраивалъ бракъ по своему усмотрѣнію. Круговая порука, какъ отрицаніе основного начала права, что всякій отвѣчаетъ лишь за свои дѣйствія и пользуется плодами своего труда, очевидно, находится въ тѣснѣйшей связи съ этими явленіями крѣпостного права, тоже установлявшими насильственную солидарность между крестьянами во имя постороннихъ интересовъ».

а потому единственнымъ мѣриломъ, коимъ опредѣляются права тяжущихся въ волостномъ судѣ, остается обычай.

Посмотримъ же теперь, какъ отозвались на волостномъ судѣ отсутствіе писаннаго для крестьянъ права и предоставленіе этому суду неограниченной и безапелляціонной власти въ рѣшеніи дѣлъ при единоличномъ господствѣ обычая.

Первые выборы въ должность волостныхъ судовъ, благодаря общему подъему духа въ средѣ крестьянскаго населенія подъ вліяніемъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости и благодаря разъясненіямъ мировыхъ посредниковъ, въ большинствѣ одушевленныхъ идей эмансипаціи, прошли благополучно. Въ большинствѣ были избраны люди добросовѣстные, искренне желавшіе послужить обществу и пользовавшіеся уваженіемъ окрестнаго населенія, но они очень быстро разочаровались въ возможности быть полезными въ той мѣрѣ, какъ они объ этомъ думали. По 93 ст. Общ. Пол., волостной сходъ выбиралъ до двѣнадцати судей срокомъ на одинъ годъ, причемъ для отправленія должности имъ назначалась очередь; засѣданія происходили два раза въ мѣсяцъ, и въ нихъ присутствовало трое судей; жалованья опредѣлено не было, но волостной сходъ могъ назначать таковое судьямъ по своему усмотрѣнію и обыкновенно назначалъ его въ размѣрѣ отъ 15 до 40 рублей въ годъ. При такихъ условіяхъ каждый изъ волостныхъ судей, въ большинствѣ случаевъ неграмотныхъ, въ теченіе года являлся на разбирательство дѣлъ шесть разъ, и, конечно, не имѣлъ ни малѣйшей возможности ознакомиться съ своими обязанностями настолько, чтобы относиться къ нимъ вполнѣ сознательно. Онъ сразу попадалъ въ безвыходное положеніе. Неопытность, неграмотность, отсутствіе писанаго закона, требованіе примѣненія къ дѣлу общеизвѣстнаго обычая, когда общеизвѣстныхъ на пространствѣ цѣлой волости обычаевъ не было, а существовали только обычаи или правила, дѣйствовавшіе въ предѣлахъ отдѣльныхъ барщинъ,—все это сразу приводило волостного судью къ сознанію его безпомощности и подсказывало единственный выходъ изъ такого тупика,—обратиться къ людямъ, которые болѣе его опытны, которые читаютъ законы и умѣютъ въ нихъ разбираться. Гдѣ же взять такихъ людей? На этотъ вопросъ отвѣтило уже не Положеніе 19 февраля 1861 года, а сама жизнь.

По Положенію 19 февраля, волостной судъ собирается въ волостномъ правленіи, созывается волостнымъ старшиной, который принимаетъ жалобы, исполняетъ рѣшенія, но въ производство волостного суда не вмѣшивается и при обсужденіи дѣлъ не присутствуетъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, старшина обязанъ выслушивать жалобы, назначать ихъ къ разбирательству, слѣдить за своевременнымъ теченіемъ дѣлъ въ судѣ и исполнять его рѣшенія, а съ другой—не вправѣ вмѣшиваться въ дѣла волостного суда. Волостной старшина не долженъ присутствовать при обсужденіи дѣлъ, а между тѣмъ разбирательство дѣлъ происходитъ въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ постоянно пребываетъ старшина, и куда въ день разбирательства по своимъ другимъ дѣламъ, уже кстати, обращаются чуть не всѣ вызванные въ судъ. Старшина не имѣетъ права вмѣшиваться

въ производство волостного суда, а судьи, сидящіе въ тупикѣ, спрашиваютъ и требуютъ у него, какъ болѣе знакомаго съ законами, совѣтовъ, какъ разрѣшить то или другое дѣло. Съ такими же запросами, но еще чаще, они обращаются къ волостному писарю, который сидитъ съ ними въ засѣданіи и обязанъ записывать рѣшенія суда. Очевидно, что самые лучшіе и добросовѣстные судьи имѣли возможность проявить свою самостоятельность только въ привычныхъ простѣйшихъ дѣлахъ, касающихся ихъ обычнаго землепользованія, но когда дѣло принимало болѣе сложный характеръ или требовало, напр., истолкованія письменной сдѣлки, немедленно выступалъ старшина либо писарь, вычитывалъ имъ какой-нибудь законъ, иногда даже не относящійся къ дѣлу и совершенно непонятный судьямъ, и диктовалъ, т.-е., вѣрнѣе сказать, записывалъ рѣшеніе, какое ему самому казалось болѣе правильнымъ или болѣе соотвѣтствовало его личнымъ видамъ. Естественно, что послѣ перваго же выбора лучшіе крестьяне разочаровались въ своей дѣятельности; видя, что имъ приходится быть слѣпыми и послушными орудіями въ рукахъ старшины и писаря, наиболѣе самостоятельные судьи всякими способами старались избавиться отъ службы, которая не давала имъ ни нравственнаго удовлетворенія, ни приличнаго вознагражденія за ихъ трудъ, а такъ какъ лица, прослужившія одинъ срокъ по крестьянскому управленію, имѣютъ по закону право требовать освобожденія ихъ отъ вторичныхъ выборовъ, а не служившія добивались такого же результата путемъ угощенія, выставляемаго на сходѣ, то въ самомъ непродолжительномъ времени кадры волостныхъ судей стали пополняться людьми, относившимися къ дѣлу крестьянскаго правосудія болѣе, чѣмъ равнодушно. Если въ судьи и попадалъ хорошій домохозяинъ, то онъ смотрѣлъ на выборы, какъ на наказаніе, и нерѣдко обращался къ сходу съ упрекомъ: «За что меня выбрали?» на что слышался стереотипный отвѣтъ: «Надо послужить міру!» т.-е. повторялись вопросы и отвѣты, которые слышались постоянно, при всякихъ выборахъ въ сельскія общественныя должности, почитавшіяся у крестьянъ не болѣе, какъ тяготой и отбываніемъ натуральной повинности. Въ судьи шли охотно только люди, которымъ терять было нечего отъ такихъ выборовъ, или живущіе постоянно въ деревнѣ, по близости отъ волостного правленія, или даже люди нетрезваго поведенія, которые дорожили возможностью пользоваться отъ тяжущихся даровымъ угощеніемъ. Такія лица даже сами ставили угощеніе сходу, чтобы только попасть на должность судьи, которая обезпечивала выбранному извѣстный, хотя наружный, почетъ и даровое угощеніе въ теченіе цѣлаго года. Такіе судьи были удобны и волостному старшинѣ съ волостнымъ писаремъ. Обыкновенно въ волостные старшины избирались лица зажиточныя, пользовавшіяся въ предѣлахъ волости большимъ значеніемъ и тѣсно-связанныя родствомъ и кумовствомъ съ наиболѣе вліятельными изъ выборщиковъ; для того, чтобы укрѣпить свое положеніе къ слѣдующимъ выборамъ, имъ необходимо было въ извѣстныхъ случаяхъ оказывать давленіе на судъ при разсмотрѣніи тяжбъ ихъ сторонниковъ. На обязанности волостного старшины лежало наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ отъ крестьянъ казенныхъ и земскихъ

повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ; первое время денежные платежи, несоотвѣтствовавшіе доходности надѣльныхъ земель, поступали очень неаккуратно и старшинѣ постоянно приходилось прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ при взысканіи различныхъ недоимокъ. Обычнымъ средствомъ для понужденія плательщиковъ къ платежу было примѣненіе къ нему тѣлеснаго наказанія по сельско-судебному уставу; правда, по этому уставу, наказанію подлежали неплательщики по небрежности и нерадѣнію, но такъ какъ небрежность и нерадѣніе устанавливались волостнымъ судомъ по заявленію одного только старшины, то для него и было важно, чтобы судъ состоялъ изъ лицъ, послушныхъ и неспособныхъ на противорѣчіе.

Что касается до волостныхъ писарей, то объ ихъ нравственномъ обликѣ въ то время много говорить не приходилось. Чиновники, выгнанные за пьянство изъ дореформенныхъ присутственныхъ мѣстъ, недоучившіеся семинаристы, еле грамотные мѣщане и множество людей съ самымъ сомнительнымъ прошлымъ, въ виду внезапно возникшей потребности, очутились въ должности волостныхъ писарей. Будучи избраны волостными сходами на нищенскіе оклады, они иногда старались своимъ вліяніемъ на судъ угодить наиболѣе вліятельнымъ избирателямъ, а въ другихъ случаяхъ преслѣдовали свои личные виды и выгоды въ ожиданіи угощенія или приношеній отъ заинтересованныхъ сторонъ. Несомнѣнно, и между нами попадались исключенія, когда волостной писарь всячески старался, по силѣ своего разумѣнія, преподать волостному суду самый добросовѣстный совѣтъ; но подобные совѣты въ большинствѣ случаевъ не шли далѣе указанія на обычную житейскую справедливость, такъ какъ для волостного суда никакихъ правовыхъ нормъ, кромѣ обычая,—никакого писанаго закона установлено не было. Что же въ рѣшеніе волостного суда могли внести даже самые добросовѣстные судьи или волостной писарь? Общихъ обычаевъ для цѣлой мѣстности не существовало, и каждый судья могъ знать только обычаи своей общины, причемъ обычай одной общины весьма часто находился въ противорѣчіи съ обычаемъ другой; происхожденіе обычаевъ было всегда крайне сомнительно, иные изъ нихъ, какъ, напр., снохачество, даже безнравственны, а если и указывались какіе обычаи, то они носили случайный характеръ и не были объединены одной руководящей нитью, однимъ принципомъ. Затѣмъ; возникали затрудненія и потому, что, по Положенію 19 февраля 1861 года, обычаи должны были примѣняться къ крестьянскимъ дѣламъ не по ссылкѣ сторонъ, а по собственному усмотрѣнію судей; такая постановка обычая, въ качествѣ обязательнаго доказательства, приводимаго самимъ судомъ, была, конечно, совершенно неправильною. Доказательства въ каждомъ тяжебномъ дѣлѣ представляются сторонами, и когда сторона ссылается на обычай,—когда она сумѣетъ доказать его существованіе, судъ вправѣ постановить рѣшеніе въ пользу этой стороны, но когда на обычай никто не ссылается, и его приводитъ въ рѣшеніи самъ судъ, то гдѣ же гарантія, что подобный обычай дѣйствительнаго существуетъ? Гдѣ увѣренность въ томъ, что судья, ссылающійся на обычай, не самъ его выдумалъ? И не будетъ ли возможнымъ, при наличности такого законоположенія, писать самыя нелѣпыя рѣшенія,

приписывая только каждый разъ, въ качествѣ мотива, «по обычаю»? Когда стороны указываютъ обычай, ихъ ссылка на существованіе обычая провѣряется,—когда судья въ рѣшеніи приводитъ законъ, это также можетъ быть провѣрено, но когда судья примѣняетъ обычай, взятый изъ собственной головы, и наличность такого обычая не подлежитъ провѣркѣ, тогда наступаетъ полнѣйшій просторъ личному усмотрѣнію и произволу судьи. Если даже судья воодушевленъ самыми лучшими намѣреніями, онъ все-таки будетъ неправосуднымъ, такъ какъ будетъ рѣшать дѣла не по доказательствамъ, представленнымъ сторонами, а руководясь только субъективнымъ впечатлѣніемъ того, насколько правдива показалась ему та или другая сторона.

Отсутствіе писанаго кодекса, неграмотность или малограмотность волостныхъ судей, непозволявшія имъ разбираться въ законахъ, подчиненіе указкѣ волостныхъ старшинъ и писарей, невысокій нравственный уровень лицъ, заполнившихъ мѣста волостныхъ судей и небрезгавшихъ принимать отъ тяжущихся угощеніе, а иногда и болѣе существенныя приношенія, невозможность подавать на рѣшенія волостного суда какія-либо жалобы,—все это вмѣстѣ взятое обратило волостной судъ въ какую-то пародію, и въ этотъ судъ смѣло шли только люди или вліятельные въ волости, или совершенно захудалые, когда обѣ стороны не пользовались никакимъ значеніемъ и не имѣли средствъ на угощеніе судей. Въ дѣлопроизводствѣ судовъ, въ большинствѣ случаевъ, царилъ страшный хаосъ. Судьи собирались въ неопредѣленное время и разновременно; приносимыя сторонами жалобы записывались такъ, что невозможно было разобрать ихъ содержаніе; уголовныя дѣла смѣшивались съ гражданскими; дознанія и осмотры не производились; во время разбирательства ничего понять было нельзя, такъ какъ судьи, старшина, стороны и свидѣтели говорили всѣ разомъ; за гражданскія правонарушенія подвергали наказаніямъ, а по уголовнымъ дѣламъ часто ограничивались денежнымъ взысканіемъ въ пользу потерпѣвшаго; превышалась власть, предоставленная волостнымъ судамъ: наказывались розгами женщины и должностныя лица, измѣнялись рѣшенія суда, вошедшія въ законную силу,—и надъ всѣмъ этимъ тяготѣло тѣлесное наказаніе, налагаемое, по требованію сельскихъ старостъ и волостного старшины, на недоимщиковъ.

Для такого господства розги въ дѣйствительности не было даже юридическаго основанія. Поводомъ къ привлеченію недоимщиковъ за неплатежъ податей къ уголовной отвѣтственности служила 498 ст. сел. устава, по которой: «если кто изъ крестьянъ въ теченіе года бываетъ болѣе пьянъ, чѣмъ трезвъ, и если онъ притомъ своею нерачительностію къ хозяйству и безпутству придетъ въ окончательное раззореніе и окажется несостоятельнымъ къ платежу податей,—того наказывать розгами». Волостные старшины и сельскіе старосты, въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго взысканія недоимокъ, своимъ вліяніемъ на волостной судъ весьма упростили составъ проступка, предусмотрѣннаго 498 статьей, и всѣ недоимщики, по первому заявленію волостной и сельской власти и безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ, стали подвергаться тѣлесному наказанію, которое притомъ, за отсутствіемъ

способа обжалованія, приводилось немедленно въ исполненіе при благосклонномъ участіи самихъ судей.

Розги вообще сдѣлались въ волостномъ судѣ излюбленнымъ наказаніемъ, да это и было вполнѣ понятно для того времени. Прежде всего, тѣлесное наказаніе, унаслѣдованное отъ недавняго крѣпостного состоянія, казалось довольно привычнымъ и не возбуждало такого отвращенія, какъ въ настоящее время, а затѣмъ оно считалось и наиболѣе цѣлесообразнымъ. Волостной судъ имѣлъ право приговаривать виновныхъ или къ общественнымъ работамъ, или къ денежному взысканію, или къ аресту, или, наконецъ, къ наказанію розгами, но тогда никакихъ общественныхъ работъ не существовало, приговоренные же къ общественнымъ работамъ или занимались какими-нибудь хозяйственными работами при волостномъ правленіи вродѣ мытья половъ, или же безполезными работами, больше для посрамленія, какъ, напр., метеніемъ улицъ и базаровъ при народѣ и т. п., причемъ за ними требовался еще особый надзоръ. Къ денежнымъ взысканіямъ присуждались только зажиточные люди, такъ-какъ старшины, обремененные и безъ того взысканіемъ податей, всячески противодѣйствовали этому роду наказанія; затѣмъ, въ распоряженіи суда оставались только арестъ и розги, съ которыми они оперировали не только по уголовнымъ дѣламъ, но зачастую и по гражданскимъ. Къ этимъ судебнымъ наказаніямъ, нерѣдко уже помимо суда, со стороны мѣстнаго населенія добавлялись еще другія бывшія въ обычаѣ наказанія. Въ книгѣ М. И. Заруднаго «Законы и жизнь» (1872) приводятся такіе примѣры: вору вѣшаютъ на шею украденную вещь, иногда даже живую курицу, или надѣваютъ соломенный хомутъ и такъ водятъ по селенію «для срама», при чемъ стучатъ въ ведра и кастрюли, что называется стуколкой; въ Кіевской губерніи провинившейся дѣвушкѣ распускаютъ косы и, закрывъ ей лицо платкомъ, водятъ по улицѣ подъ руки два десятника, а мальчишки въ это время бьютъ въ коробки палками; виновныхъ въ прелюбодѣяніи хлопцы сажаютъ въ телѣгу, возятъ ради смѣха по улицѣ, называя новобрачными, а затѣмъ подъѣзжаютъ къ кабаку и заставляютъ молодого угощать ихъ водкой; вора мажутъ дегтемъ, обсыпаютъ перьями и водятъ по улицѣ; невѣрныхъ женъ привязываютъ «для общественнаго посрамленія» къ столбу у воротъ и такъ держатъ часа по три и т. д.

Конечно, не всѣ волостные суды были въ такомъ хаотическомъ состояніи; попадались между ними и такіе, гдѣ старшина съ писаремъ не злоупотребляли своимъ вліяніемъ, гдѣ и судьи были добросовѣстные и не принимали угощенія; но даже въ этихъ судахъ царилъ полнѣйшій судебный произволъ. Если же, при оцѣнкѣ рѣшеній волостныхъ судовъ, принять во вниманіе, какимъ трудомъ достается крестьянамъ достиженіе матеріальнаго благосостоянія, какъ оно высоко ставится, какимъ уваженіемъ пользуется въ крестьянской семьѣ трудовое начало, и какимъ вліяніемъ располагаютъ зажиточные люди, то станутъ понятными жестокія и несправедливыя, съ общей точки зрѣнія, рѣшенія судовъ, коими вдовы съ дѣтьми выгонялись изъ дому съ нѣсколькими рублями въ карманѣ, назначенными имъ будто по раздѣлу; за бездѣтными вдовами и за дѣвушками, какъ не платя-

щими повинностей и тягловыхъ податей, не признавалось права на какую-нибудь часть семейнаго имущества; интересы малолѣтнихъ сиротъ совершенно игнорировались и т. д. Вообще, даже въ лучшихъ волостныхъ судахъ воцарился судъ, основанный не на какихъ-либо твердыхъ устояхъ, общеизвѣстныхъ и всѣмъ понятныхъ, а на личномъ усмотрѣніи судей и лицъ, на нихъ вліяющихъ,—судъ, «глядя по человѣку». Для иллюстраціи приводимъ изъ «Трудовъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ», о которой мы будемъ говорить ниже, отвѣты волостныхъ судей и мѣстныхъ стариковъ на предложенный имъ вопросъ комиссіи, интересовавшейся, между прочимъ, и примѣненіемъ обычнаго права:

«У домохозяина было два сына; одинъ сданъ былъ въ солдаты, а другой оставался при отцѣ. Послѣ смерти отца имуществомъ сталъ управлять наличный сынъ и, будучи хорошимъ хозяиномъ, пріобрѣлъ самъ еще нѣсколько коровъ, лошадей и проч. Между тѣмъ другой братъ, отслуживъ службу, возвращается домой и требуетъ себѣ половину наличнаго имущества. Спрашивается, какъ, въ случаѣ несогласія между братьями, рѣшитъ такое дѣло волостной судъ: подѣлитъ ли пополамъ между братьями все наличное имущество, или выдѣлитъ отставному солдату половину лишь того имущества, которое было оставлено отцомъ?» На этотъ вопросъ въ разныхъ волостяхъ и даже въ одной и той же волости давались отвѣты разные. Такъ, одни крестьяне заявили, что, какъ военный служилъ и за отца, и за брата, то, по обычаю, слѣдуетъ братьевъ подѣлить безусловно поровну; другіе полагали, что пополамъ надо подѣлить только то, что отъ отца досталось, и, наконецъ, третьи объяснили, что все зависитъ отъ того, какой человѣкъ возвратившійся солдатъ: если онъ трезвый и честный, то подѣлятъ наличное безусловно пополамъ, если же онъ окажется пьяницей, мотомъ, безпутнымъ и можно предполагать, что онъ полученную имъ отъ брата часть скоро, что называется, спуститъ, то волостной судъ не стѣснится выдѣлить ему меньшую часть, оставивъ у другого брата бо́льшую, и во всякомъ случаѣ оставить у другого брата все то, что онъ пріобрѣлъ послѣ смерти отца». Приведенные отвѣты съ достаточной ясностью доказываютъ, что даже въ области семейственнаго и наслѣдственнаго права, гдѣ при существованіи крѣпостного права въ крестьянской средѣ могли зародиться и сохраняться свои обычаи, таковые или совсѣмъ не существовали, или существовали въ видѣ отдѣльныхъ правилъ на немногіе и наиболѣе часто повторяющіеся случаи; постоянныхъ же правовыхъ нормъ, обобщающихъ крестьянскіе обычаи, не выработалось, и судьямъ постоянно приходится прибѣгать къ рѣшенію дѣлъ, «глядя по человѣку».

Печальное положеніе волостной юстиціи не могло не обратить на себя вниманія правительства, и первымъ шагомъ къ урегулированію дѣятельности волостныхъ судовъ явился законъ 14 февраля 1866 года, установившій для крестьянъ право обжалованія приговоровъ и рѣшеній волостныхъ судовъ въ мѣстный съѣздъ мировыхъ посредниковъ. Закономъ этимъ не допускалось пересмотра рѣшеній по существу дѣла, но устанавливалась возможность просить мировой съѣздъ объ отмѣнѣ рѣшеній въ трехъ случаяхъ: а) когда судъ постановитъ рѣшеніе по дѣлу ему не подвѣдомствен-

ному, б) когда судъ приговоритъ виновнаго въ совершеніи маловажнаго проступка къ наказанію въ мѣрѣ, превышающей указанную въ 102 ст. Общ. Пол., и в) когда судъ постановитъ по дѣлу рѣшеніе безъ вызова къ суду участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

Этимъ закономъ уже оффиціально была разбита вѣра въ непогрѣшимость рѣшеній волостныхъ судовъ и признана необходимость въ надзорѣ за ними со стороны администраціи; но *пока* вмѣшательство мирового съѣзда допускалось лишь въ немногихъ случаяхъ и выражалось только въ отмѣнѣ рѣшеній, послѣ чего дѣла, подвѣдомственныя волостному суду, снова возвращались для новаго разсмотрѣнія въ тотъ же волостной судъ, и, такимъ образомъ, каждое дѣло, по существу своему, все-таки разрѣшалось на основѣ обычнаго права. Однимъ словомъ, надъ волостными судами въ лицѣ мирового съѣзда учреждалась кассаціонная инстанція; но кассаціонные поводы, могущіе служить основаніемъ къ отмѣнѣ рѣшенія, главнымъ образомъ, касались тѣхъ случаевъ, когда волостные суды нарушали предѣлы своего вѣдомства и власти и потому затрагивали общегосударственные интересы; въ огражденіе же интересовъ тяжущихся по дѣламъ, подсуднымъ волостной юстиціи, допускался лишь одинъ кассаціонный поводъ, когда судъ разсматривалъ дѣло безъ вызова участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Само собой разумѣется, эта новелла не внесла въ дѣятельность волостного суда особаго улучшенія, а напротивъ того, замѣчавшееся въ крестьянской средѣ неуваженіе къ волостному суду распространилось и на мировой съѣздъ. Крестьянамъ положительно недоступно понятіе о кассаціонной власти. Подавая жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ, даже и при наличности кассаціонныхъ поводовъ, жалобщики на эти поводы очень часто не ссылаются, а даютъ объясненія по существу дѣла или указываютъ на такія нарушенія, какъ, напр., на невызовъ свидѣтелей, на вмѣшательство въ разбирательство дѣла старшины и другія тому подобныя упущенія, которыя не предусмотрѣны закономъ 14 февраля 1866 года и потому не могутъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ рѣшенія. Своей жалобой на неправосудное рѣшеніе тяжущійся ищетъ внутренней правды, взываетъ къ закону и совѣсти членовъ мирового съѣзда и въ отвѣтъ получаетъ краткую резолюцію объ оставленіи его жалобы безъ послѣдствій, резолюцію, которую мировые посредники зачастую подписывали также со стѣсненнымъ сердцемъ, такъ какъ сами хорошо видѣли все безобразіе, всю нелѣпость утверждаемаго ими рѣшенія. Разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ въ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ, когда всѣ жалобы, за весьма рѣдкими исключеніями, оставались безъ послѣдствій, не осталось безъ развращающаго вліянія на самые суды и старшинъ съ писарями, которые фактически распоряжались въ судахъ. Они знали, что стоитъ имъ вызвать стороны къ разбирательству дѣла, да не нарушить предѣлы подсудности, и всякая жалоба будетъ оставлена безъ послѣдствій, хотя бы рѣшеніе поражало всѣхъ своей несправедливостью и неправосудіемъ.

Въ окончательномъ результатѣ вновь учрежденная кассаціонная инстанція дала самые печальные результаты. Пользы получилось отъ нея немного, а вредъ громадный, такъ какъ крестьянское населеніе окончательно

извѣрилось въ силу правосудія не только въ волостныхъ судахъ, но и у мировыхъ посредниковъ и въ мировыхъ съѣздахъ. Оно воочію убѣдилось, что ни мировой посредникъ, ни мировой съѣздъ ничего не могутъ сдѣлать противъ писаря, не въ состояніи отмѣнить самаго вопіющаго рѣшенія, и стали добиваться удовлетворенія своихъ законныхъ и незаконныхъ пожеланій непосредственно въ волостномъ судѣ. Путь же для подобныхъ домогательствъ былъ всегда открытъ. Тутъ годилось и знакомство съ старшиной, и вѣчно протянутая рука писаря, и неудержимое пьянство волостныхъ судей. На судейскій столъ, вмѣсто зерцала, забрался штофъ, пилось вино, принесенное жалобщикомъ, затѣмъ вино, принесенное отвѣтчикомъ либо обвиняемымъ, и послѣ того судьи, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ угощенія, принимались рѣшать дѣло, оцѣнивая доводы сторонъ по количеству или качеству приношеній. Впрочемъ, если бы судьи и присудили къ какому-нибудь наказанію, то для оборотливаго человѣка бѣда небольшая. Можно еще угостить судей, и они охотно перерѣшатъ дѣло, или попросить писаря, и тотъ напишетъ такое рѣшеніе, приведетъ въ немъ такія обстоятельства, что даже мировой съѣздъ его не отмѣнитъ, а наконецъ, можно обратиться къ старшинѣ, и старшина попросту не будетъ приводить рѣшеніе въ исполненіе. Очевидно, что о законности рѣшеній въ огромномъ большинствѣ судовъ не могло быть рѣчи, и у сельскаго населенія мало-помалу утрачивалось всякое представленіе о законѣ и его обязательной силѣ.

Полнѣйшая неудовлетворительность волостного суда не помѣшала, однако, его дальнѣйшему территоріальному распространенію. Закономъ 18 января 1866 года было утверждено новое устройство государственныхъ крестьянъ, которые въ отношеніи суда подчинялись дѣйствію Общаго Положенія 19 февраля 1861 года, а прежній ихъ судъ отмѣнялся. Вмѣсто двухъ степеней суда домашняго, разсматривавшаго гражданскія дѣла государственныхъ крестьянъ до 15 рублей и дѣйствовавшаго на основаніи закона, приспособленнаго къ пониманію и быту крестьянъ, водворялся волостной судъ съ бо́льшей властью, но почти безъ всякихъ гарантій правильности его дѣйствій и уже зарекомендовавшій себя такъ печально.

Наконецъ, 16 декабря 1871 года по Высочайшему повелѣнію, для обсужденія вопроса о волостныхъ судахъ, была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, которая признала необходимымъ для достиженія возложенной на нее задачи прибѣгнуть къ личнымъ разспросамъ и наблюденіямъ на мѣстѣ. Съ этой цѣлью комиссія разбилась на партіи и лично посѣтила значительное количество волостныхъ судовъ, изучая ихъ дѣлопроизводство, наблюдая судебныя разбирательства и собирая свѣдѣнія относительно области примѣненія обычаевъ. Всѣ наблюденія и свѣдѣнія, собиравшіяся по одной заранѣе выработанной программѣ, были занесены въ «Труды» комиссіи, откуда мы и приведемъ нѣсколько данныхъ, иллюстрирующихъ сдѣланную нами оцѣнку дѣятельности волостного суда.

Выше уже было указано, какъ волостные старшины и сельскіе старосты злоупотребляли своимъ вліяніемъ на волостные суды для взысканія, или, правильнѣе сказать, для выколачиванія податей. Посмотримъ

же теперь, какъ объ этомъ говорятъ рѣшенія судовъ, занесенныя въ труды комиссіи Любощинскаго:

Рѣшенія Алговскаго волостного суда за 1871 годъ:

Ноября 12. «Крестьяне Нагибинъ, Масликъ, Холоповъ, Ксынькинъ и Киселевъ за неплатежъ казенныхъ податей и мірскихъ сборовъ за 1871 годъ, по нерадѣнію и лѣности, засвидѣтельствованной старшиною Шубинымъ, старостой Сучковымъ и сборщикомъ податей Лапинымъ, присуждаются къ тѣлесному наказанію по 15 ударовъ каждому, на осн. 498 ст. сел. суд. уст.».

Ноября 25. «Крестьянъ Синицынъ и Тюринъ, за неплатежъ казенныхъ податей за 1872 годъ, по нерадѣнію, засвидѣтельствованному сборщикомъ и старшиной, присуждаются къ тѣлесному наказанію дачею по 10 ударовъ каждому, на основаніи 498 ст. сел. суд. уст.».

Ноября 29. «Крестьяне Ф. Федуловъ, Кожловъ, Масликъ и В. Федуловъ за неплатежъ податей за 1-ю половину 1872 года, по нерадѣнію, засвидѣтельствованному сборщикомъ и старшиною, волостной судъ присуждаетъ къ тѣлесному наказанію по 10 ударовъ каждому, на основаніи 498 ст. сел. суд. уст.».

Декабря 12. «Крестьянъ Мечковъ и Киселевъ, за неплатежъ казенныхъ податей 1871 года, по нерадѣнію, засвидѣтельствованному старшиной и сборщикомъ, волостной судъ опредѣлилъ: наказать розгами дачею по 5 ударовъ каждому, на основаніи 498 ст. сел. суд. уст.».

Еще болѣе упрощены рѣшенія, напр., Атюревскаго волостного суда за тотъ же 1871 годъ:

Февраля 27. Судомъ опредѣлено: «Кр. Г. (и проч. въ числѣ 25), за неплатежъ податей, по лѣности и пьянству, на основаніи 291 ст. сел. суд. уст., наказать розгами по пятнадцати ударовъ каждаго».

Февраля 28. Судомъ опредѣлено: «Кр. М. и проч. въ числѣ 16 человѣкъ, за неплатежъ казенныхъ податей, по лѣности и пьянству, на основаніи 291 ст. сел. суд. уст. наказать розгами каждаго по пятнадцати ударовъ».

Февраля 28. Судомъ опредѣлено: «Кр. М. и прочихъ въ числѣ 16 человѣкъ, за неплатежъ казенныхъ повинностей, по лѣности и пьянству, на основаніи сел. суд. уст., наказать розгами, пятнадцатью ударами».

Февраля 28. Судомъ опредѣлено: «Кр. М. и проч. въ числѣ 3-хъ, за неплатежъ казенныхъ податей 1-ой половины сего года, по лѣности и пьянству, наказать розгами каждаго, по пятнадцати ударовъ, на основаніи 291 ст. сел. суд. уст».

Въ два дня было высѣчено шестьдесятъ человѣкъ за неплатежъ податей, причитающихся за первую половину года, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, когда даже не наступилъ срокъ платежа!

Посмотримъ теперь, насколько волостные суды свѣдущи были въ опредѣленіи состава подвѣдомственныхъ имъ проступковъ, въ умѣньѣ отличать гражданскія дѣла отъ уголовныхъ, и на сколько постановляемыя ими рѣшенія удовлетворяли требованіямъ законности.

Рѣшенія Боголюбскаго волостного суда за 1886 годъ:

Октября 13. «К. объявилъ, что онъ продалъ рожь, заѣхалъ въ кабакъ, напился до безпамятства и у него украли 10 р. 50 к., подозрѣваетъ Ж. Вол. судъ нашелъ жалобу К. несправедливою, а потому нѣтъ основанія быть уличеннымъ кр. Ж. въ кражѣ у К. денегъ 10 р. 50 к. и виновнымъ не оказывается. Вслѣдствіе сего в. судъ опредѣлилъ: за пьянство всѣхъ бывшихъ въ кабакѣ, въ томъ числѣ К., наказать розгами 20 ударами, а Ж. за лѣтами его, штрафомъ 1 р. и таковой рубль пріобщить къ общимъ суммамъ волостныхъ суммъ».

Іюня 9—1869 г. «Судъ слушалъ дѣло о нанесеніи побоевъ Н. солдаткѣ Ф. и грубостей сотскому; на основаніи пол. 102 ст. и сел. уст. ст. 518, 491 прим. 1 и 501,

рѣшилъ: за побои солдатки Ф. наказать Н. розгами дачею 19 ударовъ, а за оскорбленіе сотскаго тоже наказать розгами 15 ударами, а солдатку Ф. въ пьяномъ видѣ за непотребство заключить въ общественныя низкія работы на трое сутокъ».

Рѣшенія Алговскаго волостного суда отъ 12 декабря 1871 года: «Кр. Водопьяновъ судится за злобычіе въ пьянствѣ, сопровождающееся дурнымъ характеромъ. Злобычіе въ пьянствѣ Водопьянова, кромѣ старшины, удостовѣрено кр. Киселевымъ и Поповымъ и проч. Въ предупрежденіе на будущее время злобычая, волостной судъ постановилъ: на основаніи 95, 101 и 102 ст. общ. пол. 1861 г. и 496 ст. выписки изъ уст. сел. судопр. Свод. Зак. Т. XII, ч. 2, наказать розгами дачею 10 ударовъ».

Рѣшеніе Каргашинскаго вол. суда отъ 27 іюля 1871 г.—«Изъ дѣла видно, что Тамбовцевъ при слѣдствіи сознался, что онъ эту 5-рублевую бумажку получилъ въ с. Непетелины за проданный хлѣбъ, но отъ кого не знаетъ и отдалъ онъ незавѣдомо фальшивою въ подати мировому старостѣ Киселеву, которая при взносѣ Киселевымъ въ Елатомское казначейство податей оказалась фальшивою. Умысла Тамбовцева, чтобы сбыть эту бумажку завѣдомо фальшивой по слѣдствію не обнаружилось, а потому Волостной Судъ опредѣлилъ: Тамбовцева хотя по слѣдствію необвиненнаго, но чтобы онъ впередъ былъ осмотрительнѣе, арестовать при Вол. Правленіи на трое сутокъ».

Далѣе приводимъ характерныя рѣшенія изъ тѣхъ же «Трудовъ», выписанныя Заруднымъ въ его книгѣ «Законы и жизнь».

I. Крестьянинъ В. жалуется, что крестьянка И. въ его домѣ на печку кинула небольшой шарикъ воску, уверченный въ бѣлыя несученыя нитки, для какого это случая—неизвѣстно, но какъ она поведенія нехорошаго, поэтому, и въ настоящее время за ней имѣется подозрѣніе и опасность. Судъ нашелъ И. виновною и постановилъ за вышеупомянутый поступокъ подвергнуть ее аресту на 3 сутокъ.

II. Старшина заявилъ, что крестьяне Е. и В., потерпѣвшіе недавно пожарное бѣдствіе, прибывъ на ярмарку, вмѣсто того, чтобы оплакивать бѣдственное и горькое положеніе, напились до безобразія и его, старшину, называли Атаманомъ и Голіафомъ. Судъ постановилъ наказать ихъ розгами, хотя бы и слѣдовало предать ихъ уголовному суду, и внушить имъ, чтобы отъ такихъ гнусныхъ поступковъ воздержались.

Полагаемъ, что приведенныхъ рѣшеній достаточно. Въ нихъ есть все: и пьянство, и безтолковщина, и непониманіе состава простушка, и безпричинное тѣлесное наказаніе, и полная зависимость суда отъ старшины, словомъ, все, чтобы признать волостной судъ никуда негоднымъ. И подъ игомъ такого суда существовало многомилліонное крестьянское сословіе!

III.

Мировые посредники перваго и позднѣйшихъ призывовъ. Законъ 27 іюня 1874 г. Значеніе реформы въ жизни сельскаго населенія. Ростъ реакціи 1 марта 1881 г.; ея вліяніе на законод. о суд.-административныхъ учрежденіяхъ.

Попутно съ волостнымъ судомъ умалялась, преимущественно въ объемѣ, а отчасти и въ качествѣ, судебная дѣятельность мировыхъ посредниковъ.

Мировые посредники перваго призыва, избранные изъ лучшихъ людей уѣзда, дѣйствительно были одушевлены идеей освобожденія крестьянъ, которой они посвятили всѣ свои силы; но, будучи поглощены одной главной мыслью—въ возможной скорости разверстать крестьянъ съ помѣщиками, составить уставныя грамоты и вообще принять мѣры къ скорѣйшему приведенію въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ,—они смотрѣли на свои судебныя функціи, какъ на дѣло второстепенное. Такъ прошло четыре года. Когда же главная ихъ работа—составленіе уставныхъ грамотъ—стала подходить къ концу, послѣдовало введеніе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, а закономъ 25 октября 1865 года было постановлено о передачѣ мировыми посредниками въ вѣдѣніе новыхъ судебныхъ установленій всѣхъ споровъ и исковъ судебнаго свойства, неотносящихся до исполненія уставныхъ грамотъ и предметовъ, въ нихъ обозначенныхъ, и неистекающихъ изъ тѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, которыя опредѣлены положеніями 19 февраля 1861 года. Тутъ же одновременно съ Судебными Уставами по закону 1 января 1864 года начали вводиться земскія учрежденія, и объ названныя реформы, потребовавшія прилива мѣстныхъ силъ, преимущественно изъ дворянской среды, вырвали изъ рядовъ мировыхъ посредниковъ самыхъ даровитыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ работниковъ. Стать въ ряды выборныхъ независимыхъ судей или отдаться службѣ по общественному самоуправленію,—это такія привлекательныя перспективы, которыя въ то время неудержимо тянули къ себѣ каждаго идейнаго работника, а самая обстановка работы и обезпеченное содержаніе еще болѣе усиливали эту привлекательность. Конечно, кадры посредниковъ пополнялись вновь, но замѣстители посредниковъ перваго призыва не могли вполнѣ замѣнить своихъ предшественниковъ. Къ тому же и дѣятельность ихъ утратила первоначальный принципіальный характеръ,—уставныя грамоты были повсемѣстно составлены, огромное большинство судебныхъ дѣлъ, соединенныхъ съ публичнымъ разбирательствомъ, отошло къ мировымъ судьямъ, и у мировыхъ посредниковъ остались лишь дѣла, вытекающія изъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, носившія большею частію мелочной характеръ, и надзоръ за должностными лицами сельскаго и волостного управленія. Отъ этихъ послѣднихъ дѣлъ мировые посредники новой формаціи стали отдѣлываться истребованіемъ отъ обвиняемыхъ объясненій и разрѣшеніемъ жалобъ въ своихъ камерахъ, безъ выѣзда на мѣсто; иные изъ нихъ оказались не на высотѣ положенія по своимъ нравственнымъ качествамъ, и вотъ, начиная съ 1868 года, почти всѣ губернаторы во всеподданнѣйшихъ отчетахъ начинаютъ свидѣтельствовать, что большинство посредниковъ отличается бездѣйствіемъ и равнодушіемъ къ своимъ обязанностямъ. «Многіе изъ нихъ», сказано въ соображеніяхъ, положенныхъ въ основаніе закона 27 іюня 1874 года, «въ теченіе цѣлаго года не были ни разу въ нѣкоторыхъ волостяхъ своего участка; другіе ни одного разу не посѣтили волостныхъ правленій государственныхъ крестьянъ, съ самой передачи послѣднихъ въ ихъ вѣдѣніе. Вмѣсто объѣзда и личныхъ распо-

ряженій на мѣстахъ, посредники живутъ безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ, ограничиваясь или перепиской съ волостными и сельскими начальствами, или вызовами ихъ къ себѣ... По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ прежнее время жалобы на посредниковъ и дѣла о нихъ касались большею частью обвиненія ихъ въ пристрастіи къ тому или другому изъ заинтересованныхъ сословій. Въ ближайшее время подобныхъ обвиненій становится меньше и меньше, и большинство жалобъ и дѣлъ возникаетъ о медленности и бездѣйствіи... Общій, по отзывамъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ, недостатокъ большинства посредниковъ—бездѣйствіе—отражается преимущественно на дѣлахъ крестьянскаго управленія и вызываетъ не вполнѣ удовлетворительное положеніе этого управленія, доказываемое частыми растратами мірскихъ суммъ сельскими и волостными должностными лицами».

Къ донесеніямъ губернаторовъ присоединились и многія земства, видѣвшія въ содержаніи бездѣйствующихъ мировыхъ посредниковъ крупную и совершенно безполезную статью расхода, что также вызвало значительное количество земскихъ ходатайствъ о замѣнѣ посредниковъ учрежденіемъ, требующимъ меньшихъ расходовъ и болѣе согласованнымъ со вновь установившимися условіями и порядками.

Закономъ 27 іюня 1874 года эти пожеланія были удовлетворены и мѣсто мировыхъ посредниковъ заняли коллегіальныя «Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ», замѣнившія собой двѣ инстанціи—мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздъ. Подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, уѣздное присутствіе состояло изъ непремѣннаго члена, уѣзднаго исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и одного изъ почетныхъ мировыхъ судей, по приглашенію министра юстиціи. Всѣ дѣла, возложенныя положеніями о сельскомъ состояніи на уѣздный съѣздъ мировыхъ посредниковъ, переходили въ вѣдѣніе уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, на которое сверхъ того переносились и наиболѣе серьезныя обязанности мировыхъ посредниковъ, каковы: наложеніе взысканій на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, преданіе ихъ суду, удаленіе отъ должности неблагонадежныхъ волостныхъ писарей, разсмотрѣніе на нихъ жалобъ и др. На уѣзднаго исправника возлагалось попеченіе о своевременномъ поступленіи съ крестьянъ податей и выкупныхъ платежей, съ предоставленіемъ ему, наравнѣ со всѣмъ присутствіемъ, права подвергать должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія административнымъ взысканіямъ по 125 ст. Общ. Пол. Всѣ споры, возникающіе между помѣщиками и крестьянами послѣ прекращенія обязательныхъ между ними отношеній, признавались подвѣдомственными судебнымъ установленіямъ, а на непремѣнномъ членѣ уѣзднаго присутствія, кромѣ общаго надзора за ходомъ крестьянскаго управленія, оставались лишь нѣкоторыя обязанности по разверстанію угодій, переносу крестьянскихъ усадьбъ, по выкупнымъ договорамъ помѣщиковъ и крестьянъ, по введенію для государственныхъ крестьянъ владѣнныхъ записей и по разрѣшенію нѣкоторыхъ земельныхъ споровъ, истекающихъ изъ обязательныхъ между помѣщиками и крестьянами отношеній. Подготовка дѣлъ

къ слушанію въ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ отнесена къ обязанности предводителя дворянства. Высшей инстанціей надъ уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ являлось губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, состоявшее, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, управляющаго казенною палатою, управляющаго государственными имуществами, предсѣдателя губернской земской управы, мѣстнаго прокурора и одного непремѣннаго члена. Дѣйствіе помянутыхъ присутствій распространялось на всѣ губерніи, гдѣ введены какъ земскія, такъ и мировыя судебныя учрежденія.

Со вступленіемъ въ жизнь присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, общество стало ждать отъ новыхъ учрежденій устраненія всѣхъ тѣхъ неурядицъ, которыя замѣчались при посредникахъ послѣдней формаціи,—думали, что вновь организованныя учрежденія упорядочатъ волостную юстицію, поставятъ на твердую почву крестьянское самоуправленіе... но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ дѣятельность присутствій по крестьянскимъ дѣламъ стала вызывать многочисленныя жалобы и притомъ поразительно сходныя съ тѣми, которыми осыпались мировые посредники. Оказалось, что вновь реформированный надзоръ за волостными судами не внесъ въ жизнь ничего новаго, какъ не внесъ онъ ничего новаго вообще въ крестьянское самоуправленіе,—тѣ же самоуправство и безконтрольность волостного старшины, тѣ же злоупотребленія волостныхъ писарей, тѣ же судьи, вымогающіе угощенія, тѣ же растраты мірскихъ суммъ, достигающія огромныхъ размѣровъ, и т. д. безъ конца, какъ было и до 27 іюня 1874 года.

Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Законодательная мысль, точно утомленная цѣлымъ рядомъ реформъ 60-хъ годовъ, пріостановилась въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи и не рѣшалась итти далѣе по намѣченному пути. Составители закона 27 іюня 1874 года забыли, что Положеніемъ 19 февраля на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, уже распространены общія гражданскія права. Они не хотѣли признать, что различныя ограниченія, указанныя для крестьянъ въ семъ Положеніи, должны носить характеръ временный, переходный, лишь на періодъ временно-обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, и успокоились на соображеніи, что въ данномъ случаѣ во всемъ виноваты нерадивые мировые посредники,—что при замѣнѣ ихъ единоличной власти властью коллегіальнаго учрежденія, образованнаго изъ представителей различныхъ вѣдомствъ, всѣ непорядки будутъ уничтожены и сельская жизнь войдетъ въ нормальную колею. Такимъ образомъ, закономъ 27 іюня еще разъ были усиленно подчеркнуты административная и судебная обособленность крестьянъ отъ другихъ сословій, ограниченіе правъ ихъ семейной самостоятельности, и какъ бы признано, что крестьянскій судъ и крестьянскія учрежденія стоятъ на надлежащей высотѣ, должны считаться окончательнымъ и кореннымъ ихъ устройствомъ и нуждаются лишь въ нѣкоторыхъ незначительныхъ коррективахъ. Возможно, что такая неподвижность законодательной мысли вызывалась отчасти и спеціаль-

ными условіями устройства сельскаго быта. Круговая порука, общая семейная собственность и общинное землевладѣніе вырыли такую глубокую пропасть между крестьянами и другими сословіями, что перешагнуть ее казалось крайне затруднительнымъ, но нельзя было забывать и того, что эти самыя институты составляли одну изъ главныхъ причинъ неправосудія, царившаго въ волостныхъ судахъ. По круговой порукѣ судьи постоянно стѣснялись по уголовнымъ дѣламъ подвергать кого-нибудь денежнымъ взысканіямъ или даже по гражданскимъ дѣламъ удовлетворять исковыя требованія, такъ какъ всякое взысканіе съ отдѣльнаго члена семьи ложилось бременемъ на всю семью, а несостоятельность семьи, при круговой порукѣ въ уплатѣ податей, отражалась на сельскомъ обществѣ, къ которому часто принадлежали сами судьи.

Несомнѣнно, требовались крупныя реформы и въ организаціи суда, и въ податной системѣ, и въ крестьянскомъ самоуправленіи, чего законъ 1874 года выполнить не могъ. Волостные суды со всѣми ихъ непорядками остались попрежнему,—только мѣсто мировыхъ съѣздовъ заняли уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія съ первенствующимъ значеніемъ исправника, и вмѣсто трехъ или четырехъ мировыхъ посредниковъ, которые, хотя изрѣдка, бывали въ волостныхъ судахъ, установлена должность одного непремѣннаго члена на цѣлый уѣздъ и притомъ съ самыми неопредѣленными обязанностями, сводившимися преимущественно къ общему наблюденію за крестьянскимъ самоуправленіемъ и къ донесенію о замѣченныхъ безпорядкахъ уѣздному присутствію.

Результаты реформы выяснились очень быстро. Уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія оказались совершенно отрѣшенными отъ дѣйствительной жизни и превратились въ мертвенный механизмъ, прикладывавшій къ каждому дѣлу волостного суда мѣрку съ начертанными на ней тремя узаконенными кассаціонными поводами, причемъ примѣненіе даже и этихъ поводовъ въ ту или другую сторону становилось въ зависимость отъ голоса исправника. Подъ давленіемъ полиціи, дѣятельность которой, главнымъ образомъ, направилась на взысканіе податей, благодаря предоставленному исправнику праву подвергать должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія административнымъ взысканіямъ, не исключая и ареста, сельскіе старосты и волостные старшины сдѣлались низшими агентами полиціи, а въ дѣлѣ суда еще болѣе увеличилось вліяніе волостныхъ писарей и дружившихъ съ ними деревенскихъ кулаковъ и кабатчиковъ. Волостной судъ разстроился еще болѣе,—правда и порядокъ исчезли изъ него окончательно.

Неудовлетворительность уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій вскорѣ была признана оффиціально и вызвала Высочайше утвержденное 19 марта 1880 года постановленіе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія о передачѣ на обсужденіе губернскихъ присутствій и мѣстныхъ земствъ вопросовъ и предположеній, возникшихъ по предмету преобразованія этихъ учрежденій. Исполняя означенное постановленіе, министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ циркулярѣ отъ 22 декабря 1880 года даетъ такую оцѣнку дѣятельности уѣзд-

ныхъ присутствій и непремѣннаго члена: «Спеціально порученныя непремѣнному члену поземельныя дѣла требуютъ отъ него весьма мало времени и притомъ, по мѣрѣ окончанія выкупной операціи, все болѣе сокращаются; нерѣдко дѣятельность непремѣнныхъ членовъ ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ на засѣданія уѣзднаго присутствія, а остальное время проводятъ у себя въ деревняхъ. Дѣлопроизводство уѣзднаго присутствія, находясь въ завѣдываніи предсѣдателя,—уѣзднаго предводителя дворянства, который тоже не всегда живетъ въ городѣ,—идетъ медленно и не вполнѣ исправно. Въ волостяхъ замѣчаются безпорядки, неправильное и небрежное счетоводство, несвоевременные взносы собранныхъ податей, частыя растраты суммъ должностными лицами. Затѣмъ, въ виду постояннаго пребыванія непремѣнныхъ членовъ у себя въ усадьбахъ, путешествіе къ нимъ имѣющихъ до нихъ дѣло должностныхъ и частныхъ лицъ требуетъ времени и значительныхъ издержекъ... Крестьяне, прибывая въ городъ, не знаютъ, куда имъ обращаться по своимъ дѣламъ... Нерѣдко непремѣнныхъ членовъ нельзя найти и въ ихъ усадьбахъ, такъ какъ они часто, безъ всякаго разрѣшенія, уѣзжаютъ и вовсе изъ уѣзда, и даже изъ губерніи, чего предотвратить нельзя при отсутствіи обязательнаго мѣстопребыванія» и т. д. Далѣе, поручая губернаторамъ передать на обсужденіе губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ возникшіе по разнымъ губерніямъ вопросы и предположенія, министръ внутреннихъ дѣлъ добавлялъ, что «независимо отъ отзывовъ по изложеннымъ въ перечнѣ и сводѣ вопросамъ, могутъ быть представлены соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя земства или присутствія сочтутъ полезными для дѣла».

На этотъ призывъ отозвались всѣ уѣздныя и губернскія земскія собранія, которыя въ большинствѣ занялись пересмотромъ всей системы уѣзднаго управленія и, конечно, не обошли молчаніемъ организацію волостного суда. Существовавшее тогда положеніе волостныхъ судовъ встрѣтило всеобщее порицаніе и въ трудахъ всѣхъ земствъ не нашлось ни одного благопріятнаго для него отзыва. Земскія собранія единодушно указывали, что ходъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ принялъ характеръ самой вопіющей несправедливости, что въ настоящемъ видѣ крестьянскіе суды представляются верхомъ безобразія, что они невыносимы, что продажность судовъ и явная несправедливость многихъ его рѣшеній очевидны и т. п. Обращалось вниманіе и на то, что въ волостные суды избираются далеко не лучшіе люди, что обязанности судей отбываются, какъ особый видъ натуральной повинности, и что волостной судъ въ настоящемъ его видѣ, по крайней мѣрѣ, безполезенъ.

Требованіе совершеннаго упраздненія волостныхъ судовъ имѣло, однако, немного сторонниковъ, и большинство земскихъ собраній высказалось за необходимость особаго крестьянскаго суда. Ссылаясь на существованіе въ средѣ сельскаго населенія различныхъ обычаевъ, которые, по своему разнообразію, даже не могутъ быть приведены въ систему, и на преимущества близкаго къ населенію суда, сторонники волостныхъ судовъ на-

стаивали на сокращеніи его компетенціи и на сохраненіи его только для тѣхъ дѣлъ, «которыя рѣшаются въ крестьянскомъ быту на основаніи остатковъ существовавшаго обычая, а именно по дѣламъ, возникающимъ изъ поземельныхъ и имущественно-семейныхъ отношеній». Другіе требовали изъятія изъ вѣдѣнія волостныхъ судовъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ; третьи высказывались за образованіе сельскихъ и приходскихъ судовъ;—иные настаивали на образованіи апелляціонной инстанціи съ участіемъ мѣстнаго мирового судьи и т. д.

Всѣ постановленія земскихъ собраній съ составленными ими проектами реорганизаціи волостныхъ судовъ были представлены въ образованную въ ноябрѣ 1881 года, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, комиссію, которая на основаніи поступившихъ къ ней отзывовъ и матеріаловъ, имѣвшихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, приступила къ выработкѣ собственнаго проекта о преобразованіи губернскаго и уѣзднаго административнаго управленія. Признавая, что крестьянское управленіе, обходясь крестьянамъ весьма дорого, въ то же время уже во многомъ не служитъ интересамъ самихъ крестьянъ, комиссія въ основу уѣзднаго управленія положила всесословную волость, причемъ полагала всесословный волостной судъ организовать подъ предсѣдательствомъ мирового судьи съ апелляціонной инстанціей въ лицѣ съѣзда мировыхъ судей. Работы комиссіи Каханова не получили, однако, дальнѣйшаго движенія, и 26 февраля 1886 года были переданы въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

1 марта 1881 года мученически погибъ Императоръ Александръ II. Вслѣдъ затѣмъ въ маѣ 1881 года графъ Лорисъ-Меликовъ, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, оставилъ свой постъ, уступивъ его графу Игнатьеву, который старался продолжать политику своего предшественника. Но при немъ общественныя теченія и настроенія стали измѣняться радикально. Катастрофа 1 марта развязала языкъ всѣмъ противникамъ политики довѣрія и умиротворенія; на правительство посыпались упреки въ послабленіи, въ чрезмѣрныхъ уступкахъ общественному мнѣнію; послышались настойчивыя требованія о возвратѣ на прежній путь, о репрессіяхъ... Графъ Игнатьевъ оставался на министерскомъ посту только одинъ годъ, въ маѣ 1882 года его смѣнилъ графъ Толстой. Какъ же отразились эти событія на волостной и уѣздной юстиціи?

20 лѣтъ просуществовали волостные суды, созданные по Положенію 19 февраля 1861 года для временнообязанныхъ крестьянъ, и, казалось, наступало время, когда крестьянъ въ отношеніи суда слѣдовало пріобщить къ остальнымъ сословіямъ государства. Временно-обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами закончились, нѣкоторыя особенности крестьянскаго землевладѣнія могли быть урегулированы составленіемъ особаго для нихъ кодекса, и въ дальнѣйшемъ обособленіи крестьянъ никакой надобности не предвидѣлось; между тѣмъ 1882 годъ внесъ въ дѣло крестьянскаго самоуправленія и волостной юстиціи такія новшества, которыя, по своимъ послѣдствіямъ, надолго затормозили задачу подчиненія крестьянъ дѣйствію общихъ

судовъ. Высочайше утвержденнымъ 10 мая 1882 года мнѣніемъ государственнаго совѣта и Именнымъ указомъ 25 мая 1882 года былъ упраздненъ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, и крестьянскія дѣла были переданы въ особое отдѣленіе, образованное въ составѣ перваго департамента сената, причемъ губернскимъ присутствіямъ, независимо отъ дѣлъ, по которымъ поступаютъ жалобы, вмѣнено въ обязанность по собственному почину передавать въ сенатъ тѣ дѣла, какъ по земельному и хозяйственному устройству крестьянъ, такъ и по правамъ крестьянъ—личнымъ, по состоянію, по общественному и волостному ихъ устройству и пр., «при разсмотрѣніи которыхъ присутствіе встрѣтитъ или отсутствіе закона, или сомнѣніе въ истинномъ смыслѣ онаго или же, наконецъ, признаетъ, что буквальное примѣненіе закона къ данному случаю было бы невозможно». При такомъ расширеніи власти помянутаго особаго отдѣленія перваго департамента сената, наплывъ крестьянскихъ дѣлъ оказался столь значительнымъ, что 24 января 1884 года признано было полезнымъ, для «ихъ безостановочнаго теченія», преобразовать особое отдѣленіе въ цѣлый второй департаментъ сената исключительно для крестьянскихъ дѣлъ.

Важность этой реформы и значеніе ея для усиленія крестьянской обособленности были огромны. Ко времени введенія реформы курсъ правительственной политики сильно измѣнился въ сторону установленія надъ крестьянствомъ опеки и дальнѣйшаго закрѣпленія его сословныхъ отличій; между тѣмъ существующіе законы для крестьянъ оказывались недостаточными и постоянно требовали созданія новыхъ законовъ или разъясненій, устанавливающихъ общія начала, нормирующія права крестьянъ, какъ личныя, такъ и по имуществу. Руководствуясь новымъ курсомъ и считаясь съ Положеніемъ 19 февраля, указывавшимъ на обычай, какъ на единственную правовую норму, обязательную для суда, второй департаментъ началъ давать свои разъясненія примѣнительно къ признаннымъ тремъ основамъ сельской жизни—общинному землепользованію, общей семейной собственности и преобладанію въ семьѣ трудового начала надъ кровной связью, и постепенно, изъ собственныхъ рѣшеній, составилъ кодексъ обычнаго права, обязательный для примѣненія во всѣхъ волостныхъ судахъ на пространствѣ всей Россійской Имперіи, несмотря на множество самыхъ разнообразныхъ обычаевъ, существующихъ въ предѣлахъ даже одной волости. Въ результатѣ получился поразительно странный фактъ, что второй департаментъ сената оказался въ роли истолкователя обычаевъ, и примѣненіе того или другого обычая къ дѣламъ волостного суда получало силу не потому, чтобы онъ дѣйствительно существовалъ въ данной мѣстности, а въ силу предписанія «сверху». Тѣмъ не менѣе сенатскія разъясненія, приноровленныя къ вышеупомянутымъ основамъ крестьянской жизни, взятымъ готовыми еще изъ временъ крѣпостничества, съ каждымъ новымъ толкованіемъ, все болѣе и болѣе закрѣпляли обособленность крестьянъ и расширяли пропасть, отдѣляющую ихъ отъ другихъ сословій. Подтверждались и появлялись дополнительныя толкованія объ особой природѣ крестьянскаго двора, о незаконности составленія крестьянами духовныхъ завѣщаній, о выморочности крестьянскихъ земельныхъ угодій

при наличности родныхъ дѣтей, если они состояли въ отдѣлѣ и т. д., и въ окончательномъ результатѣ получилось то, что учрежденія, призванныя насаждать въ крестьянской средѣ понятія о правѣ и правдѣ, сами содѣйствовали насажденію въ волостныхъ судахъ безправія и всякаго произвола, прикрываемаго въ рѣшеніяхъ припиской: «по обычаю» или «на основаніи указа 2 департамента сената отъ такого то числа».

Попутно съ этимъ, все болѣе и болѣе разгораясь, въ обществѣ шла борьба между либеральнымъ и реакціоннымъ направленіями. Сторонники обоихъ направленій, повторяя на всѣ лады: «законъ», «обычаи», «нравы» и т. п., старались направить курсъ государственнаго корабля въ совершенно разныя стороны, одинаково требуя отъ правительства немедленныхъ реформъ въ области уѣзднаго и крестьянскаго управленія. Насколько представители либеральнаго лагеря настаивали на проведеніи въ жизнь пожеланій земскихъ собраній, собранныхъ Кахановской комиссіей, на столько же реакціонеры стремились къ возстановленію «господчины». Конечно, никто не считалъ возможнымъ заикнуться о возстановленіи крѣпостного права, но взамѣнъ этого права выставлялась идея начальствованія дворянъ-помѣщиковъ надъ крестьянами, идея вотчиннаго попечительства. Всѣ бѣды приписывались разрыву старыхъ патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, все спасеніе ожидалось отъ подчиненія крестьянъ попечительному надзору помѣщиковъ, этихъ историческихъ и естественныхъ радѣтелей о крестьянскомъ благѣ. Крестьяне, оставшись безъ помѣщиковъ, порвавъ съ ними всякую связь, развратились и ослабѣли, а потому надъ ними необходимо учредить патронатъ благожелательный, но властный. Кто же долженъ стоять въ главѣ этого патроната, какъ не помѣщикъ, проникнутый сознаніемъ государственныхъ интересовъ, глубоко знающій крестьянскую жизнь и близко принимающій къ сердцу всѣ нужды и язвы деревни? Кто такъ, какъ помѣщикъ, станетъ охранять крестьянство, съ которымъ онъ связанъ вѣковыми узами, отъ деревенскихъ кулаковъ, продажныхъ волостныхъ писарей и всякихъ другихъ хищниковъ? Если же для осуществленія патроната и придется предоставить помѣщику извѣстную власть, то здѣсь не можетъ быть злоупотребленій, такъ-какъ власть будетъ направлена противъ злыхъ элементовъ и на охрану благомыслящихъ крестьянъ...

Въ 1886 году, какъ уже сказано выше, работы комиссіи статсъ-секретаря Каханова были прекращены и переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которому предстоялъ теперь двоякій путь: или воспользоваться переданными ему работами, уничтожить обособленность крестьянскихъ учрежденій и организовать всесословныя учрежденія на началахъ самоуправленія, или же создать для крестьянъ особыя учрежденія, призванныя служить идеѣ патроната помѣщиковъ надъ крестьянами и отдалить на неопредѣленное время всякую мысль объ уравненіи ихъ въ правахъ съ другими сословіями. Первый путь открывалъ широкіе горизонты, являлся логическимъ послѣдствіемъ реформъ предшествующаго царствованія и горячо поддерживался болѣе прогрессивной частью общества,— другой не казался такимъ рискованнымъ, не требовалъ законодательнаго

творчества и узаконялъ лишь уже существующее попечительное воздѣйствіе начальства на крестьянское населеніе въ лицѣ исправника, непремѣннаго члена и предводителя дворянства.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ это видно изъ соображеній Государственнаго Совѣта, на коихъ основанъ законъ 12 іюля 1889 года, не считая возможнымъ коренное и одновременное переустройство всѣхъ административныхъ и общественныхъ учрежденій, въ порядкѣ постепенности, на первую очередь поставилъ преобразованіе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ установленій, реформированныхъ въ 1874 году, гдѣ неудовлетворительное устройство уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и полная несостоятельность ихъ въ дѣлѣ надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ отражались крайне неблагопріятно на общемъ положеніи сельскаго населенія. По мнѣнію министра, главная причина неурядицы въ крестьянской средѣ заключалась въ фактическомъ безвластіи въ сельскихъ мѣстностяхъ и въ отсутствіи надлежащаго надзора за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, а потому проектированное преобразованіе, главнымъ образомъ, должно быть направлено къ устраненію указанныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій устройства крестьянскихъ учрежденій. Съ этой цѣлью министръ внутреннихъ дѣлъ предполагалъ образовать на мѣстахъ особые органы управленія, которые сосредоточивали бы въ своемъ вѣдѣніи всѣ важнѣйшіе интересы сельскаго населенія и были бы снабжены необходимыми полномочіями для огражденія порядка и спокойствія въ предѣлахъ подвѣдомственной каждому изъ нихъ территоріи. Въ качествѣ такихъ органовъ имъ были намѣчены земскіе начальники, въ лицѣ которыхъ признавалось необходимымъ соединить административную власть съ судебною, и съѣзды земскихъ начальниковъ. Административный кругъ дѣятельности земскихъ начальниковъ долженъ былъ обнимать всѣ предметы вѣдомства уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и непремѣнныхъ членовъ оныхъ; судебную же ихъ компетенцію проектировалось распространить лишь на дѣла, имѣющія тѣсную связь съ сельско-хозяйственными интересами населенія: по найму рабочихъ, отдачѣ въ наемъ земель, лѣснымъ порубкамъ, возстановленію нарушеннаго владѣнія и т. п., а равно на нѣкоторые проступки, нарушающіе благочиніе и благоустройство въ сельскихъ мѣстностяхъ. При разборѣ такихъ дѣлъ земскіе начальники должны были, по проекту, руководствоваться постановленіями о судебно-полицейскомъ разбирательствѣ, содержащимися въ положеніяхъ 19 февраля 1861 года. Проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, ихъ съѣздахъ и губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствіяхъ въ февралѣ 1887 года министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ государственный совѣтъ, гдѣ обсужденіе дѣла осложнилось вопросомъ, слѣдуетъ ли предположенное учрежденіе образовать съ характеромъ спеціальнаго органа крестьянскаго управленія, или же представляется болѣе цѣлесообразнымъ присвоить ему значеніе органа, входящаго въ общую систему мѣстныхъ административныхъ установленій. Вопросъ этотъ возбудилъ оживленныя пренія въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, экономіи и гражданскомъ, но затѣмъ былъ разрѣшенъ въ пользу пер-

ваго изъ этихъ взглядовъ, причемъ было выражено пожеланіе, «чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей» (подробности см. ниже въ статьѣ «Мировой судъ»).

13 мая 1889 года въ государственный совѣтъ были внесены составленные дополнительно 1) министромъ внутреннихъ дѣлъ—проекты а) законоположеній: о предметахъ вѣдомства участковыхъ начальниковъ по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, о составѣ съѣздовъ сихъ начальниковъ и губернскихъ по сельскимъ дѣламъ присутствій и о порядкѣ производства подчиняемыхъ ихъ вѣдомству дѣлъ судебно-полицейскаго разбирательства, и б) временныхъ правилъ для волостного суда; 2) министромъ юстиціи—проекты: а) узаконенія объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, и б) расписанія окладовъ содержанія, классовъ и разрядовъ должностей судебныхъ чиновъ, добавлявшихся въ этихъ же мѣстностяхъ; 3) министромъ финансовъ—записка, заключавшая въ-себѣ финансовыя соображенія, относившіяся до настоящаго дѣла.

Въ объясненіяхъ къ проекту «Положенія о земскихъ начальникахъ» министръ внутреннихъ дѣлъ вновь подчеркивалъ, что главнымъ недостаткомъ нашего мѣстнаго управленія было неудовлетворительное устройство учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, и для упорядоченія крестьянскаго управленія полагалъ необходимымъ создать въ уѣздахъ сильную и близкую къ народу правительственную власть, которая сосредоточивала бы въ своемъ вѣдѣніи всѣ важнѣйшіе интересы сельскаго населенія, ввѣривъ притомъ эту власть лицамъ, избираемымъ изъ среды лучшихъ представителей помѣстнаго дворянства. Въ частности, относительно волостныхъ судовъ министръ внутреннихъ дѣлъ указывалъ, что, по его мнѣнію, главнѣйшіе недостатки волостныхъ судовъ заключались въ крайне неудовлетворительномъ за ними надзорѣ и въ полномъ отсутствіи апелляціонной инстанціи, такъ какъ обжалованіе рѣшеній въ уѣздныя крестьянскія присутствія допускалось закономъ лишь въ кассаціонномъ порядкѣ, непонятномъ для массы сельскаго населенія и мало примѣнимомъ при отсутствіи въ законѣ опредѣлительныхъ указаній относительно порядка, который долженъ соблюдаться при производствѣ дѣлъ въ этихъ судахъ.

Приведенныя соображенія не встрѣтили возраженій въ государственномъ совѣтѣ, который при обсужденіи представленныхъ проектовъ ограничился частичными поправками и только при обсужденіи положенія объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, призналъ, что порядокъ производства у мировыхъ судей слишкомъ сложенъ и не вполнѣ соображенъ съ практическими удобствами примѣненія его въ средѣ, состоящей изъ разнообразныхъ слоевъ населенія. По мнѣнію государственнаго совѣта, это зависитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: во 1-хъ, въ правила мирового судопроизводства включено постановленіе, по которому, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній или затрудненій въ производствѣ дѣлъ, мировой судья руко-

водствуется правилами, предписанными для общихъ судебныхъ мѣстъ, и, во 2-хъ, на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ допускается кассація въ правительствующій сенатъ. То и другое значительно усложнило ходъ процесса и дало ему формальный характеръ, вовсе несвойственный дѣламъ мелкимъ, возникающимъ ежедневно и требующимъ скорости и простоты разсмотрѣнія; въ виду этого государственный совѣтъ нашелъ необходимымъ пересмотрѣть относящіяся до дѣятельности земскихъ начальниковъ и городскихъ судей части уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, результатомъ чего явились впослѣдствіи правила 29 декабря 1889 года о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, и Выс. утв. того же числа мнѣніе Государственнаго Совѣта о предоставленіи министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи права, по взаимному между ними соглашенію, давать земскимъ начальникамъ, уѣзднымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ «надлежащія указанія о внутреннемъ распорядкѣ въ сихъ установленіяхъ и о подробностяхъ дѣлопроизводства по судебнымъ дѣламъ».

IV.

Судебно-административныя установленія. Уѣздные члены окружнаго суда. Волостные суды по закону 12 іюля 1889 года. Дѣятельность земскихъ начальниковъ. Недостатки новой реформы.

12 іюля 1889 года, при Именномъ Высочайшемъ Указѣ на имя Сената, были обнародованы: а) Положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ; б) Правила объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ вводится означенное положеніе; в) Правила о волостномъ судѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ; г) Росписаніе должностей непремѣнныхъ членовъ и секретарей губернскихъ присутствій, предсѣдателей, секретарей и переводчиковъ уѣздныхъ съѣздовъ, земскихъ начальниковъ, уѣздныхъ членовъ окружнаго суда и городскихъ судей и д) Правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ. При этомъ указывалось, что помянутыя законоположенія вводятся въ устраненіе замѣчаемаго въ средѣ сельскихъ жителей Имперіи неблагопріятнаго явленія, заключающагося «въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ».

По Положенію о земскихъ участковыхъ начальникахъ, число земскихъ участковъ въ каждомъ уѣздѣ опредѣляется законодательнымъ порядкомъ, но обыкновенно эти участки включаютъ въ себя три-четыре волости. По первоначальной редакціи закона, на должности земскихъ начальниковъ министромъ внутреннихъ дѣлъ назначаются: 1) лица, про-

служившія въ губерніи не менѣе трехъ лѣтъ въ должности предводителя дворянства; 2) мѣстные потомственные дворяне не моложе 25 лѣтъ, окончившіе курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе, или же прослужившіе не менѣе трехъ лѣтъ въ одной изъ слѣдующихъ должностей: мирового посредника, мирового судьи, непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ или земскаго начальника, если притомъ они сами, жены или родители ихъ владѣютъ въ предѣлахъ уѣзда, на правѣ собственности, пространствомъ земли не менѣе половины того, которое опредѣлено для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздное земское собраніе, или другимъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для взиманія земскихъ сборовъ не ниже семи тысячъ пятисотъ рублей. Въ случаѣ же недостатка такихъ полноправныхъ кандидатовъ, въ земскіе начальники могутъ быть назначаемы всѣ вышепоименованныя лица, хотя и не обладающія требуемымъ земельнымъ цензомъ, но сохранившія въ предѣлахъ уѣзда свою усадьбу, или даже лица, окончившія курсъ только въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній и состоящія въ военныхъ либо въ гражданскихъ чинахъ, если эти послѣдніе кандидаты владѣютъ двойнымъ земельнымъ цензомъ. Когда же, за недостаткомъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, оказывается невозможнымъ замѣстить всѣ должности земскихъ начальниковъ вышеуказаннымъ способомъ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется назначать на остающіяся при этомъ незамѣщенными должности земскихъ начальниковъ—лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ числу помянутыхъ дворянъ, но окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи, или выдержавшихъ соотвѣтственное испытаніе. Это послѣднее исключеніе, предусмотрѣнное 15 статьей Положенія о земскихъ начальникахъ, въ правилахъ 29 декабря того же 1889 года было расширено узаконеніемъ, составившимъ затѣмъ примѣчаніе къ 15 статьѣ, по которой министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется назначать лицъ, хотя не получившихъ свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній въ Имперіи, или о выдержаніи соотвѣтственнаго испытанія, но, по имѣющимся у него, министра, свѣдѣніямъ, достойныхъ занять должность земскаго начальника и обладающихъ достаточными познаніями для исполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ (исключая столицъ, Одессы, Нижняго-Новгорода, Харькова, Казани, Саратова, Кишенева и уѣздныхъ городовъ, включенныхъ въ составъ земскихъ участковъ), для разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ, подсудныхъ земскимъ начальникамъ, вводятся городскіе судьи, назначаемые министромъ юстиціи изъ лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ, указаннымъ въ статьяхъ 200 и 201 учрежденія судебныхъ установленій, и подвѣдомственные министру юстиціи. Сверхъ того, въ уѣздахъ состоятъ также по вѣдомству министерства юстиціи уѣздные члены окружнаго суда, по одному въ каждомъ уѣздѣ, единолично разрѣшающіе: а) всѣ возникающія въ уѣздѣ гражданскія и уголовныя дѣла, отнесенныя Судебными Уставами къ вѣдѣнію мировыхъ судей и притомъ неподсудныя земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, и б)

всѣ дѣла охранительнаго судопроизводства, отнесенныя уставомъ гражданскаго судопроизводства къ вѣдомству мировыхъ судей, за исключеніемъ указанныхъ въ статьѣ 47 Положенія о земскихъ начальникахъ дѣлъ по выдачѣ данныхъ и купчихъ крѣпостей и вводу во владѣніе недвижимыми имуществами. Въ качествѣ апелляціонной инстанціи для дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, въ каждомъ уѣздѣ учреждается уѣздный съѣздъ, состоящій изъ двухъ присутствій—административнаго и судебнаго. Судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда образуется подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства или особаго предсѣдателя, изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, почетныхъ мировыхъ судей, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Въ случаѣ неприбытія предсѣдателя въ засѣданіе, предсѣдательствованіе въ немъ принадлежитъ уѣздному члену окружнаго суда, на котораго, сверхъ того, возложены всѣ обязанности предсѣдателя и непремѣннаго члена съѣзда мировыхъ судей относительно приготовленія въ съѣздѣ дѣлъ къ слушанію и исполненія судебныхъ рѣшеній. Въ засѣданіи судебнаго присутствія присутствуетъ товарищъ прокурора окружнаго суда, для предъявленія въ подлежащихъ случаяхъ своихъ заключеній по разсматриваемымъ дѣламъ. Дѣла по жалобамъ на приговоры, рѣшенія и опредѣленія уѣздныхъ членовъ окружнаго суда разсматриваются окружнымъ судомъ. Въ качествѣ кассаціонной инстанціи для судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскихъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, и высшей инстанціи для дѣлъ административныхъ, въ каждой губерніи полагается губернское присутствіе, состоящее, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, двухъ непремѣнныхъ членовъ и прокурора окружнаго суда. Сверхъ того, въ составъ присутствія, на правахъ членовъ, приглашаются, при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, предсѣдатель или членъ окружнаго суда. На приговоры и рѣшенія окружнаго суда, постановленныя въ апелляціонномъ порядкѣ по дѣламъ уѣзднаго члена окружнаго суда, кассаціонныя жалобы приносятся въ правительствующій сенатъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства.

Предѣлы вѣдомства и права, предоставленныя, по Положенію 12 іюля 1889 года, земскимъ начальникамъ по дѣламъ административнымъ, очень значительны. По завѣдыванію управленіемъ и поземельнымъ устройствомъ сельскихъ обывателей на нихъ возложено исполненіе всѣхъ обязанностей, лежащихъ на мировыхъ посредникахъ, съ массой дополненій, дозволяющихъ вторгаться не только въ общественную, но и въ частную крестьянскую жизнь. Земскій начальникъ имѣетъ право надзора и ревизій за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія, дополняетъ представляемые ему списки дѣлъ, назначенныхъ къ разсмотрѣнію на волостномъ сходѣ, разрѣшаетъ собственною властью жалобы на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія, удаляетъ отъ должностей неблагонадежныхъ волостныхъ писарей, разсматриваетъ всѣ приговоры, постановленные волостными и сельскими сходами, представляетъ ихъ къ отмѣнѣ, разрѣшаетъ продажу имѣній, принадлежащихъ малолѣтнимъ, наблюдаетъ за состояніемъ мірскихъ капиталовъ, имѣетъ надзоръ за ссудо-сберегательными кассами и

товариществами, за опекунствами, имѣетъ попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ, въ случаѣ отсутствія исправника или станового пристава принимаетъ на себя распоряженіе по охранѣ благочинія, безопасности и общественнаго порядка, даетъ свое заключеніе относительно строительныхъ плановъ въ селеніяхъ, въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, имѣетъ право подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей, ограничиваясь только въ каждомъ данномъ случаѣ составленіемъ протокола, можетъ подвергать безъ всякаго формальнаго производства всѣхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія, не исключая и волостныхъ судей, замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней, а въ особо важныхъ случаяхъ, устранять отъ должности съ представленіемъ въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ ихъ увольненіи отъ службы или преданіи суду, и т. д.

Въ отношеніи судебныхъ дѣлъ вѣдомству земскаго начальника и городского судьи подлежатъ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства иски на сумму не свыше пятисотъ рублей, возникающіе по найму земельныхъ угодій, по найму на сельскія работы, въ сельско-хозяйственныя должности и въ услуженіе, иски о потравахъ и поврежденіяхъ угодій различнаго вида, возстановленіе нарушеннаго владѣнія, а прочіе иски на сумму до трехсотъ рублей, за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности, основанномъ на формальномъ документѣ, или сопряженныхъ съ интересомъ казенныхъ управленій, или подлежащихъ вѣдомству волостныхъ судовъ; въ порядкѣ же уголовнаго судопроизводства—проступки, предусмотрѣнные въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, за исключеніемъ квалифицированныхъ кражъ, ростовщичества, нѣкоторыхъ нарушеній устава объ акцизныхъ сборахъ и дѣлъ о нарушеніи правилъ о приготовленіи и продажѣ церковныхъ восковыхъ свѣчъ, при чемъ всѣ дѣла, соединенныя съ требованіемъ убытковъ на сумму свыше 300 рублей, также выходятъ изъ подсудности земскихъ начальниковъ и городскихъ судей.

На рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей по искамъ, цѣна коихъ превышаетъ тридцать рублей, или по приговорамъ, когда обвиняемый присужденъ къ внушенію, замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей или аресту не свыше трехъ дней, могутъ быть приносимы жалобы, которыя слушаются въ уѣздномъ съѣздѣ по судебному присутствію въ апелляціонномъ порядкѣ. Просьбы объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній приговоровъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей разсматриваются въ кассаціонномъ порядкѣ тѣмъ же съѣздомъ, а объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ уѣздныхъ съѣздовъ—губернскимъ присутствіемъ.

Волостной судъ, по закону 12 іюля 1889 года, состоитъ изъ четырехъ судей, причемъ одинъ изъ нихъ, по избранію уѣзднаго съѣзда, назначается предсѣдателемъ. Съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанности предсѣдателя на мѣстнаго волостного старшину. Судьи назначаются

земскимъ начальникомъ изъ числа избираемыхъ по одному отъ каждаго сельскаго общества и не менѣе какъ изъ восьми кандидатовъ; получаютъ жалованье судьи не свыше шестидесяти рублей, а предсѣдатель—ста рублей, по опредѣленію съѣзда. Волостной судъ собирается не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ и состоитъ подъ ближайшимъ и непосредственнымъ надзоромъ участковаго земскаго начальника, причемъ судьи, въ порядкѣ отвѣтственности, временнаго устраненія и удаленія отъ должности, подчиняются правиламъ, установленнымъ для волостныхъ старшинъ.

Изъ числа гражданскихъ дѣлъ вѣдомству волостного суда подлежатъ: 1) споры и тяжбы между крестьянами о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла; 2) всякаго рода споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, цѣною до трехсотъ рублей, за исключеніемъ исковъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ; 3) означенные въ пунктѣ 2 споры и тяжбы, предъявляемые къ лицамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, истцами, сему суду не подвѣдомственными, въ томъ случаѣ, когда послѣдніе пожелаютъ разбираться въ волостномъ судѣ; 4) дѣла по наслѣдованію и раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества а) безъ ограниченія суммы, когда наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла, и б) при цѣнѣ наслѣдственнаго имущества не свыше 500 р., когда оно находится въ предѣлахъ волости, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла.

Ограничивая подвѣдомственность волостному суду гражданскихъ споровъ и тяжбъ цѣною иска до трехсотъ рублей, законъ 12 іюля 1889 г. добавляетъ, что правила о третейскомъ судѣ, изложенныя въ статьяхъ 99 и 100 Общаго Положенія о крестьянахъ, остаются въ силѣ, т. е. крестьянамъ попрежнему предоставляется право вмѣсто разбирательства въ волостномъ судѣ обращаться, по взаимному согласію, къ третейскому, по совѣсти, суду, не стѣсняясь никакими формами, по всѣмъ дѣламъ, безъ ограниченія ихъ цѣною, если съ дѣлами не соединено преступленія или проступка и не сопряжены пользы малолѣтнихъ и умалишенныхъ.

Изъ числа дѣлъ уголовныхъ разбирательству волостного суда подлежитъ рядъ проступковъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, предусмотрѣнныхъ Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями [1]). Сверхъ сего разбирательству волостного суда подлежатъ также слѣдующіе проступки упомянутыхъ лицъ: 1) нарушеніе рабочимъ договора найма, заключеннаго безъ договорнаго листа, недобросовѣстною, по полученіи задатка, неявкою на работы или самовольнымъ уходомъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ, и 2) мотовство и пьянство, если

[1]) Статьями 30, 31, 33, 34, 37—39, 41—42[1], 43, 43[1], 45—47, 49—51, 51[13], 52, 55—57, 61, 65, 66, 69, 70, 72, 73, 88, 89, 91, 92, 94—96, 98, 111, 115—118, 119—126, 127, 128, 130, 131, 132—137, 139—142, 143, 145—153, 178—180 и 180[1] Уст. о нак., а также статьями 169, 170 и 172—174 того же Устава, если цѣна похищеннаго или присвоеннаго имущества не превышаетъ тридцати руб., и если притомъ кража или мошенничество учинены въ первый или во второй разъ.

пороки эти влекутъ за собою разстройство хозяйства [1]). Проступки эти подлежатъ вѣдѣнію волостного суда, когда они совершены подвѣдомственными ему лицами въ предѣлахъ волости противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію, причемъ лицами, подвѣдомственными волостному суду, признаны мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, имѣющіе постоянное жительство въ селеніяхъ, пока изъ нихъ не выбудутъ. Лица другихъ состояній, противъ которыхъ совершены проступки лицами, подвѣдомственными волостному суду, могутъ, если пожелаютъ, отыскивать слѣдующее имъ удовлетвореніе въ волостномъ судѣ, у земскихъ начальниковъ или въ подлежащихъ судебныхъ установленіяхъ.

Порядокъ производства дѣлъ въ волостныхъ судахъ изложенъ въ четырехъ статьяхъ (22—26), причемъ указывается, что волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся доказательствъ, а при разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, руководствуется мѣстными обычаями.

За подсудные ему проступки волостной судъ назначаетъ выговоръ въ присутствіи суда, денежное взысканіе отъ двадцати пяти копѣекъ до тридцати рублей, арестъ до пятнадцати дней, простой или строгій, а за кражу, мошенничество, присвоеніе, мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство, и нарушеніе условій найма до тридцати дней, а лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній,—наказаніе розгами до двадцати ударовъ [2]).

Жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ приносятся земскому начальнику, который жалобы по дѣламъ о тѣхъ проступкахъ, за которые виновный приговоренъ къ аресту на время свыше трехъ дней, либо къ тѣлесному наказанію, либо къ денежному взысканію свыше пяти рублей, а также по спорамъ и тяжбамъ, по которымъ присуждено болѣе тридцати рублей, представляетъ въ уѣздный съѣздъ; жалобы же на всѣ прочія рѣшенія препровождаются имъ въ съѣздъ лишь въ томъ случаѣ, если земскій начальникъ признаетъ ихъ постановленными съ нарушеніемъ предѣловъ власти суда или явно неправосудными.

При разсмотрѣніи дѣлъ волостного суда уѣзднымъ съѣздомъ въ апелляціонномъ порядкѣ и губернскимъ присутствіемъ въ кассаціонномъ порядкѣ, какъ съѣздъ, такъ и присутствіе дѣйствуютъ примѣнительно къ общимъ правиламъ судопроизводства и къ постановленіямъ, изложеннымъ во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ.

Здѣсь изложены въ существенныхъ чертахъ главныя основанія судебной реформы 1889 года. Посмотримъ же теперь, какъ общество встрѣтило новую реформу, и что она внесла въ бытъ сельскаго населенія. Считаемъ только необходимымъ отмѣтить, что законоположенія, касающіяся третейскаго суда, въ крестьянскую жизнь совершенно не вошли и потому мы объ этой формѣ судебнаго разбирательства болѣе говорить не будемъ.

---

[1]) Только Высоч. указомъ 5 окт. 1906 г. отмѣнены особыя правила о наказуемости лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, за проступки, не наказуемые по Уст. о наказ.

[2]) Только Высоч. Манифестъ 11 авг. 1904 г. отмѣнилъ наказаніе розгами.

Трудно представить себѣ то нетерпѣніе, съ которымъ общество ожидало обнародованія положеній о земскихъ начальникахъ и о волостномъ судѣ. Новый законъ потребовалъ массы изданій, которыя жадно расхватывались и тотчасъ же становились предметомъ самаго тщательнаго чтенія или изученія. Каждый зналъ, что этотъ законъ знаменуетъ послѣдній курсъ правительственной политики, хотѣлъ поскорѣй провѣрить тѣ слухи, подчасъ самые нелѣпые, которые витали надъ законодательною дѣятельностью послѣдняго времени, и во всякой прочитанной строкѣ вводимыхъ въ жизнь законоположеній находилъ либо источникъ радости и осуществленіе собственныхъ упованій, либо разочарованіе и разрушеніе своихъ надеждъ. Наиболѣе радовалась, конечно, консервативная часть дворянства, преимущественно помѣстнаго, жившаго по деревнямъ и въ дѣйствительности много терпѣвшаго отъ деревенской неурядицы; не вникая въ причины всякихъ деревенскихъ непорядковъ, она льстила себя надеждой, что со введеніемъ земскихъ начальниковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ водворятся добрые нравы, сократится пьянство и снова наступятъ патріархальныя времена, когда помѣщикъ, при содѣйствіи земскаго начальника, окажется во главѣ мѣстнаго населенія. О мнѣніи самого сельскаго населенія мало кто справлялся, да оно и отнеслось на первыхъ порахъ къ новому закону довольно пассивно, выжидая реальныхъ его послѣдствій. Что касается до прогрессивныхъ слоевъ общества самыхъ разнообразныхъ теченій и настроеній, то ихъ разочарованіе и огорченіе были огромны. Дѣятели 19 февраля 1861 года, уже при составленіи реформы мечтавшіе о полномъ сліяніи сословій и смотрѣвшіе на учрежденіе крестьянскихъ установленій и сословнаго волостного суда, какъ на мѣру временную, допущенную лишь для переходнаго состоянія крестьянъ, указывали, что правительство, не считаясь съ основной идеей, положенной ими въ означенныя установленія, временную мѣру возвело въ основной принципъ, отодвинувшій сліяніе сословій на долгія времена. Земцы, поощренные при министрахъ Лорисъ-Меликовѣ и Игнатьевѣ призывомъ къ совмѣстной работѣ съ правительствомъ, мечтали о полномъ переустройствѣ государственнаго строя на основѣ всесословности и самоуправленія; реформа же 12 іюля 1889 года не только не шла навстрѣчу этимъ упованіямъ, но явно стремилась къ исключительному развитію сильной правительственной власти и къ подавленію всякой самостоятельности, что, конечно, внесло въ среду земцевъ полное разочарованіе. Не менѣе были огорчены и сторонники Судебныхъ Уставовъ, видѣвшіе въ смѣшеніи административной и судебной властей, предоставленной земскимъ начальникамъ, огромный шагъ назадъ, ко временамъ дореформеннымъ. Теорія права не допускаетъ подобнаго смѣшенія, говорили они, и невозможно допустить, чтобы земскіе начальники походили на деревенскую лавочку, гдѣ въ одномъ помѣщеніи торгуютъ и дегтемъ, и конфектами. Административная власть по существу своему есть власть предупредительная, и на ея обязанности лежитъ наблюденіе, чтобы мѣстнымъ населеніемъ соблюдались всѣ установленные для него законы и изданные въ разъясненіе этихъ законовъ циркуляры и распоряженія. Чѣмъ строже и неукоснительнѣе администраторъ будетъ относиться къ своимъ обязан-

ностямъ, тѣмъ выше стоитъ онъ въ глазахъ своего начальства, которое озабочено предупрежденіемъ всякихъ безпорядковъ и проведеніемъ общихъ мѣръ, направленныхъ къ указанной цѣли. Такимъ образомъ, на обязанности администратора лежитъ долгъ предусматривать и предупреждать преступленія и проступки, не входя даже въ обсужденіе тѣхъ конкретныхъ обстоятельствъ, коими проступки могутъ быть вызваны. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится судья, который разсматриваетъ каждый проступокъ въ отдѣльности, послѣ того, какъ онъ совершенъ, и примѣняетъ къ виновному извѣстную мѣру наказанія не по общему масштабу, а сообразуясь съ обстоятельствами, сопровождавшими совершеніе именно этого проступка. Какимъ же образомъ въ одномъ лицѣ могутъ быть соединены административныя и судебныя функціи, когда для первыхъ изъ нихъ, даже при одинаковомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ должностныхъ лицъ, требуются быстрота и исполнительность, равныя для всѣхъ, а для исполненія судейскихъ обязанностей необходимо болѣе медленное, но болѣе вдумчивое отношеніе къ обстановкѣ каждаго отдѣльнаго случая и полная независимость отъ указки начальства и т. д.

Несомнѣнно, всѣ эти сѣтованія имѣли подъ собою довольно твердую почву, въ особенности въ той ихъ части, которая касалась смѣшенія въ одномъ лицѣ административной и судебной власти, и по этому поводу невольно вспоминается наше далекое, далекое прошлое.

На первый взглядъ можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли совмѣщеніе административныхъ и судебныхъ функцій въ одномъ лицѣ представляется совершенно невозможнымъ, и неужели разумный человѣкъ не въ состояніи опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, въ какомъ порядкѣ ему предстоитъ дѣйствовать. Для разрѣшенія такихъ вопросовъ оставимъ въ сторонѣ теоретическія разсужденія (см. въ I т. настоящаго изданія статью В. М. Гессена «О судебной власти») и приведемъ совершенно достовѣрныхъ два случая, которые укажутъ намъ, какъ вопросы о совмѣщеніи власти понимались и разрѣшались въ жизни земскихъ начальниковъ. Предупреждаемъ при этомъ, что въ первомъ изъ нижеслѣдующихъ разсказовъ фигурировали должностныя лица, всѣ окончившія въ университетѣ курсъ юридическихъ наукъ и не принадлежавшія къ фанатическимъ поборникамъ дворянскихъ интересовъ во что бы то ни стало. Первый случай самый незамысловатый: въ камеру земскаго начальника явился вызванный по повѣсткѣ въ судебное засѣданіе какой-то рабочій, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, и началъ тамъ, еще до прихода земскаго начальника, шумѣть и буянить; земскій начальникъ, услыхавъ этотъ шумъ изъ своей квартиры, нашелъ, что въ данномъ случаѣ для наложенія на рабочаго административнаго взысканія по 61 ст. пол. о зем. нач. законнаго основанія не имѣется, такъ какъ рабочій производилъ безпорядокъ въ отсутствіи земскаго начальника и никакого ослушанія его распоряженіямъ не проявилъ, а потому приказалъ рабочаго, какъ пьянаго, удалить изъ камеры и передать мѣстному становому приставу для составленія акта о привлеченіи его въ качествѣ обвиняемаго въ буйствѣ въ публичномъ мѣстѣ; черезъ нѣкоторое время къ земскому начальнику на ревизію при-

ѣхалъ губернаторъ съ непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія и, когда случайно зашла рѣчь объ этомъ происшествіи, губернаторъ строго замѣтилъ земскому начальнику, что на его обязанности лежало для поддержанія авторитета правительства, арестовать рабочаго по 61 статьѣ пол. о зем. нач., а затѣмъ, вызвавъ станового пристава, сдѣлалъ ему серьезнѣйшій выговоръ съ указаніемъ, что приставу не слѣдовало ограничиваться составленіемъ акта, а онъ долженъ былъ отправить рабочаго подъ арестъ. Курьезнѣе всего здѣсь то, что непремѣнный членъ, молчавшій во время губернаторскихъ разносовъ, по выходѣ губернатора изъ комнаты, замѣтилъ земскому начальнику, что губернское присутствіе, несомнѣнно, привлекло бы его, земскаго начальника, къ отвѣтственности, если бы онъ посадилъ рабочаго подъ арестъ по 61 ст., такъ какъ подобное заарестованіе представляется совершенно незаконнымъ. Другой случай смѣшенія судебной и административной власти разрѣшился гораздо проще. Въ судебномъ засѣданіи въ камерѣ земскаго начальника одинъ крестьянинъ взыскиваетъ съ другого 50 рублей. Доказательствъ никакихъ, но обѣ стороны упорно настаиваютъ на своихъ требованіяхъ и объясненіяхъ. Земскій начальникъ безпомощно озирается и вдругъ среди публики замѣчаетъ волостного старшину. «А, Иванъ Петровичъ, поди-ка, братъ, сюда!» (Старшина подходитъ). «Скажи-ка братъ, что это за люди»? (указывая на тяжущихся).—«Да, признаться сказать, оба подлецы, Ваше Высокородіе»! «Ну-ка, посади ихъ обоихъ въ холодную»! Подобныхъ эпизодовъ можно набрать множество, но дѣло не въ отдѣльныхъ эпизодахъ, а въ томъ, что заурядные земскіе начальники, назначенные, въ значительномъ количествѣ, изъ офицеровъ, которымъ не везло по службѣ, или которые, не имѣя узаконеннаго ценза, задумали жениться и потому были вынуждены выйти въ отставку, не имѣли ни малѣйшаго представленія о необходимости отличать, по способу разсмотрѣнія, административныя дѣла отъ судебныхъ. Обладая вообще самыми слабыми познаніями о законахъ и въ особенности о крестьянскомъ правѣ, они помнили только одно, что имъ ввѣрено поддержаніе дворянскаго престижа, укрѣпленіе въ деревнѣ сильной власти и всесторонняя опека надъ крестьянами, а для проведенія всего этого въ жизнь они снабжены и соотвѣтствующими орудіями, изъ коихъ на первомъ планѣ стояли 61 и 62 ст. полож. о зем. нач. [1]), отдающія въ ихъ полное распоряженіе, какъ всѣхъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія, такъ и каждаго крестьянина въ отдѣльности. Какъ же тутъ различить, гдѣ должна быть примѣнена 61 статья, которую въ первые годы реформы толковали очень широко, и гдѣ слѣдуетъ разобрать дѣло въ административномъ или судебномъ порядкѣ? И для чего нужна такая долгая судебная волокита, требующая вызова сторонъ, свидѣтелей и т. д., когда все дѣло можно разрѣшить однимъ взмахомъ, приказавъ посадить кого-нибудь въ холодную или под-

[1]) Ст. 61 (она-же ст. 57 по Св. Зак., т. IX, Особ. Прилож., изд. 1902 г.) отмѣнена Высоч. ук. 5 окт. 1906 г.

вергнуть штрафу? Какимъ образомъ можно ожидать отъ земскаго начальника, чтобы онъ, въ одной и той же камерѣ, въ одномъ и томъ же засѣданіи при разбирательствѣ административныхъ дѣлъ употреблялъ одни пріемы выясненія истины, требуя доказательствъ, по собственной иниціативѣ, требуя обязательныхъ разъясненій со стороны отвѣтчика или поручая дознанія волостному старшинѣ и т. п., а затѣмъ, перейдя къ разсмотрѣнію судебныхъ дѣлъ, ограничился оцѣнкой доказательствъ, на которыя ссылаются стороны, и не сталъ бы проявлять своей иниціативы, или, выслушивая грубые отвѣты, не припугнулъ бы отвѣтчика за его грубость примѣненіемъ 61 статьи? Впрочемъ, о томъ, какою въ дѣйствительности оказалась дѣятельность земскаго начальника, намъ придется говорить позднѣе, а теперь обратимся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію тѣхъ органическихъ недостатковъ, которыми страдала реформа 12 іюля 1889 года.

Допуская въ лицѣ земскаго начальника смѣшеніе административныхъ и судебныхъ функцій, законодательная власть мотивировала это смѣшеніе желаніемъ устранить въ уѣздѣ многовластіе и облегчить податныя тяготы населенія, вынуждаемыя содержаніемъ мировыхъ судей. Была ли достигнута, по крайней мѣрѣ, эта цѣль?

До введенія реформы въ уѣздѣ параллельно существовали—для административныхъ дѣлъ непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія, получавшій жалованья съ канцелярскими деньгами 2000 рублей, и для судебныхъ дѣлъ—приблизительно трое мировыхъ судей съ окладомъ содержанія для всѣхъ въ 4500 рублей. Реформою 1889 года эти должности были упразднены и на мѣсто помянутыхъ лицъ назначены три земскихъ начальника съ окладами, считая съ канцелярскими деньгами, по 2200 руб., городской судья съ такимъ же окладомъ и уѣздный членъ окружнаго суда съ окладомъ жалованья и канцелярскихъ денегъ въ 3300 рублей, всего 12.100 рублей. Если бы даже оставить мировыхъ судей и не вводить должностей только уѣзднаго члена окружнаго суда и городского судьи, то и въ такомъ случаѣ расходъ населенія на одновременное содержаніе мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ возросъ бы въ самой незначительной степени, а пагубное смѣшеніе судебной и административной власти не было бы допущено. Устранено ли, наконецъ, многовластіе? И эта цѣль достигнута не была, такъ какъ вмѣсто непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія и мировыхъ судей учреждены должности земскихъ начальниковъ, городского судьи и уѣзднаго члена окружнаго суда, а предѣлы подсудности дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію каждаго изъ помянутыхъ лицъ, представляются гораздо болѣе неопредѣленными и спутанными, чѣмъ прежде. Попробуйте, напр., объяснить неграмотному крестьянину, какіе иски на сумму до 500 рублей подсудны уѣздному члену окружнаго суда, и какіе иски на ту же сумму подвѣдомственны земскому начальнику, когда въ опредѣленіи границъ подсудности не тверды и сами земскіе начальники. Очевидно, что прежнее многовластіе, только въ иной и болѣе неудобной формѣ, осталось и даже увеличилось и эта пестрота власти оказалась не только наружной язвой новыхъ учрежденій, но проникла и во внутреннее ихъ содержаніе. Въ подтвержденіе высказанной нами мысли

остановимся на минуту на составѣ должностныхъ лицъ, на которыхъ возложены судебныя обязанности въ уѣздѣ. Въ уѣздѣ дѣйствуютъ земскіе начальники, назначаемые министромъ внутреннихъ дѣлъ и подчиненные надзору губернскихъ присутствій и губернатора, которому предоставляется ревизовать дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ и давать имъ указанія къ единообразному примѣненію постановленій закона 12 іюля 1889 года. На ряду съ ними, въ предѣлахъ той же подсудности, въ уѣздные города назначены городскіе судьи, состоящіе въ вѣдомствѣ министерства юстиціи и подчиненные надзору окружнаго суда и увольняемые по постановленіямъ консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи, съ утвержденія министра юстиціи. Въ томъ же уѣздѣ, съ единоличной и самостоятельной властью, состоитъ уѣздный членъ окружнаго суда, назначаемый также по вѣдомству министерства юстиціи и подвѣдомственный надзору окружнаго суда. Несомнѣнно, каждое изъ перечисленныхъ должностныхъ лицъ въ своей судейской дѣятельности помимо писанаго закона руководствуется тѣми привычными ему принципами, тѣми общими началами, которые признаны господствующими по его вѣдомству. Каковы же принципы, которые приняты къ руководству въ ихъ дѣятельности должностными лицами министерства внутреннихъ дѣлъ, т.-е. земскими начальниками, и министерства юстиціи, т.-е. городскими судьями и уѣздными членами окружнаго суда? Въ основу дѣятельности земскихъ начальниковъ, какъ мы уже видѣли выше, главнымъ образомъ легъ принципъ поддержанія авторитета власти и почти неограниченной предѣлами закона опеки надъ сельскимъ населеніемъ,—тотъ самый принципъ, который глубоко чуждъ идеѣ правосудія и всѣмъ началамъ, призваннымъ къ жизни Судебными Уставами 20 ноября 1864 года; городской же судья и тѣмъ болѣе уѣздный членъ суда, воспитанные на Судебныхъ Уставахъ, естественно, смотрѣли на дѣло совсѣмъ иными глазами, отчего, въ особенности въ первое время, происходили серьезныя тренія, а уѣздный членъ суда нерѣдко даже удостоивался заглазно клички «шпіона министерства юстиціи». Всѣ перечисленные дѣятели, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, составляли судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда, гдѣ вся работа по приготовленію дѣлъ къ слушанію и изложенію приговоровъ и рѣшеній лежала на обязанности уѣзднаго члена суда, а между тѣмъ вся канцелярія, съ секретаремъ во главѣ, состояла въ распоряженіи и подчиненіи предводителя дворянства, что, при натянутыхъ отношеніяхъ между ними, также отражалось пагубно на ходѣ работы. Благодаря подобной обстановкѣ, необходимы были огромныя усилія со стороны всѣхъ участниковъ съѣзда, чтобы, при наличности совершенно различныхъ направленій во взглядахъ на свою дѣятельность и при массѣ недомолвокъ въ законѣ, поддерживать между собою корректныя отношенія и не внести раздора даже въ личныя отношенія по поводу какихъ-нибудь дѣлъ о порубкахъ, потравахъ и другихъ нападеніяхъ на помѣщичьи владѣнія. Незавидно было положеніе уѣзднаго члена окружнаго суда, обязаннаго, по мысли законодателя, стоять въ съѣздѣ на стражѣ правосудія, обремененнаго множествомъ обязанностей и неимѣвшаго ни-

какихъ правъ; но, кажется, еще хуже пришлось городскому судьѣ, который оказался пасынкомъ и въ министерствѣ юстиціи, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. До него ни одному изъ этихъ министерствъ не было дѣла, такъ какъ дѣла городского судьи до его непосредственнаго начальства—окружнаго суда—никогда не доходили, а министерству внутреннихъ дѣлъ онъ былъ чужой. Кромѣ того, и земскіе начальники, у которыхъ на первый планъ выдвигалась ихъ административная дѣятельность, часто относились къ городскимъ судьямъ, не какъ къ равнымъ съ ними, а какъ къ младшимъ членамъ уѣзднаго съѣзда, и выслушивали ихъ мнѣнія съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

Указанное принципіальное столкновеніе взглядовъ двухъ группъ членовъ съѣзда и различіе цѣлей въ направленіи ихъ дѣятельности этимъ еще не заканчивались: 91 ст. полож. о зем. нач. обязываетъ уѣздный съѣздъ составить наказъ о дѣлопроизводствѣ и внутреннемъ распорядкѣ въ съѣздѣ; наказъ, по обсужденіи его въ распорядительномъ засѣданіи съѣзда, представляется въ губернское присутствіе, которое его разсматриваетъ, исправляетъ и съ своей стороны представляетъ на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, послѣ чего наказъ становится обязательнымъ для исполненія земскими начальниками, городскимъ судьей и уѣзднымъ съѣздомъ, при содѣйствіи уѣзднаго члена суда. Получается такое невозможное положеніе дѣла: для уѣзднаго съѣзда по судебному присутствію, служащаго дѣлу судебнаго правосудія, инструкціи вырабатываются съѣздомъ и губернскимъ присутствіемъ, въ которомъ юристы находятся въ меньшинствѣ, и утверждаются министромъ не юстиціи, а внутреннихъ дѣлъ..; городской судья, назначаемый министромъ юстиціи и подлежащій надзору окружнаго суда, обязанъ исполнять подобныя инструкціи, хотя онѣ утверждены къ исполненію не тѣмъ вѣдомствомъ, которое имѣетъ законное право давать ему руководящія указанія, а вѣдомствомъ постороннимъ..; уѣздный членъ суда, также состоящій въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, обязуется установлять и проводить, въ качествѣ непремѣннаго члена съѣзда, распорядки и инструкціи чуждаго ему министерства, выработанные въ окончательномъ видѣ въ губернскомъ присутствіи, состоящемъ изъ множества членовъ, въ числѣ которыхъ только одинъ представитель отъ министерства юстиціи и т. д. Конечно, жизнь и въ это смѣшеніе или, можетъ быть, правильнѣе было бы выразиться, раздвоеніе власти внесла свой коррективъ, такъ какъ огромное большинство съѣздовъ, въ виду отсутствія въ нихъ фактическихъ работниковъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ мѣстностей, гдѣ предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ назначаются отъ правительства, или совсѣмъ не приступили къ выработкѣ требуемаго 91 статьей наказа, или о составленіи такового просили уѣзднаго члена окружнаго суда; членъ же суда, естественно, въ порученной ему работѣ руководился либо точными указаніями закона, либо общими началами, положенными въ основу Судебныхъ Уставовъ; но подобный коррективъ, само собою разумѣется, не можетъ быть поставленъ въ заслугу реформѣ 12 іюля 1889 года.

Такимъ образомъ, означенная реформа не сократила податной тяготы населенія на содержаніе уѣздныхъ должностныхъ лицъ въ сколько-нибудь значительной степени, не уничтожила многовластія, а только внесла смѣшеніе административной и судебной власти, создавъ въ лицѣ уѣзднаго съѣзда тотъ Крыловскій возъ, который первые земскіе начальники усиленно тянули назадъ.

Органическіе недостатки новой реформы этимъ однако не исчерпываются. До 1889 года, при существованіи мирового института, кассаціонныя жалобы на окончательныя рѣшенія и приговоры съѣздовъ мировыхъ судей подлежали разсмотрѣнію правительствующаго сената, руководящія рѣшенія коего опубликовывались ко всеобщему свѣдѣнію и руководству. Законъ, какъ общее правило, опредѣляющее рядъ однородныхъ отношеній, не можетъ предусмотрѣть каждый отдѣльный случай и каждый вопросъ, которые могутъ возникнуть въ жизни государства, но на стражѣ правильнаго толкованія и примѣненія законовъ стоялъ единый въ Россійской Имперіи блюститель закона—сенатъ, и его толкованія признавались обязательными для всѣхъ судовъ. Всякій изъ тяжущихся зналъ, какъ понимается и примѣняется извѣстный законъ, и такимъ пониманіемъ опредѣлялъ сферу своей дѣятельности, кругъ своихъ дѣйствій. По закону 12 іюля 1889 года, кассаціонныя жалобы на рѣшенія и приговоры уѣздныхъ съѣздовъ приносятся въ губернскія присутствія, учрежденныя въ каждой губерніи. Сразу появилось нѣсколько десятковъ кассаціонныхъ инстанцій или губернскихъ сенатовъ, которые на однородныя дѣла смотрѣли совершенно разными глазами. Кассаціонный судъ—судъ строго формальный. Кассаціонныя жалобы допускаются въ случаѣ нарушенія прямого смысла закона, обрядовъ и формъ судопроизводства, или, наконецъ, въ случаѣ нарушенія предѣловъ вѣдомства или власти, предоставленной закономъ извѣстному суду. Понятно, что для кассаціонной дѣятельности необходимы и огромныя юридическія познанія, и опытность въ примѣненіи закона, но гдѣ же было искать требуемыя познанія и опытность въ губернскомъ присутствіи, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ представителей всѣхъ административныхъ вѣдомствъ и только изъ одного юриста—предсѣдателя окружнаго суда или замѣняющаго его члена суда. Фактическимъ работникомъ въ губернскомъ присутствіи является непремѣнный членъ, назначенный по большей части изъ земскихъ начальниковъ и часто не имѣющій юридическаго образовательнаго ценза; онъ прочитываетъ всѣ дѣла, онъ ихъ докладываетъ и, кромѣ него, обыкновенно просматриваетъ дѣла только членъ окружнаго суда, бывающій въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, и иногда или частично—самъ губернаторъ. Дѣла въ большинствѣ случаевъ докладываются въ огромномъ количествѣ, до ста дѣлъ въ одномъ засѣданіи, продолжающемся два-три часа, и при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ членовъ присутствія, сводящемся къ обсужденію тѣхъ жалобъ, при разсмотрѣніи коихъ непремѣнный членъ присутствія и членъ окружнаго суда разойдутся во мнѣніяхъ. По всѣмъ же другимъ дѣламъ, не вызывающимъ разногласія, губернаторъ ограничивается вопросомъ, нѣтъ ли заявленій по поводу

предположенной непремѣннымъ членомъ резолюціи, которую тотъ заранѣе излагаетъ на клочкѣ бумаги и вкладываетъ въ дѣло, на что присутствующіе отвѣчаютъ или кивкомъ головы, или молчаніемъ. Если же и начинается подробное обсужденіе жалобы въ виду возникшаго разномыслія, то мгновенно выступаетъ на сцену существо дѣла: обсуждаютъ прежде всего, правильно ли разрѣшено дѣло и, если признаютъ рѣшеніе правильнымъ, то кассаціонную жалобу стараются оставить безъ послѣдствій, несмотря на серьезныя нарушенія обрядовъ и формъ судопроизводства или нарушенія закона. Однимъ словомъ, кассаціонное производство является основаннымъ не на прямомъ смыслѣ закона, а на личномъ убѣжденіи въ правильности рѣшенія, «по душѣ», при чемъ губернское присутствіе менѣе всего является «блюстителемъ закона». Такое отношеніе къ дѣлу является отчасти вынужденнымъ и обусловливается сущностью самой работы. Правила судопроизводства для волостныхъ судовъ изложены только въ четырехъ статьяхъ; тѣ же правила для уѣздныхъ съѣздовъ и земскихъ начальниковъ составляютъ упрощенный и не всегда удачный сколокъ съ уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ 20 ноября 1864 года, страдающій множествомъ недомолвокъ и неопредѣленностей, выдвигающихся еще сильнѣе, благодаря отсутствію юридическаго образованія у большинства земскихъ начальниковъ. При подобномъ положеніи каждое дѣло, естественно, изобилуетъ столь значительнымъ количествомъ кассаціонныхъ поводовъ, что губернское присутствіе, при строгомъ къ нимъ отношеніи, было бы поставлено въ необходимость отмѣнять подрядъ почти каждое рѣшеніе съѣзда.

Посмотримъ же теперь, какъ новая реформа вступила въ жизнь и какъ она отразилась на деревенскомъ неустройствѣ. Для этого прежде всего придется обратиться къ земскимъ начальникамъ, къ личному ихъ составу и къ первымъ проявленіямъ ихъ дѣятельности.

По основному положенію, въ земскіе начальники преимущественно должны назначаться мѣстные потомственные дворяне, обладающіе, какъ уже сказано выше, извѣстнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ; при недостаткѣ же такихъ кандидатовъ вакантныя должности замѣщаются министромъ внутреннихъ дѣлъ. Списки дворянъ, имѣющихъ право на занятіе должности земскаго начальника, согласно 11 ст. Полож. о зем. нач., ведутся по каждому уѣзду предводителемъ дворянства, а представленіе ихъ министру внутреннихъ дѣлъ для назначенія въ должность производится губернаторомъ по совѣщаніи съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства. Вдумавшись въ установленный порядокъ замѣщенія должностей земскаго начальника, каждый легко убѣдится, что назначеніе мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ находится въ полной зависимости отъ уѣзднаго и губернскаго предводителей дворянства, т.-е. представителей интересовъ дворянства, и губернатора, подчиненнаго министру внутреннихъ дѣлъ; назначеніе же земскихъ начальниковъ изъ числа лицъ, не принадлежащихъ къ мѣстному дворянству,—исключительно отъ того же министра. Зависимость земскихъ начальниковъ отъ губернатора усугубляется еще и тѣмъ, что надзоръ за ними сосредоточенъ

въ губернскомъ присутствіи, которое имѣетъ право входить, черезъ губернатора, къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ увольненіи земскихъ начальниковъ отъ должности не только въ случаѣ совершенія ими служебныхъ преступленій, но и въ случаѣ допущенія «противныхъ нравственности или предосудительныхъ проступковъ, несовмѣстимыхъ съ его достоинствомъ и лишающихъ совершившаго ихъ земскаго начальника необходимыхъ для сего званія довѣрія и уваженія» (139 ст. полож. о зем. нач.). Очевидно, что съ самаго перваго момента возбужденія ходатайства о назначеніи на должность земскаго начальника каждый кандидатъ отказывался болѣе или менѣе отъ своей самостоятельности и уже впередъ принималъ на себя обязательство по поддержанію дворянскихъ интересовъ, сообразуя ихъ только съ директивами министерства внутреннихъ дѣлъ, а при такой обстановкѣ не могло быть и рѣчи о судейской независимости. Да и самый составъ земскихъ начальниковъ не давалъ основанія расчитывать на эту независимость. Для исполненія судейскихъ обязанностей необходимы люди самостоятельные, опытные и въ жизни, и въ примѣненіи законовъ. Между тѣмъ въ земскіе начальники, за исключеніемъ меньшей части, назначенной изъ упраздненныхъ мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ уѣзднаго присутствія, въ значительномъ большинствѣ попали мѣстные дворяне, или недавно окончившіе курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, т.-е. люди молодые, воспитанные въ городахъ и совсѣмъ не знающіе условій крестьянской жизни, или же спеціально вышедшіе для того въ отставку офицеры, также не подготовленные къ новой дѣятельности. Что касается до недавнихъ воспитанниковъ столичныхъ заведеній, то они видѣли въ своей дѣятельности только одну оффиціальную указанную имъ задачу—усиленіе авторитета правительственной власти и дворянскаго престижа, а средствами для этого признавали попечительную надъ крестьянами власть, осуществляемую и насаждаемую при помощи предоставленныхъ ихъ личному усмотрѣнію административныхъ взысканій; отставные же офицеры, привыкшіе на службѣ къ военной дисциплинѣ и къ безусловному со стороны подчиненныхъ послушанію, даже не задавались особыми задачами, а прямо требовали отъ крестьянъ полной безотвѣтности и исполнительности, какъ непосредственно вытекающихъ изъ отношеній подопечнаго населенія къ начальнику. Мы отнюдь не желаемъ этимъ сказать, чтобы между земскими начальниками не было людей, стоявшихъ на законной почвѣ, стремившихся приносить посильную пользу мѣстному населенію и искренне желавшихъ законными средствами упорядочить деревенскую жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности изъ бывшихъ мировыхъ судей, прежнимъ характеромъ своей дѣятельности пріученныхъ къ безпристрастному и спокойному отношенію къ дѣлу, старались дѣлать свое дѣло умѣло, безъ всякой шумихи и старательно вникали въ тѣ явленія, которыя на первый взглядъ казались имъ непонятными или даже возмутительными; нельзя обойти молчаніемъ и того, что многіе земскіе начальники, даже изъ молодежи или поступившіе съ военной службы, значительно содѣйствовали сокращенію разныхъ золъ крестьянскаго самоуправленія въ области

административной, такъ какъ, послѣ введенія земскихъ начальниковъ, въ огромной степени упорядочились опекунскія дѣла, сократились растраты мірскихъ суммъ, уменьшился произволъ сельскихъ сходовъ надъ слабѣйшими членами оныхъ, постепенно стало упорядочиваться продовольственное дѣло, за послѣднее время начали образовываться ссудо-сберегательныя товарищества и разныя кооперативныя учрежденія,—но худо было то, что надъ всѣми этими даже хорошими проявленіями власти и надзора со стороны земскихъ начальниковъ господствовалъ произволъ и личное усмотрѣніе, первоначально не имѣвшіе никакихъ законныхъ границъ.

Законъ есть то мѣрило, тотъ показатель предѣловъ власти начальника и тѣхъ правъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, которыя для нихъ обязательны. Въ законѣ и власть ищетъ указанія, къ чему и до какихъ предѣловъ должны итти ея требованія, и населеніе находитъ точное опредѣленіе того, на что оно имѣетъ право по мѣсту, занимаемому имъ въ государствѣ. По содержанію законодательныхъ нормъ, каждый гражданинъ получаетъ возможность опредѣлить правила своего поведенія и въ то же время знать, въ чемъ онъ можетъ потребовать защиты отъ стоящей надъ нимъ власти, или на какомъ основаніи и какимъ послѣдствіямъ онъ подвергается за неисполненіе требованій власти. Законъ есть единственная основа для руководства, какъ власти, такъ и отдѣльныхъ гражданъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не допускающая отступленій. Несомнѣнно, молодежь, только вчера сошедшая со школьной скамьи, или офицеры, впервые взявшіе въ руки Общее Положеніе о крестьянахъ, жадно схватились за законъ 1889 года, но ничего яснаго, ничего твердо установленнаго тамъ не нашли. Имъ пришлось выступить на служебную дорогу безъ знаній, безъ указаній закона и дѣйствовать въ потемкахъ вразбродъ, по личному усмотрѣнію, не имѣя понятія ни о бытѣ, ни о нуждахъ участка. Отсутствіе законодательныхъ нормъ въ то время не смущало сторонниковъ новой реформы. Подъ вліяніемъ дворянскихъ вѣяній и такихъ органовъ печати, какъ «Гражданинъ» и ему подобные, самая неопредѣленность закона объяснялась его безполезностью въ томъ смыслѣ, что въ отношеніяхъ между земскими начальниками и сельскимъ населеніемъ должны установиться патріархальныя, довѣрчивыя отношенія, какъ между родителями и дѣтьми, гдѣ никакіе законы, въ особенности противорѣчащіе «вѣяніямъ жизни», и не нужны. Такое объясненіе, несомнѣнно, было на руку молодымъ земскимъ начальникамъ, незнавшимъ закона. Они быстро пришли къ выводу, что ихъ главная обязанность заключается «въ попечительствѣ о благѣ народномъ», причемъ ихъ опека надъ крестьянами должна быть самая всесторонняя и проникать, какъ въ общественную, такъ даже и въ семейную жизнь, лишь бы эта опека происходила изъ чистаго источника, а если иногда и приходится прибѣгать къ мѣрамъ строгости, то наказаніе идетъ на пользу самихъ наказанныхъ, которые по темнотѣ своей не хотятъ понять заботъ начальства о нихъ же самихъ. Подобнымъ земскимъ начальникамъ, незнавшимъ хорошо условій деревенской жизни, и въ голову не приходило, что непослушаніе или даже сопротивленіе крестьянъ вызывается часто не желаніемъ ослушаться начальства, а полной невозможностью испол-

нить отданное распоряженіе по недостаточности денежныхъ средствъ или по какимъ-либо семейнымъ обстоятельствамъ, но въ «ихъ глупыя мужицкія соображенія» никто входить не хотѣлъ. Получилось взаимное непониманіе и начинались разнообразныя мѣропріятія земскихъ начальниковъ, которыя они навязывали мѣстному населенію, какъ, напр., усиленная починка дорогъ во всякое время, не стѣсняясь лѣтними неотложными работами по уборкѣ хлѣбовъ, обязательное возведеніе новыхъ зданій хлѣбозапасныхъ магазиновъ, обширныхъ волостныхъ правленій и другихъ дорого стоющихъ затѣй, не соотвѣтствующихъ платежнымъ средствамъ населенія. Далѣе уже слѣдовали требованія, вытекающія изъ желанія возвеличить свой собственный или вообще дворянскій престижъ; пошли распоряженія о сниманіи шапокъ передъ земскимъ начальникомъ, о сворачиваніи тяжело нагруженныхъ возовъ въ сторону передъ экипажами мѣстныхъ помѣщиковъ и т. д.; а въ случаѣ нарушенія такихъ распоряженій—немедленное примѣненіе 61 ст. полож. о зем. нач., т.-е. наложеніе штрафа или арестъ, мгновенно приводившіяся въ исполненіе, какъ постановленія окончательныя и подлежавшія обжалованію только въ порядкѣ надзора, послѣ того, какъ арестъ уже былъ отбытъ. Затѣмъ въ рукахъ земскаго начальника было и еще орудіе,—стоило ему только мигнуть волостному старшинѣ, и ослушникъ привлекался къ отвѣтственности въ волостномъ судѣ по обвиненію въ какомъ-нибудь проступкѣ, вродѣ нарушенія общественной тишины, и могъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, или старшина самъ сажалъ его подъ арестъ. Въ результатѣ, и даже очень быстро, среди многихъ земскихъ начальниковъ воцарилась полная вакханалія власти. Выступили на сцену кулачная расправа, заарестованіе цѣлыхъ составовъ волостного суда, арестъ непослушныхъ сельскихъ сходовъ или поголовное оштрафованіе всѣхъ его участниковъ и т. д.—безъ конца.

Чтобы не уклоняться отъ истины, слѣдуетъ отмѣтить, что описанная вакханалія власти земскихъ начальниковъ продолжалась недолго и довольно быстро свелась къ отдѣльнымъ проявленіямъ, которыя можно объяснить какимъ-то недомысліемъ или личными соображеніями, вродѣ недавно происшедшаго на нашихъ глазахъ случая неутвержденія сельскаго приговора о выборѣ сельскаго старосты на томъ основаніи, что «онъ—вдовецъ». Насколько первое время послѣ введенія реформы 1889 года попечительство надъ крестьянами служило предметомъ особыхъ заботъ и увлеченія земскихъ начальниковъ, настолько въ послѣдующіе годы болѣе добросовѣстные изъ нихъ быстро охладѣли къ этой идеѣ, видя въ ея проведеніи только начальническій произволъ и безцѣльное глумленіе надъ крестьянами. Вообще, попечительная дѣятельность земскихъ начальниковъ, расчитанная на какихъ-то идеальныхъ людей, совершенно не удалась, а вмѣстѣ съ увяданіемъ этой идеи, стали постепенно отходить на задній планъ и неразрывно связанные съ ней административные аресты и штрафы. Первоначально дѣло Протопопова, прогремѣвшее на всю Россію, а затѣмъ министерскія и сенатскія разъясненія и, наконецъ, усилившійся надзоръ со стороны губернаторовъ,—все это, вмѣстѣ взятое, заставило земскихъ начальниковъ относиться къ административнымъ взысканіямъ болѣе

осторожно. Несомнѣнно и то, что многіе земскіе начальники, назначенные изъ молодежи или изъ офицеровъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ крестьянской жизнью, почувствовали, что мѣрка, съ которой они сначала подошли къ крестьянамъ, какъ къ неразумнымъ дѣтямъ, требующимъ родительскаго воспитанія и такого же родительскаго воздѣйствія, не выдерживаетъ критики, и что не имъ учить крестьянъ уму-разуму, а сначала необходимо самимъ долго и много учиться, чтобы стать полезными общественными дѣятелями. Ударъ вышеописанному произволу былъ нанесенъ Высочайшимъ Указомъ 5 октября 1906 года, отмѣнившимъ право земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ подвергать административнымъ взысканіямъ лицъ, подвѣдомственныхъ волостному и сельскому управленію.

Въ постепенномъ сокращеніи начальническаго произвола еще и до этого указа сыграло роль одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство. Съ перваго же момента введенія реформы 12 іюля 1889 года мѣстное дворянство оказалось несостоятельнымъ въ томъ отношеніи, что оно не могло выставить достаточнаго количества кандидатовъ въ земскіе начальники, такъ что, какъ видно изъ «Трудовъ Редакціонной Комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ», изд. 1902 г., до 18% этихъ должностей замѣщено пришлыми людьми, причемъ количество земскихъ начальниковъ, не принадлежащихъ къ мѣстному дворянству, а зачастую и не дворянъ, сильно прогрессируетъ въ особенности въ болѣе сѣверныхъ и болѣе восточныхъ губерніяхъ, не исключая и дворянскихъ[1]). Такое явленіе имѣло и имѣетъ два важныхъ послѣдствія, во-первыхъ, благодаря назначенію земскихъ начальниковъ не изъ мѣстнаго элемента, постепенно повышается ихъ средній образовательный уровень, такъ какъ сокращается назначеніе земскихъ начальниковъ изъ бывшихъ мировыхъ посредниковъ, непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присутствій, предводителей и тому подобныхъ должностей, нетребовавшихъ образовательнаго ценза; во-вторыхъ, кадры земскихъ начальниковъ пополняются людьми, несвязанными ни мѣстными вліяніями, ни заботами о своемъ деревенскомъ хозяйствѣ, и послушными исключительно голосу изъ Петрограда, доходящему до нихъ чрезъ губернаторскія канцеляріи. Устанавливается довольно обычный порядокъ назначенія земскихъ начальниковъ изъ чиновниковъ, состоящихъ при губернаторахъ по особымъ порученіямъ; затѣмъ съ 1908 года вводится требованіе, чтобы всѣ лица, ходатайствующія о назначеніи ихъ на должности

[1]) По заявленію товарища министра финансовъ Н. Н. Кутлера, сдѣланному въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ засѣданіи 5 января 1905 года, въ 47 губерніяхъ Европейской Россіи—2650 земскихъ начальниковъ, изъ коихъ около 30% замѣщаются изъ числа не мѣстныхъ людей. Это замѣчается не только въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ, но и въ цѣломъ рядѣ такихъ губерній, какъ Бессарабская, Казанская, Самарская и Таврическая. Изъ общаго числа земскихъ начальниковъ 32% окончили высшія учебныя заведенія, 47% съ среднимъ образованіемъ и 20% съ низшимъ. Къ приведенному заявленію Н. Н. Кутлера, на основаніи собственныхъ свѣдѣній, можемъ добавить, что въ средѣ земскихъ начальниковъ количество не мѣстныхъ людей къ настоящему времени еще болѣе увеличилось. Такъ, напр., въ Ярославской губерніи земскихъ начальниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ не болѣе 10%.

земскихъ начальниковъ, подвергались при губернскомъ правленіи испытаніямъ по программѣ, выработанной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Подобными путями постепенно увеличивается зависимость земскихъ начальниковъ отъ губернатора, благодаря этой зависимости водворяется идея усиленія центральной власти, при господствѣ которой исполненіе служебныхъ обязанностей сводится къ безпрекословному исполненію получаемыхъ распоряженій. Сказанное нами можетъ подать поводъ къ заключенію, что, благодаря идеѣ централизаціи, дѣятельность земскихъ начальниковъ въ области крестьянскаго самоуправленія и суда, объединяемая министерскими указаніями, стала на твердую почву и вошла въ закономѣрное русло,—но такое заключеніе оказалось бы слишкомъ поспѣшнымъ, и уже не по винѣ земскихъ начальниковъ. Въ разъясненіяхъ министерства, конечно, недостатка не замѣчается, и циркуляры поступаютъ оттуда тысячами, но всѣ подобные циркуляры, составляемые по поводу вновь возникающихъ вопросовъ; какъ изъ области общиннаго быта крестьянъ, такъ и по примѣненію новыхъ законоположеній о личномъ землевладѣніи и о землеустройствѣ, не создали ничего стройнаго и только затемнили смыслъ прежнихъ, хотя и устарѣвшихъ, законовъ, такъ что разбираться въ крестьянскомъ правѣ стало почти невозможно. Укажемъ для примѣра вопросы о семейныхъ раздѣлахъ, о правѣ крестьянъ совершать духовныя завѣщанія, о мѣрахъ, которыя долженъ принять земскій начальникъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сельскій сходъ отказывается назначить опекуновъ къ личности или имуществу малолѣтнихъ, о примѣненіи обычнаго права къ новымъ поземельнымъ отношеніямъ крестьянъ и т. д.—безъ конца, и каждый разъ, какъ возникаетъ подобный вопросъ, земскій начальникъ совершенно теряется и невольно начинаетъ думать о томъ, когда же, наконецъ, будетъ составленъ кодексъ крестьянскаго права, могущій разрѣшить всѣ его недоумѣнія, или когда крестьяне будутъ подведены подъ дѣйствіе общихъ законовъ.

Къ чему же въ настоящее время преимущественно сводятся обязанности земскихъ начальниковъ, и на что обращено ихъ особое вниманіе? Прежде всего и болѣе всего на землеустройство, а затѣмъ на продовольственную часть. Третье мѣсто въ дѣятельности земскаго начальника принадлежитъ надзору за взиманіемъ окладныхъ сборовъ, и только на четвертомъ мѣстѣ выступаетъ наконецъ деревенская Ѳемида, которой мы теперь и займемся. Выше уже было указано, что послѣ введенія реформы 12 іюля 1889 года въ дѣятельности земскихъ начальниковъ господствовали два теченія,—сначала личное усмотрѣніе на основѣ усиленія правительственнаго и дворянскаго авторитета, а затѣмъ—преимущественное исполненіе административныхъ обязанностей, согласно указаніямъ и инструкціямъ, получаемымъ изъ министерства; судебныя же дѣла и насажденіе въ деревнѣ истиннаго правосудія остались на заднемъ планѣ. О нихъ помнили только немногіе земскіе начальники, которые были назначены на эту должность изъ мировыхъ судей. Имъ, привыкшимъ къ независимости и самостоятельности, горько было мѣнять судейское кресло на зависимое положеніе административнаго чиновника; держась за свои судебныя функціи,

какъ за послѣдніе обломки дорогой для нихъ старины, такіе земскіе начальники въ своей дѣятельности продолжали руководствоваться правилами, опредѣленными въ Судебныхъ Уставахъ, внимательно выслушивая каждаго просителя и стараясь во всякое дѣло внести частицу судебной правды; имъ казалось, послѣ прежней ихъ судейской дѣятельности, совершенно немыслимымъ, даже при разсмотрѣніи административныхъ дѣлъ, внести въ разбирательство распущенность, крикъ, сажаніе въ холодную и т. п., но такихъ было немного... да и самая реформа не содѣйствовала широкому насажденію правосудія. Если взять перечень всѣхъ исковъ и проступковъ, которые признаны подвѣдомственными земскимъ начальникамъ, и исключить изъ нихъ дѣла, подсудныя волостному суду, то легко убѣдиться, что у земскихъ начальниковъ остается весьма малое количество дѣлъ, въ особенности, крестьянскихъ, подлежащихъ ихъ непосредственному разбирательству, и судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ, главнымъ образомъ, сводится къ надзору за волостными судами, о чемъ мы будемъ говорить позднѣе.

Что же касается до тѣхъ немногихъ судебныхъ дѣлъ, которыя у нихъ остались, то въ большинствѣ случаевъ эти дѣла не вызывали значительнаго интереса въ деревенской жизни; исключеніе изъ сего составляли только порубки, потравы и другія поврежденія земельныхъ угодій мѣстныхъ помѣщиковъ, производимыя крестьянами, и тутъ нерѣдко, въ защиту помѣщичьихъ интересовъ, выступала идея поддержанія дворянскаго престижа во что бы то ни стало, во имя чего постановлялись рѣшенія, далеко не всегда соотвѣтствующія идеѣ справедливости. Невольно вспоминается, какіе горячіе споры, какое даже личное раздраженіе вносились въ пренія при пересмотрѣ такихъ рѣшеній въ уѣздномъ съѣздѣ, когда уѣздному члену окружнаго суда и городскому судьѣ приходилось убѣждать остальной составъ съѣзда, обыкновенно собиравшійся въ боевые дни въ значительномъ числѣ, въ неправотѣ ихъ взглядовъ! Слѣдуетъ, однако, замѣтить, въ оправданіе земскихъ начальниковъ, что всѣ ихъ возраженія и горячіе споры не носили личнаго характера, а были результатомъ сознанія деревенской неурядицы и убѣжденія въ проистекающей отсюда необходимости «подобрать», «подтянуть» крестьянъ и поддержать престижъ помѣщика... Воскресаетъ, напр., въ памяти такое дѣло: весною, въ половодье, помѣщикъ послалъ своего кучера въ ближайшій городъ за покупками, при чемъ дорогой приходилось переѣзжать черезъ рѣчку, довольно широко разлившуюся. Туда кучеръ переѣхалъ благополучно, но на обратномъ пути, при переѣздѣ чрезъ ту же рѣчку, онъ, будучи въ нетрезвомъ состояніи, забралъ въ сторону и лошадь утопилъ. Возникло дѣло по обвиненію кучера въ *растратѣ* лошади; обвиненіе было признано доказаннымъ и кучеръ приговоренъ къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ. При разсмотрѣніи апелляціонной жалобы, съѣздъ призналъ, однако, что за отсутствіемъ корыстной цѣли въ данномъ случаѣ невозможно усмотрѣть признаковъ растраты, но въ дѣйствіяхъ кучера, несомнѣнно, заключаются признаки какого-то проступка, прямо не предусмотрѣннаго закономъ; толкуя же проступокъ кучера «по аналогіи», слѣдуетъ въ его

дѣяніи усмотрѣть порчу сложной хозяйственной машины, и по этимъ основаніямъ кучеръ былъ приговоренъ къ трехмѣсячному аресту, который и отбылъ благополучно.

Всѣ подобные разсказы относятся почти исключительно къ воинствовавшимъ земскимъ начальникамъ перваго набора; при дальнѣйшемъ ходѣ реформы такіе приговоры «по аналогіи» постепенно исчезали и стали появляться, какъ рѣдкіе образцы правосудія, немедленно отмѣняемые во второй инстанціи. Упорядоченіе судебнаго дѣла въ особенности замѣчалось среди земскихъ начальниковъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и назначенныхъ непосредственно министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ они чувствовали себя болѣе свободными отъ мѣстныхъ дворянскихъ вліяній, но тѣмъ не менѣе судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ такъ и не выдвинулась впередъ. Она попрежнему занимаетъ у нихъ послѣднее мѣсто, и теперь едва ли найдется много такихъ земскихъ начальниковъ, которые не мечтали бы о томъ днѣ, когда ихъ избавятъ отъ судебныхъ обязанностей и надзора за волостными судами, какъ помѣхи въ занятіяхъ болѣе важными административными дѣлами. Въ обществѣ судебная дѣятельность земскихъ начальниковъ также не пользуется популярностью по различнымъ причинамъ; главная изъ нихъ—то самое смѣшеніе въ лицѣ земскаго начальника административной и судебной власти, о которомъ уже упоминалось выше. Постоянное разбирательство административныхъ дѣлъ, въ которыя каждый администраторъ вноситъ столько собственной иниціативы и свободнаго усмотрѣнія, несомнѣнно кладетъ на немъ особый отпечатокъ; разсматривая дѣло въ административномъ порядкѣ, администраторъ не ограничивается разрѣшеніемъ только спорныхъ между сторонами отношеній, но раздвигаетъ рамки вопроса, вноситъ туда свой личный взглядъ, начальственныя соображенія и распоряженія, иногда проявляетъ даже свое прежде столь обычное стремленіе «подтянуть мужика» и т. д. Переходя затѣмъ къ обсужденію судебнаго дѣла, такой администраторъ уже не въ состояніи отрѣшиться отъ своихъ пріемовъ административнаго усмотрѣнія и воздѣйствія. Ему кажется нецѣлесообразнымъ примѣнять къ дѣлу законъ, который, по его мнѣнію, идетъ въ разрѣзъ съ требованіями жизни или не удовлетворяетъ его собственному пониманію справедливости, и такой администраторъ въ какое-нибудь гражданское дѣло не затруднится внести, вмѣсто закона, полнѣйшій произволъ, хотя бы и самый благонамѣренный. Въ его дѣятельности происходитъ вѣчная борьба между началомъ утвержденія сильной правительственной власти и началомъ законности, что въ корень подрываетъ довѣріе населенія къ земскому начальнику, какъ къ органу судебной власти.

Кромѣ того, большинство земскихъ начальниковъ не обладаетъ юридическимъ образованіемъ, а нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни общаго образовательнаго ценза, ни практической подготовки. Естественно, что подобные земскіе начальники не только игнорируютъ кассаціонную практику сената, но часто не знаютъ и закона, лежащаго въ основаніи спорныхъ правоотношеній, а такое отсутствіе надлежащихъ для судьи знаній опять

приводитъ ихъ къ убѣжденію въ необходимости разрѣшить дѣло на основѣ личнаго пониманія и усмотрѣнія.

Непопулярности земскихъ начальниковъ, какъ судей, способствуетъ и то обстоятельство, что они, будучи обременены всевозможными административными дѣлами, смотрятъ на свою судебную дѣятельность, какъ на побочную,—какъ на отрывающую у нихъ только время отъ необходимыхъ занятій; въ виду этого, земскіе начальники къ судебнымъ дѣламъ относятся очень небрежно, назначаютъ ихъ къ слушанію чрезъ продолжительные промежутки времени, постановляютъ рѣшенія, недостаточно обоснованныя, не указываютъ въ резолюціяхъ мотивовъ, не облекаютъ ихъ въ форму окончательныхъ рѣшеній, и т. п. Наконецъ, есть и еще причина непопулярности земскихъ начальниковъ въ ихъ судебной дѣятельности. Иногда, за недостаткомъ мѣстныхъ кандидатовъ, на должность земскаго начальника опредѣляются помѣщики, живущіе внѣ предѣловъ своего участка, за 30—50 верстъ отъ подвѣдомственныхъ имъ волостей; при такомъ же разстояніи обращеніе къ земскому начальнику вызываетъ за собой цѣлый рядъ путешествій и расходовъ, неокупающихся выигрышемъ сравнительно некрупныхъ дѣлъ. Слѣдуетъ, затѣмъ, принять во вниманіе, что надзоръ за приговорами и рѣшеніями земскихъ начальниковъ принадлежитъ уѣздному съѣзду, предводителю дворянства, губернатору и губернскому присутствію. Эти лица и учрежденія по своему составу, конечно, не могутъ объединить болѣе или менѣе удовлетворительно судебную дѣятельность земскихъ начальниковъ или преподать имъ однообразныя руководящія начала, а потому вновь учрежденныя апелляціонныя, ревизіонныя и кассаціонныя инстанціи оказываются совершенно непригодными для роли охранителей силы закона и истолкователей правильности его примѣненія. Въ результатѣ же, деревенское правосудіе, олицетворяемое земскими начальниками, оставляетъ желать очень и очень многаго, такъ какъ ихъ судебная дѣятельность не нашла для себя ни надлежащаго первенствующаго значенія, ни умѣлаго выраженія.

Заканчивая замѣтки о земскихъ начальникахъ, мы должны, въ заключеніе, указать и на чрезвычайную пестроту мѣстной судебно-административной юстиціи на пространствѣ всей имперіи, такъ какъ судебныя функціи были присвоены не только земскимъ начальникамъ, но и многимъ другимъ установленіямъ, завѣдывающимъ крестьянскими дѣлами. Такъ, въ 43 губерніяхъ Европейской Россіи введены земскіе участковые начальники, уѣздные съѣзды и губернскія присутствія; въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской—мировые посредники, уѣздные мировые съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; въ губерніяхъ закавказскихъ—Тифлисской, Кутаисской, Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской—мировые посредники и губернскія по крестьянскимъ или по поселянскимъ дѣламъ присутствія; въ области войска Донского—окружныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, непремѣнные члены этихъ присутствій и областное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; въ губерніи Архангельской—чиновники по крестьянскимъ дѣламъ, съѣзды по крестьянскимъ дѣламъ и губернское по крестьянскимъ дѣламъ присут-

ствіе; въ губерніяхъ Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской—крестьянскіе начальники, уѣздные съѣзды этихъ начальниковъ и губернскія управленія; въ областяхъ Забайкальской, Амурской и Приморской—крестьянскіе начальники, уѣздные съѣзды этихъ начальниковъ и областныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской—крестьянскіе начальники, уѣздные съѣзды этихъ начальниковъ и областныя правленія. Изъ судебныхъ дѣлъ мировымъ посредникамъ, непремѣнному члену окружного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ они сохранились, и чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Архангельской губерніи признаны подвѣдомственными иски и споры, относящіеся до исполненія актовъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и истекающіе изъ прежнихъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, отнесенныя положеніями о сельскомъ состояніи къ вѣдомству крестьянскихъ установленій; на крестьянскаго начальника возложенъ разборъ превышающихъ подсудность волостныхъ судовъ споровъ на сумму не свыше двухъ тысячъ рублей, по найму на сельскія работы и должности, по отдачѣ въ наемъ земель, или оброчныхъ при нихъ статей, когда на таковую отдачу не было совершено крѣпостного, нотаріальнаго или засвидѣтельствованнаго у нотаріуса договора, по пользованію земельными или иными угодьями, отведенными въ надѣлъ сельскимъ обывателямъ, и по потравамъ полей, луговъ и другихъ угодій, а изъ уголовныхъ дѣлъ—неисполненіе законныхъ требованій или постановленій правительственныхъ властей, нарушеніе общественной тишины посредствомъ ссоры, драки или иного буйства и грубость къ властямъ, за каковые проступки крестьянскому начальнику предоставлено или распорядиться привлеченіемъ виновныхъ къ отвѣтственности въ общеустановленномъ порядкѣ, или подвергнуть ихъ собственною властью, безъ формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше пятнадцати рублей. Всѣ только что перечисленныя дѣла подлежатъ вѣдомству крестьянскаго начальника лишь въ томъ случаѣ, если обѣ спорящія стороны подвѣдомственны крестьянскому управленію, или одна изъ сторонъ подвѣдомственна крестьянскому, а другая—инородческому управленіямъ, или, наконецъ, когда требованіе предъявлено къ лицу, подвѣдомственному одному изъ означенныхъ управленій, лицомъ, тому же управленію не подвѣдомственнымъ.

V.

Дѣятельность волостныхъ судовъ по закону 12 іюля 1889 г.

Параллельно съ земскими начальниками, на пространствѣ 43 губерній, въ сельскихъ мѣстностяхъ были введены въ дѣйствіе волостные суды, реформированные по закону 12 іюля 1889 года. Всякая реформа суда, какъ основанная на данныхъ опыта и на изученіи недостатковъ прежнихъ су-

доустройства и судопроизводства, даетъ основаніе надѣяться, что преобразованный судъ будетъ избавленъ отъ этихъ недостатковъ, что онъ явится шагомъ впередъ на пути усовершенствованія отправленія правосудія и болѣе, чѣмъ дореформенный судъ, окажется соотвѣтствующимъ назрѣвшимъ потребностямъ мѣстнаго населенія, ибо только въ этомъ и можетъ заключаться смыслъ всякой реформы. Посмотримъ же теперь, насколько временныя правила о волостномъ судѣ, утвержденныя 12 іюля 1889 года, отвѣчали означеннымъ заданіямъ и внесли дѣйствительное улучшеніе въ дѣло крестьянскаго правосудія.

Выше, при разсмотрѣніи дѣятельности волостныхъ судовъ 1861 года, уже указывалось, въ какомъ безотрадномъ положеніи они находились ко времени введенія закона 12 іюля. Казалось, что первой заботой составителей этого закона должно было явиться усовершенствованіе законодательства о крестьянахъ, какъ по существу, въ смыслѣ установленія законовъ матеріальнаго права, или, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ кодификаціи крестьянскихъ узаконеній, такъ и съ внѣшней стороны—путемъ выработки ясныхъ судопроизводственныхъ правилъ, а затѣмъ второй параллельной задачей—обезпеченіе суда наилучшимъ составомъ волостныхъ судей и дѣлопроизводителей волостного суда. Для разрѣшенія первой задачи, въ отношеніи пересмотра крестьянскаго законодательства по существу, по внутреннему его содержанію, сдѣлано ничего не было. Бытъ крестьянъ продолжалъ по духу существовавшихъ дотолѣ законовъ покоиться на трехъ основахъ: общинномъ устройствѣ, преобладаніи въ области семейственнаго права трудового начала и общей семейной собственности;—суду же предстояло дѣйствовать, попрежнему, на основѣ обычаевъ, образовавшихся еще при крѣпостномъ правѣ и составлявшихъ наслѣдіе, полученное отъ крѣпостныхъ помѣщиковъ, вѣдавшихъ тогда всѣ споры и тяжбы между крестьянами. Такимъ образомъ, правительство, при помощи толкованій 2 департамента сената, продолжало усердно перекраивать одежды, сшитыя еще въ 1861 году, какъ бы не замѣчая, насколько крестьяне выросли изъ этихъ одеждъ, и невольно узаконяя, вмѣсто обычаевъ, произволъ и личное усмотрѣніе судей. При такомъ направленіи правительственной политики, идущемъ вразрѣзъ съ жизнью, и при несомнѣнномъ стремленіи законодательной власти насадить въ деревенской жизни законность и порядокъ, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ожидать, что временныя правила о волостномъ судѣ будутъ отличаться ясностью, опредѣленностью, простотою изложенія и другими подобными достоинствами, которыя не могли бы подавать повода въ разнообразнымъ толкованіямъ и были бы вразумительны даже для малограмотныхъ волостныхъ судей; но дѣйствительность не оправдала такихъ ожиданій.

Въ дѣлѣ волостной юстиціи несомнѣннымъ шагомъ впередъ было учрежденіе особыхъ апелляціонной и кассаціонной инстанцій. Установленіе апелляціонной инстанціи, давая возможность пересмотрѣть всякое дѣло по существу, вносило огромный коррективъ въ прежній произволъ волостныхъ судей, но польза отъ этого нововведенія значительно парализовалась неустройствомъ волостного суда, почти полнымъ отсутствіемъ

для него судопроизводственныхъ правилъ и несогласованностію ихъ съ таковыми же правилами, имѣвшими примѣненіе въ уѣздномъ съѣздѣ.

Первое условіе правильной организаціи правосудія—независимость и самостоятельность суда. Какъ же было осуществлено это условіе при реформѣ 12 іюля 1889 года? По 2 статьѣ временныхъ правилъ, каждое сельское общество избираетъ одного кандидата въ волостные судьи, причемъ общее число избранныхъ не должно быть менѣе восьми. Изъ состава избранныхъ лицъ земскій начальникъ утверждаетъ четырехъ въ должностяхъ волостныхъ судей, при чемъ одинъ изъ нихъ, по избранію съѣзда, назначается предсѣдателемъ (1 ст.). Съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанности предсѣдателя на мѣстнаго волостного старшину. Въ порядкѣ отвѣтственности, устраненія и удаленія отъ должности волостные судьи подчиняются правиламъ, установленнымъ для волостныхъ старшинъ (ст. 6). Ближайшій и непосредственный надзоръ за всѣми волостными судами возлагается на мѣстнаго земскаго начальника, который обязанъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ, производить ревизію каждаго изъ волостныхъ судовъ (13 ст.). Земскій начальникъ, въ случаѣ жалобъ или непосредственно усмотрѣнныхъ имъ самимъ маловажнымъ проступковъ волостныхъ судей, имѣетъ право подвергать ихъ, безъ формальнаго производства, замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пяти рублей или аресту не свыше семи дней (62, нынѣ 58 ст. Пол. о зем. нач.), причемъ такія постановленія земскихъ начальниковъ почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію (64 ст. Пол.). Вникая въ приведенныя законоположенія, регулирующія *свободное* избраніе волостныхъ судей самими крестьянами, каждый убѣдится, что такая свобода является весьма призрачной. Прежде всего, изъ числа выбранныхъ кандидатовъ на должность судьи, судей *назначаетъ* земскій начальникъ, а назначаетъ онъ судей изъ тѣхъ кандидатовъ, которые лично ему угодны; если же земскій начальникъ кандидатовъ не знаетъ, то объ ихъ нравственныхъ свойствахъ и качествахъ справляется у волостного старшины и писаря, которые, конечно, изъ личныхъ видовъ не укажутъ ему самостоятельныхъ и независимыхъ лицъ. По той же указкѣ, дѣйствующей при посредствѣ земскаго начальника, съѣздомъ *назначается* предсѣдатель суда. За каждый незначительный промахъ, за каждое ослушаніе не только волостной судья, но и весь составъ суда можетъ быть подвергнутъ аресту, безъ всякаго формальнаго разбирательства, т.-е. по личному усмотрѣнію земскаго начальника. Все дѣлопроизводство волостныхъ судовъ, почти повсемѣстно, лежитъ на обязанности волостныхъ писарей, назначаемыхъ и увольняемыхъ также по единоличному произволу того же земскаго начальника. Естественно, что при такомъ положеніи волостныхъ судей не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь самостоятельности. Я—волостной судья, назначенный земскимъ начальникомъ, который за каждое ослушаніе можетъ посадить меня подъ арестъ... Я—человѣкъ малограмотный или неграмотный, законовъ не знаю, и какъ я осмѣлюсь пойти наперекоръ указаніямъ своего начальства, искусившагося въ законахъ, или даже подчинюсь толкованію волостного писаря, который также постоянно сидитъ надъ законами!.. все это такія

соображенія, которыя совершенно обезличивали волостныхъ судей. Если же между ними и оказывались строптивыя лица, то въ качествѣ первоначальнаго увѣщанія къ нимъ примѣнялся арестъ, а затѣмъ можно было войти съ представленіемъ объ увольненіи ихъ отъ службы въ уѣздный съѣздъ, состоящій въ большинствѣ изъ тѣхъ же земскихъ начальниковъ. Къ чести земскихъ начальниковъ слѣдуетъ добавить, что до увольненія волостныхъ судей у нихъ доходило рѣдко, но штрафы и аресты, въ особенности въ первые годы послѣ введенія реформы, процвѣтали въ значительной степени, при чемъ подвергались взысканіямъ, какъ отдѣльные судьи, такъ и волостные суды цѣлымъ составомъ «за неправосудіе», и неоднократно встрѣчались случаи, когда земскіе начальники, передавая въ волостные суды поданныя имъ жалобы, въ препроводительной надписи, попутно, указывали и способы рѣшенія дѣлъ.

Къ указаннымъ внѣшнимъ причинамъ несамостоятельности судей присоединяются и внутреннія, существовавшія еще и при волостныхъ судахъ 1861 года. Такими опять слѣдуетъ признать невѣжественность волостныхъ судей и отсутствіе знающихъ, честныхъ и недорогихъ дѣлопроизводителей волостного суда. Сами судьи въ законахъ разбираться не могутъ и изъ ихъ числа едва ли найдется 10—15% такихъ, которые сами читали временныя правила о волостномъ судѣ. Конечно, постоянное присутствіе въ засѣданіяхъ суда въ теченіе трехъ лѣтъ можетъ развить въ нихъ извѣстную опытность, но въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, и преимущественно въ дѣлахъ повседневнаго, деревенскаго обихода; если же искъ выходитъ изъ означенныхъ тѣсныхъ рамокъ, судьи становятся совершенно безпомощными и спѣшатъ обратиться за разъясненіями къ земскому начальнику, къ волостному писарю, и, вообще, ко всякому, по ихъ мнѣнію, свѣдущему человѣку. Получаемые ими отвѣты принимаются судьями на вѣру, такъ какъ множество вопросовъ, возбуждаемыхъ при производствѣ дѣлъ волостной юстиціи, въ состояніи смутить не только неграмотныхъ судей, но и заправскихъ юристовъ. Какъ, напр., растолковать неграмотному человѣка весьма важную, для опредѣленія подсудности иска, разницу между формальнымъ и неформальнымъ актомъ? Можно ли причислить къ крѣпостнымъ актамъ законно утвержденные сельскіе приговоры объ укрѣпленіи въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ участковъ изъ надѣльной земли, состоящей въ общинномъ пользованіи, какъ удостовѣряющіе принадлежность домохозяевамъ этихъ участковъ? и т. п. Очевидно, безъ посторонней указки судьи обойтись не могутъ и даже при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу вынуждены непрестанно адресоваться къ волостному писарю, какъ къ ближайшему и постоянному ихъ совѣтнику; ежедневное же обращеніе къ чужой помощи отучаетъ судъ отъ проявленія всякой самодѣятельности, тѣмъ болѣе, что голова сельскаго пахаря, привыкшаго работать такъ, какъ работали дѣды и прадѣды, по заведенному образцу, не всегда обладаетъ надлежащей гибкостью ума, необходимой для разрѣшенія сложныхъ юридическихъ правоотношеній. При подобной обстановкѣ мало-по-малу волостной писарь заручается вліяніемъ на судей, довѣріемъ всего состава суда и становится оракуломъ, не терпящимъ воз-

раженій. Рѣшеніе дѣлъ фактически переходитъ въ его руки, и судьи начинаютъ покорно подписывать все, что угодно писарю. Когда же они захотятъ проявить самостоятельность, или изъ какихъ другихъ видовъ настоять на своемъ рѣшеніи, то писарь такъ запишетъ свидѣтельскія показанія, настолько извратитъ обстоятельства дѣла, что во второй инстанціи самое, по существу, справедливое рѣшеніе покажется возмутительнымъ,—стоитъ только ему не записать возраженія отвѣтчика на исковыя требованія или раздробить его признаніе, т-.е. занести въ протоколъ первую половину показанія, заключающую признаніе, напр., долга, и не записать объясненія по поводу того, когда и какъ долгъ былъ уплаченъ, и т. д. Въ подобныхъ случаяхъ тотъ же писарь за приличное вознагражденіе пишетъ жалобу въ уѣздный съѣздъ, а когда рѣшеніе будетъ отмѣнено, онъ же укажетъ волостнымъ судьямъ на кажущуюся неправильность ихъ рѣшенія и на свою правоту. Обыкновенно, нѣсколькихъ такихъ случаевъ бываетъ совершенно достаточно, чтобы судьи вполнѣ успокоились, съ писаремъ болѣе въ пререканія не пускались и свою самостоятельность проявляли бы только въ самыхъ простѣйшихъ дѣлахъ, въ исходѣ которыхъ писарь не считаетъ себя заинтересованнымъ. Если же въ волостной судъ назначается особый дѣлопроизводитель, то дѣло становится еще хуже. Получая на одной этой должности самое нищенское жалованье, назначенный часто изъ бывшихъ письмоводителей земскаго начальника, выгнанныхъ за пьянство, или изъ болѣе пронырливыхъ помощниковъ волостного писаря, такой дѣлопроизводитель поневолѣ превращается въ подпольнаго ходатая по дѣламъ, собираетъ дань съ тяжущихся, извращаетъ въ пользу своихъ кліентовъ все происходящее на судѣ, пишетъ имъ жалобы и т. д., такъ что всѣ рѣшенія отмѣняются подрядъ. Въ результатѣ, волостные судьи, совершенно сбитые съ толку, не увѣренные въ справедливости своихъ рѣшеній, лишенные всякаго пониманія, что законно и что незаконно, впадаютъ въ полнѣйшую апатію, утрачиваютъ желаніе работать самостоятельно и начинаютъ дорожить только выгодами, которыя сопряжены съ ихъ временнымъ судейскимъ званіемъ,—правомъ получать свое жалованье и правомъ расчитывать на угощеніе со стороны не только тѣхъ, кто судится, но даже и тѣхъ, кто предполагаетъ когда-нибудь судиться. Въ особенности цѣнится послѣдняя выгода. «Пьяное положеніе» судей является для нихъ совершенно нормальнымъ и полагается, такъ сказать, по штату. Самая психологія этого явленія крайне интересна. Плохой работникъ, неспособный, съ достаточнымъ тяготѣніемъ къ спиртнымъ напиткамъ,—но дома жена не даетъ пить, сосѣди корятъ... вдругъ такого человѣка избираютъ въ волостные судьи и тутъ пей уже на законномъ основаніи! Отъ всякаго—угощеніе! Судья, это—тотъ, котораго слѣдуетъ поить!.. Если же попадается трезвый судья, то онъ прямо несчастный человѣкъ. «Ишь важничаетъ, съ нами ужъ и выпить брезгаетъ... погоди, придетъ срокъ, такой же мужикъ будешь»! Оригинальнѣе всего то, что подобный трезвый судья самъ чувствуетъ ненормальность своего поведенія и вскорѣ бѣжитъ изъ волостныхъ судей. Зато судья, не брезгающій угощеніемъ, при новыхъ выборахъ не жалѣетъ ни обѣщаній, ни спаиванія односель-

чанъ для того, чтобы сельскій сходъ снова выбралъ его въ судьи и этимъ путемъ закрѣпилъ за нимъ «пьяное положеніе» еще на три года. Пьянство настолько вошло въ плоть и кровь волостныхъ судей, что искоренить его еще недавно казалось совершенно невозможнымъ. Нѣкоторые земскіе начальники пытались преслѣдовать его всякими способами, но ничто не помогло,—ни административныя взысканія, ни даже увольненія отъ должности, и вновь избранные судьи продолжали дѣлать то же самое, только хитроумнѣе. Открытое угощеніе судей прекращалось, и составъ волостного суда отправлялся въ пивную и угощался одинъ, а тяжущіеся приходили въ пивную послѣ ихъ ухода и расплачивались за судей. По этому поводу припоминаются разсказы одного волостного писаря, какъ ему приходилось мучиться съ пьянымъ составомъ волостного суда, и въ особенности съ однимъ изъ судей, отличавшимся благодушнымъ характеромъ и, по своему благодушію, обѣщавшимъ каждому изъ тяжущихся свое содѣйствіе. Всѣ и всегда были имъ довольны, а судья вѣчно находился въ нетрезвомъ видѣ. Чуть не каждый разъ, когда онъ принималъ участіе въ засѣданіи суда, приходилось ожидать судью изъ пивной по часу и по два, тщательно наблюдая за твердостью походки, которой онъ направлялся въ волостное правленіе, и если походка казалась подозрительной, то писарь спѣшилъ навстрѣчу судьѣ, уводилъ его въ свою комнату и, въ зависимости отъ времени года, подвергалъ или продолжительному обливанію водой, или натиранію головы снѣгомъ, а затѣмъ выводилъ освѣженнаго въ залъ засѣданія. Откладывать дѣла, въ виду собравшихся въ значительномъ количествѣ тяжущихся и свидѣтелей, было невозможно, и въ такія засѣданія на волостного писаря, кромѣ веденія протокола, выпадала дополнительная обязанность слѣдить за судьей и наступать ему подъ судейскимъ столомъ на ногу въ тѣ моменты, когда судья обнаруживалъ неудержимое стремленіе ко сну.

Кромѣ угощенія, на волостныхъ судахъ, въ виду ихъ обезличенности, имѣли большое вліяніе родственныя связи, кумовство, почитаемое въ деревнѣ выше родства, и давленіе, производимое наиболѣе зажиточными и наиболѣе уважаемыми въ волости лицами. Волостной старшина, сельскій староста, сборщикъ податей, церковный староста, мѣстный лавочникъ, отпускающій товаръ въ кредитъ, кулакъ, у котораго въ трудную минуту можно перехватить два-три рубля,—все это такія лица, съ которыми необходимо считаться, и которыхъ лучше не возстановлять противъ себя, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ случаяхъ и волостной писарь съ ними заодно...

Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія, но въ большинствѣ судовъ составъ волостныхъ судей получился изъ людей приниженныхъ, не осмѣливавшихся ослушаться земскаго начальника, находившихся подъ полнѣйшимъ вліяніемъ волостного писаря и неравнодушныхъ, какъ къ угощенію со стороны тяжущихся, такъ и къ воздѣйствію болѣе значительныхъ мѣстныхъ людей. О самостоятельности и независимости суда тутъ не могло быть и рѣчи.

Вредныя послѣдствія малограмотности волостныхъ судей, ихъ невысокаго нравственнаго уровня и отсутствія самостоятельности возможно было бы парализовать до нѣкоторой степени содержаніемъ временныхъ

правилъ, ихъ ясностью и опредѣленностью. Казалось бы, что составители этихъ правилъ, признавъ необходимость подчинить волостные суды административному контролю, прежде всего обязаны были создать для названныхъ судовъ подробный и точный кодексъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, въ который, при возможной простотѣ изложенія, внести, какъ формы и обряды судопроизводства, такъ и перечень подвѣдомственныхъ волостному суду проступковъ съ указаніемъ отличительныхъ ихъ признаковъ и мѣры наказанія, причемъ такой кодексъ ввести въ общую систему организаціи правосудія. При наличности кодекса каждое нарушеніе закона, допущенное судьями, бросалось бы въ глаза, но во временныхъ правилахъ ничего подобнаго мы не находимъ и отправленіе правосудія въ средѣ стомилліоннаго населенія попрежнему предоставлено личному усмотрѣнію безграмотныхъ судей и ихъ оракула—волостного писаря.

Законъ 12 іюля 1889 года о волостныхъ судахъ, представляя собой совершенно отдѣльное узаконеніе, не стоитъ ни въ какой связи ни съ Судебными Уставами, ни даже съ правилами 29 декабря 1889 года, которыми руководствуется уѣздный съѣздъ при разсмотрѣніи въ апелляціонномъ порядкѣ дѣлъ того же волостного суда. Всякое толкованіе временныхъ правилъ судьи должны почерпать непосредственно изъ самыхъ правилъ, и все, что тамъ оказывается неяснымъ, не можетъ быть истолковано путемъ аналогіи съ существующими узаконеніями, а между тѣмъ редакція новаго закона настолько неопредѣленна, настолько страдаетъ отсутствіемъ всякихъ судопроизводственныхъ правилъ и указаній, что въ немъ не могутъ разобраться и профессіональные юристы.

Весь порядокъ производства и рѣшенія дѣлъ изложенъ въ семи (22—28) статьяхъ и затѣмъ одна статья (29) посвящена способамъ исполненія рѣшеній. Неопредѣленность начинается съ перваго шага и прежде всего является вопросъ, кто же назначаетъ засѣданія суда. Въ 8 ст. временныхъ правилъ указывается, что «волостной судъ собирается не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, преимущественно по воскреснымъ и другимъ праздничнымъ днямъ, въ случаѣ же надобности волостной старшина созываетъ его чаще и въ другіе дни». Кто же назначаетъ дни обыкновенныхъ, не экстренныхъ засѣданій, кто производитъ вызовъ сторонъ и свидѣтелей? «Въ назначенный день», говоритъ 23 статья, «стороны обязаны явиться въ судъ лично». Какіе же способы устанавливаются закономъ для вызова сторонъ? Нужно ли для этого посылать имъ повѣстки, или только извѣщать словесно чрезъ сельскихъ старостъ? Если можно ограничиться словеснымъ извѣщеніемъ, то примѣнимъ ли такой способъ въ отношеніи лицъ, не подвѣдомственныхъ волостному суду? 22—28 статьи устанавливаютъ общій порядокъ производства дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ. Неужели же неявка сторонъ, напр., отвѣтчика по гражданскому иску и обвиняемаго въ кражѣ должна имѣть одинаковыя послѣдствія? Какія же послѣдствія неявки по вызову волостного суда, какъ для тяжущихся, такъ и для свидѣтелей? 26 статья правилъ предписываетъ волостному суду при разсмотрѣніи споровъ и тяжбъ склонять стороны къ примиренію, ничего не упоминая объ уголовныхъ дѣлахъ; отсюда возникаетъ

вопросъ, можно ли предлагать примиреніе по *уголовнымъ* дѣламъ, подлежащимъ у мировыхъ судей и у земскихъ начальниковъ примирительному разбирательству? Изъ перечня проступковъ, подсудныхъ волостному суду (17 ст. прав.), видно, что *присвоеніе* чужого имущества, какъ предусмотрѣнное 177 ст. устава о нак., является сему суду не подвѣдомственнымъ; о какомъ же присвоеніи имущества говоритъ 38 статья временныхъ правилъ? Правда, указывая въ этой статьѣ проступки, которые могутъ повлечь тѣлесное наказаніе, временныя правила называли кражу, мошенничество и присвоеніе, послѣ чего въ скобкахъ слѣдовала ссылка на 169 и 172—174 ст. Устава о нак., которыя относятся только къ кражамъ и мошенничествамъ, но, въ такомъ случаѣ, для чего же упоминать тутъ о присвоеніи? Въ 17 статьѣ (нынѣ ст. 127 Общ. Пол. о крестьян.) переименовываются проступки, подлежащіе разсмотрѣнію волостного суда, и этотъ перечень дѣлается путемъ ссылки на статьи Устава о наказаніяхъ, безъ обозначенія названій проступковъ и отличительныхъ признаковъ, т.-е., иначе говоря, требуется, чтобы малограмотный судья не ограничивался только изученіемъ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, но провѣрилъ бы еще по другимъ законоположеніямъ всѣ сдѣланныя въ правилахъ ссылки и опредѣлилъ бы, насколько и въ какой мѣрѣ они примѣнимы къ дѣятельности и предѣламъ власти, предоставленной волостному суду. Соотвѣтствуетъ ли такой способъ изложенія для закона, предназначеннаго для низшаго сельскаго суда, которому совершенно чужды юридическія опредѣленія объ отличительныхъ признакахъ каждаго поступка въ отдѣльности? Въ результатѣ волостные судьи съ грѣхомъ пополамъ запомнили 38, 142 и 169 статьи Устава о наказ., но обо всѣхъ остальныхъ подвѣдомственныхъ имъ проступкахъ почти не имѣютъ никакого понятія и предоставляютъ ихъ въ полное распоряженіе волостного писаря. Отсюда, впрочемъ, не слѣдуетъ, что судьи понимаютъ правильно отличительные признаки и тѣхъ трехъ проступковъ, которые предусмотрѣны приведенными выше статьями. Самой понятной является имъ 38 статья, наказующая ссоры, драки и буйство въ публичномъ мѣстѣ, и здѣсь недоразумѣній не встрѣчается. Не такой простой уже является для волостного суда 142 статья, предусматривающая насиліе и самоуправство. Еще слово «насиліе» понять кое-какъ можно, хотя и тутъ довольно затруднительно разобрать, гдѣ кончается оскорбленіе дѣйствіемъ и начинается насиліе, но слово «самоуправство» въ представленіи крестьянина обозначаетъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ понятіяхъ юристовъ. Различіе неправды гражданской отъ неправды уголовной для волостного суда совершенно недоступно, и подъ понятіе самоуправства они, не задумываясь, подводятъ огромное количество всевозможныхъ гражданскихъ и уголовныхъ правонарушеній, если только замѣчаютъ въ нихъ, недопустимое по мнѣнію суда, проявленіе злой воли нарушителя чужихъ правъ. Отличительные признаки кражи для судей также не очень вразумительны, такъ какъ подъ понятіе кражи подводятся часто и грабежъ, и самоуправство, и всякое мошенничество или присвоеніе. А затѣмъ, какая разница между словеснымъ оскорбленіемъ или клеветой, или даже угрозой? Или,

что разумѣютъ временныя правила подъ словами «собственность» и «владѣніе», которыя правилами употребляются безразлично, хотя различіе между этими понятіями столь велико? Такіе вопросы возникаютъ чуть не сотнями.

Если обратиться къ содержанію 15 и 17 статей правилъ о волостномъ судѣ, то каждый легко убѣдится, что указанные въ приведенныхъ статьяхъ предѣлы подсудности охватываютъ всѣ повседневные интересы сельскаго населенія и, по своему жизненному значенію, превосходятъ подсудность судебныхъ дѣлъ земскому начальнику. Достаточно только указать, что по 15 статьѣ вѣдомству волостного суда подлежатъ всѣ споры и всѣ наслѣдственныя дѣла о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, безъ ограниченія суммы. Если же опредѣлить стоимость средняго крестьянскаго хозяйства суммою въ 300—500 рублей, то въ распоряженіи суда, при разсмотрѣніи дѣла, легко окажется благосостояніе цѣлой семьи, которое можетъ быть уничтожено однимъ почеркомъ пера малограмотныхъ судей. Какое же орудіе дали временныя правила для борьбы съ деревенской неправдой, и насколько эти орудія являются пригодными для борьбы, какъ съ уголовными проступками безпокойныхъ элементовъ, такъ и съ гражданскими правонарушеніями?

Для уголовной репрессіи по проступкамъ, подвѣдомственнымъ волостному суду, 33 ст. временныхъ правилъ (ст. 143 Общ. Пол. о кр.) устанавливаетъ особую лѣстницу наказаній; по этой статьѣ, волостной судъ за подсудные ему проступки назначаетъ: 1) выговоръ въ присутствіи суда; 2) денежное взысканіе отъ 25 копеекъ до тридцати рублей; 3) арестъ до пятнадцати дней, простой или строгій (съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ), а въ случаѣ, предусмотрѣнномъ статьею 38,—до тридцати дней, и 4) лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, наказаніе розгами до двадцати ударовъ. При этомъ, «за проступки, влекущіе за собою по Уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, денежное взысканіе или арестъ, волостной судъ опредѣляетъ тѣ же наказанія въ мѣрѣ предоставленной ему власти, но имѣетъ право, при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину, назначать, вмѣсто ареста, денежное взысканіе и замѣнять вышеуказанныя наказанія выговоромъ» (34 ст.). «За проступки, предусмотрѣнные статьями 30 (вторая часть), 35 и 36 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину, можетъ быть назначенъ строгій арестъ, а за проступки, указанные въ статьяхъ 31, 38, 49, 132, 134, 135, 140—143 и 180 (первая часть) того же Устава,—наказаніе розгами [1]), если судъ признаетъ необходимымъ подвергнуть виновнаго именно сему наказанію» (36 ст.).

Здѣсь буквально занесены 33—36 ст. временныхъ правилъ о волостныхъ судахъ, и по приведенному образцу легко убѣдиться, какъ трудно малограмотному волостному судьѣ примѣниться къ правильному назначенію наказаній, если бы даже судья съумѣлъ разобраться въ дѣяніи, приписываемомъ обвиняемому, и безошибочно опредѣлилъ признаки взводимаго на него проступка.

---

[1]) Нынѣ отмѣненное.

Далѣе, за кражу, мошенничество, присвоеніе чужого имущества и за покушеніе на эти проступки (Уставъ о наказ., ст. 169 и 172—174), за мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство, а также за нарушенія условій найма, перечисленныя въ статьѣ 17, волостной судъ приговариваетъ виновныхъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или къ аресту на время отъ семи до пятнадцати дней, или (до Высочайш. манифеста 11 августа 1904 г.) къ тѣлесному наказанію (ст. 33, п. 4), или же, въ особо важныхъ случаяхъ, къ аресту и наказанію розгами, причемъ, за кражи, мошенничества и присвоеніе чужого имущества срокъ ареста можетъ быть продолженъ до тридцати дней (38 ст.).

Предоставляя перечисленныя наказанія въ распоряженіе волостного суда, законъ вводитъ въ нихъ, въ связи съ остальными правилами, различныя новеллы, неизвѣстныя нашему Уставу о наказаніяхъ. Здѣсь встрѣчается совокупность наказаній, въ силу коей одно и то же лицо можетъ быть подвергнуто одновременно аресту и тѣлесному наказанію, устанавливается (и сохраняется до указа 5 окт. 1906 г.) уголовная наказуемость доселѣ не наказуемыхъ проступковъ, каковы: мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство, и нарушеніе договора найма, заключеннаго не по договорному листу,—предписывается признаніе увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствъ, безъ указанія, что слѣдуетъ признавать за таковыя, и т. д., но этимъ затрудненія, вызываемыя приложеніемъ уголовныхъ наказаній къ лицамъ, признаннымъ виновными въ извѣстныхъ проступкахъ, еще не ограничиваются. Установляется различіе въ наказаніяхъ для лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и для лицъ, отъ сего наказанія изъятыхъ, такъ какъ эти послѣднія тѣлесному наказанію не подлежатъ; для опредѣленія же, какія лица могутъ быть подвергнуты наказанію и какія не могутъ, волостной судья долженъ обратиться уже къ Уложенію о наказаніяхъ и требуемыя свѣдѣнія почерпнуть изъ приложенія къ 30 статьѣ, и къ Общему Положенію о крестьянахъ, гдѣ въ примѣчаніяхъ къ 102 и 124 статьямъ также имѣются на это указанія. Затѣмъ, наконецъ, временными правилами вводится ужасающее неравенство наказаній въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли виновный въ совершеніи проступка къ лицамъ, подвѣмомственнымъ волостному суду или мировому суду, совершенъ ли проступокъ въ предѣлахъ волости или, напр., на городской землѣ, и совершенъ ли онъ противъ лица, подвѣдомственнаго волостному суду, или лица, сему суду не подвѣдомственнаго. Для примѣра укажемъ хотя бы на 169 статью Устава о наказ., предусматривающую кражу. По этой статьѣ, наименьшее наказаніе за кражу можетъ быть назначено въ размѣрѣ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, а по временнымъ правиламъ о волостномъ судѣ—семидневный арестъ и т. п. Такія уменьшенныя наказанія примѣняются къ виновнымъ, если проступки совершены ими въ предѣлахъ волости, но стоитъ виновному выѣхать изъ предѣловъ волости на городской выгонъ, какъ его привлекаютъ къ отвѣтственности уже у городского судьи, и тотъ приговариваетъ къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Означенное неравенство наказаній распространяется и на про-

ступки, совершенные крестьянами въ предѣлахъ волости, если они направлены противъ лицъ, волостному суду не подвѣдомственныхъ; въ этомъ случаѣ дѣло обращается къ производству земскаго начальника, который также обязанъ подвергнуть виновнаго тюремному заключенію, но если потерпѣвшій помирволитъ виновному и съ своей жалобой самъ обратится въ волостной судъ, то за ту же кражу опять можетъ быть опредѣленъ арестъ до семи дней.

Полагаемъ, что дальнѣйшее разсмотрѣніе временныхъ правилъ о волостномъ судѣ относительно правъ, предоставленныхъ ему по наказанію виновныхъ въ различныхъ проступкахъ, представляется излишнимъ. Думаемъ, что и сказаннаго нами достаточно для убѣжденія въ невозможности для малограмотнаго волостного судьи оріентироваться въ подобномъ кодексѣ, въ которомъ надлежащимъ образомъ не могъ разобраться самъ министръ юстиціи покойный Н. В. Муравьевъ, составившій, на основаніи упомянутыхъ правилъ, «Руководство для волостныхъ судовъ» (1891 г.), и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ статей новаго закона, которыми обязанъ руководствоваться волостной судъ при разсмотрѣніи гражданскихъ дѣлъ.

«Волостной судъ», говоритъ 25 статья временныхъ правилъ, «рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи тяжбъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями». Такимъ образомъ, новый законъ о волостныхъ судахъ предписываетъ оцѣнивать имѣющіяся по дѣлу доказательства по совѣсти и исключительно руководствуясь мѣстными обычаями. Снова подчеркивается безполезность для крестьянъ закона и въ качествѣ единственной правовой нормы для разрѣшенія всѣхъ крестьянскихъ правоотношеній предписывается обязательное примѣненіе обычая, что́ побуждаетъ и насъ опять остановиться на значеніи обычая и возможности его примѣненія въ волостномъ судѣ.

Мы упоминали выше, что обычаи, вытекающіе изъ трехъ основныхъ началъ, положенныхъ въ краеугольный камень устройства быта крѣпостныхъ крестьянъ,—общиннаго устройства, преобладанія въ области семейственнаго права трудового начала и общей семейной собственности—зародились и укрѣпились въ отдѣльныхъ общинахъ еще при существованіи крѣпостной зависимости. Въ то время зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, какъ личная, такъ и экономическая, была огромна и охватывала всѣ стороны ихъ жизни. Въ силу такой зависимости, крѣпостные были обязаны передъ помѣщикомъ барщиной, т.-е. исполненіемъ въ натурѣ различныхъ работъ, отбываемыхъ, какъ людьми лично, такъ и при помощи живого инвентаря, а при наличности многосемейныхъ дворовъ,—и оброчной повинностью, отбываемой отдѣльными членами этихъ дворовъ, увольняемыхъ на вольные заработки, «на оброкъ». Каждый крестьянскій дворъ состоялъ изъ одного или нѣсколькихъ тяголъ, т.-е. женатыхъ паръ; до вступленія въ бракъ крестьяне въ большинствѣ случаевъ барщиной и оброчной податью не облагались, но вступали въ бракъ немедленно

по достиженіи закономъ опредѣленнаго возраста. Обыденныя экономическія соображенія побуждали помѣщиковъ стремиться къ образованію возможно большаго количества тяголъ, составлявшихъ матеріально—сильные, многотягловые гнѣзда-дворы, и къ предупрежденію распада этихъ дворовъ; предупредить же такой распадъ было, несомнѣнно, очень легко простымъ запретомъ со стороны помѣщика семейныхъ раздѣловъ, не встрѣчавшихъ къ тому же сочувствія и со стороны домохозяевъ, которые привыкли пользоваться въ семьѣ деспотической властью. Рука объ руку съ указанными помѣщичьими мѣропріятіями шли и естественныя условія тогдашняго земледѣльческаго быта. Хозяйство исключительно натуральнаго характера на помѣщичьей землѣ, незначительность имущественнаго оборота, сводившагося къ удовлетворенію необходимѣйшихъ потребностей семьи, и обработка полей при содѣйствіи всѣхъ трудоспособныхъ членовъ семейства,—вотъ тѣ данныя, подъ вліяніемъ которыхъ, при существованіи крѣпостного права, привилось къ сельскому быту понятіе о семейной собственности и установился порядокъ, по которому, какъ полевая, такъ и усадебная помѣщичья земля, состоявшая въ пользованіи извѣстнаго двора, вмѣстѣ съ постройками и инвентаремъ, оставались въ общемъ пользованіи того же двора и по смерти домохозяина, а не распылились между его кровными родственниками. Существованіе въ крестьянскомъ быту трудового начала и общей семейной собственности еще до уничтоженія крѣпостного крава подтверждается совершенно ясно содержаніемъ Положенія 19 февраля 1861 года, взявшаго эти принципы готовыми изъ временъ крѣпостничества. Такъ, 110 ст. Мѣст. Полож. прямо устанавливаетъ, что усадебныя земли крестьянъ остаются въ потомственномъ пользованіи всего двора, живущаго на означенной землѣ. Затѣмъ, въ томъ же положеніи имѣются многочисленныя указанія на принадлежность подворныхъ участковъ всему крестьянскому двору. Участки эти именуются семейными (Пол. Крест. Влад., стт. 66, 69, 70, 71 и др.), пріобрѣтаются дворомъ (Пол. о выкуп., стт. 76, 122, 129) и остаются въ потомственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ (Пол. Крест. Влад. стт. 66, 101, 148, 190, 295). По Положенію 19 февраля, крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, образовывали самоуправляющіяся сельскія общества, оказавшіяся на первыхъ порахъ весьма жизнеспособными благодаря той власти, которая была предоставлена сельскому сходу. По этому положенію, отъ сельскаго схода зависѣла скидка и накидка на членовъ общества надѣльной земли, отъ которой многіе крестьяне, въ виду высокихъ, въ первое время выкупныхъ платежей, старались отказываться; общество передъ правительствомъ было обязано въ выкупныхъ платежахъ круговой порукой, дѣлавшей болѣе состоятельныхъ домохозяевъ отвѣтственными за менѣе состоятельныхъ; общество имѣло право, при неисправномъ взносѣ выкупныхъ платежей, неисправныхъ плательщиковъ устранять отъ домохозяйства и сдавать ихъ въ заработки; общество разрѣшало семейные раздѣлы, составляло приговоры о высылкѣ въ Сибирь порочныхъ членовъ общества и т. д. Такая значительная власть сельскаго общества надъ каждымъ изъ своихъ членовъ невольно заставляла всякаго

изъ нихъ принимать живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и обсуждать ихъ по присущей каждому человѣку правдѣ;—а возможность для общества вмѣшиваться въ семейныя дѣла каждаго двора, оцѣнивать по достоинству всякаго крестьянина со стороны его платежеспособности и добраго поведенія способствовали тому, что въ сферѣ семейственнаго и наслѣдственнаго права также получило преобладающее значеніе общинное начало, поддерживавшее принципы общей семейной собственности и предпочтенія сильныхъ и работоспособныхъ членовъ двора передъ кровными родственниками, жившими особо и не вносившими въ родную семью своего труда или заработка.

Естественно, что при такомъ преобладаніи общины и зависимости отъ нея отдѣльныхъ домохозяевъ на сельскомъ сходѣ еще во время крѣпостного права могли зародиться, а затѣмъ, по введеніи реформы 1861 года, укрѣпиться извѣстные привычные пріемы, обычаи, при помощи которыхъ каждый сельскій сходъ регулировалъ отношенія своихъ сочленовъ, въ особенности, въ дѣлѣ землепользованія и взысканія податей. Каждый зналъ, какимъ бременемъ ложилась первое время накидка земли, или какъ тяжело платить выкупные платежи,—каждый отъ этого отбивался и потому для сельскаго схода была единственная возможность выйти изъ такого затруднительнаго положенія—разрѣшить спорный вопросъ на началахъ справедливости,—разрѣшить такъ, чтобы никого даромъ не обидѣть, и чтобы самъ пострадавшій не могъ ничего возразить противъ рѣшенія. Такъ установилось понятіе, что «міръ—великъ человѣкъ», великъ и по своей силѣ, и по своему нравственному авторитету. Такъ возникло понятіе о «мірской правдѣ», о справедливости общинныхъ обычаевъ. По мѣрѣ увеличенія народонаселенія, облегченія выкупныхъ платежей и возрастанія цѣнности земли, среди крестьянъ начинаетъ постепенно замѣчаться обратное движеніе—тяготѣніе къ землѣ, желаніе захватить ее въ свои руки въ возможно большемъ количествѣ. Означенное стремленіе также встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны общества, которое начинаетъ противодѣйствовать ему путемъ скидки тяголъ или путемъ общихъ передѣловъ по числу тяголъ или ѣдоковъ, а не по дворамъ. При этихъ условіяхъ право общихъ передѣловъ также во многомъ осуществляло свою особую крестьянскую правду. Общій передѣлъ былъ до извѣстной степени днемъ страшнаго суда, опредѣлявшимъ все дальнѣйшее теченіе жизни крестьянской земли, весь ея укладъ. Здѣсь міръ опять не переставалъ быть великимъ человѣкомъ, по указкѣ котораго между членами общины установлялись извѣстныя правоотношенія и разрѣшались споры «по старинѣ, какъ было у дѣдовъ», по прежнимъ примѣрамъ и обычаямъ; *но всѣ такіе обычаи не выходили за предѣлы земельной общины*, за предѣлы ея землепользованія и отчасти наслѣдственнаго права. «Что городъ, то норовъ... что застѣнокъ, то свой обычай!» говоритъ извѣстная пословица. Что же касается до территоріи цѣлой волости, то для волости общеобязательныхъ обычаевъ никогда не существовало, а ко времени введенія закона 1889 года даже и тѣ немногіе обычаи, которые можно было признавать въ качествѣ правилъ, выводимыхъ путемъ обобщенія изъ раз-

личныхъ общинныхъ обычаевъ, сдѣлались совершенно неустойчивыми и измѣнчивыми подъ вліяніемъ многихъ обстоятельствъ, наложившихъ свою печать на народное правосознаніе и заставлявшихъ забывать старинные дѣдовскіе обычаи или относиться къ нимъ отрицательно. Съ 1861 г. по 1889 годъ прошло почти 30 лѣтъ. За это время въ народѣ сильно поднялась грамотность, были введены Судебные Уставы 1864 года и всеобщая воинская повинность. Каждый крестьянинъ, бывая въ мировомъ судѣ, отбывая свои обязанности въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, видѣлъ, что во всѣхъ судахъ, кромѣ волостного, существуетъ законъ, имѣются опредѣленныя правила, коими регулируются взаимныя отношенія между тяжущимися, что истцы и отвѣтчики, приходя въ судъ, доказываютъ свою правоту, ссылаясь на твердо установленныя правовыя нормы, одинаково примѣняемыя для всѣхъ безъ исключенія. То же самое имѣли случай наблюдать и всѣ тѣ, которые отбывали воинскую повинность. Черемисъ, прослужившій 3—4 года въ арміи или во флотѣ, возвращался на родину съ совершенно инымъ міровоззрѣніемъ, чѣмъ его односельчане, и не могъ уже удовлетвориться примѣненіемъ къ его собственнымъ дѣламъ такой судебной мѣрки, какъ дѣдовскій обычай. Ту же неудовлетворенность порядками волостного суда, руководствующагося «обычаемъ», испытывали и всѣ тѣ крестьяне, которые уходили на заработки въ отхожіе промыслы, на фабрики или проживали въ городахъ; крестьянскіе обычаи, никогда не имѣвшіе устойчивой формы, полузабытые и примѣняемые по произволу судей и писаря, утратили въ ихъ глазахъ всякій нравственный престижъ и трактовались какъ продуктъ народнаго невѣжества и темноты. Къ недовольнымъ примыкали и тѣ крестьяне, которые, проживая въ деревнѣ, завели тамъ какія-нибудь торговыя дѣла или промышленныя предпріятія, и въ силу болѣе обезпеченнаго положенія отслоились отъ рядовыхъ крестьянъ. Причина этого недовольства была совершенно ясна. Всѣ перечисленныя категоріи сельскаго населенія, по роду своихъ занятій, должны вступать съ другими лицами въ самыя разнообразныя сдѣлки; но при вступленіи въ договорныя отношенія, подлежащія въ случаѣ спора судебному разсмотрѣнію, стороны могутъ руководствоваться лишь такими правовыми нормами, которыя имъ извѣстны. Лишь по содержанію этихъ нормъ каждый изъ договаривающихся опредѣляетъ правила своего поведенія въ отношеніи контрагента и знаетъ, *что* онъ можетъ отъ него требовать. Опредѣленность и устойчивость гражданскихъ правоотношеній, обезпеченность ихъ путемъ закона и суда, равныхъ для лицъ всѣхъ состояній, уничтоженіе разной правды для отдѣльныхъ сословій и мѣстъ, правды «глядя по человѣку»,—вотъ что составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ человѣческаго общежитія, а для этого необходимо, чтобы права каждаго гражданина охранялись судомъ, дѣйствующимъ не на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, многимъ неизвѣстныхъ, а велѣніемъ правовыхъ опредѣленій, фиксированныхъ въ законѣ. Какимъ образомъ можно вступать въ договорныя отношенія, когда договаривающіеся говорятъ на разныхъ языкахъ и свои права и обязанности оцѣниваютъ по различной мѣркѣ? Гдѣ та увѣренность, что возникшій между ними споръ при су-

дебномъ разбирательствѣ будетъ разрѣшенъ на опредѣленномъ, единообразно примѣняемомъ основаніи? И возможно ли уваженіе къ судебному рѣшенію, когда одинъ и тотъ же юридическій казусъ разрѣшается разно, въ зависимости отъ того, оба ли тяжущіеся принадлежатъ къ крестьянскому сословію, или одинъ изъ нихъ крестьянинъ, а другой мѣщанинъ (къ которому обычное право непримѣнимо), хотя этотъ мѣщанинъ живетъ рядомъ съ тѣмъ же крестьяниномъ и занимается тѣмъ же земледѣліемъ? Допустима ли, наконецъ, въ отношеніи однихъ и тѣхъ же лицъ различная судебная мѣрка въ зависимости отъ стоимости или рода имущества? Возьмемъ такой примѣръ изъ области наслѣдственнаго права: умираетъ крестьянинъ и оставляетъ послѣ своей смерти надѣльную землю, купчую землю и капиталъ. Наслѣдниками по закону къ помянутому имуществу состоятъ вдова, сыновья и дочери. Кто же изъ нихъ получаетъ наслѣдство? *Надѣльная* земля, безъ ограниченія суммы стоимости, остается общей собственностью двора и переходитъ въ распоряженіе старшаго члена семейства, въ томъ дворѣ проживающаго, хотя бы этотъ членъ семейства былъ зятемъ покойнаго или его пріемышемъ. *Купчая* земля, если она по своей стоимости не превышаетъ 500 рублей, подчиняется дѣйствію обычая и потому, по усмотрѣнію волостного суда, можетъ быть передана и тому же зятю, и кому-нибудь изъ сыновей, но дочери, какъ замужнія, т.-е. вышедшія изъ состава двора, такъ и не замужнія, ничего не получаютъ; при оцѣнкѣ той же земли въ 501 рубль, утвержденіе въ правахъ наслѣдства происходитъ по общимъ правиламъ въ окружномъ судѣ, и тогда вдова, дочери и сыновья получаютъ узаконенныя части, по общимъ гражданскимъ законамъ, въ полный обходъ зятя; наконецъ, бываютъ случаи, когда купчая земля состоитъ изъ нѣсколькихъ участковъ, расположенныхъ въ предѣлахъ разныхъ волостей, и отдѣльные участки могутъ перейти къ наслѣдникамъ не по одному порядку и не въ одинаковыхъ доляхъ, а по обычаямъ, признаваемымъ въ каждой волости въ отдѣльности; такимъ образомъ, одинъ участокъ могутъ подѣлить между вдовой, сыновьями и дочерьми, другой—только между сыновьями, а третій могутъ передать старшему въ семействѣ, напр., зятю или пріемышу. Та же участь постигаетъ и капиталъ, въ зависимости отъ его размѣровъ, или даже мѣста послѣдняго жительства наслѣдодателя, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ новые вопросы, какіе обычаи слѣдуетъ прилагать къ капиталамъ,—обычаи ли родины наслѣдодателя, или обычаи той волости, въ предѣлахъ которой онъ послѣднее время жилъ и умеръ.

Чтобы не быть голословными, приводимъ здѣсь отрывокъ изъ объясненія, даннаго 29 декабря 1904 года управляющимъ государственными сберегательными кассами А. П. Никольскимъ въ засѣданіи Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, образованнаго подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комитета министровъ С. Ю. Витте: «Могу сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ дѣлахъ этого рода (о наслѣдованіи въ денежныхъ капиталахъ) напрасно было бы искать единообразія примѣняемыхъ волостными судами нормъ, которое свидѣтельствовало бы о твердости обычаевъ, замѣняющихъ у крестьянъ

установленныя нашими гражданскими законами нормы наслѣдственнаго права. Я взялъ изъ послѣднихъ почтъ 16 такихъ приговоровъ изъ 8 губерній, исключительно великорусскихъ, именно: С.-Петербургской, Псковской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Калужской и Рязанской. Все это, какъ я сказалъ, приговоры объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ капиталамъ, остающимся въ сберегательныхъ кассахъ послѣ умершихъ вкладчиковъ-крестьянъ. Въ 9 случаяхъ изъ 16 здѣсь въ правахъ наслѣдства утверждены дѣти обоего пола послѣ умершихъ родителей, при чемъ только въ одномъ случаѣ замужняя дочь устранена отъ наслѣдства «по обычаю», но съ особой мотивировкой, состоящей въ томъ, что наслѣдственный капиталъ образовался изъ страховой суммы за сгорѣвшую усадебную постройку, т.-е. какъ бы составляетъ эквивалентъ недвижимости. Въ остальныхъ 8 случаяхъ дочерямъ присуждено наслѣдство вмѣстѣ съ сыновьями, но въ различныхъ доляхъ, а именно: въ четырехъ случаяхъ—поровну съ сыновьями; въ двухъ случаяхъ—по $^1/_{14}$ части, въ одномъ—«законная часть», безъ обозначенія, какая именно, и въ одномъ—безъ обозначенія долей—какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ, изъ чего можно думать, что въ этомъ случаѣ тоже имѣлось въ виду раздѣленіе наслѣдства между сыновьями и дочерьми поровну. Въ тѣхъ же 16 приговорахъ волостныхъ судовъ имѣется девять случаевъ наслѣдованія вдовъ (послѣ мужей) при наличности дѣтей; здѣсь такое же разнообразіе. Въ трехъ случаяхъ вдовы ничего не получили, причемъ въ двухъ изъ этихъ трехъ случаевъ вдовы названы опекуншами малолѣтнихъ дѣтей, кои утверждены въ правахъ наслѣдства; въ двухъ случаяхъ вдовамъ назначено по $^1/_7$, въ одномъ—$^1/_4$, въ одномъ—«законная часть», безъ обозначенія, какая именно, въ одномъ—«поровну съ дѣтьми», и въ одномъ—опредѣленная сумма денегъ. Въ одномъ случаѣ бездѣтному мужу послѣ жены присуждена $^1/_4$ часть наслѣдства и еще нѣкоторая сумма на похороны жены, а остальная сумма наслѣдства раздѣлена между братомъ и сестрами умершей. Словомъ, въ порядкѣ распредѣленія наслѣдствъ замѣчается большое разнообразіе, но при всемъ этомъ въ перечисленныхъ случаяхъ нельзя не замѣтить очень сильнаго вліянія общихъ гражданскихъ законовъ о наслѣдствѣ; оно выражается: во-первыхъ, въ предпочтеніи, которое отдается кровной семьѣ; во-вторыхъ, въ признаніи наслѣдственныхъ правъ за женщинами при наличности сонаслѣдниковъ-мужчинъ въ тѣхъ же степеняхъ родства, и, въ-третьихъ, въ назначеніи дочерямъ, вдовамъ и сестрамъ извѣстныхъ долей наслѣдства, видимо, по соображенію съ нормами X т. ч. 1, только не всегда правильно взятыми».

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться въ отсутствіи твердо установившихся въ крестьянской средѣ наслѣдственныхъ обычаевъ. Только въ одномъ изъ 16 приговоровъ, на которые указывалъ г. Никольскій, есть ссылка на обычай, и притомъ крайне неудачная: въ этомъ случаѣ наслѣдственный капиталъ образовался изъ страховой преміи за сгорѣвшія постройки; но такое происхожденіе капиталовъ настолько рѣдко, что едва ли по поводу наслѣдованія подобныхъ капиталовъ могъ возникнуть какой-нибудь обычай.

Законъ 1889 года и Общее Положеніе о крестьянахъ въ дѣлахъ наслѣдственныхъ и опекунскихъ предписываютъ руководствоваться исключительно обычаями, но именно въ области этихъ двухъ институтовъ и царитъ наибольшая путаница. О наслѣдственныхъ обычаяхъ мы уже говорили; въ опекунскомъ же дѣлѣ крестьянское сословіе оказалось совершенно неспособнымъ къ созданію какихъ-либо самостоятельныхъ правовыхъ нормъ, что ясно видно даже изъ указовъ 2-го департамента сената, который съ 1882 года и по настоящее время не могъ фиксировать по дѣламъ объ опекахъ ни одного руководящаго обычая и въ своихъ разъясненіяхъ только ограничивался ссылкой на 21 статью Общаго Положенія, устанавливающую, что крестьяне въ порядкѣ опеки надъ сиротами, отчетности опекуновъ, размѣра ихъ вознагражденія и т. д. руководствуются мѣстными обычаями; въ дѣйствительности же, по подобнымъ дѣламъ никто никакихъ обычаевъ не знаетъ и крестьянскія опеки, въ порядкѣ ихъ дѣйствій, представляютъ собою неудачное подраженіе общимъ опекунскимъ учрежденіямъ, съ той лишь разницей, что вмѣсто дворянскихъ опекъ или сиротскихъ судовъ, окружныхъ судовъ и сената въ нихъ подставлены съ тѣми же правами сельскіе сходы, земскіе начальники и губернскія присутствія (21 ст., 4 п. 51 ст. Общ. Пол. и 38 ст. Пол. о зем. нач.).

Если же таково примѣненіе обычаевъ въ спеціально отмежеванной имъ области наслѣдственнаго и семейственнаго права, то какую же путаницу обычаи вносятъ въ разрѣшеніе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, когда судъ ссылкою на обычай можетъ разрушать сдѣлки, составленныя въ письменной формѣ самымъ законнымъ образомъ, или когда въ качествѣ тяжущихся выступаютъ съ одной стороны—крестьянинъ, желающій разбираться «по обычаю», а съ другой—мѣщанинъ, на котораго сила крестьянскихъ обычаевъ не распространяется? Не порождаетъ ли такая пестрота правовыхъ нормъ, дѣйствующихъ въ волостномъ судѣ, смуту въ крестьянскихъ умахъ и убѣжденіе, вылившееся въ поговоркахъ «бойся не суда, а судьи» и «законъ, что дышло... куда повернешь, туда и вышло».

Это смущеніе, которое невольно овладѣваетъ крестьянскими умами при выслушаніи многихъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, не проходитъ и при дальнѣйшемъ направленіи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ. Прежде всего возникаетъ вопросъ, для чего апелляторъ, желая подать жалобу на рѣшеніе волостного суда съ ходатайствомъ о пересмотрѣ рѣшенія въ уѣздномъ съѣздѣ, долженъ писать ее на имя земскаго начальника, и земскій начальникъ нѣкоторыя жалобы пропускаетъ въ съѣздъ, а другія не пропускаетъ и возвращаетъ въ волостной судъ, какъ правильно рѣшенныя. Не ясно ли отсюда, съ точки зрѣнія жалобщика, что стоитъ попросить земскаго начальника или оказать ему какую-нибудь услугу, и твоя жалоба пройдетъ въ съѣздъ, а если ты попадешь ему подъ сердитую руку, то жалоба будетъ возвращена въ волостной судъ, какъ неосновательная, и опять выходитъ то же: «бойся не суда, а судьи»! Наконецъ, апелляціонная жалоба достигла уѣзднаго съѣзда и можно надѣяться, что тамъ всякое дѣло разберутъ по справедливости; но и тутъ ожиданіе сбывается далеко не всегда. Законъ 1889 года, упорядочивъ до нѣкоторой степени во-

лостные суды съ внѣшней стороны путемъ учрежденія надъ ними апелляціонной инстанціи, этимъ самымъ учрежденіемъ внесъ окончательную путаницу въ правовое міровоззрѣніе крестьянъ, такъ какъ для волостныхъ судовъ сохранилъ разрѣшеніе дѣлъ по обычаямъ, но рѣшенія этихъ судовъ поставилъ подъ контроль земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ, руководящихся иными процессуальными правилами и иными, чѣмъ волостные суды, началами и основаніями при разрѣшеніи дѣлъ по существу. Ни земскіе начальники, ни уѣздный съѣздъ крестьянскихъ обычаевъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые предподаны въ видѣ указовъ 2-го департамента сената, не знаютъ; да и самъ волостной судъ ихъ не знаетъ, а рѣшаетъ дѣла «глядя по человѣку», когда по совѣсти, когда и забывая о ней. Рѣшенія пишетъ волостной писарь и обыкновенно на обычай въ рѣшеніи не ссылается. Въ виду этого уѣздный съѣздъ, желая подвести спорный вопросъ подъ дѣйствіе какой-либо правовой нормы, за неуказаніемъ обычая, примѣняетъ положенія X тома и отмѣняетъ рѣшеніе волостного суда, хотя бы оно и представлялось съ житейской точки зрѣнія достаточно правильнымъ. Правда, въ подобныхъ случаяхъ съѣздъ обыкновенно не постановляетъ самостоятельныхъ рѣшеній, а возвращаетъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ тотъ же или въ сосѣдній волостной судъ съ указаніемъ причинъ отмѣны, но волостной судъ вникать въ соображенія съѣзда не станетъ и понимаетъ самый фактъ отмѣны рѣшенія, какъ предписаніе разрѣшить дѣло въ обратномъ смыслѣ, и получается новая путаница. Къ этому часто присоединяются смѣшеніе въ одномъ прошеніи гражданскихъ исковъ и уголовныхъ жалобъ, вторичное возбужденіе дѣлъ, уже разрѣшенныхъ судомъ, но такихъ, по которымъ старшина, безъ надлежащаго вознагражденія, не желаетъ приводить рѣшенія въ исполненіе, и т. п.—безъ конца [1]).

---

[1]) Для примѣра приведемъ изъ жизни образецъ такого дѣла: «Крестьянинъ села..... Иванъ Ивановъ заявилъ волостному суду, что односелецъ его Петръ Петровъ самовольно вспахалъ и засѣялъ принадлежащую ему землю въ количествѣ двухъ полосъ, за что проситъ привлечь его къ уголовной отвѣтственности со взысканіемъ убытковъ въ суммѣ 15 рублей». Такова типичная запись изъ «книги заявленій». «Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и выслушавъ объясненія сторонъ и показанія свидѣтелей, волостной судъ нашелъ искъ Ивана Иванова къ Петру Петрову о самоуправствѣ со взысканіемъ 15 рублей за землю доказаннымъ свидѣтельскими показаніями, а потому и руководствуясь 142 ст. Уст. о нак. и 125 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ постановилъ: Петра Петрова подвергнуть аресту на трое сутокъ со взысканіемъ въ пользу Ивана Иванова 15 рублей, воспретивъ вмѣстѣ съ тѣмъ Петру Петрову вступаться въ землю Ивана Иванова». Дѣло переносится въ уѣздный съѣздъ, который выноситъ слѣдующую резолюцію: «Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, уѣздный съѣздъ, въ виду смѣшенія гражданскаго и уголовнаго производствъ, руководствуясь 142 ст. Общ. Пол. о крест., опредѣляетъ: рѣшеніе волостного суда отмѣнить и дѣло производствомъ прекратить». Объявляя резолюцію, предсѣдательствующій на словахъ объясняетъ сторонамъ, что онѣ могутъ судиться снова, только о самоуправствѣ отдѣльно, а о землѣ отдѣльно, и Ивановъ съ Петровымъ возвращаются въ деревню. Если истецъ не сутяга, онъ обыкновенно рѣшаетъ махнуть рукой, тѣмъ болѣе, что къ тому времени и хлѣбъ, посѣянный Петровымъ, уже убранъ съ поля. «Прекратили мое дѣло... видно самоуправни-

Бываютъ крайне рѣдкіе случаи, когда въ рѣшеніяхъ волостного суда, перешедшихъ на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда, среди мотивовъ имѣется приписка «по существующимъ обычаямъ». Не имѣя понятія о такихъ обычаяхъ, съѣздъ, преимущественно въ лицѣ главнаго своего юрисконсульта, уѣзднаго члена окружнаго суда, наводитъ справки, не имѣется ли на нихъ указанія въ разъясненіяхъ 2-го департамента сената, и если приведенные въ рѣшеніи обычаи въ этихъ разъясненіяхъ найдутся, то съѣздъ признаетъ ихъ доказанными; въ противномъ же случаѣ, всякая ссылка на обычай берется подъ подозрѣніе, ибо приписка «по существующимъ обычаямъ» часто дѣлается писаремъ для того, чтобы предохранить интересующее его рѣшеніе отъ перевершенія уѣзднымъ съѣздомъ. Иногда съѣзды даже требуютъ доказательства существованія приведеннаго обычая, каковыми доказательствами, по закону, могутъ быть удостовѣренія земскихъ начальниковъ, предсѣдателей земскихъ управъ, мировыхъ судей, волостныхъ правленій, приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ; но земскіе начальники, предсѣдатели земскихъ управъ и мировые судьи обыкновенно подобныхъ удостовѣреній не выдаютъ, такъ какъ сами мало знакомы съ крестьянскими обычаями; волостные сходы собираются рѣдко и ихъ дожидаться нѣтъ времени, а затѣмъ остаются волостныя правленія и сельскіе сходы, гдѣ подобныя удостовѣренія выдаются только за соотвѣтствующее вознагражденіе или угощеніе. Естественно, что къ такимъ сомнительнымъ документамъ съѣздъ относится подозрительно и при малѣйшей возможности исключаетъ ихъ изъ числа доказательствъ, предпочитая разрѣшить дѣло на основѣ общихъ гражданскихъ законовъ.

Допустимъ, однако, что дѣло рѣшено въ пользу истца, и остается только привести рѣшеніе въ исполненіе. Исполненіе рѣшеній лежитъ на обязанности волостного старшины, который долженъ приступить къ этому немедленно безъ просьбы сторонъ, но тутъ приходится постоянно сталкиваться съ своеобразнымъ пониманіемъ каждымъ старшиной его обязанностей по исполненію рѣшеній. Такъ, нѣкоторые старшины упорно настаиваютъ на

чать-то нынче позволено», говоритъ онъ, а сосѣдъ Петръ Петровъ продолжаетъ пользоваться чужой землей, твердо вѣря, что «Земскій Съѣздъ рѣшилъ по немъ»! Если же стороны имѣютъ наклонность къ сутяжничеству, то они снова начинаютъ дѣло. Случается, что вторичный искъ предъявляется правильно, безъ уголовной примѣси, но тутъ выступаетъ писарь, зорко слѣдящій за тѣмъ, чтобы не обременять себя и судъ излишней работой. Новая резолюція волостного суда гласитъ уже слѣдующее: «принимая во вниманіе, что настоящее дѣло уже разсматривалось судомъ тогда-то, волостной судъ опредѣляетъ: настоящее дѣло, какъ вторично начатое, производствомъ прекратить». Дѣло снова попадаетъ въ Съѣздъ, опять вызываются стороны и начинается ихъ опросъ. «Вы объ этой самой землѣ судились? Объ этой самой», единодушно отвѣчаютъ обѣ стороны. «А вамъ, истецъ, судомъ отказано?» «Да, отказано». «Запишите секретарь, что обѣ стороны заявили, что о спорной землѣ они судятся уже во второй разъ и въ первый разъ истцу было отказано». Рѣшеніе съѣзда въ такомъ видѣ, т.-е. обоснованное заявленіями сторонъ, занесенными въ протоколъ, является забронированнымъ и для губернскаго присутствія, куда рѣшается принести жалобу неугомонный истецъ. На губернскія присутствія жалобы подаются затѣмъ военному министру, въ святѣйшій правительствующій синодъ, по «первому и второму кассаціонному департаменту государственнаго совѣта» и т. д.

своей обязанности приводить въ исполненіе рѣшенія волостного суда по дѣламъ охранительнымъ и неукоснительно выдѣляютъ наслѣдникамъ опредѣленныя имъ седьмыя и четырнадцатыя доли изъ каждой надѣльной полосы; другіе—слова о приведеніи рѣшенія въ исполненіе безъ просьбы сторонъ толкуютъ въ смыслѣ полнаго игнорированія просьбъ тяжущихся о скорѣйшемъ исполненіи, третьи—безъ стѣсненія требуютъ вознагражденія за свой трудъ и т. д.. Рѣшенія не исполняются по 5—6 и больше лѣтъ. Наконецъ, крестьянинъ, въ пользу котораго состоялось рѣшеніе, теряетъ терпѣніе. Не надѣясь на старшину, и полагая, по незнанію закона, что прежнее рѣшеніе уже утратило силу, истецъ снова предъявляетъ свой искъ въ волостномъ судѣ; судъ и съѣздъ прекращаютъ дѣло, какъ вторично начатое, и старшина ликуетъ. Теперь уже никто не заставитъ его исполнить рѣшеніе по прекращенному дѣлу.

Все описанное здѣсь похоже на каррикатуру, но въ дѣйствительности это не каррикатура, а картины съ натуры, что подверждается оффиціальными данными, внесенными министромъ юстиціи въ его «краткую объяснительную записку къ проекту о преобразованіи мѣстнаго суда», гдѣ указывается (стр. 41), что, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, обнимающимъ собою 16 уѣздовъ въ 8 губерніяхъ, изъ поступающихъ въ уѣздные съѣзды дѣлъ отмѣняется: по гражданскимъ дѣламъ 51,1%, а по уголовнымъ—57,4% рѣшеній волостныхъ судовъ. Припомнимъ, далѣе, что въ кассаціонномъ порядкѣ жалобы на рѣшенія уѣздныхъ съѣздовъ разсматриваются въ губернскихъ присутствіяхъ, т.-е. учрежденіяхъ, образованныхъ въ каждой губерніи, и толкующихъ законъ 12 іюля 1889 года каждое въ отдѣльности по-своему, и тогда станетъ понятнымъ, почему министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, поспѣшило немедленно по введеніи реформы выпустить одинъ за другимъ массу циркуляровъ, устанавливающихъ, разъясняющихъ, дополняющихъ правила 12 іюля 1889 года, какъ по вопросамъ матеріальнаго права, такъ и въ области судопроизводства, и притомъ нерѣдко противорѣчащихъ одинъ другому [1]). Таковы циркуляры о подсудности волостнымъ судамъ дѣлъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, о смѣшеніи понятій о владѣніи и о правѣ собственности, о подсудности дѣлъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиняемые нерадѣніемъ, неосмотрительностью и медленностью выборныхъ должностныхъ лицъ сельскаго общественнаго управленія, о неподсудности волостному суду сельскихъ обществъ, о примѣненіи 68 и 138 ст. Устава о нак., о порядкѣ вызова сторонъ и свидѣтелей, о допущеніи свидѣтельскихъ

---

[1]) Для примѣра сошлемся на рѣшеніе Общаго Собр. 1, 2 и Кас. Деп. Сената 14 марта 1911 г. и циркуляръ Мин. Вн. Дѣлъ 29 іюня 1911 г., № 39, коими указывается, что уѣздные съѣзды, въ виду ст. 69 и 70 прав. произв. суд. дѣлъ и 409 и 410 уст. гражд. суд., при разсмотрѣніи дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія волостного суда, не могутъ примѣнять циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября 1891 г. за № 41 и 30 сентября 1892 г. за № 47, коими разрѣшается допускать свидѣтельскія показанія въ доказательство уплаты долга по росписке, и означенные циркуляры должны считаться утратившими свою силу.

показаній и множество другихъ, которые могли сбить съ толку не только малограмотныхъ волостныхъ судей, но и опытныхъ юристовъ.

Здѣсь приведены только главнѣйшіе недостатки волостного суда, непосредственно связанные съ его организаціей, но, если прибавить сюда еще полученныя въ наслѣдство отъ прежнихъ судовъ склонность волостныхъ судей къ угощенію, ихъ воспріимчивость къ постороннимъ вліяніямъ, вмѣшательство и лихоимство волостныхъ старшинъ и писарей, и все это при наличности огромной подсудности волостного суда, часто превышающей по суммѣ все состояніе средней крестьянской семьи, получится нѣчто, совершенно не похожее на учрежденіе, которое должно воспитывать въ населеніи вѣру въ законность и правосудіе. Не помогаетъ тутъ и пресловутый надзоръ со стороны земскихъ начальниковъ, изъ которыхъ самые добросовѣстные, конечно, не могутъ присутствовать при всякомъ разбирательствѣ дѣлъ въ волостномъ судѣ или исправлять законодательные промахи въ организаціи суда, и вынуждены ограничиться внимательнымъ просмотромъ тѣхъ рѣшеній, которыя земскій начальникъ, по 31 ст. правилъ о вол. судѣ, имѣетъ право не представлять вмѣстѣ съ апелляціонными жалобами въ уѣздный съѣздъ, да наблюденіемъ за волостнымъ старшиной по исполненію имъ обязанности своевременнаго исполненія рѣшеній суда, вошедшихъ въ законную силу.

Такая постановка волостного суда, преобразованнаго по закону 12 іюля 1889 года, съ перваго момента его введенія, представлялась ненормальною и, при нѣкоторомъ внѣшнемъ показномъ улучшеніи въ смыслѣ изложенія рѣшеній, уже носила въ себѣ причину полнѣйшаго внутренняго разложенія. Видя отсутствіе законности и твердо установленныхъ нормъ, которыми судъ обязанъ руководствоваться, сельское населеніе быстро извѣрилось въ его правосудіи и пришло къ убѣжденію, что въ каждомъ дѣлѣ главная заручка для выигрыша дѣла заключается въ угощеніи, во взяткѣ или въ благоволеніи начальства. Лучшіе элементы стали избѣгать суда, но для всякаго рода сутяжничества открылся широкій путь. Выползли на свѣтъ многочисленные подпольные ходатаи, сочинявшіе какія-угодно жалобы и неизмѣнно увѣрявшіе своихъ кліентовъ въ ихъ правотѣ и въ обязательномъ успѣхѣ ихъ домогательствъ. Безъ такихъ ходатаевъ нельзя было ступить и шагу, они были вездѣ: и около волостного правленія, гдѣ разбирались дѣла, и въ трактирѣ, куда послѣ разбирательства шли стороны, кто съ радости, кто съ горя. Не станемъ вновь рисовать картинъ, видѣнныхъ еще при существованіи волостныхъ судовъ 1861 года, и ограничимся только одной характерной сценкой изъ жизни подпольной адвокатуры, часто наблюдаемой въ деревняхъ. «Послѣ разбирательства дѣлъ въ волостномъ судѣ отпирается трактиръ и чуть не первымъ является мѣстный адвокатъ съ собственной чернильницей, нѣсколькими листами чистой бумаги и двумя книгами, толстой и тонкой, которыя лежатъ передъ нимъ на столѣ по обѣ его стороны. Подходитъ крестьянинъ, недовольный состоявшимся рѣшеніемъ, разсказываетъ свое дѣло и проситъ написать жалобу, послѣ чего слѣдуетъ діалогъ: «Тебѣ по какой книгѣ писать, по этой или по той?» спрашиваетъ адвокатъ, указывая на книги. «А развѣ не все равно?» «Конечно,

не все равно... видишь, сколько въ этой книгѣ законовъ и сколько въ той». «А сколько это стоитъ?» «По тонкой—четвертакъ, а по толстой—полтинникъ!» Крестьянинъ сокрушенно вздыхаетъ, лѣзетъ въ затылокъ и упавшимъ голосомъ говоритъ: «Ну, пиши за полтинникъ!» Тотчасъ же, уже сверхъ платы, спрашивается полубутылка водки, слышатся увѣренія въ непремѣнномъ выигрышѣ дѣла, и листъ бумаги постепенно покрывается чувствительной жалобой съ нескончаемыми обращеніями къ «нашимъ благодѣтелямъ»—къ съѣзду земскихъ начальниковъ».

Вообще, и послѣ преобразованія волостныхъ судовъ въ 1889 году, въ нихъ пошло все по-старому, какъ было въ судахъ 1861 года, съ той лишь разницей, что при новой огромной подсудности и при подчиненіи сему суду мѣщанъ, посадскихъ и цеховыхъ волостные суды 1889 года получили въ жизни сельскаго населенія гораздо болѣе значенія, чѣмъ прежде, и легли тяжелымъ гнетомъ на бо́льшую массу людей. Упорядочилась только, какъ уже замѣчено выше, внѣшняя, письменная сторона дѣлопроизводства и затѣмъ, въ большинствѣ судовъ, преимущественно подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ, постепенно стали сокращаться случаи примѣненія тѣлеснаго наказанія, пока, наконецъ, это позорное наказаніе не было совсѣмъ уничтожено силою Высочайшаго манифеста 11 августа 1904 года. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что Высочайшій Указъ 5 октября 1906 года также принесъ извѣстную долю независимости волостнымъ судьямъ, воспретивъ земскимъ начальникамъ подвергать ихъ, безъ формальнаго производства, административнымъ взысканіямъ, но означенная мѣра явилась поздно и не принесла ощутительной пользы; съ другой же стороны, законодательныя мѣропріятія правительства въ области крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія внесли окончательную дезорганизацію въ волостные суды, подорвавъ въ корнѣ не только обычаи, которыми названный судъ обязанъ руководствоваться, но и единственныхъ хранителей немногихъ уцѣлѣвшихъ обычаевъ—сельскія общины.

Страшный ударъ силѣ и господству общины былъ нанесенъ уже закономъ 8 іюня 1893 года, которымъ воспрещались частичные передѣлы общинной земли и разрѣшались только *общіе* передѣлы на сроки не менѣе двѣнадцати лѣтъ. Каждый почувствовалъ, что передѣламъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, наступилъ конецъ, такъ какъ для назначенія общаго передѣла почти невозможно собрать законное большинство голосовъ со стороны домохозяевъ, нисколько не желавшихъ разставаться съ тѣми полосами земли, въ которыя они вложили столько труда и заботъ. Члены общины сразу почувствовали свою независимость отъ сельскаго схода, а разувѣрившись въ его силѣ, потеряли къ нему и уваженіе. Отмѣна круговой поруки, фактически, впрочемъ, почти не существовавшей, и прекращеніе выкупныхъ платежей окончательно разрушили общину. Изсякъ источникъ крестьянской правды: передѣловъ—этого страшнаго суда—не стало, и старинные обычаи, потерявшіе уваженіе у самихъ крестьянъ, улетучились изъ памяти. Что же касается до общеизвѣстныхъ обычаевъ, собранныхъ 2 департаментомъ сената, на пространствѣ цѣлой Россіи будто бы господствующихъ, то значеніе этихъ обычаевъ въ достаточной степени опредѣляется уже са-

мымъ порядкомъ введенія этихъ обычаевъ въ жизнь «сверху внизъ», путемъ сенатскихъ указовъ. Вообще, если вдуматься хорошенько въ ходъ исторіи крестьянскаго законодательства, то невольно подсказывается выводъ, что обычное право имѣло значеніе постольку, поскольку оно питалось земельной правдой, осуществлявшейся въ общихъ передѣлахъ. Нѣтъ передѣловъ, нѣтъ «мірской правды», не можетъ быть и связанныхъ съ нею обычаевъ, примѣненіе которыхъ къ жизни уже не соотвѣтствуетъ настоящимъ бытовымъ условіямъ населенія.

Еще большее потрясеніе въ области обычнаго права вызвали Высочайшій Указъ 9 ноября 1906 года, превратившійся затѣмъ въ законъ 14 іюня 1910 года объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи, и законъ 29 мая 1911 года о землеустройствѣ. Законъ 14 іюня 1910 года въ сферѣ дѣйствія общиннаго землевладѣнія укрѣпилъ за отдѣльными домохозяевами усадебные участки и признаетъ сельскія общества, въ коихъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землей, перешедшими къ наслѣдственному (участковому или подворному) владѣнію; а въ тѣхъ обществахъ, которыя производили общіе передѣлы, предоставилъ право каждому домохозяину требовать укрѣпленія въ личную или, въ подлежащихъ случаяхъ, въ общую съ другими членами семьи собственность причитающейся ему при выходѣ изъ общины части надѣльной земли, принадлежащей обществу. Тѣмъ же закономъ участки, какъ предоставленные въ подворное владѣніе крестьянъ при надѣленіи ихъ землею, такъ и перешедшіе впослѣдствіи въ собственность отдѣльныхъ крестьянъ изъ общинныхъ земель, признаны личной собственностью домохозяевъ. Законъ 29 мая 1911 года еще болѣе расширилъ кругъ земель, въ которыхъ общинная форма землевладѣнія можетъ быть замѣнена единоличной собственностью и отрубнымъ владѣніемъ. Достаточно этихъ краткихъ и неполныхъ ссылокъ на главныя положенія законовъ 14 іюня 1910 года и 29 мая 1911 года, чтобы сразу увидѣть, какъ сильно поколебали они всѣ основы, которыми держался народный бытъ, и какъ велика ихъ разрушительная сила. Мѣстами уничтоженъ, мѣстами въ корнѣ подорванъ общинный строй, исчезла общая семейная собственность, земельный надѣлъ признанъ единоличной собственностью домохозяина, и обычное право превратилось въ отжившую иллюзію, которую давно пора оставить.

Первыми изъ тѣхъ, кто радостно привѣтствовалъ и использовалъ разруху обычнаго права, оказались носители этого права волостные суды, или, правильнѣе сказать, волостные писари: 2 п. 125 ст. Общ. Пол. исключаетъ изъ подсудности волостныхъ судовъ всякаго рода иски о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, основанномъ на крѣпостныхъ или явочныхъ актахъ, и на этомъ основаніи волостные суды, забывая 1 пунктъ той же статьи, подчиняющей вѣдомству названныхъ судовъ всякіе споры и тяжбы между крестьянами о крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ, упорно стали признавать неподсудными себѣ всѣ иски, въ подкрѣпленіе коихъ стороны представляли удостовѣрительные акты или укрѣпительные приговоры на причитающуюся имъ изъ общиннаго надѣла землю, и отсылать тяжущихся въ общія судебныя установленія. Что же касается до

области наслѣдственнаго права, то здѣсь даже волостные писари пришли въ затрудненіе, чѣмъ имъ руководствоваться, и какіе принципы слѣдуетъ признать руководящими для разрѣшенія дѣлъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и о раздѣлахъ наслѣдственнаго имущества. Съ одной стороны, сенатъ (по Общ. Собр. за 1910 годъ, № 1) сталъ указывать, что за обращеніемъ, силою Высочайшаго Указа 9 ноября 1906 года, подворныхъ участковъ надѣльной земли въ личную собственность домохозяевъ, право наслѣдованія членовъ семьи обусловливается уже не обстоятельствомъ участія ихъ въ хозяйственныхъ трудахъ, а лишь кровной связью съ домохозяиномъ, на общемъ основаніи гражданскихъ законовъ; но съ другой,—къ этому же толкованію сенатъ добавилъ слова: «при отсутствіи мѣстнаго обычнаго права». Также и министерство внутреннихъ дѣлъ (разъясн. 26 января 1908 года № 2945), высказываясь за право крестьянъ составлять духовныя завѣщанія на надѣльныя земли, укрѣпленныя въ личную собственность, разъяснило, что завѣщательныя распоряженія крестьянъ укрѣпленными участками допускаются въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ они не противорѣчатъ мѣстнымъ обычаямъ. Но гдѣ же взять обычаи, когда законъ объ единоличной собственности появился въ 1906 году и относительно подобной собственности никакихъ обычаевъ сложиться, конечно, не успѣло? Для примѣра, возьмемъ хотя бы слѣдующіе вопросы. Надѣльная земля укрѣплена въ общую собственность семьи по 48 статьѣ закона 14 іюня 1910 года; какія доли слѣдуетъ при раздѣлѣ опредѣлить матери, дочерямъ, сыновьямъ, зятю и т. д.? Другой примѣръ: послѣ смерти домохозяина, укрѣпившаго за собой полосы надѣльной земли, наиболѣе близкими наслѣдницами оказываются его вторая жена—пьяная старуха 70 лѣтъ и дочь отъ перваго брака, вышедшая давно замужъ за крестьянина другой деревни и числящаяся въ другомъ обществѣ; кого изъ нихъ утвердить въ правахъ наслѣдства къ оставшейся землѣ и, если обѣихъ, то въ какихъ частяхъ?

Эти два примѣра взяты прямо изъ практики волостного суда, но такихъ вопросовъ набираются десятки, сотни въ каждомъ судѣ, и единственный выходъ изъ такого положенія, при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу со стороны судей и писаря,—забыть о существованіи мѣстныхъ обычаевъ и разрѣшать спорные казусы, «глядя по человѣку», или на основаніи X тома Свода Законовъ съ сохраненіемъ особенностей крестьянскаго землевладѣнія; при отрицательномъ же отношеніи къ такому способу рѣшеній на очередь становится другой давно назрѣвшій выходъ—созданіе въ законодательномъ порядкѣ писанаго кодекса крестьянскаго права, который могъ бы отразить въ себѣ особыя стороны крестьянскаго быта и землепользованія; при наличности такого кодекса самое существованіе волостного суда стало бы излишнимъ.

Намъ поневолѣ пришлось такъ долго задержаться на вопросѣ о существованіи и значеніи обычаевъ, чтобы еще разъ подчеркнуть непригодность обычнаго права въ качествѣ единственной правовой нормы, силою которой волостной судъ имѣетъ право разрѣшать всѣ дѣла, возникающія въ средѣ сельскаго населенія. Каковы же правила, обезпечивающія законные инте-

ресы сторонъ при разсмотрѣніи дѣлъ волостного суда въ апелляціонномъ порядкѣ? Такихъ правилъ два: 32-я статья правилъ о волостныхъ судахъ и 128 ст. правилъ о произв. судеб. дѣлъ 29 декабря 1889 года. По 32 ст., уѣздный съѣздъ, по разсмотрѣніи поступившихъ отъ земскаго начальника рѣшенныхъ волостнымъ судомъ дѣлъ, отмѣняетъ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ подсудности, а по остальнымъ или оставляетъ въ силѣ рѣшенія волостного суда, или постановляетъ новое рѣшеніе по существу, или же передаетъ дѣло въ другой волостной судъ для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія; а по 128 статьѣ, уѣздный съѣздъ при разрѣшеніи дѣлъ, разсмотрѣнныхъ волостными судами, дѣйствуетъ примѣнительно къ правиламъ 29 декабря 1889 года. Если же сравнить временныя правила о волостныхъ судахъ съ правилами о произв. суд. дѣлъ 29 декабря 1889 года, то окажется, что они стоятъ въ такомъ непримиримомъ противорѣчіи, что одновременное примѣненіе ихъ къ одному и тому же дѣлу представляется совершенно немыслимымъ. Напр., гражданскія дѣла въ волостномъ судѣ разрѣшаются на основаніи обычаевъ, а правила 29 декабря объ обычаѣ совсѣмъ не упоминаютъ; правила о вол. судѣ не признаютъ отвода свидѣтелей отъ показанія,—правила 29 декабря устанавливаютъ обширное право, какъ отвода отъ показанія вообще, такъ и отвода отъ показанія подъ присягой; правила о вол. судѣ допускаютъ опроверженіе письменныхъ документовъ свидѣтельскими показаніями,—правила 29 декабря этого не разрѣшаютъ; волостные судьи могутъ по своему усмотрѣнію примѣнять лично имъ извѣстные обычаи,—по духу же правилъ 29 декабря обычаи примѣняются въ съѣздѣ лишь при ссылкѣ на нихъ сторонъ и при представленіи ими достаточныхъ доказательствъ существованія указываемаго обычая, и т. д. Естественно, что, при такой внутренней разобщенности съ волостными судами, уѣздные съѣзды, руководствуясь правилами 29 декабря, поставлены въ необходимость къ рѣшеніямъ волостного суда предъявлять извѣстныя формальныя требованія, и многіе вопросы матеріальнаго права, за неуказаніемъ обычаевъ или ихъ недоказанностію, разрѣшать на основаніи X тома Св. зак., а въ дѣлахъ крестьянскаго землепользованія примѣнять Особое Приложеніе къ IX тому того же Свода, почти всегда игнорируя крестьянскіе обычаи, на которые къ тому же никто въ засѣданіяхъ съѣзда никогда не ссылается. Другое отношеніе уѣздныхъ съѣздовъ къ волостнымъ судамъ и не мыслимо. Съѣздъ, къ сожалѣнію, и не можетъ и не долженъ отрѣшаться отъ мысли, что лежащее передъ нимъ рѣшеніе волостного суда далеко не всегда есть точное воспроизведеніе того, что происходило при судебномъ разбирательствѣ; часто въ пересматриваемомъ рѣшеніи, по ошибкѣ, а иногда и вполнѣ умышленно рукою волостного писаря извращены и исковыя требованія, и свидѣтельскія показанія; а потому уѣздный съѣздъ, при обсужденіи дѣлъ волостного суда по существу, вынужденъ основывать свое рѣшеніе только на томъ, что онъ видитъ и слышитъ въ засѣданіи съѣзда.

Еще рѣзче такое несоотвѣтствіе между волостнымъ судомъ и высшими надъ нимъ инстанціями замѣчается въ дѣятельности губернскихъ присутствій, которыя, въ качествѣ кассаціонныхъ инстанцій, по необходимости

должны руководствоваться какими-нибудь положительными нормами, исключающими примѣненіе неопредѣленныхъ обычаевъ и противорѣчивыхъ правилъ судопроизводства.

Такимъ образомъ, реформа 12 іюля 1889 года, оставивъ безъ надлежащаго устройства волостной судъ и не установивъ въ немъ точнаго порядка судопроизводства, не согласовала его съ организаціей уѣзднаго съѣзда и губернскаго присутствія, а тѣмъ самымъ не обезпечила законнаго прохожденія дѣлъ ни въ апелляціонной, ни въ кассаціонной инстанціи. Дѣятельность волостного суда, не ограниченная твердо уставленными правилами и основанная только на совѣсти и на мѣстныхъ обычаяхъ, оказалась въ большинствѣ случаевъ въ высокой степени неудовлетворительной и вмѣстѣ съ судебной дѣятельностью земскихъ начальниковъ по справедливости заслужила суровую оцѣнку, сдѣланную министромъ юстиціи въ его «краткой объяснительной запискѣ къ проекту о преобразованіи мѣстнаго суда» (стр. 47): «Постановка мѣстнаго суда нынѣ представляется совершенно ненормальною и не удовлетворяющею основнымъ требованіямъ правосудія. Наиболѣе печальна картина крестьянскаго суда, ибо охрана и огражденіе личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ оказываются въ рукахъ суда, технически не подготовленнаго, малограмотнаго, зависимаго, часто неправосуднаго и, въ довершеніе всего, не обязаннаго руководствоваться по гражданскимъ дѣламъ никакими опредѣленными нормами, а рѣшающаго ихъ по своему произволу и усмотрѣнію. Такой судъ не достоинъ даже названія суда, и ни въ какомъ культурномъ государствѣ терпимъ быть не можетъ. Зависимъ и всесословный мѣстный судъ организованъ далеко неудовлетворительно, особенно же въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ законоположенія 12 іюля 1889 года, и гдѣ, въ сущности, судъ находится въ прямой зависимости отъ администраціи. Въ общемъ же современный мѣстный судъ не отвѣчаетъ элементарнымъ требованіямъ единства, равенства и близости къ населенію. Послѣдствіемъ всего вышеизложеннаго является деморализація населенія, въ которомъ не можетъ, конечно, при такихъ условіяхъ, развиться ни уваженіе къ чужимъ правамъ, ни чувство законности, и судъ, вмѣсто того, чтобы имѣть воспитательное значеніе и служить проводникомъ нравственныхъ и культурныхъ началъ въ народной массѣ, развращаетъ ее, способствуетъ развитію сутяжничества, основаннаго на надеждѣ въ неправильно организованномъ судѣ выиграть и неправое дѣло, и вообще открываетъ широкій просторъ недобросовѣстности и беззаконію».

VI.

Пересмотръ реформы 12 іюля 1889 г. Волостной судъ по закону 15 іюня 1912 г. о мѣстномъ судѣ.

Пестрота и хаотическое положеніе крестьянскаго законодательства, неопредѣленность крестьянскихъ правъ на надѣльную землю, произволъ

и беззаконіе, господствовавшіе въ волостныхъ судахъ, и полная юридическая безпомощность крестьянъ не могли не обратить на себя вниманія правительства. Какъ на первую попытку къ возстановленію самостоятельности суда и его независимости отъ администраціи, слѣдуетъ указать на Всеподданнѣйшій докладъ министра юстиціи Н. В. Муравьева, который, заявляя о желательности сохранить начало подсудности учрежденіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣхъ дѣлъ, затрагивающихъ ближайшіе интересы сельскаго населенія, признавалъ необходимымъ «облегчить этимъ властямъ возможность успѣшно исполнять ихъ многосложныя административныя обязанности безъ отвлеченія ихъ, какъ нынѣ, такими чисто судебными и не относящимися до сельскаго быта задачами, которыя могли бы быть возложены на органы вѣдомства судебнаго». По этому докладу, удостоившемуся 7 апрѣля 1894 года Высочайшаго одобренія, была образована комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, положившая въ основу своей работы задачи объединенія суда, приближенія его къ населенію, упрощенія судебнаго устройства и укрѣпленія принципа правительственнаго значенія суда. Работы названной комиссіи въ 1901 году были внесены въ государственный совѣтъ, гдѣ для ихъ обсужденія было образовано Особое Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина, но затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію отъ 23 сентября 1905 года, возвращены въ министерство юстиціи за установленіемъ съ учрежденіемъ Государственной Думы новаго порядка разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній.

Тѣмъ временемъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, озабочиваясь реформой крестьянскаго законодательства, также образовало, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ А. С. Стишинскаго, редакціонную комиссію по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, которая, между прочимъ, составила проекты положенія о волостномъ судѣ и о волостномъ уставѣ. При обсужденіи названныхъ проектовъ редакціонная комиссія отнеслась отрицательно къ идеѣ всесословнаго волостного суда и распространенія общихъ гражданскихъ законовъ на все безъ изъятіе населеніе Имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ признала необходимымъ составленіе для проживающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ лицъ сельскаго состоянія особыхъ уставовъ по праву обязательственному и по наслѣдованію въ крестьянскомъ имуществѣ. Высказываясь затѣмъ за сохраненіе крестьянскаго волостного суда, комиссія предполагала, при волостномъ судебномъ разбирательствѣ, уголовный и гражданскій процессуальный порядокъ слить воедино, а въ качествѣ апелляціонной инстанціи сформировать особые волостные съѣзды изъ предсѣдателей волостныхъ судовъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго земскаго начальника. Предположенія редакціонной комиссіи были переданы, по Высочайшему манифесту 26 февраля 1903 года, для обсужденія въ особыя губернскія совѣщанія и дальнѣйшаго движенія не получили. Одновременно съ редакціонной комиссіей Стишинскаго вопросъ о волостномъ судѣ подробно разсматривался и въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, образованномъ, по Высочайше утвержденному 22 марта 1902 года поло-

женію, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте. Это Совѣщаніе, разсмотрѣвъ предварительно заключенія по вопросамъ крестьянскаго быта мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, присоединилось къ мнѣнію большинства мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, высказавшихся за уничтоженіе обособленности крестьянъ въ судебномъ отношеніи, за упраздненіе особаго крестьянскаго суда, отмѣну обычая, какъ источника матеріальнаго права крестьянъ, и устраненіе обособленности крестьянъ, какъ въ гражданскихъ правахъ, такъ и въ отношеніи уголовной отвѣтственности. Имѣя, затѣмъ, въ виду, что работы Особаго Совѣщанія должны только намѣтить основныя положенія, коими опредѣляется направленіе законодательной работы по измѣненію дѣйствующаго крестьянскаго права, названное Совѣщаніе въ отношеніи волостного суда высказалось за совершенное его упраздненіе и замѣну судомъ, общимъ для всѣхъ сословій, свѣдущимъ въ техникѣ судебнаго дѣла, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ судебнаго управленія. Такими органами Совѣщаніе признавало или выборнаго судью съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ, или короннаго судью съ таковымъ же цензомъ, или выборный коллегіальный судъ съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ для предсѣдателя и пониженнымъ для прочихъ членовъ сего суда.

12 декабря 1904 года воспослѣдовалъ Высочайшій указъ, которымъ признавалась необходимость (п. 3), «въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность», послѣ чего, согласно Высочайшаго повелѣнія отъ 1 апрѣля 1905 года, всѣ журналы Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по вопросамъ о крестьянскомъ управленіи и судѣ были переданы въ комитетъ министровъ, «какъ матеріалъ для сужденій по пунктамъ 2 и 3 Высочайшаго указа отъ 12 декабря 1904 года».

Приступивъ къ выработкѣ проекта преобразованія мѣстнаго суда, министерство юстиціи прежде всего задалось вопросомъ, какими средствами возможно было бы устранить несовершенства въ организаціи существующаго суда и достигнуть водворенія истиннаго правосудія; но обсужденіе недостатковъ суда привело его къ заключенію, что большинство этихъ недостатковъ тѣсно связаны съ существомъ дѣйствующихъ органовъ судебной власти и въ такой степени противорѣчатъ началамъ правильнаго суда, что представляется необходимымъ полное упраздненіе помянутыхъ органовъ. Съ этой точки зрѣнія подлежатъ упраздненію судебныя полномочія земскихъ начальниковъ, какъ соединяющихъ въ себѣ власть судебную и административную, и высшихъ надъ ними инстанцій, должность городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, представляющіяся излишними, и волостные суды, какъ учрежденія сословныя и кореннымъ образомъ нарушающія равенство передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній; съ уничтоженіемъ же судебныхъ полномочій всѣхъ земскихъ начальниковъ, упраздненіемъ волостного суда, должностей го-

родского судьи и уѣзднаго члена суда, всѣ ихъ обязанности, даже съ нѣкоторымъ расширеніемъ подсудности, по проекту министерства юстиціи, должны были перейти къ единоличнымъ мировымъ судьямъ, замѣщаемымъ по выбору мѣстнаго населенія. При обсужденіи законопроекта о мѣстномъ судѣ въ третьей Государственной Думѣ, главныя его основанія—учрежденіе должности единоличнаго мирового судьи, упраздненіе суда земскаго начальника, городского судьи и уѣзднаго члена окружнаго суда и упраздненіе волостного суда—были одобрены; но когда законопроектъ перешелъ въ Государственный Совѣтъ, уничтоженіе волостного суда встрѣтило со стороны большинства членовъ Совѣта самое ожесточенное сопротивленіе. Въ своихъ мотивахъ Государственный Совѣтъ признавалъ всѣ недостатки существующаго волостного суда, но находилъ, что «условія сельскохозяйственнаго труда и самой жизни въ общинномъ строѣ, имѣющемъ свои интересы, далеко не схожіе съ интересами городскихъ обывателей, наложили на русскаго крестьянина свой особый отпечатокъ и рѣзко отразились въ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи... Коренная ломка вѣковыхъ устоевъ крестьянскаго правопорядка, хотя бы теоретически правильной, но искусственною нормировкою была бы мѣрою нецѣлесообразною, неблагоразумною и несогласующеюся съ дѣйствительными нуждами повседневной жизни крестьянъ».

Передъ сторонниками реформы возстала дилемма—или похоронить на долгое время законопроектъ о возвращеніи выборнаго мирового института и оставить въ прежней силѣ судебную власть земскихъ начальниковъ и волостного суда 12 іюля 1889 года, или же добиться утвержденія новаго закона о мѣстномъ судѣ, но допустить параллельно съ мировыми судьями существованіе для крестьянъ волостного суда съ ограниченной компетенціей. Результатомъ разнообразныхъ компромиссовъ между требованіями Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, осложняемыми къ тому же частными уступками въ пользу партій различныхъ направленій, явился законъ 15 іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда и неразрывно съ нимъ связанныя «временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введенъ въ дѣйствіе законъ о преобразованіи мѣстнаго суда».

По этимъ правиламъ волостной судъ состоитъ изъ предсѣдателя, двухъ членовъ и двухъ кандидатовъ къ нимъ, которые всѣ должны быть грамотны и имѣть отъ роду не менѣе тридцати лѣтъ. Для избранія состава суда каждое сельское общество избираетъ не менѣе одного выборщика по расчету, чтобы на каждые сто дворовъ приходилось по выборщику, и чтобы общее ихъ количество достигало восемнадцати. Собраніе выборщиковъ, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, закрытой баллотировкой избираетъ изъ своей среды по большинству голосовъ предсѣдателя волостного суда, членовъ сего суда и кандидатовъ, на каждую должность въ отдѣльности. Если баллотировавшіеся не получатъ абсолютнаго большинства, мировой судья назначаетъ вторичные выборы, на которыхъ признаются избранными получившіе относительное большинство. Списокъ избранныхъ лицъ представляется на утвержденіе мирового съѣзда, ко-

торый имѣетъ право при нарушеніи порядка, установленнаго для выборовъ, отмѣнить состоявшіеся выборы и назначить новые; въ случаѣ же неутвержденія кого-либо изъ судей, съѣздъ дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ дополнительныхъ выборовъ. Судьи приводятся къ присягѣ и образуютъ въ числѣ трехъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя, присутствіе суда. Кандидаты замѣняютъ судей лишь въ случаѣ ихъ болѣзни, отвода, отсутствія или смерти. Волостные судьи пользуются правами и преимуществами, присвоенными выборнымъ должностнымъ лицамъ волостного управленія, не подлежатъ административнымъ взысканіямъ, при отправленіи должности носятъ должностной знакъ и получаютъ изъ средствъ казны жалованье въ размѣрѣ: въ волостныхъ судахъ перваго разряда предсѣдатель—480 рублей въ годъ и члены суда по 120 рублей, а въ судахъ второго разряда предсѣдатель—360 рублей и члены по 100 рублей. Кандидатамъ выдается по два рубля за каждое засѣданіе, въ которомъ они принимаютъ участіе. Дѣлопроизводство возлагается на особаго секретаря, назначаемаго, по представленію предсѣдателя волостного суда, мировымъ судьей. Жалованья секретарь получаетъ въ судахъ перваго разряда 360 рублей, а въ судахъ второго разряда—300 рублей.

Непосредственный надзоръ за скорымъ и правильнымъ движеніемъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ, а также за точнымъ исполненіемъ волостными судьями и секретарями этихъ судовъ своихъ обязанностей возлагается на мѣстнаго мирового судью, который долженъ, не менѣе одного раза въ годъ, производить ревизію судовъ, состоящихъ въ его участкѣ. О результатахъ ревизіи мировые судьи представляютъ мировому съѣзду, который вѣдаетъ дѣла, производимыя о волостныхъ судьяхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ. Кромѣ общихъ должностныхъ проступковъ, волостные судьи могутъ быть подвергаемы дисциплинарнымъ взысканіямъ за предосудительное и несоотвѣтствующее достоинству судьи поведеніе. Въ дисциплинарномъ порядкѣ волостные судьи подвергаются замѣчанію, выговору, денежнымъ взысканіямъ до 15 рублей или удаленію отъ должности.

Волостной судъ разрѣшаетъ, какъ гражданскія дѣла между крестьянами и лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, такъ и иски, предъявляемые къ отвѣтчикамъ, подвѣдомственнымъ этому управленію, истцами, волостному суду не подвѣдомственными, и уголовныя дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ крестьянъ и лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію, возникающія въ предѣлахъ волостного судебнаго участка. По роду дѣлъ разсмотрѣнію волостного суда подлежатъ изъ гражданскихъ дѣлъ иски о движимости, по обязательствамъ, договорамъ и о вознагражденіи за убытки, цѣною не свыше ста рублей, иски о возстановленіи нарушеннаго или утраченнаго владѣнія въ теченіе года со дня нарушенія, кромѣ исковъ, касающихся земель внѣнадѣльныхъ и участковъ отрубнаго владѣнія, всякаго рода иски о правахъ на надѣльныя земли, находящіяся въ общинномъ пользованіи, дѣла по наслѣдованію, кромѣ исковыхъ, и дѣла по раздѣламъ между наслѣдниками крестьянскаго имущества, входя-

щаго въ составъ крестьянскаго надѣла или составляющаго его принадлежность,—безъ ограниченія суммы, дѣла по наслѣдованію, кромѣ исковыхъ, и дѣла по раздѣлу между наслѣдниками оставшагося послѣ крестьянъ движимаго имущества, находящагося въ предѣлахъ волостного судебнаго участка и не составляющаго принадлежности крестьянскаго надѣла, если цѣнность его не превышаетъ пятисотъ рублей. Дѣла, касающіяся недвижимаго имущества, кромѣ вышеуказанныхъ, иски по векселямъ и по крѣпостнымъ, нотаріальнымъ и засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ актамъ изъяты изъ вѣдѣнія волостного суда. Изъ числа уголовныхъ дѣлъ этому суду подчинены рядъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и караемыхъ денежнымъ взысканіемъ не свыше 100 рублей и арестомъ не свыше одного мѣсяца, причемъ наказанія за совершенные проступки налагаются въ размѣрѣ, указанномъ въ названномъ Уставѣ.

Порядокъ производства и рѣшенія дѣлъ въ реформированномъ волостномъ судѣ указанъ съ нѣсколько бо́льшими подробностями, чѣмъ въ волостныхъ судахъ 1889 года; къ этимъ указаніямъ сдѣлано весьма важное добавленіе, что волостной судъ въ случаѣ, когда признаетъ невозможнымъ разрѣшить дѣло на основаніи преподанныхъ ему правилъ и установившейся практики, обращается къ постановленіямъ уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, опредѣляющимъ порядокъ производства дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ постановленіяхъ. Обращаясь къ оцѣнкѣ доказательствъ, правила о волостномъ судѣ указываютъ, что волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи дѣлъ по наслѣдованію и раздѣламъ крестьянскаго имущества судъ руководствуется существующими мѣстными обычаями. Этими обычаями суду предоставляется руководствоваться и при разрѣшеніи прочихъ гражданскихъ дѣлъ.

Для разбора жалобъ на рѣшенія и постановленія волостного суда учреждается въ каждомъ мировомъ участкѣ верхній сельскій судъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ участковаго мирового судьи, изъ двухъ предсѣдателей волостныхъ судовъ, въ качествѣ членовъ верхняго сельскаго суда, замѣняемыхъ въ случаяхъ необходимости членами волостныхъ судовъ и кандидатами къ нимъ. Означенныя жалобы разсматриваются въ верхнемъ сельскомъ судѣ примѣнительно къ порядку, установленному для производства апелляціонныхъ дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ, причемъ дѣлопроизводство названнаго суда возложено на секретаря мирового судьи, предсѣдательствующаго въ сельскомъ судѣ. Рѣшенія и приговоры верхняго сельскаго суда, постановленные по апелляціоннымъ жалобамъ на волостной судъ, почитаются окончательными, но на нихъ допускаются кассаціонныя жалобы, приносимыя въ мировой съѣздъ. Рѣшенія волостныхъ судовъ, вступившія въ законную силу, приводятся въ исполненіе по распоряженію и подъ наблюденіемъ предсѣдателя волостного суда.

Таковы въ главныхъ чертахъ основныя положенія вновь организованнаго волостного суда, который съ 1 января 1914 года введенъ въ губерніяхъ: Харьковской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Подольской, Волынской, Херсонской и Таврической.

Какая будущность предстоитъ новому суду, сказать трудно, но и теперь возможно, хотя гадательно, отмѣтить нѣкоторыя его хорошія и дурныя стороны. Къ числу хорошихъ сторонъ новаго волостного суда относится его малая компетенція въ исковыхъ гражданскихъ дѣлахъ. Этому суду подчинены иски только до ста рублей, вслѣдствіе чего даже и неправильныя рѣшенія не будутъ отзываться такъ чувствительно на благосостояніи тяжущихся, какъ это было прежде. Затѣмъ нѣкоторой гарантіей качества рѣшеній можетъ служить требованіе отъ всѣхъ волостныхъ судей грамотности, участіе ихъ въ засѣданіяхъ верхняго сельскаго суда подъ предсѣдательствомъ опытнаго юриста и независимые отъ посторонняго давленія выборы въ должность. Относительно независимости выборовъ можно указать, что ихъ свободѣ противорѣчитъ дискреціонное право мирового съѣзда не утверждать выбраннаго волостного судью, безъ объясненія причинъ неутвержденія, но такое право не составляетъ особаго нововведенія спеціально для волостныхъ судей и соотвѣтствуетъ власти мирового съѣзда привлекать судей къ дисциплинарной отвѣтственности за предосудительное и несоотвѣтствующее достоинству судьи поведеніе, т. е. за то, за что всѣ судьи вообще несутъ отвѣтственность въ порядкѣ 295[2] ст. учрежденія судебн. установ.; при избраніи же въ волостные судьи лицъ, отличающихся недостойнымъ поведеніемъ, предпочтительнѣе не утверждать ихъ въ должности, чѣмъ утвердить и затѣмъ тотчасъ же привлекать къ дисциплинарной отвѣтственности. Что въ дѣйствительности окажется лучше, пока неизвѣстно, и разрѣшеніе такого вопроса зависитъ отъ практики каждаго мирового съѣзда. Несомнѣннымъ улучшеніемъ является законоположеніе, предписывающее волостнымъ судамъ, въ случаѣ недоумѣнія, руководствоваться уставами уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ, и уравненіе наказаній для лицъ, совершившихъ проступки, подсудные, какъ волостному суду, такъ и мировому судьѣ. Въ силу этихъ законоположеній волостные суды въ значительной степени теряютъ, въ области производства дѣлъ и уголовной репрессіи, свою обособленность и становятся органами судебной власти, непосредственно связанными съ мировыми судебными установленіями.

Болѣе сомнительнымъ представляется учрежденіе верхняго сельскаго суда, состоящаго изъ двухъ предсѣдателей волостныхъ судовъ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи. Въ первой инстанціи волостной юстиціи засѣдаютъ въ качествѣ судей одни крестьяне, которымъ опять никакихъ правовыхъ нормъ не указывается; предлагается обсуждать всѣ дѣла по совѣсти, и предоставляется въ гражданскихъ дѣлахъ руководиться существующими мѣстными обычаями (ст. 76). Во второй инстанціи сидитъ юристъ, незнакомый съ крестьянскими обычаями, и двое предсѣдателей сосѣднихъ волостныхъ судовъ, которые также легко могутъ не знать обычаевъ, положенныхъ въ основаніе рѣшенія, и потому опять получается несоотвѣтствіе между правовыми нормами, которыми руководятся первая и вторая инстанція суда по одному и тому же дѣлу. На это можно возразить, что члены верхняго сельскаго суда все-таки знакомы съ обычаями, существующими въ данной

мѣстности, и своимъ знаніемъ таковыхъ будутъ оказывать вліяніе на мирового судью, но и это не вполнѣ желательно, такъ какъ при подобныхъ условіяхъ, когда члены сельскаго суда организуютъ большинство голосовъ противъ своего предсѣдателя, мировой судья обратится въ протоколиста, обязаннаго только записывать мнѣніе членовъ суда изъ крестьянъ; въ такой же степени нежелательно, чтобы члены верхняго сельскаго суда послушно подписывали резолюціи, предлагаемыя мировымъ судьей, и по тому снова приходится прійти къ заключенію, что въ данномъ случаѣ принесетъ пользу только одно лѣкарство—созданіе писанаго права для крестьянъ, которымъ могли бы руководствоваться и рядовые крестьяне, и юристы.

Переходя затѣмъ къ недостаткамъ временныхъ правилъ о волостныхъ судахъ 15 іюня 1912 года, слѣдуетъ сказать, что они замѣчаются и теперь въ немаломъ количествѣ. Такъ, въ 1 же статьѣ времен. правилъ говорится, что каждая волость составляетъ волостной судебный участокъ и имѣетъ свой волостной судъ, а согласно 49 ст. Общ. Пол. (изд. 1902 г.), въ составъ волости входятъ смежныя сельскія общества со включеніемъ земель, пріобрѣтенныхъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, такъ что по точному смыслу закона частно-владѣльческія земли въ составъ волостного судебнаго участка не входятъ. Возникаютъ слѣдующіе вопросы. По 58 ст. врем. прав., иски по обязательствамъ предъявляются тому волостному суду, въ участкѣ коего отвѣтчикъ имѣетъ жительство; подсудны ли волостному суду иски, предъявляемые крестьяниномъ къ крестьянину же, но проживающему почему-либо на частно-владѣльческой землѣ? По 62 статьѣ, дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ подлежатъ вѣдѣнію того волостного суда, въ участкѣ коего они совершены; подвѣдомственны ли сему суду проступки крестьянъ противъ крестьянъ же, но совершенные на частно-владѣльческихъ земляхъ? Распространяется ли территоріальная подсудность волостному суду на внѣнадѣльныя земли? Правилами о волостномъ судѣ 12 іюля 1889 года вопросы эти, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи уголовныхъ дѣлъ, разрѣшались утвердительно 18 статьей, но правила 15 іюня 1912 года оставили ихъ безъ отвѣта.

По 24 статьѣ, секретаремъ волостного суда не можетъ быть назначено лицо, не имѣющее права, на основаніи статьи 5 и примѣчанія къ ней, быть избраннымъ въ волостные судьи, а по 5 статьѣ, на должность волостныхъ судей избираются крестьяне-домохозяева,—могутъ ли въ секретари волостныхъ судовъ быть назначаемы не крестьяне и не домохозяева?

По 9 статьѣ закона 14 іюня 1910 года объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи, споры о томъ, кто изъ членовъ семьи является домохозяиномъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣльная земля укрѣплена въ общую собственность семьи, разрѣшается волостнымъ судомъ,—подсудны ли такіе споры волостному суду, преобразованному по закону 12 іюня 1912 года?

По 54 статьѣ, новому суду подвѣдомственны иски о возстановленіи нарушеннаго или утраченнаго владѣнія, кромѣ исковъ, касающихся земель внѣнадѣльныхъ и участковъ отрубного владѣнія,—подсудны ли сему суду

иски о нарушеніи владѣнія на полосахъ, укрѣпленныхъ въ личную собственность на досрочно-выкупленныхъ участкахъ, по 165 ст. Пол. о вык., на подворныхъ участкахъ и усадебныхъ земляхъ? Вопросъ этотъ прямымъ смысломъ закона нигдѣ не разрѣшается и, конечно, у волостныхъ судей можетъ породить большія сомнѣнія. Для разрѣшенія такого вопроса можно лишь указать законодательные мотивы къ 55 ст. правилъ о вол. судѣ, гдѣ упоминается, что изъ вѣдѣнія волостного суда изъемлются всѣ иски о надѣльномъ имуществѣ, ненаходящемся въ общинномъ пользованіи, а потому отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что земли, укрѣпленныя въ личную собственность, усадебныя, досрочно выкупленныя и подворныя, волостному суду не подвѣдомственны; но если это такъ, въ чемъ, собственно, нельзя сомнѣваться, то при опредѣленіи подсудности дѣлъ о нарушеніи владѣнія на надѣльныхъ земляхъ получается чрезвычайная пестрота. У большинства крестьянъ, владѣющихъ надѣломъ на общинномъ правѣ, земля состоитъ изъ множества полосъ, часто имѣющихъ ширину въ 4—5 саженъ, и такихъ полосъ у каждаго насчитывается отъ 35 до 50-ти. Если мы представимъ себѣ, что въ обществѣ найдется только пять человѣкъ, укрѣпившихъ свои полосы въ личную собственность, то въ общественномъ полѣ окажется до 200—250 полосъ, на которыхъ нарушеніе владѣнія подсудно мировому судьѣ, а на остальныхъ—волостному суду; точно такъ же при общинномъ землевладѣніи всѣ пахотныя земли являются подсудными волостному суду, а усадебныя—мировому судьѣ. Всякому понятно, какая тутъ получается путаница; крестьяне никакъ не возьмутъ въ толкъ, для чего сочиняются законы различные для него и для его сосѣда, владѣющаго такими же полосами общественной земли.

Спѣшность и необдуманность работы надъ временными правилами проглядываютъ вездѣ. Напр., наши законодатели, какъ видно изъ законодательныхъ мотивовъ къ 59 статьѣ, признали возможнымъ подчинить волостному суду проступки, караемые денежнымъ взысканіемъ не свыше ста рублей или арестомъ не свыше одного мѣсяца, но то, что выражено въ мотивахъ, не высказано прямо въ законѣ, что̀ вноситъ въ правила о вол. судѣ слѣдующую неопредѣленность: по 7 ст. уст. о нак., присужденные къ денежнымъ взысканіямъ, въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ оныхъ, подлежатъ вмѣсто денежнаго взысканія свыше 15 рублей и до 300 рублей аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ; но при этомъ судъ, согласно многочисленнымъ разъясненіямъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, не обязанъ производить пропорціональное расчисленіе продолжительности ареста соотвѣтственно величинѣ денежнаго взысканія и имѣетъ право, напр., денежное взысканіе въ 50 рублей замѣнить арестомъ на три мѣсяца. Будетъ ли нарушеніемъ предѣловъ власти волостного суда, если онъ замѣнитъ денежное взысканіе въ сто рублей арестомъ на три мѣсяца? За отсутствіемъ на то указаній въ законѣ—не будетъ, а по духу закона—будетъ. Далѣе, составители правилъ при выдѣленіи проступковъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, подошли къ дѣлу съ формальной мѣркой, состоящей въ тяжести наказаній, и механически отдѣлили извѣстные проступки, руководясь только тѣмъ соображеніемъ, что они влекутъ наказа-

ніе не свыше одного мѣсяца ареста; но тутъ уже получается прямо абсурдъ. Такъ, оскорбленіе дѣйствіемъ мужчинъ (133, 134 ст. Устава о нак.) подсудно волостному суду, а оскорбленіе женщинъ (135 статья) не подсудно, т.-е., если крестьянка ударитъ крестьянина, они разбираются въ волостномъ судѣ, если же наоборотъ, то у мирового судьи. А если при разсмотрѣніи жалобы крестьянки, обвиняющей крестьянина въ нанесеніи ей оскорбленія, волостной судъ усмотритъ, что крестьянка сама начала драку и поколотила крестьянина, можетъ ли онъ, не имѣя власти входить въ обсужденіе преступности поведенія жалобщицы, примѣнить законъ о взаимности обидъ? Можно ли примѣнять тотъ же законъ при взаимности оскорбленій и клеветы, когда клевета изъята изъ подсудности волостного суда?—Почему оскорбленіе дѣйствіемъ подсудно волостному суду, а насиліе нѣтъ, и какъ различить, напр., при ударѣ по лицу, гдѣ кончается оскорбленіе дѣйствіемъ и гдѣ начинается насиліе? Почему угроза причинить насильственныя дѣйствія всегда подсудна волостному суду, а угроза лишить жизни, произнесенная на словахъ, подсудна тому же суду, сдѣланная же на письмѣ—неподсудна?

Если обратиться къ 54 статьѣ, опредѣляющей предѣлы гражданской подсудности волостного суда, то и тутъ мы наталкиваемся на недостаточную тщательность и вдумчивость въ работѣ. Напр., въ названную статью не были внесены дѣла объ учрежденіи опекъ надъ расточителями изъ числа сельскихъ обывателей, и такой пробѣлъ пришлось пополнить впослѣдствіи особымъ закономъ (6 ст. Полож. о введеніи въ дѣйствіе зак. 15 іюня 1912 г.); не внесены и дѣла по разрѣшенію споровъ о томъ, кто изъ членовъ крестьянской семьи при отсутствіи родоначальника въ семьѣ, ведущей одно хозяйство, является домохозяиномъ, а между тѣмъ подсудность этихъ споровъ волостному суду 1889 г. установлена особымъ закономъ (9 ст. зак. 14 іюня 1910 г. объ измѣн. постан. о крест. землевлад.).

Немалую путаницу въ понятіяхъ волостныхъ судей внесутъ 5 и 6 пункты 54 ст., перечисляющіе подвѣдомственныя сему суду «дѣла по наслѣдованію, кромѣ исковыхъ». Несомнѣнно, что подъ эти пункты правилами о вол. судѣ подведены дѣла охранительнаго производства, но ни въ 54, ни въ какой другой статьѣ дѣленія гражданскихъ дѣлъ на исковыя и охранительныя не имѣется, и новый законъ предоставляетъ малограмотному волостному судьѣ доискиваться своимъ умомъ, какія дѣла называются просто наслѣдственными и какія исковыми наслѣдственными дѣлами.

Наконецъ, по 82 статьѣ, вступившее въ законную силу рѣшеніе волостного суда приводится въ исполненіе по распоряженію и подъ наблюденіемъ предсѣдателя волостного суда, которому предоставляется обращаться къ содѣйствію должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія, а также низшихъ чиновъ общей полиціи. Спрашивается, кто же приводитъ рѣшенія суда въ исполненіе, самъ предсѣдатель или же, по его порученію, должностныя лица волостного и сельскаго управленія? Первая половина 82 статьи какъ будто указываетъ, что рѣшенія исполняются только должностными лицами волостного и сельскаго управленія по полученіи о семъ распоряженія предсѣдателя волостного суда и подъ его наблюденіемъ, а

изъ второй половины приведенной статьи какъ будто вытекаетъ, что рѣшенія приводятся въ исполненіе предсѣдателемъ суда, но что онъ можетъ только обратиться, въ случаѣ нужды, къ содѣйствію должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія. Если же заглянуть въ законодательныя соображенія, положенныя въ основу 82 статьи, то въ нихъ окажется новая неопредѣленность. «Предсѣдатель не всегда, конечно, будетъ исполнять рѣшеніе самъ, какъ не исполнялъ ихъ волостной старшина, и будетъ имѣть право обращаться къ содѣйствію должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія и низшихъ чиновъ полиціи», говорятъ законодательныя соображенія. Какъ же теперь разрѣшить вопросъ, имѣетъ ли право предсѣдатель волостного суда поручить волостному старшинѣ привести въ исполненіе рѣшеніе суда о взысканіи съ кого-либо присужденной суммы, или нѣтъ? Что значатъ слова, что предсѣдатель суда можетъ самъ не исполнять рѣшенія суда, и въ подобномъ случаѣ кто же будетъ ихъ исполнять, если волостная полиція обязана оказывать только содѣйствіе? Вопросъ этотъ весьма важный и, по свѣдѣніямъ, имѣющимся изъ тѣхъ губерній, гдѣ введены новые волостные суды, уже вызываетъ большія недоразумѣнія, осложняемыя въ особенности тѣмъ, что волостные старшины и сельскіе старосты не желаютъ исполнять порученій предсѣдателей волостныхъ судовъ и занять въ отношеніи ихъ какъ бы подчиненное положеніе.

Здѣсь, для примѣра приведены лишь нѣкоторые промахи и недомолвки, допущенные во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ по закону 15 іюня 1912 года. Ближайшее будущее не замедлитъ указать и другіе неотмѣченные нами недостатки, а степень уваженія, которую заслужатъ новые волостные суды среди сельскаго населенія, явится самымъ точнымъ показателемъ ихъ полезности или непригодности.

А. Паренаго.

Мировой судъ.

I.

Учрежденіе мирового суда.

Въ Россіи до Судебныхъ Уставовъ Александра II мѣстнаго суда въ собственномъ смыслѣ, т.-е. несливающагося съ другими учрежденіями, близкаго къ населенію суда по маловажнымъ дѣламъ не было. Ближайшимъ къ населенію собственно судебнымъ учрежденіемъ были уѣздные суды, состоявшіе изъ уѣзднаго судьи, избиравшагося дворянствомъ, и засѣдателей—двухъ по выбору отъ дворянства и двухъ отъ поселянъ. Уѣздные суды не были мѣстнымъ судомъ ни по кругу подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, ни по разстоянію ихъ отъ каждой мѣстности уѣзда [1]). Тѣмъ не менѣе, такъ какъ уѣздные суды, наряду съ болѣе важными дѣлами, вѣдали и такія, которыя потомъ перешли къ мировому суду, то въ системѣ дореформенныхъ судебныхъ учрежденій ихъ приходится считать предшественниками мирового суда.

О томъ, что представляли собою уѣздные суды, сказано въ статьѣ «Дореформенный судъ» въ I т. «Судебной Реформы» (стр. 208, 213).

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) не слишкомъ сгущалъ краски, когда разсказывалъ: «Въ уѣздные судьи большей частью выбирались небогатые и смирные помѣщики изъ отставныхъ военныхъ. Или французъ подъ Бородинымъ изувѣчилъ, или турокъ часть тѣла повредилъ—милости просимъ! Лишь бы разсудокъ не подлежалъ освидѣтельствованію, да и то соблюдалось только потому, что уѣздный стряпчій, ежели онъ кляузникъ, можетъ донести. Вообще на присутствія уѣздныхъ судовъ того времени даже серьезные люди смотрѣли въ родѣ, какъ на богадѣльню, но канцеляріи судовъ называли «звѣринцами». О секретаряхъ говорили: «мерзавцы», а о писаряхъ: «разбойники съ большой дороги» и боялись ихъ. Да, впрочемъ, и можно ли не опасаться людей, которые получали полтинникъ въ мѣсяцъ жалованья?»

---

[1]) См. Журн. Соед. Деп. Зак. и Гражд. Дѣлъ Гос. Сов. о преобр. суд. части, № 65, стр. 18.

Однако, не всѣ тѣ дѣла, которыя потомъ стали подсудными мировому суду, вѣдались до судебной реформы уѣзднымъ судомъ. Судъ по цѣлому ряду маловажныхъ дѣлъ былъ соединенъ съ мѣстною полиціею: въ городахъ—съ городскою, внѣ городовъ—съ земскою. Кромѣ того, внѣ городовъ разборъ мелкихъ споровъ и нарушеній составлялъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ вотчинное право помѣщиковъ, а въ селеніяхъ казенныхъ съ 1838 года вѣдался выборными волостными и сельскими учрежденіями.

Въ столицахъ дѣло обстояло не лучше, чѣмъ въ остальной Россіи. Въ одной Москвѣ до 1866 г. дѣла, перешедшія затѣмъ къ мировымъ судебнымъ установленіямъ, вѣдались учрежденіями семи различныхъ типовъ (см. ниже въ статьѣ «Изъ исторіи мирового суда въ Москвѣ»).

Это-то нестройное разнообразіе органовъ мѣстной юстиціи въ городѣ и уѣздѣ, за исключеніемъ судовъ крестьянскихъ, призванъ былъ замѣнить мировой судъ.

Возникновеніе идеи мировыхъ судовъ въ Россіи относится еще къ первой четверти прошлаго столѣтія, а именно: на разсмотрѣніи секретнаго «комитета 1826 г.», учрежденнаго для разбора бумагъ Александра I, была записка гр. Кочубея по вопросу, «не можно ли учредить въ уѣздахъ мирныхъ судей (juge de paix)?» Авторъ записки проектировалъ введеніе избираемыхъ сословіями «мирныхъ судей», которые могли бы разбирать споры и тяжбы, «руководствуясь болѣе совѣстью и здравымъ разсудкомъ, нежели формою» [1]).

Когда по вступленіи на престолъ Николая I было предложено дворянству представить на имя Государя ходатайства о нуждахъ дворянскаго сословія, то «тринадцать великороссійскихъ губерній за общимъ подписомъ предводителей дворянства» заявили ходатайство о введеніи «мирныхъ судей» въ уѣздахъ. Пожеланіе дворянъ было мотивировано слѣдующимъ образомъ: «Земскіе суды находятся въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе массы тяжбъ, и такъ какъ самый обрядъ дѣлопроизводства въ нихъ, устанавливающій все протоколами, опредѣленіями, журналами, весьма затрудняетъ къ скорому рѣшенію и исполненію дѣлъ, то въ облегченіе земскихъ судовъ и съ сокращеніемъ вредныхъ и количествомъ своимъ всякую мѣру превосходящихъ тяжбъ да будетъ позволено учредить въ уѣздахъ мирныхъ судей изъ выборныхъ почетныхъ дворянъ съ тѣмъ, чтобы они входили въ разсмотрѣніе возникающихъ между помѣщиками и всякаго званія поселянами неудовольствій, исковъ и споровъ, и чтобы просители, прежде подачи въ присутственныя мѣста прошеній, предъявляли оныя мирному судьѣ, или объявляли обиду свою *словесно*, и чтобы мирный судья, прежде всего, стремился примирить тяжущихся».

Императоръ Николай Павловичъ нашелъ, что заявленіе коллективнаго ходатайства выходитъ за предѣлы предоставленныхъ дворянству полномочій. Прошеніе было возвращено съ указаніемъ, что дворяне должны представить прошенія отъ каждой губерніи отдѣльно. Тогда ходатайство

---

[1]) Подробнѣе у М. А. Филиппова, «Судебная реформа въ Россіи», т. I, стр. 162.

объ учрежденіи должностей мирныхъ судей было повторено курскимъ дворянствомъ, но снова безъ положительнаго результата. 22 декабря 1827 г., по обсужденіи прошенія курскихъ дворянъ въ Государственномъ Совѣтѣ вмѣстѣ съ заключеніемъ министра юстиціи, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ курскаго губернскаго предводителя дворянства о томъ, что «въ Государственномъ Совѣтѣ происходитъ окончательное сужденіе о постановкѣ новаго опредѣленія правилъ для третейскаго суда», и что по введеніи этихъ правилъ въ дѣйствіе «особый чиновникъ, подъ званіемъ мирнаго судьи, не будетъ нуженъ, ибо всякій воленъ отдаться на третейское разбирательство, и лица, къ коимъ, по мѣрѣ довѣрія, прибѣгаютъ сами спорящіяся стороны, суть уже мирные судьи» [1]).

Такимъ образомъ, первоначально идея мирового суда успѣха не имѣла.

Непосредственными предшественниками мировыхъ судей были мировые посредники, на которыхъ, помимо ихъ главной обязанности по составленію, утвержденію и введенію въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, былъ возложенъ разборъ дѣлъ между помѣщиками и крестьянами (см. ниже, стр. 188). Въ первоначальномъ проектѣ ихъ учрежденія мировые посредники назывались мировыми судьями, и уже въ 1858 г. въ соображеніяхъ, составленныхъ комиссіею изъ чиновниковъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ, было высказано убѣжденіе, что «мировые судьи, какъ учрежденія, условливающія быстрое и сокращенное на самомъ мѣстѣ производство дѣлъ, получатъ со временемъ въ нашемъ судоустройствѣ дальнѣйшее развитіе»[2]). Это предположеніе комиссіи совпало съ предположеніемъ главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи гр. Блудова, въ рукахъ котораго къ указанному времени уже была сосредоточена вся работа по преобразованію судебной части въ Россіи. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о недостаткахъ существующаго судопроизводства по дѣламъ о маловажныхъ преступленіяхъ и о малоцѣнныхъ искахъ гр. Блудовъ указывалъ на необходимость учредить для этого рода дѣлъ малые суды, со введеніемъ въ нихъ сокращеннаго производства, «и дѣйствія сихъ судовъ соединить съ дѣйствіями мировыхъ судей (будущихъ мировыхъ посредниковъ), предполагаемыхъ для разбора дѣлъ между помѣщиками и крестьянами» [3]).

Въ выработанномъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи проектѣ положенія о судоустройствѣ мысль объ учрежденіи малыхъ судовъ подъ именемъ мировыхъ судей для всѣхъ дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ и малоцѣнныхъ искахъ получаетъ свое развитіе.

---

[1]) А. Танковъ. Мирные судьи по проекту дворянства въ 1826 г., въ «Русской Старинѣ», 1887 г. Январь, стр. 223—224.

[2]) См. справку, приведенную въ «Отзывѣ министра внутреннихъ дѣлъ относительно сліянія спеціальныхъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій съ общими судебными мировыми учрежденіями» (Дѣло о преобразованіи судебной части въ Россіи, т. XLVII), стр. 9.

[3]) Ibid.

Какъ справедливо указывалось Государственною Канцеляріею [1]), важнѣйшая перемѣна въ изготовленномъ II Отдѣленіемъ проектѣ въ сравненіи со Сводомъ Законовъ 1857 г. состояла именно въ учрежденіи мировыхъ судей.

Въ запискѣ 1859 г. гр. Блудовъ ставилъ желательность учрежденія мирового суда въ связь съ предполагавшимся уничтоженіемъ крѣпостного состоянія и отдѣленіемъ власти судебной отъ административной. «Доселе,—говорилось въ запискѣ,—крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину крестьянскаго населенія, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ, и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбирательства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны, какъ сіе установлено въ отношеніи къ маловажнымъ проступкамъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи. Но когда въ одно время предполагается не только освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ *всякаго* вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣятельность становыхъ приставовъ необходимо замѣнить *судебнымъ* установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно ввѣрить и веденіе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ существуютъ такія судебныя лица и мѣста; они тѣмъ въ особенности полезны, что споры въ оныхъ оканчиваются большею частью примиреніемъ или рѣшаются всегда сокращеннымъ порядкомъ, всего чаще при первой явкѣ сторонъ, на основаніи словесныхъ между ними объясненій, безъ издержекъ» [2]).

Избраніе мировыхъ судей гр. Блудовъ предполагалъ предоставить дворянскому сословію, утвержденіе ихъ въ должности — главному губернскому судьѣ (ст. 286 проекта полож. о судоустройствѣ). Подсудность мировыхъ судей въ проектѣ ограничивалась узкими предѣлами. Такъ, по дѣламъ гражданскимъ имъ предоставлялись споры о движимыхъ имуществахъ и личныхъ обязательствахъ, когда сумма иска не выше 30 руб., жалобы о захватѣ и завладѣніи, подлежавшія въ то время вѣдомству полиціи, и нѣкоторыя дѣла по искамъ свыше 30 до 500 руб., но лишь тогда, когда они требуютъ непремѣнно скораго разсмотрѣнія, какъ, напр., дѣла, которыя касаются проѣзжихъ или же лицъ, выбывающихъ изъ мѣста, въ коемъ возникъ споръ [3]).

Теперь, когда нѣкоторые мировые судьи въ столицахъ разрѣшаютъ до 6.000 и даже болѣе дѣлъ въ годъ, кажется очень оптимистическимъ предположеніе гр. Блудова ввести мировыхъ судей въ такомъ числѣ, чтобы на каждаго приходилось не болѣе 10 дѣлъ въ недѣлю.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прототипомъ для проектировавшагося гр. Блудовымъ мирового института послужили «juges de paix» во Фран-

---

[1]) Записка Госуд. Канцеляріи объ основн. началахъ судоустр. и судопроизв. гражд. и уголовнаго, стр. 21.

[2]) Общая объяснительная записка (гр. Блудова) по проекту положенія о судоустройствѣ, стр. 40—41.

[3]) Объяснительная записка къ проекту правилъ о порядкѣ производства гражд. дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ, стр. 5—6.

ціи. Это видно и изъ прямой ссылки на данныя французской статистики при исчисленіи цифры дѣлъ, которыя будутъ разбираться въ мировыхъ судахъ, и изъ того, что, по примѣру французскаго законодательства, гр. Блудовъ считалъ желательнымъ, чтобы въ будущемъ на мировыхъ судей было возложено принятіе мѣръ для соглашенія и примиренія спорящихъ по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, независимо отъ цѣны исковъ [1]).

Противъ включенія въ проектъ судоустройства предположеній о мировомъ судѣ рѣшительно возражалъ одержимый боязнью всякаго новшества министръ юстиціи гр. Панинъ, прежде всего, на томъ основаніи, что, «какъ вопросъ объ установленіи мировыхъ судей возникъ въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, то нельзя возлагать на нихъ другой обязанности, ибо они будутъ чрезвычайно обременены разборомъ дѣлъ крестьянскихъ». Гр. Блудовъ объяснялъ гр. Панину «коренное различіе предположеній II отдѣленія съ тѣми, которыя имѣются въ виду крестьянскаго комитета и комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ». Онъ находилъ, что даже присвоеніе названія мировыхъ судей предполагаемымъ комиссіею о крестьянскихъ учрежденіяхъ мировымъ посредникамъ было бы «неприлично». Гр. Панинъ не уступалъ и выдвинулъ новое возраженіе: недостатокъ у насъ людей. Гр. Блудовъ тѣмъ не менѣе не отказался отъ своего проекта. «Указаніе не недостатокъ людей,—писалъ онъ,—должно вести скорѣе къ принятію мѣръ для уменьшенія состава мировыхъ судовъ (раньше предполагалось, что при каждомъ мировомъ судьѣ будетъ состоять товарищъ мирового судьи), нежели къ устраненію самой мысли объ учрежденіи столь полезнаго и даже необходимаго установленія» [2]).

Проектъ II отдѣленія былъ 15 апрѣля 1860 г. внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ послѣднемъ необходимость учрежденія мировыхъ судей не вызвала сомнѣній. Опасеніе недостатка нужныхъ людей Государственный Совѣтъ не призналъ препятствіемъ къ введенію мирового суда. Государственный Совѣтъ надѣялся, что «значеніе столь важной должности, польза, которая должна произойти отъ усерднаго ея исполненія, и условія, въ которыя мировой судья долженъ быть поставленъ въ отношеніи къ судебной власти, будутъ много содѣйствовать тому, что у насъ явится необходимое число желающихъ поступить на эти мѣста изъ лицъ, до сего времени удалявшихся отъ службы по разнымъ причинамъ».

Но въ отличіе отъ проекта II отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Государственный Совѣтъ принялъ за одно изъ главныхъ основаній новаго судоустройства замѣщеніе должности мирового судьи «по выбору *всѣхъ* сословій» [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 2—3.

[2]) Общая объяснит. записка по проекту положенія о судоустройствѣ, стр. 43—45.

[3]) Главныя начала, принятыя, какъ II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, такъ и соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта относительно: I) судоустройства, II) судопроизводства гражданскаго, III) судопроизводства уголовнаго и IV) переходныхъ мѣръ отъ порядка существующаго къ порядку новому, изложены въ «Запискѣ Государственной Канцеляріи объ основныхъ началахъ судоустройства и судопроизводства гражданскаго и уголовнаго».

Когда затѣмъ ходу работъ по преобразованію судебной части было придано новое направленіе (см. т. I, стр. 306) и Высочайше повелѣно было Государственной Канцеляріи и прикомандированнымъ къ ней юристамъ изложить соображенія «о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство которыхъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ», то Государственная Канцелярія, съ своей стороны, высказалась за введеніе мирового суда, притомъ, какъ института обособленнаго отъ общихъ судебныхъ учрежденій. Мировымъ судьямъ должна была быть ввѣрена «особая, исключительная власть рѣшать дѣла безъ участія коллегіи».

Признавъ, что «опредѣленіе судей отъ правительства представляетъ болѣе ручательствъ въ хорошемъ судоустройствѣ, нежели выборная система», Государственная Канцелярія, тѣмъ не менѣе, допускала «частичное приложеніе» выборной системы въ назначеніи мировыхъ судей на томъ основаніи, что «достоинство сихъ судей не обусловливается такими способностями и познаніями, о которыхъ трудно было бы судить избирателямъ», а между тѣмъ избраніе мировыхъ судей обезпечиваетъ имъ довѣріе общества, правительство же освобождается отъ практически для него трудно осуществимой задачи—сдѣлать хорошій выборъ судей для замѣщенія большого числа вакансій.

Соображенія Государственной Канцеляріи поступили, согласно порядку, предписанному Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 23 октября 1861 года, на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ. Идея мирового суда, съ ея переходомъ изъ одной инстанціи въ другую, не только не становилась менѣе рѣшительною, какъ это часто бываетъ со многими проектами, постепенно блѣднѣющими до ихъ превращенія въ законъ, но, напротивъ, какъ распускающійся цвѣтокъ, пріобрѣтала все болѣе яркую окраску. Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ говорится о мировомъ судьѣ, какъ объ органѣ, имѣющемъ «великую важность въ устройствѣ суда и судебнаго управленія». Въ его лицѣ предполагалось «дать мѣстнымъ обывателямъ не только ближайшее средство для разрѣшенія пререканій о правѣ въ дѣлахъ, требующихъ прежде всего скораго рѣшенія на мѣстѣ и наглядная знанія мѣстныхъ обстоятельствъ и отношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и посредника для соглашенія требованій, которыя весьма часто въ началѣ кажутся противоположными[1]). «Онъ вмѣстѣ и примиритель своихъ обывателей и защитникъ пользъ своего околодка, и первая ступень къ прочному общественному порядку»[2]). «*По особенному значенію* мирового суда» и для достиженія «высокой цѣли мировыхъ учрежденій» Государственный Совѣтъ былъ озабоченъ принятіемъ «самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ поддержанію достоинства и силы этого учрежденія». Такими мѣрами Соединенные Департаменты считали требованіе отъ кандидатовъ въ мн-

[1]) Журналъ Соед. Департ. законовъ и гражд. дѣлъ Госуд. Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, стр. 309.

[2]) Ibid. стр. 41.

ровые судьи неопороченности по суду, имущественнаго и образовательнаго или служебнаго ценза и установленіе «безвозмезднаго званія почетныхъ мировыхъ судей» для того, чтобы они облегчали участковымъ судьямъ исполненіе ихъ многочисленныхъ обязанностей и «въ особенности для того, чтобы лица, заслуживающія полнаго уваженія и довѣрія, не лишались возможности, не оставляя своихъ домашнихъ занятій и обязанностей, оказывать своимъ вліяніемъ содѣйствіе къ охраненію общественнаго порядка и спокойствія, къ развитію мѣстнаго благосостоянія» [1]).

Къ вѣдомству мировыхъ судей Соединенные Департаменты проектировали отнести «только дѣла самыя простыя и несложныя, не представляющія трудности въ разрѣшеніи». Однако, по сравненію съ проектомъ II отдѣленія, вѣдомство мировыхъ судей опредѣлялось Соединенными Департаментами гораздо шире. Такъ, въ качествѣ предѣльной цѣны гражданскихъ исковъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, ими, уже въ видѣ общаго правила, намѣчается сумма въ 500 руб. Самый порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ мировыми судьями долженъ былъ быть «самый простой» съ ограниченіемъ «до послѣдней крайности тѣхъ случаевъ, въ которыхъ требуется обязательная записка въ протоколъ или книгу происходящихъ на судѣ дѣйствій» [2]).

По вопросу о томъ, на какое учрежденіе должно быть возложено разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей, въ Соединенныхъ Департаментахъ возникло разногласіе, и въ выработанныхъ Соединенными Департаментами главныхъ положеніяхъ объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ мы находимъ подъ § 21 два положенія: одно, основанное на мнѣніи восьми членовъ, считавшихъ цѣлесообразнымъ ввѣрить разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей окружнымъ судамъ, другое, нашедшее поддержку только со стороны трехъ членовъ и гласившее: «мировые судьи, какъ участковые, такъ и почетные собираются въ назначенные имъ сроки вмѣстѣ и составляютъ мировой съѣздъ для неокончательнаго рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ мировому разбирательству». Сторонники этого, впослѣдствіи восторжествовавшаго, положенія въ качествѣ главнѣйшаго его основанія приводили то соображеніе, что, если жалобы на рѣшенія мировыхъ судей будутъ приноситься окружному суду, то одно и то же дѣло будетъ производиться двумя совершенно разными порядками: дѣло, рѣшенное у мирового судьи, т. е. неформальнымъ порядкомъ, и притомъ часто по указанію не закона, а совѣсти или обычая, будетъ обращено въ окружный судъ къ общему судебному производству, хотя и сокращеннымъ, но все-таки формальнымъ порядкомъ для постановленія рѣшенія всегда на точномъ основаніи закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ три члена опасались, что порядокъ пересмотра рѣшеній мировыхъ судей по апелляціоннымъ жалобамъ окружнымъ судомъ поставитъ мировыхъ судей въ подчинен-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid., стр. 21—25.

ное положеніе по отношенію къ окружному суду, и должность мирового судьи вступитъ «въ общій разрядъ судебно-полицейскихъ должностей» [1]).

Особое вниманіе вопросу объ апелляціонной инстанціи для пересмотра рѣшеній мировыхъ судей удѣлило и Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, въ которое поступилъ журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ. Въ Общемъ Собраніи голоса раздѣлились поровну, и вопросъ былъ рѣшенъ резолюціей Государя Императора, утвердившаго мнѣніе тѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, которые полагали «разсмотрѣніе апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей предоставить не окружнымъ судамъ, но съѣздамъ мировыхъ судей» [2]).

Основныя положенія преобразованія судебной части, Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 г., замѣчанія, доставленныя на основныя положенія отъ юристовъ и другихъ лицъ [3]), также проектъ положенія о судоустройствѣ, который былъ внесенъ вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 1860 г. въ Государственный Совѣтъ, и, наконецъ, журналъ Соединенныхъ Департаментовъ по этому вопросу—все это послужило матеріаломъ для выработки «проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ» отдѣленіемъ судоустройства Высочайше учрежденной при государственной канцеляріи комиссіи.

Изъ числа возникшихъ въ комиссіи разногласій наиболѣе существенными были разногласія по вопросамъ объ избирательныхъ собраніяхъ для выборовъ мировыхъ судей, о размѣрѣ имущественнаго ценза кандидатовъ въ судьи, о срокѣ, на который должны быть избираемы мировые судьи, и о предоставленіи по закону званія почетныхъ мировыхъ судей нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ.

По первому вопросу [4]) меньшинство возражало противъ возложенія избранія мировыхъ судей на проектировавшіяся тогда уѣздныя земскія собранія. Составлявшіе это меньшинство 7 членовъ высказывали опасеніе, которое, какъ потомъ показали судьбы мирового института, было вполнѣ основательнымъ, а именно, что въ случаѣ предоставленія выборовъ мировыхъ судей уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, «участь всего народонаселенія въ дѣлахъ правосудія будетъ отдана въ руки небольшого числа лицъ», тѣхъ «собственниковъ или капиталистовъ», изъ которыхъ должны были составляться земскія собранія. По мнѣнію меньшинства, въ предоставленіи земскимъ собраніямъ выборовъ мировыхъ судей заключалось внутреннее, принципіальное противорѣчіе: земскія собранія предположено учредить для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ, причемъ сообразно съ этою цѣлью опредѣляется и ихъ составъ, а между тѣмъ «въ выборѣ лицъ, которымъ

---

[1]) Журн. Соед. Департ. о преобраз. суд. части въ Россіи, стр. 37—45.

[2]) См. прилож. къ «Журналамъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта о преобразованіи судебной части», стр. 1.

[3]) Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній приведены ниже; см. стр. 220 (прим.), 247.

[4]) Объяснит. записка къ проекту учрежд. суд. мѣстъ, стр. 283—291.

ввѣряется мѣстное отправленіе правосудія, заинтересованы многія ..... лица, до которыхъ хозяйственныя дѣла ихъ мѣстности нисколько не касаются, какъ, напримѣръ, всѣ лица, неимѣющія ни поземельной, ни городской собственности». Поэтому, меньшинство считало нужнымъ ввести такой порядокъ избранія мировыхъ судей, при которомъ бы «въ семъ выборѣ принимало *непосредственное* и болѣе широкое участіе мѣстное населеніе». Большинство комиссіи не раздѣлило высказаннаго въ ея средѣ опасенія и признало земскія собранія, какъ соединяющія въ себѣ, по проекту, представителей отъ всѣхъ сословій, за органъ, вполнѣ пригодный для избранія мировыхъ судей.

Напротивъ, въ вопросѣ объ имущественномъ цензѣ одержало верхъ болѣе прогрессивное мнѣніе. Только меньшинство комиссіи смотрѣло на имущественный цензъ, какъ на гарантію извѣстной доли независимости, которая для мировыхъ судей «въ особенности необходима, потому: 1) что участковымъ судьямъ предполагается назначить окладъ содержанія гораздо меньше, чѣмъ коронным судьямъ, и почетные судьи будутъ служить совершенно безвозмездно; 2) что коронным судьямъ присваивается право несмѣняемости, а мировые судьи должны будутъ подвергаться періодическому перебаллотировыванію; 3) что при единоличномъ характерѣ своей дѣятельности, при множествѣ самыхъ разнообразныхъ занятій, при множествѣ лицъ, съ которыми мировой судья долженъ будетъ входить въ непрестанныя сношенія, ему чрезвычайно будетъ трудно устоять противу разнаго рода вліяній или даже искушеній, если онъ по матеріальному своему положенію будетъ находиться въ состояніи, близкомъ къ нуждѣ; наконецъ, 4) что безъ этого условія могло бы оказаться слишкомъ большое неравенство въ силѣ и значеніи голосовъ на съѣздахъ мировыхъ судей». (Объяснит. зап. 1863 г. стр. 9—10).—Большинство же комиссіи, полагая, что и болѣе высокій цензъ не можетъ быть признанъ «ручательствомъ въ высшей степени образованія или опытности и вообще нравственныхъ качествахъ», и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться «залогомъ независимости и самостоятельности», предпочло лишь формально осуществить обязательное для комиссіи основное положеніе (14-ое), требовавшее установленія для кандидатовъ въ мировые судьи имущественнаго ценза [1]): по проекту комиссіи отъ кандидатовъ въ мировые судьи требовался лишь годовой доходъ не менѣе 100 руб.; другими словами, имущественный цензъ былъ установленъ въ такомъ размѣрѣ, который, какъ указывали Буцковскій, Даневскій и другіе члены комиссіи, «былъ равнозначителенъ совершенному уничтоженію ценза».

Должны ли мировые судьи быть избираемы на опредѣленный срокъ, или къ нимъ должно быть примѣнено начало несмѣняемости и безсрочности въ томъ же объемѣ, въ какомъ это начало распространяется на членовъ общихъ судебныхъ учрежденій—таковъ былъ третій важный вопросъ, по которому не состоялось единогласнаго мнѣнія комиссіи [2]). Меньшин-

[1]) Объяснит. записка къ проекту учрежд. суд. мѣстъ, стр. 9—11.

[2]) Ibid. стр. 15—19.

ство полагало, что мировые судьи должны избираться безъ ограниченія времени ихъ службы срокомъ, такъ какъ «общество назначаетъ мировыхъ судей точно такъ же, какъ и правительство назначаетъ общихъ судей, и предоставленіе тѣмъ и другимъ безсмѣнности не имѣетъ прямого отношенія къ самому способу ихъ назначенія». Оригинально, что, настаивая на необходимости обезпечить мировымъ судьямъ прочность положенія, то же меньшинство проектировало предоставить Сенату право каждое трехлѣтіе вычеркивать изъ списка мировыхъ судей лицъ, неоправдавшихъ своего назначенія. Этимъ, очевидно, меньшинство думало сгладить противорѣчіе своего предложенія со ст. 13 основныхъ положеній, согласно которой «мировые судьи..... избираются..... на три года» [1]). — Большинство, однако, не сочло возможнымъ замѣнить контроль общества контролемъ сената. «Коль скоро избраніе мировыхъ судей предоставлено обществу,—высказали 20 членовъ комиссіи,—то нѣтъ основанія лишать его права контроля за избраннымъ судьею, обнаруживаемаго избраніемъ его вновь или неизбраніемъ; весьма нерѣдко можетъ случиться, что общество ошиблось въ своемъ выборѣ, что лицо избранное не оправдало оказаннаго къ нему довѣрія, и трудно допустить, чтобы общество не имѣло никакого способа избавиться отъ судьи, къ которому оно потеряло всякое довѣріе и уваженіе».

Въ противорѣчіи съ основными положеніями было и мнѣніе, правда, весьма незначительнаго меньшинства, проектировавшаго надѣлить званіемъ и правами почетныхъ мировыхъ судей цѣлый рядъ должностныхъ лицъ министерствъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, членовъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, губернаторовъ, губернскихъ предводителей дворянства, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ головъ. Этимъ предполагалось смягчить разобщеніе между судомъ и администраціею, между мировымъ судомъ и общими судебными учрежденіями. Не приходится удивляться тому, что предположеніе это было отвергнуто, какъ несогласное и съ принципомъ избранія *всѣхъ* мировыхъ судей, и съ выраженнымъ во главѣ всѣхъ основныхъ положеній началомъ: власть судебная отдѣляется отъ исполнительной, административной и законодательной [2]).

Выработанный комиссіею проектъ учрежденія суд. установленій такъ же, какъ и проекты устава гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, въ томъ же порядкѣ, какой ранѣе былъ примѣненъ къ составленнымъ Государственною Канцеляріею основнымъ началамъ судопроизводства и судоустройства, поступилъ на разсмотрѣніе Соединенныхъ Департаментовъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ. Приступивъ къ разсмотрѣнію главы объ устройствѣ мирового суда, Соединенные Департаменты прежде

---

[1]) Это основное положеніе было принято по единогласному заключенію Государственнаго Совѣта и было утверждено особою надписью Государя: «весьма справедливо и осторожно». См. прилож. къ «Журналамъ Общ. Собр. Госуд. Сов. о преобраз. суд. части въ Россіи», стр. 5.

[2]) Ibid., стр. 26—29.

всего остановились на предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ ввести въ столицахъ мировыхъ судей не избираемыхъ, а назначаемыхъ отъ правительства изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе, и учредить въ столичныхъ городахъ для окончательнаго рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ мировому разбирательству, особый городовой судъ, состоящій изъ предсѣдателя, его товарища и членовъ, назначаемыхъ также отъ правительства. Соединенные Департаменты отвергли это предложеніе, какъ потому, что оно противорѣчило бы основнымъ положеніямъ преобразованія судебной части, несдѣлавшимъ для столицъ никакого изъятія изъ общихъ правилъ, такъ и потому, что допущеніе проектированнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ изъятія «можетъ быть принято какъ бы за недовѣріе къ столичнымъ жителямъ и за лишеніе ихъ того права, которое предоставляется всѣмъ прочимъ жителямъ Имперіи по избранію мировыхъ судей, а въ случаѣ неудовлетворительнаго почему-либо назначенія сихъ судей отъ правительства могло бы даже подать поводъ къ нареканіямъ на его распоряженія» [1]).

Изъ другихъ постановленій Соединенныхъ Департаментовъ наиболѣе существенными представляются два слѣдующія: 1) Соединенные Департаменты не сочли возможнымъ принять тотъ, по существу фиктивный, имущественный цензъ для кандидатовъ въ мировые судьи (100 руб. годового дохода), какой былъ установленъ комиссіею при Государственной Канцеляріи, согласившись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, что цензъ этотъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, которыя указаны положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года, тогда какъ, «по мнѣнію Соединенныхъ Департаментовъ, значеніе будущихъ мировыхъ судей столь важно для общества и государства, что необходимо даже стараться поставить ихъ выше лицъ, которымъ даровано право быть избираемыми въ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній» [2]). Поэтому, Соединенные Департаменты приняли за норму требуемаго отъ кандидатовъ въ мировые судьи ценза пространство земли *вдвое* противъ того, которое опредѣлено для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія, приравнявъ къ этому нормальному цензу также обладаніе другимъ недвижимымъ имуществомъ въ уѣздѣ цѣною не ниже 15.000 руб., въ городахъ—недвижимою собственностью, оцѣненной для взиманія налога, въ столицахъ—не менѣе 5.000 руб., а въ прочихъ городахъ—не менѣе 3.000 руб. 2) Кромѣ званія участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, Соединенные Департаменты ввели еще званіе почетнаго участковаго мирового судьи для тѣхъ участковыхъ мировыхъ судей, которые откажутся отъ слѣдуемаго имъ по этой должности содержанія.

Кромѣ измѣненій по существу, внесенныхъ въ постановленія проекта комиссіи о мировомъ судѣ, Соединенные Департаменты измѣнили и самый порядокъ изложенія правилъ о мировомъ судѣ, а именно, Соединенные Департаменты нашли нужнымъ собрать *всѣ* правила, касающіяся мирового суда, въ одно мѣсто, «изложивъ ихъ въ особомъ раздѣлѣ, дабы въ немъ

---

[1]) Журн. Соедин. Департ. Зак. и Гражд. Дѣлъ, 1864 г., № 48, стр. 3—4.
[2]) Ibid., стр. 5.

заключалось по возможности полное учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій».

Въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи мирового суда, уже не подвергался существеннымъ измѣненіямъ.

Въ томъ же порядкѣ и тѣми же органами были составлены правила о производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ въ мировомъ судѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы отмѣтимъ тѣ наиболѣе существенныя черты мирового производства, которыя при этомъ были установлены. Излагать же процедуру составленія правилъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ такъ же обстоятельно, какъ это мы сдѣлали въ отношеніи къ учрежденію мирового суда, мы не станемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы рискнули бы обременить нашъ общій и неизбѣжно ограниченный въ объемѣ очеркъ едва ли умѣстными въ немъ подробностями.

Послѣ прохожденія черезъ всѣ инстанціи, принявшія участіе въ составленіи и редактированіи Судебныхъ Уставовъ, нашъ мировой институтъ сложился окончательно въ слѣдующемъ видѣ.

Черты, заимствованныя изъ Франціи, примѣръ которой имѣлъ въ виду гр. Блудовъ, въ нашемъ мировомъ институтѣ соединены съ чертами, сближающими его съ мировымъ судомъ въ Англіи. Хотя мировые судьи были названы такъ въ виду того значенія, которое придавалось ихъ примирительной функціи [1]), но составителямъ Судебныхъ Уставовъ не была чужда и та идея охраненія земскаго мира, которая выражается въ названіи англійскихъ мѣстныхъ судей «Justices of the Peace» [2]). Составители Судебныхъ Уставовъ считали, что мировые судьи должны быть «по преимуществу мѣстными судьями и хранителями мира», и что имъ должно принадлежать «преобладающее вліяніе *по охраненію и утвержденію общаго порядка и спокойствія*, а для этого также необходимо, чтобы они были назначены изъ мѣстныхъ жителей, не только знающихъ вполнѣ свой округъ, но и имѣющихъ собственный интересъ въ поддержаніи общаго порядка и спокойствія» [3]). Самая организація мировыхъ судовъ, какъ и въ Англіи, образуетъ особую мировую юстицію, отличную и отдѣльную отъ общей юстиціи. Но въ то же время не забытъ интересъ единства правосудія, и ради этого интереса нашъ мировой судъ поставленъ подъ верховное главенство сената, какъ кассаціоннаго суда, идея котораго принадлежитъ Франціи. Въ отличіе же отъ Франціи и отъ Англіи, въ основу организаціи миро-

---

[1]) См. объясн. зап. гр. Блудова къ проекту прав. о порядкѣ произв. спорныхъ гражд. дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ, стр. 2: «Главная обязанность Мировыхъ Судовъ по дѣламъ спорнымъ, *какъ сіе объясняется самимъ наименованіемъ сего установленія*, должна состоять въ принятіи мѣръ для соглашенія и *примиренія* сторонъ».

[2]) То порученіе, которое король въ Англіи даетъ мировымъ судьямъ округа (по большей части, графства) гласитъ: «Know ye that we have assigned you... *to keep our peace* in the said county of...». См. Gerland. Die englische Gerichtsverfassung, 1910. стр. 10, прим. 3.

[3]) Журналъ Соедин. Департаментовъ, № 65, стр. 301—304.

вого суда положено начало выборовъ, а не правительственнаго назначенія. Въ этомъ отчасти сказался взглядъ на мѣстный судъ, какъ на принадлежность мѣстнаго самоуправленія.

Выборные мировые судьи—участковые и почетные—состоятъ въ городахъ и уѣздахъ. Мировые судьи избираются на три года уѣздными земскими собраніями, и только въ С.-Петербургѣ [1]) и въ Москвѣ выборы мировыхъ судей были возложены на городскія думы. Это право избранія мировыхъ судей было однимъ изъ немногихъ проявленій государственнаго характера нашего земскаго самоуправленія, учрежденнаго всего за нѣсколько мѣсяцевъ до изданія Судебныхъ Уставовъ. Какъ извѣстно, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года сложилось подъ сильнымъ вліяніемъ такъ наз. общественной теоріи самоуправленія, согласно которой органы самоуправленія должны вѣдать нужды общества, отличныя и независимыя отъ нуждъ государства. Наперекоръ этому воззрѣнію, надѣленіемъ земскихъ собраній правомъ избранія мировыхъ судей, мѣстное общество, въ лицѣ своихъ органовъ самоуправленія, привлекалось на службу *государственнымъ* интересамъ и цѣлямъ [2]).

Въ мировые судьи могутъ быть избираемы тѣ изъ мѣстныхъ жителей не моложе двадцати пяти лѣтъ, которые имѣютъ свидѣтельство о выдержаніи испытанія, по крайней мѣрѣ, по программѣ средняго учебнаго заведенія, или же прослужили не менѣе трехъ лѣтъ въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, если при этомъ они обладаютъ требуемымъ имущественнымъ цензомъ; послѣдній опредѣленъ въ томъ размѣрѣ, какой былъ установленъ Соединенными Департаментами законовъ и гражданскихъ дѣлъ (см. выше, стр. 182), съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что въ столицахъ требуется обладаніе недвижимою собственностью, оцѣненною для взиманія налога не менѣе 6.000 руб. (а не 5.000 руб., какъ было предположено Соединенными Департаментами).

Кромѣ перечисленныхъ положительныхъ условій, отъ кандидатовъ въ мировые судьи требуется, чтобы они не были опорочены по суду или по приговору тѣхъ сословій, къ которымъ принадлежатъ, не были объявлены несостоятельными должниками и не состояли подъ опекой за расточительность.

Земскимъ Собраніямъ (въ Петербургѣ и въ Москвѣ—городскимъ думамъ) было предоставлено надѣлять званіемъ мирового судьи «по единогласному мнѣнію полнаго, закономъ опредѣленнаго, числа своихъ гласныхъ» и такихъ лицъ, которыя, хотя и не удовлетворяютъ установленнымъ закономъ для кандидатовъ въ мировые судьи требованіямъ, «но пріобрѣли

---

[1]) Здѣсь и дальше мы вездѣ говоримъ о Петербургѣ, а не о Петроградѣ, такъ какъ все наше изложеніе относится ко времени, предшествующему переименованію нашей сѣверной столицы.

[2]) См. Юбилейный земскій сборникъ, Спб., 1914 г., стр. 2 и сл. (статья Н. Н. Авинова, Главныя черты въ исторіи законодательства о земскихъ учрежденіяхъ) и стр. 86 (статья М. М. Могилянскаго, Земство и мѣстный судъ).

общественное довѣріе и уваженіе своими заслугами и полезною дѣятельностью» (ст. 34).

Списокъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, составляется за три мѣсяца до выборовъ, по каждому мировому округу отдѣльно, уѣзднымъ предводителемъ дворянства по соглашенію съ городскимъ головою и мѣстными мировыми судьями. Списокъ сообщается губернатору для того, чтобы онъ могъ сдѣлать свои замѣчанія относительно внесенія въ списокъ лицъ, «несовмѣщающихъ въ себѣ установленныхъ закономъ качествъ» (Об. зап. 1863 г., стр. 282).

Лица, избранныя въ мировые судьи, представляются на утвержденіе первому департаменту правительствующаго сената, но допускаются къ исправленію должности немедленно по избраніи ихъ и принесеніи ими присяги. Участковые мировые судьи получаютъ изъ земскихъ сборовъ, а въ столицахъ—изъ городскихъ доходовъ, какъ свое жалованье, такъ и суммы, нужныя для содержанія камеры и канцеляріи. Почетные мировые судьи, неполучающіе никакихъ суммъ на содержаніе и расходы по своей должности, замѣняютъ участковыхъ судей въ случаѣ ихъ устраненія, отсутствія, болѣзни или смерти, «производятъ судъ и расправу» въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣлу, подсудному мировому судьѣ, обѣ стороны обратятся къ ихъ посредничеству, входятъ въ составъ мирового съѣзда и, наконецъ, могутъ быть приглашаемы для пополненія присутствія окружнаго суда.

Собраніе всѣхъ мировыхъ судей каждаго округа составляетъ высшую мировую инстанцію, именуемую съѣздомъ мировыхъ судей. Изъ среды послѣднихъ ими самими избирается предсѣдатель мирового съѣзда.

Мировой съѣздъ собирается въ сроки, опредѣленные уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а въ столицахъ—городскими думами; въ мировомъ съѣздѣ присутствуетъ товарищъ прокурора окружнаго суда для предъявленія заключеній по всѣмъ уголовнымъ [1]) и по указаннымъ въ законѣ гражданскимъ дѣламъ. На мировые съѣзды, кромѣ разсмотрѣнія апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей, возложенъ непосредственный надзоръ за мировыми судьями.

Высшій же надзоръ за всѣми вообще мировыми судьями и за ихъ съѣздами Судебными Уставами былъ предоставленъ кассаціоннымъ департаментамъ сената и министру юстиціи.

Въ отношеніи дисциплинарной отвѣтственности за упущенія по службѣ мировые судьи сравнены съ членами окружныхъ судовъ.

Предѣлы вѣдомства мирового суда составители Судебныхъ Уставовъ ограничили дѣлами, которыя они считали «простыми и несложными, не представляющими трудности въ разрѣшеніи». Къ такимъ дѣламъ они относили, въ сферѣ гражданской, иски до 500 руб., основанные на личныхъ обязательствахъ и договорахъ, о движимости, о вознагражденіи

---

[1]) Необходимость прокурорскаго заключенія по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ оспаривается Неклюдовымъ.

за ущербъ и убытки, о личныхъ обидахъ, о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ, а въ сферѣ уголовной—проступки, предусмотрѣнные въ особомъ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и влекущіе за собою выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взысканія не свыше 300 руб., арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, заключеніе въ тюрьмѣ не свыше одного года. Только по просьбѣ обѣихъ сторонъ мировой судья могъ принять къ своему разсмотрѣнію *всякій* споръ и искъ *гражданскій*, независимо отъ цѣны его, для рѣшенія дѣла по совѣсти, при чемъ состоявшіяся вслѣдствіе такихъ просьбъ рѣшенія считались окончательными и не подлежали апелляціонному обжалованію (ст. 30 уст. гр. суд.).

Кромѣ общаго опредѣленія рода дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, ихъ власть была ограничена изъятіемъ изъ ихъ вѣдомства дѣлъ, подсудныхъ духовнымъ [1]), военнымъ, коммерческимъ, крестьянскимъ и инородческимъ судамъ. Это изъятіе получило огромное значеніе для многомилліоннаго крестьянскаго сословія, вынужденнаго, такимъ образомъ, по весьма значительному кругу дѣлъ судиться въ своихъ волостныхъ судахъ.

Порядокъ разбирательства дѣлъ въ мировомъ судѣ характеризуется составителями Судебныхъ Уставовъ, какъ порядокъ упрощенный. Упрощеніе процесса достигается, прежде всего, его сокращенностью. Въ производствѣ гражданскихъ дѣлъ въ мировомъ судѣ въ цѣляхъ сокращенія его устранено «предварительное письменное приготовленіе къ словесному состязанію» [2]). Равнымъ образомъ, въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ нѣтъ нѣкоторыхъ процессуальныхъ моментовъ, свойственныхъ производству въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Такъ, въ мировомъ судѣ нѣтъ особой стадіи предварительнаго слѣдствія; поэтому, въ мировомъ судѣ возможно разсмотрѣніе дѣла и вынесеніе по дѣлу приговора немедленно вслѣдъ за поступленіемъ къ судьѣ жалобы потерпѣвшаго или сообщенія полиціи, если одновременно къ нему былъ доставленъ обвиняемый; далѣе, нѣтъ въ немъ и другой еще болѣе существенной принадлежности [3]) производства въ общихъ судебныхъ установленіяхъ—обвинительнаго акта.

Кромѣ сокращенія процессуальныхъ моментовъ, упрощенность мирового производства проявляется въ меньшемъ формализмѣ его. Мнѣніе, высказанное въ объяснительной запискѣ гр. Блудова, что «для разбирательства дѣлъ въ мировомъ судѣ не нужно никакихъ многочисленныхъ формъ и обрядовъ» (стр. 23 и 24), осталось въ отношеніи къ мировому суду руководящей идеей и въ послѣдующихъ стадіяхъ работы надъ уставами гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ. Такъ, разсуждая о производствѣ у мировыхъ судей гражданскихъ дѣлъ, Соединенные Департа-

---

[1]) См. ст. 148 Уст. Дух. Консист.

[2]) Журн. Соед. Департ., 1862 г., № 65, стр. 2—3.

[3]) Говоримъ: «еще болѣе существенной принадлежности», имѣя въ виду, что при извѣстныхъ условіяхъ предв. слѣдствіе можетъ быть опущено и по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ (ст. 545 у. у. с.).

менты законовъ и гражданскихъ дѣлъ высказали: «Порядокъ дѣйствій мирового судьи долженъ быть самый простой, и потому при разборѣ мирового судьи не должны имѣть мѣста ни взысканія пошлинъ, ни гербовыя бумаги, и весь ходъ дѣлъ долженъ быть по возможности облегченъ. Общая письменная форма жалобы для судовъ сего рода не можетъ быть признана обязательною... Разборъ дѣлъ долженъ происходить на словахъ съ разспросомъ спорящихъ отъ лица судьи, который обязанъ ставить себя въ непосредственное къ нимъ отношеніе» [1]).—Точно также и уголовное производство у мировыхъ судей составители Судебныхъ Уставовъ стремились въ особенности оберечь отъ утонченнаго формализма, отъ того, чтобы о немъ нельзя было сказать тѣми словами, какими прежде французы отзывались о своемъ процессѣ, говоря: «форма въ немъ важнѣе дѣла» («La forme emporte le fond») [2]).

Мировые судьи обязаны по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ и по тѣмъ уголовнымъ, которыя могутъ быть начаты не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, стараться примирить тяжущихся.

Къ числу основныхъ положеній производства дѣлъ у мировыхъ судей было отнесено дѣленіе рѣшеній и приговоровъ на окончательные и неокончательные. Рѣшенія мировыхъ судей по искамъ до 30 рублей и приговоры по уголовнымъ дѣламъ, по которымъ опредѣляются внушенія, замѣчанія, выговоры, денежныя взысканія не свыше 15 руб. и арестъ до трехъ дней, были объявлены Судебными Уставами окончательными; на этого рода рѣшенія были допущены только кассаціонныя жалобы въ мировой съѣздъ, т.-е. просьбы объ отмѣнѣ состоявшагося рѣшенія или приговора и о передачѣ дѣла на новое разсмотрѣніе въ первую инстанцію, если мировымъ судьею были нарушены предѣлы его вѣдомства или власти, или наиболѣе важные обряды или формы, или смыслъ закона при опредѣленіи гражданскихъ правонарушеній, при квалификаціи преступленія или назначеніи наказанія; на всѣ же остальные рѣшенія и приговоры, какъ неокончательные, допущены апелляціонныя жалобы, т-е. просьбы, обращенныя въ мировой съѣздъ, о пересмотрѣ дѣла и всѣхъ обстоятельствъ его и о постановленіи мировымъ съѣздомъ новаго рѣшенія. На рѣшенія и приговоры мирового съѣзда, постановленныя по апелляціоннымъ жалобамъ, могутъ быть, въ свою очередь, подаваемы въ сенатъ *кассаціонныя* жалобы, т.-е. жалобы на нарушеніе съѣздомъ закона или существенныхъ формъ производства.

Вопросъ о томъ, какому суду должно быть предоставлено разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ—судебнымъ палатамъ или сенату—вызвалъ въ комиссіи Государственной Канцеляріи одно изъ важнѣйшихъ разногласій: Соединенные Департаменты разрѣшили это разногласіе въ пользу сената, считая, что только сенатъ, «состоящій изъ лучшихъ юристовъ, исключительно занимающихся объясне-

---

[1]) Журн. 1862 г. № 65, стр. 23.

[2]) См. объясн. зап. къ пр. Уст. Угол. Суд. 1863 г., стр. 91.

ніемъ смысла законовъ для общихъ судебныхъ мѣстъ всей Имперіи», способенъ направить и мировые съѣзды къ единообразному примѣненію законовъ [1]).

Кромѣ судебныхъ функцій на мировыхъ судей была возложена обязанность по охраненію наслѣдства (см. книгу 4-ую устава гражданскаго судопроизводства: «судопроизводство охранительное»).

Съ изданіемъ Судебныхъ Уставовъ возникъ вопросъ о соотношеніи между мировыми судьями и мировыми посредниками, къ вѣдомству которыхъ были отнесены сверхъ обязанностей, возникающихъ изъ крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 г., и обыкновенныя судебныя дѣла, неимѣвшія прямой связи съ устройствомъ быта крестьянъ; помимо того, что мировымъ посредникамъ было предоставлено входить въ разбирательство всякихъ споровъ и исковъ гражданскихъ, если обѣ стороны будутъ просить о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти, на нихъ былъ возложенъ разборъ дѣлъ по найму землевладѣльцами людей на разныя работы, по отдачѣ въ наемъ земель, по потравамъ полей и другихъ угодій, по порубкамъ во владѣльческихъ лѣсахъ, о причиненіи убытковъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами и, наконецъ, судебно-полицейскія дѣла о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, предусмотрѣнныхъ положеніемъ о губерн. и уѣздн. по крестьянскимъ дѣламъ учрежд.; между тѣмъ, тѣ же самыя дѣла прямо относились къ числу дѣлъ, которыя, по уставамъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, принадлежали къ вѣдомству мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Поэтому, комиссіи, Высочайше учрежденной для окончанія работъ по преобразованію судебной части, пришлось заняться вопросомъ, не должны ли мировыя крестьянскія учрежденія быть слиты съ мировыми судебными установленіями. Комиссія единогласно признала, что съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ всѣ обыкновенныя судебныя дѣла, вѣдавшіяся мировыми посредниками, но неимѣвшія прямой связи съ устройствомъ быта крестьянъ, должны, относительно подсудности производства ихъ, быть направлены къ порядку, опредѣленному въ Судебныхъ Уставахъ съ отнесеніемъ къ вѣдѣнію мировыхъ судей дѣлъ, подсудныхъ имъ по общимъ правиламъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ. По вопросу о томъ, не должны ли и другія обязанности мировыхъ крестьянскихъ учрежденій быть отнесены къ вѣдѣнію мировыхъ судей съ тѣмъ, чтобы должность мирового посредника слилась съ должностью мирового судьи, между членами комиссіи возникло разногласіе. Четыре члена комиссіи (Буцковскій, Зубовъ, Плавскій и Принтцъ), находя, что обязанности мировыхъ посредниковъ, *вытекающія собственно изъ положеній 19-го февраля 1861 г.*, представляютъ три категоріи дѣлъ: 1) дѣла по приведенію въ дѣйствіе крестьянскихъ положеній и по окончательному устройству быта временно-обязанныхъ крестьянъ; 2) дѣла административнаго свойства и 3) дѣла судебныя, вытекающія изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній, и дѣла нотаріальныя—

---

[1]) Журн. Соед. Департ. Зак. и Гражд. дѣлъ, 1864 г. № 44, стр. 10—11.

считали возможнымъ только послѣднюю изъ этихъ трехъ категорій дѣлъ отнести къ вѣдѣнію мировыхъ судей, но рѣшительно возражали противъ полнаго сліянія мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ, такъ какъ оно находилось бы въ противорѣчіи съ началомъ отдѣленія власти судебной отъ административной; напротивъ, семь членовъ (Бутковъ, Есиповичъ, Зарудный, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій и Рѣпнинскій) считали возможнымъ поступиться этимъ началомъ, вслѣдствіе отзыва министра внутреннихъ дѣлъ, указывавшаго (со ссылкою на заключенія 43 губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій) на то, что одновременное существованіе мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ было бы неудобно, какъ въ виду огромныхъ расходовъ, которые должны пасть на земство по содержанію тѣхъ и другихъ, такъ и въ виду недостатка лицъ, способныхъ замѣстить двойной комплектъ мировыхъ посредниковъ и судей [1]); поэтому, семь членовъ признавали необходимымъ всѣ обязанности мировыхъ посредниковъ передать мировымъ судьямъ.

Изъ комиссіи вопросъ о соотношеніи мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ поступилъ на разсмотрѣніе особаго соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта вмѣстѣ съ членами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. Соединенное присутствіе [2]) согласилось съ мнѣніемъ меньшинства комиссіи о невозможности при введеніи мирового суда отступить отъ начала отдѣленія судебной власти отъ административной; мало того, соединенное присутствіе не нашло возможнымъ отнести къ вѣдѣнію мировыхъ судей и «тѣ изъ дѣлъ, принадлежащихъ къ разряду судебныхъ, которыя по свойству ихъ должны быть и впредь производимы на основаніи положеній 19 февраля 1861 г.» (стр. 4).

Наконецъ, Общее Собраніе Государственнаго Совѣта [3]) въ слѣдующей формулѣ обозначило кругъ дѣлъ, которыя должны были отъ мировыхъ посредниковъ отойти къ судебнымъ учрежденіямъ съ распредѣленіемъ ихъ по подсудности между мировыми и общими судами: «вѣдѣнію судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи (Судебныхъ) Уставовъ, подчиняются всѣ иски и споры судебнаго свойства, неотносящіеся до исполненія уставныхъ грамотъ и предметовъ, въ нихъ обозначенныхъ, и неистекающіе изъ тѣхъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, которыя опредѣлены положеніями 19-го февраля 1861 г.». Такъ и была редактирована 1-ая статья Высочайше утвержденнаго 25-го октября 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта «о представленіи въ вѣдѣніе судебныхъ установленій, образуемыхъ по Уставамъ 20 ноября 1864 года, нѣкоторыхъ судебныхъ обязанностей мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій».

---

[1]) См. «Соображенія комиссіи, Высочайше учрежденной для окончанія работъ по преобразованію судебной части о сліяніи мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ общими мировыми судебными установленіями», и «Окончательныя соображенія» той же комиссіи.

[2]) См. журналъ 12 іюля и 2 августа 1865 г., № 44.

[3]) Журн. Общ. Собр. Госуд. Сов. 27 сентября и 4 октября 1865 г.

II.

Введеніе мировыхъ судебныхъ учрежденій.

Введеніе мирового суда въ жизнь началось черезъ полтора года послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ одновременно съ введеніемъ общихъ судебныхъ учрежденій. Возникшая, при обсужденіи въ 1865 г. вопроса о порядкѣ введенія Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе, мысль о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ независимо отъ общихъ судебныхъ мѣстъ на томъ основаніи, что «мировыя учрежденія составляютъ совершенно отдѣльное, независимое отъ прочихъ судебныхъ мѣстъ управленіе», не была одобрена Государственнымъ Совѣтомъ въ виду той внутренней связи между мировыми и высшими судебными мѣстами, которая «исключаетъ *всякую возможность* правильнаго дѣйствія каждаго изъ судебныхъ органовъ независимо отъ всѣхъ прочихъ» [1]). Большинствомъ Государственнаго Совѣта было принято во вниманіе, что для осуществленія отдѣльнаго введенія мировыхъ судей необходимо было бы нарушить, во 1-хъ, то правило о подсудности, согласно которому дѣла, изъятыя изъ вѣдомства мировыхъ судей, подсудны окружнымъ судамъ (ст. 202 уст. гр. суд. и 200 у. у. с.), во 2-хъ, порядокъ разрѣшенія пререканій о подсудности, какъ между судебными мѣстами, такъ и между ними и административными властями, такъ какъ предписанныя Суд. Уставами правила о разрѣшеніи пререканій расчитаны на существованіе вновь организуемыхъ общихъ судебныхъ мѣстъ, и въ 3-хъ, порядокъ наложенія на мировыхъ судей отвѣтственности.

19 октября 1865 г. было утверждено положеніе о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ, и тогда же указомъ Правительствующему Сенату повелѣно было ввести Судебные Уставы «*въ полномъ ихъ объемѣ*» въ теченіе 1866 года въ десяти губерніяхъ (С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Московской, Владимірской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской), распредѣленныхъ между двумя округами С.-Петербургской и Московской Палатъ.

Указъ 19 октября 1865 г. окончательно разсѣялъ существовавшее, несмотря на отсутствіе для этого какихъ-либо основаній въ Судебныхъ Уставахъ, опасеніе, что столицы будутъ лишены мировыхъ судебныхъ учрежденій. Поводомъ для такого опасенія служило мнѣніе комиссіи о преобразованіи городской полиціи въ С.-Петербургѣ, предложившей уже послѣ обнародованія «Основныхъ положеній преобразованія судебной части», утвержденныхъ 29 сентября 1862 г., замѣнить для столицъ мировыхъ судей назначенными отъ правительства «полицейскими судьями». Комиссія считала, что въ столицахъ выборный мировой институтъ невозможенъ, «какъ по многочисленности жителей, такъ и по разнообразію условій столичной жизни». Полицейскіе судьи и ихъ помощники, вмѣстѣ

---

[1]) Журналъ 20 сентября 1865 г.

съ «судебно-полицейскими стряпчими», «судебными приставами» и поставленнымъ надъ ними «городовымъ судомъ», должны были, по проекту, образовать «судебную полицію», обязанную «заниматься изслѣдованіемъ и оцѣнкою тѣхъ нарушеній закона или правъ частныхъ лицъ, которыя не могли быть предупреждены исполнительною полиціею» [1]).

Нѣкоторая доля опасенія введенія въ столицахъ или только въ С.-Петербургѣ судебно-полицейскаго, вмѣсто мирового, разбирательства оставалась и послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., и только послѣ указа 19 октября 1865 г. не осталось больше поводовъ для тревоги.

При введеніи мирового суда естественно возникли вопросы, не всегда находившіе для себя прямой отвѣтъ въ Учрежденіи Суд. Установленій. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ были разрѣшены Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта. Характерною для этихъ мнѣній Гос. Совѣта представляется ихъ тенденція, благопріятная для избирательнаго начала. Такъ, когда въ Новгородской губ. возникло недоразумѣніе въ примѣненіи правилъ о порядкѣ составленія списковъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, Госуд. Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ отъ 18 марта 1866 г. разъяснилъ: «буквальный смыслъ означенной (19) статьи указываетъ, что владѣніе имѣніемъ «въ разныхъ мѣстахъ», поставленное условіемъ имущественнаго ценза для избранія въ должность, не ограничивается никакою исключительной мѣстностью, относясь въ равной мѣрѣ ко всѣмъ таковымъ, слѣдовательно и ко всѣмъ губерніямъ. Такое поясненіе силы и значенія 3-го пункта статьи 19-й Учрежд. Судебн. Устан., будучи согласно съ буквой закона, вполнѣ соотвѣтствуетъ и цѣли, которая имѣлась въ виду при его составленіи. Въ видахъ пользы дѣла и успѣшнаго осуществленія судебнаго преобразованія, *тѣмъ шире будетъ кругъ, изъ котораго можно избирать въ важную должность мировыхъ судей*, разумѣется, при соединеніи всѣхъ остальныхъ, требуемыхъ закономъ условій,—*тѣмъ болѣе обезпечится и возможность призванія къ этимъ обязанностямъ лучшихъ и достойнѣйшихъ людей*».— Затѣмъ, когда возникъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ должны быть замѣщаемы вакансіи, открывающіяся въ случаѣ выбытія мировыхъ судей до окончанія срока ихъ выборной службы,—въ порядкѣ выборовъ или въ порядкѣ назначенія, примѣнительно къ ст. 38, предписывающей этотъ послѣдній порядокъ при недостаткѣ лицъ, которыя могли бы быть избираемы въ судьи, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ отъ 27 марта 1867 г. (теперь ст. 38[1] учр. суд. уст.) высказался *за избраніе*, мотивировавъ свой взглядъ слѣдующими соображеніями: «Наше законодательство, благопріятствуя выборному началу, предоставляетъ всѣ выгоды избирателямъ и прибѣгаетъ къ правительственнымъ назначеніямъ только тогда, *когда всякая возможность имѣть судей по избранію истощилась*, когда земство какой-либо мѣстности поставлено въ невозможность произвести выборы...

---

[1]) Цит. по статьѣ В. И. Лихачева. Къ тридцатилѣтію мировыхъ судебныхъ установленій. Журн. Мин. Юст. 1895 г. № 11.

Судебные Уставы не разрѣшаютъ прямо дополнительныхъ выборовъ въ должности мировыхъ судей, но и не запрещаютъ. А само собою разумѣется, что въ случаѣ сомнѣній при примѣненіи закона или неполноты ихъ разъясненіе возникшихъ вопросовъ должно быть основано на общемъ смыслѣ законодательства. Наше же законодательство..... ставитъ въ основаніе мировыхъ установленій избирательное начало и всячески ему благопріятствуетъ. Слѣдовательно, когда дѣло идетъ о замѣщеніи открывающихся вакансій на должность мировыхъ судей посредствомъ новыхъ выборовъ или правительственнаго назначенія—такъ какъ только тотъ или другой способъ можетъ быть принятъ,—то предпочтеніе должно быть отдано, безъ сомнѣнія, первому» [1]).

Прежде, чѣмъ дать характеристику дѣятельности мировыхъ судебныхъ учрежденій, введенныхъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ, отмѣтимъ порядокъ распространенія ихъ по территоріи Россіи, за исключеніемъ окраинъ (Варшавскій судебный округъ, Прибалтійскій край, Архангельская губернія, Кавказъ, Сибирь, Степныя области), такъ какъ мѣстному суду на окраинахъ будетъ посвященъ особый очеркъ въ IV томѣ «Судебной Реформы».

Въ теченіе 1866 и 1867 гг. мировые суды одновременно съ общими были введены въ округахъ Петербургской, Московской и Харьковской судебныхъ палатъ.

Въ 1868 г. правительство отказалось отъ взгляда, что мировыя судебныя установленія могутъ быть вводимы лишь одновременно съ общими. Образованная министромъ юстиціи, гр. Паленомъ, особая комиссія изъ наиболѣе опытныхъ судебныхъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ составу новыхъ судебныхъ учрежденій, пришла къ заключенію, что невозможность, въ виду значительныхъ расходовъ, введенія судебной реформы въ полномъ объемѣ въ теченіе короткаго срока на всемъ пространствѣ Имперіи не должна служить препятствіемъ къ безотлагательному повсемѣстному введенію мировыхъ судебныхъ установленій, такъ какъ «такое частичное осуществленіе реформы, обезпечивая удовлетвореніе наиболѣе насущныхъ потребностей населенія въ скоромъ и правомъ судѣ по мелкимъ обыденнымъ дѣламъ, нисколько не обременитъ казны какими-либо новыми расходами» [2]). Согласно съ заключеніемъ комиссіи, именной указъ отъ 30 іюня 1868 г. повелѣвалъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго распространенія «благотворнаго дѣйствія новаго порядка судопроизводства», на ряду съ постепеннымъ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ, «приступить, независимо отъ сего, нынѣ же ко введенію мировыхъ судебныхъ

---

[1]) Приведеннымъ мнѣніемъ не разъясненъ другой вопросъ, также касающійся дополнительныхъ выборовъ, а именно: гдѣ, т.-е. въ губернскомъ земскомъ собраніи или въ городской думѣ, должны производиться дополнительные выборы мировыхъ судей, недоизбранныхъ при очередной перебаллотировкѣ по гг. Петербургу, Москвѣ, и Одессѣ, выдѣленнымъ въ особые судебно-мировые округа. Указы Сената по этому вопросу другъ другу противорѣчатъ. Подр. см. у К. Дерюжинскаго, Мѣстный судъ, 1909 г., стр. 18—27.

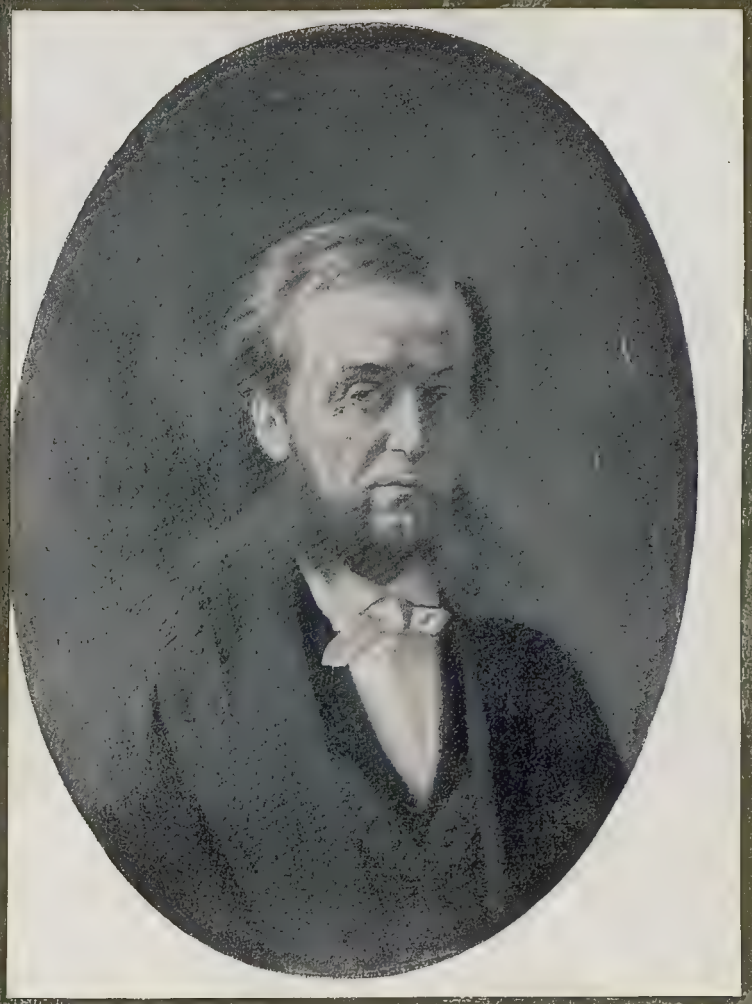
[2]) Минист. юст. за 100 лѣтъ, 1902 г. стр. 110—111.

Оскаръ Ильичъ Квистъ.

(Первый Предсѣдатель Петроградскаго Мирового Съѣзда).

Октябрь Ширнар Квнотр.

(Первый Председатель Петроградского Мирового Суда).



установленій во всѣхъ губерніяхъ, на кои дѣйствіе Уставовъ 20 ноября 1864 г. еще не распространяется, но гдѣ образованы земскія учрежденія».

Въ 1869 г. мировые суды вмѣстѣ съ общими были введены въ округѣ Одесской судебной палаты и въ губерніяхъ Полтавской и Нижегородской; въ теченіе 1869 и 1870 гг. въ 11 губерніяхъ изъ числа земскихъ (въ Олонецкой, Смоленской, Костромской, Казанской, Вятской, Симбирской, Самарской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Черниговской) мировыя судебныя установленія были открыты отдѣльно отъ общихъ съ упраздненіемъ существовавшихъ въ нихъ уѣздныхъ судовъ. Дальнѣйшее же исполненіе указа 30 іюня 1868 г. о введеніи мировыхъ судовъ въ земскихъ губерніяхъ отдѣльно отъ общихъ замедлилось[1]).

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 16 мая 1870 г. мировые судьи *отдѣльно отъ общихъ* были введены въ Области Войска Донского, въ которой не было земскихъ учрежденій. Это было сдѣлано по повелѣнію Государя, хотѣвшаго, чтобы мировые суды были введены въ Донской области ко времени празднованія трехсотлѣтняго юбилея войска Донского. При составленіи и обсужденіи проекта закона 16 мая 1870 г. возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли, въ виду отсутствія въ Донской области земскихъ учрежденій, замѣщать тамъ эти должности по назначенію отъ правительства? Государственный совѣтъ, однако, нашелъ, неудобнымъ «лишать войсковыхъ обывателей дарованнаго жителямъ другихъ частей Имперіи важнаго права имѣть мировыхъ судей выборныхъ»[2]) и счелъ возможнымъ, впредь до введенія земскихъ учрежденій въ войскѣ Донскомъ, возложить ихъ обязанности на особые окружные избирательные съѣзды, образуемые подъ предсѣдательствомъ окружнаго предводителя дворянства изъ гласныхъ, избираемыхъ землевладѣльцами, степными и сельскими обществами. Другое существенное отступленіе отъ общаго закона, допущенное для Области Войска Донского, состояло въ довольно значительномъ пониженіи имущественнаго ценза: въ виду того, что большая часть войсковыхъ обывателей владѣетъ поземельными участками въ размѣрѣ, не превышающемъ 200 десятинъ, право баллотироваться въ мировые судьи было предоставлено тѣмъ изъ мѣстныхъ жителей, которые владѣютъ въ предѣлахъ войсковой территоріи двумя стами десятинъ земли, или другимъ недвижимымъ имѣніемъ, оцѣненнымъ не менѣе 3.000 руб. (между тѣмъ, по общему закону, недвижимое имѣніе кандидата въ мировые судьи, находящееся въ уѣздѣ и не состоящее въ землѣ, должно было быть цѣною не меньше пятнадцати тысячъ рублей).

На ряду съ осуществленіемъ этихъ мѣръ, министерство юстиціи вошло въ государственный совѣтъ съ проектомъ временныхъ правилъ о введеніи мирового суда въ девяти западныхъ губерніяхъ[3]). «Въ виду особыхъ политическихъ условій означеннаго края», министръ юстиціи проектиро-

---

[1]) Мин. юст. за 100 лѣтъ, стр. 112.
[2]) Отч. гос. совѣта за 1870 г., Спб., 1871 г., стр. 7.
[3]) Мин. юст. за 100 лѣтъ, стр. 114.

валъ для него замѣну выборовъ мировыхъ судей (какъ участковыхъ, такъ и почетныхъ) ихъ назначеніемъ; министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ этимъ не удовлетворился: онъ настаивалъ на необходимости предоставить мѣстнымъ представителямъ административной власти въ западныхъ губерніяхъ преобладающее вліяніе на назначеніе мировыхъ судей и ввести рядъ отступленій отъ процессуальныхъ правилъ, установленныхъ Судебными Уставами. Изъ числа министровъ только министръ финансовъ Рейтернъ высказался за сохраненіе и въ Западномъ краѣ выборнаго начала. Въ концѣ концовъ верхъ одержало мнѣніе министра юстиціи; мировые судьи по назначенію были введены въ Западномъ краѣ въ 1871 г.

Не послѣднюю роль при осуществленіи судебной реформы въ западныхъ губерніяхъ сыграло стремленіе къ руссификаціи края: государственному совѣту было доложено мнѣніе обоихъ генералъ-губернаторовъ Западнаго края о томъ, что «введеніе Судебныхъ Уставовъ 1864 года во ввѣренныхъ ихъ управленію губерніяхъ представлялось бы однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ объединенію этихъ губерній съ центральными частями имперіи и къ усиленію въ нихъ русскаго элемента» [1]).

Выс. утв. 12 дек. 1872 г. мнѣніемъ Гос. Сов. было положено ввести въ теченіе 1873 г. мировой судъ въ Пермской губ. и въ Вологодскомъ, Грязовецкомъ, Кадниковскомъ, Вельскомъ и Тюменскомъ уѣздахъ Вологодской губ. Ввести тогда же мировой судъ въ пяти сѣверовосточныхъ уѣздахъ Вологодской губ. государственный совѣтъ, въ согласіи съ министерствомъ юстиціи, не рѣшился, въ виду исключительности положенія этихъ уѣздовъ, такъ какъ «при весьма обширномъ пространствѣ, занимаемомъ ими, они имѣютъ малое разбросанное населеніе, крайне бѣдное, соединенное плохими путями сообщенія и съ своеобразнымъ образомъ жизни» [2]).

2 мая 1878 г. было Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о введеніи мировыхъ судебныхъ учрежденій (ранѣе общихъ) въ губерніяхъ—Астраханской, Оренбургской и Уфимской, при чемъ, такъ какъ изъ названныхъ губерній земство было введено только въ Уфимской, то лишь въ ней мировой судъ былъ организованъ на общемъ основаніи съ другими внутренними губерніями Имперіи, въ губерніяхъ же Астраханской и Оренбургской, впредь до открытія въ нихъ земскихъ учрежденій,—на основаніи особыхъ временныхъ правилъ, при составленіи которыхъ приняты были въ соображеніе правила 23 іюня 1871 г. для девяти западныхъ губерній. Главнѣйшее отступленіе отъ общаго устройства мировыхъ судебныхъ установленій въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской заключалось, конечно, въ томъ, что въ нихъ были введены мировые судьи не по выбору, а по назначенію отъ правительства.

При обсужденіи проекта указа правительствующему сенату о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ Уфимской, Оренбургской и Астраханской губ. впервые былъ возбужденъ вопросъ, можетъ ли право на занятіе должности мирового судьи быть предоставлено нехристіанамъ. Изъ 48 при-

---

[1]) Отчетъ по государств. совѣту за 1871 г., Спб., 1873 г., стр. 3.

[2]) Отчетъ по гос. сов. за 1872 г., Спб., 1874 г., стр. 2.

нимавшихъ участіе въ обсужденіи вопроса членовъ государственнаго совѣта только девять высказались въ отрицательномъ смыслѣ, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что «совѣсть мусульманина, равно какъ и совѣсть еврея, состоитъ въ столь тѣсной, неразрывной связи съ предписаніями религіознаго закона, отдѣляющаго его и въ правдѣ и въ неправдѣ, и въ привычкахъ, и въ понятіяхъ отъ всего остального міра въ противоположеніи христіанскому обществу, что крайне опасно было бы довѣрить такой *исключительной* (курс. подлин.) совѣсти власть суда и расправы надъ христіанами» [1]). Однако, въ то время огромное большинство государственнаго совѣта не сочло возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, считая, что нѣтъ основанія лишать права на вступленіе въ общественныя должности лицъ, хотя бы и не христіанскаго вѣроисповѣданія, но удовлетворяющихъ требуемымъ закономъ условіямъ и пользующихся довѣріемъ мѣстнаго общества: «принадлежа къ числу русскихъ подданныхъ, усвоивъ полученнымъ воспитаніемъ обычаи и нравы русскаго народа и вообще соединяя въ себѣ всѣ тѣ условія, которыми отличаются лучшіе граждане,—личности эти должны пользоваться общегражданскими правами» [2]).—Когда тотъ же самый вопросъ возникъ въ государственномъ совѣтѣ въ 1910 г.—тридцать два года спустя—при обсужденіи проекта закона о преобразованіи мѣстнаго суда, въ отношеніи одной группы русскихъ подданныхъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія—именно, евреевъ—государственный совѣтъ склонился къ тому взгляду, который въ 1878 г. былъ отвергнутъ его большинствомъ съ «глубокимъ убѣжденіемъ» [3]),—и въ наши Судебные Уставы, когда-то открывшіе собою новую эру—эру равенства передъ закономъ—проникло постановленіе, поставившее право на занятіе должности въ зависимость отъ вѣроисповѣднаго признака.

Въ 1882 г. дождались введенія мирового суда и пять сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Вологодской губ., Нельзя не отмѣтить, что тѣ самыя особенности этихъ уѣздовъ (Никольскаго, Великоустюжскаго, Устьсысольскаго, Сольвычегодскаго и Яренскаго), на которыя въ 1873 г. указывалось, какъ на препятствіе къ введенію мирового суда (обширность пространства, чрезвычайная разбросанность населенія, неудобство путей сообщенія) теперь приводились въ доказательство необходимости упразднить существовавшіе въ этихъ уѣздахъ *три* уѣздные суда и замѣнить ихъ мировыми судами. Какъ совершенно основательно указывалось въ ходатайствахъ мѣстныхъ земствъ и въ предложеніи, внесенномъ министромъ юстиціи Набоковымъ въ госуд. совѣтъ, «при громадномъ протяженіи названныхъ уѣздовъ, изъ коихъ каждый обширнѣе многихъ отдѣльныхъ внутреннихъ губерній Имперіи, а также при чрезвычайной разбросанности мѣстныхъ поселеній и неудобствахъ путей сообщенія, столь незначительное число мѣстъ не могло быть не сопряжено съ неблагопріятными послѣдствіями

---

[1]) Отчетъ по гос. совѣту за 1878 г., Спб., 1880 г. приложенія, стр. 37.
[2]) Ibid., стр. 42—43.
[3]) Ibid., стр. 41.

для отправленія правосудія». Какъ указывалъ опытъ, эти послѣдствія были особенно ощутительны «для лицъ недостаточныхъ, вынужденныхъ обращаться, по малоцѣннымъ искамъ, къ отдаленному суду»; не мудрено, что лица эти, «за неимѣніемъ средствъ на проѣздъ въ городъ, въ коемъ находится судъ, нерѣдко отказывались отъ защиты своихъ интересовъ законнымъ порядкомъ и прибѣгали иногда къ самоуправству» [1]). Какъ ранѣе въ пяти западныхъ уѣздахъ Вологодской губ., такъ теперь въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, мировые суды (на этотъ разъ, вопреки предположенію министра юстиціи), главнымъ образомъ, въ виду возраженій министра финансовъ, были введены отдѣльно отъ общихъ.

III.

Мировой судъ въ столицахъ и въ провинціи; его заслуги.

При просмотрѣ литературы, посвященной оцѣнкѣ дѣятельности мировыхъ учрежденій, образованныхъ по Судебнымъ Уставамъ, бросается въ глаза рѣзкое различіе отзывовъ о нихъ, и притомъ не только со стороны представителей различныхъ политическихъ лагерей, но и со стороны лицъ, объединенныхъ сочувствіемъ къ реформамъ Александра II. Правда, въ прогрессивной печати положительныя характеристики мирового суда, доходящія иногда, какъ напр., у Г. А. Джаншіева, до дифирамба, преобладаютъ, но и въ ней встрѣчаются отзывы, заключающіе въ себѣ указанія на болѣе или менѣе серьёзные недостатки мирового суда. Такіе отзывы нельзя заподозрѣть въ недостаткѣ объективности, когда они принадлежатъ такимъ, напр., авторамъ, какъ П. Н. Обнинскій, самъ работавшій въ рядахъ мировыхъ судей. Различіе въ оцѣнкѣ мирового суда находитъ себѣ, какъ намъ кажется, двоякое объясненіе. Одни, давая характеристику мирового суда, увлекались его несомнѣннымъ превосходствомъ не только надъ судами дореформенными, но и надъ тѣми учрежденіями, которыя въ 1889 году были призваны смѣнить мировой институтъ; другіе, напротивъ, оцѣнивали мировой судъ, предъявляя къ нему идеальныя требованія, безъ сопоставленія его съ его предшественниками, и еще не зная, какихъ онъ будетъ имѣть преемниковъ. Вторую причину различія въ результатахъ наблюденій надъ дѣятельностью мирового суда слѣдуетъ видѣть въ томъ, что мировой судъ въ столицахъ нашелъ себѣ иныхъ представителей, чѣмъ въ провинціи. Въ столицахъ «личный составъ судей,—констатировалъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ А. А. Головачевъ,—...стоитъ неизмѣримо выше провинціальнаго; неудивительно, поэтому, что тамъ ненормальныя явленія рѣдки, а контроль производится на болѣе раціональныхъ основаніяхъ» [2]).

---

[1]) Отчетъ по госуд. сов. за 1882 г., Спб., 1884 г., стр. 1—3.

[2]) «Десять лѣтъ реформъ», стр. 331. См. также В. Березинъ, Мировой судъ въ провинціи, 1883 г., стр. 1.

Если же принять во вниманіе, что гласность въ провинціи въ первое десятилѣтіе по введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій почти отсутствовала или была развита въ самой слабой мѣрѣ, что мировой судъ стоялъ во всякомъ случаѣ несравненно выше дореформенныхъ судовъ, то станетъ понятной сравнительная малочисленность указаній на отрицательныя стороны мирового суда по Судебнымъ Уставамъ 1864 года въ литературѣ семидесятыхъ годовъ [1]). Въ восьмидесятыхъ они становятся гораздо чаще и настойчивѣе. Несомнѣнно, впрочемъ, что и въ провинціи недостатки мирового суда блѣднѣли передъ выполненной имъ крупной культурной миссіей.

Отъ мирового суда ожидали очень многаго. Онъ долженъ былъ ввести правосудіе по такимъ дѣламъ, для которыхъ, по выраженію журнала засѣданія Московской общей думы, до тѣхъ поръ вообще не было «ни суда, ни расправы» [2]), внести право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ, какъ писалъ В. П. Безобразовъ [3]), не существовало и призрака права, даже понятія о возможности права. И мировой судъ выполнилъ эту задачу.

Въ силу названныхъ выше указовъ, 17 мая 1866 года, первыя въ Россіи мировыя учрежденія въ Петербургѣ и въ Москвѣ приступили къ работамъ. Въ рѣчи, произнесенной при торжественномъ открытіи новаго суда въ Москвѣ [4]), министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ привѣтствовалъ мировой судъ, какъ «краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда».

Предсѣдателемъ перваго мирового съѣзда въ Петербургѣ былъ избранъ Оскаръ Ильичъ Квистъ, юристъ по образованію и опытный законовѣдъ-практикъ, участвовавшій въ комиссіяхъ, вырабатывавшихъ проекты Судебныхъ Уставовъ, — а въ Москвѣ по первому округу, С. А. Тарасовъ, а по второму—Н. Д. Игнатьевъ, котораго вскорѣ, въ виду перехода его на должность члена судебной палаты, замѣнилъ М. А. Бухтѣевъ.

О томъ, что московскій выборъ былъ такъ же удачно сдѣланъ, какъ и петербургскій, свидѣтельствуетъ постановленіе московской думы, которымъ она, по истеченіи перваго трехлѣтія, выразила свою глубокую благодарность С. А. Тарасову и М. А. Бухтѣеву за то, что они такъ блистательно оправдали свое избраніе и со столь примѣрной добросовѣстностью и усердіемъ несли возложенную на нихъ общественную службу по многотрудной и отвѣтственной обязанности предсѣдателей съѣздовъ [5]).

---

[1]) Головачевъ, цитир. соч., стр. 330—334.

[2]) Цит. въ кн. «Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ судебно-мировыхъ учрежденій», М., 1891 г., стр. 5. Общая и распорядительная думы того времени соотвѣтствовали нынѣшнимъ городскимъ думѣ и управѣ.

[3]) Государство и общество, Спб., 1882 г., стр. 410.

[4]) Торжественное открытіе первыхъ судебныхъ установленій состоялось въ Петербургѣ—17, а въ Москвѣ—23 апрѣля. См. Журн. Мин. Юст. 1866 г. т. 28, стр. 209.

[5]) «Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ мировыхъ учрежденій», М. 1891 г., стр. 12—13.

Среди мировыхъ судей перваго трехлѣтія въ Петербургѣ были такіе, какъ А. Н. Унковскій, одинъ изъ славныхъ дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ, иниціаторъ извѣстнаго адреса, принятаго Тверскимъ дворянствомъ 3 февраля 1862 года, и Николай Адріановичъ Неклюдовъ, уже въ 1867 году выпустившій свое обширное, столь хорошо извѣстное «Руководство для мировыхъ судей»[1]), а въ Москвѣ—такіе, какъ извѣстный общественный дѣятель Н. М. Щепкинъ, Г. В. Грудевъ, В. В. Давыдовъ (первый предсѣдатель Московскаго мирового съѣзда послѣ соединенія существовавшихъ въ Москвѣ до 1873 года двухъ съѣздовъ въ одинъ) и гуманный идеалистъ, стоявшій въ теченіе почти двухъ десятилѣтій во главѣ Московскаго мирового института, П. Н. Грековъ.

Переходъ отъ старыхъ учрежденій, выполнявшихъ назначеніе мѣстнаго суда, отъ канцелярій квартала, къ суду мировому, былъ разителенъ. Давно ли суды были непроницаемы для публики, а для самихъ тяжущихся производство по ихъ дѣламъ было покрыто канцелярскою тайною? Теперь публичность и гласность для сторонъ получили значеніе верховнаго принципа судопроизводства; въ Москвѣ бывали случаи, что мировые судьи, за невозможностью помѣстить публику въ камерѣ, устраивали засѣданія на дворѣ подъ открытымъ небомъ [2]). Давно ли бывало, что лицъ, приходившихъ съ жалобами на обиду или насиліе, если они принадлежали къ черни, гнали изъ канцелярій полицейскихъ частей, чтобы они «не безпокоили начальство»? А теперь прошенія принимались «во всякій часъ дня и ночи, и гдѣ бы проситель судью не встрѣтилъ». И общія судебныя учрежденія были большою новизною для народа, но соприкосновеніе съ ними народа было не такъ близко, какъ съ судомъ мировымъ. Недаромъ мирового судью въ народѣ съ самаго начала стали коротко и фамиліарно звать просто «мировымъ». «Мировой»—не прежнее грозное, громоподобное начальство; къ нему шли запросто съ жалобой на обидчика, съ просьбой о взысканіи, зная навѣрное, что «мировой» разсудитъ по закону, не мирволя болѣе богатому, сановному или знатному.

Впрочемъ, не всѣмъ, разумѣется, по вкусу было это равенство передъ судомъ. Съ нимъ было трудно помириться тѣмъ, кто при старыхъ порядкахъ привыкъ пользоваться преимуществами и предпочтеніями. Какой нибудь генералъ Симборскій или контръ-адмиралъ Арбузовъ считали себя глубоко оскорбленными, если судья ставилъ ихъ на одну доску съ неимѣющимъ ни титула, ни орденовъ противникомъ. Контръ-адмиралъ Арбузовъ жаловался мировому съѣзду: «Услыша по очереди призывъ г. судьи «г.

---

[1]) Необычайная энергія и поразительная работоспособность Н. А. Неклюдова на первыхъ же шагахъ его дѣятельности сказались въ томъ, что онъ превзошелъ всѣхъ остальныхъ Петербургскихъ мировыхъ судей количествомъ разобранныхъ въ первые мѣсяцы дѣлъ (См. Плющикъ-Плющевскій, Обзоръ дѣятельности мировыхъ судебныхъ учрежденій за время отъ ихъ открытія до 1-го января 1867 г., въ Ж. М. Ю. 1867 г., № 1, стр. 192).

[2]) Гр. Джаншіевъ, Введеніе мирового суда, въ книгѣ «Эпоха великихъ реформъ», изд. 8-е, 1900 г., стр. 436.

Арбузовъ и г. Соколовъ», конечно, но идеѣ соціализма и непонятнаго *энгелизма*, часто повторяемой отъ многихъ неучей мышленія, какъ будто ведущихъ къ прогрессивности, что, къ сожалѣнію, отъ непониманія сущности ведетъ наше должное развитіе къ ущербу съ понятіемъ о ложномъ, мнимомъ равенствѣ состояній или закона, что слышанныхъ, къ сожалѣнію, отъ многихъ мировыхъ судей при народномъ собраніи разбирательства исковъ, въ чемъ мое опредѣленіе подвергаю рѣшенію судей, какъ здравосмыслящихъ по непреложнымъ законамъ природы» [1]).

Зато пріобрѣтенная мировымъ судомъ популярность среди широкихъ народныхъ слоевъ была внѣ сомнѣнія. Она подтверждается цѣлымъ рядомъ отзывовъ современниковъ. О ней же свидѣтельствовалъ министръ юстиціи во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1866 годъ. «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—писалъ онъ,—простота мирового разбирательства, допущенная при отправленіи онаго полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе... Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ, принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

Конечно, это довѣріе населенія было само по себѣ однимъ изъ условій успѣха первыхъ шаговъ мировыхъ учрежденій, какъ, съ другой стороны, ему немало содѣйствовало благожелательное въ то время руководство со стороны сената. Совмѣщая въ себѣ органы кассаціонной инстанціи и высшаго начальствующаго и надзирающаго за судами мѣста, сенатъ шестидесятыхъ годовъ пользовался своею властью надзора съ большимъ тактомъ, всемѣрно заботясь о поддержаніи достоинства судебныхъ мѣстъ. Сколько, напр., осторожности, можно даже безъ преувеличенія сказать, деликатности въ указѣ сената отъ 19 сентября 1869 года по дѣлу Щербаковой и Сизяковой, въ которомъ сенатъ, затребовавъ отъ Московскаго мирового съѣзда II округа объясненій, считалъ нужнымъ, чтобы лишить свое требованіе сколько нибудь обиднаго для съѣзда оттѣнка, высказать слѣдующія положенія: «Сенатъ, какъ высшее судебное учрежденіе Имперіи, которому законъ ввѣрилъ надзоръ за всѣми подчиненными ему судебными мѣстами, обязанъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ неправильностей, допу-

[1]) Цит. у Джаншіева, Эпоха великихъ реформъ, М., 1900, стр. 441—442. Иногда въ самой камерѣ мирового судьи возникали столкновенія между нимъ и тяжущимися или свидѣтелями изъ-за равенства въ обращеніи судьи ко всѣмъ присутствующимъ въ камерѣ. Такъ, въ одномъ случаѣ вызываемый не отозвался на троекратный вызовъ, а когда мировой судья, зная его въ лицо, прямо подозвалъ его къ себѣ, то вызванный отвѣтилъ, что такого лица здѣсь, въ камерѣ, должно быть, нѣтъ, а есть «князь такой-то». Е. Карновичъ, Передъ выборами мировыхъ судей въ С.-Петербургѣ, № 6, стр. 16.

щенныхъ въ дѣлѣ, хотя бы онѣ и не были обжалованы; въ разъясненіе такихъ неправильностей требуются отъ подчиненныхъ Сенату судебныхъ мѣстъ объясненія, *но въ такомъ требованіи объясненія судебныя мѣста не должны видѣть какого-либо нарушенія ихъ правъ или осужденія вообще ихъ дѣятельности; главною цѣлью является только предупрежденіе на будущее время допущенія такихъ неправильностей* и водвореніе во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ единообразнаго и правильнаго пониманія законовъ».

Разъ завоевавъ у большинства населенія добрую славу, столичные мировые судьи стремились оставаться достойными ея и во всей своей послѣдующей дѣятельности. Съ своей стороны, столичные мировые съѣзды не забывали, что имъ приходится служить образцомъ для мировыхъ съѣздовъ всей Россіи. Они всегда составляли товарищескую корпорацію, объединенную любовью къ учрежденію, тѣмъ ésprit de corps, изъ котораго рождалось сознаніе солидарной отвѣтственности за достоинство мирового института.

Строгое отношеніе мировыхъ съѣздовъ къ своимъ членамъ съ самаго начала проявилось въ представленіяхъ въ сенатъ о всѣхъ серьёзныхъ нарушеніяхъ или упущеніяхъ, допускаемыхъ мировыми судьями; въ первый же годъ по открытіи мирового суда одинъ изъ петербургскихъ судей долженъ былъ выйти въ отставку по требованію его товарищей, признавшихъ его поведеніе въ одномъ дѣлѣ несогласнымъ съ достоинствомъ судьи [1]), и въ первый же годъ Петербургскій мировой съѣздъ вошелъ съ представленіемъ въ Сенатъ о преданіи уголовному суду двухъ мировыхъ судей: одинъ изъ нихъ разорвалъ поданное ему частнымъ лицомъ прошеніе, а другой, найдя Троицкій мостъ разведеннымъ ранѣе, чѣмъ, по его мнѣнію, слѣдовало, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія [2]).

Злополучный мировой судья, очевидно, руководился превратнымъ представленіемъ о своемъ положеніи, какъ блюстителя порядка. Представленіе это еще долго увлекало отдѣльныхъ мировыхъ судей, совершавшихъ подъ его вліяніемъ дѣйствія, выходящія за предѣлы ихъ власти; еще въ 1890 г. сенату пришлось разсматривать дѣло о дѣйствіяхъ мирового судьи, явившагося на пожаръ и наложившаго штрафъ на городского голову за неисполненіе его приказанія о замѣнѣ худого пожарнаго рукава [3]).

---

[1]) В. И. Лихачевъ. Къ тридцатилѣтію мировыхъ судебныхъ установленій. Журн. Мин. Юстиціи, 1895 г., № 12, стр. 7.

[2]) А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути, т. I, Спб., 1912 г., стр. 431.

[3]) См. Опред. Соед. Присутствія I и Кас. Деп. 1890 г. № 614 въ сборникѣ, составляющемъ XII т. подготовит. матеріаловъ Высоч. учрежд. въ 1894 г. комиссіи для пересмотра законопол. по суд. части, Спб., 1896 г. стр. 130—131.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что Сенату пришлось разсѣять и другое заблужденіе мировыхъ судей, хотя и вполнѣ добросовѣстное, о той роли, которую они призваны выполнять, а именно, руководствуясь представленіемъ о возложенной на нихъ воспитательной миссіи, нѣкоторые мировые судьи не ограничивались осуществленіемъ этой миссіи посредствомъ отправленія правосудія, но позволяли себѣ обращаться къ публикѣ съ нравоученіями, иногда «въ видѣ частнаго разго-

Николай Адріановичъ Неклюдовъ.

Николай Ульянович Некрасов

Участковымъ мировымъ судьямъ и мировымъ съѣздамъ въ столицахъ дѣятельную поддержку всегда оказывали почетные мировые судьи. Нельзя сказать, чтобы институтъ почетныхъ мировыхъ судей былъ обрисованъ въ Судебныхъ Уставахъ вполнѣ удачно (объ этомъ ниже), но благодаря широкому кругу кандидатовъ, столичныя городскія думы располагали возможностью выбрать дѣйствительно нужныхъ лицъ. Когда въ 1869 году въ I Московскомъ мировомъ округѣ возникло предположеніе ходатайствовать объ учрежденіи нѣсколькихъ должностей запасныхъ мировыхъ судей, то съѣздъ II округа на сдѣланный ему запросъ увѣдомилъ, что, въ виду постоянной готовности почетныхъ мировыхъ судей замѣнять въ участкахъ судей, отсутствующихъ или обремененныхъ большимъ количествомъ дѣлъ, учрежденіе запасныхъ судей не представляется необходимымъ [1]). И сорокъ лѣтъ спустя, въ 1909 году, Московскій мировой съѣздъ въ своихъ замѣчаніяхъ на законопроектъ о преобразованіи мѣстнаго суда въ редакціи судебной комиссіи государственной думы свидѣтельствовалъ, что «среди почетныхъ мировыхъ судей очень часто бываютъ люди, горячо преданные дѣлу, тщательно изучившіе его, знакомые съ практикою мирового разбирательства и являющіеся помощниками мировому съѣзду» [2]).

Свою задачу удовлетворенія потребности столичнаго населенія въ правосудіи мировымъ судьямъ Петербурга и Москвы почти всегда приходилось выполнять подъ гнетомъ чрезмѣрной работы. Сначала это объяснялось быстрымъ увеличеніемъ спроса на правосудіе со стороны общества, нашедшаго въ новыхъ судахъ ту справедливость, въ которой отказывали старые суды [3]), а позднѣе—необычайно интенсивнымъ ростомъ столичнаго населенія.

Мировымъ съѣздамъ обѣихъ столицъ то и дѣло приходилось въ различныхъ «представленіяхъ» говорить о непосильной тяготѣ, которую несутъ судьи. Уже въ постановленіи 10 сентября 1866 года Петербургскій

вора старшаго съ младшимъ». Сенатъ разъяснилъ, что такого рода дѣйствія мировыхъ судей представляются «несогласными съ истинными цѣлями правосудія и существомъ возложенныхъ на мировыхъ судей обязанностей»: «прямая и непосредственная задача судьи заключается въ возстановленіи нарушенныхъ правъ и въ наказаніи виновныхъ; направленною къ этой цѣли дѣятельностью судъ, конечно, не можетъ не оказывать нравственнаго вліянія на общество, но вліяніе это должно осуществляться не посредствомъ исходящихъ отъ суда поученій, а скорымъ и правильнымъ отправленіемъ правосудія и обстоятельнымъ и строго законнымъ изложеніемъ рѣшеній и приговоровъ суда». Опред. Соед. Прис. I и Кас. Деп. 1878 г. № 497, привед. въ вышеназван. сборникѣ, стр. 133.

[1]) Двадцатипятилѣтіе Московскихъ столичныхъ мировыхъ учрежденій, 1891 г., стр. 10.

[2]) Цит. по рукописи,

[3]) При ревизіи губернаторами городскихъ полицейскихъ управленій, на которыхъ въ дореформенное время возлагался «словесный разборъ» мелкихъ тяжбъ, нерѣдко оказывалось, что книги, предназначенныя для записи жалобъ и рѣшеній по такимъ тяжбамъ, не содержали въ себѣ вовсе никакихъ записей. В. Фуксъ, Судъ и Полиція, 1889 стр. 189.

мировой съѣздъ взывалъ въ городской думѣ о помощи, жалуясь, что мировые судьи «дошли въ степени труда до послѣдней человѣческой возможности». Въ отчетѣ о трехлѣтней дѣятельности мирового суда, составленномъ Н. А. Неклюдовымъ, авторъ, разложивъ работу мирового судьи на составные элементы и опредѣливъ, сколько каждый изъ нихъ долженъ требовать времени, подсчиталъ, что если бы мировые судьи не переложили на канцеляріи долю той работы, которую, по предположенію законодателя, они должны были бы выполнять сами, и если бы они всегда въ точности слѣдовали требованіямъ закона относительно формы приговоровъ и рѣшеній, то каждый изъ нихъ долженъ былъ бы работать 32 часа въ день. Тѣ же жалобы на обремененность мировыхъ судей съ самаго начала раздаются и въ Москвѣ.

О тяжести труда, который приходилось и приходится нести столичнымъ мировымъ судьямъ, можно судить по количеству приходящихся на долю каждаго изъ нихъ дѣлъ. Въ 1886 году состоялся указъ Сената, по соединенному присутствію перваго и кассаціонныхъ департаментовъ, о мѣрахъ къ устраненію медленности въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ учрежденій. Въ этомъ указѣ Сенатъ принялъ за норму дѣлъ, разбираемыхъ мировымъ судьею ежедневно, 10, а за норму дѣлъ за годъ—до 2.000. Между тѣмъ эта норма была всегда недостижимымъ идеаломъ для столицъ.

И несмотря на свою обремененность дѣлами, столичные мировые суды никогда не давали повода говорить о подрывѣ ими идеи мирового института. Даже безпощадные критики мирового суда обыкновенно дѣлали исключеніе для столицъ, не безъ основанія указывая на существующія въ столицахъ благопріятныя условія для избранія въ мировые судьи лицъ, стоящихъ на достаточно высокомъ уровнѣ, чтобы не скомпрометировать довѣряемаго имъ дѣла.

Мирового суда въ провинціи ждали съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и въ столицахъ. П. Н. Обнинскій свидѣтельствуетъ о «всеобщемъ взрывѣ надеждъ, упованій и вѣры, всколыхнувшемъ всѣ разношерстные слои уѣзднаго захолустья подъ впечатлѣніемъ *одной лишь радостной вѣсти* о введеніи мирового института. Интересъ общества къ мировому суду былъ настолько великъ, что въ Воронежѣ, напр., по разсказу М. Ѳ. Громницкаго, на одномъ литературно-музыкальномъ вечерѣ, на ряду съ пѣніемъ знаменитаго Славянскаго, мѣстный прокуроръ читалъ о мировой юстиціи по Судебнымъ Уставамъ.

Первые мировые суды въ провинціи принялись съ одушевленнымъ усердіемъ за осуществленіе возложенной на нихъ задачи. По своему личному составу мировой судъ въ большихъ городахъ лишь немногимъ уступалъ мировому суду въ столицахъ. Такъ, о Харьковскомъ мировомъ съѣздѣ А. Ѳ. Кони сообщаетъ, что въ немъ «составъ участковыхъ судей, и проникнутое сознаніемъ своего долга отношеніе къ своему званію многихъ изъ судей почетныхъ, и прекрасные предсѣдатели—все соединилось, чтобы создать изъ этого съѣзда не только мѣсто отправленія истиннаго правосудія, но и своего рода школу для нравственнаго и правового развитія мѣстнаго

населенія»[1]). Естественно, что составъ судей въ небольшихъ городахъ и въ уѣздахъ, при меньшемъ выборѣ кандидатовъ, былъ ниже, но почти всюду «первые судьи, подобно первымъ мировымъ посредникамъ, принялись за новое дѣло, видя въ немъ не простую службу, но занятіе, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цѣну». Въ провинціи, какъ и въ столицахъ, первые шаги дѣятельности мирового суда были встрѣчены сочувствіемъ всего общества, за исключеніемъ лишь тѣхъ вліятельныхъ мѣстныхъ заправилъ, которымъ были не по вкусу всѣ новыя судебныя учрежденія[2]), и тѣхъ представителей администраціи, которые никакъ не могли помириться съ новыми отношеніями между судомъ и администраціею,—въ частности, полиціею[3]).

Въ собранныхъ министерствомъ юстиціи черезъ два года послѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ замѣчаніяхъ мѣстныхъ предсѣдателей окружныхъ судовъ и мировыхъ съѣздовъ и прокуроровъ «о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій по примѣненію Уставовъ 20 ноября 1864-го года» заключается рядъ отзывовъ объ отношеніи мѣстнаго общества къ новому суду. «Сначала мировой судъ,—пишетъ предсѣдатель одного изъ провинціальныхъ мировыхъ съѣздовъ,—былъ неудобопонятенъ для большинства безграмотныхъ, привыкшихъ къ своеголку прежнихъ ябедниковъ; но потомъ при первыхъ гласныхъ дѣйствіяхъ мировыхъ судей, дѣло и законъ стали, видимо, разъясняться,—и теперь, по прошествіи двухъ лѣтъ, значеніе суда вообще до того возвысилось, что наблюдателю нельзя не удивляться, какъ въ такое короткое время природная чуткость и здравый толкъ нашего простолюдина усвоили не только довѣріе, но и полное уваженіе къ суду». Но,—читаемъ въ другомъ отзывѣ,—«проводя идею равноправности, суды затронули интересы лицъ, привыкшихъ волю свою ставить за основаніе права. Чиновники и представители разныхъ вѣдомствъ долго не могли освоиться съ ролью, которая дана имъ закономъ на судѣ, ролью стороны и ничего

---

[1]) А. Ѳ. Кони, «На жизненномъ пути» т. I, стр. 447.

[2]) А. Ѳ. Кони, «На жизненномъ пути», т. I, стр. 430, 442.

[3]) С. П. Мокринскій въ статьѣ «Выборный мировой судъ» (въ изд. «Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ», стр. 27—30) приводитъ два характерные циркуляра Орловскаго губернатора Лонгинова отъ 20 марта 1868 г. Въ первомъ губернаторъ предписывалъ полицейскимъ управленіямъ не исполнять требованій мировыхъ судей, если они изложены не въ формѣ отношеній, а въ видѣ порученій, предложеній, предписаній или приказаній; во второмъ губернаторъ разъяснялъ, 1) что мировой судья обязанъ имѣть своего разсыльнаго, а потому доставленіе полиціею повѣстокъ мировыхъ судей о вызовѣ къ суду можетъ быть допущено только въ видѣ исключенія; 2) что развозка самими чиновниками полиціи по городу или уѣзду повѣстокъ не соотвѣтствуетъ достоинству коронныхъ чиновниковъ и не указана въ законѣ; 3) что доставка повѣстокъ не обязательна, если сроки вызововъ не соотвѣтствуютъ разстояніямъ и мѣстнымъ средствамъ сообщенія; 4) что мировой судья можетъ поручать полиціи предварительное розысканіе только по тѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ, которыя будутъ усмотрѣны лично мировымъ судьею. Оба циркуляра были отмѣнены опредѣленіемъ Сената (по I Деп.) отъ 6 ноября 1868 г., какъ противорѣчащіе узаконеніямъ, содержащимся въ Уставахъ 20 ноября 1864 г. и вредные для общаго хода дѣлъ.

болѣе. По уголовнымъ дѣламъ вызовы различныхъ должностныхъ лицъ, присяга и допросы ихъ на судѣ считались ими вначалѣ равносильными съ оскорбленіемъ служебнаго достоинства... Голоса осужденія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. чаще всего принадлежатъ людямъ, которые при прежнихъ порядкахъ, по состоянію своему или по другимъ вліяніямъ, при страсти къ процессамъ, при наклонности къ самоуправству и безотвѣтственности, находили возможность направлять вѣсы правосудія по своимъ личнымъ цѣлямъ»[1]).

Вообще, какъ это ни странно на первый взглядъ, положительное значеніе мирового суда и непосредственно послѣ его введенія, и позднѣе часто лучше оцѣнивалось низшими слоями населенія, чѣмъ высшими. И это явленіе имѣло свое объясненіе. Тѣмъ привычкамъ и тѣмъ понятіямъ, которыя были воспитаны у бывшихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ ихъ общественнымъ положеніемъ, и которыя отчасти были усвоены и ихъ преемниками, въ сущности гораздо болѣе соотвѣтствовали начала стараго слѣдственнаго процесса, чѣмъ новаго реформированнаго суда. «Подобно тому, какъ въ сферѣ рабовладѣнія достаточно было приказать и указать, чтобы все дѣлалось и сдѣлалось уже помимо дальнѣйшихъ трудовъ и усилій повелителя, такъ же точно и въ сферѣ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ, достаточно было заявить или указать подлежащей власти на то или другое нарушеніе закона или понесенный ущербъ, чтобы эта подлежащая власть, уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ со стороны заявителя, повела дѣло и рѣшила его къ удовольствію заинтересованнаго повелителя. Какъ въ рабовладѣніи весь трудъ, вся борьба выпадала на долю раба, а не господина, на долю котораго выпадали одни результаты, такъ и въ сферѣ дореформенныхъ порядковъ судебныхъ, вся работа разслѣдованія и изысканія судебной истины падали на долю суда и правительственныхъ органовъ, на долю же заинтересованнаго—готовый приговоръ по разслѣдованному ex officio дѣлу»[2]). Отсюда—непониманіе духа и сущности новыхъ судебныхъ порядковъ. Въ иномъ отношеніи къ новому суду оказался простой людъ,—прежде всего, крестьянская масса. «До реформы 60-хъ годовъ, удаленный отъ общественныхъ интересовъ и дѣлъ, неграмотный,—онъ (крестьянинъ) даже не зналъ суда»... Съ уничтоженіемъ крѣпостного права и осуществленіемъ судебной реформы, онъ сразу понялъ, какое большое благо онъ пріобрѣлъ въ новомъ судѣ, который получилъ для него значеніе «средства реализовать свои права и свободу[3]). И, конечно, крестьянинъ не могъ не оцѣнить мирового суда, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло несравненно чаще, чѣмъ съ общими судебными установленіями, и въ которомъ онъ могъ самостоятельно добиваться наказанія обидчика или признанія своихъ правъ.

---

[1]) «Сводъ замѣчаній о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій по примѣненію Уставовъ 20 ноября 1864 г.», стр. 4, 8.

[2]) Д. Анциферовъ. Наблюденія надъ уголовною практикою нашей мировой юстиціи, въ «Юрид. Вѣстн.» 1883 г. № 1, стр. 127—128.

[3]) Ibid.

Если для привилегированной части общества введеніе мировыхъ судей означало лишь усовершенствованіе суда и судебныхъ порядковъ, то для крестьянской массы введеніе мирового суда было равносильно дарованію ей правъ, которыя за ней раньше вовсе не признавались.

Въ судейскихъ воспоминаніяхъ В. Н. Захарьева [1]) есть мѣсто, хорошо передающее это представленіе о мировомъ судѣ. «А что ты скажешь насчетъ мировыхъ судей?»—спросилъ авторъ на постояломъ дворѣ мужика, горячо критиковавшаго передъ кружкомъ слушателей всѣ порядки и учрежденія. «Это ты насчетъ чего?—на минуту пріостанавливаясь, сказалъ мужикъ,—это ты *насчетъ новыхъ правовъ-то?* Какъ-же, знаемъ! Это онъ *насчетъ новыхъ правовъ*, что новыя права пришли,—тутъ же пояснилъ онъ слушателямъ, и продолжалъ: какъ-же, знаемъ—указъ былъ избрать, что ни на есть, смирнѣющихъ людей; вотъ и у насъ сидитъ,—ничего, человѣкъ смирный, нѣтъ тебѣ отъ него ни чину, ни почину, и не слыхать. Какъ-же, благодарятъ! а бабы такъ вдвойнѣ благодарятъ—храбрость взяли!».

Несмотря на неопытность новыхъ судебныхъ дѣятелей, мировой судъ въ общемъ успѣшно справлялся съ своею задачею; число жалобъ, приносимыхъ въ сенатъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, было относительно невелико, и изъ числа подаваемыхъ жалобъ сенату приходилось лишь немногія признавать заслуживающими уваженія [2]).

Выше мы приводили отзывъ министра юстиціи Замятнина о мировыхъ судьяхъ. Смѣнившій Замятнина гр. Паленъ (очень непродолжительное время во главѣ министерства юстиціи послѣ Замятнина стоялъ кн. Урусовъ) въ первыхъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ также свидѣтельствовалъ объ особо благопріятныхъ результатахъ, достигнутыхъ введеніемъ мирового института. Какъ единственный недостатокъ мирового суда, гр. Паленъ отмѣчалъ ограниченіе его компетенціи изъятіемъ изъ круга его вѣдѣнія маловажныхъ дѣлъ, возникающихъ между сельскими обывателями. Министръ основывался на отзывахъ мѣстныхъ дѣятелей, свидѣтельствовавшихъ, что крестьяне, не довѣряя волостнымъ судамъ, обращаются по всѣмъ своимъ дѣламъ къ мировымъ судьямъ и ропщутъ, когда мировые судьи отказываютъ имъ въ принятіи жалобъ и исковъ по неподсудности [3]).

Въ городѣ и въ деревнѣ мировые суды были проводниками законности въ жизнь. Черезъ ихъ посредство населеніе усваивало правовыя понятія, то обращаясь къ нимъ за судебною помощью, то наблюдая ихъ дѣятельность. Въ особенности вначалѣ засѣданія мировыхъ судей и съѣздовъ охотно посѣщались публикою. «Выходя изъ мировыхъ судовъ,—сообщалъ предсѣдатель Спасскаго съѣзда мировыхъ судей,—посѣтители собираются въ кружки и разсуждаютъ обо всемъ ими слышанномъ: заводятъ между собою споры о достовѣрности представленныхъ на судѣ обвиненій и силѣ доказательствъ, о правильности рѣшеній.

---

[1]) «Современная глушь», въ «Вѣстн. Европы», 1872 г., № 2.

[2]) «Сводъ замѣчаній о дѣятельности новыхъ суд. установленій» (за 1866—1867 гг.), стр. 8.

[3]) Минист. Юстиціи за сто лѣтъ, 1902 г. стр. 125.

Въ этомъ отношеніи мировые судьи могутъ, по справедливости, назваться народными школами»[1]).

Добросовѣстнымъ и согласнымъ съ законами разрѣшеніемъ судебныхъ дѣлъ мировые судьи, несомнѣнно, много способствовали укрѣпленію правопорядка и развитію общественнаго правосознанія; но этимъ та миссія, которая была возложена на нихъ Судебными Уставами, не исчерпывалась. Условія нашей государственной жизни помѣшали мировымъ судьямъ выполнить ее до конца.

IV.

Мировой судъ въ качествѣ блюстителя личной свободы и органа контроля надъ законностью распоряженій администраціи.

Судебные Уставы—наша первая конституціонная хартія. Въ нихъ впервые устанавливались правовыя гарантіи противъ произвола и усмотрѣнія правительственной власти. Къ осуществленію этихъ гарантій привлекались и мировые судьи. Въ силу предоставленныхъ имъ полномочій, они должны были стоять на стражѣ личной свободы и подвергать своему контролю законность распоряженій и требованій административной власти, когда эта послѣдняя обращалась къ нимъ за судебною помощью противъ неповинующихся. При благопріятныхъ условіяхъ эти полномочія могли бы возвысить мировыхъ судей на степень органовъ крупнаго политическаго значенія. Въ дѣйствительности этого не случилось.

По ст. 10 уст. угол. суд. на мировыхъ судей (какъ на всѣхъ судей вообще и на представителей прокурорскаго надзора) была возложена обязанность всякій разъ, какъ судья удостовѣрится въ задержаніи кого-либо подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы; равнымъ образомъ, когда до свѣдѣнія судьи дойдетъ, что въ предѣлахъ его участка или округа кто-либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, онъ долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ (ст. 11).

Составители Судебныхъ Уставовъ были убѣждены, что этими постановленіями будетъ положенъ предѣлъ произвольнымъ арестамъ, но, какъ свидѣтельствовалъ сорокъ лѣтъ спустя послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ предсѣдатель Петербургскаго мирового съѣзда М. П. Глѣбовъ, «условія общественной жизни сложились такъ, что законъ потерялъ свое значеніе, и судьи перестали посѣщать мѣста заключенія, и, такимъ образомъ, контроль со стороны судебной власти надъ законностью произведенныхъ арестовъ пересталъ существовать»[2]).

---

[1]) «Сводъ замѣчаній о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій по примѣненію Уставовъ 20 ноября 1864 г.» (за 1866—1867 гг.), стр. 6.

[2]) Право, 1906 г., стб. 1945.

«Условія общественной жизни», о которыхъ говорилъ предсѣдатель Петербургскаго мирового съѣзда, это,—конечно, *фактическое* преобладаніе у насъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ надъ судебнымъ вѣдомствомъ. Съ другой стороны, сенатъ своими толкованіями сдѣлалъ все, что могъ, для умаленія правъ, которыми были надѣлены мировые судьи по ст. ст. 10 и 11 у. у. с.

Уже въ 1867 г. въ рѣш. № 396 уголовный кассаціонный департаментъ далъ таковое толкованіе ст. 10 у. у. с., изъ котораго слѣдовало, что статья эта примѣнима только къ случаямъ лишенія свободы лицъ, обвиняемыхъ въ порядкѣ уголовномъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, и, слѣдовательно непримѣнима, какъ мѣра противъ произвольнаго заключенія въ порядкѣ административномъ или предусмотрѣнномъ уставами гражданскаго судопроизводства и торговаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что толкованіе это не соотвѣтствовало намѣреніямъ составителей Судебныхъ Уставовъ, которые отнюдь не имѣли въ виду ограничить право судей на освобожденіе незаконно заключенныхъ только областью уголовныхъ дѣлъ. Напротивъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ въ замѣчаніяхъ на проектъ устава уголовнаго судопроизводства 1863 г. предлагалъ ввести правило, по которому запрещалось бы освобождать задержанныхъ администраціей лицъ безъ предварительнаго съ нею сношенія, то соединенные департаменты государственнаго совѣта высказали соображенія, не оставляющія сомнѣнія, что законодатель имѣлъ въ виду подчинить контролю судебной власти всякое задержаніе, безъ различія порядка, въ какомъ оно состоялось, а именно, въ журналѣ Соед. департам. 1864 г. № 47 (стр. 39, 40) читаемъ: «Признавая необходимость въ уставѣ уголовнаго судопроизводства такихъ правилъ, которыми ограждалась бы личность гражданъ отъ противузаконныхъ задержаній, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ постановлять, какъ полагаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, что лица, арестованныя по распоряженію административныхъ властей, не могутъ быть освобождены безъ предварительнаго съ ними сношенія. Такое ограниченіе права освобождать незаконно задержанныя лица было бы равносильно его уничтоженію, потому что давало бы только поводъ различнымъ властямъ къ перепискѣ и пререканіямъ, въ теченіе коихъ неправильно заключенный оставался бы подъ стражею».

Ограниченныя въ своемъ примѣненіи областью уголовныхъ дѣлъ, ст. ст. 10—11 у. у. с. утратили почти всякое жизненное значеніе.

Когда въ 1906 г. столичными мировыми судьями была сдѣлана попытка оживить ставшія почти мертвою буквою правила названныхъ статей, и они стали посѣщать мѣста заключенія, послѣдовало разъясненіе сената (рѣш. общ. собр. 1906 г. № 21), согласно которому «обязанность мирового судьи удостовѣриться въ закономѣрномъ содержаніи заключенныхъ подъ стражею возникаетъ только въ томъ случаѣ, если до него дошли свѣдѣнія, что *извѣстное лицо* заключено подъ стражу безъ соблюденія установленнаго порядка, *и только при этомъ условіи онъ можетъ посѣщать мѣста заключенія для удостовѣренія закономѣрности содержанія этихъ именно лицъ*». Разъясненіе это дѣлало фактически трудно осуществимымъ право мировыхъ

судей посѣщать мѣста заключенія, такъ какъ при незаконномъ содержаніи лица подъ стражею начальство мѣста заключенія, конечно, озаботится принять мѣры къ тому, чтобы помѣшать заключенному своевременно довести до свѣдѣнія судьи о беззаконномъ произволѣ, жертвою котораго онъ сталъ. Составители Судебныхъ Уставовъ, вводя правила ст. ст. 10—11, предвидѣли именно отнятіе у задержаннаго лица «физической возможности подать просьбу или жалобу о своемъ освобожденіи» (объяснит. зап., стр. 20—23)[1]).

Такимъ образомъ, попытки мировыхъ судей подвергнуть своему контролю формальную законность содержанія подъ стражею лицъ, находящихся въ мѣстахъ заключенія, остались безплодными [2]).

Самая должность мирового судьи не надѣлена у насъ такимъ авторитетомъ, чтобы мировой судья, предъявляющій требованіе объ освобожденіи заключеннаго со ссылкою на ст. 10 или 11 у. у. с., могъ быть увѣренъ въ выполненіи его требованія. Такъ, какъ видно изъ представленія петербургскихъ судей въ Спб. съѣздъ столичныхъ мировыхъ судей, ими было найдено при посѣщеніяхъ мѣстъ заключенія въ маѣ и въ іюнѣ 1906 г. около 30 лицъ, содержавшихся безъ законнаго основанія; между тѣмъ изъ числа этихъ лицъ только трое были освобождены (по требованію мирового судьи Сребдольскаго); всѣ же остальныя постановленія судей объ освобожденіи были оставлены безъ исполненія [3]).

Что же касается права мировыхъ судей провѣрять законность распо-

---

[1]) См. вѣрныя замѣчанія А. Н. Трайнина о рѣш. Общ. Собр. 1906 г. № 21, въ Систем. Коммент. къ Уст. Угол. Судопроизв. подъ общей ред. М. Н. Гернета, вып. 1 (1914 г.), стр. 64.

[2]) Заимствуемъ изъ газеты «*Русь*» слѣдующее сообщеніе: «присяжные повѣренные Зарудный, Елисѣевъ, Сидоренко, Розенталь, Барсовъ и Кнатцъ были водворены въ Петербургскую одиночную тюрьму для отбытія наказанія по приговору судебной палаты срокомъ на 7 дней за участіе въ октябрьской забастовкѣ 1905 года. По закону, содержащимся въ одиночной тюрьмѣ срокъ заключенія сокращается на ¼ часть. Такимъ образомъ, они должны были быть освобождены въ понедѣльникъ, 23-го апрѣля, въ 3 часа дня. Такъ какъ тюремное начальство не хотѣло сокращать срока, то заключенные юристы послали мировому судьѣ 30-го участка заявленіе, прося его прибыть въ тюрьму и, на основаніи 10-й статьи устава уголовнаго судопроизводства, освободить ихъ. Мировой судья Языковъ аккуратно въ началѣ 4-го часа 23-го апрѣля прибылъ въ тюрьму и объявилъ свое опредѣленіе о немедленномъ освобожденіи присяжныхъ повѣренныхъ, и, тѣмъ не менѣе, всѣ эти лица остались въ тюрьмѣ до истеченія полныхъ 7-ми дней. Начальство тюрьмы ссылается на прецеденты и на какіе-то циркуляры, толкующіе законъ иначе, чѣмъ его толкуютъ присяжные повѣренные и мировые судьи». «Русскія Вѣдомости» въ № отъ 9 октября 1907 года сообщали: «Мировой судья г. С.-Петербурга Сребдольскій, согласно рѣшенію высшаго дисциплинарнаго присутствія, увольняется отъ должности. Кара эта постигла г. Сребдольскаго за то, что онъ, руководствуясь ст. ст. 10 и 11 уст. уг. судопр., сдѣлалъ постановленіе объ освобожденіи одного заключеннаго, неправильно содержавшагося подъ арестомъ и считавшагося за петербургскимъ градоначальникомъ». Немудрено, что у петербургскихъ мировыхъ судей скоро пропало рвеніе, съ которымъ они стали было пользоваться 10 ст. у. у. с.

[3]) Право, 1906 г., № 24, стлб. 2169—2172.

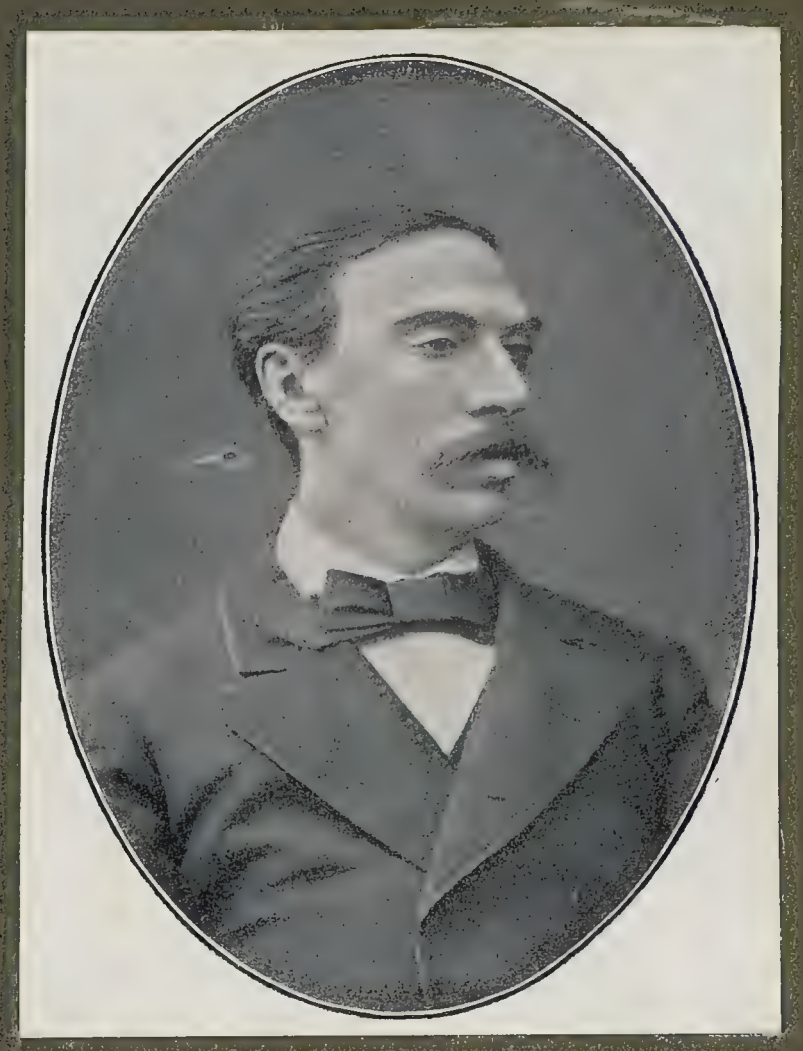
Владимиръ Васильевичъ Давыдовъ.

(I Предсѣдатель Московск. Мирового Съѣзда послѣ соединенія 2-хъ мировыхъ округовъ въ одинъ).

Владимир Васильевич Давыдов.

(1 Председатель Московск. Мирового Суда́ вслед после свержения

Э-кр мировых судьёров в одном).



ряженій и предписаній административной власти всякій разъ, когда администрація требуетъ наказанія неповинующагося ея требованію или запрету, то и это право не получило того значенія, на какое можно было расчитывать, благодаря тому ограниченію, которому оно подвергается при дѣйствіи усиленной или чрезвычайной охраны. Тѣмъ не менѣе, хотя и въ скромныхъ предѣлахъ, мировые судьи сыграли извѣстную роль въ дѣлѣ огражденія обывателей отъ незаконныхъ распоряженій властей.

Нарушеніе распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ и полицейскихъ властей, а равно земскихъ и общественныхъ учрежденій предусмотрѣно 29 статьею устава о нак.; статья эта говоритъ лишь о «законныхъ» распоряженіяхъ, требованіяхъ или постановленіяхъ. Уже въ 1867 г. одинъ изъ провинціальныхъ мировыхъ съѣздовъ (серпуховской) разошелся съ прокурорскимъ надзоромъ во взглядѣ, что слѣдуетъ понимать подъ законными распоряженіями. Товарищъ прокурора считалъ достаточнымъ для примѣненія 29 ст. установить, что распоряженіе предъявлено законной властью; другими словами, полагалъ, что мировой судъ вправѣ войти въ оцѣнку распоряженія власти лишь со стороны формальной, да и эту формальную сторону ограничивалъ однимъ признакомъ: требованіемъ, чтобы распоряженіе исходило отъ установленнаго закономъ органа власти. Мировой съѣздъ не согласился съ такимъ ограниченіемъ его компетенціи и призналъ себя вправѣ войти въ оцѣнку распоряженія органа власти (рѣчь шла о полицейскомъ приставѣ) и съ точки зрѣнія законности его по существу, по самому его содержанію. Сенатъ, на разсмотрѣніе котораго перешло дѣло, не только призналъ, что правъ мировой съѣздъ, а не товарищъ прокурора, такъ какъ «выраженіе «законныхъ требованій» явно показываетъ, что 29-ая ст. подвергаетъ взысканію за неисполненіе лишь такихъ распоряженій полиціи, которыя не выходятъ изъ предѣловъ ея вѣдомства и власти», но и, кромѣ того, установилъ, что тяжесть доказательства, въ случаѣ возникновенія сомнѣнія въ законности распоряженія или требованія власти, падаетъ на органъ власти, какъ на сторону обвиняющую.

Еще болѣе обстоятельному разсмотрѣнію былъ подвергнутъ тотъ же самый вопросъ и со стороны мирового суда и со стороны сената въ 1869 г. по дѣлу о неисполненіи однимъ изъ Петербургскихъ домовладѣльцевъ требованія оберъ-полицеймейстера, чтобы всѣ черныя и парадныя лѣстницы освѣщались до 11 часовъ ночи. Незначительность интереса, который само по себѣ представляло дѣло, не помѣшала Петербургскому мировому съѣзду выйти изъ круга житейскихъ доводовъ, которыми пользовалось обвиненіе, доказывая полезность требованія оберъ-полицеймейстера, и подняться на высоту строго принципіальныхъ соображеній. «Законность требованія, высказалъ мировой съѣздъ, нельзя смѣшивать съ полезностью требованія; судъ долженъ примѣнить 29 ст., хотя бы требованіе власти было вовсе безполезно, лишь бы только оно было основано на законѣ, и, напротивъ того, онъ не въ правѣ примѣнять 29 ст., хотя бы требуемая мѣра была не только полезна, но даже безусловно благодѣтельна, если только она не основывается на точномъ постановленіи закона». Примѣнительно къ конкретному, бывшему на его разсмотрѣніи, случаю мировой съѣздъ призналъ требова-

ніе петербургскаго оберъ-полицеймейстера незаконнымъ въ частности потому, что «наше законодательство положительно исключаетъ вмѣшательство полиціи въ частную жизнь и дѣятельность, во внутреннее домохозяйство и распорядокъ». Сенатъ еще болѣе углубилъ соображенія мирового съѣзда, поставивъ право мировыхъ судей провѣрять по существу законность распоряженій и требованій административныхъ учрежденій въ связь съ началомъ отдѣленія власти судебной отъ административной. «Въ томъ случаѣ, разсуждалъ сенатъ, когда власть, предъявляющая требованіе, основываетъ законность его на толкованіи закона, судебная власть должна имѣть право разсмотрѣть правильность этого толкованія, иначе право опредѣленія виновности или невиновности обвиняемаго перешло бы отъ судебной власти къ административнымъ мѣстамъ и лицамъ, указаннымъ въ 29 ст. уст. о нак., нал. миров. суд., и судъ назначалъ бы наказаніе не по убѣжденію въ томъ, что обвиняемый дѣйствительно нарушилъ законъ, а только потому, что обвинитель требовалъ наложенія наказанія. Но такія рѣшенія не соотвѣтствовали бы ни существу судебной власти, ни основному правилу объ отдѣленіи судебной власти отъ административной» (рѣш. угол. кас. деп. 1869 г. № 606). Позднѣе, въ 1877 г., разсмотрѣвъ тотъ же вопросъ въ общемъ собраніи перваго и кассаціонныхъ департаментовъ, сенатъ, въ указѣ, циркулярно разосланномъ всѣмъ съѣздамъ мировыхъ судей «для надлежащаго руководства», особо подчеркнулъ, что «судебныя мѣста при разсмотрѣніи дѣлъ по обвиненію въ неисполненіи обязательныхъ постановленій распорядительныхъ мѣстъ и лицъ, не только имѣютъ право, но и *обязаны* входить въ обсужденіе того непремѣннаго условія, чтобы постановленія этого рода, за неисполненіе которыхъ обвиняемыя лица преслѣдуются по суду, не противорѣчили существующимъ узаконеніямъ», и притомъ даже въ томъ случаѣ, если обязательныя постановленія или распоряженія властей не были своевременно обжалованы заинтересованными лицами въ установленномъ порядкѣ (рѣш. общ. собр. 1877 г. № 3).

Къ сожалѣнію, столь цѣнное право мировыхъ судей обезоруживать произвольныя распоряженія административныхъ властей потерпѣло значительный ущербъ съ изданіемъ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Согласно этому положенію, начальствующимъ лицамъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны, предоставлено право самостоятельно налагать взысканія за нарушенія изданныхъ ими обязательныхъ постановленій: другими словами, начальствующія лица при дѣйствіи названнаго положенія становятся судьями законности своихъ собственныхъ обязательныхъ постановленій.

На практикѣ эти постановленія постоянно выходили за поставленныя имъ закономъ границы, опредѣленныя цѣлью охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія[1]). Такія постановленія были, оче-

[1]) На это, между прочимъ, указывалось въ созванномъ въ 1905 г. совѣщаніи по пересмотру положенія объ усиленной охранѣ, подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева. См. «Право», 1905 г. № 19, стб. 1616.

видно, противузаконными. Тѣмъ не менѣе, виновные въ нарушеніи ихъ подвергались взысканіямъ, а мировымъ судьямъ оставалось лишь быть нѣмыми свидѣтелями «узаконеннаго произвола», какъ нерѣдко въ нашей литературѣ называли положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ.

Власть не склонна была поддерживать авторитетъ мировыхъ судей, а между тѣмъ этотъ авторитетъ и безъ того уже былъ не тотъ, какимъ пользовались мировые судьи въ первые годы своей дѣятельности.

V.

Мировой судъ по предположеніямъ составителей Судебныхъ Уставовъ и въ дѣйствительности. Жалобы на мировой судъ. Недостатки организаціи мирового суда по Судебнымъ Уставамъ. Полемика о мировомъ судѣ въ 80-хъ годахъ, вызванная докладомъ М. В. Красовскаго и статьею П. Н. Обнинскаго. Объективныя данныя, свидѣтельствующія объ успѣшной, несмотря на нѣкоторые недостатки, дѣятельности мирового суда.

Уже въ серединѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія мировой судъ дѣлается предметомъ довольно часто повторяющихся нападокъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что вопросъ о мировой юстиціи принадлежалъ къ числу немногихъ вопросовъ, которые свободно могла трактовать періодическая печать, отчасти совершенно неизбѣжнымъ расхожденіемъ практическаго осуществленія института съ предположеніями о немъ законодателя, но отчасти и тѣми отрицательными сторонами въ организаціи мирового суда, которыя обнаруживались вскорѣ послѣ введенія его. Судебные Уставы, какъ ни заслуженно ихъ часто называютъ chef d'oeuvre'омъ законодательнаго творчества, не были, конечно, свободны отъ недостатковъ. Какъ однажды выразился И. Я. Фойницкій, они уже до появленія ихъ въ свѣтъ имѣли своихъ вольныхъ и невольныхъ исказителей, и въ нихъ «нужно различать, что было результатомъ побѣды гвельфовъ, что, напротивъ, знаменуетъ побѣду гибелиновъ».

Во многомъ оправдавшій надежды законодателя, мировой судъ и по своему составу и по своей дѣятельности не вполнѣ соотвѣтствовалъ тѣмъ широко распространеннымъ о немъ представленіямъ, которыя предшествовали и сопутствовали его учрежденію [1]), и которыя, по большей части, нашли себѣ выраженіе и въ сужденіяхъ государственной канцеляріи и государственнаго совѣта.

---

[1]) См. В. Ивановъ. Наша мировая юстиція, въ «Отечеств. Запискахъ» 1878 г. № 6; Гр. Джаншіевъ, Эпоха великихъ реформъ, 1900 г., стр. 431—432; «Сводъ замѣчаній о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій»; Пренія о мировомъ судѣ въ Петерб. Юридич. Общ. (Журн. Гр. и Уг. Пр., 1885 г. апрѣль, май, прилож.); Краткая объяснит. записка къ проекту закона о преобраз. мѣстнаго суда и мн. др.

Государственный совѣтъ расчитывалъ видѣть въ лицѣ мировыхъ судей преимущественно мѣстныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ; предполагалось, что составъ мировыхъ судей будетъ такой же, какъ и составъ мировыхъ посредниковъ [1]). Между тѣмъ въ числѣ мировыхъ судей со временемъ оказалось очень много городскихъ жителей—разночинцевъ съ домовладѣльческимъ цензомъ. Едва ли отъ этого мировой судъ проигралъ, можетъ быть, мѣстами выигралъ [2]), но онъ во всякомъ случаѣ обманулъ надежды тѣхъ, кто вмѣстѣ съ составителями Судебныхъ Уставовъ расчитывалъ, что мировой судъ будетъ, по преимуществу, судъ помѣщичій.

По мысли комиссіи по составленію проекта учр. суд. уст., судебная функція, необходимымъ признакомъ которой является постановленіе рѣшеній, должна была стоять на второмъ планѣ въ дѣятельности мировыхъ судей, такъ какъ судья долженъ былъ быть поставленъ «въ такое положеніе, чтобы онъ дѣйствовалъ, по возможности, примирительно». Точно также Соед. Деп. Гос. Сов. смотрѣли на примиреніе сторонъ, какъ на «главнѣйшую задачу» и «высшее качество» мировой юстиціи [3]). Примирительная функція мировыхъ судей настойчиво подчеркивается Судебными Уставами въ рядѣ статей (120, 165 уст. уг. суд., ст. 70, 177 уст. гр. суд.). Съ особенной обстоятельностью о ней говоритъ ст. 70 уст. гр. суд.: «по предварительномъ объясненіи съ обѣими сторонами мировой судья предлагаетъ имъ прекратить дѣло миромъ, указывая дѣйствительные, по его мнѣнію, къ тому способы. Мѣры для склоненія тяжущихся къ примиренію мировой судья обязанъ принимать и во время производства дѣла, и только въ случаѣ неуспѣха приступаетъ къ постановленію рѣшенія».— Склоненіе сторонъ къ миру играло и продолжаетъ играть большую роль въ дѣятельности мировыхъ судей, но все же не оно, а судебный разборъ дѣлъ и постановленіе по нимъ рѣшеній стали уже вскорѣ послѣ учрежденія мировыхъ судовъ основною функціей мирового судьи. Случилось это не по недостатку рвенія у мировыхъ судей, а потому, что дѣятельность ихъ протекаетъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя были бы нужны для развитія примирительной функціи. Лучшій способъ примиренія—справедливое разграниченіе интересовъ, но при условіи, если тяжущіеся сознаютъ, что ихъ упорство не помѣшаетъ справедливости восторжествовать. Между тѣмъ этого какъ разъ нѣтъ въ мировомъ судѣ, ибо и мировой судъ обязанъ руководиться въ своей дѣятельности закономъ,

---

[1]) См. Записку госуд. канцел. объ основн. началахъ судоустройства и судопроизв. гражд. и уголовнаго, стр. 21; объяснит. записка къ проекту учр. суд. мѣстъ, стр. 9: «правительство надѣется видѣть (въ должности мировыхъ судей) лучшихъ земскихъ людей, всѣми уважаемыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ», и Журн. соед. деп. зак. и гражд. дѣлъ, № 65, стр. 310.

[2]) В. Березинъ при всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ мировымъ судьямъ изъ числа богатыхъ помѣщиковъ признаетъ, что «окончившіе университетскіе курсы сыновья бѣдныхъ чиновниковъ и т. п.—лучшіе мировые судьи въ каждомъ уѣздѣ, хотя, подчасъ, и увлекаются антипатіею къ собственникамъ». В. Березинъ, Мировой судъ въ провинціи, стр. 33.

[3]) Журн. соед. департ. зак. и гражд. дѣлъ госуд. сов., № 65, стр. 300.

т.-е. правдою формальною, которая не всегда согласуется съ требованіями справедливости. Мировой судья подчасъ только компрометировалъ бы законъ и правосудіе, если бы, выяснивъ сторонамъ и вмѣстѣ съ ними, на что каждая изъ нихъ, по совѣсти и справедливости, имѣетъ право, онъ затѣмъ, при несогласіи сторонъ на примиреніе, постановлялъ бы рѣшеніе, противорѣчащее его собственнымъ разъясненіямъ. Остается, какъ способъ примиренія, и нерѣдко съ успѣхомъ примѣняется разъясненіе сторонамъ, на что каждая изъ нихъ *по закону* имѣетъ право, но требованія формальной правды часто бываютъ для тяжущихся непонятны, а потому и не убѣдительны. Какъ совершенно справедливо указывается въ объясн. зап. мин. юстиціи къ проекту преобраз. мѣстнаго суда (стр. 91), если и французскій juge de paix, послужившій въ нѣкоторой мѣрѣ прототипомъ для нашего мирового суда, не осуществилъ идеала судьи-примирителя» (juge pacificateur), несмотря на то, что ему представлено право при разрѣшеніи подсудныхъ ему гражданскихъ дѣлъ (по искамъ до 200 франковъ) руководствоваться чувствомъ справедливости, не стѣсняясь требованіямъ положительнаго закона (en equité et sans s'attacher au texte de la loi), то еще менѣе этотъ идеалъ могъ быть осуществленъ русскимъ мировымъ судьею, поставленнымъ для этого въ менѣе благопріятныя условія.

3) Третье отступленіе отъ того типа мирового судьи, который рисовался и значительной, повидимому, части образованнаго общества, и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ составителей Судебныхъ Уставовъ и первымъ мировымъ судьямъ, заключалось именно въ томъ, что мировой судъ сталъ судомъ формальнымъ, какъ въ томъ смыслѣ, что его дѣятельность связана значительною частью правилъ судопроизводства, установленныхъ для общихъ судебныхъ мѣстъ, такъ и въ томъ, что въ своихъ рѣшеніяхъ мировые судьи подчиняются формальной законности. Между тѣмъ, можно было ожидать иного характера ихъ дѣятельности, судя по слѣдующему опредѣленію задачи мирового суда, занесенному въ журналъ соединенныхъ Департаментовъ (№ 65, стр. 300) и, какъ сейчасъ увидимъ, не оставшемуся безъ вліянія на законодателя: «На мирового судью возлагается разсмотрѣніе маловажныхъ дѣлъ, возникающихъ почти ежедневно между большинствомъ населенія, значительная часть котораго не знаетъ законовъ, не терпитъ формализма, уважаетъ только *естественную справедливость* и дорожитъ временемъ, а потому главнѣйше заботится о скоромъ, на своихъ понятіяхъ о справедливости основанномъ, рѣшеніи. *Главная задача мирового судьи—удовлетворить насущнымъ потребностямъ народа въ судѣ по совѣсти*». Признанная законодателемъ необходимость обособленія судебно-мирового института не только въ первой, но и во второй инстанціи отъ общихъ судебныхъ установленій въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта аргументировалась, между прочимъ, такимъ образомъ[1]): «смѣшеніе мирового разбирательства съ общимъ судебнымъ, при разсмотрѣніи одного и того же дѣла, представляетъ

[1]) См. по этому поводу выше, стр. 178.

то неудобство, что первое производится *по совѣсти*, а второе—*по закону*, и потому рѣшеніе, постановленное мировымъ порядкомъ, можетъ быть отмѣнено, въ большинствѣ случаевъ, судебнымъ приговоромъ, стѣсненнымъ формальностью положительныхъ законовъ»[1]).

Если, тѣмъ не менѣе, мировой судъ сталъ такъ же, какъ и общія судебныя учрежденія, судомъ по закону, то это потому, что выраженный въ приведенныхъ словахъ взглядъ законодателя на назначеніе мирового суда и характеръ его дѣятельности не нашелъ вѣрнаго и полнаго отраженія въ законѣ. Установивъ для мировыхъ судей упрощенныя правила производства, законодатель въ то же время въ ст. 80 уст. гр. суд. постановилъ: «случаи, въ которыхъ мировой судья встрѣтитъ въ порядкѣ судопроизводства какое-либо затрудненіе, разрѣшаются имъ по соображеніи постановленій, изложенныхъ въ настоящей книгѣ (т.-е. въ уставѣ мирового производства) съ подробными правилами судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ». Сенатъ же, толкуя это постановленіе, пояснилъ, что во всѣхъ случаяхъ, для которыхъ въ уставахъ особыхъ постановленій для мировыхъ судей не содержится, они должны руководствоваться правилами судопроизводства для общихъ судебныхъ мѣстъ (рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1868 г. № 187). Установивъ, далѣе, обжалованіе рѣшеній мировыхъ судей въ мировой съѣздъ, а не въ окружный судъ, въ виду особенностей мировой юстиціи, какъ разбора дѣлъ *по совѣсти*, законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы ихъ рѣшенія *не противорѣчили закону* (ст. 129). Эта несогласованность взглядовъ законодателя находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что члены государственнаго совѣта при разсмотрѣніи проекта мирового суда, раздѣлились на двѣ группы, стоявшія на принципіально различныхъ позиціяхъ, и что въ отдѣльныхъ постановленіяхъ о мировомъ судѣ находили себѣ выраженіе воззрѣнія то той, то другой группы. Такъ, соображенія членовъ государственнаго совѣта, опредѣлившія организацію второй инстанціи для мировыхъ судей на съѣздовомъ началѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что члены совѣта, отстаивавшіе это начало въ засѣданіи соедин. департаментовъ, смотрѣли на мировой судъ, какъ на судъ, не связанный строгими требованіями закона, а между тѣмъ въ ст. 129 у. гр. с. отразился взглядъ другой группы членовъ государственнаго совѣта, которая отстаивала передачу дѣлъ по апелляціоннымъ жалобамъ въ окружный судъ, и которая, возражая противъ утвержденія, что условія рѣшенія дѣлъ мировыми судьями и окружнымъ судомъ неодинаковы, разсуждали: «вмѣнить ему (т.-е. мировому судьѣ) въ обязанность руководствоваться не закономъ, для всѣхъ единымъ, а совѣстью, столь же разнообразной, сколько есть разныхъ личностей, значило бы подорвать благодѣтельное дѣйствіе закона и совершеніе правосудія отдать на произволъ отдѣльныхъ личностей...»; «мировой судья долженъ дѣлать по совѣсти только лишь оцѣнку представляемыхъ сторонами доказательствъ, а самыя права

---

[1]) Журн. соед. департ. 1864 г. № 65.

споряшихъ сторонъ онъ обязанъ разрѣшать не иначе, какъ по правиламъ закона» [1]).

Въ первое время судьи, руководствуясь популярнымъ взглядомъ на мировой судъ, какъ на судъ по совѣсти и естественной справедливости, не слишкомъ заботились о согласованіи своихъ рѣшеній съ закономъ и не безъ основанія иногда вызывали упрекъ: «для нашихъ судей законъ не писанъ» [2]); отсюда—множество отмѣненныхъ рѣшеній. Мировымъ судьямъ пришлось убѣдиться, что и они должны рѣшать дѣла «на точномъ основаніи законовъ», или, какъ выражается сенатъ, «силой того закона, которымъ право, подвергшееся спору, опредѣлено и ограждено» [3]).

Не оправдалось и предположеніе законодателя относительно той роли, которую въ мировомъ судѣ будетъ играть обычай. «Значеніе и сила обычая въ жизни,—писали составители Судебныхъ Уставовъ,—требуютъ, чтобы онъ былъ допущенъ и при разборѣ дѣлъ у мирового судьи, ибо въ противномъ случаѣ стѣснялась бы, безъ всякой надобности, самая жизнь, и рѣшеніе мирового судьи было бы явно несправедливымъ». Составители Судебныхъ Уставовъ задавались даже мыслью, при помощи мировыхъ судей, кодифицировать обычное право. «Можно смѣло ручаться,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ проекту устава гражданскаго судопроизводства (стр. 67),—что, въ продолженіе самаго краткаго времени и безъ всякихъ издержекъ со стороны правительства, составился бы у насъ истинно драгоцѣнный сборникъ юридическихъ обычаевъ».— Однако, по ст. 130 уст. гр. суд., мировой судья можетъ руководствоваться мѣстными обычаями «лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ закономъ». Если дополнить эту статью еще ст. 9 уст. гр. судопр., согласно которой всѣ суды, въ томъ числѣ и мировые, обязаны въ случаѣ *неполноты*, неясности, *недостатка* или противорѣчія существующихъ законовъ, основывать свои рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ, то оказывается, что для примѣненія обычнаго права въ мировомъ судѣ, въ сущности, вовсе не остается мѣста.

И дѣйствительно, въ «Сводѣ замѣчаній о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій» отмѣчается, что за первые два года со времени введенія мировыхъ учрежденій на основаніи обычая среднимъ числомъ въ каждомъ мировомъ округѣ было рѣшено три дѣла (стр. 92). Позднѣе примѣненіе обычаевъ должно было еще болѣе сократиться. Этому содѣйствовали и рѣшенія сената, которыми было разъяснено, что изъ ст. 130 у. гр. с. слѣдуетъ право, но не обязанность мировыхъ судей руководствоваться мѣстными обычаями при ссылкѣ на нихъ сторонъ [4]). Едва ли такое толкованіе сената правильно, такъ какъ, хотя въ ст. 130 и сказано, что мировой судья *можетъ*

---

[1]) Журналы общ. собр. госуд. сов. о преобраз. суд. части въ Россіи, стр. 4.

[2]) См. у Березина (Мировой судъ въ провинціи, стр. 20), который, впрочемъ, приводитъ этотъ отзывъ о мировомъ судѣ не въ упрекъ, а скорѣе въ похвалу ему.

[3]) Рѣш. гр. кас. Деп. 1867 г. № 42.

[4]) См., напр., рѣш. гр. кас. деп. 1871 г. № 290.

по ссылкѣ сторонъ руководствоваться мѣстными обычаями, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что слово «можетъ» въ данномъ случаѣ, относясь къ публично-правовой дѣятельности судьи, должно быть понимаемо въ смыслѣ «обязанъ» [1]); тѣмъ не менѣе, взглядъ сената не могъ не остаться безъ послѣдствій для судебной практики [2]). Непримѣненіе мировыми судьями обычнаго права было причиною, почему крестьяне часто, какъ отмѣчается въ трудахъ комиссіи (Любощинскаго) по преобразованію волостныхъ судовъ, забывая о вопіющихъ недостаткахъ волостныхъ судовъ, жаловались: «судъ мировой—судъ барскій, судъ чужой; онъ нашихъ обычаевъ не знаетъ, и потому мужикъ всегда лучше разберетъ мужицкое дѣло» [3]).

Наконецъ, едва ли съ представленіемъ составителей Судебныхъ Уставовъ о мировомъ судѣ, какъ о судѣ «упрощенномъ» для «дѣлъ менѣе важныхъ, требующихъ преимущественно быстраго разбирательства» [4]), согласуется то развитіе, которое получила въ мировомъ производствѣ письменность. Въ теченіе всего засѣданія въ камерѣ мировой судья почти непрерывно пишетъ, выполняя требованіе закона о записи всего, что происходило въ судѣ; одновременно торопливо пишетъ канцелярія, такъ что, по замѣчанію Петербургскаго мирового съѣзда въ отвѣтахъ на вопросы, предложенные въ 1868 г. министромъ юстиціи [5]), «все засѣданіе мирового судьи превращается въ какое-то бюро скорописи». О канцеляріи при мировомъ судьѣ въ учр. суд. уст. нѣтъ ни слова; составители Судебныхъ Уставовъ первоначально предполагали, что въ мировомъ судѣ устность совершенно изгонитъ канцелярскую письменность, а между тѣмъ уст. гр. и угол. судопр. требовали, чтобы каждое рѣшеніе и приговоръ были изложены мировымъ судьею въ окончательной формѣ, т.-е. съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла; чтобы мировой судья записывалъ въ протоколъ словесныя просьбы и жалобы, сущность свидѣтельскихъ показаній и проч., чтобы каждая повѣстка посылалась въ двухъ экземплярахъ, и чтобы она подписывалась мировымъ судьею и т. д. Могъ ли мировой судья все это выполнить безъ содѣйствія канцелярскаго штата? Въ результатѣ, какъ справедливо указывалъ С.-Петербургскій мировой съѣздъ въ уже цитированныхъ отвѣтахъ министру юстиціи,—съ одной стороны, неизбѣжное вліяніе на движеніе дѣлъ канцеляріи, возможность съ ея стороны нѣкоторыхъ, хотя и незначительныхъ, злоупотребленій, а съ другой—«превращеніе умственной дѣятельности

---

[1]) См. И. Тютрюмовъ, «Мировой судъ и крестьянское обычное право», въ газ. «Земство», 1882 г. № 26.

[2]) Впослѣдствіи и сенатъ отказался отъ изложеннаго взгляда, признавъ по дѣлу Михайлова, что примѣненіе мѣстнаго обычая, по ссылкѣ стороны, въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ оно дозволено закономъ, столь же обязательно для мирового судьи, какъ и примѣненіе самаго закона; рѣш. гражд. кас. деп. 1878 г. № 225.

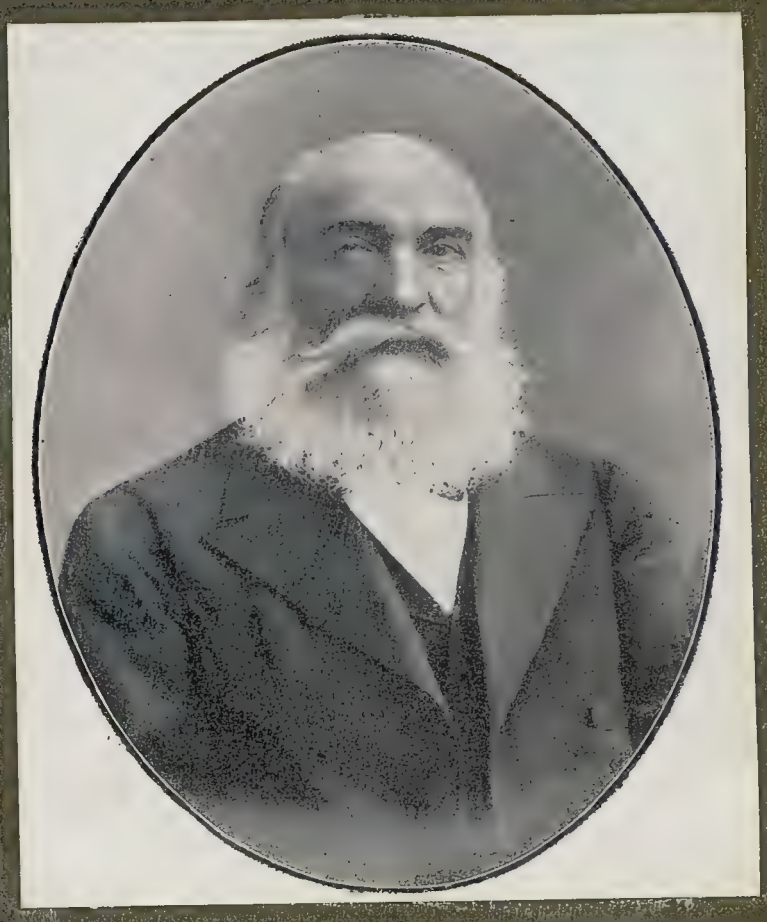
[3]) Цит. въ назв. статьѣ И. Тютрюмова.

[4]) Журн. соедин. департам. законовъ и гражд. дѣлъ, стр. 192; см. также выше (стр. 187) предположеніе соед. департ. госуд. сов. объ ограниченіи письменности въ мировомъ судѣ.

[5]) Составленіе замѣчаній было поручено Н. А. Неклюдову.

Петръ Николаевичъ Грековъ.

Петър Николаевъ Върковъ.



судьи въ механическую и утомляющую работу письмоводства». Обиліе письменности въ мировомъ производствѣ наглядно выразилось въ томъ, что, по подсчету В. И. Лихачева (Ж. М. Ю., 1895 г. № 12, стр. 54), къ тридцатилѣтнему юбилею Петербургскаго мирового съѣзда дѣла, хранившіяся къ этому времени въ его архивѣ, занимали на полкахъ архивныхъ шкафовъ пространство до 3.900 погонныхъ аршинъ, т.-е. болѣе 2½ верстъ!

Формальное подчасъ отношеніе мировыхъ судей къ обязанности склоненія сторонъ къ миру, сложность процедуры мирового производства, исключительно рѣдкое примѣненіе въ мировомъ судѣ нормъ обычнаго права, развитіе въ немъ письменности—все это въ свое время вызывало упреки по его адресу. Теперь многіе изъ этихъ упрековъ кажутся незаслуженными. Мы видѣли, что всѣ перечисленныя черты находятъ себѣ объясненіе или въ законѣ, или въ кассаціонной практикѣ. Да и независимо отъ закона, представленіе о судьѣ, который является больше примирителемъ, чѣмъ судьею, должно было разсѣяться, какъ иллюзія, встрѣтившись съ острыми коллизіями реальной дѣйствительности; о томъ же, что судья рѣшаетъ дѣла не исключительно по велѣніямъ своей совѣсти и не по обычаю, а по закону, едва ли мы станемъ сожалѣть, въ особенности въ наше время сознательнаго стремленія къ водворенію твердаго правопорядка, къ господству законности, которая лучше шаткаго, хотя и руководимаго велѣніями совѣсти, усмотрѣнія и надежнѣе опирающихся лишь на народное правосознаніе, съ теченіемъ времени все болѣе утрачивающихъ свою опредѣленность, нормъ обычнаго права.

Тѣмъ не менѣе, перечисленныя черты мирового суда въ свое время побуждали его критиковъ говорить объ искаженіи прекраснаго замысла законодателя.

Приходилось порою мировому суду отвѣчать и за такія нежелательныя явленія, причина которыхъ вообще лежала внѣ его. Такъ, разумѣется, онъ нисколько не былъ повиненъ въ той медленности производства, которая обусловливалась несвоевременнымъ доставленіемъ полиціею или волостными правленіями повѣстокъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, или несвоевременнымъ исполненіемъ со стороны полиціи порученій мирового судьи.

Извѣстно, какъ часто дѣла откладываются и нерѣдко по нѣсколько разъ изъ-за несвоевременнаго или неправильнаго врученія повѣстокъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. Съ особенными затрудненіями связано доставленіе повѣстокъ по деревнямъ [1]). Врученіе повѣстки уже послѣ дня засѣ-

---

[1]) В. Березинъ живо изображаетъ доставленіе повѣстокъ черезъ волостныя правленія (повѣствованіе относится къ 80-мъ годамъ): «Изъ полицейскаго управленія конверты, заключающіе въ себѣ до 100 и болѣе повѣстокъ (мирового судьи или судей), посылаются съ разсыльнымъ, который обязанъ развозить конверты по адресамъ. Каждое волостное правленіе, получивъ предписаніе судьи съ повѣстками, спѣшитъ возвратить вторые экземпляры ихъ съ тѣмъ же разсыльнымъ, чтобы не посылать особаго нарочнаго, почему и передаетъ ихъ ему обратно *съ надписью о полученіи*. Затѣмъ полученные экземпляры повѣстокъ на имя лицъ, проживающихъ въ нѣсколькихъ деревняхъ и поселкахъ волости, лежащихъ въ разныхъ направленіяхъ, писарь или отсылаетъ «при

данія, указаннаго въ повѣсткѣ, даже и по настоящее время—явленіе обычное.

Обремененная множествомъ разнородныхъ обязанностей, полиція часто тормозитъ движеніе уголовныхъ дѣлъ, подолгу, не смотря на подтвержденія и напоминанія, не выполняя порученій, даваемыхъ мировымъ судьей въ силу ст. 47 у. уг. с.

Взаимоотношенія между мировыми судьями и полиціей представляютъ собою вообще уязвимую сторону мирового института. Полиція, по Судебнымъ Уставамъ,—не только исполнительный органъ при мировомъ судѣ. Она же является нормальнымъ органомъ должностного обвиненія и обличенія обвиняемаго передъ судомъ. Въ отличіе отъ общихъ судебныхъ учрежденій между мировымъ судьею и полиціей нѣтъ посредствующаго судебнаго органа, который подвергалъ бы предварительной критической провѣркѣ данныя обвиненія. Въ большинствѣ случаевъ полиція, возбудивъ обвиненіе, считаетъ свою задачу выполненной. Обязанные, до закона 15 февраля 1888 г., являться въ судъ къ разбору возбужденныхъ ими дѣлъ, представители полиціи оказывались слишкомъ мало подготовленными, чтобы сколько-нибудь успѣшно поддерживать возбужденное обвиненіе; судьѣ поневолѣ приходилось или чаще, чѣмъ это слѣдовало бы при правильной постановкѣ дѣла, оправдывать обвиняемыхъ, или брать на себя задачу пополненія доказательствъ обвиненія. Составители Судебныхъ Уставовъ, говоря о многообразіи функцій мирового судьи, писали: «въ лицѣ его соединяются обязанности примирителя, присяжнаго повѣреннаго, гражданскаго и уголовнаго судьи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ будетъ исполнять должность слѣдователя и даже исполнителя своихъ приговоровъ». Въ дѣйствительности, мировому судьѣ приходится брать на себя и функціи обвиненія, выходя тѣмъ самымъ изъ того положенія, которое соотвѣтствовало бы строго обвинительному типу процесса.

Съ другой стороны, очевидно, что обвиненія, предъявляемыя полиціею, непровѣренныя авторитетнымъ органомъ, неподдерживаемыя на судѣ,

---

оказіи», напримѣръ, въ день засѣданія волостныхъ судей, или же, при краткости срока, посылаетъ нарочнаго разнести по деревнямъ повѣстки. «Скажи: безпремѣнно, чтобы явились во вторникъ, а то, молъ, оштрафуютъ!». Въ свободное время, т.-е. когда нѣтъ никакихъ полевыхъ работъ, ни молотьбы дома (такого времени въ году 2—3 мѣсяца), повѣстки доставляются безъ особой медленности; но въ остальную часть года съ повѣстками всегда посылается такой нарочный, который уже не можетъ, за дряхлостью, производить полевыхъ работъ». «Намъ часто,—разсказываетъ г. Березинъ,—приходилось, проѣздомъ, встрѣчать такихъ пѣшихъ нарочныхъ и подвозить ихъ до первой деревни. Какой-нибудь «дѣдушка Кирюха», бывало, мирно отдыхаетъ у мостика или подъ дубкомъ, положивъ котомку подъ голову.

— Что ты тутъ дѣлаешь, старина?—спросишь его.

— А вотъ, батюшка, судейскія бумаги несу въ Опалиху, да умаялся больно; шелъ, шелъ—ноги-то и заны-ыли.

— Или никого помоложе-то у васъ нѣтъ?

— Какъ не быть, сударикъ, есть; да имъ работать надо (вишь, времячко Богъ послалъ!), а мое дѣло старое!». В. Березинъ, Мировой судъ въ провинціи, 1883 г. стр. 63—64.

часто преувеличенныя, иногда вовсе лишенныя основанія, нерѣдко завершаются оправданіемъ обвиняемыхъ, что порождаетъ жалобы на подрывъ авторитета полиціи, беззащитность ея агентовъ (когда они являются потерпѣвшими) въ мировомъ судѣ [1]).

Также несправедливъ былъ упрекъ мировому суду за то, что въ немъ получило развитіе всякаго рода «крючкотворство», какъ выражался Е. П. Карновичъ [2]), со стороны недобросовѣстныхъ ходатаевъ по дѣламъ. Причина этого явленія заключалась не въ мировомъ судѣ, а въ недостаткѣ юридической помощи населенію.

Сравнительная сложность мирового производства въ связи съ обязательностью законовъ матеріальнаго права при постановленіи рѣшеній побуждала тяжущихся болѣе или менѣе часто обращаться къ содѣйствію повѣренныхъ, благодаря же тому, что для большинства тяжущихся помощь повѣренныхъ-юристовъ была недоступна, въ мировомъ судѣ нашла себѣ широкое поприще для своей вредной дѣятельности подпольная адвокатура, представители которой выступаютъ въ мировомъ судѣ то въ качествѣ «завѣдывающихъ дѣлами» своихъ довѣрителей, на основаніи ст. 389 учр. суд. уст., то пользуясь закономъ (ст. 406[18] учр. суд. уст.), разрѣшающимъ каждому провести въ мировомъ судѣ, въ качествѣ повѣреннаго, до трехъ дѣлъ въ годъ и нетребующимъ отъ повѣреннаго даже грамотности.

Было бы, однако, несогласнымъ съ исторической правдой отрицать, что, помимо нежелательныхъ явленій, причина которыхъ коренилась не въ самомъ мировомъ судѣ, не въ его организаціи, а въ условіяхъ, въ которыя была поставлена его дѣятельность, мировой судъ обнаружилъ такіе недостатки, отвѣтственность за которые цѣликомъ падала на него.

Въ серединѣ 70-хъ годовъ стало замѣтнымъ пониженіе средняго уровня мировыхъ судей [3]). Прошло то увлеченіе, которое сопутствовало первымъ шагамъ судебной реформы, и которое выдвинуло на арену судебной дѣятельности лучшихъ людей. Отправленіе правосудія по Судебнымъ Уставамъ перестало уже быть торжественнымъ, совершаемымъ въ атмосферѣ общественнаго подъема, служеніемъ, стало будничнымъ дѣломъ, профессіею, какъ всякая другая. Поэтому, нѣкоторое пониженіе качества работы судей вообще, и въ частности мировыхъ, было неизбѣжно; пріобрѣтены были техническіе навыки, какихъ раньше не было, были исправлены, благодаря разъяснительной дѣятельности сената, ошибки, допускавшіяся судьями перваго призыва, но не было прежней преданности работѣ, того творческаго напряженія, съ какимъ должны были работать первые судьи, зная, что къ нимъ приковано общественное вниманіе, и что они призваны служить примѣромъ для ихъ преемниковъ. Если учрежденія создаютъ людей, то и люди создаютъ учрежденія, и первые судьи, быть можетъ, не по-

---

[1]) См., напр., у Фукса, Судъ и полиція, стр. 221.

[2]) «Наблюдатель», 1894 г., № 6, стр. 26.

[3]) В. Даневскій. Въ защиту выборнаго мирового института, въ «Юрид. Вѣстн.» 1888 г., сент., стр. 94 и слѣд.

тому, что они, какъ люди, были лучше ихъ преемниковъ, а потому, что они отражали бодрое, идейное настроеніе современной имъ эпохи, не дали проявиться въ полной мѣрѣ недостаткамъ, отъ которыхъ не были свободны и новыя судебныя учрежденія. Но со временемъ эти недостатки должны были обнаружить свое вліяніе,—притомъ въ провинціи они должны были сказаться съ большею силою, чѣмъ въ столицахъ и большихъ городахъ.

Скоро выяснилась коренная причина наблюдавшихся въ провинціи недостатковъ мирового суда: она заключалась въ условіяхъ избранія мировыхъ судей,—притомъ, какъ въ тѣхъ условіяхъ, въ зависимости отъ которыхъ законодатель ставилъ право баллотироваться въ мировые судьи, такъ, равнымъ образомъ, и въ тѣхъ, которыми опредѣляется составъ избирательныхъ коллегій, баллотирующихъ кандидатовъ въ мировые судьи.

Изъ числа положительныхъ условій, которымъ должны удовлетворять мировые судьи, главнѣйшими являются образовательный и имущественный цензы. Если первый открывалъ доступъ въ мировые судьи лицамъ не подготовленнымъ для требующаго спеціальныхъ знаній дѣла правосудія, то второй, напротивъ, ставилъ преграды для вполнѣ достойныхъ кандидатовъ въ мировые судьи.

Только до тѣхъ поръ, пока не разсѣялось представленіе, что и мировой судья не можетъ при разрѣшеніи дѣлъ руководиться лишь голосомъ свободной совѣсти, можно было считать установленный въ законѣ для мировыхъ судей образовательный цензъ достаточнымъ или даже слишкомъ большимъ. Такъ, въ засѣданіи Петербургской общей думы, въ которомъ производились первые выборы мировыхъ судей въ Петербургѣ (19 марта 1866 г.), гласный думы гр. А. П. Шуваловъ указывалъ, что, хотя, по закону, лица всѣхъ сословій допускаются къ выбору въ мировые судьи, но въ дѣйствительности это далеко не такъ при требуемомъ образовательномъ цензѣ и общихъ условіяхъ воспитанія въ Россіи; гр. Шуваловъ сожалѣлъ, что, благодаря этому, новыя мировыя установленія въ столицѣ лишаются необходимаго содѣйствія многихъ лицъ, могущихъ принести незамѣнимую при рѣшеніи дѣлъ пользу своею опытностью, практическимъ смысломъ и близкимъ знакомствомъ съ обычаями торговаго и промышленнаго населенія [1]).

Но когда представленіе о патріархальномъ мировомъ судьѣ разсѣялось, стала очевидной необходимость для него юридической освѣдомленности и притомъ скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе, обширной по сравненію съ той, въ которой нуждаются члены общихъ судебныхъ учрежденій, такъ какъ ему

[1]) См. у В. И. Лихачева. Къ тридцатилѣтію мировыхъ судебныхъ установленій, въ Ж. М. Ю., 1905 г., № 11, стр. 25. Съ другой стороны, интересно отмѣтить, что уже послѣ опубликованія основныхъ положеній преобразованія судебной части германскій проф. Вехтеръ писалъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: «Мнѣ не совсѣмъ понятно, отчего юридическое образованіе, повидимому, не сдѣлано обязательнымъ для мирового судьи, которому, однако, присвоено немаловажное значеніе». См. «Письмо Тайнаго Совѣтника доктора Вехтера изъ Лейпцига Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ», напеч. въ «Замѣчаніяхъ о развитіи основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи», часть II, Спб., 1863 г. стр. 153.

одному приходится разбирать и уголовныя и гражданскія дѣла, сталкиваясь съ почти необозримымъ количествомъ сенатскихъ разъясненій, циркуляровъ, обязательныхъ постановленій, инструкцій. Уже въ послѣдовавшихъ черезъ два года послѣ начала введенія Судебныхъ Уставовъ замѣчаніяхъ судебныхъ дѣятелей указывалось, какъ на недостатокъ личнаго состава мировыхъ судей, на небольшое число лицъ, обладающихъ юридическимъ образованіемъ. «Въ мировые судьи,—читаемъ мы въ Сводѣ замѣчаній,—почти исключительно поступаютъ лица, неимѣющія юридическаго образованія и потому немогущія или ненадѣющіяся получить болѣе выгодную должность по судебному вѣдомству отъ правительства» [1]).

Особо затруднительнымъ, при недостаткѣ юридическаго образованія, было положеніе мировыхъ судей въ сельскихъ участкахъ: здѣсь, съ одной стороны, требовалась еще большая разнородность свѣдѣній, чѣмъ отъ судьи съ городской юрисдикціей, а съ другой—судья былъ совершенно одинокъ въ своей работѣ. Между тѣмъ мировымъ судьямъ, благодаря скромности требовавшагося отъ нихъ образовательнаго ценза, часто недоставало сколько-нибудь серьезнаго общаго образованія, не говоря уже о юридическихъ познаніяхъ. Вѣдь, по Судебнымъ Уставамъ 1864 г. какая-нибудь школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ (Николаевское кавалерійское училище) съ ея немудренымъ курсомъ наукъ уже давала право окончившимъ ее баллотироваться въ мировые судьи [2]). И дѣйствительно, среди мировыхъ судей въ провинціи было много отставныхъ офицеровъ. По свидѣтельству Е. П. Карповича, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мировые съѣзды были составлены исключительно изъ бывшихъ кавалерійскихъ офицеровъ, драгунъ и гусаръ [3]).

Этого мало: по закону, могли быть мировыми судьями лица, неполучившія и средняго образованія, если отсутствіе образовательнаго ценза восполнялось практическою подготовкою кандидата въ мировые судьи, но, такъ какъ законъ не опредѣлилъ тѣхъ должностей, служба въ которыхъ признается за подготовительный стажъ къ занятію мѣста мирового судьи, то практика широко воспользовалась этимъ, признавая достаточно подготовленными для исполненія обязанностей мирового судьи отставныхъ чиновниковъ не только судебнаго, но и другихъ вѣдомствъ. Неподготовленный къ своей отвѣтственной дѣятельности, мировой судья допускалъ, при разборѣ дѣлъ, къ соблазну публики, разныя отступленія отъ закона, дававшія пищу для досужихъ языковъ, для газетныхъ извѣстій и юмористическихъ журналовъ [4]).

---

[1]) Сводъ замѣчаній о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій по примѣненію уставовъ 20 ноября 1864 г. (за 1866—1867 гг.), стр. 37.

[2]) В. Даневскій. Въ защиту выборнаго мирового института, въ Юрид. Вѣстн. 1888 г., сент., стр. 98 и 104.

[3]) Наблюдатель, 1894 г., № 5. Также В. Березинъ (Мировой судъ въ провинціи, 1883 г., стр. 17) сообщаетъ: «большинство судей того (т.-е. перваго) времени были гвардіи поручики и штабсъ-ротмистры въ отставкѣ и не обладали никакой подготовкой для судебной дѣятельности».

[4]) Я. К. Городыскій, Причины недостатковъ нашего выборнаго мирового института, въ «Правѣ», 1899 г. № 45, стр. 2123—2124.

Отсюда—жалобы на «юридическое невѣжество» мировыхъ судей, на то, что не только отдѣльными мировыми судьями, но и мировыми съѣздами допускалась «масса юридическихъ невозможностей» [1]), наконецъ, на то, что судьи иной разъ подчиняются вліянію то частныхъ ходатаевъ, умѣло, хотя и неосновательно, пользующихся ссылками на законъ, то своихъ письмоводителей. В. Березинъ, бывшій предсѣдателемъ мирового съѣзда и, какъ видно изъ его книги, хорошо знакомый съ провинціальной мировой юстиціей, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о томъ времени, когда вся дѣятельность мировыхъ судей «ограничивалась разспрашиваніемъ, выслушиваніемъ и объявленіемъ рѣшеній, такъ что все ихъ «писаніе» заключалось только въ наброскѣ на печатномъ бланкѣ нѣсколькихъ строчекъ, заключающихъ въ себѣ сущность рѣшенія; вся же письменная работа, т.-е. веденіе протоколовъ, изложеніе рѣшеній въ окончательной формѣ съ «подобраніемъ законовъ» и проч. лежала на письмоводителяхъ» [2]). Можно себѣ представить всю ненормальность такого отправленія правосудія, при которомъ законы, какъ бывало въ дореформенное время, «подбирались» послѣ постановленія рѣшенія потому, что судья, постановившій рѣшеніе, самъ мало знакомъ съ ними.

Несомнѣнно, недостаткомъ у мировыхъ судей юридическаго образованія объясняется довольно частое привлеченіе ихъ къ судебной и дисциплинарной отвѣтственности. Такъ, по даннымъ за 1888 г., т.-е. за годъ предшествующій введенію судебно-административныхъ установленій, было предано суду мировыхъ судей 41 (тогда какъ членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ слѣдователей вмѣстѣ только 16); въ томъ же году было возбуждено дисциплинарныхъ производствъ противъ 35 мировыхъ судей (и только противъ одного судебнаго слѣдователя; изъ членовъ же окружныхъ судовъ никто не былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности, какъ въ 1888, такъ и въ слѣдующемъ году); наконецъ, была разъяснена неправильность дѣйствій въ 1888 г. 94 мировымъ судьямъ (и только 10 слѣдователямъ и членамъ окружныхъ судовъ) [3]). Конечно, при оцѣнкѣ этихъ цифръ должно имѣть въ виду, что, въ отличіе отъ членовъ окружныхъ судовъ, мировые судьи дѣйствуютъ единолично и, слѣдовательно, гораздо легче могутъ впасть въ ошибку, а, въ отличіе отъ судебныхъ слѣдователей, располагая рѣшающею властью, имѣютъ гораздо больше поводовъ нарушать законъ [4]).

---

[1]) П. Н. Обнинскій, Мировой институтъ, въ «Юридич. Вѣстн.», 1888 г., мартъ, стр. 408—409.

[2]) В. Березинъ, Мировой судъ въ провинціи, С-Пб., 1883 г., стр. 17.

[3]) См. «Вѣдомость о движеніи дѣлъ въ Соединенномъ Присутствіи I и Касс. Деп. Правительствующаго Сената за время съ 1878 по 1894 г. включительно», прилож. къ названному выше (см. стр. 200 прим. 3) сборнику опредѣленій соединеннаго присутствія I и кассац. департаментовъ.

[4]) Мировымъ судьямъ особенно часто приходится нести отвѣтственность по ст. ст. 369 и 370 Ул. о Нак., предусматривающимъ назначеніе наказанія выше или ниже степени или мѣры, опредѣленныхъ закономъ, однако, *безъ умышленнаго изъ какихъ либо корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ нарушенія закона*, и даже въ томъ случаѣ, когда ошибка была допущена судьею вслѣдствіе «неправильнаго лишь по недо-

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ расширенія контингента лицъ, кончающихъ высшія учебныя заведенія, образовательный уровень мировыхъ судей, несомнѣнно, повысился; тѣмъ не менѣе и въ послѣдній годъ, предшествующій введенію судебно-административныхъ учрежденій, были губерніи, въ которыхъ число лицъ съ высшимъ образованіемъ (хотя бы и не юридическимъ) не достигало даже одной трети общаго числа мировыхъ судей; таковы губерніи Новгородская, (20,6% лицъ съ высшимъ образованіемъ, Вологодская, Вятская (28,2% лицъ съ высшимъ образованіемъ и 8 человѣкъ, неполучившихъ даже средняго образованія), Калужская, Костромская [1]).

Что касается установленнаго законодателемъ имущественнаго ценза, то, служа для многихъ препятствіемъ къ баллотировкѣ въ мировые судьи, онъ въ то же время совершенно не достигалъ поставленной ему законодателемъ цѣли—служить обезпеченіемъ независимаго положенія судьи. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, обезпеченіемъ могъ служить домъ, оцѣненный въ 3.000 руб., находящійся въ какомъ-нибудь уѣздномъ захолустьѣ, дающій, даже при доходѣ въ 8%, 240 руб. въ годъ и притомъ не собственный, а принадлежащій отцу кандидата? Иной разъ лицо, мѣтившее въ мировые судьи, чтобы обзавестись требуемымъ закономъ количествомъ земли, покупало какую-нибудь бездоходную пустошь по 50 коп. за десятину. Имущественный цензъ при такихъ условіяхъ превращался въ нѣкоторое подобіе «мертвыхъ душъ» [2]). Еще легче пріобрѣтался городской цензъ: гдѣ-нибудь на окраинѣ города покупалась полуразрушенная хижина за 300—400 руб. и затѣмъ это имущество оцѣнивалось для взиманія налоговъ въ 3.000 руб., что было легко достижимо, такъ какъ для городского общества высокая оцѣнка имущества была только выгодна, и никто, кромѣ самого владѣльца имущества, оспаривать ее не имѣетъ права.—Повышенная оцѣнка имущества, принадлежащаго кандидату въ мировые судьи, была, по крайней мѣрѣ, безобидной формой фиктивнаго ценза. Гораздо хуже дѣло обстояло тогда, когда кто-нибудь изъ мѣстныхъ вліятельныхъ лицъ, съ расчетомъ поставить будущаго мирового судью въ матеріальную зависимость отъ себя, фиктивно переукрѣплялъ на его имя необходимое для ценза имущество, обезпечивъ себя закладною или векселями [3]).

разумѣнію толкованія закона».—Одной изъ частыхъ причинъ превышенія власти мировыми судьями принятіемъ къ производству неподсуднаго дѣла бываетъ ошибка при наведеніи справокъ о судимости, а между тѣмъ работу по наведенію справокъ о судимости мировые судьи бываютъ вынуждены, за недостаткомъ времени, довѣрять канцеляріи.

[1]) Н. Окуневъ, Къ вопросу объ образовательномъ цензѣ и продолжительности службы мировыхъ судей, Жур. Мин. Юст. 1896 г., № 2, стр. 211.

[2]) Е. Карновичъ, Передъ выборами мировыхъ судей въ Петербургѣ, «Наблюдатель», 1894 г. № 5. А. Ѳ. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ («На жизненномъ пути», 1912 г., стр. 459) разсказываетъ, какъ онъ, вознамѣрившись въ 1877 г. баллотироваться въ участковые мировые судьи, пріобрѣлъ цензъ—1,200 десятинъ гдѣ-то «въ мѣстѣ пустѣ, мѣстѣ безплоднѣ, мѣстѣ безводнѣ».

[3]) См. Сводъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ Судебныхъ уставовъ за 1868 г., стр. 19, и Я. К. Городыскій, Причины недостатковъ нашего выборнаго мирового института, въ «Правѣ», 1899 г., № 45, стр. 2127—2128.

Не достигая поставленной законодателемъ цѣли, требованіе имущественнаго ценза могло создавать и, вѣроятно, дѣйствительно создавало затрудненія не только для кандидатовъ въ мировые судьи, но и для лицъ, уже избранныхъ въ мировые судьи. Это могло случиться, если, напр., жена мирового судьи, по цензу которой онъ баллотировался, разводилась съ нимъ, или умирала, оставивъ свое имущество не ему, а другому лицу [1]).

Въ замѣчаніяхъ судебныхъ дѣятелей за 1866 и 1867 гг. [2]) многіе изъ авторовъ замѣчаній рекомендовали уменьшеніе ценза преимущественно для того, чтобы предоставить болѣе возможности къ поступленію на должность судей судебнымъ слѣдователямъ, которые, будучи лучшими кандидатами на эту должность, въ большинствѣ случаевъ не имѣли нужнаго имущественнаго ценза.—Точно также и въ замѣчаніяхъ о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ за слѣдующій 1868 г. было высказано (стр. 20): «если земскимъ собраніямъ предоставить право свободнаго выбора въ мировые судьи лицъ, заслужившихъ общественное довѣріе и уваженіе, независимо отъ того, владѣютъ ли они имущественнымъ цензомъ или нѣтъ, тогда земство безъ всякихъ затрудненій найдетъ въ своей средѣ способныхъ и полезныхъ людей, вполнѣ достойныхъ судейскаго званія». Съ своей стороны, многія земства тяготились требованіемъ отъ кандидатовъ въ мировые судьи имущественнаго ценза, какъ видно изъ того, что, по справкѣ, сообщенной В. И. Лихачевымъ въ засѣданіи Петербургскаго Юридическаго Общества 27 октября 1884 г., къ этому времени поступило 16 ходатайствъ отъ земствъ, просившихъ о пониженіи имущественнаго ценза или о предоставленіи права избранія квалифицированнымъ большинствомъ (вмѣсто единогласнаго избранія по ст. 34 уч. суд. уст.) лицъ, необладающихъ цензомъ [3]).

Выборы мировыхъ судей, какъ мы видѣли, были предоставлены уѣзднымъ земскимъ собраніямъ. «Мировые судьи,—провозглашаетъ ст. 10 учр. суд. уст.,—избираются всѣми сословіями въ совокупности». Судья, по смыслу этой статьи, долженъ быть облеченъ довѣріемъ всего населенія. Между тѣмъ, составъ уѣздныхъ земскихъ собраній, которымъ законъ (за исключеніемъ столицъ и позднѣе Одессы) ввѣрилъ выборы мировыхъ судей, вовсе не обезпечивалъ вѣрнаго отраженія интересовъ, взглядовъ и симпатій мѣстнаго населенія. Положеніе 1 января 1864 г., созданное подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ ставшаго орудіемъ реакціи П. А. Валуева, раздѣлило лицъ, имѣющихъ право участвовать въ выборахъ земскихъ гласныхъ, на куріи (землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и выборныхъ отъ сельскихъ обществъ), тѣмъ самымъ какъ бы возлагая на представителей каждой куріи задачу защищать въ земствѣ, вмѣсто интересовъ цѣлаго общества, интересы того класса, отъ имени котораго они избраны. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе 1864 г. фактически обезпечивало въ земскихъ собраніяхъ подавляющее вліяніе землевладѣльческому классу [4]).

---

[1]) См. рѣш. общ. собр. 1-го и кас. деп. 1889 г. № 17.

[2]) «Сводъ замѣчаній о дѣятельности новыхъ суд. установленій», стр. 37—38.

[3]) Журн. Гражд. и Угол. Права, 1885 г., прилож., стр. 78.

[4]) А. Головачевъ, Десять лѣтъ реформъ, С.-Пб. 1872 г., стр. 204—205.

При той доминирующей роли, какая въ земствѣ была предоставлена землевладѣльцамъ, естественно, что отъ нихъ преимущественно и зависѣло опредѣленіе личнаго состава мировыхъ судей. Мировой институтъ не избѣжалъ извѣстной тенденціи въ подборѣ мировыхъ судей. Лишь нѣсколько, быть можетъ, преувеличивая значеніе этой тенденціи, С. Атава въ своихъ очеркахъ дворянскаго «оскудѣнія» разсказывалъ: «Съ мировыми судьями повторилось то же самое, что и съ мировыми посредниками, т.-е. *въ началѣ* мѣста эти достались людямъ болѣе или менѣе богатымъ и попали они на нихъ въ силу нашего (т.-е. дворянъ-помѣщиковъ) соображенія и расчета, что именно они, а не кто другой, отстоятъ наши интересы матеріальные и охранятъ отъ посягательства на нашу честь и достоинство». Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ дворянскаго «захуданія», стали въ земствѣ выдвигаться новыя силы: скупившіе старыя дворянскія Осиновки и Ивановки купецъ Подугольниковъ, кабатчикъ Луковъ и другія разновидности «новаго барина» [1]). Всѣ они при выборѣ мировыхъ судей также, насколько было возможно, не упускали изъ виду своихъ интересовъ.

«Кто теперь и у насъ,—спрашивалъ въ уже цитированной статьѣ П. Н. Обнинскій,—выбираетъ мирового судью? Дѣйствительно ли представители ввѣряемаго ему участка, т.-е. крестьяне въ деревняхъ, мѣщане въ городахъ, и притомъ, какъ тѣ, такъ и другіе обрѣтающіеся въ самыхъ неблагопріятнѣйшихъ юридическихъ и экономическихъ условіяхъ, и, поэтому, преимущественно предъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ участка нуждающіеся въ защитѣ правосудія? Вовсе нѣтъ! Мировой судья выбирается: 1) ничтожнымъ меньшинствомъ избирательной коллегіи, составленнымъ изъ оскудѣвшихъ дворянъ, которые, подталкиваемые чувствомъ самосохраненія, сами стремятся попасть въ судьи: 2) купцами и фабрикантами, требованія которыхъ отъ правосудія достаточно извѣстны; 3) подонками крестьянскаго сословія—кабатчиками, управителями, арендаторами, богатѣями и кулаками, цѣли которыхъ не менѣе извѣстны каждому». Немудрено, что при такомъ далекомъ отъ идеала порядкѣ комплектованія судей на мѣста мировыхъ судей нерѣдко попадали лица, которыя были чужды населенію, и которымъ было чуждо дѣло суда.

Помимо цензового состава уѣздныхъ земскихъ собраній, самая малочисленность ихъ исключала возможность видѣть въ нихъ выразителей общественнаго мнѣнія. Согласно приложенію къ ст. 33 Полож. о земск. учрежд. 1864 г. больше полутораста уѣздовъ имѣли не болѣе 36 гласныхъ. Въ такихъ уѣздахъ земское собраніе могло быть открыто [2]) и мировые судьи могли быть избраны при требуемомъ закономъ для производства выборовъ minimum'ѣ гласныхъ: 12 человѣкъ (ст. 25 учр. суд. уст.). Слѣдовательно, въ каждомъ изъ этихъ уѣздовъ семь человѣкъ (большинство собранія въ 12 человѣкъ) располагали правомъ избирать мировыхъ судей, хотя бы населеніе уѣзда равнялось нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ жителей. Нужно ли было удивляться,

---

[1]) Сергѣй Атава, Оскудѣніе, т. I: «Отцы», С.-Пб. 1882, стр. 376.

[2]) Ст. 42 Полож. о земск. учр. требовала для законнаго состава засѣданій земскаго собранія не менѣе третьей части всего числа гласныхъ.

когда эти семь человѣкъ, руководствуясь солидарностью общихъ *имъ* интересовъ, а не сочувствіемъ къ интересамъ большинства, избирали на должности мировыхъ судей людей «своихъ» или такихъ, которыхъ почему-либо было выгодно выбрать, какъ бы ни были они мало пригодны къ занятію отвѣтственной судейской должности, и какъ бы ни мало были они знакомы съ бытомъ мѣстнаго населенія. Правда, ст. 19 учр. суд. уст. требуетъ, чтобы кандидатъ въ мировые судьи былъ изъ «мѣстныхъ жителей», но понятіе «мѣстнаго жителя» въ законѣ не опредѣлялось, и фактически ст. 19 не служила препятствіемъ къ тому, чтобы въ мировые судьи баллотировались лица, не имѣющія никакихъ связей съ данной мѣстностью, кромѣ знакомства съ вліятельными гласными земскаго собранія.

Такъ же мало, какъ земскія собранія, въ тѣхъ городахъ, гдѣ избраніе мировыхъ судей было предоставлено городскимъ думамъ, эти послѣднія могли считаться представительницами всего городского населенія. По вычисленію Е. П. Карновича, въ Петербургѣ въ 1894 г. изъ 450.000 совершеннолѣтнихъ обывателей только 20.000 имѣли право избирать гласныхъ, причемъ избирательное право этихъ 20.000 имѣло своимъ основаніемъ домовладѣніе, содержаніе разныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, преимущественно же обладаніе приказчичьими свидѣтельствами. «При такихъ условіяхъ выборовъ, —замѣчалъ авторъ,—мировые судьи не могутъ не сознавать шаткости своего представительства, какъ избранниковъ городского населенія, безъ участія въ этомъ выборѣ лучшей его части» [1]).

Составъ и малочисленность земскихъ собраній весьма нежелательнымъ образомъ сказывалась на принципѣ, которому составители Судебныхъ Уставовъ придавали первенствующее значеніе: на принципѣ судейской независимости. Когда собраніе избирателей многочисленно, опасеніе навлечь на себя неудовольствіе одного или нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ такъ стѣснять дѣятельность избранника, какъ въ томъ случаѣ, когда его судьба при новыхъ выборахъ должна зависѣть отъ небольшого и тѣснаго кружка лицъ. «Худо скрываемая,—писалъ П. Н. Обнинскій,—а нерѣдко и вовсе нескрываемая зависимость судьи отъ мѣстнаго воротилы, пребываетъ ли таковой въ столицѣ или въ деревнѣ—все равно, до того расшатала дѣтскую, первоначально столь горячую вѣру въ «своего мирового», что даже наиболѣе счастливые типы его не свободны отъ подобныхъ подозрѣваній» [2]).

При зависимости мировыхъ судей отъ сравнительно незначительнаго

---

[1]) Наблюдатель, 1894 г. № 5, стр. 195—197. И. Закревскій въ 1882 г. утверждалъ, что въ С.-Петербургѣ трактирный элементъ среди избирателей замѣтно и, конечно, вредно отражается на личномъ составѣ Петербургскихъ мировыхъ судей. См. Журн. Гражд. и Уг. Пр., 1882 г., февраль, стр. 23.

[2]) Юр. Вѣстн., 1888 г., мартъ, стр. 408. Я. К. Городыскій разсказываетъ о случаѣ, когда предсѣдатель земской управы, вступивъ въ препирательство съ однимъ изъ мировыхъ судей, весьма почтеннымъ дѣятелемъ, и будучи разбитъ его аргументами, не постѣснился публично, въ общественномъ собраніи, сказать ему: «Я вамъ это припомню на выборахъ» (Право, 1899 г. № 45, стлб. 2130).

круга лицъ вредно отражался на дѣятельности мировыхъ судей и тотъ краткій срокъ, на который они избирались. Не увѣренные въ своемъ новомъ избраніи и озабоченные подготовкою для себя голосовъ въ предстоящемъ земскомъ собраніи, въ которомъ должны произойти выборы, или подыскиваніемъ новой должности, мировые судьи, иногда уже по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ избранія, едва пріобрѣтя нужный опытъ, начинали запускать свои дѣла, предоставляя своимъ преемникамъ, въ случаѣ неудачи на выборахъ, справляться съ «залежами» [1]).

Министръ юстиціи гр. Паленъ склоненъ былъ видѣть въ краткости срока службы мировыхъ судей даже «главнѣйшую причину недостатковъ мировой юстиціи» [2]). Должно замѣтить, что еще при обсужденіи проекта учрежденія судебныхъ мѣстъ, соединенные департаменты госуд. совѣта, оставивъ въ проектѣ правило о трехлѣтнемъ срокѣ службы мировыхъ судей, какъ согласное съ основными положеніями, постановили «предоставить министру юстиціи сообразить, не слѣдуетъ ли увеличить срокъ, на который должны быть избираемы мировые судьи, и, до истеченія перваго трехлѣтія, послѣ первоначальнаго избранія мировыхъ судей, внести свои по сему предмету соображенія въ государственный совѣтъ» [3]). Понадобилось почти полвѣка, чтобы реформа въ отношеніи срока, на который избираются мировые судьи, была осуществлена [4]).

Неблагопріятно на составѣ мировыхъ судей въ провинціи должно было сказаться и весьма скудное получавшееся ими содержаніе. Хотя составители Судебныхъ Уставовъ были убѣждены, что «къ числу условій хорошаго судебнаго устройства надлежитъ отнести и назначеніе судебнымъ чинамъ содержанія, могущаго обезпечить имъ средства къ жизни» [5]), но такъ какъ предполагалось, что въ мировые судьи будутъ избираться люди, имущественно обезпеченные, то имъ былъ назначенъ меньшій окладъ содержанія, чѣмъ коронным судьямъ. По росписанію, приложенному къ ст. 238 учр. суд. уст., мировые судьи, за исключеніемъ столичныхъ, получали «на содержаніе и на всѣ расходы по должности» 1.500 руб., при чемъ земскимъ собраніямъ было предоставлено, если они найдутъ, что окладъ въ 1,500 руб. «по уваженію дороговизны или какимъ-либо другимъ мѣстнымъ причинамъ недостаточенъ», ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о возвышеніи его, но только не свыше оклада въ 2.200 руб., опредѣленнаго для члена окружнаго суда.

---

[1]) Я. К. Городыскій, цит. статья въ «Правѣ», 1899 г. № 45, стлб. 2129.

[2]) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, составленный Середонинымъ, С.-Пб., 1902 г., стр. 103.

[3]) Журн. соедин. департ. законовъ и гражд. дѣлъ 1864 г. № 48, стр. 6.—С.-Петербургскій мировой съѣздъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ по вопросу о выборности мировыхъ судей» находилъ нужнымъ увеличить срокъ выборной службы мировыхъ судей до пяти лѣтъ. См. сборникъ «Выборный мировой судъ», С.-Пб., 1898 г., стр. 92.

[4]) По зак. 15 іюня 1912 г. мировые судьи, прослужившіе по выборамъ трехлѣтіе, при непосредственно слѣдующихъ засимъ выборахъ въ томъ же судебно-мировомъ округѣ избираются на шесть лѣтъ (ст. 23 учр. суд. уст.).

[5]) Журн. соедин. департ. зак. и гражд. дѣлъ, 1862 г., № 65, стр. 335.

Считая, что расходы по должности должны были требовать не менѣе 800 руб. [1]), на долю мирового судьи, даже при окладѣ, повышенномъ до законнаго предѣла, должно было оставаться не болѣе 1.400 руб.

Эта скудость вознагражденія заключала въ себѣ большую опасность для мирового суда. Къ счастью, огромное большинство судей сумѣло остаться выше подозрѣній, но печальныя исключенія все-таки бывали. С. Атава въ своемъ «Оскудѣніи», печатавшемся въ «Отечественныхъ Записках», т.-е. въ органѣ, который нельзя было заподозрѣть въ недоброжелательномъ отношеніи къ мировому суду, разсказывалъ вполнѣ опредѣленно о мировыхъ судьяхъ, которые при рѣшеніи дѣлъ принимали во вниманіе «нѣчто болѣе осязаемое и необходимое», чѣмъ какіе бы то ни было принципы не матеріальнаго свойства. Упоминая объ этомъ, мы спѣшимъ привести слѣдующія слова изъ отвѣтовъ Петербургскаго мирового съѣзда на вопросы, предложенные ему въ 1868 г. министромъ юстиціи гр. Паленомъ: «Можетъ быть, тамъ и сямъ проявлялись отдѣльныя, исключительныя явленія неправды, присущей всему человѣчеству, но эти гнойные струпья должны будутъ отпасть сами собой, ибо они не могутъ найти себѣ поддержки ни въ самомъ обществѣ, отвыкающемъ отъ мысли о покупкѣ судебныхъ рѣшеній, ни въ средѣ большинства судей, недопускающихъ мысли о торговлѣ судебными приговорами». Вся исторія мирового суда говоритъ за то, что эти слова могли быть сказаны не только въ ясные дни шестидесятыхъ годовъ, но и въ то болѣе позднее время, когда надъ мировымъ судомъ сгустились грозовыя тучи.

Многія земства ходатайствовали о дозволеніи имъ увеличить содержаніе мировыхъ судей свыше указаннаго закономъ предѣла, но эти ходатайства оставались безъ удовлетворенія. Правда, нѣкоторыя земства, при молчаливомъ согласіи губернской власти, обходили законъ, назначая мировымъ судьямъ особыя суммы на наемъ камеръ, тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ имущественное положеніе мировыхъ судей оставалось совершенно ненормальнымъ. При этомъ, хотя по учрежд. суд. уст. (назв. прилож. I къ ст. 238), участковые мировые судьи были сравнены въ правахъ на пенсіи съ членами окружныхъ судовъ, но фактически правила о пенсіяхъ къ нимъ не могли примѣняться за неуказаніемъ источника, изъ котораго должна производиться выдача пенсіонныхъ окладовъ. Только 17 апрѣля 1884 г. былъ изданъ законъ, предоставляющій министру юстиціи, впредь до разрѣшенія вопроса о мѣрѣ участія земствъ и городскихъ думъ въ производствѣ пенсіонныхъ окладовъ мировымъ судьямъ, ходатайствовать черезъ комитетъ министровъ о назначеніи имъ пенсіи изъ государственнаго казначейства.

Уже въ замѣчаніяхъ о примѣненіи на практикѣ Судебныхъ Уставовъ за 1868 г. [2]) судебные дѣятели предвидѣли, что если не увеличить содержа-

---

[1]) Эту цифру называетъ М. В. Красовскій въ докладѣ «О недостаткахъ нынѣшняго устройства мировыхъ судебныхъ установленій», въ Журн. Гр. и Уг. Пр., 1888 г. апрѣль, стр. 56, примѣч.

[2]) См. «Сводъ замѣчаній», стр. 25.

нія мировыхъ судей, то «земство въ очень недалекомъ будущемъ станетъ въ весьма затруднительное положеніе: ему придется вручать судейское званіе безъ разбора всякому, кто только, удовлетворяя внѣшнимъ условіямъ избранія, изъявитъ желаніе служить, причемъ строгая оцѣнка внутреннихъ достоинствъ искателя судейской должности будетъ немыслима». И дѣйствительно, земства нерѣдко испытывали недостатокъ въ желательныхъ кандидатахъ въ мировые судьи, и въ такихъ случаяхъ на мѣста мировыхъ судей попадали совершенно этимъ мѣстамъ не соотвѣтствующіе представители мелкаго служилаго люда, въ родѣ становыхъ приставовъ, или бывшихъ стряпчихъ, секретарей уѣздныхъ судовъ и другихъ дѣятелей дореформеннаго суда, ненашедшихъ себѣ мѣста при судебномъ преобразованіи [1]).

Если недостаточность оплаты труда мировыхъ судей обусловливала не всегда стоящій на надлежащей высотѣ составъ ихъ, то, съ другой стороны, недостатокъ средствъ у земствъ мѣшалъ осуществить въ полной мѣрѣ близость суда къ населенію; мировые участки бывали обыкновенно весьма обширны и нерѣдко случалось, что даже въ плотно населенныхъ уѣздахъ многія поселенія отстояли отъ камеры судьи на 40 и болѣе верстъ, а въ уѣздахъ съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ—значительно далѣе [2]). При такихъ разстояніяхъ судъ, естественно, не могъ быть ни близкимъ, ни скорымъ, такъ какъ вызовъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, изъ дальнихъ поселеній былъ неизбѣжно сопряженъ съ большою затратою времени. Неудивительно, что потерпѣвшіе по мелкимъ дѣламъ предпочитали вовсе не обращаться къ суду, чѣмъ нести всѣ тяготы, сопряженныя съ обращеніемъ въ далекій судъ.

Правда, сенатъ разъяснилъ, что мировой съѣздъ можетъ обязывать участковыхъ мировыхъ судей, въ виду обширности участковъ, дѣлать періодическіе выѣзды въ отдаленныя мѣстности [3]), но лишь немногими земствами были ассигнованы особыя средства, нужныя для разъѣздовъ мировыхъ судей.

Не вполнѣ удачно также сложился въ провинціи институтъ почетныхъ мировыхъ судей. Это обнаружилось уже въ первые два года послѣ введенія мирового суда. Такъ, въ «Сводѣ замѣчаній о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій» (стр. 43 и сл.) мы читаемъ: «Изъ всѣхъ доставленныхъ нынѣ мировыми съѣздами замѣчаній [4]) оказывается, что участіе почетныхъ мировыхъ судей въ отправленіи правосудія крайне ограничено и неплодотворно». Причину незначительнаго участія почетныхъ мировыхъ судей въ отправленіи правосудія авторы замѣчаній усматривали «не столько въ личномъ нежеланіи ихъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности, какъ въ самой неопредѣленности этихъ обязанностей»: «почетный мировой судья не имѣетъ

---

[1]) М. В. Красовскій, op. cit., стр. 50—57.

[2]) Ibid., стр. 58—59.

[3]) Опредѣленія соедин. присутствія I и касс. департ. прав. сената 1885 г. № 628, 1888 г. № 151, 1882 г. № 477; см. Сборникъ, составляющій XII т. подготовит. матеріаловъ Высоч. учрежд. въ 1894 г. комиссіи для пересмотра законопол. по суд. части., стр. 31—33.

[4]) Далѣе сдѣланы ссылки на замѣчанія предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ.

опредѣленнаго круга дѣятельности, ни той самостоятельности, которая бы давала ему вѣсъ и значеніе въ обществѣ: онъ не имѣетъ права исполнять судебныя обязанности въ извѣстной мѣстности, онъ является или подставнымъ лицомъ, въ случаѣ отсутствія или болѣзни участковаго мирового судьи, или становится судьею какъ бы случайно, не по закону и по праву, истекающему изъ его положенія, а вслѣдствіе произвола участвующихъ въ какомъ-либо дѣлѣ лицъ». Неопредѣленность обязанностей почетныхъ мировыхъ судей открывала имъ возможность не нести вовсе никакихъ обязанностей, благодаря чему должность почетнаго мирового судьи нерѣдко превращалась только въ почетное званіе. Въ спискахъ почетныхъ мировыхъ судей въ составѣ провинціальныхъ мировыхъ съѣздовъ первое мѣсто обыкновенно занимали титулованныя особы и видные представители бюрократическаго міра, постоянно далеко проживавшіе отъ мѣста избранія и завѣдомо неимѣвшія возможности принимать сколько-нибудь дѣятельное участіе въ дѣлахъ мѣстнаго мирового суда, иногда даже несочувствовавшіе дѣлу мирового суда [1]). Съ другой стороны, званія почетнаго мирового судьи домогались и нерѣдко получали лица, которымъ это званіе нужно было лишь потому, что оно соединено съ правомъ на чинопроизводство и на ношеніе мундира V класса [2]). Какъ справедливо указываетъ А. Гольмстенъ, при благопріятныхъ условіяхъ почетные мировые судьи не только могли бы оказывать дѣятельную помощь участковымъ мировымъ судьямъ, но и могли бы быть «провѣрочнымъ средствомъ мировой юстиціи»: если бы почетныхъ мировыхъ судей было много, и если бы населеніе было хорошо освѣдомлено, гдѣ и когда къ нимъ можно обращаться, то, въ случаѣ недовольства тѣмъ или другимъ изъ участковыхъ мировыхъ судей, тяжущіеся предпочли бы обращаться по взаимному соглашенію къ внушающему къ себѣ довѣріе почетному мировому судьѣ, подобно тому, какъ во Франціи наканунѣ революціи граждане заурядъ обращались къ третейскому суду, избѣгая коронныхъ гражданскихъ судовъ. Однако, этой «коррективной миссіи» почетные мировые судьи также не могли выполнить и потому, что число ихъ весьма ограничено, и потому, что населенію они почти неизвѣстны [3]).

Нельзя сказать, чтобы всѣ описанныя отрицательныя явленія въ жизни и дѣятельности мирового суда были преобладающими, но они были частыми, и изъ-за нихъ въ страстной, а подчасъ и пристрастной полемикѣ о мировыхъ судьяхъ нерѣдко забывалось все то доброе, чѣмъ была имъ обязана русская правовая дѣйствительность.

---

[1]) Д. Анциферовъ, Наблюденія надъ уголовною практикою нашей провинціальной мировой юстиціи, въ «Юр. Вѣстн.», 1883 г. № 1, стр. 115.

[2]) Городыскій, Причины недостатковъ нашего выборнаго мирового института, въ «Правѣ», 1899 г., № 45, стлб. 2131—2132.

[3]) А. Гольмстенъ, Почетные мировые судьи въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, въ Журн. Гражд. и Угол. Права, 1890 г., № 7, отд. «Замѣтки», стр. 45—46.

Въ полемикѣ о мировомъ судѣ занимаютъ особое мѣсто въ свое время заставившіе много говорить о себѣ докладъ М. В. Красовскаго, прочитанный въ 1884 г. въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія Петербургскаго Юридическаго общества, и не разъ уже цитированная выше статья П. Н. Обнинскаго. Обѣ работы по тому впечатлѣнію, которое ими было произведено,— въ особенности второю изъ нихъ,—получили значеніе эпизодовъ, мимо которыхъ нельзя пройти, не остановившись, при изложеніи исторіи мирового суда. Докладъ М. В. Красовскаго интересенъ и потому, что нѣкоторыя изъ намѣченныхъ имъ реформъ нашли поддержку со стороны министерства юстиціи въ его законопроектахъ.

М. В. Красовскій представилъ Петербургскому юридическому обществу цѣлый планъ реформы мѣстнаго суда [1]). Въ своемъ проектѣ онъ отправлялся отъ неудовлетворительной, по его мнѣнію, дѣятельности мирового суда. Мировой судъ, по его словамъ, заполненъ лицами, которымъ «сложная канцелярская дѣятельность, требуемая современными условіями отъ мирового суда, пришлась несравненно болѣе по сердцу, нежели столбовымъ дворянамъ-помѣщикамъ», но о нравственныхъ достоинствахъ этихъ лицъ, «какъ судей, о полномъ безпристрастіи и независимости ихъ рѣшеній во многихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи». «Характеристичными чертами мировыхъ участковъ, завѣдуемыхъ судьями этого типа, являются медленность, безпорядочность въ дѣлопроизводствѣ и полновластіе письмоводителей, заправляющихъ всѣмъ дѣломъ, подбирающихъ для судьи законы и кассаціонныя рѣшенія, на основаніи которыхъ онъ долженъ будетъ постановлять рѣшенія, и подготовляющихъ для него даже проекты приговоровъ» (стр. 46).

Неудовлетворительности мирового суда въ первой инстанціи соотвѣтствуетъ, по словамъ М. В. Красовскаго, неудовлетворительность мировыхъ съѣздовъ. Онъ жаловался на «утвердительное направленіе» мировыхъ съѣздовъ, проявляющееся въ готовности мировыхъ судей взаимно утверждать постановляемыя ими рѣшенія, на неустойчивость ихъ практики, на разрѣшеніе дѣлъ безъ предварительной подготовки, часто по указкѣ секретаря, такъ какъ судьи тяготятся долгимъ пребываніемъ въ городѣ и кстати пользуются пріѣздомъ въ городъ для своихъ частныхъ дѣлъ.

Чтобы устранить недостатки мирового суда, М. В. Красовскій рекомендовалъ устранить преимущества, даваемыя нынѣ закономъ городскому цензу передъ уѣзднымъ, увеличивъ первый и уменьшивъ послѣдній, и такимъ образомъ открыть доступъ къ должности мирового судьи землевладѣльцамъ средней руки; облегчить избраніе лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, допустивъ его по большинству $^2/_3$ голосовъ и при отсутствіи имущественнаго ценза; увеличить срокъ службы мировыхъ судей до шести лѣтъ; увеличить содержаніе мировыхъ судей; преобразовать апелляціонную инстанцію мирового суда путемъ замѣны съѣздовъ мировыхъ судей уѣздными присутствіями изъ членовъ окружнаго суда и миро-

[1]) См. Журн. Гражд. и Угол. Права, 1885 г., кн. 4 и 5, въ приложеніи.

выхъ судей подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, а въ обширныхъ мировыхъ округахъ возложить предсѣдательскія обязанности на особаго короннаго судью [1]); для бо́льшей доступности суда увеличить число мировыхъ судей, возложивъ на нихъ производство предварительныхъ слѣдствій, а для ускоренія производства по дѣламъ маловажнымъ сообщить бо́льшее значеніе заочнымъ приговорамъ, предоставивъ обвиняемому право просить о новомъ разборѣ дѣла не во всякомъ случаѣ (какъ по Суд. Уст. 1864 г., ст. 139 у, у. с.), а лишь при условіи, если онъ не могъ явиться въ назначенный срокъ но причинамъ, оправдывающимъ вообще неявку къ суду.

Весьма оригинальнымъ было предположеніе Красовскаго, изъявъ изъ вѣдомства единоличнаго мирового судьи дѣла о проступкахъ, наказываемыхъ тюремныхъ заключеніемъ, сдѣлать, какъ эти дѣла, такъ и всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію окружныхъ судовъ безъ присяжныхъ засѣдателей, подсудными *въ первой степени* мировымъ съѣздамъ, установивъ для нихъ въ качествѣ второй инстанціи окружный судъ, съ правомъ обжалованія приговоровъ въ кассаціонномъ порядкѣ. Въ этомъ предположеніи заключалась, пожалуй, здоровая идея, но лишь постольку, *поскольку имъ начало коллегіальности, какъ гарантія правосудности приговора, распространялась на дѣла о всѣхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе*. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, нѣкоторыя изъ предположеній М. В. Красовскаго (стр. объ увеличеніи срока службы мировыхъ судей, объ увеличеніи значенія заочныхъ приговоровъ) получили осуществленіе въ законѣ 15 іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда.

Докладъ М. В. Красовскаго вызвалъ контръ-рефератъ К. Д. Анциферова, который доказывалъ, что если мировой судъ и страдаетъ нѣкоторыми недостатками, то эти недостатки связаны не съ самой «конституціей учрежденія», а съ его второстепенными принадлежностями и внѣшними условіями его существованія. Въ К. Д. Анциферовѣ положенія Судебныхъ Уставовъ о мировомъ судѣ нашли преданнаго защитника: онъ возражалъ противъ всѣхъ основныхъ требованій Красовскаго, даже противъ требованія увеличить содержаніе мировыхъ судей, какъ на томъ основаніи, что въ этомъ вопросѣ иниціатива можетъ принадлежать только самимъ земствамъ, такъ и потому, что содержаніе мировыхъ судей «не есть плата за труды, а вознагражденіе, дополняющее личный достатокъ» дабы общественная служба не была убыточна и вообще обременительна въ матеріальномъ отношеніи» [2]).

Вопреки утвержденію министра юстиціи И. Г. Щегловитова, двадцать пять лѣтъ спустя ссылавшагося въ своемъ отрицательномъ отзывѣ о ми-

---

[1]) Назначеніе отъ правительства предсѣдателей и притомъ для всѣхъ мировыхъ съѣздовъ еще раньше рекомендовалось И. Закревскимъ (О желательныхъ измѣненіяхъ въ Суд. Уст., Журн. Гражд. и Уг. Пр. 1882 г., февраль, стр. 20—21). Эта мысль о назначенномъ предсѣдателѣ уже въ 60-хъ годахъ пользовалась симпатіями правительства.

[2]) К. Анциферовъ, Къ вопросу о реформѣ нашего мирового суда, въ Журн. Гражд. и Угол. Пр., 1885 г., февраль, стр. 38.

ровыхъ съѣздахъ на авторитетъ Анциферова[1]), послѣдній горячо защищалъ и мировые съѣзды отъ обвиненіи Красовскаго,—и мы думаемъ, что, если въ свое время отстаиваніе Анциферовымъ всѣхъ положеній о мировомъ судѣ вызвало даже со стороны В. Д. Спасовича упрекъ въ идолопоклонствѣ[2]), то, конечно, было бы несправедливо отнести этотъ упрекъ къ его защитѣ построенія второй инстанціи мирового суда на съѣздовомъ началѣ: внутренній строй мировыхъ учрежденій, полное равенство всѣхъ членовъ мирового суда, отсутствіе какой бы то ни было іерархической зависимости однихъ отъ другихъ, замѣщеніе должности предсѣдателя по выбору мирового съѣзда сказались въ высшей степени благотворно на взаимныхъ отношеніяхъ мировыхъ судей и на ихъ дѣятельности. Изъ чувства общей отвѣтственности за успѣхъ учрежденія рождались, съ одной стороны, взаимная поддержка и готовность прійти другъ другу на помощь, а съ другой—забота о добросовѣстномъ выполненіи всѣми мировыми судьями округа своихъ обязанностей.

Помимо откликовъ въ періодической прессѣ (въ «Судебной Газетѣ», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и др.), докладъ М. В. Красовскаго заставилъ высказаться въ засѣданіи Петербургскаго юридическаго общества цѣлый рядъ авторитетныхъ сторонниковъ нашего мирового суда: И. Я. Фойницкаго, В. К. Случевскаго, В. И. Лихачева и другихъ.

Еще болѣе заставила насторожиться тѣхъ, кому былъ дорогъ выборный мировой судъ, статья П. Н. Обнинскаго. Она появилась въ то время, когда, съ одной стороны, ходили слухи о замѣнѣ выборныхъ мировыхъ судей судьями по назначенію, а съ другой—были предзнаменованія еще болѣе рѣшительной реформы,—той, которая впослѣдствіи и была осуществлена закономъ 12 іюля 1889 года.

Разочарованный результатами работы выборныхъ судей, П. Н. Обнинскій сочувственно отнесся къ предположенію замѣнить выборное начало при замѣщеніи должности мировыхъ судей началомъ назначенія. Въ пользу порядка назначенія, по его мнѣнію, говорятъ и историческая вѣра народа въ государственное происхожденіе судебной власти, и независимость назначаемыхъ судей отъ избирательной коллегіи, и возможность для государственной власти, имѣющей болѣе обширные кадры кандидатовъ, замѣщенія всѣхъ должностей мировыхъ судей лицами съ высшимъ юридическимъ образованіемъ.

---

[1]) Въ рѣчи, произнесенной въ Государственной Думѣ въ засѣданіи 7 декабря 1909 г., министръ юстиціи говорилъ о цѣломъ рядѣ лицъ, «относившихся къ мировому институту съ чрезвычайнымъ расположеніемъ и горячей симпатіей», и тѣмъ не менѣе признававшихъ, что «въ мировомъ институтѣ наиболѣе неудовлетворительнымъ оказалось на практикѣ построеніе именно апелляціонной инстанціи». Въ числѣ этихъ лицъ министръ юстиціи назвалъ и К. Д. Анциферова (стеногр. отч. Гос. Думы за 1909 г. сес. III, ч. I, стр. 3122). Въ дѣйствительности Анциферовъ писалъ: «Мы полагаемъ, что организацію апелляціоннаго суда въ нашей мировой юстиціи только такъ и можно было учредить, какъ она учреждена въ дѣйствующемъ законодательствѣ» (стр. 10).

[2]) Журн. Гр. и Уг. Права. 1885 г., май, стр. 89.

Статья П. Н. Обнинскаго вызвала настоящій литературный переполохъ. За нее съ радостью ухватились, какъ за невольное признаніе одного изъ несомнѣнныхъ представителей прогрессивной части русскаго общества, всѣ тѣ, у кого «эпоха великихъ реформъ» оставила лишь горечь воспоминаній объ утраченныхъ благахъ и преимуществахъ. Естественно, съ другой стороны, что статья Обнинскаго, дававшая противному лагерю неожиданное оружіе, и притомъ наканунѣ большой опасности для выборнаго мирового суда, встрѣтила энергичныя возраженія его друзей. Редакція «Юридическаго Вѣстника» помѣстила статью Обнинскаго съ примѣчаніемъ, въ которомъ резонно спрашивала, «почему въ земскомъ собраніи, *устроенномъ раціонально*, не можетъ происходить избраніе хорошихъ судей?» и обращала вниманіе автора на то, что «слѣдовало бы сначала доказать вообще неумѣстность избранія мировыхъ судей органами самоуправленія, прежде чѣмъ рекомендовать назначеніе ихъ центральнымъ правительствомъ».

Даневскій въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (1888 г., сент.) противопоставлялъ наблюденіямъ П. Н. Обнинскаго свои наблюденія, относившіяся преимущественно къ Курской губ., изъ которыхъ слѣдовало, что въ большинствѣ уѣздовъ этой губерніи мировой институтъ «въ общемъ и цѣломъ удовлетворителенъ». Онъ вѣрно указывалъ, что для назначаемыхъ судей должность мирового судьи должна быть лишь одной изъ первыхъ ступеней іерархической лѣстницы, и потому они въ большинствѣ случаевъ будутъ на мѣстахъ людьми пришлыми, случайными, отъ которыхъ мѣстное населеніе не можетъ ожидать той опытности и того знанія мѣстныхъ условій, какія нерѣдко пріобрѣтаются судьями, избираемыми нѣсколько трехлѣтій подрядъ [1]).

П. Н. Обнинскій отвѣчалъ своимъ критикамъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ (1888 г., май). Онъ указывалъ, что назначеніе мировыхъ судей имъ рекомендуется лишь какъ «палліатива», которая во всякомъ случаѣ представляетъ собою изъ двухъ золъ (*избраніе* плохихъ судей и *назначеніе* удовлетворительныхъ) наименьшее, и которая цѣнна уже потому, что должна обогатить предстоящія изслѣдованія очень наглядной параллелью дѣятельности избираемыхъ и назначаемыхъ мировыхъ судей.

Теперь, когда со времени литературнаго событія, какимъ была статья Обнинскаго, прошла четверть столѣтія, и когда нѣтъ уже больше поводовъ для той страстной оцѣнки, которую она встрѣтила при своемъ появленіи, такъ какъ вызванныя ею опасенія уже сбылись, есть возможность безъ предубѣжденія отдѣлить въ ней то, что было результатомъ объективныхъ наблюденій, отъ вывода, который этими наблюденіями не оправдывался.

Быть можетъ, въ характеристикѣ П. Н. Обнинскимъ земскихъ изби-

---

[1]) Кромѣ отвѣта Даневскаго, выступленіемъ Обнинскаго были вызваны слѣдующія статьи: въ «Русскихъ Вѣдом.» 1888 г. №№ 88, 153 и 155: «Искреннее, но явное увлеченіе»; въ «Судебной Газетѣ», 1888 г. №№ 15, 29, 30: «Быть или не быть?»; въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1888 г. № 84: передовая статья; въ «Новомъ Времени» 1888 г. № 4396: передовая статья; въ «Журн. Гражд. и Угол. Права», 1888 г. кн. 7: «П. Н. Обнинскій о мировомъ судѣ».

рательныхъ собраній и было преувеличеніе; тѣмъ не менѣе противъ того, что вслѣдствіе недостатковъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ голосъ земскихъ собраній не могъ считаться голосомъ всего мѣстнаго населенія, спорить не приходится. Но при всемъ томъ, неблагопріятно сложившіяся условія избранія мировыхъ судей не могли, разумѣется, послужить основаніемъ для вывода о замѣнѣ порядка избранія мировыхъ судей порядкомъ ихъ назначенія.

Впослѣдствіи, когда мировыхъ судей замѣнили земскіе начальники, П. Н. Обнинскій, вспоминая свою статью и вызванную ею полемику, сравнивалъ состояніе нашего мѣстнаго суда до реформы 1889 г. съ тѣмъ состояніемъ здоровья и благополучія, при которомъ человѣкъ неравнодушенъ къ малѣйшему недомоганію, къ малѣйшей непріятности: «но измѣняетъ здоровье, расшатывается благополучіе, и онъ *тогда только* всецѣло начинаетъ понимать всю тяжесть утраты, все ничтожество этихъ недомоганій, непріятностей, и какъ бы охотно онъ примирился съ ними теперь, лишь бы вернуть прежнее здоровье, прежнее благополучіе» [1]).

Данныя для сужденія о дѣятельности выборнаго мирового суда въ періодѣ до 1889 г., которыя не могутъ быть заподозрѣны въ объективности, содержатся въ сборникахъ рѣшеній Сената, въ отчетахъ ревизоровъ, за исключеніемъ, развѣ, отчетовъ о ревизіяхъ мировыхъ судовъ, произведенныхъ уже въ виду закона 12 іюля 1889 г. и, быть можетъ, отразившихъ на себѣ новый политическій курсъ, въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній», издаваемыхъ министерствомъ юстиціи, и, наконецъ, въ отчетѣ министерства юстиціи за 1886—1887 гг. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что при всѣхъ очевидныхъ дефектахъ въ организаціи мирового суда дѣятельность его все же нельзя было не признать успѣшной.

Невозможно, конечно, представить читателю ad oculos обширный матеріалъ, заключающійся въ сборникахъ кассаціонныхъ рѣшеній, который служилъ бы для него наглядным, своего рода «вещественнымъ доказательствомъ», говорящимъ о достоинствахъ мирового суда, но всѣ, внимательно изучавшіе сенатскую практику, хорошо знаютъ, что въ ней нѣтъ ничего порочащаго мировой институтъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ рѣшенія мировыхъ съѣздовъ такъ же, какъ и рѣшенія общихъ судовъ, отмѣнялись не вслѣдствіе прямого нарушенія яснаго смысла закона, а вслѣдствіе неправильнаго пониманія закона, нуждающагося въ толкованіи [2]).

---

[1]) П. Н. Обнинскій, Мировые судьи и ихъ преемники, въ Сборникѣ Правовѣдѣнія, т. V, 1895 г., стр. 33.

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., такой безпристрастный ученый, какъ А. Гольмстенъ, Журн. Гражд. и Уг. Права, отд. «Замѣтки», стр. 47. По наблюденіямъ сенатора Н. Г. Принтца (Ж. М. Ю. 1894 г., декабрь, стр. 20), рѣшенія мировыхъ съѣздовъ по ихъ правильности уступаютъ только на 1—3% рѣшеніямъ судебныхъ палатъ.

Критики мирового суда особенно охотно и часто ссылаются на указъ сената отъ 6 іюня 1886 г. Указъ этотъ былъ встрѣченъ настоящимъ ликованіемъ со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати. Недостатки, отмѣченные сенатомъ въ дѣятельности мировыхъ судей, были обобщены и изображены въ самыхъ яркихъ краскахъ: «нашъ мировой судъ—писала одна изъ враждебныхъ мировому суду газетъ,—въ продолженіе двухъ десятилѣтій такъ упростилъ отправленіе правосудія, что сенатъ нашелся вынужденнымъ напомнить ему рядъ статей изъ Уложенія... Все, чѣмъ такъ часто питается юмористика въ газетахъ и въ публикѣ изъ практики мирового суда, блѣднѣетъ передъ дѣйствительностью, раскрываемой сенатскимъ указомъ... Чтобы дойти до такихъ геркулесовыхъ столбовъ распущенности и небрежности въ дѣлѣ самомъ насущномъ, надо имѣть особое искусство забываться и забывать свой долгъ... И, очевидно, не на убыль шли эти оригинальныя свойства, благопріобрѣтенныя нашей мировой юстиціей; они процвѣтали тѣмъ пышнѣе, чѣмъ большую опытность пріобрѣталъ мировой судъ, пока, наконецъ, не переполнилась чаша и не грянулъ громъ» [1]).

Достаточно, однако, привести подлинныя слова указа для того, чтобы убѣдиться, что ни малѣйшаго права для такого обобщенія недостатковъ и для огульнаго осужденія мирового суда онъ не давалъ. На основаніи жалобъ, доходившихъ до сената, въ связи съ данными, установленными производившимися ревизіями, сенатъ призналъ установленнымъ: «1) что въ *нѣкоторыхъ* мировыхъ участкахъ и съѣздахъ дѣла назначаются къ разбору лишь по истеченіи двухъ или болѣе мѣсяцевъ со времени ихъ вступленія; 2) что *нѣкоторыя* изъ дѣлъ остаются у мировыхъ судей безъ всякаго движенія въ теченіе года и даже нѣсколькихъ лѣтъ; 3) что *встрѣчаются* даже такіе *случаи*, что участковые мировые судьи вовсе не разбираютъ дѣлъ въ продолженіе весьма значительнаго періода времени, а *нѣкоторые* изъ судей не разрѣшали за все время состоянія ихъ въ должности почти ни одного дѣла; 4) что такія противозаконныя дѣйствія судей остаются, повидимому, совершенно неизвѣстными мировымъ съѣздамъ и доходятъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, помимо представленій сихъ послѣднихъ; 5) что, независимо отъ безучастнаго отношенія *нѣкоторыхъ* изъ съѣздовъ къ успѣшной дѣятельности подвѣдомственныхъ имъ судей, и сами съѣзды допускаютъ значительную медленность въ производствѣ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію оныхъ». Вотъ все, изъ чего критики выборнаго мирового суда (а они не забыли объ указѣ 1886 г. много лѣтъ спустя, когда уже въ новыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ обсуждался проектъ министра юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда) дѣлали выводъ о полномъ крушеніи мирового института по Судебнымъ Уставамъ. Въ дѣйствительности, указъ сената давалъ право лишь заключить, что въ *нѣкоторыхъ* мѣстностяхъ мировой судъ страдалъ *однимъ* недостаткомъ, правда, очень серьезнымъ—недостаткомъ у мировыхъ судей усердія въ исполненіи принятыхъ на себя отвѣтственныхъ обязанностей, и что для

---

[1]) Цит. въ «Вѣстн. Европы», 1886 г., октябрь, стр. 865.

устраненія этого недостатка должны быть приняты мѣры. Самъ указъ сената заключалъ въ себѣ рядъ такихъ мѣръ.

Въ указѣ сенатъ вмѣнялъ мировымъ съѣздамъ въ обязанность имѣть «неослабный надзоръ» за безотлучнымъ пребываніемъ мировыхъ судей въ предѣлахъ ихъ участковъ, а о всякомъ случаѣ самовольной отлучки судьи доводить до свѣдѣнія сената, установить контроль съѣзда за тѣмъ, чтобы мировые судьи разбирали дѣла въ участкахъ во всѣ присутственные дни, за исключеніемъ времени участія въ засѣданіяхъ съѣзда, разъяснялъ мировымъ съѣздамъ, что въ тѣхъ мировыхъ округахъ, въ коихъ засѣданія съѣзда происходятъ не болѣе одного раза въ мѣсяцъ, въ срочныя засѣданія съѣзда обязаны являться *всѣ* участковые мировые судьи, предписывалъ мировымъ съѣздамъ о каждомъ несостоявшемся срочномъ засѣданіи съѣзда доносить сенату, возложивъ на личную отвѣтственность предсѣдателей и непремѣнныхъ членовъ съѣздовъ наблюденіе за своевременнымъ представленіемъ въ сенатъ указанныхъ донесеній, напоминалъ уже ранѣе преподанныя разъясненія о томъ, что продолжительность срочныхъ засѣданій съѣзда не зависитъ отъ усмотрѣнія съѣзда, а обусловливается въ каждомъ случаѣ числомъ поступившихъ дѣлъ.

Всѣхъ этихъ мѣръ, клонившихся, главнымъ образомъ, къ упорядоченію контроля надъ мировыми судьями мировыхъ съѣздовъ и къ облегченію надзора сената, какъ за мировыми судьями, такъ и за самими мировыми съѣздами, оказалось, какъ было удостовѣрено уже черезъ два года министромъ юстиціи (см. ниже, стр. 238) достаточнымъ для того, чтобы устранить отмѣченныя въ указѣ ненормальныя явленія.

Въ оффиціальномъ изданіи «Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ» С. П. Мокринскимъ приведены обильныя ссылки на отчеты ревизоровъ, удостовѣрявшихъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворительное состояніе дѣлопроизводства, находившихъ въ нѣкоторыхъ округахъ «несущественныя упущенія», а въ иныхъ «замѣчательный порядокъ» и «превосходное состояніе дѣлопроизводства» или даже (какъ въ Козловскомъ мировомъ съѣздѣ въ 1878 г.), отсутствіе хотя бы «малѣйшаго отступленія отъ порядка дѣлопроизводства или нарушенія закона» [1]).

Содержащіяся въ статистическихъ сборникахъ министерства юстиціи цифры представляютъ собою убѣдительный аргументъ, по крайней мѣрѣ, противъ одного существеннаго упрека, дѣлаемаго мировому суду, и даютъ матеріалъ для сравненія отношенія населенія къ рѣшеніямъ выборныхъ мировыхъ судей и судей по назначенію [2]). Эти цифры опровергаютъ частое утвержденіе, будто мировые съѣзды, въ силу солидарности ихъ членовъ, то рѣшающихъ дѣла въ первой инстанціи, то засѣдающихъ во второй, придерживаются «утвердительной» тенденціи (см. выше выраженіе Кра-

---

[1]) С. П. Мокринскій, Выборный мировой судъ, въ цит. изд., т. II, стр. 50—51.

[2]) Сводки этихъ цифръ за пятилѣтній періодъ (1884—1888) сдѣланы М. И. Бруномъ въ статьѣ «Мировой судъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II (Сборн. «Выборный мировой судъ», С.-Пб. 1898 г., стр. 16—19), откуда мы и заимствуемъ выведенные авторомъ итоги.

совскаго). Изъ данныхъ за 1884—1888 гг. видно, что въ губерніяхъ съ выборными мировыми судьями отмѣнялось 24,8% рѣшеній мировыхъ судей, а въ губерніяхъ съ мировыми судьями по назначенію—отъ 19,2% (въ областяхъ Средней Азіи) до 24,7% (въ Варшавскомъ округѣ).

Далѣе, изъ данныхъ о числѣ дѣлъ, рѣшенныхъ мировыми судьями съ правомъ апелляціоннаго отзыва, слѣдуетъ, что приговоры и рѣшенія выборныхъ мировыхъ судей пользовались не меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ приговоры и рѣшенія судей по назначенію, а именно въ губерніяхъ съ назначенными и выборными мировыми судьями за указанный періодъ времени былъ обжалованъ въ апелляціонномъ порядкѣ одинъ и тотъ же % уголовныхъ приговоровъ—12,5—и почти одинъ и тотъ же % рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ: 19 въ губерніяхъ съ выборными судьями и 18,8 въ губерніяхъ съ судьями назначаемыми.

Наконецъ, нельзя не признать особаго показательнаго значенія за тою лестною аттестаціею, которая была дана мировому суду министерствомъ юстиціи въ его отчетѣ за 1886—1887 годы опубликованномъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» въ 1889 г., т.-е. какъ разъ въ годъ замѣны мировыхъ судей земскими начальниками [1]). Приведемъ изъ этого отчета только наиболѣе интересныя цифры. Общее число дѣлъ, рѣшенныхъ мировыми судьями въ 1886 и 1887 гг., сравнительно съ числомъ вступившихъ дѣлъ, составило 102,5%, тогда какъ въ предыдущіе годы отношеніе между тѣми же величинами не превышало 93,4% въ 1885 г. и 92% въ 1882 г. Изъ общаго числа жалобъ и протестовъ, поданныхъ въ кассаціонные департаменты сената, была уважена едва лишь четвертая часть, причемъ изъ общаго числа приговоровъ и рѣшеній мировыхъ судей (считая обжалованныя и необжалованныя) сенатомъ было отмѣнено въ 1886 г. всего лишь 1,8% и въ 1887 г. не болѣе 1,5%. Эти цифры дали основаніе министерству юстиціи заключить, что «дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ разсматриваемый періодъ можетъ быть признана *весьма удовлетворительной*, какъ въ смыслѣ правильности постановленныхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи быстроты судопроизводства». Значительное улучшеніе относительно быстроты производства министерство юстиціи объясняетъ дѣйствіемъ указа сената отъ 6 іюня 1886 г.

Итакъ, несмотря на всѣ недостатки мирового суда, его работа свидѣтельствовала о томъ, что въ немъ заложена здоровая идея. Объ этомъ же говорилъ и тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ десяткахъ ходатайствъ земскихъ собраній указывалось на необходимость увеличенія жалованія мировыхъ судей, пониженія имущественнаго ценза, передачи мировымъ судьямъ нотаріальныхъ функцій, упраздненія волостныхъ судовъ съ передачей дѣлъ, подсудныхъ имъ, мировымъ судьямъ, ни одно земство, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ существованія мирового

---

[1]) Часть отчета, относящагося къ мировымъ судьямъ, напечатана въ сборникѣ «Выборный мировой судъ». С.-Пб., 1898 г.

суда [1])—не просило ни объ упраздненіи его, ни объ ограниченіи обязанностей мировыхъ судей.

Ничто, повидимому, не оправдывало той коренной ломки въ организаціи нашего мѣстнаго правосудія, которая была проведена закономъ 12 іюля 1889 г., знаменующимъ собою грань въ исторіи нашего мѣстнаго правосудія и открывающимъ періодъ его регресса. Но прежде, чѣмъ подойти къ этой грани, мы должны дать хотя бы самый общій обзоръ законодательства о мировомъ судѣ въ періодъ до 1889 г.

VI.

Главнѣйшія новеллы о мировомъ судѣ до реформы 12 іюля 1889 г.

Законы, послѣдовавшіе въ періодъ съ 1864 до 1889 г., могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Одни, имѣя организаціонный, технико-процессуальный или фискальный характеръ, не отражали,—да по своему техническому характеру и не могли бы отражать—какихъ-либо политическихъ вліяній; другіе, напротивъ, носятъ на себѣ отпечатокъ реакціи, начавшейся въ 70-хъ годахъ и достигшей апогея въ 80-хъ, и того отрицательнаго отношенія къ началамъ, установленнымъ «Судебными Уставами», которое было связано съ взглядомъ на нихъ, какъ на «либеральный» кодексъ.

Изъ числа *судоустройственныхъ* законовъ первой категоріи важны тѣ новеллы, которыми были введены добавочные мировые судьи.

Судебные Уставы знали только два рода судей: участковыхъ и почетныхъ. Вскорѣ выяснилась необходимость учрежденія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, института добавочныхъ судей. Въ засѣданіи Петербургской общей думы 19 марта 1866 г., назначенномъ для первыхъ выборовъ мировыхъ судей въ С.-Петербургѣ, Дума заслушала докладъ собранія сословныхъ старшинъ и ихъ товарищей объ устройствѣ столичнаго мирового суда; согласившись съ предположеніями, намѣченными въ докладѣ, дума избрала 28 судей по числу участковъ и, кромѣ того, еще 7 запасныхъ *участковыхъ* мировыхъ судей, т. е. по одному на каждые четыре участка, съ тою цѣлью, чтобы они всегда, въ случаѣ надобности, могли замѣнять судью, отсутствующаго по болѣзни или отозваннаго къ присутствованію въ засѣданіи мирового съѣзда. Когда списокъ лицъ, избранныхъ въ мировые судьи, былъ представленъ въ сенатъ, то сенатъ указомъ отъ 14 апрѣля 1866 г. разъяснилъ, что избраніе запасныхъ или добавочныхъ участковыхъ мировыхъ судей «несогласно съ точнымъ смысломъ дѣйствующихъ узаконеній, такъ какъ, по смыслу ст. 29 Полож. 19 октября 1865 г. о введ. въ дѣйствіе Судебн. Уст., число участковыхъ мировыхъ судей дол-

[1]) См. Журн. Гр. и Уг. Пр., 1885 г., май, прилож., стр. 79 (справка, сообщенная В. И. Лихачевымъ); о болѣе позднемъ времени мы не располагаемъ точными свѣдѣніями.

жно соотвѣтствовать количеству участковъ, и участковый мировой судья безъ участка быть не можетъ». При достаточномъ числѣ судей, имѣющихъ каждый свой участокъ, не можетъ,—указывалъ сенатъ,—возникнуть затрудненій и въ случаѣ отсутствія въ камерѣ по той или другой причинѣ кого либо изъ судей, такъ какъ по ст. 43 учр. суд. уст., въ случаѣ устраненія, отсутствія, болѣзни или смерти участковаго мирового судьи, обязанности его исполняются однимъ изъ почетныхъ или однимъ изъ сосѣднихъ участковыхъ мировыхъ судей по заранѣе установленной ими между собою очереди.

Образованный, въ силу этого разъясненія сената, безъ особыхъ запасныхъ судей, Петербургскій мировой съѣздъ 10 сентября 1866 г., съ своей стороны принялъ постановленіе, въ коемъ выразилъ пожеланіе объ увеличеніи личнаго состава мировыхъ судей въ Петербургѣ запасными судьями, указавъ притомъ, что безъ этой мѣры мировой судъ, безмѣрно обремененный дѣлами, «въ ближайшемъ будущемъ не будетъ удовлетворять ни своему назначенію, ни общественнымъ ожиданіямъ» [1]). Спустя немного болѣе года, Высочайше утвержденнымъ 11 декабря 1867 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта Петербургской думѣ было разрѣшено «въ случаѣ надобности, сверхъ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, избрать еще добавочныхъ мировыхъ судей въ нужномъ по ея усмотрѣнію числѣ для исполненія обязанностей участковыхъ мировыхъ судей, въ случаѣ болѣзни, временныхъ отлучекъ или выбытія кого-либо изъ послѣднихъ, а также для облегченія тѣхъ, которые свыше мѣры обременены участковыми дѣлами, а равно для исполненія обязанностей, исчисленныхъ въ ст. 57 учр. суд. уст.».

Необходимость учрежденія добавочныхъ судей сказалась и въ другихъ большихъ городахъ. Въ 1869 г. мировой съѣздъ I округа Москвы постановилъ ходатайствовать черезъ думу объ учрежденіи должностей двухъ запасныхъ судей, изъ которыхъ одинъ замѣщалъ бы въ участкѣ мирового судью, состоящаго непремѣннымъ членомъ съѣзда, другой бы замѣнялъ судей на время ихъ болѣзни или отсутствія. Городская дума согласилась съ мнѣніемъ съѣзда и 17 декабря 1869 г. опредѣлила ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи въ Москвѣ трехъ должностей запасныхъ мировыхъ судей» [2]).

Ходатайство Думы получило удовлетворительное разрѣшеніе въ 1870 г. Закономъ 1 іюня 1870 г. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 11 декабря 1867 г. было распространено на Москву и на Одессу.

Затѣмъ, когда въ 1878 г. въ губерніяхъ Оренбургской и Астраханской были введены мировые судьи по назначенію, впредь до введенія въ этихъ губерніяхъ земскихъ учрежденій, то ст. 5 «временныхъ правилъ» объ устройствѣ мировыхъ судебныхъ установленій въ этихъ губерніяхъ предусмотрѣла

---

[1]) В. И. Лихачевъ, Къ тридцатипятилѣтію мировыхъ судебныхъ установленій, Ж. М. Ю. 1895 г. № 12, стр. 11.

[2]) Двадцатипятилѣтіе московскихъ столичныхъ мировыхъ учрежденій, 1891 г., стр. 14—16.

назначеніе въ этихъ губерніяхъ, кромѣ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, еще и добавочныхъ (законъ 2 мая 1878 г.).

Наконецъ, закономъ 7 апрѣля 1886 г. было предоставлено всѣмъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ избирать «въ случаѣ надобности» добавочныхъ судей и притомъ въ «нужномъ числѣ» (ст. 40^1 учр. суд. уст.).

Изъ числа *судопроизводственныхъ* законовъ разматриваемаго періода очень существенными представляются тѣ, которые были направлены къ расширенію уголовной подсудности мировыхъ судей.

Одно изъ основныхъ положеній науки о судебномъ процессѣ гласитъ, что вѣдомство суда должно опредѣлять его организацію и формы его дѣятельности и, наоборотъ, конструкціи суда и процесса долженъ соотвѣтствовать объемъ его юрисдикціи. Правосудіе рисковало бы стать ненужнообременительнымъ для населенія, а иногда даже смѣшнымъ, если бы для разбора дѣлъ о ничтожныхъ правонарушеніяхъ приводился въ дѣйствіе такой сложный судебный механизмъ, какъ судъ присяжныхъ, и наоборотъ, интересы правосудія и личная свобода гражданъ подвергались бы опасности, если бы дѣла о преступленіяхъ важныхъ и по своему значенію, и по своимъ послѣдствіямъ ввѣрялись единоличному судьѣ, необладающему юридическимъ образованіемъ и не стѣсненному въ своей дѣятельности всею совокупностью формъ, обезпечивающихъ надлежащее вниманіе къ заявленіямъ и ходатайствамъ сторонъ и возможность контроля со стороны высшей инстанціи.

Руководствусь представленіемъ о мировой юстиціи, какъ о юстиціи мѣстной, составители Судебныхъ Уставовъ ограничили уголовную подсудность мирового суда преступленіями и проступками, предусмотрѣнными въ Уставѣ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и нарушеніями уставовъ казенныхъ управленій, а также (уставовъ) о повинностяхъ и торговлѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда положенная за нихъ отвѣтственность не превышала предоставленной мировому судьѣ карательной власти, причемъ maximum послѣдней равнялся праву мировыхъ судей подвергать виновныхъ тюремному заключенію до одного года.

Въ соотвѣтствіи съ намѣченными предѣлами подсудности, мировой судъ строился составителями Судебныхъ Уставовъ, какъ судъ единоличный, выборный, состоящій изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ населенія, но не непремѣнно юридически образованныхъ.

Нельзя не замѣтить, что и въ томъ объемѣ, въ какомъ подсудность мирового суда была опредѣлена Судебными Уставами 1864 г., она была слишкомъ широкою для единоличныхъ судей. На Западѣ она гораздо уже: такъ, англійскіе мировые судьи единолично разбираютъ только дѣла о мелкихъ проступкахъ, караемыхъ тюрьмою до 14 дней или денежнымъ взысканіемъ до 20 шиллинговъ, а французскимъ мировымъ судьямъ по дѣламъ уголовнымъ подсудны проступки, караемые штрафомъ до 15 франковъ или арестомъ до 5 дней, а по дѣламъ гражданскимъ (только послѣ закона 6 іюля 1905 г., значительно расширившаго ихъ подсудность), по общему правилу, иски по личнымъ обязательствамъ и о движимости цѣною до 600 франковъ.

Въ 1866 г. началось расширеніе подсудности нашихъ мировыхъ судей. Въ этомъ году къ вѣдомству мировыхъ судей были отнесены менѣе важные проступки противъ постановленій о печати.

Законъ 18 мая 1882 г. распространилъ вѣдомство мировыхъ судей на кражи со взломомъ на сумму не свыше 300 руб. При этомъ законодатель увеличилъ самый предѣлъ карательной власти мировыхъ судей, установивъ за отнесенную къ ихъ вѣдомству кражу со взломомъ наказаніе тюремнымъ заключеніемъ на время до одного года и шести мѣсяцевъ. Основаніемъ для такого расширенія подсудности мировыхъ судей послужило огромное количество оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ о кражахъ со взломомъ, находившее себѣ объясненіе въ несообразно-суровомъ наказаніи, установленномъ Улож. о Наказ. 1845 и 1857 гг. за кражу съ внутреннимъ взломомъ [1]). Въ цѣляхъ согласованія редакціи ст. 33 уст. угол. судопр. (о проступкахъ, подлежащихъ вѣдомству мировыхъ судей) съ новой статьею Устава о Наказ. налагаемыхъ мировыми судьями, о кражѣ со взломомъ, законодатель общимъ образомъ измѣнилъ редакцію ст. 33 уст. угол. суд., выразивъ въ ней, что «вѣдомству мировыхъ судей подлежатъ проступки, за которые въ особомъ уставѣ о налагаемыхъ ими наказаніяхъ опредѣляется... заключеніе въ тюрьмѣ не свыше одного года шести мѣсяцевъ». Какъ потомъ выяснилось, благодаря такому обобщенному измѣненію ст. 33 уст. угол. суд., подсудность мирового суда оказалась расширенной больше, чѣмъ это входило въ намѣренія законодателя: дѣло въ томъ, что, согласно примѣчанію первому къ 33 статьѣ (въ редакціи 20 ноября 1864 г.), мировые судьи, «впредь до пересмотра уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ и торговлѣ», при опредѣленіи взысканій за нарушенія сихъ уставовъ, руководствуются Уложеніемъ о Наказаніяхъ, «*не выходя изъ указанныхъ въ сей статьѣ предѣловъ предоставленной имъ власти*»; такъ какъ измѣненіемъ редакціи текста статьи 33 предѣлы предоставленной мировымъ судьямъ власти были расширены, то оказался расширеннымъ и кругъ подсудныхъ мировымъ судьямъ нарушеній спеціальныхъ уставовъ. Правда, практика затруднилась сдѣлать этотъ выводъ, несогласный съ намѣреніемъ законодателя, но безъ достаточнаго основанія, такъ какъ, согласно извѣстному положенію, примѣненію подлежитъ lex, а не ratio legis, законъ, а не его мотивы.

Теперь (послѣ закона 18 дек. 1885 г.) подсудность мировому суду всѣхъ нарушеній, перечисленныхъ въ примѣчаніи 1-мъ къ 33 ст., если они не влекутъ за собою наказанія свыше одного года и шести мѣсяцевъ, не вызываетъ сомнѣній (рѣш. уг. кас. деп. 1893 г. № 4).

Новое значительное расширеніе подсудности мировыхъ судей было намѣчено въ проектѣ министерства юстиціи, бывшемъ на разсмотрѣніи Госуд. Совѣта въ 1885 году. Относившіяся проектомъ къ вѣдѣнію мировыхъ судей преступныя дѣянія дѣлились на двѣ группы: къ первой принадлежали тѣ, которыя влекли за собой, по улож. о наказ., взысканія, не

---

[1]) См. Представленіе министра юстиціи объ измѣненіи постановленій о наказаніяхъ за кражу со взломомъ отъ 10 апрѣля 1882 г.

превышавшія предоставленной мировому суду карательной власти, ко второй—тѣ, которыя до закона 1885 года влекли болѣе строгую отвѣтственность, но для которыхъ эту отвѣтственность предполагалось смягчить. Въ вѣдомство мировыхъ судей должны были перейти, въ числѣ другихъ, такія серьезныя дѣянія, какъ нѣкоторые виды подлога или умышленное отравленіе рыбы въ рѣкахъ и прудахъ. Это расширеніе подсудности мировыхъ судей мотивировалось, главнымъ образомъ, цѣлью облегченія общихъ судебныхъ установленій и судебныхъ слѣдователей [1]). Соединенные Департаменты Государственнаго Совѣта справедливо нашли, что столь значительное расширеніе подсудности мировыхъ судей оказалось бы въ противорѣчіи съ кореннымъ началомъ, положеннымъ составителями Судебныхъ Уставовъ въ основу разграниченія подсудности между общими судебными установленіями и мировыми судьями. Тѣмъ не менѣе и Государственный Совѣтъ отнесся «съ полнымъ сочувствіемъ къ основной мысли представленія статсъ-секретаря Набокова о необходимости облегчить дѣятельность окружныхъ судовъ и судебныхъ слѣдователей» и высказался за расширеніе подсудности мировыхъ судей, хотя и не въ томъ объемѣ, какъ это было намѣчено министерствомъ юстиціи, а именно: законъ 1885 года закрѣпилъ разъясненіе сената о томъ, что кромѣ уставовъ казенныхъ управленій о повинностяхъ и о торговлѣ, компетенція мировыхъ судей распространяется, въ предѣлахъ предоставленной имъ карательной власти, и на дѣла съ нарушеніемъ уставовъ о фабричной, заводской и ремесленной промышленности; далѣе, зак. 1885 года отнесъ къ вѣдѣнію мировыхъ судей нѣкоторыя нарушенія уставовъ благоустройства и благочинія, спеціальное преступленіе противъ чужой собственности, состоящее въ пріемѣ въ закладъ отъ нижнихъ чиновъ казеннаго оружія, казеннаго платья или амуничныхъ вещей (ст. 180[1] уст. о наказ.), и, наконецъ, лѣсные проступки, предусмотрѣнные уст. о нак., во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна похищенныхъ, самовольно срубленныхъ лѣсныхъ произведеній не превышаетъ 300 руб., *хотя бы штрафъ за проступокъ, назначаемый въ двойномъ, а иногда и въ тройномъ размѣрѣ, значительно превышалъ эту сумму.*

Какъ видно изъ мотивовъ законовъ 18 мая 1882 года и 18 декабря 1885 года, компетенція мирового суда расширялась ими безъ достаточнаго вниманія къ требованію соотвѣтствія конструкціи суда предѣламъ его вѣдомства, по соображеніямъ, ничего общаго съ этимъ требованіемъ не имѣющими: для того, чтобы сдѣлать болѣе постоянной репрессію за дѣянія опредѣленной категоріи, или для того, чтобы облегчить общія судебныя учрежденія.

Изъ числа уголовно-процессуальныхъ законовъ первой намѣченной нами категоріи (см. выше стр. 239) должны быть названы также законы 8 декабря 1886 г. и 15 февраля 1888 года, относящіеся къ области уголовнаго процесса, и законы 10 мая 1877 и 21 декабря 1887 гг., внесшіе измѣненія въ правила гражданскаго судопроизводства.

---

[1]) Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1885 г., С.-Пб., 1887 г., стр. 546 и слѣд.

Законъ 8 декабря 1886 года отмѣнилъ требованіе заявленія неудовольствія приговоромъ мирового судьи, какъ условія обжалованія. До этого закона лицо, желавшее обжаловать постановленный мировымъ судьею или мировымъ съѣздомъ приговоръ, обязано было заявить о томъ *въ теченіе сутокъ* отъ объявленія приговора; о заявленномъ неудовольствіи отмѣчалось въ протоколѣ, при чемъ исполненіе приговора пріостанавливалось до истеченія срока, установленнаго для подачи апелляціонной или кассаціонной жалобы; если же въ теченіе сутокъ неудовольствія приговоромъ никѣмъ не было заявлено, то приговоръ считался вошедшимъ въ законную силу и немедленно обращался къ исполненію. Придавая заявленію неудовольствія приговоромъ значеніе условія обжалованія его, Судебные Уставы имѣли въ виду обезпечить скорѣйшее вступленіе въ законную силу приговоровъ по дѣламъ, производящимся въ мировомъ судѣ. На практикѣ требованіе предварительнаго, для сохраненія права жалобы на приговоръ, заявленія неудовольствія имъ оказалось крайне стѣснительнымъ для сторонъ,—въ особенности по дѣламъ, производящимся въ мировомъ съѣздѣ, такъ какъ къ разбирательству дѣла въ мировомъ съѣздѣ стороны, за исключеніемъ обвиняемыхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, за которыя въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ, не вызывались (ст. 157 у. у. с. въ редакціи 20 ноября 1864 г.) и, слѣдовательно, вовсе не знали о состоявшемся приговорѣ. На вытекавшее отсюда нерѣдко тягостное положеніе сторонъ, коимъ, безъ всякой ихъ вины (если какое-либо случайное обстоятельство помѣшало въ теченіе сутокъ заявить неудовольствіе приговоромъ) могъ быть прегражденъ путь къ дальнѣйшему отысканію правосудія въ высшей инстанціи, было обращено вниманіе министерства юстиціи представленіемъ А. Ѳ. Кони. Согласившись съ этимъ представленіемъ, министръ юстиціи Манасеинъ провелъ черезъ Государственный Совѣтъ отмѣну заявленія сторонами неудовольствія на приговоры мировыхъ судебныхъ установленій)[1].

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 15 февраля 1888 года, было измѣнено значеніе заочнаго разбирательства по уголовнымъ дѣламъ. Въ отличіе отъ общихъ судебныхъ учрежденій, заочное разбирательство по уголовнымъ дѣламъ въ мировомъ судѣ было допущено уже Судебными Уставами 1864 года. По дѣламъ о маловажныхъ проступкахъ, за которые въ законѣ опредѣлено наказаніе не свыше ареста, въ случаѣ неявки обвиняемаго по вызову или неприсылки повѣреннаго, мировой судья постановлялъ заочный приговоръ, копія съ котораго вручалась обвиняемому, съ правомъ подать отзывъ (просьбу о пересмотрѣ) въ двухнедѣльный срокъ. При вторичномъ разборѣ дѣла мировой судья, согласно установившейся практикѣ, обязанъ былъ вновь произвести всѣ судебныя дѣйствія, происходившія въ первоначальномъ по дѣлу засѣданіи, выслушать обвинителя, допросить свидѣтеля, предъявить сторонамъ письменныя доказательства и т. д. Благодаря этому, у обвиняемыхъ не было

---

[1]) Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1886 г., Спб., 1888 г., стр. 575—579.

побужденій являться въ судъ непремѣнно по первому вызову. Зная, что всѣ добытыя на судѣ данныя теряютъ всякое значеніе въ случаѣ подачи отзыва, обвиняемые предпочитали выждать заочнаго приговора и затѣмъ, если этотъ приговоръ оказывался несоотвѣтствующимъ ихъ расчету, требовать назначенія новаго разбора дѣла. Въ результатѣ большинство дѣлъ, по которымъ не требуется присутствіе обвиняемаго на судѣ, разсматривалось двукратно, что, конечно, было весьма обременительно и для судей, и для лицъ, вызываемыхъ въ судъ въ качествѣ обвинителей, свидѣтелей и т. п.[1]). Для устраненія этого естественнаго послѣдствія установившагося взгляда, что съ обращеніемъ дѣлъ, послѣ подачи обвиняемымъ отзыва, къ новому разсмотрѣнію не только приговоръ, постановленный при первомъ разбирательствѣ, но и тѣ доказательства, которыя были при немъ представлены явившейся стороной, теряютъ свою силу, законъ 15 февраля 1888 года постановилъ, что при новомъ разбирательствѣ «изъ допрошенныхъ уже свидѣтелей и свѣдущихъ людей вызываются къ сему разбирательству лишь тѣ, передопросъ коихъ мировой судья признаетъ необходимымъ» (ст. 140).

Законъ 15 февраля 1888 года, въ соотвѣтствіи съ правомъ обвиняемаго при извѣстныхъ условіяхъ, не являться по вызову суда, освободилъ, при мировомъ разбирательствѣ, отъ обязательной явки къ судьѣ и обвинителя по дѣламъ, не прекращаемымъ примиреніемъ, тогда какъ по Судебнымъ Уставамъ 1864 года, въ случаѣ неявки обвинителя по дѣлу такого рода, судья долженъ былъ приговорить его къ денежному взысканію и вызвать къ новому сроку. Это измѣненіе было произведено законодателемъ, главнымъ образомъ, «въ видахъ устраненія часто вполнѣ безполезной явки на судъ представителей полиціи или другихъ учрежденій по дѣламъ, кои, вслѣдствіе своей несложности, вовсе не требуютъ особыхъ объясненій на судѣ со стороны обвинителя»[2]).

Переходимъ къ новелламъ въ области гражданскаго процесса.

Въ 1877 году министръ юстиціи гр. Паленъ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ предположеніемъ о представленіи уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, а въ столицахъ и въ Одессѣ—думамъ взимать сборы съ гражданскихъ дѣлъ, производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ. Мотивируя свое предположеніе, министръ юстиціи ссылался, во-первыхъ, на ходатайство земскихъ собраній, указывавшихъ, что «содержаніе мирового суда, стоящаго земству весьма дорого, упадаетъ преимущественно на тотъ классъ, который менѣе всего пользуется этимъ судомъ, и поглощаетъ средства, необходимыя на другіе предметы первостепенной важности, каковы, напр., народное образованіе и общественное здравіе»[3]), и, во вторыхъ, на состоявшееся уже раньше введеніе судебныхъ пошлинъ въ судебно-мировыхъ установленіяхъ Западныхъ губерній. Министръ юстиціи

---

[1]) Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1888 г., С.-Пб., 1889 г., стр. 798—802.
[2]) Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1888 г., С.-Пб., 1889 г., стр. 803.
[3]) Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1877 г., С.-Пб., 1879 г., стр. 109.

предполагалъ сдѣлать введеніе судебныхъ сборовъ въ мировомъ судѣ не обязательнымъ, а факультативнымъ—въ зависимости отъ усмотрѣнія уѣзднаго земскаго собранія или городской думы (въ столицахъ и въ г. Одессѣ). Однако, Государственный Совѣтъ нашелъ такой порядокъ неудобнымъ: «судъ есть учрежденіе государственное, и, хотя мировыя судебныя установленія содержатся на счетъ земства, но такое отступленіе, допущенное исключительно въ интересахъ государственнаго казначейства, нисколько не измѣняетъ ихъ судебнаго характера; поэтому, всѣ предметы, относящіеся до порядка отправленія правосудія, и въ особенности предметы такой важности, какъ введеніе судебныхъ сборовъ и опредѣленіе ихъ размѣра, должны быть разрѣшаемы не мѣстными общественными учрежденіями, а властью законодательной, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ всего государства» [1]).

Установленные закономъ 10 мая 1877 года сборы были опредѣлены: 1) въ видѣ пошлины въ размѣрѣ одной копейки съ рубля, т.-е. вдвое больше по сравненію съ размѣромъ пошлины въ общихъ судахъ (50 коп. съ каждыхъ 100 руб.; ст. 848 уст. гр. суд. [2]), и 2) въ видѣ сбора съ бумаги по 10 коп. съ каждаго листа бумагъ, какъ поступающихъ отъ тяжущихся, такъ и исполнительныхъ листовъ, копій, рѣшеній, справокъ и т. п. Этимъ, несомнѣнно искажалась первоначальная идея Судебныхъ Уставовъ, творцы которыхъ стремились сдѣлать мировой судъ возможно болѣе доступнымъ.

Законъ 21 декабря 1887 года отмѣнилъ статью 30 уст. гр. суд., въ силу которой ограниченіе подсудности мировому судьѣ гражданскихъ дѣлъ цѣною иска и правиломъ, что предметомъ иска можетъ быть только движимое имущество, отпадало, если обѣ тяжущіяся стороны просили мирового судью о рѣшеніи ихъ дѣла по совѣсти. Законодатель, допуская вообще третейское разбирательство всякаго рода тяжбъ (за нѣкоторыми исключеніями) черезъ посредниковъ, избираемыхъ тяжущимися по взаимному между собою соглашенію, считалъ мировыхъ судей органами, наиболѣе пригодными для исполненія обязанности третейскаго судьи, и потому и помѣстилъ въ уставъ гражданскаго судопроизводства положеніе о правѣ мировыхъ судей, по просьбѣ тяжущихся, рѣшать окончательно *всякій* гражданскій споръ, тѣмъ самымъ какъ бы рекомендуя мировыхъ судей, какъ таковыхъ, т.-е. въ силу занимаемой ими должности, въ качествѣ посредниковъ. Однако, опытъ показалъ, что къ третейскому разбирательству мировыхъ судей обыкновенно прибѣгали лица, желавшія переукрѣпить имѣніе во избѣженіе платежа долговъ, продавцы недвижимости, когда они не имѣли крѣпостного акта, необходимаго для совершенія сдѣлки о продажѣ, покупатели имѣній, неимѣвшіе въ силу спеціальныхъ узаконеній права на пріобрѣтеніе имѣній, наконецъ, лица, предпочитавшія облечь сдѣлку о переходѣ права собственности на недвижимое имущество

---

[1]) Ibid., стр. 111.

[2]) Закономъ 3 іюля 1908 г. пошлина въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ повышена также до одной копейки съ каждаго рубля отыскиваемой суммы.

въ форму рѣшенія мирового судьи для того, чтобы не платить крѣпостныхъ пошлинъ и не дѣлать другихъ расходовъ, необходимыхъ для полученія крѣпостного акта [1]). Мировые судьи, не всегда умѣвшіе обнаружить дѣйствительную цѣль тяжущихся, становились орудіемъ для достиженія иногда даже преступныхъ цѣлей. Для того, чтобы впредь мировые судьи не освящали своимъ *судейскимъ* авторитетомъ дѣйствія, направленныя къ обходу закона и нарушенію интересовъ третьихъ лицъ, и было отмѣнено предусмотрѣнное въ ст. 30 уст. гражд. судопроизводства представлявшее собою видъ третейскаго суда «мировое разбирательство по совѣсти».

Теперь мы обращаемся къ законамъ, въ которыхъ проявилось критическое отношеніе къ основнымъ началамъ мирового суда по Судебнымъ Уставамъ, къ независимости мировыхъ судей и ихъ избираемости.

Составители Судебныхъ Уставовъ были много озабочены тѣмъ, чтобы «судьи были поставлены въ положеніе, сколь возможно болѣе независимое» [2]). Они имѣли въ виду прежде всего независимость отъ администраціи. Естественно, что въ отношеніи мировыхъ судей составители Судебныхъ Уставовъ не могли предоставить администраціи большаго права, чѣмъ право провѣрки съ формальной стороны списка лицъ, имѣющихъ право быть мировыми судьями. Иначе, при срочности избранія, судья въ своей дѣятельности становился бы въ зависимость отъ администраціи, если бы по истеченіи срока его службы администрація могла бы при новыхъ выборахъ своимъ отзывомъ о личности судьи помѣшать его избранію или утвержденію въ должности. Интересно отмѣтить, что когда были опубликованы основныя положенія преобразованія судебной части, то положеніе (15-ое) о повѣркѣ губернаторами списковъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, вызвало цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній и немало опасеній. «Не приличнѣе ли будетъ, спрашивалъ товарищъ предсѣдателя владимірской палаты уголовнаго суда—Пущинъ, возложить повѣрку списковъ на судебныя палаты, дабы совершенно отстранить всякое вліяніе административныхъ властей на судебную часть? [3])—«Для чего эта повѣрка?»—задавался вопросомъ другой товарищъ предсѣдателя палаты уголовнаго суда (симбирскаго),—«развѣ губернаторъ можетъ знать всѣхъ и каждаго? Эта формальность послужитъ только къ проволочкѣ времени, излишней перепискѣ и, вѣрнѣе всего, будетъ поводомъ къ интригамъ, которыя у насъ предъ всякими выборами имѣли бы мѣсто» [4]).

---

[1]) Отчетъ по Государственному Совѣту за 1887 г., С.-Пб., 1889 г., стр. 646—647.

[2]) Журн. соед. департ. Госуд. Сов., 1862 г., № 65, стр. 334.

[3]) Т. I, замѣчаній, стр. 54.

[4]) Т. I, замѣчаній, стр. 165. См. также замѣчанія симбирскихъ уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Грина (т. I, стр. 367), воронежскаго губернскаго угол. д. стряпчаго Малашаева (т. I, стр. 519), предсѣдателя витебской уголовной палаты Садовничаго (т. I, стр. 565), елабужскаго уѣзднаго судьи Горбалева (т. II, стр. 420), предсѣдателя бессарабскаго коммерческаго суда Гризова (т. IV, стр. 151), сорокскаго прокурора Голашевскаго (т. IV, стр. 161), воронежскаго уѣзднаго судьи Мишина.

Уже съ самаго начала дѣйствія мировыхъ учрежденій администрація проявила стремленіе подчинить выборы мировыхъ судей своему надзору не только со стороны формальной, но и съ точки зрѣнія благонадежности кандидатовъ. Уже въ 1867 году, когда въ Петербургѣ были назначены дополнительные выборы мировыхъ судей, губернаторъ предложилъ думѣ исключить трехъ лицъ, внесенныхъ въ кандидатскій списокъ, «по извѣстнымъ ему причинамъ». Дума не признала возможнымъ выполнить это предложеніе «по неуказанію причинъ» [1]).

Такимъ образомъ на этотъ разъ законъ послужилъ препятствіемъ для распространенія администраціею своего вліянія на составъ мировыхъ судей. Позднѣе Одесскій временный генералъ-губернаторъ гр. Тотлебенъ не встрѣтилъ такого препятствія. Не стѣсняясь закономъ, онъ въ 1879 г. писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, что онъ усилилъ власть губернаторовъ тѣхъ губерній, которыя были ему подчинены, поставивъ въ зависимость отъ губернатора всѣ назначенія на должности въ губерніи. Гр. Тотлебенъ свидѣтельствовалъ, что эта и другія примѣняемыя имъ мѣры имѣли успѣхъ, почему онъ считалъ необходимымъ удержать принятое имъ направленіе. Отчетъ гр. Тотлебена былъ переданъ въ комитетъ министровъ съ резолюціей Государя: «всѣ мѣры эти признаю дѣльными и цѣлесообразными». Комитетъ министровъ не могъ не отмѣтить, что установленный гр. Тотлебеномъ порядокъ, поскольку онъ былъ распространенъ и на мировыхъ судей, нарушаетъ права Сената, ибо по закону утвержденіе мировыхъ судей въ должности зависитъ только отъ сената, который разсматриваетъ единственно, удовлетворяютъ ли представленные ему кандидаты условіямъ, установленнымъ закономъ, не дѣлая имъ нравственной оцѣнки. Но въ виду «несомнѣннаго успѣха» мѣръ гр. Тотлебена, комитетъ министровъ рѣшилъ предоставить губернаторамъ право сообщать сенату свои замѣчанія о представляемыхъ ему кандидатахъ на должность мировыхъ судей, выразивъ при этомъ увѣренность, что, «конечно, сенатъ всегда будетъ принимать въ уваженіе эти замѣчанія» [2]). На этомъ основаніи было издано Высочайше утвержденное Положеніе комитета министровъ отъ 26 сентября 1879 года, въ силу котораго «Правительствующій Сенатъ, при разсмотрѣніи представленій объ утвержденіи въ должности мировыхъ судей, входитъ въ ближайшую оцѣнку и повѣрку представляемыхъ ему мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ отзывовъ, въ связи съ заключеніями по сему предмету министра юстиціи» [3]).

Новый законъ получилъ немедленное практическое примѣненіе. Уже

(т. IV, стр. 209), предсѣдателя гражданской и уголовной палаты въ Баку Значко-Яворскаго (т. IV, стр. 299), помѣщика Черниговской губ. Калиновскаго (т. IV, стр. 264—265), кутаисскаго губернскаго прокурора Корка-Швили (т. V, стр. 317).

[1]) В. И. Лихачевъ, op. cit., Ж. М. Ю., 1895 г., № 12, стр. 16—17.

[2]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, С.-Пб., 1902 г., стр. 154—155.

[3]) Мѣсто этого правила въ Сводѣ Законовъ не было опредѣлено; при изданіи же I и XVI томовъ Свода Законовъ въ 1892 году оно нашло себѣ мѣсто и въ ст. 126 учр. сен. и въ примѣч. подъ ст. 37 учрежд. суд. устан.

въ 1880 году сенатъ не утвердилъ, по одной Вятской губ., на основаніи отзывовъ мѣстной административной власти, восемь судей [1]).

Нѣкоторыхъ начальниковъ губерній и этотъ законъ еще не вполнѣ удовлетворилъ. Ярославскій губернаторъ въ 1885 году въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ выражалъ пожеланіе, чтобы избираемые мировые судьи не допускались къ отправленію ихъ обязанностей до утвержденія Правительствующимъ Сенатомъ. Однако, комитетъ министровъ, въ который былъ переданъ отчетъ Ярославскаго губернатора, счелъ нужнымъ, «такъ какъ мнѣніе Ярославскаго губернатора не было единичнымъ, и на практикѣ возникали постоянныя недоразумѣнія», оповѣстить всѣхъ начальниковъ губерній о томъ, что, по мнѣнію комитета, «существующій порядокъ допущенія мировыхъ судей къ отправленію должности не можетъ быть причиною неудовлетворительнаго состава мировыхъ судей, и что оставлять въ должности мировыхъ судей истекшаго трехлѣтія впредь до утвержденія новыхъ выборовъ было бы еще болѣе неудобно» [2]).

Составители Судебныхъ Уставовъ стремились обезпечить мировымъ судьямъ не только независимость отъ общей администраціи. «Для возвышенія должности мирового судьи» они признавали «необходимымъ поставить его внѣ всякаго вліянія подчиненности» [3]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ началомъ были построены правила о ревизіи мировыхъ судей и о надзорѣ за ними.

Относительно ревизіи Судебными Уставами (ст. 256 учр. суд. уст.) было принято, что ревизію мировыхъ установленій могутъ, кромѣ министра юстиціи, производить, по его порученію, только его товарищъ или члены судебныхъ палатъ. Какъ сказано въ объяснительной запискѣ 1863 г.(стр. 180), «ревизія судебнаго мѣста есть мѣра чрезвычайная, всегда болѣе или менѣе для него предосудительная... ревизуемое мѣсто становится къ ревизору въ отношеніе какъ бы обвиняемаго къ слѣдователю; а какъ здѣсь вопросъ касается всего суда, коего дѣйствія не подлежать иному контролю, кромѣ высшаго суда, то изъ сего слѣдуетъ, что за невозможностью производить ревизію всею коллегіею высшаго суда, ревизію судебнаго мѣста можно поручить только представителю высшаго суда, т. е. одному изъ членовъ онаго; такимъ образомъ, ни по цѣли ревизіи судебныхъ мѣстъ, ни по послѣдствіямъ оной, ни, наконецъ, по самому значенію суда, ревизія судебнаго мѣста посредствомъ чиновниковъ, не принадлежащихъ къ составу высшаго надъ тѣмъ мѣстомъ суда, *рѣшительно* не можетъ быть допущена».

Расходясь со взглядомъ составителей Судебныхъ Уставовъ, министръ юстиціи гр. Паленъ въ 1872 г. домогался расширенія круга лицъ, черезъ посредство которыхъ мин. юстиціи могъ бы производить ревизію мировыхъ

---

[1]) «Русск. Вѣд.», 1880 г. № 301. По словамъ «Русск. Вѣд.», «на другихъ судей эта катастрофа такъ повліяла, что они стали покидать службу».

[2]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, С.-Пб., 1902 г., т. IV, стр. 312—313.

[3]) Журн. Соед. Департ. 1862 г., № 65, стр. 311.

судебныхъ установленій (и окружныхъ судовъ). Считая, что ревизіи должны быть производимы возможно чаще не только для обнаруженія уклоненій въ дѣятельности судебныхъ мѣстъ отъ законнаго порядка, но и «для приведенія въ извѣстность полезной дѣятельности того или другого судебнаго мѣста», министръ юстиціи вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о дополненіи ст. 256 учр. суд. уст. По проекту министра юстиціи, производство ревизій мировыхъ судебныхъ установленій (равно какъ и окружныхъ судовъ) должно было быть предоставлено, кромѣ членовъ судебныхъ палатъ, предсѣдателямъ окружныхъ судовъ, оберъ-прокурорамъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, ихъ товарищамъ, прокурорамъ судебныхъ палатъ, ихъ товарищамъ и членамъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной. Однако, большинство государственнаго совѣта не сочло возможнымъ *формально* отступить отъ точки зрѣнія Судебныхъ Уставовъ на ревизію и осталось вѣрнымъ взгляду, что ревизія, кромѣ министра и его товарища, «можетъ быть производима только лицами, принадлежащими къ составу высшаго надъ тѣмъ мѣстомъ суда». Но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство государственнаго совѣта полагало дополнить ст. 256 правиломъ, что, независимо отъ обревизованія судебныхъ установленій, министру юстиціи предоставляется поручать обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ судебныхъ установленій,—«собственно съ цѣлью извлеченія изъ онаго необходимыхъ для министерства свѣдѣній», оберъ-прокурорамъ кассаціонныхъ департаментовъ, ихъ товарищамъ, прокурорамъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ окружнаго суда [1]). Въ этомъ смыслѣ и была измѣнена ст. 256 учр. суд. уст., при чемъ въ окончательной редакціи къ числу лицъ, черезъ которыхъ можетъ быть производимо обозрѣніе дѣлопроизводства, были присоединены и члены консультаціи министерства юстиціи. Такимъ образомъ, по существу, цѣль министерства юстиціи была отчасти достигнута, такъ какъ, задумавъ ревизію мирового судьи, мирового съѣзда или окружнаго суда, оно можетъ произвести ее (конечно, въ меньшемъ нѣсколько объемѣ) черезъ перечисленныхъ въ ст. 256 лицъ подъ видомъ обозрѣнія дѣлопроизводства «для приведенія въ извѣстность полезной дѣятельности» даннаго судебнаго мѣста.

Въ отношеніи надзора за мировыми судьями такъ же, какъ и за общими судебными учрежденіями, Судебными Уставами было усвоено начало, что надзоръ за судебными мѣстами можетъ проявляться не иначе, какъ черезъ коллегіальныя установленія. Исключеніе было сдѣлано для министра юстиціи, которому былъ ввѣренъ общій надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами имперіи (ст. 254).

Указанное начало было поколеблено закономъ 20 мая 1885 г., который ввѣрялъ старшему предсѣдателю судебной палаты широкую власть по *надзору* за мѣстными окружными судами, но мировые судьи и послѣ закона 20 мая 1885 г. остались внѣ надзора старшаго предсѣдателя палаты.

---

[1]) Отчетъ по Госуд. Сов. за 1872 г., стр. 5—7.

Такое положеніе вещей не удовлетворяло министерство юстиціи, и оно не разъ испрашивало сепаратныя Высочайшія повелѣнія, коими отдѣльнымъ старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ предоставлялось право ревизіи, *по собственной инициативѣ*, мировыхъ судебныхъ установленій въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ; изъ права же ревизіи старшими предсѣдателями палатъ выводилось и право надзора за мировымъ судомъ [1]). Такъ, старшій предсѣдатель Кіевской судебной палаты А. М. Кузьминскій въ Особомъ Совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ 21 декабря 1894 г. сообщилъ, что, такъ какъ изъ права ревизіи вытекаетъ необходимость имѣть періодическія свѣдѣнія о дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій, то онъ по вступленіи своемъ въ должность немедленно предложилъ мировымъ съѣздамъ представлять ему полугодовыя вѣдомости о состояніи дѣлопроизводства судей и съѣздовъ и о каждомъ случаѣ обнаруженнаго безпорядка въ дѣлопроизводствѣ участковаго судьи. А. М. Кузьминскій не остановился даже передъ привлеченіемъ общей администраціи къ наблюденію за мировыми судьями: онъ обратился къ Кіевскому генералъ-губернатору и къ начальникамъ губерній, входящихъ въ составъ Кіевскаго судебнаго округа, съ просьбой «сообщать ему о всѣхъ доходящихъ до нихъ свѣдѣніяхъ, указывающихъ на неправильный, либо предосудительный образъ дѣйствій мировыхъ судей» [2]). Съ своей стороны, Л. И. Карновичъ сообщилъ, что, будучи прокуроромъ Виленской судебной палаты, онъ, по просьбѣ старшаго предсѣдателя палаты, производилъ иногда негласныя дознанія по обстоятельствамъ, касавшимся «чиновъ мирового института» [3]).

Привлеченіе губернаторовъ къ наблюденію за дѣятельностью мировыхъ судей, негласное дознаніе,—какъ все это мало согласовалось съ представленіемъ составителей Судебныхъ Уставовъ о достоинствѣ и о высокомъ званіи судьи. Нашлись, впрочемъ, и въ составѣ особаго совѣщанія лица, которыя пытались, по крайней мѣрѣ, выборныхъ мировыхъ судей освободить отъ гласнаго и тайнаго надзора старшаго предсѣдателя палаты. Такъ, старшій предсѣдатель московской судебной палаты (А. Н. Поповъ) и прокуроръ харьковской (В. В. Давыдовъ), а также сенаторъ В. Р. Завадскій выразили сомнѣніе въ необходимости надѣленія правомъ ревизіи предсѣдателей палатъ въ округахъ тѣхъ палатъ, въ которыхъ имѣются только выборные мировые судьи, такъ какъ проявленіе въ дѣйствительности надзора старшаго предсѣдателя за дѣятельностью мировыхъ судей вызываетъ только безплодныя столкновенія представителей судебной власти съ органами городского и земскаго общественнаго управленія [4]).

---

[1]) Труды Высоч. учр. комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. С.-Пб., т. I, стр. 80 и слѣд.

[2]) Труды Высочайше учрежд. комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, С.-Пб. 1895 г., т. I, стр. 80—84.

[3]) Ibid., стр. 85.

[4]) Труды Высочайше учрежд. комиссіи для пересмотра законополож. по суд. части, С.-Пб. 1895 г., т. I, стр. 81—82.

«Переоцѣнка цѣнностей», созданныхъ Судебными Уставами, характерно сказалась въ отношеніи власти къ скромному праву мировыхъ судей дѣлать предостереженія полицейскимъ чиновникамъ въ случаѣ неисполненія полиціею обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мировыхъ судей. Это право мировыхъ судей естественно вытекало изъ другого предоставленнаго имъ права: давать мѣстной полиціи порученія; давая полиціи порученія, мировые судьи должны располагать и средствами понуждать полицію къ своевременному и точному ихъ исполненію. Поэтому, казалось бы, не только въ «цѣнности», но и въ безусловной необходимости полномочія мировыхъ судей дѣлать полиціи предостереженія нельзя сомнѣваться. Съ тѣмъ большимъ удивленіемъ читатель, незнакомый съ исторіей ст. 53 уст. угол. суд., которая надѣляла мировыхъ судей этимъ полномочіемъ, узнаетъ, что отмѣна его понадобилась въ цѣляхъ... борьбы съ революціонными партіями. Когда вслѣдствіе цѣлаго ряда покушеній на жизнь государя Александра II и нѣкоторыхъ государственныхъ лицъ, а равно широкаго проявленія дѣятельности соціально-революціонной партіи было учреждено подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева особое совѣщаніе, то въ выработанномъ имъ планѣ борьбы съ революціонными элементами общества первое мѣсто занимало усиленіе полиціи. Для этого предлагалось: «а) отмѣнить право мировыхъ судей давать полицейскимъ чинамъ предостереженіе, ибо этимъ правомъ *коронная* полицейская власть ставится въ нравственную зависимость отъ *выборной* судебной; б) дать полиціи право приносить жалобы на мировыхъ судей мировымъ съѣздамъ прямо, а не черезъ товарищей прокурора; в) пересмотрѣть вообще узаконенія о мировыхъ судьяхъ».

Комитетъ министровъ, въ которомъ предположенія особаго совѣщанія разсматривались въ іюнѣ и въ іюлѣ 1879 г., согласился съ первымъ и вторымъ пунктами, а по третьему пункту—въ виду заявленія министра юстиціи Набокова, что работы по пересмотру узаконеній о мировыхъ судьяхъ уже начаты, постановилъ поручить ст.-секр. Набокову привести это дѣло возможно скорѣе къ концу. Заключенія комитета министровъ по вопросамъ, возбужденнымъ особымъ совѣщаніемъ, были доложены государю, который положилъ резолюцію: «исполнить съ тѣмъ, чтобы о ходѣ разработки возбужденныхъ вопросовъ было мнѣ доносимо ежемѣсячно черезъ I отдѣленіе моей канцеляріи» [1]).

Изъ «Отчета по государственному совѣту за 1879 г.» мы узнаемъ, что тотъ же вопросъ объ отмѣнѣ права мировыхъ судей дѣлать предостереженія полиціи былъ поднятъ въ учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой комиссіи для обсужденія вопросовъ, касающихся отношеній администраціи къ судебнымъ установленіямъ. Свое заключеніе о необходимости отмѣнить указанное право мировыхъ судей комиссія сообщила министерству юстиціи. Послѣднее, не возражая противъ предположенной

---

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, С.-Пб. 1902 г., стр. 145—152.

комиссіей мѣры, сочло, однако, ее цѣлесообразной лишь при условіи устройства для полицейскихъ чиновъ особаго дисциплинарнаго суда. Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, не возражая противъ учрежденія въ будущемъ дисциплинарнаго суда для полиціи, настаивалъ на необходимости пока ограничиться разрѣшеніемъ вопроса о болѣе правильной постановкѣ отношеній мировыхъ судей къ полиціи съ тѣмъ, чтобы дѣла по усмотрѣннымъ мировыми судьями неправильнымъ дѣйствіямъ полиціи были сосредоточены у прокурорскаго надзора. «При ближайшемъ обсужденіи» отзыва министерства внутреннихъ дѣлъ, управляющій министерствомъ юстиціи согласился съ нимъ и «призналъ нужнымъ постановить, чтобы мировые судьи, въ случаѣ неисполненія полиціею возложенныхъ на нее, по производству дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, обязанностей, не ставили ей на видъ сами непосредственно допущенныя ею упущенія, но сообщали о нихъ прокурору или товарищу прокурора мѣстнаго окружнаго суда». Соотвѣтствующій проектъ и былъ внесенъ въ государственный совѣтъ съ приложеніемъ оправдывающихъ его «свѣдѣній», изъ которыхъ слѣдовало, что «мировые судьи, возлагая на должностныхъ лицъ полиціи порученія, или вовсе не сопровождали сіи послѣднія указаніями о порядкѣ и способѣ исполненія оныхъ, или же давали при этомъ разъясненія столь разнообразныя, что полицейскіе чины рѣшительно были лишены возможности составить себѣ ясное и твердое понятіе о томъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить въ тѣхъ или другихъ случаяхъ», изъ чего «проистекали обыкновенно такія пререканія между судьями и полиціей, которыя роняютъ достоинство властей судебной и административной и крайне невыгодно отражаются на ходѣ отправленія правосудія». Государственный совѣтъ согласился съ министерствомъ юстиціи, причемъ пошелъ даже дальше первоначальнаго предположенія учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи для обсужденія недоразумѣній, касающихся отношеній администраціи къ судебнымъ установленіямъ. Комиссія считала возможнымъ сохранить за мировыми судьями право дѣлать предостереженія чинамъ сельской и волостной полиціи. Государственный совѣтъ «предпочелъ дѣйствія проектируемаго порядка (т.-е. сосредоточеніе въ рукахъ прокуратуры дѣлъ по надзору за дѣйствіями полиціи, имѣющими судебно-исполнительный характеръ) распространить на всѣхъ лицъ, исполняющихъ въ кругу своего вѣдомства полицейскія обязанности» [1]).

Въ результатѣ право мировыхъ судей дѣлать полиціи предостереженіе было отмѣнено, а выработанныя министерствомъ юстиціи «подробныя соображенія» объ усиленіи отвѣтственности полицейскихъ чиновъ за упущенія или неправильный образъ дѣйствій при исполненіи судебнополицейскихъ обязанностей и понынѣ остались только «соображеніями».

Кромѣ изложенныхъ законовъ, заслуживаетъ вниманія и одинъ законопроектъ, непринятый государственнымъ совѣтомъ, но содержавшій

---

[1]) Отчетъ по гос. сов. за 1897 г., С.-Пб., 1881 г., стр. 288—292.

въ себѣ идею, впослѣдствіи нашедшую себѣ примѣненіе, несравненно худшее, чѣмъ то, которое въ немъ предполагалось. Высочайше утвержденнымъ 25 іюня 1870 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта министру юстиціи было предоставлено составить и внести на разсмотрѣніе совѣта предположенія относительно мѣръ для устраненія затрудненій, проистекающихъ отъ чрезмѣрнаго размноженія дѣлъ кассаціонныхъ департаментовъ сената.

Министръ юстиціи гр. Паленъ нашелъ, что самою дѣйствительною для этого мѣрою было бы учрежденіе, для разсмотрѣнія просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ мировыхъ съѣздовъ, особыхъ присутствій въ губернскихъ городахъ, подъ названіемъ губернскихъ мировыхъ судовъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя мѣстнаго окружнаго суда, изъ двухъ коронныхъ судей (товарища предсѣдателя и члена окружнаго суда) и трехъ мировыхъ судей. Этимъ губернскимъ мировымъ судамъ должно было, по проекту министра юстиціи, быть предоставлено отказывать въ жалобахъ, признанныхъ неосновательными съ тѣмъ, чтобы въ случаяхъ, когда они найдутъ жалобу заслуживающею уваженія, дѣло было бы представляемо на окончательное разрѣшеніе сената. Однако, государственный совѣтъ не счелъ возможнымъ столь рѣшительно отступить отъ установленнаго Судебными Уставами коренного начала, согласно которому сенатъ признается единымъ у насъ верховнымъ кассаціоннымъ судомъ. Правда, по проекту министерства юстиціи, губернскимъ мировымъ судамъ предполагалось предоставить лишь отклоненіе ходатайствъ объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ (но не отмѣну послѣднихъ), однако, отъ этого предположенная дѣятельность губернскихъ мировыхъ судовъ не утрачивала кассаціоннаго характера и руководящаго значенія; отклоненіе кассаціонной жалобы въ большинствѣ случаевъ равносильно признанію обжалованнаго постановленія ненарушающимъ ни законовъ, ни существенныхъ обрядовъ судопроизводства, и мировой съѣздъ въ случаѣ такого отклоненія имѣлъ бы полное право считать свое толкованіе законовъ правильнымъ и одобреннымъ кассаціонною инстанціею, а потому и принять его къ руководству на будущее время; между тѣмъ, губернскіе мировые суды не могли бы дать руководящаго направленія мировымъ съѣздамъ уже въ силу ихъ многочисленности и неизбѣжности разнообразія ихъ рѣшеній. Для предупрежденія этого неудобства, министръ юстиціи испрашивалъ предоставленія ему права предлагать на уваженіе правительствующаго сената вопросы, разрѣшаемые не одинаково въ разныхъ мѣстахъ или возбуждающихъ на практикѣ сомнѣнія. Однако, по убѣжденію государственнаго совѣта, средство это не вполнѣ устранило бы указанное неудобство: для примѣненія его необходимо было бы доставлять копіи всѣхъ опредѣленій губернскихъ мировыхъ судовъ въ министерство юстиціи, которое въ свою очередь обязано было бы всѣ ихъ просматривать; для такой ревизіи нужно было бы учредить, въ составѣ министерства, особую комиссію; «притомъ неодинаковыхъ рѣшеній оказывалось бы, по всей вѣроятности, немалое число, а вслѣдствіе того кассаціоннымъ департаментамъ, въ которые передавались бы возбуждаемые подобными рѣшеніями

вопросы, едва ли предстоялъ бы значительно меньшій трудъ, нежели тотъ, который возложенъ на нихъ и теперь» [1]).

Такимъ образомъ, въ 1877 г. государственный совѣтъ не рѣшился поколебать одно изъ основныхъ началъ Судебныхъ Уставовъ, но то, что казалось невозможнымъ въ 1877 г., какъ извѣстно, оказалось возможнымъ черезъ 12 лѣтъ; кассаціонная функція была раздроблена между губернскими присутствіями еще менѣе удовлетворительнаго состава (съ точки зрѣнія нормальныхъ требованій, предъявляемыхъ къ судьѣ), чѣмъ тотъ, который намѣчался гр. Паленомъ. Этимъ губернскимъ присутствіямъ была предоставлена бо́льшая власть, чѣмъ та, которою, по проекту гр. Палена, облекались губернскіе мировые суды, а именно власть не только оставлять жалобы безъ уваженія, но и самостоятельно отмѣнять рѣшенія второй инстанціи мѣстнаго суда въ случаѣ признанія жалобы заслуживающей уваженія; для установленія же единообразія въ примѣненіи законовъ губернскими присутствіями была установлена та самая мѣра, которую проектировалъ гр. Паленъ, и которую государственный совѣтъ въ 1877 г. призналъ совершенно непригодною: передача министромъ юстиціи рѣшеній губернскихъ присутствій для пересмотра въ сенатъ всякій разъ, когда изъ дошедшихъ до него свѣдѣній онъ усмотритъ, что губернское присутствіе допустило явное отступленіе отъ истиннаго смысла закона (Прим. къ ст. 123 полож. о земск. нач. и ст. 119[5] учр. суд. уст.).

VII.

Причины крушенія мирового суда въ 1889 г. Замѣна мировыхъ судебныхъ установленій судебно-административными учрежденіями. Успѣшная дѣятельность выборныхъ мировыхъ судей тамъ, гдѣ они сохранились.

Потери, причиненныя мировому суду рядомъ новеллъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ замысломъ составителей Судебныхъ Уставовъ, были ничтожны по сравненію съ тѣмъ ударомъ, который ихъ ожидалъ. Съ наступленіемъ реакціи въ 80-хъ годахъ судъ, по остроумному замѣчанію К. К. Арсеньева, занялъ мѣсто Золушки въ семьѣ русскихъ государственныхъ учрежденій [2]), а судебное вѣдомство пріобрѣло репутацію «судебной республики» и въ качествѣ таковой было взято подъ подозрѣніе. Въ составѣ же судебнаго вѣдомства мировой судъ едва ли не въ большей еще мѣрѣ, чѣмъ судъ присяжныхъ, раздражалъ тѣхъ, кто, находя реформы Александра II слишкомъ смѣлыми, стоялъ за исправленіе допущенныхъ въ нихъ, по увлеченію, «ошибокъ».

---

[1]) Отчетъ по госуд. совѣту за 1877 г., С.-Пб., 1879 г., стр. 12—22.

[2]) «Изъ общественной хроники», въ «Вѣстн. Европы», 1886 г., стр. 864.

Уже въ 70-хъ годахъ стало опредѣленно проявляться отрицательное отношеніе правительства къ выборнымъ мировымъ судьямъ. Въ 1872 году Кіевскій генералъ-губернаторъ, кн. Дундуковъ-Корсаковъ писалъ о выборной мировой юстиціи: «выборные мировые судьи весьма часто составляютъ не поддержку правительству, а предметъ новыхъ затрудненій и придирчивыхъ пререканій съ администраціею». Противъ этого отзыва Государемъ была сдѣлана помѣтка: «совершенно справедливо, какъ мы видимъ изъ грустныхъ опытовъ». Далѣе кн. Дундуковъ-Корсаковъ продолжалъ: «мнимая независимость выборныхъ судей на дѣлѣ замѣняется полнымъ подчиненіемъ ихъ направленію той среды, которая содѣйствовала ихъ выбору, чего не встрѣчается въ положеніи судей по назначенію, лишь бы администрація, сознавая всю важность воспитательнаго значенія мирового института для общества и несомнѣнную государственную пользу этой реформы, умѣла бы сознательно отречься отъ прежнихъ формъ личнаго произвола и подчиниться реформѣ» [1]).

Въ 1873 г. при обсужденіи въ комитетѣ министровъ представленій комиссіи, учрежденной для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, бывшій въ то время министромъ государственныхъ имуществъ П. А. Валуевъ находилъ нужнымъ повсюду, по примѣру западныхъ губерній, вмѣсто избранія судей ввести ихъ назначеніе, такъ какъ «повсюду раздаются жалобы на выборныхъ мировыхъ судей,— въ особенности же въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ извѣстное большинство мѣстныхъ дѣятелей сплотилось въ тѣсную партію, члены которой выбираютъ самихъ себя и себѣ самимъ назначаютъ содержаніе въ ущербъ имущественнымъ и нравственнымъ интересамъ населенія». Предположеніе Валуева о введеніи повсюду мировыхъ судей по назначенію встрѣтило, впрочемъ, возраженіе со стороны гр. Палена, указавшаго, что «министерство юстиціи не можетъ принять на себя отвѣтственности за выборъ такого значительнаго числа низшихъ судебныхъ лицъ» [2]).

Въ печать все чаще и чаще стали проникать слухи о предстоящей замѣнѣ выборныхъ мировыхъ судей судьями по назначенію. Но вмѣсто такой замѣны случилось то, чего никто не ожидалъ: замѣна мировыхъ судебныхъ установленій судебно-административными учрежденіями.

Хотя реформа 12 іюля 1889 г. превзошла даже ожиданія тѣхъ, кто ее добивался, нельзя все же сказать, что она не была подготовлена новымъ сословнымъ курсомъ правительственной политики въ 80-хъ годахъ.

Мировой судъ—судъ всесословный въ двоякомъ смыслѣ,—по своему вѣдомству, такъ какъ ему подвѣдомственны лица всѣхъ сословій, и по своему личному составу: право быть избраннымъ на должность мирового судьи не составляетъ привилегіи какого-либо сословія. Мировой судъ не имѣлъ ничего общаго съ надеждами и вожделѣніями тѣхъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, которые въ періодъ работъ по освобожденію крестьянъ и устрой-

---

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ, т. III, ч. 1, стр. 104.
[2]) Ibid., стр. 103.

ству ихъ предлагали надѣлить мѣстныхъ помѣщиковъ, въ качествѣ мировыхъ судей, попечителей и т. п. полномочіями, въ извѣстной мѣрѣ возмѣщающими утрату крѣпостного права [1]). Поэтому, естественнымъ представляется недовольство значительной части помѣстнаго дворянства новымъ мировымъ судомъ. «Мировые судьи,—писали уже въ Высочайше учрежденную, такъ называемую Валуевскую комиссію 1871 года землевладѣльцы Могилевской, Гродненской и Минской губерній,—люди чужіе, не ознакомленные ни съ мѣстными жителями, ни съ мѣстными нравами. Только серьезные землевладѣльцы, назначенные въ мировые судьи, ограждаютъ собственность, придерживаются закона и справедливости. Большинство же мировыхъ судей не владѣетъ вовсе поземельной собственностью, или только для формы какими-нибудь клочками земли, не обезпечивающими ихъ существованія». Помѣщики-землевладѣльцы жаловались на то, что новые суды распустили народъ, что въ крестьянской средѣ ослабѣло уваженіе къ чужой собственности и къ чужимъ правамъ [2]).

По представленію П. А. Валуева, комитетъ министровъ уже въ 1873 году положилъ предоставить министерствамъ «разсмотрѣть, какъ усилить сельско-полицейскую власть, упростить судебное разбирательство и увеличить число первыхъ судебныхъ инстанцій» [3]).

Съ началомъ новаго царствованія всѣ недовольные «антисословной политикой» Александра II и мечтавшіе о revanche'ѣ за отмѣну крѣпостного права, получили серьезные шансы на осуществленіе ихъ давнишнихъ пожеланій. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 21 апрѣля 1885 года, изданномъ по случаю столѣтія жалованной грамоты дворянству, признавалось за благо, «чтобы россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда».

Кругъ идей, которыми опредѣлялся курсъ новой, откровенно сословной политики, съ большою опредѣленностью выраженъ въ извѣстной брошюрѣ А. Д. Пазухина «Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ» (1886 г.). Въ ней объявлялось «великимъ зломъ» реформъ царствованія Александра II то, что онѣ разрушили сословную организацію Россіи, рекомендовалось «возвратить дворянству его *права*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности по государственной и земской службамъ». Тогда, обѣщалъ авторъ, «прекратятся всѣ недоразумѣнія между дворянствомъ и крестьянствомъ, а на элементы безсословной Руси будетъ наложена узда».

Въ качествѣ вліятельнаго члена комиссіи статсъ-секретаря Каханова, образованной въ 1884 г. для составленія проекта преобразованія губернскаго и уѣзднаго административнаго управленія, а затѣмъ въ качествѣ правителя дѣлъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, Пазухинъ

---

[1]) Объ этихъ проектахъ см. К. Я. Кожухаръ, «Земскіе начальники» въ «Вѣстникѣ Права» 1905 г., № 5.

[2]) В. Фуксъ, «Судъ и полиція», ч. II, стр. 105.

[3]) «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ», С.-Пб., 1902 г., стр. 105.

имѣлъ возможность содѣйствовать проведенію въ жизнь своихъ идей въ конкретной формѣ проекта учрежденія замѣщаемой представителями дворянства должности «участковаго», на котораго долженъ быть возложенъ надзоръ надъ крестьянскимъ управленіемъ, и который долженъ соединять административную власть съ судебной компетенціей мировыхъ судей.

Идея соединенія судебной власти и административной на мѣстахъ, кромѣ А. Д. Пазухина, отстаивалась и другими вліятельными лицами, имѣвшими возможность высказать въ 80-хъ годахъ свои пожеланія при обсужденіи земствами вопроса о крестьянской реформѣ («Матеріалы по преобразованію мѣстнаго управленія въ губерніяхъ, доставленные губернаторами, земствомъ и присутствіями по крест. дѣламъ», Спб., 1883 г. [1]). Такъ, по проекту Д. Ѳ. Самарина, бывшему на разсмотрѣніи уѣздныхъ земскихъ собраній Московской губерніи, во главѣ волости долженъ былъ быть поставленъ волостной мировой судья, совмѣщающій въ себѣ судебную и административную власть. Городищенское уѣздное земское собраніе Пензенской губ. приняло резолюцію о соединеніи должности мирового судьи съ обязанностями непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и о присвоеніи мировымъ судьямъ правъ, коими пользовались прежде мировые посредники. Въ комиссіи Тверского губернскаго земства С. Д. Квашнинъ-Самаринъ высказался за возложеніе наблюденія надъ крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ на мировыхъ судей, какъ на попечителей волости. Этотъ проектъ Квашнина-Самарина былъ подвергнутъ критикѣ въ особомъ мнѣніи гласныхъ Тверского земства Н. А. Чаплина и В. А. Гольцева; по ихъ мнѣнію, мировой судья, облеченный, кромѣ судебныхъ, административными полномочіями, явится обладателемъ такихъ правъ, что его значеніе въ мѣстности будетъ во многихъ отношеніяхъ напоминать значеніе помѣщика до отмѣны крѣпостного права; ставъ, какъ этого хотѣлъ Квашнинъ-Самаринъ, попечителемъ волости и хозяиномъ участка, онъ совершенно свяжетъ по рукамъ и ногамъ крестьянское самоуправленіе.

Въ литературѣ, враждебной мировому институту и подготовившей его крушеніе, должна быть отмѣчена книга В. Фукса «Судъ и полиція» (1889 г.). Отличающаяся внѣшними признаками серьезнаго труда, каковы многочисленныя ссылки на иностранную литературу, историческіе экскурсы, авторитетный языкъ, но изобилующая ошибками [2]), книга эта суммировала всѣ возраженія, которыя дѣлались противъ судебной реформы Александра II

---

[1]) Выдержки приведены въ статьѣ В. М. Гессена, Генезисъ института земскихъ начальниковъ, напеч. въ его книгѣ «Вопросы мѣстнаго управленія», С.-Пб., 1904 г.

[2]) Только въ видѣ примѣра укажемъ одно изъ заблужденій автора. На стр. 201 онъ злорадствуетъ: «Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 г., забывъ, что они сами признавали въ цензѣ обезпеченіе самостоятельности мировыхъ судей, кончили тѣмъ, что провозгласили слѣдующій афоримъ: «чѣмъ шире будетъ кругъ, изъ котораго можно будетъ избирать на важную должность мировыхъ судей..., тѣмъ болѣе обезпечится и возможность привлеченія къ этимъ обязанностямъ лучшихъ и достойнѣйшихъ людей». Въ дѣйствительности, цитированный авторомъ афоризмъ заимствованъ вовсе не изъ соображеній составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 г., а изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 18 марта 1866 г. (см. выше

и придавала имъ quasi-научное обоснованіе. Мировой судъ въ ней объявлялся «самымъ искусственнымъ, пожалуй, самымъ оригинальнымъ, но въ то же время и самымъ несостоятельнымъ произведеніемъ судебной реформы 1864 года» [1]).

Результатомъ компаніи, въ которой на долю А. Д. Пазухина выпало быть застрѣльщикомъ, было учрежденіе въ 1889 году должности участковаго земскаго начальника. По проекту о земскихъ начальникахъ, внесенному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ, упраздненіе должности мирового судьи не предполагалось. Земскому начальнику, будущему органу крестьянскаго управленія, присваивалась проектомъ лишь незначительная судебная компетенція, распространявшаяся на дѣла, имѣвшія тѣсную связь съ сельско-хозяйственными интересами населенія (по найму рабочихъ, отдачѣ въ наемъ земель, лѣснымъ порубкамъ, возстановленію нарушеннаго владѣнія и т. п.), а равно на нѣкоторые простушки, нарушающіе благочиніе и благоустройство въ сельскихъ мѣстностяхъ. Упраздненіе мировыхъ судей было предрѣшено лично государемъ Александромъ III резолюціей, положенной имъ 28 января 1889 года на представленной ему меморіи государственнаго совѣта по вопросу, «слѣдуетъ ли предположенное учрежденіе земскихъ начальниковъ образовать съ характеромъ спеціальнаго органа крестьянскаго управленія, или не представляется ли болѣе цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ обнаружившейся на практикѣ потребности присвоить названнымъ должностямъ значеніе органа, входящаго въ общую систему мѣстныхъ административныхъ установленій?». Государь написалъ: «Соглашаясь съ мнѣніемъ 13 членовъ (отстаивавшихъ возложеніе на земскихъ начальниковъ спеціальной задачи завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ), *желаю, чтобы мировые судьи въ уѣздахъ были упразднены, для того, чтобы обезпечить нужное количество надежныхъ земскихъ начальниковъ въ уѣздѣ и облегчить уѣзду тяжесть платежей.*— Часть дѣлъ мировыхъ судей можетъ перейти къ земскимъ начальникамъ и въ волостные суды, а меньшая часть, болѣе важныя дѣла, могли бы отойти къ окружнымъ» [2]).

Такимъ образомъ, мировые судьи обрекались на упраздненіе исключительно по соображеніямъ финансоваго свойства [3]).

стр. 191). Авторъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что мнѣніе это приведено въ изданіи государственной канцеляріи: «Судебные Уставы 20 ноября 1864 года съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны» (подъ ст. 19).

[1]) Часть 1-я, стр. 237.

[2]) Отчетъ по государственному совѣту за 1889 годъ, С.-Пб., 1891 г., стр. 7—36.

[3]) Совершенно непонятно, какимъ образомъ лица, точно знающія исторію упраздненія мировыхъ судей, рѣшались утверждать, что причиною его крушенія были его недостатки. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи государственнаго совѣта 5 марта 1912 года бывшій товарищъ министра юстиціи Манухинъ говорилъ: «главнымъ поводомъ къ указаніямъ на неудачную дѣятельность мирового института и главнѣйшимъ основаніемъ окончательнаго крушенія его въ 1889 году были тѣ нареканія, которыя падали на устройство апелляціонной инстанціи по дѣламъ мировой подсудности». Стеногр. отч. государственнаго совѣта, сессія седьмая. С.-Пб.,1912 г., стлб. 2471.

Такъ какъ судебныя дѣла, которыя предполагалось отнести къ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ въ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, составляли менѣе четверти всѣхъ производящихся у мировыхъ судей дѣлъ, то государственному совѣту пришлось заняться вопросомъ о распредѣленіи остальныхъ трехъ четвертей дѣлъ мировыхъ судей. Государственный совѣтъ съ самаго начала ясно представлялъ себѣ тѣ затрудненія, которыя вызывались Высочайшею резолюціей. Государь хотѣлъ, чтобы часть дѣлъ мировыхъ судей отошла къ волостнымъ судамъ, но,—читаемъ въ отчетѣ государственнаго совѣта,—«едва ли волостные суды, неудовлетворительность коихъ сознается всѣми, едва ли суды эти, состоящіе изъ трехъ безграмотныхъ крестьянъ, *даже и послѣ какого либо*, невыясненнаго, впрочемъ, *усовершенствованія ихъ*, были бы въ состояніи отправлять правосудіе, выходящее изъ предѣловъ тѣснаго круга мелкихъ сословно-крестьянскихъ дѣлъ». Съ другой стороны, «передать дѣла мировыхъ судей окружнымъ судамъ (что также было предположено въ Высочайшей резолюціи) значило удалить судъ отъ населенія нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ, значило сдѣлать судъ очень дорого стоящимъ населенію» [1]). Обсужденіе способовъ наиболѣе удобнаго осуществленія Высочайшей воли государственный совѣтъ поручилъ тремъ министрамъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ.

Во исполненіе порученія государственнаго совѣта министръ юстиціи сенаторъ Манасеинъ 13 мая 1889 г. внесъ, по соглашенію съ двумя другими названными министрами, въ государственный совѣтъ проектъ узаконеній объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, на которыя предположено распространить дѣйствіе положенія объ участковыхъ земскихъ начальникахъ. Въ этомъ наспѣхъ составленномъ проектѣ, исходившемъ изъ предположенія, что не только уѣзды, но и часть городскихъ поселеній, войдутъ въ составъ земскихъ участковъ, имѣлось въ виду сохранить должность участковыхъ мировыхъ судей во всѣхъ губернскихъ городахъ и въ наиболѣе населенныхъ изъ числа уѣздныхъ и безуѣздныхъ, а въ уѣздахъ поручить разсмотрѣніе дѣлъ, превышающихъ компетенцію земскихъ начальниковъ, судебнымъ слѣдователямъ на правахъ мировыхъ судей. «При этомъ, не усматривая достаточныхъ основаній сохранять выборное начало для тѣхъ немногихъ участковыхъ судей, которые оставались бы въ городскихъ поселеніяхъ, сенаторъ Манасеинъ полагалъ замѣщать эти должности отъ правительства и уравнять ихъ относительно служебныхъ преимуществъ, порядка подчиненности и отвѣтственности съ судебными слѣдователями» [2]). Что касается почетныхъ мировыхъ судей, то министръ юстиціи находилъ возможнымъ сохранить ихъ, какъ для городовъ, такъ и для уѣздовъ и при томъ при прежнемъ порядкѣ ихъ избранія. Для исполненія лежавшихъ на мировыхъ съѣздахъ обязанностей по дѣламъ, производящимся у мировыхъ судей въ городахъ, а равно по судебнымъ дѣламъ, подчиняемымъ разрѣше-

---

[1]) Ibid., стр. 37—38.
[2]) Ibid., стр. 59—60.

нію судебныхъ слѣдователей, министръ юстиціи проектировалъ образовать уѣздныя отдѣленія окружнаго суда, въ которыхъ должны были бы предсѣдательствовать особо для того назначенные члены окружныхъ судовъ, и засѣдать въ качествѣ членовъ мѣстные судебные слѣдователи и почетные участковые и добавочные мировые судьи [1]).

Соединенные департаменты государственнаго совѣта (законовъ, экономіи и гражданскій) нашли, что проектъ министерства юстиціи имѣетъ свои «слабыя стороны, совершенно понятныя при той спѣшности, съ которою разрабатывался настоящій вопросъ» [2]), и прежде всего, что возложеніе на судебныхъ слѣдователей разбора дѣлъ мѣстной юстиціи было бы соединено съ весьма существенными неудобствами: «по всякой кражѣ, хотя бы самой ничтожной, по всякому мелкому гражданскому дѣлу, хотя бы въ нѣсколько рублей, если оно не принадлежитъ къ числу тѣхъ родовъ дѣлъ, разбирательство которыхъ предоставляется земскимъ начальникамъ, пришлось бы обращаться къ судебному слѣдователю, большею частью живущему весьма далеко» [3]).

Въ результатѣ переработки въ Государственномъ Совѣтѣ законопроектовъ о земскихъ начальникахъ и объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, на которыя предположено распространить положеніе о земскихъ начальникахъ, была создана продолжающая и нынѣ дѣйствовать система судебно-административныхъ учрежденій. Мировой судья въ уѣздѣ уступилъ свое мѣсто земскому начальнику — одновременно судьѣ, администратору и попечителю о крестьянскомъ благосостояніи, а въ городахъ—городскому судьѣ. Немногія дѣла изъ числа прежде подсудныхъ мировымъ судьямъ отошли къ уѣзднымъ членамъ окружнаго суда.

Отъ мирового института, созданнаго Судебными Уставами, осталось немногое: сохранены были почетные мировые судьи, какъ «весьма полезный элементъ въ нашемъ судоустройствѣ, притомъ элементъ ничего не стоящій ни правительству, ни земству» [4]), да, кромѣ того, былъ оставленъ безъ измѣненій выборный мировой судъ въ столицахъ (также въ части Петербургскаго уѣзда), въ Области Войска Донского и въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ (въ Казани, Кишиневѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Харьковѣ), относительно которыхъ было найдено, что въ виду ихъ населенности, подчиненіе ихъ, въ судебномъ отношеніи, уѣзднымъ съѣздамъ (въ качествѣ апелляціонной инстанціи), «помимо ущерба интересамъ городского населенія, повлекло бы крайнее обремененіе этихъ съѣздовъ разбирательствомъ мелкихъ уголовныхъ дѣлъ» [5]).

Заслуживаетъ вниманія, что одновременно съ упраздненіемъ мирового суда въ земскихъ губерніяхъ состоялось введеніе мировыхъ судебныхъ учрежденій (правда, съ судьями по назначенію) въ Прибалтійскомъ краѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 39—40.
[2]) Ibid., стр. 113.
[3]) Ibid., стр. 114—115.
[4]) Ibid., стр. 113.
[5]) Ibid., стр. 133.

Этимъ наглядно подтверждалось, что замѣна мировыхъ судей земскими начальниками произошла не потому, что мировой институтъ, какъ таковой, оказался не соотвѣтствующимъ интересамъ правосудія.

Уцѣлѣвшіе послѣ разрушенія мѣстнаго суда, организованнаго по Судебнымъ Уставамъ, выборные мировые судьи какъ бы чувствовали, что на нихъ пала отвѣтственная задача дать наглядное подтвержденіе преимуществъ замысла творцовъ Судебныхъ Устатовъ передъ лишенною широкаго идейнаго содержанія законодательной политикой ихъ эпигоновъ, и приложили всѣ свои усилія, чтобы выполнить эту свою задачу. Усилія эти не были безплодными. Когда Петербургскій мировой съѣздъ составлялъ свои замѣчанія на проектъ комиссіи 1894 г. по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, онъ имѣлъ возможность, подводя итоги за послѣднее трехлѣтіе, указать, что, если сопоставить число всѣхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ мировыми судьями неокончательно, съ правомъ апелляціи, а слѣдовательно, и съ возможностью обращенія къ кассаціонному разсмотрѣнію сената, съ числомъ отмѣненныхъ сенатомъ рѣшеній и приговоровъ, то оказывается, что «изъ общаго числа всѣхъ рѣшеній и приговоровъ С.-Петербургскаго столичнаго мирового суда отмѣнено сенатомъ только 0,117%» [1]).

Когда въ 1912 г. въ государственномъ совѣтѣ обсуждался проектъ о преобразованіи мѣстнаго суда, Н. С. Таганцевъ, возражая противъ предложенія Е. Ѳ. Дейтриха, чтобы мировые судьи назначались отъ правительства, а не выбирались, сказалъ: «Я могу засвидѣтельствовать, что за тѣ годы, когда я былъ первоприсутствующимъ въ кассаціонномъ уголовномъ департаментѣ, мы констатировали одно любопытное явленіе: по числу дѣлъ, которыя вызывали кассацію, всегда послѣднее мѣсто занимаютъ тѣ губерніи, гдѣ существовали выборные мировые институты и, въ частности, я могъ бы указать на мировые суды столичные; напримѣръ, мировой институтъ города Москвы всегда считался такимъ, который давалъ наименьшее количество кассированныхъ рѣшеній, и, наоборотъ, наибольшее количество кассированныхъ рѣшеній выпадало на тѣ губерніи, въ которыхъ дѣйствуетъ институтъ мировыхъ судей по назначенію» [2]).

То же самое приходится признать и въ отношеніи рѣшеній мировыхъ съѣздовъ по гражданскимъ дѣламъ. Начиная съ 1909 г. въ статистическихъ сборникахъ министерства юстиціи сообщаются данныя о числѣ рѣшеній и приговоровъ мировыхъ съѣздовъ, отмѣненныхъ и оставленныхъ въ силѣ Сенатомъ, *съ распредѣленіемъ ихъ по округамъ*. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ,

---

[1]) Замѣчанія С.-Петербургскаго столичнаго мирового съѣзда по вопросу о выборности мировыхъ судей, въ сборникѣ «Выборный мировой судъ», С.-Пб., 1898 г., стр. 89.

[2]) Стенограф. отчетъ госуд. совѣта за 1911—12 г., С.-Пб., 1912 г., стр. 2453—2454.

что въ сенатѣ было окончено дѣлъ по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній 17 мировыхъ съѣздовъ съ выборными мировыми судьями:

Въ:	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Безъ отмѣны рѣшенія.	1.251	1.385	1.391	1.487
Съ отмѣной рѣшенія	639	615	642	670

а по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній 80 съѣздовъ съ мировыми судьями по назначенію [1]):

Въ:	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Безъ отмѣны рѣшенія.	2.694	3.192	2.845	3.474
Съ отмѣной рѣшенія	1.674	1.727	1.663	1.891

Процентное же отношеніе отмѣненныхъ сенатомъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ къ общему числу обжалованныхъ рѣшеній, по нашему подсчету, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ:	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
По округамъ съ выборнами мировыми судьями.	33.8%	30.7%	31.5%	31.1%
По округамъ съ мировыми судьями по назначенію	38.3%	35.1%	36.9%	35.2%

VIII.

Почетные мировые судьи въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебно-административныя учрежденія. Важнѣйшія новеллы о мировомъ судѣ послѣ реформы 12 іюля 1889 г.

Спѣшность, съ которою былъ выработанъ законъ 12 іюля 1889 г., сказалась на неопредѣленности положенія (условій дѣятельности и надзора),

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣд. министр. юстиціи, вып. 25, 26, 27, 28 (изд. 1911, 1912 и 1913 гг.).

въ какое попали почетные мировые судьи, которые, какъ осколокъ, оставшійся отъ цѣлой системы мирового суда, были искусственно присоединены къ неимѣющей съ нею ничего общаго системѣ судебно-административныхъ учрежденій.

Законъ 12 іюля 1889 г. оставилъ неразрѣшеннымъ естественно возникшій прежде всего вопросъ, должны ли почетные мировые судьи, «когда обѣ стороны обращаются къ ихъ посредничеству» (ст. 46 учр. суд. уст.), руководиться судопроизводственными правилами, установленными Судебными Уставами, или и для нихъ обязательны изданныя для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ 29 декабря 1889 г.? Благодаря кодификаціонной небрежности, которою отличается этотъ законъ, онъ сдѣлалъ рѣшеніе указаннаго вопроса крайне затруднительнымъ: съ одной стороны, по ст. ст. 3 и 2 правилъ объ устр. суд. части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, почетные мировые судьи состоятъ въ городахъ и уѣздахъ «*на основаніяхъ, опредѣленныхъ судебными уставами*», а съ другой—«разсмотрѣніе жалобъ... подлежащихъ разбирательству городскихъ судей и почетныхъ мировыхъ судей, возлагается на уѣздные съѣзды въ случаяхъ и на основаніяхъ, указанныхъ въ Правилахъ о порядкѣ производства дѣлъ въ названныхъ установленіяхъ» (ст. 17), откуда слѣдуетъ, повидимому, заключить, что правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ городскими судьями относятся также и къ почетнымъ мировымъ судьямъ [1]).

Другой вопросъ, который также неизбѣжно долженъ былъ возникнуть, какъ только были введены судебно-административныя учрежденія, касался порядка надзора за мировыми судьями: на какія установленія возлагаются принадлежавшія упраздненнымъ съѣздамъ мировыхъ судей обязанности по непосредственному надзору за почетными мировыми судьями? Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 13 мая 1891 г. (ст. 3 прав. устр. суд. части). Принимая во вниманіе, что почетные мировые судьи сравнены, въ отношеніи служебныхъ правъ и преимуществъ, а равно и отвѣтственности, съ членами окружныхъ судовъ, государственный совѣтъ призналъ, что почетные мировые судьи въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, должны быть подчинены непосредственному надзору окружныхъ судовъ [2]).

---

[1]) Такъ какъ по закону 12 іюля 1889 г. рѣшенія уѣздныхъ съѣздовъ обжалуются въ кассаціонномъ порядкѣ въ губернское присутствіе, то вопросъ о порядкѣ производства дѣлъ почетными мировыми судьями могъ бы дойти до сената лишь при условіи, если бы онъ былъ возбужденъ министромъ юстиціи (ст. 119[1] учр. суд. уст.). Этого не случилось, и вопросъ такъ и остался безъ авторитетнаго разрѣшенія его сенатомъ. А. Гольмстенъ разрѣшаетъ его въ пользу примѣненія почетными мировыми судьями и въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, правилъ, установленныхъ Судебными Уставами (См. Журн. Гр. и Уг. Права, 1890 г., сентябрь, стр. 47—49).

[2]) Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1891 г., С.-Пб., 1892 г., стр. 620—621.

Число другихъ законовъ, относящихся до мирового суда, изданныхъ послѣ реформы 1889 г., незначительно [1]). Мы назовемъ важнѣйшіе.

12 іюня 1890 г. былъ изданъ законъ, установившій новыя правила заочнаго разбирательства по гражданскимъ дѣламъ [2]).

21 мая 1891 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта была отмѣнена ст. 35 уст. уг. судопр., возлагавшая на мировыхъ судей обязанность склоненія сторонъ къ миру по подсуднымъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ уголовнымъ дѣламъ, которыя могутъ быть прекращаемы примиреніемъ. Опытъ показалъ, что примирительное разбирательство по этого рода дѣламъ у мировыхъ судей рѣдко достигало своей цѣли, а между тѣмъ, будучи сопряжено съ пересылкою слѣдственнаго производства отъ слѣдователя къ мировому судьѣ и обратно, вызывало значительное замедленіе въ движеніи дѣлъ. Съ введеніемъ же судебно-административныхъ учрежденій неудобство примирительнаго разбирательства по указаннымъ дѣламъ увеличилось еще и оттого, что въ мѣстностяхъ, на которыя распространено было положеніе 12 іюля 1889 г., тяжущимся для примирительнаго разбирательства приходилось являться къ уѣздному члену окружнаго суда, т.-е. въ уѣздный городъ, иногда далеко отстоявшій отъ мѣста ихъ жительства. Въ виду этого [3]), государственный совѣтъ, согласившись съ министромъ юстиціи, нашелъ наиболѣе цѣлесообразнымъ перенести обязанности склоненія сторонъ къ миру по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ, съ мировыхъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда на судебныхъ слѣдователей, и притомъ, какъ по такимъ дѣламъ уголовно-частнаго обвиненія, по которымъ производство предварительнаго слѣдствія обязательно по закону, такъ и по такимъ, по которымъ къ судебному разсмотрѣнію можетъ быть приступлено и непосредственно на основаніи одной только жалобы частнаго обвинителя.

2 іюня 1897 г. послѣдовалъ чрезвычайно важный законъ объ измѣненіи судопроизводства и наказуемости по преступленіямъ несовершеннолѣтнихъ. Этотъ обширный законъ коснулся и производства дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ въ мировомъ судѣ. Введенными имъ въ книгу I уст. уг. суд. «о порядкѣ производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ» новыми статьями установлены были слѣдующія особенности для дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ: во-первыхъ, о днѣ слушанія дѣла несовершеннолѣтняго обвиняемаго извѣщаются родители его или лицо, на попеченіи котораго онъ находится, причемъ явившіеся къ разбирательству дѣла родители или лицо, имѣющее о немъ попеченіе, допускаются къ представленію объясненій на судѣ, во-вторыхъ, несовершеннолѣтніе отъ десяти до семнадцати лѣтъ, къ коимъ окажется необходимымъ примѣнить для воспрепятствованія укло-

---

[1]) Всѣ судопроизводственные законы, изданные уже при дѣйствіи новыхъ законодательныхъ учрежденій, отнесены къ II ч. V тома настоящаго изданія.

[2]) Объ этомъ законѣ, относящемся не только къ мировымъ, но и къ общимъ судебнымъ учрежденіямъ, см. въ статьѣ В. С. Малченко (стр. 77).

[3]) Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1891 г., С.-Пб., 1892 г., стр. 600—601.

ненію отъ суда и слѣдствія лишеніе личной свободы, помѣщаются на это время въ исправительные пріюты либо въ колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, или въ иныя заведенія для призрѣнія дѣтей, или «отдаются подъ отвѣтственный присмотръ съ обязательствомъ представить ихъ къ слѣдствію и суду, по усмотрѣнію мирового судьи, или ихъ родителямъ, или лицамъ, на попеченіи коихъ они состоятъ, или же другимъ благонадежнымъ людямъ, изъявившимъ на то согласіе», и, наконецъ, въ-третьихъ, всѣ дѣла о несовершеннолѣтнихъ, во избѣжаніе дурного вліянія, оказываемаго на нихъ торжественностью и публичностью, могутъ разсматриваться, по опредѣленію суда, при закрытыхъ дверяхъ.

Эти очень важныя особенности производства дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ у мировыхъ судей дали возможность создать спеціальные дѣтскіе суды, устройство которыхъ составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи мирового суда въ Россіи [1]).

Рядомъ законовъ продолжалось расширеніе предѣловъ вѣдомства мирового суда.

Законъ 14 марта 1906 г. «о согласованіи нѣкоторыхъ постановленій уголовнаго законодательства съ указомъ 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости» и законъ 25 декабря 1909 г. о мѣрахъ пресѣченія торга женщинами въ цѣляхъ разврата увеличили карательную власть мировыхъ судей, отнеся къ ихъ вѣдѣнію такіе проступки, которые влекутъ за собою наказаніе арестомъ до 6 мѣсяцевъ (по Суд. Уст. 1864 г. ихъ власть по назначенію ареста ограничена срокомъ ареста до 3 мѣс.). По мнѣнію государственнаго Совѣта, не было основаній не предоставлять мировымъ судьямъ права наказывать арестомъ до шести мѣсяцевъ, когда имъ уже подвѣдомы преступныя дѣянія, влекущія заключеніе въ тюрьмѣ не свыше одного года и шести мѣсяцевъ [2]).

Значительное расширеніе мировой подсудности было произведено закономъ 18 марта 1906 г. Изданіе этого закона было мотивировано необходимостью «сокращенія, безъ ущерба дѣлу правосудія, времени производства нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлъ, представляющихъ особую важность въ виду переживаемой нашимъ отечествомъ смуты». Чтобы ускорить производство по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, подсудныхъ судебнымъ палатамъ, законъ 18 марта 1906 г. изъялъ изъ вѣдомства судебныхъ палатъ цѣлый рядъ дѣлъ о преступленіяхъ, неимѣющихъ противогосударственнаго характера, и передалъ ихъ окружнымъ судамъ, а чтобы не обременять этимъ чрезмѣрно окружныхъ судовъ, тотъ же законъ нѣкоторыя дѣла, ранѣе подсудныя окружнымъ судамъ, отнесъ къ вѣдѣнію мировыхъ судей, а именно дѣла объ оскорбленіи частныхъ лицъ въ присутственныхъ мѣстахъ, объ оскорбленіи волостныхъ старшинъ и станичныхъ атамановъ,

---

[1]) О дѣтскихъ судахъ см. подробно въ IV томѣ настоящаго изданія.

[2]) Отчетъ по дѣлопроизв. Госуд. Сов. за сессію 1905—1906 г., С.-Пб., 1906 г., стр. 785.

о составленіи подложныхъ видовъ на жительство и о проживательствѣ съ видомъ подложнымъ или чужимъ, а также о нанесеніи легкихъ ранъ и поврежденіи въ здоровьи и увѣчьи въ запальчивости и раздраженіи или въ дракѣ, либо неосторожности. При обсужденіи проекта закона 18 марта 1906 г. нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта напомнили, что вопросъ объ отнесеніи къ вѣдѣнію мировыхъ судей дѣлъ о составленіи подложныхъ видовъ на жительство и о нанесеніи легкихъ тѣлесныхъ поврежденій возникалъ уже и ранѣе, но не получилъ положительнаго разрѣшенія по соображенію, которое съ теченіемъ времени не утратило своей силы, а именно потому, что дѣла объ этихъ преступленіяхъ по своему значенію и по своей сложности, какъ требующія нерѣдко экспертизы, не могутъ быть уравнены по подсудности съ тѣми маловажными и простыми дѣлами, которыя могутъ быть ввѣрены вѣдѣнію единоличной власти [1]). Однако, это уголовно-процессуальное соображеніе оказалось слишкомъ слабымъ аргументомъ для того, чтобы помѣшать осуществленію цѣли политическаго характера—сдѣлать репрессію за государственныя преступленія болѣе энергичной.

Законами 24 ноября 1905 г., 18 марта 1906 г. и 26 апрѣля 1906 г. къ вѣдѣнію мировыхъ судей былъ отнесенъ рядъ проступковъ, состоящихъ въ невыполненіи установленныхъ формальныхъ требованій, обусловливающихъ выпускъ изъ типографіи или въ свѣтъ или продажу произведеній печати.

Законъ 2 іюля 1909 г. объ условномъ досрочномъ освобожденіи привлекъ мировыхъ судей къ участію въ Особыхъ Совѣщаніяхъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи заключенныхъ; по ст. 7 закона, тамъ, гдѣ существуютъ мировые судьи, съѣздъ мировыхъ судей назначаетъ одного изъ мировыхъ судей для предсѣдательствованія въ Особомъ Совѣщаніи. Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту, представленной министерствомъ юстиціи, было высказано, что предсѣдательствованіе въ Особомъ Совѣщаніи цѣлесообразно возложить именно на мирового судью (а гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ—на уѣзднаго члена окружнаго суда) не только потому, что мировые судьи имѣютъ навыкъ въ управленіи ходомъ засѣданія, но и потому, что они, «по своему общественному или служебному положенію, стоятъ внѣ всякихъ постороннихъ вліяній, а также пользуются въ средѣ мѣстнаго общества солиднымъ авторитетомъ».

---

[1]) Отчетъ по дѣлопроизводству Госуд. Совѣта за сессію 1905—1906 г. г., стр. 901—903.

IX.

Проектъ реформы мѣстнаго суда, выработанный «Муравьевскою» комиссіею 1894 г. Высочайшій указъ 12 декабря 1904 г. Политическое выступленіе мировыхъ судей въ 1905 г.

Еще не была завершена реформа мѣстной юстиціи на основахъ закона 12 іюля 1889 г., какъ уже и въ правительственныхъ сферахъ была сознана необходимость новаго рѣшительнаго преобразованія мѣстнаго суда.

Не говоря о недостаткахъ судебно-административныхъ учрежденій уже одного разнообразія въ организаціи мѣстнаго суда, ея необычайной пестроты, дѣлающей ее, выражаясь извѣстными словами Франквиля объ организаціи англійскаго суда, похожею на платье арлекина, было достаточно для того, чтобы выдвинуть вопросъ о преобразованіи мѣстнаго суда на первую очередь. И дѣйствительно, когда въ 1894 г., по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи Н. В. Муравьева, была учреждена особая комиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, то въ числѣ «главнѣйшихъ несовершенствъ судебнаго устройства», объ устраненіи коихъ должна была позаботиться комиссія, на первомъ мѣстѣ было указано на отсутствіе единства въ организаціи мѣстнаго суда, на то, что, по различію въ строѣ мѣстной юстиціи, должно было различать три территоріи: 1) мѣстности, гдѣ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, и гдѣ мѣстный судъ частью находится въ вѣдѣніи административно-судебныхъ органовъ, частью въ вѣдѣніи судебной власти, 2) мѣстности, на которыя дѣйствіе названнаго положенія не распространяется, и въ которыхъ мѣстный судъ находится всецѣло въ вѣдѣніи судебныхъ органовъ, невходящихъ, однако, въ составъ общей судебной организаціи, и 3) мѣстности, въ которыхъ мѣстный судъ принадлежитъ мѣстнымъ органамъ, связаннымъ въ одну систему съ общими судебными установленіями. Такое разнообразіе въ устройствѣ мѣстнаго суда [1]) не оправдывалось, или, по крайней мѣрѣ, далеко не всегда оправдывалось различіемъ самихъ мѣстностей по степени ихъ культуры или по ихъ политическимъ особенностямъ, ибо даже и въ мѣстностяхъ, объединенныхъ въ одинъ судебный округъ, число различныхъ типовъ мѣстнаго суда доходило до пяти; такъ, въ округѣ С.-Петербургской судебной палаты мѣстный судъ отправлялся судьями пяти различныхъ типовъ: выборный мировой судья въ Петербургѣ и въ части Петербургскаго уѣзда, мировой судья по назначенію отъ правительства въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, земскій начальникъ, городской судья и уѣздный членъ окружнаго суда въ остальныхъ частяхъ округа.

Къ разнообразію въ организаціи мѣстнаго суда присоединялось и нѣкоторое различіе въ судопроизводственныхъ нормахъ, дѣлающее условія

---

[1]) Объяснит. зап. къ проекту нов. ред. учр. суд. уст., т. I, С.-Пб., 1900 г., стр. 5—9.

веденія процесса неодинаковыми иногда въ мѣстностяхъ, близко лежащихъ другъ къ другу [1]).

О работахъ «Муравьевской» комиссіи, которую А. Ѳ. Кони однажды назвалъ комиссіею объ упраздненіи Судебныхъ Уставовъ, не можетъ быть двухъ мнѣній. Предпринятыя въ разгаръ реакціи, проникнутыя робкимъ компромиссомъ, отмѣченныя печатью уступчивости «духу времени», опредѣлявшемуся всевластіемъ администраціи, господствомъ усмотрѣнія и вражды къ либеральнымъ реформамъ предшествующаго царствованія, онѣ имѣли своимъ естественнымъ результатомъ такой проектъ, который уже столько разъ заставлялъ читавшихъ и изучавшихъ его вспоминать при сопоставленіи его съ Судебными Уставами 1864 г. негодующія слова поэта: «художникъ-варваръ кистью сонной картину генія чернитъ, и свой рисунокъ беззаконный на ней безсмысленно чертитъ». И въ этомъ «безсмысленномъ» рисункѣ, кажется, нѣтъ болѣе безобразнаго пятна, чѣмъ предположенія комиссіи объ организаціи мѣстнаго суда.

Прежде всего судебно-административныя установленія были объявлены неприкосновенными. «Нѣкоторые члены комиссіи,—разсказываетъ А. Ѳ. Кони, самъ принимавшій въ ея работахъ дѣятельное участіе,—пытались предложить вернуться къ упраздненнымъ мировымъ судьямъ, и даже министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, устами своего товарища Неклюдова, выразилъ согласіе на отмѣну *судебной власти* земскихъ начальниковъ, но предположенія эти встрѣтили категорическій и рѣшительный отпоръ со стороны предсѣдателя комиссіи статсъ-секретаря Муравьева. Наивнымъ людямъ, мечтавшимъ въ «новизнѣ» предпринятой работы услышать свою «старину», было вразумительно объяснено, что возстановленіе мировыхъ судей «не входитъ въ виды правительства», и что вопросъ объ этомъ не будетъ допущенъ къ обсужденію» [2]).

Такимъ образомъ, работа комиссіи по объединенію мѣстной юстиціи уже съ самаго начала была обречена на безплодность. Казалось бы, что, разъ комиссіи не разрѣшено было и думать объ исцѣленіи зіяющей раны нашей мѣстной юстиціи, то ей не слѣдовало бы вовсе входить въ обсужденіе вопроса о преобразованіи мѣстнаго суда. Тѣмъ не менѣе ею была выработана схема устройства мѣстнаго суда. Первую инстанцію долженъ былъ составлять назначаемый отъ правительства участковый судья. Его подсудность, по сравненію съ подсудностью мировыхъ судей, значительно расши-

---

[1]) Характерный примѣръ приводитъ проф. А. В. Завадскій («О проектѣ министра юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда». Казань, 1908 г., примѣч. 6 на стр. 27): если при заключеніи договора, который отвѣтчикомъ отрицается, но который можетъ быть доказываемъ свидѣтельскимъ показаніемъ, присутствовалъ братъ жены истца, то, пока отвѣтчикъ живетъ въ Чистополѣ, искъ, со ссылкою на свидѣтеля—свойственника истца, предъявить къ нему у земскаго начальника стоитъ, но если отвѣтчикъ во-время переѣдетъ въ Казань, то иска лучше не предъявлять, такъ какъ въ Казани отвѣтчикъ будетъ имѣть право отвести свидѣтеля, состоящаго съ истцомъ во второй степени свойства (ср. уст. гр. суд., ст. 86, п. 1 и прав. о произв. суд. дѣлъ, ст. 60, п. 2).

[2]) А. Ѳ. Кони, На жизненномъ пути, т. I, стр. 468.

рялась: къ его вѣдомству были отнесены всѣ гражданскія дѣла по искамъ цѣною до 1.000 руб. и всѣ уголовныя дѣла о преступленіяхъ, не влекущихъ за собою наказаній, связанныхъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія. Это расширеніе области мѣстной юстиціи на счетъ подсудности общихъ судебныхъ установленій было мотивировано цѣлью приближенія суда къ населенію, а, по нелишеннымъ язвительной мѣткости словамъ сенатора В. А. Желеховскаго, было предположено для того, чтобы «пріискать какое-либо занятіе для участковыхъ судей» въ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ [1]). Трудно, конечно, сказать, насколько такое объясненіе расширенія подсудности участковыхъ судей соотвѣтствовало дѣйствительности, но вѣрно, во всякомъ случаѣ, то, что только при такомъ расширеніи подсудности комиссія могла не отказаться отъ мысли ввести участковыхъ мировыхъ судей въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ и должны были быть сохранены судебно-административныя учрежденія. Въ результатѣ въ этихъ мѣстностяхъ, составлявшихъ ко времени работъ комиссіи 37 губерній, было бы, съ одной стороны, введено вмѣсто объединенія еще большее разнообразіе въ строѣ мѣстнаго суда, а съ другой,—какъ указывалъ въ особомъ мнѣніи А. Ѳ. Кони,—не была бы достигнута и цѣль приближенія суда къ народу, ибо число дѣлъ, разсматриваемыхъ въ уѣздѣ и въ то же время неподсудныхъ земскимъ начальникамъ, должно было бы быть весьма незначительно и, слѣдовательно, все-таки самыми близкими къ народу учрежденіями должны были остаться учрежденія не судебныя, а судебно-административныя и притомъ—вѣдающія дѣла, самымъ непосредственнымъ образомъ касающіяся насущныхъ и ежедневныхъ интересовъ народнаго быта [2]).

Мировые съѣзды, по проекту комиссіи, подлежали упраздненію; вмѣсто нихъ предполагалось учредить уѣздныя и городскія отдѣленія окружнаго суда. Эти отдѣленія должны были состоять изъ участковыхъ и почетныхъ судей уѣзда или города подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго или городского члена окружнаго суда, который долженъ былъ быть выразителемъ постоянной и органической связи суда со всѣми его отдѣленіями. Пересмотръ дѣлъ мѣстной юстиціи по кассаціоннымъ жалобамъ комиссія рѣшила возложить, взамѣнъ кассаціонныхъ департаментовъ сената,—на судебныя палаты, благодаря чему кассаціонная функція должна была перестать удовлетворять самому главному своему назначенію, какимъ составители Судебныхъ Уставовъ справедливо считали охрану *единообразнаго* примѣненія законовъ всѣми судебными мѣстами имперіи [3]).

---

[1]) Объяснит. зап. къ проекту нов. ред. учр. суд. устан., т. II, ч. II (С.-Пб. 1900 г.), приложеніе 4, стр. 9.

[2]) Объяснит. зап. къ проекту новой ред. учрежд. суд. устан., С.-Пб., 1900 г., т. II, прилож. 1, стр. 1.

[3]) Журн. госуд. сов. 1864 г., № 47, стр. 17: «Предоставить отмѣну приговоровъ мировыхъ съѣздовъ судебнымъ палатамъ,—говорится въ журналѣ государственнаго совѣта,—значило бы уклониться отъ этой цѣли (т.-е. отъ цѣли охраны единообразнаго примѣненія закона) и допустить столько же различныхъ толкованій закона, сколько палатъ».

Комиссія рѣшила сохранить институтъ почетныхъ судей (безъ наименованія уже ихъ мировыми), но съ назначеніемъ ихъ, какъ уже раньше было установлено для девяти западныхъ губерній, министромъ юстиціи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, они должны были назначаться по представленіямъ уѣздныхъ земскихъ собраній, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ образованы городскія отдѣленія окружныхъ судовъ,—по представленіямъ городскихъ думъ.

Комиссія игнорировала, что правительственнымъ назначеніемъ почетныхъ судей искажается та идея, которою руководились составители Судебныхъ Уставовъ, предполагавшіе предоставить право суда лицамъ, не только пользующимся на мѣстахъ общимъ довѣріемъ, уваженіемъ и вліяніемъ, но и вполнѣ независимымъ по своему положенію [1]). Такое положеніе срочнымъ (на 6 лѣтъ) правительственнымъ назначеніемъ, конечно, не обезпечивалось. Роль почетныхъ судей въ проектѣ ограничивалась участіемъ ихъ въ засѣданіяхъ уѣздныхъ и городскихъ отдѣленій окружнаго суда.

Но самое рѣшительное преобразованіе, задуманное комиссіей, заключалось въ возложеніи на участковыхъ судей производства предварительныхъ слѣдствій и отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, т.-е. въ установленіи того порядка, который уже во время работъ комиссіи былъ примѣненъ на нѣкоторыхъ окраинахъ (въ Закавказьѣ, въ Архангельской губ., въ Сибири, въ Туркестанскомъ краѣ и въ Степныхъ областяхъ). При этомъ, опять-таки, отступая отъ основной поставленной себѣ цѣли—установить единообразіе судебныхъ порядковъ,—комиссія рѣшила допустить, что начало соединенія судебныхъ и слѣдственныхъ обязанностей примѣняется не повсюду. По проекту комиссіи должны были различаться три категоріи участковыхъ судей: такихъ, которые исполняли бы обязанности судьи и слѣдователя, такихъ, которые выполняли бы только судебныя обязанности, и такихъ, которые, будучи свободны отъ этихъ обязанностей, были бы заняты только производствомъ предварительныхъ слѣдствій. Въ соотвѣтствіи съ этимъ раздѣленіемъ судей на участковыхъ судебно-слѣдственныхъ, участковыхъ судебныхъ и участковыхъ слѣдственныхъ, въ округѣ одного и того же суда должны были различаться судебно-слѣдственные, просто судебные и просто слѣдственные участки (ст. 31 проекта).

Не безъ основанія нѣкоторые члены комиссіи указывали, что это различіе въ объемѣ функцій мировыхъ судей и въ наименованіи участковъ должно стать для населенія источникомъ постоянныхъ недоразумѣній.

---

[1]) Небезинтересно привести слѣдующую справку: въ «Сводѣ замѣчаній о дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій по примѣненію Уставовъ 20 ноября 1864 г.» (стр. 46—47) рекомендовалось установить извѣстный minimum почетныхъ мировыхъ судей для каждаго округа, а въ случаѣ, если земскимъ собраніемъ будетъ избрано меньшее число, назначать недостающихъ почетныхъ мировыхъ судей отъ правительства, причемъ мѣра эта мотивировалась, между прочимъ, такимъ соображеніемъ: «въ случаѣ сознанія общества въ своей незрѣлости и безсиліи, выраженныхъ гласно недостаткомъ почетныхъ дѣятелей, приглашеніе такихъ лицъ, хотя бы изъ пограничнаго уѣзда, *имѣло бы для несостоятельнаго округа видъ исправительнаго наказанія*».

Самое соединеніе судебныхъ и слѣдственныхъ обязанностей не могло быть произведено безъ очень большого ущерба, какъ для отправленія мѣстной юстиціи, такъ и для слѣдственной части. Отвлекаемый отъ судебной работы тѣми «экстренными надобностями», которыя неизбѣжны при производствѣ предварительныхъ слѣдствій, и которыя заставляли бы судью то, прервавъ разборъ дѣлъ, ѣхать на мѣсто преступленія, то спѣшить закончить засѣданіе, чтобы предупредить сокрытіе слѣдовъ какого-либо преступленія, участковый судья уже не могъ бы выполнять своего судейскаго дѣла съ тою преданностью и тою спокойною вдумчивостью, какихъ оно требуетъ; къ тому же, работа по разбору мелкихъ дѣлъ слишкомъ скромна и незамѣтна, чтобы у судьи, назначеннаго въ судебно-слѣдственный участокъ, не было соблазна, въ ущербъ ей, посвятить больше силъ производству слѣдствій по крупнымъ дѣламъ, которыя скорѣе могутъ его выдвинуть. Еще менѣе отъ соединенія судебныхъ и слѣдственныхъ обязанностей выиграло бы производство предварительныхъ слѣдствій.

Не касаясь, однако, этого вопроса, который уже выходитъ за предѣлы нашей работы, отмѣтимъ только рѣзкое предсказаніе члена комиссіи, оберъ-прокурора перваго департамента сената И. П. Закревскаго въ его особомъ мнѣніи о возложеніи слѣдственныхъ обязанностей на участковыхъ судей. «Полное, естественное и вполнѣ заслуженное крушеніе всѣхъ работъ комиссіи по уголовной части,—писалъ И. П. Закревскій,—явится неизбѣжнымъ практическимъ результатомъ той, ничѣмъ не оправдываемой, ломки», которая задумана комиссіей [1]).

Какъ извѣстно, работы комиссіи постигла еще болѣе достойная ея участь: имъ суждено было остаться подъ спудомъ, и если она и имѣла кое-какія практическія послѣдствія, то лишь самыя скромныя по сравненію съ грандіозностью выработаннаго ею плана ломки, которой должны были подвергнуться устои Судебныхъ Уставовъ.

Десять лѣтъ спустя послѣ учрежденія «Муравьевской» комиссіи вопросъ о коренномъ преобразованіи мѣстнаго суда снова всталъ на очередь. Подъ вліяніемъ высокаго подъема общественнаго движенія, 12 декабря 1904 г. былъ изданъ Высочайшій указъ, въ 3-мъ пунктѣ котораго было признано неотложнымъ «внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части». Въ установленіи единства больше всего нуждался мѣстный судъ.

На этомъ мы должны прервать наше изложеніе исторіи преобразованія нашего мѣстнаго суда для того, чтобы упомянуть о коллективномъ политическомъ выступленіи мировыхъ судей, совпавшемъ по времени съ началомъ работъ по реформѣ мѣстнаго суда, осуществленной, наконецъ, закономъ 15 іюня 1912 года.

---

[1]) Объяснит. зап. къ проекту нов. ред. учр. суд. уст., С.-Пб., 1900 г., т. II, прил. 3, стр. 7.

Повседневная работа мировыхъ судей не блещетъ яркими красками, а условія этой работы, требующей отъ судьи всего напряженія силъ и возможнаго равновѣсія духа, которое такъ легко утрачивается въ борьбѣ, вызываемой политическими лозунгами, и самое положеніе мировыхъ судей, какъ хранителей мира среди населенія, естественно воздерживаютъ ихъ отъ политическихъ выступленій, но во вторую половину пятидесятилѣтняго существованія мирового суда былъ моментъ, когда выборные мировые судьи, уже не въ качествѣ «чиновъ судебнаго вѣдомства», а по долгу представителей общества, облеченныхъ его довѣріемъ, сочли себя вынужденными напомнить власти о ея долгѣ. Въ 1905 г., когда вся Россія была охвачена политическимъ броженіемъ, 52 петербургскихъ мировыхъ судей обратились къ министру юстиціи съ заявленіемъ. «Въ качествѣ выборныхъ отъ населенія, и какъ часть самого населенія,—такъ оправдывали петербургскіе мировые судьи свое выступленіе,—мы не можемъ быть хладнокровными свидѣтелями всего, что нынѣ совершается въ нашей родинѣ... Намъ *нельзя* молчать, когда кровь нашихъ братьевъ и сыновей каждую минуту можетъ быть пролита на улицахъ города, а власть не нашла лучшаго иного слова успокоенія, какъ приказъ войскамъ не жалѣть патроновъ». Указавъ на совершенную недостаточность для успокоенія общества учрежденія государственной думы, какъ законосовѣщательнаго органа, петербургскіе мировые судьи заявляли, что для возстановленія мира въ странѣ необходимы: 1) «отмѣна всѣхъ исключительныхъ положеній, какъ военнаго, такъ и усиленной охраны, 2) объявленіе законовъ о неприкосновенности личности, о свободѣ печати и слова, 3) отмѣна смертной казни, 4) созывъ свободно избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ представителей страны и 5) объявленіе амнистіи по политическимъ дѣламъ» [1]).

Были затронуты общимъ движеніемъ и московскіе мировые судьи. Ниже, въ статьѣ, посвященной московскому мировому суду, разсказано, какъ они реагировали на запрещеніе вступать въ политическія партіи [2]).

X.

Проектъ министерства юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда. Его разсмотрѣніе въ новыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Введеніе мирового суда по закону 15 іюня 1912 г.

Приведенный 3-й пунктъ указа 12 декабря 1904 г. былъ въ 1905 г. подвергнутъ обсужденію въ комитетѣ министровъ. Н. В. Муравьевъ, наканунѣ оставленія имъ должности министра юстиціи, внесъ въ комитетъ

---

[1]) Право, 1905 г., № 43, стр. 3545—3546.

[2]) Противъ этого запрещенія (облеченнаго въ форму «разъясненія») протестовали и петербургскіе мировые судьи. См. Право. 1906 г., № 49, стлб. 3898—3849.

особую записку, въ которой разъяснялъ, что исполненіе Высочайшей воли, выраженной въ указѣ 12-го декабря, должно заключаться въ возстановленіи начала, требующаго, чтобы отправленіе правосудія въ государствѣ принадлежало предназначеннымъ исключительно для того судебнымъ органамъ. Начало это дѣлало необходимымъ упраздненіе судебныхъ полномочій земскихъ начальниковъ. Въ той же запискѣ Н. В. Муравьева намѣчалась необходимость упраздненія или коренного преобразованія волостного суда. 31 мая 1905 г. комитетъ министровъ положилъ: «предоставить министру юстиціи разработать, по соглашенію, въ чемъ будетъ слѣдовать, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, соотвѣтственныя по настоящему вопросу мѣропріятія, и предположенія свои по сему предмету представить въ установленномъ порядкѣ на уваженіе законодательной власти». Во исполненіе этого положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденнаго 24 іюня 1905 г., и былъ составленъ для внесенія въ государственную думу перваго созыва проектъ закона о преобразованіи мѣстнаго суда.

Съ введеніемъ преобразованнаго мѣстнаго суда, по законопроекту, должны были быть сложены судебныя полномочія съ земскихъ начальниковъ и высшихъ надъ ними инстанцій, «ибо однимъ изъ коренныхъ началъ ихъ организаціи являлось соединеніе въ ихъ лицѣ власти судебной и административной, противорѣчащее требованіямъ науки и повлекшее за собою и на практикѣ самыя нежелательныя послѣдствія». Далѣе, предполагалось упраздненіе крестьянскихъ судовъ, какъ судовъ, существованіе которыхъ «нарушаетъ кореннымъ образомъ единство судебной власти и равенство передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній». Объяснительная записка къ законопроекту министра юстиціи не скупилась на слова осужденія нашихъ волостныхъ судовъ, какъ дѣйствующихъ на основаніи положенія 19 февраля 1861 г., такъ и образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г. Произволъ, безконтрольность, неопытность судей отличаютъ первые, отсутствіе у судей всякой самостоятельности, ихъ низкій нравственный уровень, безпомощность въ разборѣ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, злоупотребленія при ссылкѣ на обычное право, лицепріятіе свойственны вторымъ; дѣятельность волостныхъ судовъ «глубоко расшатываетъ прочность и ясность народнаго сознанія о правѣ»; такой судъ, какъ нашъ крестьянскій, утверждалось въ объяснительной запискѣ, «недостоинъ даже названія суда и ни въ какомъ культурномъ государствѣ терпимъ быть не можетъ».

Судебно-административныя учрежденія, введенныя закономъ 1889 г., и волостные суды должны были уступить свое мѣсто суду мировому. Обсудивъ сравнительныя достоинства и недостатки трехъ главныхъ типовъ суда—выборнаго коллегіальнаго, единоличнаго коронного и единоличнаго выборнаго,—министерство юстиціи остановилось на послѣднемъ. Впрочемъ, большой симпатіи къ выборному началу, какъ способу замѣщенія судейскихъ должностей, министерство не обнаруживаетъ. Въ объяснительной запискѣ оно приходитъ къ заключенію, что «въ дѣйствительности имѣются весьма серьезные доводы въ пользу и того, и другого порядка замѣщенія (т.-е. какъ по выборамъ, такъ и по назначенію) должности мирового судьи», и не безъ видимаго сожалѣнія отказывается отъ начала пра-

вительственнаго назначенія мѣстныхъ судей, «обезпечивающаго дѣйствительную возможность для правительства, призваннаго къ завѣдыванію дѣломъ правосудія и отвѣтственнаго за успѣшное его отправленіе, вліять надлежащимъ образомъ на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность».

Какъ кажется, рѣшающимъ и во всякомъ случаѣ не послѣднимъ по значенію было заключительное соображеніе о томъ, что въ виду «неизбѣжности въ дѣлѣ устройства мѣстнаго суда считаться съ крайне затруднительнымъ положеніемъ государственнаго казначейства, какъ послѣдствіемъ всѣхъ пережитыхъ страною въ недавнее время тяжкихъ потрясеній», представляется предпочтительнымъ *выборное* начало, такъ какъ оно даетъ возможность отнести расходы по содержанію судей на средства земствъ, а въ самыхъ крупныхъ городахъ—на средства городскихъ общественныхъ учрежденій [1]).

Останавливаясь на условіяхъ для замѣщенія должности мѣстнаго судьи, законопроектъ придалъ большее, по сравненію съ Судебными Уставами 1864 г., значеніе образовательному цензу; признавъ за нормальный цензъ полученіе высшаго юридическаго образованія, законопроектъ считаетъ полученіе высшаго не-юридическаго или только средняго образованія достаточнымъ лишь при условіи, если кандидатъ прослужилъ не менѣе трехъ лѣтъ въ должностяхъ, при исправленіи которыхъ можно было пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, или по испытаніи въ особомъ порядкѣ его познаній оказался подготовленнымъ для самостоятельнаго исполненія обязанностей мирового судьи.

Отъ требованія имущественнаго ценза министерство юстиціи не нашло возможнымъ отказаться. Объяснительная записка повторяетъ аргументы составителей Судебныхъ Уставовъ, приписывая, какъ и они, имущественной обезпеченности судьи значеніе гарантіи возможной независимости его отъ избирателей. Однако, размѣръ имущественнаго ценза ставился въ зависимость отъ образованія, полученнаго кандидатомъ на должность судьи: для лицъ, получившихъ юридическое образованіе или выдержавшихъ соотвѣтствующее испытаніе, предполагалось установить уменьшенный цензъ, въ частности, вмѣсто двойного земельнаго ценза, опредѣленнаго для избранія въ земскіе гласные, предполагалось требовать цензъ ординарный (125—800 десятинъ); только при недостаткѣ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ могли быть избираемы въ мировые судьи съ тѣмъ же цензомъ лица, получившія высшее, хотя и не юридическое, образованіе; напротивъ, для лицъ, неполучившихъ высшаго образованія, сохранялся двойной земельный цензъ. Городской имущественный цензъ значительно увеличивался по сравненію съ размѣромъ, опредѣленнымъ Судебными Уставами

[1]) Правда, роль, которую сыграло это соображеніе при рѣшеніи вопроса о порядкѣ замѣщенія должности мѣстнаго судьи, въ объяснительной запискѣ скрадывается оговоркою: «впрочемъ, вопросъ объ источникѣ содержанія мѣстной юстиціи представлялось бы желательнымъ оставить пока открытымъ», но значеніе этой оговорки, въ свою очередь, тотчасъ же уничтожается примѣчаніемъ, въ которомъ признается, что законопроектъ отправляется отъ предположенія о содержаніи единоличныхъ судей на мѣстныя средства.

1864 г., но опять не въ одинаковой степени для лицъ, получившихъ и не получившихъ высшаго образованія. Наконецъ, лица съ высшимъ образованіемъ могли быть избираемы и по квартирному цензу.

Преимущество, отдаваемое законопроектомъ лицамъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, проявлялось, кромѣ указаннаго, въ томъ, что лица этой категоріи могли быть избираемы и при отсутствіи у нихъ имущественнаго ценза по большинству двухъ третей голосовъ.

Примѣчаніе къ ст. 37 учр. суд. уст. о представленіи губернаторомъ или градоначальникомъ сенату замѣчаній о нравственныхъ качествахъ и о благонадежности лицъ, избранныхъ на должность мировыхъ судей, и о повѣркѣ этихъ замѣчаній сенатомъ, по проекту, исключалось.

Не всѣ, однако, мировые судьи должны были избираться. Въ губерніяхъ неземскихъ министерство юстиціи проектировало оставить за собою назначеніе мировыхъ судей.

Какъ выборнымъ, такъ и назначеннымъ мировымъ судьямъ законопроектъ предполагалъ обезпечить несмѣняемость въ томъ объемѣ, въ какомъ ею пользуются всѣ судьи (ст. 243 учр. суд. уст.).

Если въ отношеніи первой инстанціи законопроектъ болѣе или менѣе близко придерживался типа, установленнаго Судебными Уставами, то, напротивъ, вторая инстанція организовывалась на совершенно новыхъ основаніяхъ, въ соотвѣтствіи съ предположеніями комиссіи 1894 г. Черезъ посредство второй инстанціи мировой судъ вводился въ общую судебную организацію. Мировые съѣзды и тамъ, гдѣ они сохранились, подлежали упраздненію и замѣнѣ уѣздными и городскими отдѣленіями окружнаго суда, присутствія коихъ должны были составляться изъ предсѣдателя (уѣзднаго или городского члена окружнаго суда), обязаннаго присутствовать въ каждомъ засѣданіи, и членовъ—мировыхъ судей, въ числѣ не менѣе двухъ, присутствующихъ по очереди. Проектъ этой реформы мотивировался тѣмъ, что «съѣздъ судей, собирающихся для разсмотрѣнія апелляціонныхъ жалобъ, подаваемыхъ на каждаго изъ нихъ, не можетъ представлять надлежащаго обезпеченія въ правильности постановляемыхъ имъ окончательныхъ рѣшеній, неподлежащихъ обжалованію по существу». По словамъ министерства юстиціи, члены мирового съѣзда не могутъ не имѣть постоянно въ виду, что настоящее строгое отношеніе къ рѣшенію, постановленному ихъ товарищемъ въ первой инстанціи, всегда можетъ вызвать такое же отношеніе съ его стороны къ рѣшеніямъ, ими постановленнымъ [1]).

---

[1]) Этотъ аргументъ фигурировалъ уже въ объяснительной запискѣ къ выработанному «Муравьевскою» комиссіею проекту новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій. Въ свое время въ замѣчаніяхъ, представленныхъ въ «Муравьевскую» комиссію, С.-Петербургскій мировой съѣздъ совершенно справедливо возражалъ: «Предположеніе, что при существующей организаціи мировые судьи, въ качествѣ второй инстанціи, не могутъ относиться совершенно безпристрастно къ ошибкамъ и промахамъ своихъ товарищей, совершенно неосновательно, во-первыхъ, потому, что большинство ошибокъ и судебныхъ промаховъ при разрѣшеніи дѣлъ не влечетъ за собой никакой отвѣтственности судьи, разрѣшившаго дѣло, а только исправляется второй инстанціей, вслѣдствіе чего нѣтъ никакого основанія цѣлому составу судебнаго засѣданія съѣзда брать на себя нравственную отвѣтственность за неправосудіе

Все кассаціонное производство законопроектъ сосредоточивалъ въ правительствующемъ сенатѣ.

Согласившись на замѣщеніе должности мировыхъ судей, по выборамъ, какъ бы нехотя, министерство юстиціи проявило свое недовѣріе къ мировымъ судьямъ тѣмъ, что усилило надзоръ за ними. Къ установленному Судебными Уставами надзору мировыхъ съѣздовъ, сената и министра юстиціи законопроектъ присоединялъ непосредственный надзоръ уѣздныхъ и городскихъ отдѣленій окружнаго суда, судебныхъ палатъ и старшаго предсѣдателя палаты (ст. 64, 249, 251[1] учр. суд. уст. по законопроекту, представленному на уваженіе законодательной власти 30 мая 1906 г.). Подъ этимъ надзоромъ многочисленныхъ органовъ мировые судьи, надо думать, не могли бы чувствовать себя иначе, какъ въ положеніи лицъ, состоящихъ въ своей служебной дѣятельности подъ подозрѣніемъ. Намъ кажется умѣстнымъ привести здѣсь замѣчанія Московскаго мирового съѣзда по поводу проектировавшагося министерствомъ юстиціи порядка надзора, такъ какъ, къ сожалѣнію, они остались справедливыми и при той редакціи, которую получили статьи, относящіяся къ надзору за мировыми судьями, въ законѣ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Въ новомъ порядкѣ надзора Московскій мировой съѣздъ не безъ основанія справедливо усматривалъ проявленіе недовѣрія не только къ выборному суду, но и къ такимъ гарантіямъ общественнаго контроля, какъ публичность и гласность процесса; онъ, этотъ порядокъ надзора, «создаетъ для суда нравственно тягостную атмосферу іерархически наслоеннаго гнета, несомнѣнно принижающаго личность судьи и его долженствующую быть независимой совѣсть, и умаляетъ его достоинство въ глазахъ населенія». «Кто будетъ спорить,—читаемъ мы тамъ же,—противъ необходимости надзора, надзора дѣятельнаго, но и самая множественность органовъ его съ присущимъ имъ въ одинаковой степени правомъ давать руководящія предписанія и указанія и возможное при этомъ разнообразіе трудно объединяемыхъ взглядовъ даетъ полное основаніе предвидѣть путаницу и разнорѣчіе въ руководящихъ указаніяхъ» [1]).

Не успѣла государственная дума перваго созыва приступить къ разсмотрѣнію законопроекта о преобразованіи мѣстнаго суда, какъ 8 іюля 1906 г. послѣдовалъ указъ о ея роспускѣ.

Въ государственную думу второго созыва вновь былъ внесенъ проектъ о преобразованіи мѣстнаго суда, но съ нѣкоторыми измѣненіями, коснувшимися, впрочемъ, только устава уголовнаго судопроизводства. Характернымъ въ этихъ измѣненіяхъ, какъ отказъ отъ сдѣланной было уступки прогрессивнымъ требованіямъ, является устраненіе права мировыхъ судей дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія, которое предполагалось возстановить первоначальнымъ проектомъ.

только для того, чтобы сдѣлать пріятное судьѣ, разрѣшившему дѣло; во-вторыхъ, съ теченіемъ времени, сами мировые судьи привыкаютъ болѣе или менѣе хладнокровно относиться къ отмѣнѣ постановленныхъ ими рѣшеній». См. сборникъ «Выборный мировой судъ», 1898 г., стр. 95—96.

[1]) Цит. по рукописи.

Законопроектъ былъ переданъ на предварительное разсмотрѣніе думской комиссіи подъ предсѣдательствомъ І. В. Гессена. Не останавливаясь на работахъ комиссіи [1]), отмѣтимъ только поступившую въ комиссію записку представителей отъ крестьянъ въ числѣ 31 человѣка. Крестьяне высказывались за учрежденіе всесословнаго суда въ мелкой земской единицѣ съ избраніемъ судей всеобщей, равной и тайной подачей голосовъ въ числѣ четырехъ лицъ, избираемыхъ на три года, имѣющихъ имущественный цензъ, необходимый для волостного уполномоченнаго, при чемъ предсѣдатель долженъ обладать высшимъ или среднимъ образованіемъ, а остальные,—по крайней мѣрѣ, низшимъ. Крестьяне боялись, что мировые судьи, избранные земствомъ, организованнымъ по положенію 12 іюня 1890 г., будутъ тѣми же земскими начальниками, будутъ такъ же, какъ и земскіе начальники, вербоваться преимущественно изъ дворянъ и стоять на стражѣ сословныхъ дворянскихъ интересовъ. Это опасеніе не было лишено объективнаго основанія. Современное земство уже не то, что земство по положенію 1 января 1864 г. Если и старое земство не могло считаться представителемъ всего мѣстнаго населенія, то еще въ меньшей мѣрѣ является имъ земство по положенію 1890 г., ибо въ этомъ новомъ земствѣ, организованномъ на сословномъ началѣ, дворяне, участвуя въ созданіи земскихъ средствъ въ размѣрѣ лишь 7% общей ихъ суммы, имѣютъ 55% общаго числа гласныхъ, по одному гласному на 3,1 избирателя изъ дворянъ, тогда какъ крестьяне избираютъ по одному гласному изъ 3.000 домохозяевъ, а все остальное населеніе—по одному гласному на 28,6 избирателя [2]).

Въ пленарныхъ засѣданіяхъ государственная дума второго созыва приступила къ обсужденію законопроекта 28 мая 1907 года [3]), а 3 іюня уже послѣдовалъ указъ о ея роспускѣ. Надъ проектомъ преобразованія мѣстнаго суда висѣлъ злой рокъ...

Передъ внесеніемъ въ государственную думу третьяго созыва законопроектъ подвергся новымъ измѣненіямъ, на этотъ разъ весьма существеннымъ. Нельзя не удивляться, съ какою легкостью министерство юстиціи въ объясненіяхъ къ своимъ «дополнительнымъ измѣненіямъ» оспариваетъ свои собственные аргументы, и съ какою рѣшительностью оно отказывается отъ предположеній, которыя еще недавно, казалось, убѣдительно защищало.

Въ объяснительной запискѣ къ первоначальному законопроекту мы читали: «нужно, чтобы судьи были людьми права по воспитанію и образованію своему, т.-е., *образованными* юристами....; дабы, однако, юристы могли быть привлечены къ занятію должностей мѣстныхъ судей, необходимо озаботиться устраненіемъ возможныхъ къ тому на практикѣ препятствій» (стр. 71—72). Поэтому, предполагалось установить для лицъ

---

[1]) См. журналы и докладъ комиссіи по разсмотрѣнію законопроекта о преобразованіи мѣстнаго суда.

[2]) Н. И. Лазаревскій. Земское избирательное право, въ «Юбилейномъ земскомъ сборникѣ», С.-Пб., 1914 г., стр. 65—67.

[3]) Стенограф. отчетъ гос. думы 2-го созыва 1907 г., сес. 2, т. II, стлб. 1323—1591.

съ высшимъ юридическимъ образованіемъ—и лишь при ихъ недостаткѣ—съ высшимъ не-юридическимъ образованіемъ пониженный имущественный цензъ. Прошло два года, и министерство юстиціи уже оказывается совсѣмъ иного мнѣнія о значеніи, какъ спеціальнаго юридическаго образованія, такъ и высшаго образованія вообще. Теперь мы читаемъ: «Едва ли можно усмотрѣть достаточныя основанія для пониженія этого (т.-е. имущественнаго) ценза по отношенію къ лицамъ, получившимъ высшее образованіе; хотя, конечно, наличность высшаго образованія очень желательна для лицъ, баллотирующихся на должность мировыхъ судей, но... слѣдуетъ ожидать, что и тѣ кандидаты въ мировые судьи, которые не получили высшаго образованія, окажутся лицами, довольно высоко стоящими по своему развитію, и не будутъ въ общемъ значительно уступать въ этомъ отношеніи лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Измѣнилось и мнѣніе министерства юстиціи о значеніи имущественнаго ценза. Въ 1906 г. имущественный цензъ оцѣнивался министромъ юстиціи, какъ гарантія судейской независимости. Теперь имъ выдвигается на первый планъ значеніе имущественнаго ценза, какъ доказательства связи кандидата въ мировые судьи съ той мѣстностью, гдѣ онъ баллотируется; поэтому, если прежде министръ юстиціи удовлетворялся всероссійскимъ имущественнымъ цензомъ, т.-е. требованіемъ обладанія имуществомъ, гдѣ бы въ предѣлахъ Россійской Имперіи оно ни находилось, то теперь онъ вводитъ требованіе ценза мѣстнаго, т.-е. обладанія имуществомъ въ предѣлахъ той губерніи, гдѣ производятся выборы; къ этому условію, если цензъ состоитъ въ обладаніи землею, присоединяется другое, а именно: отъ владѣльца ценза требуется, чтобы онъ обладалъ усадьбою въ предѣлахъ той же губерніи. Наконецъ, измѣняется и самый критерій для опредѣленія имущественнаго ценза: если прежде имущественный цензъ въ уѣздахъ опредѣлялся по одному размѣру земельнаго владѣнія, то теперь проектируется опредѣлять его по суммѣ обложенія земскими сборами—вводится, такимъ образомъ, для внѣгородской недвижимости та же форма ценза, какая раньше существовала для городской: цензъ налоговой. Сдѣлано это для того, чтобы «устранить на будущее время возможность пріобрѣтенія фиктивныхъ цензовъ, такъ какъ наиболѣе дешево стоящія неудобныя земли вовсе не облагаются земскимъ сборомъ». Квартирный цензъ, введенный первоначальнымъ законопроектомъ, снова устраняется, въ виду новаго воззрѣнія на значеніе имущественнаго ценза, такъ какъ уплата квартирнаго налога не можетъ служить показателемъ ни связи лица съ данной мѣстностью, ни знанія имъ мѣстныхъ условій.

Сокративъ, такимъ образомъ, виды имущественнаго ценза и обставивъ его новыми требованіями, министерство юстиціи почти не скрывало конечной цѣли этихъ измѣненій: сузить кругъ лицъ, могущихъ баллотироваться въ мировые судьи и тѣмъ «обусловить болѣе частое примѣненіе системы правительственнаго назначенія судей за недостаткомъ на мѣстахъ подходящихъ кандидатовъ». Во всякомъ случаѣ, министерство юстиціи само указывало, что таково именно послѣдствіе, которое должны имѣть проекти-

рованныя измѣненія въ требуемомъ отъ кандидатовъ въ мировые судьи имущественномъ цензѣ.

Поучительно составить тенденцію министерства юстиціи къ ограниченію числа возможныхъ кандидатовъ въ мировые судьи съ приведеннымъ выше (стр. 191) Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 18 марта 1866 г.: тогда государственный совѣтъ полагалъ, что въ интересахъ успѣшнаго осуществленія судебнаго преобразованія нужно не суженіе, а расширеніе «круга лицъ, изъ котораго можно избирать въ важную должность мировыхъ судей».

Столь-же рѣшительно министерство юстиціи отказывается и отъ выраженнаго ранѣе взгляда на несмѣняемость. Въ объяснительной запискѣ къ первоначальному законопроекту министерство юстиціи заявляло, что существенное значеніе «для огражденія независимости единоличнаго судьи, возвышенія этой должности и привлеченія къ ея занятію лучшихъ людей имѣетъ присвоеніе судьямъ въ возможно болѣе широкой степени права несмѣняемости». Поэтому, въ отношеніи условій увольненія мировыхъ судей, они ставились въ одинаковое положеніе со всѣми остальными судьями: помимо приговора уголовнаго суда, мировые судьи могли быть уволены за преступленія, проступки или предосудительное поведеніе только по постановленію высшаго дисциплинарнаго присутствія Правительствующаго Сената. Теперь такой порядокъ увольненія мировыхъ судей министерству юстиціи сталъ уже казаться нецѣлесообразнымъ «съ чисто практической точки зрѣнія», такъ какъ при значительномъ числѣ мировыхъ судей должности эти иногда могутъ замѣщаться лицами, не обладающими нужными «нравственными и служебными качествами», и потому представляется желательнымъ «*облегчить возможность устраненія* изъ среды мировыхъ судей лицъ, оказавшихся недостойными носимаго ими званія». Для этой цѣли министерство юстиціи проектировало возложить дѣла объ удаленіи и временномъ устраненіи мировыхъ судей отъ должностей на судебныя палаты въ лицѣ общихъ собраній ихъ департаментовъ.

Итакъ, прежде для поднятія общаго уровня мировыхъ судей предполагалось присвоить имъ несмѣняемость; теперь для той же цѣли изыскивается средство, которое должно облегчить возможность ихъ устраненія.

Въ комиссіи государственной думы законопроектъ министерства юстиціи во всѣхъ своихъ основныхъ положеніяхъ встрѣтилъ одобреніе. Она внесла въ него немного измѣненій. Кажущееся на первый взглядъ самымъ крупнымъ изъ нихъ—возстановленіе мировыхъ съѣздовъ вмѣсто предположенныхъ министерствомъ юстиціи уѣздныхъ и городскихъ отдѣленій окружнаго суда,—по существу было незначительнымъ, такъ какъ мировые съѣзды въ проектѣ комиссіи возстановлялись не въ томъ видѣ, въ какомъ они были установлены Судебными Уставами, а съ назначаемымъ предсѣдателемъ, и, слѣдовательно, вся перемѣна по сравненію съ проектомъ министерства юстиціи свелась къ замѣнѣ уѣзднаго или городского члена окружнаго суда особымъ, невходящимъ въ составъ суда, предсѣдателемъ съѣзда. Комиссія отвергла соединеніе мировыхъ судебныхъ установленій съ общими черезъ посредство уѣзднаго или городского члена окружнаго суда,

найдя, что такое соединеніе нарушаетъ самостоятельность мирового суда; въ дѣйствительности, конечно, замѣна уѣзднаго члена окружнаго суда предсѣдателемъ мирового съѣзда, при установленной въ проектѣ системѣ надзора, дѣлавшей и предсѣдателя мирового съѣзда лицомъ недостаточно самостоятельнымъ, мало что измѣнила въ существѣ дѣла. Такъ оцѣнилъ поправку комиссіи и министръ юстиціи, какъ слѣдуетъ заключить изъ того, что, горячо убѣждая государственную думу принять начало правительственнаго назначенія предсѣдателя мирового съѣзда, министръ юстиціи даже и не пытался защищать предположенной въ его проектѣ организаціи второй инстанціи по дѣламъ мѣстной юстиціи [1]).

Изъ другихъ измѣненій въ проектѣ, сдѣланныхъ комиссіей, слѣдуетъ отмѣтить устраненіе предположеннаго министерствомъ юстиціи перенесенія власти увольнять мировыхъ судей съ высшаго дисциплинарнаго присутствія на судебныя палаты.

Въ государственной думѣ законопроектъ встрѣтилъ неодинаковое къ себѣ отношеніе со стороны различныхъ парламентскихъ группъ. Его защиту en bloc «во всѣхъ главныхъ основаніяхъ» и лишь съ незначительными поправками взяли на себя представители союза 17 октября. Имущественный цензъ для кандидатовъ въ мировые судьи, предсѣдатель мирового съѣзда по назначенію, надзоръ со стороны судебныхъ палатъ—три принципа, которымъ министерство юстиціи придало значеніе conditio sine qua non для возстановленія выборныхъ мировыхъ судей [2])—все это отстаивалось и представителями союза 17 октября.

Напротивъ, рѣшительную оппозицію законопроектъ встрѣтилъ со стороны праваго крыла государственной думы, которое не могло помириться съ упраздненіемъ должности земскихъ начальниковъ.

При обсужденіи на первый планъ были выдвинуты вопросы объ упраздненіи волостного суда и объ устройствѣ мѣстнаго суда изъ трехъ лицъ, выбираемыхъ всесословнымъ волостнымъ собраніемъ. Многіе депутаты были живо задѣты тою характеристикою волостного суда, которая была дана въ объяснительной запискѣ министерства юстиціи, и не безъ основанія спрашивали, какой же авторитетъ будутъ имѣть рѣшенія волостныхъ судовъ до ихъ предстоящаго—еще быть можетъ, не въ близкомъ будущемъ—упраздненія послѣ того, какъ высшимъ правительственнымъ мѣстомъ было оффиціально и всенародно объявлено, что «такой судъ недостоинъ даже названія суда и ни въ какомъ культурномъ государствѣ терпимъ быть не можетъ» [3]).

Большинствомъ голосовъ дума высказалась за упраздненіе, какъ крестьянскихъ, такъ и станичныхъ судовъ.

---

[1]) См. рѣчь министра юстиціи при обсужденіи проекта новой редакціи ст. 17 учр. суд. уст. (Стеногр. отч. Госуд. Думы 3-го созыва, 1909 г. сесс. III, ч. I, стлб. 3120—3127).

[2]) Стеногр. отч. Гос. Думы 1910 г., сес. III, ч. III, стр. 2215 (заявленіе тов. мин. юст. Веревкина).

[3]) Стеногр. отч. Госуд. Думы 1909 г. сес., III. ч. (изд. 1910 г.), стр. 1159.

Вопросъ объ организаціи первой инстанціи суда на коллегіальномъ началѣ, какъ и въ государственной думѣ второго созыва, былъ поднятъ крестьянскими депутатами, которые представили въ думскую судебную комиссію въ видѣ матеріала законодательное предположеніе о томъ, чтобы въ сельскихъ мѣстностяхъ всѣ дѣла рѣшались выборными судьями по образцу гминныхъ. Въ рѣчахъ крестьянскихъ депутатовъ въ засѣданіяхъ госуд. думы слышалось чувство глубокой обиды тѣмъ, что ихъ предложеніе было почти обойдено молчаніемъ въ докладѣ комиссіи. Энергичную поддержку ихъ предложенія крестьянскіе депутаты встрѣтили только со стороны представителей трудовой группы. Необходимость учрежденія коллегіальнаго мирового суда въ сельскихъ мѣстностяхъ ими мотивировалась, прежде всего, невозможностью исключать обычай изъ числа источниковъ права, регулирующихъ крестьянскую жизнь, между тѣмъ какъ только при участіи мировыхъ засѣдателей въ мѣстномъ судѣ послѣдній будетъ въ состояніи руководиться при постановкѣ рѣшеній обычнымъ правомъ и претворять въ нормы господствующія въ крестьянской средѣ правовоззрѣнія; далѣе, коллегіальное устройство мѣстнаго суда,—утверждали его сторонники,—будетъ «способствовать тому, чтобы судъ былъ живой, чтобы въ немъ каждое дѣло разсматривалось съ живѣйшимъ интересомъ, будетъ гарантировать большее довѣріе населенія къ суду и большее безпристрастіе суда, будетъ служить средствомъ контроля дѣятельности мирового судьи, поможетъ суду лучше оріентироваться въ мѣстныхъ условіяхъ; наконецъ, коллегіальность мѣстнаго суда облегчитъ распространеніе его на мѣстности съ инородческимъ населеніемъ, неговорящимъ на русскомъ языкѣ» [1]).

Эти доводы не убѣдили большинства госуд. думы.

Очень продолжительныя пренія вызвало постановленіе законопроекта объ имущественномъ цензѣ кандидатовъ въ мировые судьи. Судебная комиссія сохранила имущественный цензъ, и притомъ въ томъ же значеніи,

---

[1]) Ibid., стр. 1286—1297, 1858, 2755—2756. Вопросъ объ участіи народнаго элемента въ мѣстномъ судѣ въ томъ же году, 20 и 21 ноября, былъ подвергнутъ обстоятельному обсужденію въ соединенномъ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ (см. изданіе Русской Группы Междунар. Союза Криминалистовъ: «Объ участіи народнаго элемента въ мѣстномъ судѣ», Спб., 1911 г.). Результатомъ обсужденія была слѣдующая резолюція: «Общее собраніе Юридическаго Общества и Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ, признавая, что разсмотрѣніе гражданскихъ дѣлъ должно быть предоставлено исключительно профессіонально-образованнымъ юристамъ, полагаетъ, что однимъ изъ необходимыхъ коррективовъ недостатковъ проектируемой организаціи единоличнаго мѣстнаго суда первой инстанціей является введеніе въ составъ этого суда при разсмотрѣніи наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ представителей мѣстнаго населенія, участвующихъ въ количествѣ 4—6 человѣкъ въ отправленіи уголовнаго правосудія на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и присяжные засѣдатели». Большое число доводовъ въ пользу участія представителей общества въ мѣстномъ судѣ приведено въ статьѣ П. И. Люблинскаго, Проектъ преобразованія мѣстнаго суда, въ сборникѣ: «На смѣну стараго права», Петроградъ, 1915 г., стр. 89—96.

какое ему было придано законопроектомъ министерства юстиціи, т.-е., въ значеніи доказательства связи съ мѣстностью.

Трудно было бы воспроизвести все разнообразіе аргументовъ, приведенныхъ въ госуд. думѣ противъ имущественнаго ценза, но, кажется, самымъ неотразимымъ было указаніе на очевидное противорѣчіе, въ которое впадалъ законопроектъ, требуя, чтобы земскія собранія избирали въ мировые судьи только лицъ, обладающихъ имущественнымъ цензомъ, и освобождая правительство въ лицѣ перваго департамента сената и министра юстиціи отъ обязанности считаться съ этимъ условіемъ при назначеніи мировыхъ судей.

Къ этому противорѣчію присоединялось другое: «если,—справедливо спрашивалъ членъ Госуд. Думы В. А. Маклаковъ,—владѣніе землей есть доказательство связи съ мѣстностью, то какое отношеніе къ этой связи имѣетъ количество земли, которымъ я владѣю? Я живу въ уѣздѣ 30 лѣтъ, не имѣя тамъ полнаго земельнаго ценза; неужели я, живущій тамъ ежегодно, знакомъ съ мѣстностью меньше и связанъ съ ней меньше, чѣмъ съ той мѣстностью, гдѣ у меня, можетъ быть, 500 десятинъ, но гдѣ я не живу [1]).

Имущественный цензъ былъ отвергнутъ при второмъ обсужденіи законопроекта и возстановленъ при третьемъ [2]). Его размѣръ былъ, однако, для уѣзда, по сравненію съ цензомъ, установленнымъ Судебными Уставами, значительно уменьшенъ (половина пространства земли, опредѣленнаго для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія, или другое недвижимое имущество цѣною не ниже 7.500 руб.; см. выше стр. 184). Но, какъ и проектъ министра юстиціи, государственная дума признала необходимымъ, чтобы кандидаты въ мировые судьи (ихъ родители или жены) владѣли имуществомъ, представляемымъ въ качествѣ ценза, не менѣе года въ той губерніи, гдѣ производятся выборы.

Зато въ двухъ другихъ крупныхъ вопросахъ, поднятыхъ при обсужденіи законопроекта о мѣстномъ судѣ—о порядкѣ замѣщенія должности предсѣдателя мирового съѣзда и о надзорѣ за мировыми судьями—прогрессивные элементы государственной думы одержали побѣду,—впрочемъ, безплодную, какъ увидимъ ниже.

Министръ юстиціи выступилъ на защиту начала назначенія предсѣдателя съѣзда со ссылкою на статистику, которая должна была опорочить выборныхъ предсѣдателей; онъ указалъ, что за періодъ времени съ 1877 г. до 1907 г. изъ общаго числа возникшихъ дѣлъ, дисциплинарныхъ и уголовныхъ, объ отвѣтственности предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ на долю выборныхъ предсѣдателей падаетъ 66% этихъ дѣлъ, т.-е.—заключалъ министръ юстиціи,—«выборные предсѣдатели привлекались къ отвѣтственности чаще по сравненію съ предсѣдателями по назначенію отъ правительства». Хотя приведенная цифра, очевидно, совершенно ничего не дока-

---

[1]) Стеногр. отч. гос. думы. за 1909 г., сессія III, ч. I (изд. 1910 г.), стлб. 1210.

[2]) Стеногр. отч. гос. думы, 1910 г., сессія III, ч. II, стлб. 253 и ч. III, стлб. 2139—2141.

зывала безъ сопоставленія числа выборныхъ предсѣдателей съ числомъ назначаемыхъ (за періодъ времени съ 1877 г. по 1889 г. первое значительно превышало второе), хотя и другіе доводы въ пользу назначенныхъ предсѣдателей были не болѣе убѣдительны, тѣмъ не менѣе государственная дума при вторичномъ обсужденіи законопроекта вотировала за назначеніе предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ [1]).

Но при третьемъ обсужденіи противникамъ назначенія предсѣдателя съѣзда удалось убѣдить госуд. думу въ томъ, что вольное или невольное принятіе начала избранія мировыхъ судей уже обязываетъ къ распространенію этого начала и на замѣщеніе должности предсѣдателя мирового съѣзда, такъ какъ соединеніе въ одномъ институтѣ двухъ противоположныхъ началъ, другъ друга исключающихъ и притомъ искони по традиціи враждебныхъ, должно породить «самое вредное изъ всего, что можно представить—сознаніе безотвѣтственности за каждымъ и ту внутреннюю борьбу, при которой каждый скажетъ: за результаты этой борьбы отвѣчаю не я» [2]).

Въ постановленіи министерскаго проекта о надзорѣ за мировыми судьями (ст. 64 проекта) судебная комиссія исключила изъ числа органовъ надзора окружные суды, но сохранила судебныя палаты. Товарищъ министра юстиціи Веревкинъ настаивалъ на возстановленіи первоначальной редакціи законопроекта. Однако, и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ о предсѣдателѣ съѣзда, госуд. дума, согласившись при второмъ обсужденіи съ судебною комиссіею, послѣ третьяго обсужденія склонилась на сторону представителей оппозиціи, указывавшихъ, что новая система надзора превращаетъ мировой судъ въ подопечный институтъ, зависимый отъ мѣстной прокуратуры, которая не преминетъ воспользоваться близостью органовъ надзора за мировымъ судомъ для усиленія своего вліянія [3]). Въ результатѣ установленная Судебными Уставами редакція ст. 64 учр. суд. уст., сосредоточивающая высшій надзоръ за мировыми судьями въ кассаціонныхъ департаментахъ сената и въ лицѣ министра юстиціи, была оставлена безъ измѣненія.

Приняты были государственною думою поправки, предложенныя оппозиціей (фракціей народной свободы) и по вопросу о почетныхъ мировыхъ судьяхъ. Почетные мировые судьи, по законопроекту, лишались права замѣнять участковыхъ мировыхъ судей въ ихъ камерахъ и разбирать дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣ стороны обратятся къ ихъ посредничеству; ихъ полномочія ограничивались правомъ участія въ засѣданіяхъ мирового съѣзда. Фракціею народной свободы указывалось, что при этихъ ограниченіяхъ избраніе въ почетные мировые судьи должно утратить свой почетный для избранника смыслъ, такъ какъ вотумъ госуд. думы о лишеніи почетныхъ мировыхъ судей тѣхъ полномочій, которыми они были надѣлены Судебными Уставами, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ вотумомъ недовѣрія имъ.

---

[1]) Стеногр. отч. госуд. думы за 1909 г., сессія III, ч. 1-я, стлб. 3203.

[2]) Ibid, ч. 1-я, стлб. 3114 и ч. 3-я, стлб. 2067.

[3]) Стеногр. отч. госуд. думы за 1910 г., сессія III, ч. II, стлб. 488—511 и ч. III, стлб. 2217.

Поэтому, фракція народной свободы настаивала и, какъ уже сказано сумѣла настоять, чтобы за почетными мировыми судьями были сохранены всѣ тѣ полномочія, которыми они были надѣлены по Судебнымъ Уставамъ [1]).

Принятый въ государственной думѣ законопроектъ о мѣстномъ судѣ подвергся въ государственномъ совѣтѣ существеннымъ измѣненіямъ. Прежде всего, государственный совѣтъ не согласился на отмѣну волостного суда и выработалъ въ качествѣ приложенія къ учрежденію судебныхъ установленій «временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введенъ въ дѣйствіе законъ о преобразованіи мѣстнаго суда». Министръ юстиціи, какъ извѣстно, измѣнилъ въ государственномъ совѣтѣ своему еще недавно рѣшительно отрицательному отношенію къ волостному суду и противъ сохраненія его не возражалъ.

Нашлись и въ государственномъ совѣтѣ сторонники сохраненія института земскихъ начальниковъ неприкосновеннымъ. На этотъ разъ министръ юстиціи выступилъ съ возраженіями—и притомъ весьма примѣчательными. Министръ объяснилъ, что, если бы замѣна земскихъ начальниковъ мировыми судьями была отвергнута, то, въ виду невозможности расширенія подсудности земскихъ начальниковъ, пришлось бы оставить въ вѣдѣніи окружныхъ судовъ и, слѣдовательно, лишить скорой и легко доступной защиты со стороны мѣстнаго суда права, пріобрѣтенныя крестьянами въ силу закона 14 іюня 1910 г., о выдѣлѣ и укрѣпленіи въ личную собственность участковъ общинной земли. «Нельзя,—говорилъ министръ,—законодателю одной рукой толкать на путь личной собственности, а другой рукой отказывать въ охранѣ этой собственности», и затѣмъ добавилъ: «вотъ гдѣ, *главнымъ образомъ*, коренится въ настоящее время потребность въ устройствѣ суда» [2]). Въ этой, быть можетъ, ненамѣренно оброненной фразѣ получило неожиданное подтвержденіе то предположеніе, которое за два года передъ тѣмъ высказалъ членъ государственной думы В. А. Маклаковъ, возражая противъ расширенія подсудности мировыхъ судей. «*Мнѣ кажется*,—говорилъ депутатъ въ засѣданіи государственной думы 1 февраля 1910 г., что реформа, внесенная правительствомъ, находится въ полномъ согласіи съ его основной точкой зрѣнія, которую оно выразило съ этой трибуны въ приснопамятныхъ словахъ, что министерство ставитъ свои ставки на богатыхъ и сильныхъ. Это продолженіе того же дѣла.... для меня этотъ законъ—продолженіе ставокъ на сильныхъ» [3]).

Очень оживленныя и интересныя пренія были вызваны въ государственномъ совѣтѣ поправкою В. Ѳ. Дейтриха, согласно которой всѣ мировые судьи должны были бы назначаться правительствомъ. Въ концѣ концовъ выборное начало восторжествовало, но съ такимъ территоріальнымъ ограниченіемъ, которое заслуживаетъ вниманія. Когда министерство юстиціи

---

[1]) Ibid., ч. II, стлб. 402—403 и ч. III, стлб. 2209—2210.

[2]) Стеногр. отч. гос. сов. за 1911—12 г. С.-Пб., 1912 г., стлб. 1934—1935 (засѣд. 20 февраля 1912 г.).

[3]) Стеногр. отч. гос. думы за 1910 г., ч. II, стр. 570.

въ проектѣ закона о преобразованіи мѣстнаго суда, внесенномъ въ государственную думу еще въ 1906 г., сдѣлало изъ общаго порядка замѣщенія должностей мировыхъ судей по избранію исключеніе для западныхъ губерній, а также губерній Астраханской, Оренбургской и Ставропольской, то оно мотивировало его отсутствіемъ въ этихъ губерніяхъ земскихъ учрежденій [1]). Въ преніяхъ, которыя возникли въ государственной думѣ по поводу ст. 40[2], всѣми говорившими также имѣлся въ виду временный характеръ предусматриваемаго въ ней назначенія, а не избранія мировыхъ судей въ перечисленныхъ въ ней губерніяхъ—до введенія въ нихъ земскихъ учрежденій [2]). — Но когда законопроектъ обсуждался въ государственномъ совѣтѣ, то въ шести западныхъ губерніяхъ земскія учрежденія уже были введены. Поэтому, въ согласіи съ мотивами министерскаго законопроекта, комиссія государственнаго совѣта сочла нужнымъ оговорить, что мировые судьи назначаются министромъ юстиціи только въ тѣхъ западныхъ губерніяхъ, «*въ коихъ не введены земскія учрежденія*». Однако, эта, казалось бы, сама собой разумѣвшаяся оговорка въ государственномъ совѣтѣ, по предложенію Д. И. Пихно [3]), была исключена, благодаря чему территоріальное ограниченіе выборнаго начала утратило характеръ временнаго.

По вопросу объ имущественномъ цензѣ мировыхъ судей государственный совѣтъ, согласившись съ своею комиссіею, что тѣсная связь судьи съ мѣстностью не предполагаетъ непремѣнно, чтобы имущество, служащее цензомъ, находилось въ той губерніи, гдѣ производятся выборы, счелъ возможнымъ вернуться къ всероссійскому (въ отличіе отъ мѣстнаго губернскаго) цензу, но увеличилъ количество земли, дающее право баллотироваться въ мировые судьи, вдвое по сравненію съ проектомъ госуд. думы, т. е. до размѣровъ ординарнаго земскаго ценза [4]).

Цѣлый рядъ постановленій государственной думы, принятыхъ послѣ продолжительныхъ, иногда ожесточенныхъ, преній, въ государственномъ совѣтѣ (въ общемъ собраніи) былъ отвергнутъ вовсе безъ преній. Такъ, безъ всякихъ преній государственный совѣтъ принялъ начало назначенія предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ Высочайшею властью по представленію министра юстиціи [5]), возстановилъ предусмотрѣнный министерскимъ законопроектомъ надзоръ судебныхъ палатъ за мировыми судьями и ихъ съѣздами [6]), лишилъ почетныхъ мировыхъ судей права единолично разбирать дѣла вмѣсто участковыхъ, въ случаѣ ихъ отсутствія, болѣзни или смерти [7]).

---

[1]) Краткая объяснительная записка къ проекту министра юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда, стр. 171 и слѣд.

[2]) Стеногр. отч. Гос. Думы 3 сов., ч. II, стлб. 357—368.

[3]) Стенограф. отч. Госуд. Сов., 1911—1912 г., сессія 7-я, стлб. 2457—2464.

[4]) Ibid., стлб. 2480—2527.

[5]) Ibid., стлб. 2470.

[6]) Ibid., стлб. 2580.

[7]) Ibid., стлб. 2456.

Безъ большихъ преній прошла въ государственномъ совѣтѣ и поправка о евреяхъ, которая была отвергнута государственною думою, а именно, о томъ, что евреи не могутъ быть мировыми судьями. Это одно слово «евреи», образующее собою 5-й пунктъ 21 ст. учр. суд. уст., перечисляющей условія, которыя *по нравственнымъ основаніямъ* лишаютъ права баллотироваться въ мировые судьи, характерно знаменуетъ глубокое различіе въ умонастроеніи творцовъ Судебныхъ Уставовъ и законодателей нашего времени, на долю которыхъ вышла, казалось бы, благодарная задача реставраціи одного изъ обломковъ судебной реформы 1864 г.: Судебные Уставы насквозь проникнуты идеею равенства передъ закономъ, а новымъ 5 пунктомъ 21 ст. учр. суд. уст. впервые внесено въ Судебные Уставы постановленіе, лишающее цѣлую часть населенія правъ судебной службы по національному признаку.

Поправка о «евреяхъ» была поддержана министромъ юстиціи, сдѣлавшимъ рискованное заявленіе отъ имени русскаго народа: «никогда русскій народъ не повѣритъ тому, чтобы правовыя начала, которыя покоятся на русскомъ правосознаніи, были съ полнымъ, искреннимъ убѣжденіемъ охраняемы евреями, и не помирится съ тѣмъ, чтобы эти начала были поддерживаемы лицами, принадлежащими къ числу евреевъ». Проф. М. М. Ковалевскій тщетно напоминалъ государственному совѣту «то азбучное понятіе, которое гласитъ, что въ государствѣ, основанномъ на правѣ, всѣ граждане и всѣ подданные равны передъ лицомъ закона» [1]).

Въ согласительной комиссіи, въ которую изъ государственнаго совѣта перешелъ законопроектъ о мѣстномъ судѣ, включая и правила о волостномъ судѣ, не безъ основанія былъ поднятъ вопросъ огромной принципіальной важности, поскольку такой порядокъ въ отношеніи правилъ о волостномъ судѣ представляется правильнымъ: правила о волостномъ судѣ не были вовсе на разсмотрѣніи государственной думы и были для членовъ согласительной комиссіи отъ госуд. думы совершенно новыми; поэтому, нѣкоторыми изъ членовъ комиссіи было высказано, что съ формальной стороны едва ли представляется правильнымъ обсужденіе, въ порядкѣ соглашенія между двумя законодательными учрежденіями, цѣлаго кодекса правилъ, вовсе не разсматривавшагося одною изъ законодательныхъ палатъ. Однако, большинство комиссіи не согласилось съ этимъ возраженіемъ, высказавъ, что, въ силу установившейся практики, при разсмотрѣніи поступающихъ въ госуд. совѣтъ законопроектовъ, послѣдніе не только подвергаются измѣненіямъ по существу, но и дополняются новыми постановленіями [2]).

Процедура разсмотрѣнія разногласій между государственной думой и государственнымъ совѣтомъ [3]) привела въ конечномъ результатѣ къ тор-

---

[1]) Стеногр. отч. Госуд. Сов., сессія 7-я, С.-Пб. 1912 г., стлб. 2540.

[2]) Согласительное заключеніе особой комиссіи, образованной для разсмотрѣнія разномыслій, возникшихъ между совѣтомъ и думою по проекту закона о преобразованіи мѣстнаго суда, стр. 2—3.

[3]) Послѣднимъ моментомъ этой процедуры было вторичное разсмотрѣніе законопроекта въ гос. сов. 6 іюня 1912 г. См. стеногр. отч. Гос. Сов., сессія 7-я, 1912 г., стлб. 4750—4763.

жеству мнѣній государственнаго совѣта по всѣмъ крупнымъ вопросамъ: о волостномъ судѣ, о размѣрѣ ценза, о порядкѣ замѣщенія должности предсѣдателя мирового съѣзда, о полномочіяхъ почетныхъ мировыхъ судей, объ органахъ надзора за мировымъ судомъ. Незначительныя уступки были сдѣланы государственнымъ совѣтомъ въ видѣ дополненія ст. 17 учр. суд. уст., установившей порядокъ правительственнаго назначенія предсѣдателя мирового съѣзда, оговоркою, въ силу которой «въ городахъ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Кишиневѣ, Одессѣ и Казани предсѣдатель мирового съѣзда избирается на три года мировыми судьями изъ своей среды».

15 іюня 1912 г. проектъ закона о преобразованіи мѣстнаго суда былъ утвержденъ и получилъ силу закона.

При изложеніи исторіи закона 15 іюня 1912 г. мы ограничились его судоустройственной частью, такъ какъ съ внесенными имъ въ Судебные Уставы судопроизводственными измѣненіями читатель познакомится въ главѣ «Законы и законопроекты по гражданскому судопроизводству со времени введенія новыхъ законодательныхъ учрежденій» въ V томѣ настоящаго изданія.

Такъ какъ организація мѣстнаго суда въ законѣ 15 іюня 1912 г. расчитана на наличность земскихъ учрежденій, то и самый законъ долженъ считаться относящимся прежде всего къ тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ земскія учрежденія введены. Кромѣ того, въ немъ самомъ предусматривается введеніе его въ области войска Донского, гдѣ мировые судьи, какъ и теперь, будутъ избираться временными окружными избирательными собраніями, а также въ тѣхъ западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ земскія учрежденія еще не введены, и въ которыхъ выборный порядокъ замѣщенія должности мировыхъ судей замѣненъ порядкомъ назначенія министромъ юстиціи (ст. 40^2 учр. суд. уст.).

Съ изданіемъ закона 15 іюня 1912 г. возникъ вопросъ о введеніи его въ дѣйствіе. Одновременное введеніе закона на всемъ томъ пространствѣ, для котораго онъ былъ предназначенъ, вызвало бы ассигнованіе ежегоднаго новаго расхода изъ казны въ суммѣ до 30 милліоновъ рублей. Поэтому, министерство юстиціи рѣшило вводить законъ въ полномъ объемѣ постепенно, очередями. Къ первой очереди были отнесены десять губерній: Кіевская, Волынская, Подольская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Полтавская, Черниговская и Курская. Эти губерніи были выбраны потому, что онѣ очень густо населены и весьма культурны, три изъ нихъ (Кіевская, Волынская и Подольская) съ назначенными судьями имѣли уже готовый кадръ судей, а въ семи остальныхъ земскіе начальники до такой степени были переобременены дѣлами, что представлялось желательнымъ возможно скорѣе освободить ихъ отъ судебныхъ обязанностей [1]). Одновременно министерство юстиціи считало возможнымъ ввести повсемѣстно постановленія закона о преобразованіи мѣстнаго суда, вво-

[1]) Стеногр. отч. Гос. Сов. за 1912—13 г., сессія 8-я, С.-Пб., 1913 г., стлб. 2627.

дящія различныя измѣненія въ уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ [1]), за исключеніемъ постановленій, расширяющихъ предѣлы вѣдомства и власти мировыхъ судей. Въ соотвѣтствіи съ этими предположеніями и былъ изданъ законъ 26 іюня 1913 г.

Введеніе преобразованныхъ мировыхъ учрежденій должно было состояться на основаніи общаго «Положенія о введеніи въ дѣйствіе закона 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда», Высочайше утвержденнаго также 26 іюня 1913 г. Въ названномъ положеніи содержится рядъ техническихъ правилъ объ открытіи новыхъ мѣстныхъ судебныхъ установленій, о порядкѣ движенія дѣлъ, начатыхъ до введенія въ дѣйствіе закона о преобразованіи мѣстнаго суда, и о порядкѣ передачи оконченныхъ дѣлъ, документовъ и прочаго имущества прежнихъ судебныхъ мѣстъ въ новыя судебныя установленія.

Открытіе новаго мирового суда въ десяти перечисленныхъ губерніяхъ было пріурочено къ 1 января 1914 г.; всего въ названныхъ губерніяхъ было учреждено 970 должностей участковаго мирового судьи и 120 мировыхъ съѣздовъ.

Въ декабрѣ 1913 г. назначенные предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ были созваны министромъ юстиціи въ Петербургъ для выясненія вопросовъ, возникающихъ въ связи съ осуществленіемъ преобразованія мѣстнаго суда. Открывая засѣданія совѣщанія предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, министръ юстиціи произнесъ рѣчь, въ которой предостерегалъ прежде всего участниковъ совѣщанія отъ обособленія «отъ другихъ органовъ правительства», напомнилъ имъ, что «судебная власть есть сила консервативнаго закона, предъ которой въ храмѣ правосудія должны склониться передовыя, неустойчивыя теченія общественной мысли», и что идеаломъ суда не должно быть «сантиментально понимаемое милосердіе» [2]).

Многіе изъ вновь избранныхъ мировыхъ судей не были утверждены сенатомъ, несмотря на отмѣну примѣчанія къ ст. 37 учр. суд. уст. Для этой цѣли сенатъ воспользовался ст. 126 учр. сен., хотя не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что вмѣстѣ съ отмѣною примѣчанія къ ст. 37 учр. суд. уст. должна была считаться утратившею силу и ст. 126 учр. сен., формально—по очевидному недосмотру законодательныхъ учрежденій—не отмѣненная [3]).

---

[1]) Также одну статью изъ учр. суд. уст.:—45[1], на основаніи которой мировому съѣзду предоставляется право соединять какой-либо родъ дѣлъ въ вѣдѣніи одного судьи.

[2]) Право, 1913 г., № 49, стлб. 2364—2365.

[3]) Какъ читатель припомнитъ (см. стр. 248), ст. 126 учр. сен. не содержитъ въ себѣ правила, отличающагося отъ того, которое помѣщено въ примѣч. къ 37 ст. учр. суд. уст.; разъ законодатель отмѣнилъ это правило въ формѣ примѣч. къ ст. 37 учр. суд. уст., то на какомъ основаніи онъ могъ бы сохранить его въ формѣ ст. 126 учр. сената? И если, тѣмъ не менѣе, онъ формально не отмѣнилъ ст. 126 учр. сен., то развѣ не долженъ былъ сенатъ руководиться афоризмомъ «lex posterior derogat legi priori» и началомъ, что «юридическое основаніе отмѣны прежняго закона заключается не въ указаніи законодателя, а въ существѣ новаго закона» (Таганцевъ)? Этого мало:

Закономъ 1 іюля 1914 года было предписано ввести въ дѣйствіе законъ 15 іюня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда въ полномъ объемѣ въ губерніяхъ: Витебской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Бессарабской, Воронежской, Орловской и Тамбовской и въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Саратовѣ и Астрахани. Но разразившаяся война задержала осуществленіе реформы мѣстнаго суда: Высочайше утвержденнымъ 16 сентября 1914 года Положеніемъ Совѣтъ министровъ, на основаніи ст. 87 основн. законовъ (изд. 23 апрѣля 1906 г.) постановлено: приведеніе въ исполненіе закона 1 іюля 1914 года отложить срокомъ на одинъ годъ.

Нашъ очеркъ исторіи мирового суда въ Россіи законченъ. Мы старались избѣжать въ нашемъ изложеніи того панегирическаго тона, въ который легко впасть въ юбилейномъ изданіи. Но стремленіе къ объективности не могло помѣшать признанію значительныхъ заслугъ мирового суда передъ русскимъ правосудіемъ. Онъ много сдѣлалъ для его оздоровленія и для поднятія общаго уровня правосознанія. Если судебно-административныя учрежденія 1889 года не причинили всего того зла русской правовой жизни, какое они по свойствамъ, имъ присущимъ, могли причинить, то только потому, что они вступили въ дѣйствіе не непосредственно послѣ упраздненія дореформенныхъ учрежденій, а тогда, когда общество уже привыкло къ правосудію, отправляемому, хотя бы и со спорадическими отклоненіями, по закону и доброй совѣсти. Земскіе начальники несравнимы съ мировыми судьями, но отрѣшиться отъ тѣхъ представленій о правосудіи, которыя уже были привиты населенію мировымъ судомъ, и они не могли, а лучшіе изъ нихъ и сознательно слѣдовали примѣру мировыхъ судей.

Теперь наступила очередь земскихъ начальниковъ уступить свое мѣсто мировому суду. Правда, это не прежній мировой судъ, но все же его здоровые корни исходятъ изъ того надежнаго грунта, который представляютъ собою Судебные Уставы. Въ свое время эти здоровые корни дали и здоровые ростки—тѣ добрыя традиціи, которыя были установлены мировыми судьями перваго призыва, которыя поддерживаются въ тѣхъ немногихъ оазисахъ, гдѣ дѣйствуетъ старый мировой судъ, и память о которыхъ сохраняется въ обширной литературѣ о мировомъ судѣ.

для того, чтобы сенатъ могъ не утверждать вновь избранныхъ мировыхъ судей на основаніи отзывовъ администраціи, собственно говоря, одной 126 ст. учр. сената было недостаточно: чтобы входить въ разсмотрѣніе отзывовъ администраціи о лицахъ, избранныхъ на должность мировыхъ судей, сенатъ долженъ былъ эти отзывы получать, а между тѣмъ обязанность губернаторовъ и градоначальниковъ представлять отзывы объ избранныхъ судьяхъ статьею 126 учр. сената не предусматривается: о ней говорило отмѣненное примѣчаніе къ ст. 37 учр. суд. уст.; слѣдовательно, ради сохраненія своего полномочія входить въ оцѣнку благонадежности мировыхъ судей, сенатъ долженъ былъ возстановить не только, очевидно, утратившую свою силу ст. 126 учр. сената, но и формально отмѣненное примѣч. къ ст. 37 учр. суд. уст.

Изъ этихъ традицій двѣ—главнѣйшія: гуманность и законность. О гуманности, какъ о сразу установившейся традиціи мирового суда, свидѣтельствуетъ то любовное отношеніе, которое онъ стяжалъ себѣ на первыхъ же порахъ своей дѣятельности. Что же касается законности, то недаромъ земскіе начальники, по словамъ министра юстиціи И. Г. Щегловитова, исходили въ своей, нерѣдко несогласованной съ закономъ, дѣятельности изъ убѣжденія, «что именно исключительное руководство закономъ и строгое соблюденіе его мировыми судьями вызвали необходимость упраздненія судебно-мирового института»[1]). Если изъ всѣхъ традицій стараго мирового суда новый усвоитъ только эти двѣ—гуманность и законность, то ему обезпечены и общественное довѣріе и общественная благодарность.

Н. Полянскій.

---

[1]) Объяснит. зап. къ проекту о преобраз. мѣстнаго суда, стр. 29.

Изъ исторіи мирового суда въ Москвѣ.

7-го ноября 1865 года московскій городской голова князь А. А. Щербатовъ получилъ отъ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, находившагося въ то время въ Петербургѣ, оффиціальную бумагу съ предложеніемъ, въ виду предполагаемаго по соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ въ апрѣлѣ 1866 года открытія новыхъ судебныхъ установленій въ Московской и С.-Петербургской губерніяхъ, принять мѣры къ составленію московской городской думой списка лицъ, имѣющихъ право быть выбранными въ мировые судьи [1]).

Срокъ для составленія списковъ назначенъ былъ чрезвычайно короткій, а именно, конецъ ноября, а самые выборы мировыхъ судей предполагалось произвести уже въ концѣ января 1866 года. Между тѣмъ работа предстояла огромная. Тѣмъ не менѣе московская распорядительная дума немедленно и энергично приступила къ выполненію возложеннаго на нее порученія. Для этого, по предложенію члена распорядительной думы, Строева [2]), къ которому присоединились губернскій прокуроръ Д. А. Ровинскій и городской голова князь А. А. Щербатовъ, образованы были особыя комиссіи, каждая изъ трехъ гласныхъ общей городской думы и стряпчаго полицейскихъ дѣлъ. Вся Москва подѣлена была на пять районовъ, и въ каждомъ районѣ работала своя комиссія.

Въ началѣ декабря 1865 года комиссіи кончили свой трудъ по составленію списковъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, причемъ въ списки эти внесены были, какъ это дѣлается и до сихъ поръ, лишь тѣ, кто сами изъявили желаніе баллотироваться. Лицъ, желающихъ баллотироваться въ мировые судьи, оказалось не такъ ужъ много; особенно мало было заявленій о желаніи баллотироваться въ почетные мировые судьи. Въ виду этого пріемъ заявленій пришлось продолжить сначала до половины января 1866 года, а затѣмъ и до самаго дня выборовъ.

Особенныя трудности представляло раздѣленіе Москвы на судебно-мировые участки. Никакихъ сколько-нибудь точныхъ данныхъ о простран-

---

[1]) Дѣло № 139/1865 г. московской городской распорядительной думы, т. I, стр. 1.

[2]) Тамъ же, листы 30—38.

ствѣ и населеніи отдѣльныхъ районовъ столицы у распорядительной думы не было. Какъ выяснилось, планъ Москвы еще только готовился къ изданію, но нѣкоторыя полицейскія части (Лефортовская, Рогожская, Срѣтенская) совсѣмъ въ него не вошли. Запрошенный по этому поводу московскій городской статистическій комитетъ сообщилъ распорядительной думѣ, что гражданскій топографъ указалъ, какъ на источники статистическихъ свѣдѣній для этихъ частей Москвы, «на таблицы при полицейскихъ будкахъ», но что «такими источниками комитетъ почелъ для себя неудобнымъ воспользоваться» [1]).

Какъ бы то ни было, распорядительной думѣ въ основаніе всѣхъ своихъ расчетовъ пришлось положить именно полицейскія данныя, такъ какъ единственная утвержденная закономъ городская черта—Камеръ-Коллежскій валъ—имѣла уже чисто историческое значеніе, дѣйствительная же площадь города опредѣлялась полицейскими границами, выходившими далеко за предѣлы Камеръ-Коллежскаго вала. Эта существующая и теперь несогласованность полицейской и городской черты поставила передъ московской городской думой уже въ первые годы существованія мировыхъ учрежденій вопросъ объ отнесеніи мѣстностей за Камеръ-Коллежскимъ валомъ къ вѣдѣнію уѣзднаго мирового съѣзда, вопросъ, такъ и не получившій разрѣшенія [2]); въ наши же дни несогласованность эта послужила однимъ изъ главныхъ препятствій къ введенію въ Москвѣ мѣстнаго суда по закону 15-го іюня 1912 г.

Не отличались большой точностью и доставленныя распорядительной думѣ свѣдѣнія о количествѣ населенія Москвы, такъ какъ учетъ населенія велся лишь по паспортамъ и пресловутымъ таблицамъ полицейскихъ будокъ, причемъ притокъ въ Москву населенія для промысловъ и заработковъ, измѣнявшій иногда число жителей ея на 10—20%, и совсѣмъ въ расчетъ не принимался. А между тѣмъ это-то именно текучее населеніе и должно было, какъ правильно полагала распорядительная дума [3]), доставить мировымъ судьямъ наибольшее количество дѣлъ.

Наконецъ, и самое количество дѣлъ, которыя должны были оказаться въ производствѣ мировыхъ учрежденій, представлялось совершенно неопредѣленнымъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ московскимъ губернскимъ прокуроромъ и относившимся къ 1862 г., гражданскія и уголовныя дѣла, входившія въ кругъ компетенціи мировыхъ учрежденій, вѣдались съ одной стороны чисто судебными мѣстами—двумя департаментами магистрата, городовымъ словеснымъ судомъ, тремя департаментами надворнаго суда и двумя департаментами уѣзднаго суда, а съ другой стороны—полицейскими судами, а именно: учрежденной въ 1860 году комиссіей для разбора рядчи-

---

[1]) Дѣло № 139/1865 г. московской городской распорядительной думы, т. I, стр. 67.

[2]) Журналъ распорядительнаго засѣданія Съѣзда 2-го округа 7-го октября 1868 г.

[3]) Дѣло канцеляріи московской городской думы № 136/1866 г., т. I, листъ 54.

ковъ съ рабочими, девятью словесными судами, учрежденными для той же цѣли при частяхъ города, затѣмъ двумя отдѣленіями управы благочинія—гражданскимъ и уголовнымъ и, наконецъ, 17 частными приставами. Кромѣ того, примирительнымъ разбирательствомъ, но безъ права постановлять рѣшенія, занимались три сословныя управы и полицейскіе чины въ 17 частяхъ и 42 кварталахъ г. Москвы. Сколько-нибудь точными представлялись лишь данныя судебныхъ и судебно-административныхъ мѣстъ, въ которыхъ въ 1862 году было разобрано до 8000 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, данныя же полицейскія не внушали къ себѣ никакого довѣрія. Въ томъ, какъ мало можно было на нихъ полагаться, дума уже убѣдилась изъ практики учрежденныхъ въ 1860 г. комиссіи для разбора рядчиковъ съ рабочими и словесныхъ судовъ, которые, включая въ свой составъ общественный элементъ, представляли значительное улучшеніе въ русскомъ судоустройствѣ. Эти суды въ первый же годъ своего существованія были завалены работой, а между тѣмъ до ихъ учрежденія въ книгахъ частныхъ приставовъ записей о разборѣ дѣлъ между рабочими и рядчиками совсѣмъ не было [1]). При той боязни, которую, не безъ основаній, чувствовало населеніе къ дореформенному суду, очень много дѣлъ и совсѣмъ не доходило до судебнаго разбирательства; часть же дѣлъ, благодаря предоставленной полиціи власти имѣть попеченіе о разнообразныхъ сторонахъ общественной и частной жизни, заканчиваясь послѣ отеческаго внушенія не вполнѣ добровольнымъ примиреніемъ, дѣлались тайной полицейской части и никуда изъ стѣнъ ея не выходили.

Относясь, поэтому, скептически къ предоставленнымъ ей даннымъ о предполагаемомъ количествѣ дѣлъ, распорядительная дума положила въ основаніе своихъ расчетовъ цифру вдвое бо́льшую—а именно, 16 тысячъ дѣлъ и, сообразно этому количеству дѣлъ, предлагала раздѣлить Москву на 14 мировыхъ участковъ. Общая городская дума, разсмотрѣвъ это предложеніе, постановила открыть 17 мировыхъ участковъ по числу полицейскихъ частей и раздѣлить Москву на 2 мировыхъ округа.

Подготовительныя работы закончены были къ половинѣ января 1866 года и 25 февраля состоялись въ общей городской думѣ выборы мировыхъ судей. Гласнымъ думы, независимо отъ общаго списка лицъ, желающихъ баллотироваться въ судьи, который включалъ въ себя 72 кандидата въ участковые и 54—въ почетные мировые судьи, былъ розданъ особый списокъ, составленный на совѣщаніи городского головы съ сословными старшинами и старшинскими товарищами. Этотъ списокъ и прошелъ почти цѣликомъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ полностью привести списокъ первоизбранныхъ судей и мы укажемъ лишь, что въ почетные мировые судьи, между прочимъ, избраны были три профессора московскаго университета, С. И. Баршевъ, А. А. Альфонскій и Ѳ. Б. Мюльгаузенъ, и нѣсколько предводителей дворянства; въ числѣ избранныхъ въ участковые

[1]) Дѣло канцеляріи московской городской думы № 136 (1866 г., т. I, листъ 56).

мировые судьи оказалось нѣсколько лицъ, ранѣе служившихъ въ дореформенныхъ судахъ.

По Высочайшему повелѣнію отъ 19 марта 1866 года днемъ открытія мировыхъ учрежденій въ Москвѣ назначено было 17 мая. Въ этотъ день первоизбранные мировые судьи, собравшись въ городской думѣ, приняли присягу и образовали первое общее распорядительное засѣданіе, на которомъ выбрали предсѣдателей и непремѣнныхъ членовъ 2-хъ съѣздовъ и распредѣлили между собой мировые участки. Предсѣдателемъ съѣзда 1-го округа былъ выбранъ почетный мировой судья С. А. Тарасовъ, предсѣдателемъ съѣзда 2-го округа—почетный мировой судья Н. Д. Игнатьевъ, вскорѣ потомъ назначенный членомъ московской судебной палаты, но долго еще не прерывавшій связи, въ качествѣ почетнаго мирового судьи, съ мировымъ институтомъ. Непремѣнными членами оказались избранными: по 1-му округу С. Н. Позняковъ и А. Д. Плечко, по 2-му округу—А. Н. Бухтѣевъ и кн. А. М. Голицынъ. Къ составу 1-го округа отнесены были мировые участки: Городской, Тверской, Арбатскій, Прѣсненскій, Пречистенскій, Хамовническій, Якиманскій, Пятницкій и Серпуховскій; ко 2-му округу: Мясницкій, Яузскій, Басманный, Срѣтенскій, Мѣщанскій, Сущевскій, Рогожскій и Лефортовскій.

Мировыя учрежденія города Москвы, такимъ образомъ, конституировались. Оставалось лишь начать работу.

Наконецъ 19 мая 1866 года въ Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ (№ 102) среди различныхъ мелочей обывательской жизни, среди любопытныхъ по стилю объявленій о всевозможныхъ средствахъ и снадобьяхъ, какъ то: «о миндально-огуречномъ притираніи для убѣленія и утонченія цвѣта лица», о «вѣрнѣйшемъ средствѣ отъ крысъ и мышей въ грецкихъ орѣхахъ, отъ котораго они не издыхаютъ, но убѣгаютъ изъ своего гнѣздища вонъ» и проч., появилась публикація предсѣдателей двухъ мировыхъ съѣздовъ объ открытіи дѣятельности мировыхъ учрежденій и о принятіи непремѣнными членами съѣздовъ прошеній въ зданіи городской думы. Въ этой же публикаціи указывались и предѣлы мировой подсудности, равно какъ дѣленіе Москвы на мировые участки и личный составъ судей. Такъ началась жизнь мировыхъ учрежденій города Москвы, объединившихся потомъ въ 1873 году въ одинъ судебно-мировой округъ; такъ началась дѣятельность московскихъ мировыхъ судей, напутствованныхъ завѣтомъ Министра Юстиціи Замятнина «поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей закономъ, и сдѣлать изъ него краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда» [1]).

Въ этой поневолѣ краткой статьѣ мы не можемъ ставить своей задачей охватить всю сорокадевятилѣтнюю исторію московскаго столичнаго мирового съѣзда. Ко дню 50-лѣтія съѣзда это долженъ будетъ сдѣлать болѣе обширный коллективный трудъ. Здѣсь же мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые

---

[1]) Г. А. Джаншіевъ. Сборникъ статей, изд. «Задруга», стр. 296.

наиболѣе важные моменты изъ жизни и дѣятельности мировыхъ учрежденій города Москвы и то постольку, поскольку они соприкасались съ жизнью русскаго общества, свѣтлыми его надеждами, глубокими разочарованіями.

Мировой судъ по самому существу своему тѣсно и неразрывно связанъ съ обществомъ, всю силу авторитета своего онъ черпаетъ въ довѣріи общества и этимъ же довѣріемъ опредѣляется его непрерывная дѣятельность на пользу общества. Естественнымъ, поэтому, кажется и тотъ энтузіазмъ, съ которымъ принято было московскимъ населеніемъ открытіе мировыхъ учрежденій; нѣтъ ничего неестественнаго и въ томъ плохо скрытомъ недоброжелательствѣ, на которое съ первыхъ же дней своего существованія натолкнулся мировой судъ у московской администраціи, привыкшей ко всей полнотѣ власти, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемой и граничившей нерѣдко съ произволомъ. Тогдашніе представители московской администраціи, съ которыми московскому обществу приходилось ближе всего соприкасаться,— генералъ-губернаторъ кн. В. А. Долгоруковъ и оберъ-полиціймейстеръ свиты Его Величества ген.-маіоръ Араповъ были настолько рельефными фигурами на фонѣ московской жизни, что столкновеніе ихъ всеобъемлющей доселѣ власти съ новыми учрежденіями, поставленными самимъ закономъ внѣ сферы ихъ вліянія, казалось и было неизбѣжнымъ. А между тѣмъ общественная мысль именно въ независимости судебныхъ учрежденій черпала довѣріе свое къ ихъ дѣятельности. «Законность и право становятся дѣйствительностью лишь въ той общественной средѣ, гдѣ есть правильный судъ и гдѣ судъ есть сила независимая и самостоятельная», писалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» [1]) наканунѣ открытія въ Москвѣ судебныхъ учрежденій М. Н. Катковъ, далекій еще отъ мысли итти рука объ руку съ реакціонерами, избравшими въ то время своимъ органомъ крѣпостническую газету «Вѣсть». Надежда общества сбылась вполнѣ и «характеръ независимости и самостоятельности», какъ прямой результатъ дѣятельности независимаго суда, сталъ сообщаться «всѣмъ проявленіямъ народной жизни» (Катковъ). Мировому суду въ этомъ измѣненіи уклада народной жизни выпала на долю роль, едва ли не наиболѣе важная.

Сдѣлавшись на первыхъ же порахъ руководителемъ и совѣтчикомъ населенія, которое прибѣгало къ нему не только для разрѣшенія судебныхъ споровъ, но и для улаженія различныхъ, нерѣдко чрезвычайно интимныхъ затрудненій и недоразумѣній, и для защиты отъ произвола сильныхъ и властью облеченныхъ, мировой судъ произвелъ такой сдвигъ въ общественныхъ отношеніяхъ, на какой не расчитывали. И началась глухая, мало замѣтная сначала, но постепенно разгоравшаяся борьба съ мировымъ институтомъ. Москва была далека отъ той грандіозной кампаніи, которая велась въ Петербургѣ противъ Судебныхъ Уставовъ, отъ той сѣти интригъ, которыя вынудили наконецъ Замятнина покинуть постъ министра юстиціи, но и въ ней ощущалась атмосфера недоброжелательства, мало-по-малу окутывавшая новые суды. Нѣсколько эпизодовъ изъ дѣятельности мирового

---

[1]) Въ № отъ 22 апрѣля 1866 г. См. Сборн. перед. ст. М. Н. Каткова, стр. 234.

суда въ Москвѣ выяснятъ всего лучше тѣ условія, въ которыхъ пришлось начать свою работу московскимъ мировымъ судьямъ, дадутъ представленіе объ отношеніяхъ, которыя установились между ними и вершителями судебъ московскаго населенія—генералъ-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ и оберъ-полиціймейстеромъ Араповымъ.

Князь В. А. Долгоруковъ являлся чрезвычайно характерной фигурой старой Москвы. Широкое хлѣбосольство, и, когда нужно, снисходительная привѣтливость, прямота, самовластіе—почти самодурство—всѣ эти качества сочетались въ немъ съ рѣдкой пропорціональностью. Этимъ, вѣроятно, и объясняется та несомнѣнная популярность, которой онъ пользовался въ московскомъ обществѣ въ теченіе болѣе, чѣмъ 25-лѣтняго управленія Москвой. Къ мировымъ учрежденіямъ кн. В. А. Долгоруковъ относился съ несомнѣнной симпатіей, и московскій столичный мировой съѣздъ отмѣтилъ это потомъ въ поднесенномъ ему юбилейномъ адресѣ. Симпатіи свои кн. Долгоруковъ выражалъ и чисто внѣшними знаками вниманія. Ежегодно 17-го мая—въ день открытія въ Москвѣ мировыхъ учрежденій онъ съ адъютантомъ пріѣзжалъ въ мировой съѣздъ на торжественное молебствіе; на всѣ рауты и балы въ генералъ-губернаторскомъ домѣ московскіе мировые судьи получали отъ него приглашенія и т. д. И несмотря на все это, ему слишкомъ чужда была лежавшая въ основѣ новыхъ учрежденій идея независимости суда. Случалось, онъ пытался воздѣйствовать на мировыхъ судей, вынесшихъ то или иное неугодное ему рѣшеніе; случалось, приглашалъ къ себѣ предсѣдателя мирового съѣзда и дѣлалъ ему, со свойственной ему прямотой, почти что внушеніе по поводу направленія дѣятельности судей. И много нужно было нравственной стойкости и такта, чтобы сумѣть оберечь мировой судъ отъ такого вліянія. Намъ чужда мысль слишкомъ идеализировать дѣятельность первыхъ мировыхъ судей. Несомнѣнно, въ ихъ дѣятельности были ошибки, промахи и увлеченія, но мы должны поставить въ особую имъ заслугу, что они свободны были отъ чьего-либо вліянія и ничьему воздѣйствію не поддавались. Старѣйшіе дѣятели московскаго мирового съѣзда вспоминаютъ одинъ случай, хорошо характеризующій, какъ самого кн. В. А. Долгорукова, такъ и условія работы мировыхъ учрежденій. Желая «почистить» Москву къ предстоявшей всероссійской выставкѣ, московская администрація предъявила къ торговцамъ изъ палатокъ на Калужской площади требованіе о сносѣ этихъ палатокъ. Торговцы, откупившіе на срокъ у городской управы мѣста, возопили и рѣшительно отказались подчиниться этому требованію. Тогда полиція по распоряженію генералъ-губернатора возбудила противъ нихъ обвиненіе въ неисполненіи «законныхъ ея требованій». Мировому судьѣ, а затѣмъ и съѣзду пришлось обсудить вопросъ о «законности» требованій полиціи и, какъ тотъ, такъ и другой, пришли къ весьма неутѣшительному для послѣдней выводу, оставивъ торговцамъ ихъ палатки. Предсѣдатель съѣзда, Г. В. Грудевъ, встрѣтившись случайно въ тотъ день, когда разбиралось дѣло въ съѣздѣ, съ кн. Долгоруковымъ и зная, что онъ очень этимъ дѣломъ интересуется, сообщилъ ему о приговорѣ съѣзда. Реплика князя заставила предсѣдателя съѣзда пожалѣть о томъ, что онъ судья. «Вы о палаткахъ го-

ворите?» сказалъ Долгоруковъ—«да я уже распорядился убрать ихъ въ эту ночь».

Особенно частыя и рѣзкія столкновенія происходили у мирового суда съ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Араповымъ. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Араповъ, заступаясь за подчиненныхъ ему чиновъ полиціи, которымъ, надо думать, нелегко было разставаться съ принадлежавшей имъ доселѣ ролью судей «скорыхъ и милостивыхъ», вступилъ съ мировымъ съѣздомъ въ обширную переписку.

Араповъ жаловался и, быть можетъ, не безъ основаній, что нѣкоторые мировые судьи принимаютъ къ своему производству и разбираютъ неподвѣдомыя имъ дѣла объ оскорбленіяхъ частныхъ лицъ полицейскими чинами при исполненіи послѣдними обязанностей службы, причемъ высказывалъ въ своей жалобѣ такія мысли по поводу гласности суда, которыя мировымъ судьямъ казались почти что святотатственными. «Конечно, полиція» писалъ онъ, «имѣетъ право протестовать по каждому такому дѣлу товарищу прокурора»... но протесты эти, «ведя къ кассаціи рѣшеній мирового судьи, не въ силахъ, при публичности сего суда, убѣдить каждаго, что онъ не имѣетъ права обращаться къ мировому судьѣ съ жалобой на чиновъ полиціи» [1]).

Въ наши дни мысли генералъ-маіора Арапова врядъ ли способны были произвести тотъ эффектъ, какой произвели онѣ на мировыхъ судей перваго призыва. Въ журналахъ распорядительныхъ засѣданій мирового съѣзда 1-го округа сохранилось одно постановленіе съѣзда, которое мы, въ виду особливаго интереса, имъ представляемаго, считаемъ необходимымъ привести здѣсь in extenso.

«Усматривая и нынѣ изъ отношенія г. прокурора московскаго окружнаго суда», говорится въ постановленіи, «что г. оберъ-полиціймейстеръ повторяетъ снова тѣ же обвиненія на мировыхъ судей въ превышеніи власти и въ послабленіи обвиняемымъ безъ указаній лицъ и основаній къ тому, которыя были уже въ разсмотрѣніи мирового съѣзда, присовокупляя только свои соображенія о вредѣ гласнаго судопроизводства по дѣламъ полиціи и извѣстные ему толки»... Съѣздъ полагаетъ обратить вниманіе г. прокурора окружнаго суда на то, что «возбужденіе г. московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ нареканій на мировыхъ судей въ незаконности ихъ дѣйствій, безъ всякихъ къ тому основаній, и изображеніе предполагаемыхъ имъ вслѣдствіе этого дурныхъ послѣдствій въ отношеніи государственнаго благочинія и благоустройства, составляютъ проступокъ, запрещенный закономъ, о которомъ съѣздъ не возбуждаетъ въ настоящемъ случаѣ вопроса единственно въ видахъ устраненія перекананій, такъ какъ судъ считаетъ неудобнымъ придавать значеніе однимъ фразамъ и гаданіямъ, возникшимъ подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ суду обстоятельствъ, и что подобныя дѣйствія административнаго лица и безъ всякаго преслѣдованія со стороны мирового суда разоблачатся сами собой передъ дѣйствительностью и уничтожатся

---

[1]) Журналъ распорядительныхъ засѣданій 2 Съѣзда 1866 г.: отношеніе Моск. Об. Полиц. отъ 10 ноября 1866 г. № 21962.

предъ благотворной законной дѣятельностью мирового института, выше всего ставящаго не произволъ или личное предположеніе, а законъ, благо государства и гражданъ, имѣвшихъ счастіе, по волѣ монарха, избавиться отъ прежняго порядка и стать передъ судомъ гласнымъ, безпристрастнымъ и нелицепріятнымъ» [1]).

Можно себѣ легко представить, что генералъ-маіоръ Араповъ къ такимъ рѣчамъ и отповѣдямъ не привыкъ, и онѣ могли только еще болѣе укрѣпить его въ убѣжденіи, что мировой судъ способствуетъ распространенію въ народѣ «превратныхъ», какъ тогда любили говорить, «толковъ и сужденій». И конечно, дѣятельность мировыхъ судей, которые открыто высказывали осужденіе мѣрамъ административнаго воздѣйствія на обывателей со стороны какого-нибудь вице-унтеръ-офицера мушкатерской команды Кувердяева или квартальнаго Свистунова,—мѣрамъ воздѣйствія, усвоеннымъ ими отъ высшаго ихъ начальства, не могла расчитывать на его сочувствіе.

Въ своемъ несочувствіи дѣятельности мирового суда московскій оберъ-полиціймейстеръ не былъ совсѣмъ уже одинокъ. Въ этомъ отношеніи къ мировому суду поддерживали его и нѣкоторыя группы московскаго населенія—конечно, тѣ, которыя имѣли возможность и средства добиваться въ прежнихъ полицейскихъ судахъ скораго и благопріятнаго разрѣшенія ихъ дѣлъ.

Въ журналахъ распорядительныхъ засѣданій мирового съѣзда перваго округа за 1866 годъ сохранилось, между прочимъ, любопытное прошеніе 6 содержателей гостинницъ и меблированныхъ комнатъ, въ которомъ они, вздыхая по старомъ порядкѣ безотлагательнаго выселенія полиціей неисправныхъ жильцовъ, молятъ мировой съѣздъ установить внѣочередный разборъ ихъ дѣлъ въ тотъ же день и никакъ не позднѣе слѣдующаго и «предоставить имъ право обращаться къ полиціи о задержаніи неисправныхъ плательщиковъ или ихъ имущества до разбора дѣла мировымъ судьею» [2]).

Однако, огромная масса московскаго населенія и особенно населенія трудящагося и малосостоятельнаго, съ которымъ мировому суду приходится соприкасаться всего ближе, обнаруживала совершенно иное къ нему отношеніе. Уже огромное количество дѣлъ, возникшихъ въ первый же годъ у московскихъ мировыхъ судей,—дѣлъ, съ которыми прежде и не рисковали обращаться въ дореформенные суды, памятуя, что «съ богатымъ не судись, а съ сильнымъ не борись», показывастъ, насколько мировыя учрежденія сдѣлались популярными среди московскаго населенія. И гласность разбирательства, представлявшая гарантію правосудія, и простота его, и доступность новаго суда, ярко демонстрировавшаго равенство всѣхъ передъ закономъ, и возможность получить иногда добрый отъ судьи совѣтъ—все это привлекло къ мировымъ учрежденіямъ всеобщія симпатіи.

---

[1]) Журналъ распоряд. засѣд. Мирового Съѣзда 1-го округа 1867 г. отъ 8-го марта.

[2]) Журналъ распоряд. засѣд. Мирового Съѣзда I округа отъ 23 августа 1866 года.

У самихъ судей подъ вліяніемъ предъявлявшихся къ нимъ запросовъ, подъ вліяніемъ, быть можетъ, особыхъ обывательскихъ свойствъ тѣхъ дѣлъ, съ которыми имъ въ ихъ дѣятельности приходилось сталкиваться, вырабатывались особые пріемы и навыки, не совсѣмъ иногда мирившіеся съ строгими нормами судопроизводства, но всегда почти отвѣчавшіе жизненнымъ условіямъ и потребностямъ, и жизненной правдѣ, и еще болѣе способствовавшіе популярности мирового суда. Шутливое слово, мѣткая острота, сочувственный вопросъ или ласковое увѣщаніе—все это попадало, по большей части, на благодарную почву. Прояснялись хмурыя лица, невольно протягивались одна къ другой руки вчерашнихъ враговъ, чистосердечно каялся преступникъ, до сихъ поръ упорно запиравшійся, стыдно становилось купцу-самодуру, притѣснявшему своихъ рабочихъ. Хорошо извѣстенъ и до сихъ поръ стихотворный приговоръ мирового судьи Багриновскаго, который, въ отвѣтъ на циничное заявленіе субъекта, обвинявшагося въ мошенничествѣ: «на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ», постановилъ представшую предъ нимъ «щуку за такую штуку посадить въ садокъ—на три мѣсяца въ острогъ». Много еще болѣе любопытныхъ и, повторяемъ, всегда почти отвѣчавшихъ жизненной правдѣ рѣшеній московскихъ мировыхъ судей остаются неизвѣстными для публики.

Приведемъ изъ богатой сокровищницы воспоминаній одного изъ старѣйшихъ дѣятелей мирового суда въ Москвѣ—секретаря съѣзда А. Т. Савельева два дѣла, которыя произвели большое впечатлѣніе на всѣхъ, соприкасавшихся съ мировыми учрежденіями.

Въ мировомъ съѣздѣ разбиралось дѣло по иску одного лавочника къ своему покупателю, желавшему воспользоваться отсутствіемъ у истца какихъ-либо портативныхъ письменныхъ доказательствъ. Должникъ упорно и въ судѣ отрицалъ свой долгъ, и лавочникъ почти отчаялся добиться благопріятнаго для себя рѣшенія, да во-время вспомнилъ о записяхъ забора отвѣтчика на дверяхъ его квартиры. Съѣздъ предложилъ отвѣтчику представить въ судъ это единственное доказательство истца и послѣ нѣкотораго перерыва засѣданія дверь, о которой шла рѣчь, была торжественно внесена въ залу засѣданія. Лавочникъ, благодаря ей, выигралъ дѣло, должникъ же его былъ посрамленъ.

Другое дѣло по бытовой своей обстановкѣ еще болѣе интересно. Одна малоразвитая женщина придя въ камеру мирового судьи Хамовническаго участка, принесла ему жалобу на «чорта», обобравшаго ее, по словамъ жалобщицы. Мировой судья С. С. Румянцевъ, заподозрѣвъ здѣсь мошенничество, принялъ жалобу и внимательно выслушалъ жалобщицу; убѣдившись въ томъ, что она дѣйствительно сдѣлалась жертвой ловкихъ мошенниковъ, онъ привлекъ ихъ къ отвѣтственности и приговорилъ къ строгому наказанію. Разбирательство это въ свое время надѣлало шуму. Люди, мало знакомые съ сущностью его, открыто глумились надъ мировымъ судьей, который-де судилъ «чорта», но, какъ видимъ, обстановка его была такова, что могла лишь способствовать увеличенію довѣрія къ мировому суду со стороны московскаго населенія.

Пріобрѣтая симпатіи трудящихся слоевъ населенія, мировой судъ скоро, однако, попалъ подъ сильное подозрѣніе у охранителей. Накоплявшееся въ теченіе ряда лѣтъ глухое чувство враждебности къ новымъ, въ самомъ существѣ своемъ глубоко прогрессивнымъ стремленіямъ дѣятелей мирового суда, черпавшихъ эти прогрессивныя стремленія изъ соприкосновенія съ жизнью, вдругъ прорвалось у нихъ по самому, казалось бы, незначительному поводу. Мировой судья Серпуховскаго участка разбиралъ дѣло по жалобѣ горничной Ульяновой на свою хозяйку, жену провизора Энкена, выгнавшую ее послѣ словесныхъ оскорбленій, на ночь глядя, безъ паспорта на улицу. Мировой судья, найдя въ поступкѣ г-жи Энкенъ самоуправство, приговорилъ ее по 142 ст. уст. о нак. къ 10 днямъ ареста; по обвиненію же по 131 ст. уст. о нак., оставилъ Энкенъ, на основаніи 138 ст. уст. о нак., за взаимностью оскорбленій безъ наказанія. Съѣздъ, разбиравшій это дѣло подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя съѣзда В. В. Давыдова въ составѣ почетнаго мирового судьи И. И. Шаховского и участковаго судьи Н. О. Бородаевскаго, приговоръ мирового судьи утвердилъ. Вотъ этотъ-то приговоръ и навлекъ на мировой судъ гнѣвъ охранительной печати, къ которой къ тому времени открыто примкнулъ М. Н. Катковъ. «Намъ извѣстенъ», писалъ Катковъ 18 декабря 1873 года, «цѣлый рядъ рѣшеній мировыхъ судей, между прочимъ, по дѣламъ изъ круга взаимныхъ отношеній прислуги и хозяевъ, рѣшеній такого рода, что мы не разъ воздерживались печатать ихъ изъ тѣхъ же самыхъ опасеній, какія заставляютъ насъ отметать продукты неправильной мысли или испорченнаго воображенія, которые могутъ смущать людей и сбивать ихъ съ толку. Но эти своего рода сатурналіи не могутъ же продолжаться вѣчно, и необходимо же, наконецъ, обратить на нихъ серьезное вниманіе». Серьезное вниманіе было обращено, и Правительствующій Сенатъ, куда, по жалобѣ г-жи Энкенъ, перешло дѣло, отмѣнилъ приговоръ съѣзда, повторивъ въ своемъ рѣшеніи почти дословно аргументацію Каткова, критиковавшаго въ указанной статьѣ отъ 18 декабря 1873 года приговоръ съѣзда (Рѣшеніе правительствующаго сената 8 марта 1875 года № 176). Этимъ рѣшеніемъ Сената еще рѣзче отмѣчена была грань между идеалистически либеральными стремленіями мирового суда и тѣми усиліями, которыя дѣлались поклонниками старыхъ порядковъ къ тому, чтобы отвоевать хоть часть утраченныхъ ими позицій.

Походъ противъ московскихъ мировыхъ судей, начатый не безъ успѣха охранительной печатью, всколыхнулъ ту муть общественной жизни, которая до сихъ поръ не смѣла показываться на поверхность. На мировыхъ судей начинаютъ поступать доносы и ябеды то подпольныхъ ходатаевъ, то представителей контроля, то еще какихъ-нибудь представителей администраціи. Жутко перечитывать журналы распорядительныхъ засѣданій того времени; жутко переживать ту атмосферу недовѣрія и злобы, которая сгустилась надъ мировымъ судомъ. Одно изъ такихъ характерныхъ для эпохи начала 70-хъ годовъ дѣло, быть можетъ, нелишнее упомянуть здѣсь. Оно коснулось и понынѣ еще здравствующаго бывшаго предсѣдателя съѣзда С. И. Печкина, въ 1875 году исполнявшаго должность мирового судьи Ро-

тожскаго участка. Нѣкая Лукина при содѣйствіи ходатая по дѣламъ Карягина, выступавшаго на судѣ свидѣтелемъ, обвиняла С. И. Печкина въ лихоимствѣ. Мировой съѣздъ долженъ былъ возбудить обвиненіе противъ Лукиной въ ложномъ доносѣ и противъ Карягина въ лжесвидѣтельствѣ на судѣ. Судъ присяжныхъ реабилитировалъ мировой судъ и судью, признавъ и Лукину, и Карягина виновными. Реабилитировала его и ревизія сенатора Фриша, состоявшаяся въ 1874 году, матеріалы которой дали сенату основаніе признать «общую удовлетворительность хода мирового дѣла» [1]) въ московскомъ столичномъ округѣ. Этимъ пресѣкалась въ корнѣ возможность злостныхъ толковъ и инсинуацій. Но работа противниковъ Судебныхъ Уставовъ не прекратилась.

Въ этой атмосферѣ дожилъ московскій мировой судъ до закона 12 іюля 1889 года. Если до этой даты жизнь московскаго столичнаго мирового округа почти сливалась съ жизнью мировыхъ судовъ имперіи, то со времени закона 12-го іюля, сохранившаго мировыя учрежденія въ немногихъ лишь мѣстахъ и въ томъ числѣ въ городѣ Москвѣ, положеніе въ значительной степени мѣняется. Съ этихъ поръ Московскій столичный мировой съѣздъ ставитъ своей исторической миссіей, сохранить въ мѣстномъ судѣ въ неприкосновенности основныя начала Судебныхъ Уставовъ до того лучшаго времени, когда ходъ исторіи заставитъ законодателя вновь возвратиться къ этимъ началамъ. Непоколебимая вѣра въ грядущее возвращеніе къ формамъ выборнаго мирового суда краснорѣчиво высказана была покойнымъ предсѣдателемъ мирового съѣзда П. Н. Грековымъ въ отвѣтъ на поднесенный ему мировыми судьями юбилейный адресъ. «Пожелаемъ искренне и задушевно» говорилъ онъ, «чтобы московскій мировой съѣздъ стоялъ несокрушимо на высотѣ своего призванія, строго охраняя тѣ нравственныя основы, на которыхъ онъ сформировался и укрѣпился, и да будетъ онъ освѣщающимъ путь маякомъ для грядущихъ за нами поколѣній, для которыхъ, я твердо вѣрю, наступитъ вновь потребность въ расширеніи мировой юстиціи на все обширное пространство нашего дорогого отечества». И эту вѣру поддерживали въ мировомъ съѣздѣ всѣ тѣ, которые близко наблюдали дѣятельность мирового суда и умѣли цѣнить положительныя качества его работы. Вотъ что писалъ въ 1895 году бывшій прокуроръ московскаго окружнаго суда П. Н. Обнинскій: «живымъ легъ онъ (мировой институтъ) въ свой неожиданный гробъ; но не совершенъ еще обрядъ полнаго погребенія: мѣстами институтъ живетъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Правда, этихъ оазисовъ оставлено немного; но они не обломки разрушеннаго зданія, уцѣлѣвшіе среди общаго крушенія и сохранившіе лишь археологическій интересъ, а корни, глубоко сѣвшіе въ землѣ,—корни жизнеспособные, жизнеспособные до того, что неприкосновенность ихъ оказалось необходимымъ оговорить въ контрактѣ о продажѣ всего остального лѣса на срубъ. Придетъ время, корни эти разрастутся, и по-прежнему зазеленѣетъ яркая молодая поросль тамъ, гдѣ теперь среди засухи и безводья гуляетъ на просторѣ вѣтеръ «личнаго усмотрѣнія» и рас-

[1]) Указъ Прав. Сената 1877 г. января 15 дня.

поряжается «властная рука» (Сборникъ правовѣдѣнія, т. V. 1895 года: Обнинскій «Мировые суды и ихъ преемники», стр. 32). Заданія, поставленныя сложившимися обстоятельствами передъ мировымъ судомъ въ Москвѣ, въ значительной мѣрѣ облегчались особливымъ къ нему довѣріемъ со стороны городского общественнаго управленія, считавшаго выборный мировой судъ уже привилегіей города Москвы. А это само собой отражалось на составѣ мирового съѣзда, пополнявшагося именно тѣми мѣстными людьми, о которыхъ, какъ о желанныхъ кандидатахъ на должность мирового судьи, говорили творцы Судебныхъ Уставовъ, указывая на «лица, до сего времени удалявшіяся отъ службы по разнымъ причинамъ». Приводимые ниже эпизоды должны показать, что идея суда независимаго въ послѣдующее тяжелое для русской общественности время смѣло охранялась московскими мировыми судьями.

Высочайше утвержденнымъ 30 января 1898 г. положеніемъ комитета министровъ московскому генералъ-губернатору «въ изъятіе изъ общаго порядка» предоставлялось подвергать нарушителей обязательныхъ постановленій московской городской думы по санитарной части денежному взысканію до 500 руб. или аресту до одного мѣсяца.

2 Марта 1898 г. московскій генералъ-губернаторъ опубликовалъ въ Вѣдомостяхъ московской городской полиціи списокъ тѣхъ обязательныхъ постановленій московской городской думы, которыя онъ призналъ необходимыми подчинить дѣйствію вышеупомянутаго положенія комитета министровъ. 4 Марта московскій оберъ-полиціймейстеръ увѣдомилъ предсѣдателя московскаго мирового съѣзда, что взысканіе въ административномъ порядкѣ будетъ налагаться лишь въ особо важныхъ случаяхъ, и что имъ, согласно личному приказанію г. московскаго генералъ-губернатора, сдѣлано по полиціи распоряженіе о томъ, чтобы протоколы по такимъ нарушеніямъ, которыя, хотя и предусмотрѣны указанными обязательными постановленіями, но не представляютъ собой серьезныхъ нарушеній по санитарной части, направлялись въ общемъ порядкѣ г. мировымъ судьямъ.

Создавалось положеніе необычайное. Съ одной стороны, названнымъ положеніемъ комитета министровъ нарушался общій принципъ, выраженный столь категорично въ I и 14 ст. ст. уст. уг. суд., въ силу коихъ никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, подлежащій судебному вѣдомству, иначе, какъ по приговору подлежащаго суда, вошедшему въ законную силу, съ другой стороны, къ жизни одновременно призывались и нормальный судебный и чрезвычайный административный порядки, причемъ избраніе того или другого становилось актомъ усмотрѣнія даже не генералъ-губернатора, но подчиненныхъ ему органовъ полиціи, дѣйствующихъ по директивамъ, изложеннымъ въ личномъ приказаніи генералъ-губернатора, отданномъ оберъ-полиціймейстеру.

Полное изъятіе изъ судебнаго порядка разсмотрѣнія цѣлаго ряда уголовныхъ дѣлъ, точно опредѣленныхъ по ихъ объективнымъ признакамъ, было явнымъ нарушеніемъ общаго принципа, трактовавшагося творцами Судебныхъ Уставовъ, какъ защита личности отъ произвола административной власти, рѣшенія которой по дѣламъ судебнымъ всегда внушаютъ къ

себѣ недовѣріе, и всякое наказаніе, назначенное безъ суда, представляется произволомъ власти, возбуждающимъ ропотъ (Журн. соед. деп. госуд. сов. 1862 г. № 65 стр. 164, 165). Установленіе наряду съ судебнымъ административнаго порядка для разсмотрѣнія дѣлъ одного и того же рода, причемъ самый выборъ того или иного порядка предоставлялся администраціи и происходилъ въ зависимости отъ ея же сужденія о большей или меньшей важности содѣяннаго проступка, прямо подрывало авторитетъ суда и ставило его въ зависимое положеніе отъ администраціи.

Московскому мировому съѣзду приходилось рѣшить вопросъ, отмѣненъ ли всецѣло судебный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ по нарушенію обязательныхъ постановленій московской городской думы, перечисленныхъ въ обязательномъ постановленіи генералъ-губернатора отъ 2 марта 1898 г. и, если не отмѣненъ, то какими правилами должно опредѣляться обращеніе каждаго даннаго дѣла къ судебному или административному порядку разсмотрѣнія. Глубоко затронутый въ чувствѣ законности, въ которомъ воспитали его Судебные Уставы, съѣздъ не сомнѣвался въ ненормальности порядка, установленнаго распоряженіемъ оберъ-полицеймейстера отъ 4 марта 1898 г.; но его искушалъ тотъ фактъ, что сама административная власть выказала желаніе сохранить нормальный порядокъ для большинства дѣлъ, оставивъ за собой право опредѣлять случаи особо важные и къ нимъ примѣнять административный порядокъ разсмотрѣнія. Отвергнуть возникавшую возможность сохраненія судебнаго порядка, предать обывателя всецѣло въ руки полиціи съѣздъ не рѣшился и въ распорядительномъ засѣданіи 7 марта 1898 г. призналъ, что Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 30 января не устраненъ всецѣло порядокъ судебнаго разсмотрѣнія дѣлъ по нарушенію обязательныхъ постановленій московской городской думы по санитарной части, и въ виду этого постановилъ «просить московскаго оберъ-полиціймейстера, чтобы при передачѣ мировымъ судьямъ протоколовъ по нарушеніямъ, указаннымъ въ обязательномъ постановленіи московскаго генералъ-губернатора, въ сообщеніяхъ полицейскихъ приставовъ непремѣнно упоминалось особо по каждому дѣлу, что дѣло это направляется въ общемъ порядкѣ по распоряженію Его Императорскаго Высочества, московскаго генералъ-губернатора». Эта точка зрѣнія съѣзда не была раздѣлена московскимъ генералъ-губернаторомъ, по приказу котораго оберъ-полиціймейстеръ отношеніями отъ 12 марта, 1 и 15 апрѣля старался убѣдить съѣздъ въ правильности установленнаго имъ порядка. Тѣмъ не менѣе мировые судьи прекращали по 1 ст. уст. уг. суд. полицейскія дознанія по нарушенію обязательныхъ постановленій московской городской думы по санитарной части, при передачѣ которыхъ судьѣ полицейскіе пристава не указывали, что передача эта совершается по особому распоряженію генералъ-губернатора. Инцидентъ разрѣшился указомъ правительствующаго сената по уг. кас. деп. отъ 30 сентября 1898 г. за № 6359, въ которомъ сенатъ призналъ согласнымъ со смысломъ закона циркулярное распоряженіе московскаго оберъ-полиціймейстера отъ 4 марта 1898 г. № 38, изданное съ разрѣшенія московскаго генералъ-губернатора о направленіи въ общемъ порядкѣ полиціей мировымъ судьямъ всѣхъ

дѣлъ о нарушеніи постановленій по санитарной части, за исключеніемъ имѣющихъ особо серьезное значеніе и сопряженныхъ съ вредными для жителей Москвы послѣдствіями, или касающихся лицъ, неоднократно нарушавшихъ сіи постановленія.

Приведенный инцидентъ весьма характеренъ для хронологической даты, ему соотвѣтствовавшей, и съ достаточной ясностью иллюстрируетъ то положеніе, что независимый мировой судъ, почитавшій своимъ долгомъ охранять законъ и законность, не стѣснялся тѣмъ, что ему приходилось вступать въ пререканіе съ высшими чинами администраціи и притомъ въ такое время, когда эти пререканія могли быть разрѣшены не въ его пользу не сенатскимъ указомъ, а положеніемъ о чрезвычайной охранѣ съ неменьшей рѣшимостью, чѣмъ самая отмѣна общаго судебнаго порядка, вызвавшая пререканія.

Годы освободительнаго движенія оставили глубокій слѣдъ въ жизни московскаго мирового съѣзда.

Они прежде всего характеризуются идейнымъ подъемомъ, нѣсколько потускнѣвшимъ за предыдущій періодъ, а, затѣмъ, отмѣчаются интенсивной работой мирового съѣзда, направленной къ тому, чтобы уяснить себѣ тѣ основныя положенія, коими въ Судебныхъ Уставахъ утверждалась независимость судей, и опредѣлить, насколько положеніе, отведенное выборному судьѣ Судебными Уставами, ограничиваетъ участіе его въ новой сферѣ политической дѣятельности.

Толчкомъ къ этой работѣ съѣзда послужилъ циркуляръ министра юстиціи отъ 12 октября 1906 г. за № 46603, излагавшій резолюцію общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената отъ 9 октября того же года по вопросу о томъ, въ правѣ ли должностныя лица судебнаго вѣдомства и въ какой мѣрѣ примыкать къ преслѣдующимъ политическія цѣли обществамъ и союзамъ, а также политическимъ партіямъ, и принимать участіе въ ихъ дѣятельности.

Резолюція сената гласила, что судьи не могутъ примыкать къ преслѣдующимъ политическія цѣли партіямъ, обществамъ и союзамъ въ качествѣ членовъ оныхъ и сообщалась министромъ юстиціи гг. предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ съ просьбой предложить это разъясненіе для надлежащаго исполненія, между прочимъ, и мировымъ съѣздамъ.

Въ распорядительномъ засѣданіи 25 ноября 1906 г. московской мировой съѣздъ большинствомъ 32 противъ 22 судей, оставшихся при особомъ мнѣніи, постановилъ: «не принимая къ немедленному исполненію предложенную министромъ юстиціи резолюцію общаго собранія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената, войти съ представленіемъ къ господину министру юстиціи о разъясненіи возникшаго сомнѣнія въ исполненіи означенной резолюціи».

«Изъ заключительной части циркуляра», гласило опредѣленіе распорядительнаго засѣданія съѣзда отъ 25 ноября 1906 г., «явствуетъ, что онъ является распоряженіемъ по вѣдомству, распоряженіемъ, которымъ регулируется дѣятельность должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, выходящая за предѣлы отправленія ими служебныхъ обязанностей. Отсут-

ствіе мотивовъ и ссылки на законъ, какъ въ самомъ циркулярѣ, такъ и въ приведенной въ немъ резолюціи правительствующаго сената побуждаетъ съѣздъ обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ законодательныхъ положеній, которыя нормируютъ частную и общественную дѣятельность судей и полагаютъ предѣлы ея свободѣ въ зависимости отъ носимаго ими званія и существа предоставленной имъ власти, какъ вообще, такъ и въ частности въ отношеніи затронутаго циркуляромъ вопроса о предѣлахъ права судей на участіе въ политической жизни страны. Высочайшимъ манифестомъ отъ 17 октября 1905 г. возвѣщена была непреклонная воля монарха даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ и привлечь къ участію въ думѣ тѣ классы населенія, которыя по закону 6 августа 1905 г. лишены были избирательныхъ правъ. Воля монарха воплотилась въ законодательныхъ актахъ—1) именномъ высочайшемъ указѣ правительствующему сенату отъ 11 декабря 1905 г., въ силу коего избирательное право было предоставлено лицамъ, получающимъ содержаніе или пенсію по службѣ государственной, а, слѣдовательно, и судьямъ, 2) высочайшемъ указѣ отъ 23 апрѣля 1906 г. объ утвержденіи основныхъ государственныхъ законовъ, по ст. 38 которыхъ Россійскіе подданные получили право образовывать общества и союзы въ цѣляхъ непротивныхъ закону». Въ силу приведенныхъ законовъ судьи, какъ таковые и какъ Россійскіе подданные (200 ст. учр. суд. уст.), пріобрѣли избирательное право и гражданскую свободу, однимъ изъ видовъ которой является свобода обществъ и союзовъ. Эта свобода не ограничена для судей спеціальными законами; въ учрежденіи судебныхъ установленій (42, 246 ст.ст.) выражено лишь общее правило, что должность судьи несовмѣстима съ другой должностью по службѣ государственной или общественной; въ III томѣ св. зак. Разд. 3, гл. 5 и 6) въ числѣ ограниченій лицъ, состоящихъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства, не указано ограниченій свободы гражданской, такъ какъ во время изданія этихъ узаконеній о самой гражданской свободѣ не могло быть рѣчи и, наконецъ, подобнаго ограниченія не усматривается въ законѣ отъ 4 марта 1906 г., носящимъ наименованіе временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ. Останавливаясь засимъ на вопросѣ о предѣлахъ власти министра юстиціи, поскольку таковая можетъ проявляться въ затронутомъ циркуляромъ вопросѣ, съѣздъ имѣетъ въ виду, что по ст. 771 учрежд. министерства юстиціи предѣлы власти министра по судебному надзору, равно какъ и отношеніе его къ правительствующему сенату и къ другимъ установленіямъ судебнымъ, опредѣляются по принадлежности въ учрежденіи сихъ мѣстъ и ихъ уставахъ. Въ ст. 295[2] у. с. у. имѣется указаніе на порядокъ, которымъ въ опредѣленныхъ случаяхъ министръ юстиціи осуществляетъ надзоръ за внѣсудейской дѣятельностью судей, но, во-первыхъ, случаи эти таковы, что требуютъ установленія конкретныхъ фактовъ изъ дѣятельности каждаго отдѣльнаго судьи, а, во-вторыхъ, власть министра проявляется лишь въ передачѣ установленныхъ имъ конкретныхъ фактовъ на обсужденіе высшаго дисциплинарнаго присутствія правительствующаго сената. Хотя приведенная статья закона является уже

нѣкоторымъ отступленіемъ отъ общихъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе судебной реформы, когда законодатель главнымъ условіемъ правильнаго судоустройства почиталъ самостоятельность суда и независимость судьи, все же и съ введеніемъ 295² ст. учр. суд. уст. не потеряла значенія основная мысль, изложенная въ объяснительной запискѣ подъ 249 ст. учр. суд. уст. «Чтобы судъ могъ быть самостоятельнымъ, а судья независимымъ», говорится тамъ, «необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія какой-либо личной подчиненности, такъ чтобы надъ ними не было другого начальства, кромѣ судебной власти». «Надзоръ за ними со стороны министра юстиціи долженъ ограничиваться заявленіемъ объ извѣстныхъ нарушеніяхъ закона и установленныхъ правилъ подлежащему суду для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій». Значитъ, 295² ст. учр. суд. уст. не создала для министра юстиціи права преподавать общія указанія судьямъ для руководства въ частной и общественной ихъ дѣятельности»... «Не находя въ законѣ ограниченій гражданской свободы судей, а равно правилъ, предоставляющихъ власти министра юстиціи устанавливать такія ограниченія», съѣздъ полагалъ, «что законнымъ является только одинъ порядокъ ограниченія гражданской свободы судей, указанный въ 10 и 18 ст. ст. основ. зак. 23 апрѣля 1906 г., по которымъ ограниченіе можетъ быть установлено Государемъ Императоромъ въ порядкѣ верховнаго управленія, гдѣ власть Его дѣйствуетъ непосредственно». Судьи, оставшіеся при особомъ мнѣніи, наоборотъ, полагали, что циркуляръ министра и резолюція сената ни съ формальной стороны, ни по существу не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній при ихъ примѣненіи. «Напротивъ, разъясненіе Правительствующаго Сената, которому и предоставлено лишь окончательное толкованіе закона, возбуждающаго сомнѣніе, не создаетъ (въ данномъ случаѣ) никакого закона, а укрѣпляется на существующемъ уже законѣ 4 марта 1906 г. (врем. прав. объ обществахъ и союзахъ)». «Если признать», говорили они, «что высокое званіе судьи требуетъ постояннаго къ нему довѣрія со стороны населенія, что принадлежность его къ той или другой политической партіи и активное участіе въ ней въ качествѣ члена колеблетъ его авторитетъ и ставитъ его въ мѣстѣ служенія въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ безпристрастномъ исполненіи своихъ обязанностей, то преподанное сенатомъ разъясненіе становится совершенно понятнымъ, какъ вполнѣ отвѣчающее цѣлямъ судейской этики. Такое разъясненіе можно только привѣтствовать».

Съѣзду на представленіе его отъ министра юстиціи отвѣта не послѣдовало, а 8 февраля 1907 г. былъ присланъ указъ правительствующаго сената, резолюція котораго помѣщена въ циркулярѣ министра юстиціи. Указъ этотъ былъ доложенъ въ общемъ собраніи съѣзда 17 марта 1907 г. и принятъ большинствомъ къ исполненію, меньшинство же судей осталось при особомъ мнѣніи.

Засимъ 13 судей вошли въ съѣздъ съ представленіями, въ коихъ ходатайствовали представить сенату о возникающихъ сомнѣніяхъ при исполненіи его циркулярнаго указа отъ 5 февраля 1907 г., что было исполнено съѣздомъ и послѣдствіемъ чего былъ указъ правительствующаго сената

по общему собр. отъ 15 октября 1907 г., (сб. № 27). Этотъ указъ сомнѣній не разрѣшилъ и ограничился тѣмъ, что оставилъ доношеніе московскаго столичнаго мирового съѣзда отъ 10 іюля за № 14298 безъ разсмотрѣнія и разъяснилъ съѣзду неправильность его дѣйствій, аргументируя свою точку зрѣнія тѣмъ, что никакой судья не въ правѣ возбуждать сомнѣнія въ правильности посланнаго для исполненія указа правительствующаго сената, почему и московскій столичный мировой съѣздъ не имѣлъ никакого законнаго основанія представлять въ сенатъ представленіе 13 судей о возникшемъ у нихъ сомнѣніи въ отношеніи упомянутаго указа правительствующаго сената.

Мы остановились подробно на приведенномъ инцидентѣ потому, что считаемъ его важнымъ для характеристики мирового института вообще. Прежде всего онъ важенъ потому, что заставилъ мировыхъ судей, каждаго въ отдѣльности и въ коллегіи, вновь укрѣпиться въ тѣхъ началахъ, которыя были положены въ основу независимаго суда, точно выяснить предѣлы и существо власти надзирающихъ за ними органовъ и, если признать, что въ данномъ эпизодѣ многіе судьи впали въ ошибку и въ конечномъ выводѣ правильной можетъ быть названа та точка зрѣнія, которая была усвоена сенатомъ, то и противоположная точка зрѣнія находила себѣ оправданіе. Избираемые органомъ мѣстнаго самоуправленія мировые судьи никогда не чуждались общественной дѣятельности и большая или меньшая часть ихъ всегда принимала дѣятельное участіе въ земской и городской жизни, дозволенное закономъ (Прил. къ 42 ст. учр. суд. уст.). Земская и городская жизнь всегда проходила въ борьбѣ противоположныхъ началъ и въ ней выковывались политическія убѣжденія рѣзко раздѣлявшихся лагерей. Участіе въ этой дѣятельности, освященное закономъ, и никогда не дававшее повода къ нареканіямъ въ пристрастіи, выработало у судей сознаніе, что ихъ судейская дѣятельность стоитъ выше всякихъ подозрѣній, а привычка въ общественной дѣятельности всегда открыто проявлять свои убѣжденія естественно заставляла протестовать противъ ограниченій тѣхъ правъ, которыя казались имъ священными.

Послѣдующія событія показали мировымъ судьямъ, что они вначалѣ не учли съ точностью остроты междупартійной борьбы, и что эта борьба дѣйствительно оказалась въ силахъ навлечь на судъ нареканіе въ отсутствіи безпристрастія.

Самъ мировой судъ такихъ упрековъ не получалъ, но и на немъ стало отражаться, хотя незначительно и рефлекторно, то новое отношеніе къ суду, которое рѣзко разнилось отъ преклоненія передъ этимъ учрежденіемъ со стороны широкихъ общественныхъ круговъ въ первую четверть вѣка жизни новыхъ судовъ.

Заканчивая этотъ краткій очеркъ отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни московскаго съѣзда мировыхъ судей, необходимо отмѣтить невидную для посторонняго наблюдателя, но въ дѣйствительности важную работу, исполненную съѣздомъ въ то время, когда въ молодыхъ законодательныхъ учрежденіяхъ сталъ на очередь вопросъ о реформѣ мѣстнаго суда. Эта работа касалась, главнымъ образомъ, судоустройственной части мѣстнаго суда.

Въ своихъ отзывахъ и замѣчаніяхъ на проекты министра юстиціи и судебной комиссіи государственной думы московскій съѣздъ всецѣло стоялъ за возстановленіе мировыхъ учрежденій по Уставамъ императора Александра II съ выборными продсѣдателями съѣздовъ и всѣми силами возражалъ противъ подчиненія мировыхъ съѣздовъ надзору судебныхъ палатъ и ихъ старшихъ предсѣдателей.

Признавая законъ 15 Іюня 1912 г. о мѣстномъ судѣ громаднымъ пріобрѣтеніемъ по сравненію съ дѣйствующими судебно-административными органами правосудія, московскій съѣздъ скорбѣлъ лишь о томъ, что передъ юбилеемъ судебной реформы объявлялись упраздненными мировые судьи по уставамъ императора Александра II въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще сохранились (см. ст. 3 Полож. о введ. въ дѣйствіе зак. 15 іюня 1912 г. о преобразов. мѣстнаго суда), и видѣлъ въ этомъ стремленіи насильственно прервать преемственную связь между старымъ и новымъ мировымъ судомъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что въ постановленіи, принятомъ московскимъ съѣздомъ мировыхъ судей въ юбилейный день 20 ноября 1914 г., свидѣтельствуя свою безграничную преданность началамъ, воодушевлявшимъ Царя Освободителя и его незабвенныхъ сподвижниковъ по судейской реформѣ, съѣздъ удостовѣрялъ, что въ его опытѣ не было момента, когда бы онъ усумнился въ совершенствѣ началъ, положенныхъ въ основаніе мировыхъ учрежденій Уставами императора Александра II.

А. Мелкихъ. В. Челищевъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Судъ и права личности. *Проф. Н. И. Люблинскій* 1

Общій очеркъ движенія уголовно-процессуальнаго законодательства послѣ 1864 года. *Проф. А. Жижиленко* 41

Общій очеркъ движенія гражданско-процессуальнаго законодательства послѣ 1864 года. *В. С. Малченко* 70

Крестьянскій судъ и судебно-административныя учрежденія. *А. Вормсъ, А. Паренаго* 81

Мировой судъ. *Н. Полянскій* 172

Изъ исторіи мирового суда въ Москвѣ. *А. Мелкихъ, В. Челищевъ* . . 292

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУДЪ МОСКОВСКИХЪ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ:

МОСКОВСКІЙ СТОЛИЧНЫЙ

МИРОВОЙ СУДЪ ЗА 50 ЛѢТЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Территоріальныя границы Московскаго мирового округа и мировыхъ участковъ.
2. Выборы мировыхъ судей.
3. Общія распорядительныя засѣданія съѣзда.
4. Практика мирового съѣзда и сената по надзору за судьями.
5. Комиссіи при мировомъ съѣздѣ.
6. Сенатская практика по уголовнымъ дѣламъ, разрѣшеннымъ Московскимъ мировымъ съѣздомъ.
7. Сенатская практика по гражданскимъ дѣламъ, разрѣшеннымъ Московскимъ мировымъ съѣздомъ.
8. Дѣтскій судъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ I.

9. Московское Городское Общественное Управленіе и мировой судъ.
10. Мировой судъ и московская администрація.
11. Мировой судъ и прокуратура.
12. Мировой судъ и адвокатура.
13. Мировой судъ и общественное мнѣніе.
14. Ревизіи сената.

ЧАСТЬ II.

15. Судебные пристава при мировомъ съѣздѣ.
16. Канцеляріи мировыхъ учрежденій.
17. Практика съѣзда по надзору за судебными приставами и частными повѣренными.
18. Архивъ мироваго съѣзда.
19. Мѣста заключенія.
20. Данныя и выводы статистики.
21. Общій обзоръ дѣятельности съѣзда за 50 лѣтъ.

ЧАСТЬ III.

22. Біографіи, мемуары.
23. Біографическія справки.

Редакціонную комиссію составляютъ мировые судьи:

Э. Э. Маттернъ, А. М. Мелкихъ, Н. Н. Полянскій, Н. Н. Шемшуринъ, В. Н. Челищевъ.